

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

DIALOGUE WITH TIME

Intellectual History
Review

15

URSS
Moscow • 2005

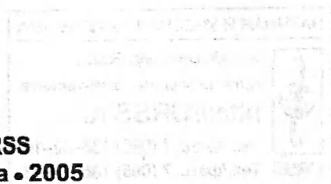
*Будем же измерять время
мерой духовной!*
(Р.Эмерсон)

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

**Альманах
интеллектуальной истории**

15

URSS
Москва • 2005

ББК 63.3

Главный редактор

Л. П. РЕПИНА

Рецензенты:

доктор исторических наук М. П. Айзенштат

кандидат исторических наук О. В. Шнырова

Редакционная коллегия:

М. С. БОБКОВА, П. П. ГАЙДЕНКО, И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Г. И. ЗВЕРЕВА,

С. Я. КАРП, М. С. ПЕТРОВА (ответственный секретарь), Е. И. ПИВОВАР,

В. И. УКОЛОВА, С. А. ЭКШТУТ, А. Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 15.
М.: КомКнига, 2005. — 416 с.

ISBN 5-484-00213-3

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 15.
Moscow: KomKniga, 2005. — 416 p.

Dialogue with Time is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Издание осуществлено с готового оригинал-макета.

Издательство «КомКнига». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Подписано к печати 21.07.2005 г. Формат 60×90/16. Тираж 600 экз. Печ. л. 26. Зак. № 160.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 5-484-00213-3

© Коллектив авторов, 2005

© Институт всеобщей истории РАН,
1999 (год основания), 2005

© КомКнига, 2005

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (095) 135-42-16
	URSS Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

3410 ID 29419

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л.П. Репина

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЗАДАЧИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В последние годы в многочисленных публикациях, касающихся анализа текущего состояния исторической науки, можно обнаружить позитивный симптом: не имевшее конкурентов на протяжении десятилетий однозначное определение его термином «кризис» стало уступать свои позиции. Все чаще важнейший признак современного исторического знания, а точнее – знания о прошлом, обозначается понятием *интердисциплинарности*.

Понятие *interdisciplinarity*, обычно переводимое на русский язык как «междисциплинарность», вошло в активный оборот во второй половине XX века и вот уже несколько десятилетий представляет собой неотъемлемую характеристику состояния социально-гуманитарного знания и научного знания как такового. За это время в результате целого ряда познавательных «поворотов» и «революций» в интеллектуальной сфере многое изменилось в конфигурации междисциплинарного взаимодействия, в подходах к изучению прошлого, в концептуально-методологическом оснащении и в понимании самого предмета, а также дисциплинарного и общественного статуса исторической науки. Отражая смену эпистемологических ориентиров само понятие междисциплинарности не раз меняло свое содержательное наполнение.

Траектория развития интердисциплинарных исследований – как на «перекрестках» социально-гуманитарных наук, так и в общем пространстве научного знания – требует своего анализа и осмысления. И эта трудная теоретическая задача (с легко прогнозируемым практическим потенциалом) стоит сегодня перед интеллектуальной историей.

Систематический анализ разнообразных исследовательских практик, опирающихся на междисциплинарные подходы, и многочисленных теоретико-методологических дискуссий об эффективности и границах их применения в разных областях исторического знания мог бы дать необходимый материал для создания в русле интеллектуальной истории важного и, безусловно, актуального раздела – «истории интердисциплинарности».

Современная история междисциплинарности в интеллектуальном контексте истории понятий может быть условно описана как последовательный транзит: от «интердисциплинарности» (или «мультидисциплинарности») – к «трансдисциплинарности». Многочисленность терминов, употребляемых сегодня для обозначения взаимодействия наук, – это вовсе не игра в слова. Терминологические «эксперименты» такого рода отражают стремление исследователей обозначить важнейшие качественные отличия в применяемых ими подходах.

Предполагаемая «история интердисциплинарности» должна начинаться не с середины XX века, когда междисциплинарность была сформулирована как ключевая методологическая проблема, а гораздо раньше: для того, чтобы «докопаться до корней» (без чего нельзя понять суть изучаемых явлений и процессов), ей следует «заглянуть» в так называемый «донаучный» период истории историографии, т.е. во времена, предшествующие ее становлению в качестве академической дисциплины, в «до-дисциплинарную» эпоху существования нерасчлененного социально-гуманитарного знания. Ведь историческая наука собственно и возникла на «междисциплинарной основе», опираясь на достижения целого ряда специальных дисциплин, больше известных под несколько уничижительным названием *вспомогательных*, а также на достижения филологического анализа. Несмотря на кажущийся парадокс и «привкус» модернизации, обращение к этому «архаическому периоду» истории интердисциплинарности способно пролить свет не только на многие проблемы ее «новой» и «новейшей» (современной) истории, но, возможно, и на будущие перспективы.

Оставив пока в стороне «архаический период», обратимся к «новому времени» в истории интердисциплинарности. Во второй половине XIX века, когда только формировались разные общественные науки, уже вполне явно проявлялось стремление к междисциплинарному взаимодействию, которое, однако, понималось практически однозначно как заимствование «чужих» эмпирических данных и наблюдений. Метод, основанный на всеобъемлющем сравнительном анализе, позволял сгруппировать социальные науки вокруг социологии и свести историю, географию, социальную статистику и этнографию к разряду вспомогательных дисциплин, располагающих базой эмпирических фактов, но лишенных способности объяснять их и потому не обладающих подлинной самостоятельностью. Позднее, основатели «Анналов» М. Блок и Л. Февр, придавая особое значение преодолению перегородок между разными сферами интеллектуального труда, призывали каждого специалиста пользоваться опытом смежных дисциплин, но при этом

как бы переворачивали воображаемую дисциплинарную иерархию, считая, что именно история должна превратиться в «сердцевину» наук о человеке. Несомненно, их амбициозный проект намного превосходил реальные возможности междисциплинарного диалога, какими они сложились в первой половине XX столетия.

Более привычный способ взаимодействия, который можно определить как «академическую клептоманию», преобладал вплоть до начала «новой истории интердисциплинарности», когда после длительного периода дифференциации и поисков автономии все дисциплины, наконец, «ощутили потребность в единстве, и на место «академической клептомании», которая состоит в том, что у других наук заимствуются их наблюдения, пришло требование «междисциплинарного подхода»...»¹. Возникший в 1960-е гг. принципиально новый тип отношений между историей и общественными науками основывался на взаимном убеждении в необходимости интегрального подхода к изучению прошлого. В 1970 г. основатели международного «Журнала интердисциплинарной истории», открывая его первый номер и подчеркивая значение того позитивного импульса, который был задан исторической науке в результате заимствования достижений смежных дисциплин, отнюдь не случайно сравнили этот процесс с *перекрестным опылением*.

Отмеченная в 1970 г. тенденция в прошедшие с тех пор десятилетия не только сохранялась, но набирала силу, а «перекрестное опыление» на ниве социально-гуманитарного знания охватывало все более обширные исследовательские поля, формируя в этом интеллектуальном пространстве новые, по существу *наддисциплинарные* предметные области, например, такие как *peasant studies, women's studies, cultural studies, gender studies*. На международном уровне реально возник и даже был институционально зафиксирован (но не в нашей стране) новый ландшафт науки, а с ним и новая классификация учебных дисциплин.

Вторая половина XX века была отмечена сложными процессами специализации, внутренней дифференциации, кооперации и реинтеграции различных научных дисциплин и субдисциплин, которые не только ставили перед профессиональным сознанием включенных в этот процесс обществоведов и гуманитариев новые теоретико-методологические проблемы, но и создавали серьезные напряженности в академической среде. Своего пика новое движение достигло в 1970-е гг., когда на первый план выдвинулась задача интенсивного развития межнаучной кооперации и

¹ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. С. 193.

внедрения в историографию системных и структурных методов исследования, методики и техники количественного анализа: способ междисциплинарного взаимодействия заключался в применении исследовательского инструментария, заимствованного у смежных социальных наук.

Познавательный идеал того времени воплощался в социологии, а создание принципиально новой исторической науки (она называлась по-разному – социальная, социально-теоретическая, социологическая, социально-структурная) виделось на путях междисциплинарного синтеза, который в свою очередь требовал новой исследовательской программы и формы изложения результатов исследования, адекватной общим канонам социального анализа. Однако историки редко задумывались о том, в какой степени методы дисциплин, предмет изучения которых обычно рассматривается в одном временном измерении – текущего настоящего, адекватны познавательной специфике истории как науки о прошлом. Обнаружить источники движения и изменения *внутри* предмета исследования с помощью структурно-ориентированных подходов было невозможно.

В начале 1980-х годов силовые линии междисциплинарного взаимодействия сосредотачиваются в пространстве исторической антропологии, происходит решающий сдвиг от структурной к социокультурной истории, связанный с распространением методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики (прежде всего в истории ментальностей и народной культуры), с формированием устойчивого интереса к микроистории, с «возвращением» от внеличностных структур и процессов к индивиду, к анализу конкретных жизненных ситуаций и повседневного опыта прошлых поколений.

«Новая историческая наука» 1970–80-х годов – это уже была в полном смысле слова история интердисциплинарная, причем новизна междисциплинарной ситуации состояла в том, что в центре внимания оказались не только методики, но и объекты научных интересов других дисциплин (именно сам объект исследования стал конструироваться как поли/мультидисциплинарный), что привело к переменам революционного масштаба в предметной области истории: в результате интенсификации междисциплинарных взаимодействий резкое расширение предмета истории, круга источников и методов исследования вызвало появление множества новых «гибридных» субдисциплин и значительное усложнение структуры исторической науки. Парадокс заключался в том, что вместо решения центральной познавательной проблемы интердисциплинарной истории – нового исторического синтеза, сло-

жившаяся ситуация свидетельствовала о нарастающей фрагментации исторической науки.

На рубеже 1980-х и 1990-х годов междисциплинарный проект «Анналов» потребовал переоценки в свете «нынешнего расположения звезд на научном небосклоне». В известных редакционных статьях 1988-89 гг. речь зашла о решительном переопределении целей и средств междисциплинарности, о пересмотре сложившейся системы междисциплинарного обмена, о поиске «новых союзников» и «новых оснований, на которых должны базироваться ремесло историка и диалог с социальными науками» при условии сохранения каждой дисциплины ее идентичности:

«Вряд ли здесь стоит возвращаться к традиционным связям исторической науки, когда она, поочередно или одновременно, получала новый импульс от географии, социологии или антропологии. Мы хотим иных свидетельств, иных исследований, идущих с периферии. На границах нашей дисциплины есть провинции, входящие в сферу интересов истории, которая, что любопытно, так и не сумела подчинить их своему владычеству: это история искусства, история науки, история некоторых наиболее удаленных от нас культурных ареалов. Вместе с тем все чаще предпринимаются попытки освоить новые фронты исследования – от ретроспективной эконометрии до литературной критики, от социолингвистики до политической философии, и многие другие, – о плодотворности которых говорить пока рано. Как писать историю на стыке этих дисциплин? Как здесь осуществляются – или не осуществляются – междисциплинарные связи: каковы формы перекрестных вопросов, какими пределами они ограничены и какие результаты преследуют?»²

«Междисциплинарность – это один из способов взаимодействия различных специализированных научных практик. Подобные связи, их природа, функции, продуктивность зависят как от сложившегося на данный момент соотношения между дисциплинами, так и от их собственной эволюции. С начала века это соотношение изменилось... никогда еще, быть может, ограничения, накладываемые специализацией, не были так мало ощутимы. Сейчас не только повсюду получили распространение элементы единой общей культуры, но и исследовательские практики все чаще требуют компетентности в таких областях, которые отнюдь не укладываются в рамки установленных границ. Историки сегодня охотнее работают на стыке разных дисциплин, стараясь сделать реальность, выступающую предметом анализа, сложнее и богаче. Для такой цели все средства хороши, и по-видимому, отныне проблему дисциплинарных границ можно считать закрытой»³.

² История и социальные науки: поворотный момент [1988] // Анналы на рубеже веков. Антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 2002. С. 13.

³ Попробуем поставить опыт [1989] // Анналы на рубеже веков... С. 21.

И, тем не менее, именно в это время наиболее остро и вполне обоснованно был поставлен вопрос о дисциплинарной идентичности и суверенной территории истории:

«Что ж, историку ничего не остается, как только сделать свою территорию открытой для экуменической практики любых гуманитарных наук, предварительно научив всех приемам извлечения и обработки древних источников? Тогда возникает опасность, что во владениях истории останутся одни антропологи, экономисты и социологи прошлого. Опасность – ибо... передача новых идей предполагает разницу потенциалов. Сегодня, когда некоторые сомневаются в способности социальных наук объяснять мир, нужно, как это ни покажется парадоксальным, поднять голос за сохранение каждой отдельной дисциплиной ее идентичности»⁴.

«По нашему мнению, связь между отдельными дисциплинами, вопреки очевидности, не стоит понимать как их гомологичность или конвергенцию: сегодня полезно подчеркнуть специфику каждой дисциплины, и даже их несводимость друг к другу... Междисциплинарность, позволяя взглянуть на вещи с разных точек зрения, устанавливает критическую дистанцию по отношению к каждому из способов представления реальности и, быть может, дает нам возможность не оказаться в плену ни у одного из них. Она должна помочь нам мыслить иначе»⁵.

В 1990-е годы происходят серьезные изменения в результате «лингвистического поворота», однако именно на основе историко-антропологического подхода интердисциплинарная история в конце XX века совершает свой очередной виток – «культурологический» поворот, который привел к оформлению социокультурного подхода к изучению исторического прошлого с новой масштабной задачей – раскрыть культурный механизм социального взаимодействия. Большие надежды стали возлагаться на новую парадигму анализа, способную учесть творческую роль личности и механизм принятия решений индивидом и призванную таким образом обеспечить синтез индивидуального и социального в истории. В этой исследовательской ситуации все явственнее ощущается перенос значения с дисциплин на проблемы, которые формулируются, по существу, как трансдисциплинарные: это проблемы, которые в принципе не могут быть поставлены в конституированных дисциплинарных границах. Последние вообще теряют свою актуальность в познавательной ситуации, чего пока не скажешь о ситуации социальной (и в науке, и в образовании).

Говоря о междисциплинарности как проблеме исследований в рамках интеллектуальной истории, следовало бы, наверное,

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 22.

прежде всего определиться с тем, что такое «научная дисциплина» и «дисциплинарность».

Как обычно определяется научная дисциплина в современных учебниках и учебных пособиях? Это делается, как правило, через выделение и описание специфического объекта и предмета исследования. Иногда самоидентификация новой дисциплины превращается в серьезную проблему, в сложный и противоречивый процесс. Здесь ярким примером могут служить дискуссии об объекте и предмете исторической культурологии. С одной стороны, предлагается дефиниция ее объекта как «всей совокупности явлений истории культуры, рассматриваемых с точки зрения их социальной значимости, распространенности, типичности, а также возможности быть аналитически смоделированными». Предмет исследований при этом определяется как историческая динамика и типология культуры. С другой стороны, оппоненты утверждают, что «история культуры и историческая культурология имеют один объект исследования – культуру – и тождественные предметы исследования – различные элементы культуры в их историческом разнообразии и динамике»⁶.

«Дисциплина» в академическом смысле – это отрасль знания, характеризующаяся специфической совокупностью концепций и подходов. Важные детерминанты каждой дисциплины – *ее история/собственное прошлое* и *ее институты/организационная структура*, которая изменяется с течением времени. Важно отметить, что научные дисциплины имеют тенденцию ранжироваться в рамках некоторой академической иерархии.

Вернемся в этой связи в далекое прошлое – к научной революции XVI – XVII вв. и вспомним Бэконовский проект пересмотра и реформирования системы научных дисциплин. Френсис Бэкон придерживался именно системного подхода к представлению научного знания. Его труд «Преумножение знания» предполагает описание системы дисциплин с точки зрения охвата всех областей знания, недостаточность которого должна быть устранена, а пробелы заполнены новыми дисциплинами. Модель дисциплин Бэкон заимствовал из различных свойств человеческого разума: мышление/философия – воображение/поэзия – память/история.

Современными специалистами по истории науки активно обсуждается вопрос «возможна ли дисциплинарная история», который ставится и решается по-разному. Интересно, однако, то, что в отношении истории исторической науки этот вопрос вообще не

⁶ Интернет-конференция «Историческая культурология: предмет и метод» (2002 г.). См.: <http://www.auditorium.ru/conf15>.

ставится: историография этой древнейшей отрасли знаний, как явствует из содержания многочисленных обобщающих работ и учебных пособий, никогда не ограничивалась «дисциплинарными» рамками, захватывая достаточно обширные территории интеллектуального ландшафта разных эпох⁷.

Длительный процесс специализации и возведения «интеллектуальных стен» между дисциплинами привел к невозможности войти в исследовательское пространство другой дисциплины на профессиональном уровне. Между тем на определенном этапе зрелости научного знания стало все труднее делать новые открытия и прорывы в рамках своей специальности. Уже многие годы новые открытия в естественных науках делаются в результате «наведения мостов» между разными и зачастую совершенно далекими друг от друга дисциплинами⁸.

В современном науковедении в качестве общего названия различных форм исследования, выходящего за рамки одной дисциплины, принят термин *кросс-дисциплинарность* («кросс-дисциплинарные исследования», «исследования, ставящие кросс-дисциплинарные задачи»). Коллективные «кросс-дисциплинарные исследования» различаются по своим организационным формам. Выделяются мультидисциплинарные, интердисциплинарные и трансдисциплинарные исследования. В таком порядке указанных форм кросс-дисциплинарность варьируется по степени интеграции сотрудничающих дисциплин: от низшей ступени к высшей. Как *мультидисциплинарные* обозначаются исследования, участники которых работают практически независимо друг от друга (параллельно или последовательно), опираясь на собственную дисциплинарную базу для решения общей проблемы. Кросс-дисциплинарная задача решается как бы «по кусочку», по дисциплинарным частям, перед каждым специалистом ставится какая-то частная задача, которая и решается им отдельно от остальных. Для проведения *интердисциплинарных* исследований создается смешанная команда. Специалисты работают совместно, изучая взаимосвязанные аспекты общей проблемы, но все еще опираются каждый на свою дисциплинарную базу. В таком случае обычно предпринимаются попытки выстроить общую перспективу, но при

⁷ Это тем более относится к истории *истории идей*, которая рассматривается – от античности до современности – как история взаимодействия многих дисциплин, пересекающихся в ее предметном поле.

⁸ Например, дарвиновская теория естественного отбора представляла собой аналогию экономической конкуренции на свободном рынке, описанной Адамом Смитом.

этом некоторые важные дисциплинарные поля могут быть опущены. Что касается трансдисциплинарных исследований, то участвующие в них специалисты работают совместно, используя общий концептуальный аппарат, объединяя теории, концепции и подходы отдельных дисциплин для решения общей проблемы. Здесь непременно имеет место попытка определить исследовательскую проблему в ее целостности, с учетом всех ее сторон и направить соответствующие дисциплинарные перспективы, методы, концепции в русло разработки общего подхода. Сложность как раз и состоит в том, что исследователям предстоит разработать общую методологию, создать общую базу данных и определиться с подходом к их интерпретации. Впрочем, рассматривая типологию так называемых кросс-дисциплинарных исследований, необходимо помнить о ее условности: речь не может идти о непроходимых границах между их различаемыми по степени интеграции формами. Кроме того, некоторые современные так называемые «дисциплины» или даже «субдисциплины» сами по себе уже являются интердисциплинарными образованиями, что в полной мере относится и к системе социогуманитарного знания.

В целом, сравнительный анализ ситуаций, сложившихся в конце 1960-х – начале 1970-х гг., во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг., в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и на самом рубеже двух веков, а также сопровождавших их трансформацию бурных дискуссий о предмете и методах смежных наук, фиксирует расхождения и изменения в самом понимании междисциплинарности, в отношениях между отдельными дисциплинами, в конфигурациях исследовательских полей и в «расстановке сил» в мире наук о человеке и обществе. Интересно, что в отличие от представителей других дисциплин, историки далеко не сразу обратили внимание на те следствия для самой проблемы междисциплинарности, которые вытекали из теории «эпистем» Мишеля Фуко.

Место истории, в определении Фуко, «не среди гуманитарных наук и даже не рядом с ними». Она вступает с ними в «отношения, более глубокие, нежели отношения соседства в некоем общем пространстве... Поскольку исторический человек – это человек, который живет, трудится и говорит, постольку всякое содержание истории отправляется от психологии, социологии, наук о языке. И наоборот, поскольку человеческое существо становится насквозь историческим, никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движение Истории... Таким образом, История образует "среду" гуманитарных наук».

⁹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 385–389.

В связи с формированием постмодернистской парадигмы и изменениями в общей эпистемологической стратегии гуманитарных наук произошел переворот в профессиональном сознании и самосознании историков: постмодернистский вызов заставил пересмотреть традиционно сложившиеся представления о собственной профессии, о месте истории в системе гуманитарного знания, о ее внутренней структуре и статусе ее субдисциплин, о своих исследовательских задачах. И не в последнюю очередь – о приемлемом модусе сосуществования в заметно уплотнившемся интердисциплинарном пространстве. Проблема складывания новых междисциплинарных, по своему происхождению, сообществ начинает занимать достойное место в современных историко-научных исследованиях.

Вызывает интерес и сама проблема соотношения между исследовательскими полями и дисциплинами. Чтобы обеспечить развитие новых интегрированных исследовательских полей, нужна скорее динамическая, нежели статическая концепция системы научного знания, а в образовании – более гибкая система классификации специальностей. Одно дело – первоначальная специализация в форме новой предметной ориентации отдельных исследователей и первичная институционализация выделившихся исследовательских полей через создание ассоциаций ученых, а другое – последующий этап ее закрепления на более прочной основе, в формальных университетских структурах. При этом многие специализированные дисциплины имеют общий теоретический, методологический и концептуальный арсенал, т.е. общее направление развития, и различаются лишь по специальной предметной области, что в принципе создает предпосылки не только для плодотворного сотрудничества между разными внутридисциплинарными специализациями и так называемыми гибридными дисциплинами, но и для последующей реинтеграции. Вместе с тем, несмотря на всю междисциплинарную риторику, скроенные по старым образцам академические структуры отнюдь не потеряли своей прочности, сохраняя уходящие своими корнями в XIX век границы между различными дисциплинами. Вот почему оценки междисциплинарных подходов постоянно колеблются между двумя крайностями: прославлением грядущего «золотого века» и разочарованием в полученном опыте. Между тем интеллектуальные контексты их бытования и динамика трансформации в разных сегментах системы научного знания остаются практически неизученными.

ИДЕЯ ВРЕМЕНИ

М.В. Бибиков

ВИЗАНТИЙСКИЙ ЭОН (ΑΙΩΝ) В ДИАЛОГЕ СО ВРЕМЕНЕМ: ОНТОЛОГИЯ ВЕЧНОСТИ

Первый византийский церковный историк, создатель христианской хронологии, бывший свидетелем утверждения христианства в современном ему мире и биографом первого византийского императора-основателя православной империи – Константина Великого, Евсевий, епископ Кесарии Понтийской (или, по-старому, Стратоновой) на Палестинском побережье, был и признанным оратором (что естественно для церковного пастыря), составителем похвальных речей – евлогиев и пространных изложений. Так, он сочинил как бы от имени императора Константина (что было обычаем в византийских условиях: большинство из прославленных писателей и риториков считали за честь быть царскими «спичрайтерами», хотя традиция при этом не скрывала от потомков имен истинных составителей речей) Слово «Ad Sanctorum coetum» – Βασιλέως Κωνσταντίνου Λόγος ὃν ἔγραψε «Τῷ τῶν ἁγίων συλλόγῳ»¹. 17 сентября 335 г. он произнес Слово на Гроб Господень². Одно из его сочинений подобного рода имело особое значение. Оно было приурочено к празднованию тридцатилетия правления самого Константина 25 июля 336 г. В «Жизнеописании Константина» Евсевий также сообщает, вспоминая это событие, что он внёс посильную лепту в торжества, составив речь, произнесенную им перед василевсом, а затем оглашенную и публично «во славу Божию», чем порадовал императора³. Скорее всего здесь имеется в виду Похвальное слово на тридцатилетие правления Константина – «Εἰς Κωνσταντῖνον τὸν βασιλέα τριακονταετηρικός»⁴.

¹ PG 20, 1233–1316.

² Ibidem, 1375–1440.

³ De vita Constantini, 139.25–140.5: 46.

⁴ PG 20, 1315–1374: "De laudibus Constantini"; Drake H.A. In Praise of Constantine // A Historical Study and New Translation of Eusebius' Tricennial Orations. Berkeley; Los Angeles; London, 1976.

В панегирике прославление правления Константина естественно вписывается в тринитарно-христологический контекст. Тем более естественно, что к моменту произнесения речи еще свежи были в памяти арианские дискуссии созванного самим Константином Первого вселенского собора в Никее, в котором активное участие принимал и сам Евсевий. В том же 336 г. не менее острые дебаты имели место на Константинопольском соборе, где Евсевий выступил против Маркелла Анкирота, а примерно за год до того, в 335 г., добился детронизации Афанасия Александрийского, — последовательно исповедовавших православное учение о единстве во Христе Божественного и человеческого начал.

Об этом нельзя не вспомнить, читая текст энкомия Константину. С одной стороны, оратор в традициях византийской императорской идеологии (Kaiseridee) проводит параллель между славой царя земного и Царя Небесного (βασιλέως τοῦ ἀνωτάτου), когда «Царь всего» (τὸν πάντων βασιλέα) является примером для подражания (дословно, «парадигмой») для «нашего» императора (τοῦ τε καθ' ἡμᾶς βασιλικοῦ παραδείγματος — 1317С). От Бога-Слова (т.е. Христа), — единородного Сына Божьего (αὐτοῦ μονογενῆς Λόγος), освященного Славой Отца (τῇ τοῦ Πατρὸς καθωσιωμένος τιμῇ) и прославляемого вослед Царствию Отца (δευτερείοις δὲ τῆς Πατρικῆς βασιλείας ἐνδοξαζόμενος — 1324В), — неся образ («икону») Горнего Царства (παρ' οὗ καὶ δι' οὗ τῆς ἀνωτάτω βασιλείας τὴν εἰκόνα φέρων), боголюбивый василевс (ὁ τῷ Θεῷ φίλος), уподобившись Всевышнему (κατὰ μίμησιν τοῦ κρείττονος), ведет, держа бразды правления всего земного (τῶν ἐπὶ γῆς ἀπάντων τοὺς οἰακὰς διακυβερνῶν ἰθύνει — 1324С). Здесь налицо все атрибуты императорской номенклатуры дифирамба, — и уподобление («мимесис» — важнейшая категория византийской идеологии!) императора Христу, и устройство власти земной по образу («иконе» — еще одна из главных категорий византийского менталитета) Царствия Небесного, и метафора, ассоциирующая императорское правление с уверенным («прямым») ведением конной колесницы. К подобным тропам Евсевий еще не раз вернется в своей объемной речи.

С другой стороны, наряду с Богом в его главных ипостасях, уже в начале сочинения в качестве силы, непосредственно причастной к устройению всего, в том числе и власти, как божественной, так и императорской, Евсевием выводится «зон» — αἰών, — категория, трудно передаваемая одним словом на любом современном языке. То, что понятия «век», «вечность» или даже «эра» явно не достаточны для понимания места этой категории в системе визан-

тийской онтологии времени и пространства, доказывает рассматриваемое Слово Евсевия, написанное, с одной стороны, в самом начале тысячелетнего пути византийской словесности, с другой же, – вобравшее в себя многовековой опыт греческой античной философии и ближневосточных верований и религиозных систем.

В первой же главе речи ритор в связи с упоминанием Господа и Царствия Божьего развивает тему мирового устройства, небесного строения и движения мира во времени и пространстве. «Всеосвещающее Солнце, проходящее длинный век («Эон»), знает только Его – единого Господа и, повинаясь его мановению, не дерзает никогда выступить из своих пределов (1321В). И Луна, уступающая свету Солнца, и то убывающая, то вновь возрастающая в соответствии с периодами времени (χρόνων τε περιόδοις), послушна Божественным удилам. Его как подателя всевозможных светов (τῶν πάντων δοτῆρα φάτων) и краса неба, сияющая блеском хоровода звезд, двигаясь согласно с тактом и гармонией (βαίνοντά τε σὺν τάξει καὶ ἁρμονίᾳ) и отмеряя свои круги (τοὺς αὐτῶν ἀναμετρούμενα κύκλους), и все вместе небесные светила прославляют, сочиняя (συνταξάμενοι) единую мелодию по Его мановению и слову, совершая длинный путь кругами пространных Эонов (μακρῶν αἰώνων κύκλοις δολιχὸν ἐξανύοντες δρόμον) и состязаясь в конных ристалищах на эфирных поприщах (αἰθερίων σταδίων διηπλεῦψιν ἀγῶνας). Попеременные движения ночей и дней, смены часов и сроков, ритмы и порядки целого восхваляют многоразличную Премудрость неисчислимо великой силы (νυκτῶν τε καὶ ἡμερῶν ἀμοιβαῖοι κινήσεις, ὥρῶν τε καὶ καιρῶν μεταβολαί, ῥυθμοί τε καὶ τάξεις τοῦ παντός τῆς ἀπειρομεγέθους δυνάμεως τὴν πολυποίκιλον σοφίαν γεραίρουσιν). Ему возносят и должное и подобающее Ему Божье слово (θεολογίαν) и невидимые силы (δυνάμεις ἀφανεῖς), шествующие кругом по небесным воздушным полям» (1321С–1324А).

«Этого Великого Царя прославляет в гимнах и сам весь космос («вселенная»: καὶ αὐτὸς ὁμοῦ ἀνυμνεῖ κόσμος – 1324А). Его воспевают неизреченными гимнами воинства ангелов, богословствуя о Духе – порождении умственного света и о своем родителе. Его называют великим Владыкой и Господом и вневременные «Зоны», те, что прежде этого неба и прежде космоса, а также и другие безмерные «Зоны Эонов», те, что прежде всякой видимой сущности» (τοῦτον αἰῶνες ἄχρονοι πρὸ οὐρανοῦ τοῦδε καὶ πρὸ κόσμου, ἄλλοι τε τοῦτον ἄπειροι αἰῶνες αἰώνων, πρὸ πάσης τῆς τῶν ὀρατῶν ὑποστάσεως, μόνον καὶ μέγαν Δεσπότην καὶ Κύριον ἐπιγράφονται. – 1324А).

Итак, текст вводит нас постепенно в сферу гностических учений, представляющих различные божественные ипостаси, в част-

ности, учение об Эонах, сущих до сотворенного мира и исходящих от Бога, так и об Эонах, находящихся между горними и земными мирами и связующими их. Этот сюжет был в свое время прекрасно проанализирован в связи с панегириком Евсевия Н.В. Брагинской⁵, к статье которой и следует в данной связи апеллировать. Юбилейным речам Евсевия посвящает свою монографию и Х. Дрейк⁶, чьи комментарии также следует принять во внимание в данной связи.

Вновь обратимся к тексту кесарийского епископа. Тема «Эона» получает далее еще более детальную разработку в связи с христологией Евсевия. Единородный Сын Божий – Логос соцарствует (*συμβασιλεύων*) со Своим Отцом – «из безначальных веков («эонов») во веки безмерные и бесконечные» (*ἐξ ἀνάρχων αἰώνων εἰς ἀλείρους καὶ ἀτελευτήτους αἰῶνας* – 1324A). Здесь, наряду с причастностью «эонов» к царствованию Бога-Отца и Бога-Сына, что дополняет рассмотренную выше иерархическую картину высших сил у Евсевия, выдвигается и важный, как будет видно из дальнейшего анализа, тезис о безначальности, с одной стороны, и безмерности и бесконечности, – с другой, «эонов». Таким образом, устанавливается как бы особое положение изучаемой категории в отношении христианского догмата о Творении, о тварности всего сущего, сотворенного в определенных пространственно-временных границах Создателем.

Эти рассуждения выводят затем автора речи и его читателя (слушателя) на необходимость представить общую картину мироздания, раскрыть процесс сотворения вселенной, её устройства. Данным вопросам посвящена специальная, шестая, глава рассматриваемого сочинения, которую особенно важно проанализировать, учитывая, во-первых, что к моменту произнесения Речи на тридцатилетие правления Константина уже установился определенный канон греческой Библии, включая текст первой части Ветхого Завета – Бытия, где также речь идет о космогонии и творении Богом вселенной, по крайней мере, в том виде, в каком этот текст сохранился в составе древнейшего дошедшего до нас греческого списка Библии – Синайского кодекса (*Cod. Sinaiticus* первой трети IV в.), созданного, по-видимому, как раз в определенной связи с созывом Первого вселенского Собора в 325 г.; во-вторых, что сам Евсевий принимал участие в выработке православной христологической формулы на этом Соборе; в-третьих, что он, с другой

⁵ Брагинская Н.В. Эон в «Похвальном слове Константину» Евсевия Кесарийского // *Античность и Византия*. М., 1975. С. 286–305.

⁶ Drake H.A. *Op. cit.*

стороны, был обвинен в пристрастии к арианству, должен был искать средства для восстановления своего реноме лояльного ортодокса, но тем не менее впоследствии, на Втором Никейском соборе в 787 г. последовал церковный запрет цитировать труды Евсевия как про-арианские и иконоборческие. Наконец, один из последователей кесарийского церковного историка – Сократ Схоластик, видимо, не случайно назвал отца христианской хронологии «двуязычным»⁷. «Двуязычной», по замечанию Н.В. Брагинской, предстает перед нами и шестая глава его Похвального слова Константину. В ней «Эон» вступает в диалог со временем. Для этого вводятся и различные категории меры, числа и формы.

Вновь возвращаясь к теме вселенского («космического») праздника тридцатилетия, ритор говорит о прошествии «трех кругов (κύκλους) декад» (т.е. трех десятилетий, 1340В). Автор развивает тему, намеченную в самом начале: каждый из долгих «периодов» единой державы («монархии») Константина составляет десятилетие (ἐφ' ἑκάστη περιόδῳ δεκαετοῦς πανηγύρεως – 1328С), и каждая из этих декад отмечена рождением сыновей-наследников; и вот уже четвертый период начал свой круг, словно растягивая время в пространстве (ὡς ἂν τῶν χρόνων εἰς μῆκος ἐκτεινομένων), умножая царство приобщением рода... Теперь же автор вновь буквально в тех же словах повторяет мысль о том, что правление Константина не ограничивается тремя десятичными периодами (μὴ ἀπαρκεῖν τρεῖς ἐν δεκάσι περίοδοις), но, расширяясь (μένειν δὲ αὐτὴν ἐπὶ μήκιστον), переходит в долгий век – «эон» (εἰς μακρὸν παραλέμπειν αἰῶνα – 1340В).

Далее следует экспликация космогонического учения об Эоне-«вечности». Целокупный же Эон (Αἰὼν δ' ὁ σύμπας), нестареющий и нескончаемый (ἀγήρωσ καὶ ἀτελεύτητος), чье ни начало, ни пределы не дано постичь разумением смертных (οὐτ' ἀρχῆ, οὔτε περιγραφῆ θνητῶν λογισμοῖς πεφυκῶς ὁράσθαι), ни даже определить его средоточие (местоположение) (его «срединный центр»: οὐδ' ἐκ μέσου κέντρου λαμβάνεσθαι – 1340С); «целокупный (или «всецелый») Эон» сопоставим, возможно, с вышеупомянутым Эоном Эонов. Здесь же Евсевий выдвигает тезис о бесконечности его во времени и пространстве и логической непостижимости. Временные характеристики зона конкретизируются (а точнее, еще более де-конкретизируются): желающим его (Эон) «ощутить» он не предстает ни определяемым как настоящее, ни будущим и ни прошедшим во времени, – ведь что прошло, того нет, а будущее еще не насту-

⁷ Socr. H. eccl. 1, 23.

пало, так что и его нет; определение же его как настоящее ускользает быстрее слова вместе с мыслью и звуком. Его вообще нельзя постичь иначе, чем как сущее (т.е. «вечное» – М.Б.). Так что приходится либо ожидать будущее, либо следить за прошедшим, что бежит и вместе с мыслью исчезает. Так и целокупный зон («всечелая вечность» – ὁ σύνολος αἰών) не поддается логическому постижению смертных... (1341A). Век-зон следует воспринимать лишь как данность, не перенося на него привычные для человека логические категории и не пытаясь соотнести его с обычными темпоральными представлениями о прошлом, настоящем и будущем. Исследователи обратили внимание на близость этой идеи мысли, высказанной в «Исповеди» Августина (XI, 13–14), о невозможности субъективным восприятием времени постичь зон.

Евсевий переходит к важнейшему с богословской точки зрения соотнесению Зона с Богом, делая это в виде уже привычной для него образной метафоры. Он (Зон) лишь Царя своего и Владыку исповедует непрестанно, ибо несет Его верхом восседающего на его спине во бремени происходящих от Него украшений (т.е. имеются в виду такие атрибуты века, как месяц, год, смена дня и ночи; и т.п., о чем речь шла выше и будет идти чуть ниже). «Тот же (Бог), правя им сверху как всадник, но не золотыми поводьями, как сказал поэт, а узами неизреченной Премудрости (σοφίας δ' ἀρρήτου δεσμοῖς), взнуздав как поводьями, в полной гармонии придает ему месяцы и время, сроки и годы, попеременную смену ночи и дня (μῆνας ἐν αὐτῷ καὶ χρόνους, καιρούς τε καὶ ἐνιαυτούς, νυκτῶν τε καὶ ἡμερῶν ἀδοιβαῖα διαστήματα), обуздывая его различными границами и мерами (ὄροις καὶ μέτροις) (1341AB). Наряду с развиваемым на протяжении всего сочинения мотивом конных ристалищ, всадника и умело им управляемого коня или, в других случаях, колесницы, как аналога власти – как царя земного, так и Небесного, Евсевий, слегка видоизменив, словно обыгрывает слова апостола Павла, назвавшего Бога Царем веков («зонов») – Βασιλέα τῶν αἰώνων⁸.

В последующем за этим рассуждении воспроизводится фактически картина онтологии мироздания, описание сотворения мира, что является центральным местом обосновываемой церковным и одновременно придворным ритором идеи «зона»-вечности. Развивая сравнение с движением коня, Евсевий пишет: он (Зон) идет прямо, устремившись («вытянувшись») в бесконечность (εἰς ἄλειρον ἐκτεινόμενος). «Зон (Αἰών), получив свое имя от (словосочетания) «всегда сущий» (ἀεὶ ὄν), соразмерный частями самому

⁸ 1 Тим. 1:17.

себе (αὐτός τε αὐτοῦ ὦν τοῖς μέρεσιν ἐμφερέης), а точнее не имеющий ни частей, ни протяжения (μᾶλλον δὲ ἀμερέης ὦν καὶ ἀδιάστατος), сам возрастает, удлиняясь только по прямой (εἰς μόνην εὐθείαν μηκυνόμενος αὐξει)» (1341В). Повторив за Проклом в его комментариях к «Тимею» Платона аристотелевскую этимологию имени «эон» как αἰών < αἰέ ὦν, Евсевий представляет сотворение мира как преобразование зона, развивающегося в прямой протяженности, в зон дискретный, наделенный Богом «украшениями», т.е. составляющими его части атрибутами – временем, месяцами, днями, ночами и проч.: Бог, продолжает автор, расчленив его (зон) на составные части, словно прямую черту, растянутую в длину, разделив точками («центрами»), расположил в нем (зоне), едином и подобном монаде, большое множество, выраженное всевозможными числами, и представил в нем вместо аморфного многоморфное различие (μέσοις αὐτὸν διαλαβὼν τμήμασι, καὶ ὥσπερ εὐθείαν γραμμὴν εἰς μῆκος τεταμένην διελὼν κέντροις, πολλὸ πλῆθος ἐν αὐτῷ κατεβάλετο, ἓνα τε ὄντα καὶ μονάδι παρεικασμένον, παντοίοις κατεδήσατο ἀριθμοῖς, πολύμορφον ἐξ ἀμόρφου τὴν ἐν αὐτῷ ποικιλίαν ὑποστησάμενος – 1341В). Таким образом, Бог преобразовал «целокупный век», разделив его на составляющие («центры») и превратив из бесформенной («аморфной») данности вне времени и пространства в оформленное и измеряемое числом многообразие (ποικιλία) временных атрибутов, исчисляемых годами, месяцами, сроками, днями. Соотношение Бога с Эоном получает определенность.

Эта определенность воплощается в числовых выражениях, поэтому вполне логично, что Евсевий вновь возвращается к теме единичного и множественного, перенося методику своего описания Эона на созданную в нем, как он пишет, бесформенную материю.

Первым делом материю в вечности-«Эоне», до всего прочего бесформенную (πρώτιστα πάντων ἐν αὐτῷ τὴν ἄμορφον ὕλην), Бог представил в виде некоей всеобъемлющей субстанции (ὥσπερ τινὰ πάνδοχον οὐσίαν ὕφιστη); во-вторых, силой диады Он создал в материи качество, сотворив вид из безвидного (δεύτερον δ' ἐν ὕλῃ ποιότητα δυνάμει δυνάδος εἶδος ἐξ ἀειδοῦς ἀπεργαζόμενος ἐποίηι); числом же триады разделив натрое – в ширину, длину и глубину, Он сотворил сложное из материи и вида тела (δυνάμει δυνάδος εἶδος ἐξ ἀειδοῦς ἀπεργαζόμενος ἐποίηι, τριάδος δ' ἀριθμῷ τριχῆ διάστατον, εἷς τε πλάτος καὶ μῆκος καὶ βάθος, σύνθετον ἐξ ὕλης καὶ εἶδους σῶμα κατεργάζετο – 1341С).

Из двойной же диады Он замыслил четверку элементов – землю, воду, воздух, огонь, – вечные источники, введя их в хоро-

вод всего этого (т.е. Вселенной: διττῆς δ' ἐκ δυάδος τὴν τῶν στοιχείων τετρακτὸν ἐπινοήσας, γῆν, ὕδωρ, ἀέρα, πῦρ, πηγὰς ἀνεύρους εἰς τὴν τοῦδε τοῦ παντός προῦβάλετο χορηγίαν – 1341A). Четверка же порождает декаду, ведь один, два, три, четыре вместе составляют число десять. Триада же, слившись с десяткой, открывает природу месяца (τριάς δὲ συμπλακείσα δεκάτῃ μηνὸς ἀνεῦρε φύσιν), а месяц двенадцатью оборотами наполнил период Солнца (μὴν δὲ τροπαίς δώδεκα ἡλίου περιόδον ἐπλήρου), откуда – круги («циклы») годов, перемены сроков (ἔνθεν ἐνιαυτῶν κύκλοι καιρῶν τε μεταβολαί). Бесформенный и безвидный зон Он словно преобразил в пестроту многоцветного письма, для неги и наслаждения тем, кто в нем (зоне) проскакивает путь жизни (τὸν ἄμορφον καὶ ἀνείδεον αἰῶνα, ὥσπερ ἐν ποικιλίᾳ γραφῆς πολυανθοῦς, ἐμόρφουν εἰς ἀνάπαυλαν καὶ θυμηδίαν τῶν ἐν αὐτῷ τὸν τῆς ζωῆς διῆλπυόντων δρόμον).

Итак, на помощь в описании творения мироздания приходит числовая символика, восходящая в конце концов к платоновскому «Тимею» (гл. 31–32). С помощью числовых комбинаций Богом совершается преобразование предвечного бесформенного и безвидного зона-«вечности» в сформированную в нем через введение составляющих элементов материю. Последняя приведенная выше фраза Евсевия дает ему возможность развить тему творения Вселенной из зона-вечности, заимствуя терминологию ипподрома – излюбленной византийской метафоры бега времени или пути жизни. «Состязателям, чающим пройти эту дистанцию, расстояния определены поприщами, как отправляющимся в долгое путешествие дорога отмечена мерилами и поприщами, дабы, устремив свои чаяния в беспредельность (εἰς ἀπειρόν τις τὴν προσδοκίαν ἐκτείνων), не отказался бы никто от своих тцаний» (1344A).

Далее разворачивается картина преображенной вечности-материи. Вот таким же образом, заключает автор, охватив «всецелый зон» узами Премудрости, «Царь всяческих» (Вселенной) ведет его и правит пестрой уздой, что служит ему украшением (1344B). Зон, прежде бесформенный, облачается (τὸν πρὶν ἀσχημάτιστον ἀμφιεννῶς αἰῶνα) в прекрасные цвета и свежие цветы, сияет на солнце белизной дня, а ночь, застелив цветом черни, Создатель выставил лампадами звезд, словно златоткаными песчинками. Он возжег яркие лучи источника света (т.е. Солнце), и пестроту (ποικιλίαν) отблесков Луны и многокрасочные созвездья, и всё небо целиком облачил, как в великую ризу, разнообразными красотами письма. Воздух распростер Он от высот до глубин и вширь и вдоль во всю вселенную («космос»), одухотворил его силой (πλάτῃ τε καὶ μήκῃ τοῦ σύμπαντος κόσμου τῇ τοῦτου ψυχώσας δυνάμει).

Картину творения мироздания завершает описание происхождения земли, заселения её всякого вида животными и, наконец, рождения человека. Творец расстиляет великое море, ставя словно в средоточие центра землю (γῆν δ' ἐν μέσῳ κέντρου δίκην σταθμησάμενος), окружает её океаном, а морская пучина украшает её края цветом лазури (1344С). Он сделал землю очагом, кормилицей и матерью всего живого (ἐστίαν καὶ μητέρα καὶ τιθήνην ζῶων ἀπάντων) – растений и животных.

Из всего живого мира самым дорогим на земле и милым самому Богу (ζῶων δ' ἐν αὐτῇ τὸ τιμιώτατον καὶ αὐτῷ Θεῷ φίλον) стал сотворенный по Его образу (κατ' εἰκόνα τὴν αὐτοῦ πλασάμενος) разумный человек (буквально "homo sapiens"), наделенный разумом и знанием, – отпрыск Слова – «Логоса» и Премудрости – «Софии» (νοῦ καὶ ἐπιστήμης ἐπήβολον, λόγου τε καὶ σοφίας ἔκγονον, λογικὸν ἄνθρωπον – 1344С). Ему было дано повелевать всем, что ползает и пачется, ибо человек более всех живых существ на земле боголюбив, за что Бог-Отец повелел, чтобы все неразумные создания ему служили (1345А).

И далее следует великолепный гимн человеку. «Человек! Ему и море Творец сделал доступным для плавания, и землю увенчал всевозможными садами, ему даровал силы знания для постижения всевозможных наук; ему подручны и гады в глубинах и птицы: в высях (ἄνθρωπος, ᾧ καὶ θάλατταν πλωτὴν ἀνήκε καὶ γῆν παντοίοις φυτοῖς ἐστεφάνωσεν· ᾧ καὶ δυνάμεις ἐπιστημονικὰς εἰς παντοίων μαθημάτων ὑποδοχὴν ἐδώρησατο· ᾧ καὶ τὰ ἐν βυθοῖς ἔρποντα πτηνῶν τε τὰ μετάρσια ὑποχείρια πεποιήται – 1345А). Ему открыл и «небесные видения» (дословно «теории»), и ход Солнца, и фазы Луны, разъяснив обращения («периоды») планет и неподвижных звезд. Человек, которому одному на земле Он вменил узнать Отца небесного и прославить в гимнах "великого Царя всецелого Эона"» (ᾧ καὶ τὰς οὐρανίους ἐξεκάλυψε θεωρίας, δρόμους ἡλίου καὶ σελήνης τροπὰς περιόδους τε πλανήτων καὶ ἀπλανῶν ἀστέρων ἐκφήνας, ἄνθρωπος, ᾧ μόνῳ τῶν ἐπὶ γῆς τὸν πατέρα γινώσκειν τὸν ἐπουράνιον καὶ τὸν μέγαν τοῦ σύμπαντος αἰῶνος βασιλέα γεραίρειν ὑμνοῖς διατάξατο).

Так определяется Богом, названным здесь уже «Царем всецелого Эона», место человека в системе мироздания. Последнее определение связи Творца с целокупностью века также можно отнести к платоновским реминисценциям из «Тимея» (53b).

Картина Вселенной дополняется описанием её элементов, доступных человеческому наблюдению. Речь идет о временах года, рассказ о которых ведется также с использованием многих

из использованных выше категорий. Твоей Вселенной («космоса»: ὁ κοσμοποιός – 1345А) опоясал неизменный зон (τὸν ἀτρέπτον αἰῶνα περιεζώννυ) четырьмя сменами года (τέτταρσιν ἐνιαυτοῦ τροπαίς), т.е. сезонами. При этом Он увенчал «всецелый Зон» многоплодием весны (ἔαρος πολυκαρπία τὸν σύμπαντα στεφανώσας αἰῶνα – 1345В), затем препоручив его вершине лета (θέρους ἀκμῆ τοῦτον μεταπαραδέδωκεν) и завершив ход времен года осенью и зимой, после чего вновь поставил его (зон) у ворот весны.

От поэтического пейзажа ритор резко переходит к проблемам высокого богословия, развивая свою мысль в русле христологических дефиниций. «Таким вот образом Великий Царь кругом («циклом») целого года связал как упряжью Премудрости Свой зон (ἐνθένδε δὴ ἐν τῷ τοῦ παντός ἐνιαυτοῦ κύκλῳ τοιαύσδε σοφίας ἡνίας ὁ μέγας βασιλεὺς ὡδε περιδηράμενος τὸν αὐτοῦ αἰῶνα) и повелел препоручить его (зон) вящему управителю – Его единородному Логосу, передав вожжи всего всеобщему Спасителю (ὑπὸ μείζονι φέρεσθαι διετάξατο κυβερνήτη, τῷ αὐτοῦ μονογενεῖ λόγῳ, τῷ δὴ κοινῷ τῶν ὄλων σωτήρι, τὰς τοῦ παντός παραδούς ἡνίας). Тот же (т.е. Сын Божий), приняв наследие от Благого Отца, взял на себя и всё, что есть внутри и вне небесного свода (ὁ δ' οἷα παρὰ πατρὸς ἀγαθοῦ τὸν κληρὸν ὑποδεδεγμένος, ὁμοῦ τε πάντα ὅσα κύτος οὐρανοῦ εἶσω τε καὶ ἐκτὸς αὐτοῦ περιλαβὼν ἔχει) и, связав всё в единой гармонии, шествует прямо (μῆα συνδησάμενος ἁρμονία, εὐθεία περαίνει)» (1345С).

От категорий космических логичен переход к проблемам земной жизни и земного времени. И здесь Логос, хотя и устанавливает законы мер (пределов) жизни для смертных (μέτρα τε ζωῆς τοῖς τὸν θνητὸν διανύουσι βίον διαθεσμοθετήσας), но Он позволил всем людям (мысленно) уже в этой жизни освоить предвверение той жизни, что лежит за пределами нынешнего века-«зона» (προεμμελετᾶν ἐν τῷδε τὰ προίμια τῆς ὑπὲρ τὸν νῦν αἰῶνα ζωῆς ἄλασιν ἀνθρώποις συγκεχώρηκεν). Он научил, что «есть бо, есть за пределами настоящего века («зона») божественная и блаженная жизнь» (εἶναι γάρ, εἶναι καὶ ὑπὲρ τὸν παρόντα αἰῶνα θεῖαν καὶ μακαρίαν ζωὴν, ...ἐδίδαξεν).

Итак, преображенный цветами времен года Зон, «в котором время упорядочило материю, а материя измеряет время»⁹, в виде доступного в своих внешних проявлениях человеку пространственно-временного космоса, преобразованного Богом-Отцом из недвижимого, вне времени и пространства, века-зона, передается Богу-Сыну. Благодаря Нему, Божественному Логосу, осуществля-

⁹ Брагинская Н.В. Указ. соч. С. 291.

ется связь предвечного зона с человеком через внесение Спасителем мер человеческой жизни и одновременно через возможность человеку приобщиться уже в настоящей жизни вечной. Точнее, по Евсевию, к жизни, что лежит за пределами века («зона») настоящего. Таким образом, перед читателем (слушателем) представлена развернутая иерархия, определяющая соподчинение Зона и ипостасей Бога. С другой стороны, сам Эон оказывается иерархичным: есть предвечный, целокупный Эон, или (и?) Эон Эонов, недвижимый, вне времени и пространства, есть Эон дискретный, наделенный такими элементами, как время, сроки, годы, месяцы, в котором обращаются небесные светила, наконец, есть Эон, подчиненный Логосу, «зон настоящий», лишь за пределами которого человеку открывается жизнь вечная. Евсевий как бы включает космогоническую систему, связанную с культом Зона, в параметры православной христологии. И всё-таки, это очень далеко от библейской картины сотворения мира «Бытия», к чему нам предстоит специально вернуться.

Рассматривая же сочинение Кесарийского епископа, обратимся к следующему тексту, в котором движение зона-космоса поддается числовым измерениям. Эта пропорционально-числовая эстетика развивает заложенную в начале Похвального слова на тридцатилетие идею о трех декадах, на которые разделяется восхваляемый ритором период времени. Евсевий воспроизводит, как он пишет, «праздник совершенных чисел – триад и трижды монад» (1346D–1348A)». Из них первую – триаду можно назвать порождением монады, монаду же – матерью чисел и даже предстоятельницай всех месяцев, и сроков, и лет, и всего периода времен, еще и главой всего множества, суммой и элементом, – поистине называется монадой, поскольку пребывает постоянной (μονάς от глагола «μένω»: ὦν ἡ μὲν πρώτη τριάς μονάδος ἂν γένοιτο ἕκγονος, μονάς δὲ μήτηρ ἀριθμῶν, μηνῶν θ' ἀπάντων καὶ ὥρων καὶ ἐνιαυτῶν πάσης τε χρόνων περιόδου πρεσβεύουσα ἤδη, καὶ παντὸς πλήθους ἀρχὴ καταβολή τε καὶ στοιχείον, εἰκότως ἂν ῥηθῆι, μονάς παρὰ τὸ μένειν ὀνομασμένη – 1348A). При том, что всякое множество, – рассуждает дальше автор, – уменьшается и увеличивается при вычитании чисел или прибавлении, только монада сохраняет покой и положение (μόνη μονάς στάσιν καὶ μονὴν εἴληφε), уединяясь от всякого множества и от порожденных от неё чисел; она несет в себе образ («икону») нераздельной и делимой субстанции других (чисел) (εἰκόνα τῆς ἀμερίστου καὶ διακεκρμένης τῶν ἄλλων οὐσίας). Благодаря их силе и причастию образована природа всего сущего (ἡ τῶν ὄντων ἀπάντων συνέστηκε φύσις).

Итак, панегирист уделяет принципиальное место единичному как основе дальнейших числовых комбинаций и тем самым – основе мироздания («всего сущего»)!. Описание же единичности как «матери чисел» и главы всех хронологических категорий сродни тому, что выше говорилось об зоне, в котором вращаются небесные сферы и обретает себя время. Тезис о неподвижности, «стабильности» монады сопоставим с аналогичными характеристиками недвижимого в пространстве и времени зона.

Дальше – больше: единичное обретает под пером Кесарийского епископа атрибутику Творца: «Монада ведь – демиург всякого числа, поскольку через сложение и прибавление монад («единиц») возрастает всякое множество» (μονάς γάρ παντός δημιουργός ἀριθμοῦ, ἐλεῖπερ κατὰ σύνθεσιν καί προσθήκην μονάδων πᾶν πλήθος κρατύνεται – 1348В). Невозможно иначе постичь сущность чисел (οὐσίαν ἀριθμῶν), как через монаду: «она как бы вне множества, предельно превосходит любое число, всё творящая и становящаяся, но ничем никогда не увеличиваемая» (αὕτη δ' ἐκτὸς ἄν εἴη πλήθους, πορρωτάτω τε καὶ κρείττων ἀριθμοῦ παντός, πάντα ποιοῦσα καὶ ὑφισταμένη, τεινομένη δὲ ὑπ' οὐδενὸς πάποτε).

Следующей числовой категорией, важной в конструкции Евсевия, является троица – триада. Она сродни монаде: прибавлением двойки к монаде получается триада. «Троица первой явила право («праведность»: πρώτη δὲ τριάς δικαιοσύνην ἀνέδειξεν), стала наставницей о равенстве (ἰσότητος καθηγησαμένη), поскольку восприняла начало, середину и конец поровну (ἀρχὴν καὶ μεσότητα καὶ τελευτὴν ἴσῃν ἀπολαβοῦσα). Это – образ («икона») таинственной («мистической») всесвятой и царственной Троицы (εἰκὼν δὲ ταῦτα μυστικῆς καὶ παναγίας καὶ βασιλικῆς Τριάδος), которая, исходя от безначальной и нерожденной природы, удержала источник («семена»), логику и первопричину сущности всего созданного («рожденного»)» (ἢ τῆς ἀνάρχου καὶ ἀγεννήτου φύσεως ἡρτημένη τῆς τῶν γεννητῶν ἀπάντων οὐσίας τὰ σπέρματα καὶ τοὺς λόγους καὶ τὰς αἰτίας ἀπέιληφεν – 1348ВС). «Сила триады поистине может считаться началом всего», – завершает энергичный пассаж о Троице энкомиаст.

Наконец, на авансцену выводится декада – десятирица. Она включает в себя предел всех чисел (δεκάς δὲ τὸ πάντων ἀριθμῶν πέρας ἀπολαβοῦσα), всё доходит до неё; она вполне может быть названа полной и всесовершенной (πλήρης καὶ παντέλειος), поскольку заключает в себе все виды и все меры всех чисел (πάσας ἰδέας καὶ πάντα μέτρα πάντων ἀριθμῶν), смыслов (λόγων), согласий и гармоний (συμφωνιῶν καὶ ἁρμονιῶν).

Далее описывается движение чисел (как выше рассматривалось движение космоса): «Монады увеличиваются через сложение и ограничиваются десятью (μονάδες γοῦν αὐξήθηται κατὰ σύνθεσιν, τοῖς δέκα περιορίζονται), имея начало («мать») и конечную черту, и словно поворотные меты на беговой дорожке (μητέρα τε αὐτήν καὶ πηξάκιον περιγραφὴν κτησόμεναι, ὥσπερ ἐν περιδρόμῳ καμπτήρα περιθέουσιν). Затем совершив второй круг (κύκλον), и снова – третий и четвертый, и так – до десяти, составляют из десяти декад сотню. Затем снова бегут к первому исходному пункту (ἐπὶ τὴν πρώτην ἀνατρέχουσιν ἀφετήριον). И снова начав оттуда и дойдя до десяти, пробежав десять раз по сто, возвращаются на обратном пути через те же поворотные меты, преодолевая большие расстояния, сделав круг от себя – в самих себя же (ἐξ αὐτῶν εἰς ἑαυτὰς ἀνακυκλούμεναι – 1348D). Так вот, десятая часть десяти есть единица, десять же единиц («монад») являют собой одну декаду (τῶν γοῦν δέκα τὸ δέκατον, μονάς δέκα δὲ μονάδες, μίαν ἀποφαίνουσι δεκάδα). Декада есть предел единиц (монад), граница, грань (δεκάς δὲ πέρας μονάδων, ὄρος, καὶ καμπτήρ καταστατικός), – грань беспредельности чисел (καμπτήρ μὲν τῆς ἀπειρίας τῶν ἀριθμῶν), граница и конец единиц (монад)». Подобным же образом троица вкупе с десятицей – «трижды пройдя десять кругов дистанции (τρίτον τε περιελθοῦσα τὴν τῶν δέκα κύκλων περίοδον – 1349A), порождает естественнейшее число – тридцать (φυσικώτατον ἀριθμὸν γεννᾷ, τὸν τριάκοντα), ибо как в единице заключена троица, так и в десятке – тридцать». Пройдя сложный путь математических вычислений космогонического движения, основанного на иерархии Эона и Божественных ипостасей, Евсевий выходит на исконно определенное энкомиём число – число лет правления адресата панегирика. В образной системе кругового бега чисел, элементов, сфер, стихий и логически расчлененной временем первоосновы зона отражается персонификация верно («прямо») правящего страной императора, как и – по аналогии с высшими сферами – Бог-Отец управляет как возникший стремящим свой бег словно по ипподрому зоном.

Об этом говорится в заключительной части шестой, космогонической, главы Слова. Но итог риторического описания тридцатилетнего срока может оказаться парадоксальным: тридцатка оказывается вершиной, но и пределом. Что же там, за «метой» (воспользуемся ипподромно-стадионной лексикой Евсевия)? Там – уже мысли о грядущем Царствии Небесном (προμνόμενά τε μελλόντων ἀγαθῶν ἐλπίδας, ἐν οὐρανίῳ βασιλείᾳ – 1349B): «там – полки бесчисленных огней окружают хороводом Царя всех (ἐνθα

στρατιαὶ φώτων ἀπείρων ἀμφὶ τὸν πάντων βασιλέα χορεύουσιν), – не только Солнца, но всех дающих свет сильнее Солнца, светящихся и сияющих в блеске мерцания невидимого источника (φαιδρυνομένων τε καὶ ἀποστιβόντων τῇ αἴγλῃ τῶν τῆς ἀδίου πηγῆς μαρμαρυγῶν). Там – жизнь души, в чистых красотах блага, там – житие, лишённое всякой печали, там – вкушение чистого и все-святого наслаждения (ἔνθα ζωὴ ψυχῆς ἐν ἀγαθῶν ἀκηράτοις (ἀκράντοις?) κάλλεσιν, ἔνθα βίος πάσης ἐκτὸς ἀχθηδόνος, ἔνθα σάφρονος καὶ παναγίας ἡδονῆς ἀπόλαυσις). И время без времени (χρόνος ἄχρονος), долговечное («макрзон») и бесконечное (ὁ μακραίων καὶ ἀτελεύτητος), растянутое к ускользящему пределу (εἰς ἀπερίγραφον τέλος μηκυνόμενος) и не измеримое ни интервалами дней и месяцев, ни кругами («циклами») годов, ни периодами сроков и лет (οὐκέθ' ἡμερῶν καὶ μηνῶν διαστήμασιν οὐδ' ἐνιαυτῶν κύκλοις καιρῶν τε καὶ χρόνων περιόδοις ἀναμετρούμενος), но довлеющее единой жизни, протянутой в бесконечность, не озаренной ни Солнцем, не освещенной ни множеством звезд, ни сиянием Луны (μῖα δ' εἰς ἄπειρον ἐκτεινομένη ζωὴ διαρκῶν, οὐχ ὑφ' ἡλίου φωτιζομένη, οὐδ' ἀστέρων πλήθει καὶ σελήνης αὐγαῖς καταλαμπομένη), но имеющей только один светоч – Бога-Слова, едиnorodного Сына Всецаря» (ἀλλ' αὐτὸν ἐχούση φωστῆρα τὸν Θεὸν Λόγον, τὸν μονογενῆ Παῖδα τοῦ Παμβασιλέως – 1349C). Так, выстроив свой логический ряд, Евсевий Кесарийский возвращается к христологическому истолкованию сюжета. Возвращается, но заканчивает всё-таки зоном. Обращаясь к Христу, автор восклицает: «И Тебе, Богопочитаемый Царю, одному из всех от века («эона») Всецарь всех – Сам Бог даровал очищение человеческой жизни» (ὃ μόνω τῶν ἐξ αἰῶνος ἐντεῦθεν ἦδη τὸν ἀνθρώπειον ἀποκαθαῖραι βίον αὐτὸς ὁ τῶν ὄλων παμβασιλεὺς Θεὸς ἐδώρησατο – 1349D).

Таким образом, онтология времени, представляемая Евсевием Кесарийским, имевшим здесь таких предшественников, как «Тимей» Платона (с комментариями к нему от Прокла до Оригена) и начало Книги Бытия Ветхого Завета, зиждется на центральном полу-персонифицированном образе всеобъемлющего («целокупного») Зона – века, вечности, вековечности. Полу-персонифицированном, поскольку именно Евсевий в другом своем знаменитом сочинении – Евангельском приуготовлении (Εὐαγγελικὴ Προπαρασκευή) донес до нас гностический, скорее всего, по происхождению миф о личностном Зоне. Он приводит сюжет из «Финикийской истории» Филона Библиского, сохранившей космогоническую картину, связываемую с Санхуниафоном (Σαγχουνιάθων), чьи

тексты Кесарийский владыка не раз цитирует, в данном случае посвящая этому специальную главу: *ια. Ἐπιτομή τῆς Φοινίκων ἀρχαιολογουμένης Θεολογίας*¹⁰. В тексте у Евсевия сообщается, что от ветра Колпия (т.е. «ветра с залива») и его жены Баау (имени, переводимого как «Ночь») родились смертные люди – Эон и Протогон (*Αἰῶνα καὶ Πρωτόγονον, θνητοὺς ἄνδρας* – р. 188: I. 10: 7.5). Эон открыл возможность питаться плодами деревьев. От Эона и Протогона, чье имя, означающее «Первородший», имеет орфические корни, произошли Генос («Род») и Генеа («Рождение»), заселившие Финикию (*Ἐκ τούτων τοὺς γενομένους κληθῆναι Γένος καὶ Γενεάν* – р. 188: I.10: 7.7). Здесь мифологема Эона связана с началом родословия финикийцев, с началом рода, с рождением, происхождением. Чуть ниже в приводимом у Евсевия тексте Эон и Протогон дают начало огненным стихиям бытия, определившим возможность жизни людей: «От рода Эона и Протогона родились опять смертные дети, чьи имена были Фос («Свет»), Пир («Огонь») и Флос («Пламя»)» (*Ἀπὸ γένους Αἰῶνος καὶ Πρωτογόνου γεννηθῆναι αὐθις παῖδας θνητοὺς, οἷς εἶναι ὀνόματα Φῶς καὶ Πῦρ καὶ Φλόξ* – р. 188: I. 10: 9.2–3). Они, говорят, научились добывать из дерева огонь и обучили этому других. Итак, Евсевий знал Эона как имя собственное.

Более того, он, вероятно, знал и о мистическом культе божества Эон, чьи мистерии, если верить Епифанию Кипрскому¹¹, связанные с рождением младенца Эона, проводились и во времена Евсевия и двумя столетиями позже. В Александрии, где, кстати, бывал Евсевий, в ночь с 5 на 6 января праздновался день рождения Эона, причем на вопрос «что это за праздник?» местные жители «и сейчас (σήμερον) отвечают, что празднуется рождение Девой младенца Эона» (*ἢ Κόρη (τούτέστιν ἡ Παρθένος) ἐγέννησε τὸν Αἰῶνα*)¹².

Но права Н.В. Брагинская, что «Эон» у Евсевия, за исключением пассажа из «Евангельского приуготовления», всегда как бы «на пути от нарицательного к собственному и часто напоминает выводимые в философских и риторических сочинениях Добро, Порок, Гордость, Наслаждение»¹³.

Однако у Евсевия Эон предстает в высшей степени почитаемым началом. Он – «Макрзон» – «великий Эон», как сказано о

¹⁰ La préparation évangélique. Paris, 1974 ("Sources Chrétiennes"), L. I. 10: p. 184 sq.

¹¹ Epiph. Panar., 51. 22. 8–11.

¹² Epiph. Panar., 51. 22. 10: Epiphanius II. Panarion haer. 34–64, hrsg. v. K. Holl, bearb. v. J. Dummer. Berlin, 1980. S. 286.6–7.

¹³ Брагинская Н.В. Указ. соч. С. 289.

нем в Похвальном слове в связи с описанием запредельной вечной жизни в блаженстве. Этот эпитет не случаен. В Слове на Гроб Господень, произнесенном 17 сентября 335 г., также упоминается «великозон бессмертной жизни» (εις μακράϊωνα ζωῆς ἀθανάτου βίον – PG 20, 1384A). В «Жизнеописании императора Константина» Евсевий также говорит, что блаженнейшая душа недавно усопшего василевса не задержалась на долгий период времени среди покойных (οὐκέτι μὲν μακραῖς χρόνων περίοδοις ἐν θνητῶν διατριβαῖς – 16.2), но, увенчанная диадемой из цветов Зона (αἰωνοθαλαῖ δὲ διαδήματι – 16.3), была почтена бессмертием бесконечной жизни и блаженного зона – вечности (ζωῆς ἀτελευτήτου καὶ μακαρίου αἰῶνος ἀθανασίᾳ τετιμημένη)¹⁴.

Через Иринея Евсевий мог быть знаком с гностическим учением об Зоне¹⁵. Такое сочетание, как Зон Эонов у Евсевия, явно развивает идею представления зона в качестве высшей ступени перед слиянием с Самим Богом. В герметическом тексте «Беседа Ума с Гермесом» устанавливается такая иерархия: Бог, Зон, Космос, Время, Становление¹⁶.

Духовное восхождение предполагает превращение в Зон (Αἰὼν γενεῶν: XI, 20). Сочетание типа «Зон Эонов» в гностических и иудео-христианской литературе обозначает высшее Божество, горний мир, часто отождествляемое с Христом¹⁷. Известны сочетания «Бог зонов» и новозаветное «Бог этого века (зона)»¹⁸, «Отец Эонов», «Царь Эонов», «Первый Зон»¹⁹. Иоанн Дамаскин тоже пишет об «зонах зонов» в сочинении «О православной вере»²⁰. А у Ипполита Зон Эонов прямо отождествляется с Христом²¹: «Дева несет во чреве Зон Эонов», пишет автор, парафразируя текст пророка Исаии (Ис. 7:14)²².

¹⁴ Eusebius Werke. Bd. I., 1. Teil: Über das Leben des Kaisers Konstantin, hrsg. v. F. Winkelmann. Berlin, 1975. S. 16.3–4; I. 3.

¹⁵ Euseb. H. eccl. II. 13, III. 26, IV. 7, V. 13, 20.

¹⁶ Nock A.D., *Festugiére A.-J.* Hermes Trismegiste (Corpus hermeticum). Paris, 1945–54, XI, 2.

¹⁷ Jeû II, 51 sq.: *Bousset W.* Hauptprobleme der Gnosis. Göttingen, 1907. S. 347; ср.: *Leemans.* Papyri Graeci Musei Lugdunensis Batavi, II. 1885, 87, 24; *Dieterich A.* Abraxas. Leipzig, 1891. S. 192, 21.

¹⁸ 1Кор. 4:4.

¹⁹ *Wessely H.* Denkschrift der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu Wien. Philol.-Hist. Classe, XXXVI, 1888, S. 72, Z 1115; S. 73, Z 1168; Papyr. Leid.; *Dieterich A.* Jahrb. für Philologie, Suppl. XVI, 793 f., V, 7, 36.

²⁰ PG 94, 864B.

²¹ Hipp. Ref. haer. V, 8.

²² Ср. у Климента Александрийского (Clem. Strom. 3, 13, 91); см.

Евсевий также определяет место Эона в божественной иерархии, причем, в иерархии, как показано выше, христианской. Эон был прежде всего в системе мироздания, и только затем Творец – Бог-Отец подчиняет его своему первородному Сыну-Логосу. Характерно, что имя Христа в пространном Слове встречается лишь однажды, и то в самом начале (τὸν μέγαν βασιλέα Χριστόν – 1320С). Евсевий предпочитает более абстрагированную категорию – Логос. Показательно, что даже в ходе дискуссий Первого Вселенского Собора в 325 г. Кесарийский епископ фактически выстраивает ту же иерархическую лестницу: отвечая оппоненту, он предлагает не задаваться вопросами о непостижимом, – в данном случае о том, каким образом была рождена вторая Ипостась Бога. От кого это узнать, – риторически спрашивает он: «От земли, от моря, от неба, от Солнца, Луны, звезд? От ангелов и архангелов? Разве что от Эонов? Но Логос рожден прежде Эонов»²³. Итак, Эон выше небесных созданий, выше даже ангелов и архангелов, он напрямую подчинен лишь Отцу и Сыну – непосредственно Божественным ипостасям.

Благодаря Эону, как показано выше, состоялся и космос. Прямого отождествления Эона с космосом у Евсевия нет, но космос был сотворен, как сказано, из дискретного эона, в котором различаются атрибуты времени. взаимоотношения и эона и космоса с Богом идентичны: «Царь всяческих» правит, как на коне верхом, эоном, взнуздав его, а в Святогробской речи Евсевия подобный образ уже относится к космосу: «Всецарь Логос Бога, проходя через всё, во всем находясь и двигаясь через всё небесное и земное, управляя как неявленным, так и очевидным, и самим Солнцем, небом и целокупным космосом, правит как возникший неизъяснимыми силами» (ὁ παμβασιλεύς τοῦ Θεοῦ Λόγος, ὁ διὰ πάντων ἦκων, ἐν πᾶσι τε ὦν καὶ πάντα ἐπιπορευόμενος οὐράνια τε καὶ ἐπίγεια, τὰ ἀφανῆ καὶ τὰ ὀρώμενα διακυβερνῶν, ἥλιόν τε αὐτόν, οὐρανὸν καὶ τὸν σύμπαντα κόσμον, ἀρρήτοις δυνάμεσιν ἠνιοχεῖ – PG 20, 1396AB). Осуществляя это движение, Логос правит εἰς αἰῶνα – «навечно». Он соцарствует Своему Отцу «из безначальных веков (эонов) в беспредельные и бесконечные века (зоны)» (εἰς ἀνάρχων αἰῶνων εἰς ἀπείρους καὶ ἀτελευτήτους αἰῶνας – 1323A).

Reißenstein R. Das iranische Erlösungsmysterium. Bonn, 1921. S. 199.

²³ *Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio / Ed. I.D. Mansi. Paris-Leipzig, 1901 (Florentiae, 1758). T. 2, ann. 305–346, coll. 852 (Gelas. Commentarius actorum Concilii Nicaeni, I, XIX); cf. col. 845.*

Сходны и изобразительные описания Зона и космоса у Евсевия²⁴. В Слове на тридцатилетие Зон покрывается пестрой ризой («пеплосом») неба (VI, 6), небо является покрывалом (*περιπέτασμα* – I, 2), а в «Евангельском Приготовлении» описывается египетская статуя, называемая Евсевием Космосом²⁵: она подобна человеку, сверху же до ног окутана пестрым плащом («гиматием»), а на голове у неё – золотой шар – воплощение пестрой природы звезд и шарообразного космоса (*αὐτοῦ δὲ τοῦ κόσμου τὸ δείκνον τοιόνδε ἀνέπλασαν ἀνθρωποειδές ἐστιν ἄγαλμα, τοὺς μὲν πόδας συμβεβηκότας ἔχον, ἄνωθεν δὲ μέχρι ποδῶν ποικίλον ἱμάτιον περιβεβλημένον ἐπὶ δὲ τῆς κεφαλῆς σφαῖραν ἔχει χρυσὴν διὰ τὸ μὴ μεταβαίνειν καὶ διὰ τὴν τῶν ἄστρον ποικίλην φύσιν καὶ ὅτι σφαιροειδὴς ὁ κόσμος*)²⁶.

Новозаветной традиции знакомо и прямое сочетание категорий зона и космоса: в Послании апостола Павла к эфесцам говорится об «зоне этого космоса» (Еф. 2:2: *...καὶ ταῖς ἀμαρτίαις ὑμῶν, ἐν αἷς ποτε περιπατήσατε κατὰ τὸν αἰῶνα τοῦ κόσμου τούτου*).

Примерно столетие спустя после Евсевия Нонн Панополитанский разовьет образ движения времени как колесницы по ипподрому, причем, у него Зон-возница будет держать бразды правления Космосом. Зон у Нонна «пестрый» (*ποικιλόμορφος* – VII, 23)²⁷. Это, также как у Евсевия, любимая характеристика Нонна²⁸. Обращаясь с молитвой к Зевсу по поводу страданий мира («космоса»: *ἄλγεα κόσμου* – VII, 29: S. 153), он говорит, что, сострадаю роду человеческому, не может управлять браздами мира («тросом космоса» – *οὐκέτι κόσμου / πεῖσμα κυβερνήσω*: VII, 36–37, *ibid.*), пусть другой кто-нибудь возьмет это на себя и будет владеть ходом моих лет (*ἄλλος ἐμῶν ἐτέων ἐχέτω δρόμον* – VII, 39, *ibid.*). В ответном увещевании же Зевс так обращается к Зону: «Отче, самородженный пастырю присных годов» (*ὦ πάτερ, ἀενάων ἐτέων αὐτόπορε ποιμήν* – VII, 73: S. 155). В другом случае Зон называется «наездником» (*ἡνίοχος... Αἰών*: XXIV, 267, *vol. 1. S. 497*). Таким же является он в «Теомахии»: «вращая круговорот четырехмерного (досл. «четырёхпутного»²⁹) времени, как скачущий на коне всадник, вращает шестой год изогнутый Зон» (*ετραπόροιο χρόνου*

²⁴ Eister R. *Weltenmantel und Himmelszelt*. München, 1910. S. 102, anm. 3.

²⁵ Prep. Evang. III, 11, 46.

²⁶ Eusebius Werke, Bd. VIII. Die Preparatio Evangelica, 1. T. Hrsg. v. K. Mraz, bearb. v. E. des Places. Berlin, 1982. S. 143. 9–13.

²⁷ Nonni Panopolitani Dionysiaca / Rec. R. Keydell. Vol. 1. Berolini, 1969. S. 153.

²⁸ Cp. Fauth W. *Eidos poikilos*. Göttingen, 1981.

²⁹ Poek W. *Lexikon zu den Dionysiaka des Nonnos*. Berlin, 1968–75. Bd. I–IV.

στροφάλιγγα κυλίνδων, / ἰππεύων ἔτος ἔκτος ἐλίσσετο καμπύλος Αἰών... : XXXVI, 422–423: vol. 2. S. 213). Здесь также настойчиво развивается тема кругового движения времени, причем сам Эон, направляющий его, принимает изогнутый «кругообразный» облик.

Но «всепитающий» Эон у Нонна может быть и грозным: его причастность к всемирному потоку связана с его способностью превратить в ничто космос и рассеять бесплодную связь («гармонию») людей (καὶ νῦ κε κόσμος ἄκοσμος ἐγίνετο, καὶ νῦ κεν ἀνδρῶν / ἄσπορον ἀρμονίην ἀνελύσατο πάντροφος Αἰών. – VI, 371–372: vol. 1. S. 150).

Таким образом, Эон у коптского, скорее всего, по происхождению поэта из Панополиса (т.е. египетского Хеммиса) сам предстает меняющимся, полиморфным: он сбрасывает с себя «извивы дряхлой чешуи» и обновляется «в волнах закона» (χερσὶ δὲ γεραλέησιν ἐς ἀρτιτόκου χροᾶ κούρης / σπάργανα πέπλα δίκης ἀνεκούφισε σύντροφος Αἰών. – XLI, 178–179; Vol. 2, S. 324), он – «пестрообразный ключарь рождения» (Αἰών ποικιλόμορφος ἔχων κληῖδα γενέθλης – VII, 23; Vol. 1, S. 153). Неслучаен этот образ в контексте развития культуры полужленизированного, полу-коптского христианско-монашеского Египта начала V века, как неслучайно и пристрастие самого Нонна Панополитанского (в отличие от Евсевия!) к мистическому историзму, астрологическому образу времени³⁰.

Однако вернемся к Евсевию Кесарийскому. – Его Эон все-таки не тождествен Космосу. Целокупный Эон скорее сродни Самому Богу, о взаимоотношениях Которого с космосом говорится в Святогробской речи: достоин лишь насмешки за глупость тот, «кто считает, что вот этот рожденный и из многих частей состоящий космос и есть Сам Бог; он не знает, что Божественная природа никогда не могла бы состоять из частей» (αὐτὸν εἶναι Θεὸν τὸν γενετὸν τουτοῦ κόσμου πολλῶν ἐκ μερῶν ὑφαιστώτα νομίζων καὶ οὐκ εἰδὼς ὅτι θεία φύσις οὐκ ἂν ποτε ἐκ μερῶν συσταίη)³¹. Так и Эон – вечный, единый, вне времени и пространства. И лишь расчленение Богом-Отцом единого Эона на составные порождает космос. «Космос – это расчлененный Эон, Эон – это Космос до его сотворения»³².

И потому, если изначальный, «целокупный» Эон находится в состоянии абсолютного покоя, то дискретный зон совершает сложные движения: он увеличивается (αὐξεῖ) и идет по прямой.

³⁰ Stegemann V. Astrologie und Universalgeschichte. Studien und Interpretationen zu den Dionysiaka des Nonnos von Panopolis. Leipzig–Berlin, 1930; Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 134 и сл.

³¹ PG 20, 1392AB.

³² Брагинская Н.В. Указ. соч. С. 293.

Здесь возникают рассмотренные выше метафоры конного бега, ипподрома, где Эон, словно конь или колесница, которыми правит Сам Бог, совершает движение вперед и одновременно по кругу. Понятия, связанные с круговым движением, вечным возвращением, — κύκλος, περίοδος, — все эти «циклы», «периоды», «поворотные меты» бега, — такие же постоянные атрибуты приведенных выше описаний, как и образ ипподрома. Таким же оказывается и движение чисел, анализируемое Евсевием: числа увеличиваются в числовом ряду, достигая максимума, чтобы, перейдя на новый «круг» — от единицы к десятке, снова начать в новой фазе обратно-поступательные движения.

О круговом движении Эона Евсевий пишет в другой связи. В «Приуготовлении» он приводит фрагмент из Порфирия³³, где говорится, что шар («сфера») и всё сферообразное присуще Космосу, Солнцу и Луне (σφαίραν τε καὶ τὰ σφαιρικά πάντα ἰδίως τε κόσμῳ καὶ ἡλίῳ καὶ σελήνῃ)³⁴, а круг и всё с кругом связанное — Эону и движению по небу, а также имеющимся в нем (Эоне) зонам и окружностям («циклам») (κύκλον δὲ καὶ τὰ κυκλικά αἰῶνι καὶ τῇ κατὰ τὸν οὐρανὸν κινήσει ταῖς τε ἐν αὐτῷ ζώναις καὶ τοῖς κύκλοις)³⁵.

Не приходится, разумеется, думать, что Евсевий сам создал эту небесную механику и математику. В исследованиях евсевиевской космогонии отмечается близость его воззрений александрийским учениям Филона и Оригена.

Филон Александрийский часто цитируется в самых разных сочинениях Кесарийца. Филон определял время (χρόνος) как жизнь чувственного космоса, Эон же — как жизнь Бога и умопостигаемого космоса³⁶. Эон — это парадигма и архетип времени³⁷. Евсевий и сам в Слове на Гроб Господень различает умопостигаемый и чувственный космос (νοητὸς καὶ αἰσθητὸς κόσμος — 1392С, 1392В).

Ориген — один из любимейших героев Евсевия, о чем много он сам пишет в «Церковной истории»³⁸. Их мысли и взгляды с очевидностью близки³⁹. Неслучайна поэтому маргинальная схолия в Московском списке сочинения Оригена, принятом копиистом-схолиастом за творение Евсевия, которому и посвящены

³³ Porphyr. De cultu simulacrorum, fr. 2, ed. Bidez / Université de Grand Recueil de travaux publiés par la faculté de philosophie et lettres, 43me fasc., 1913.

³⁴ Euseb. Praep. evang. III. 7. 4: Eusebius Werke, Bd. VIII, 1. T. S. 123, 19–20.

³⁵ Ibid., I. 21–22.

³⁶ Phil. Rer. div. her. 165.

³⁷ Mut. nom. 267; cp. Deus imm. 32.

³⁸ Hist. eccl. VI, 33, 4; VII, 18, 4; VI, 25; III, 25.

³⁹ Брагинская Н.В. Указ. соч. С. 296–297.

стихи, в т.ч. замечание: «Ты дышишь понятиями Оригена» (Ὁριγένους πνεύεις τῶν νοημάτων)⁴⁰. Именно Оригену принадлежит идея возвращения к началу как конечной цели Божественных эманаций⁴¹: «Бог будет во всём, но это произойдет, нужно полагать, не внезапно, а мало-помалу и по частям, в течение бесконечных и неисчислимых веков (Эонов)»⁴². Ориген пишет о «многих зонах»⁴³, о качественном различии сменяющих друг друга веков-зонов⁴⁴, он стремится найти нечто большее, чем век-зон⁴⁵.

Евсевий не повторяет всего, сказанного Оригеном, но его идеи о различных зонах, о движении зона, его дискретности сродни мыслям его духовного учителя.

Движение Зона описано и в ветхозаветной и апокрифической литературе, что, кстати, попало и на русскую почву в славянском переводе. Так, в Книге Еноха⁴⁶ сказано о рождении двух зон: Великий Эон вне времени, который придет, когда уничтожится всё временное, и Эон Скорби. Эти Эоны соответствуют мысленному и чувственному миру. О двух зонах идет речь и в Четвертой Книге Ездры: один начался с грехопадения, и он взвешен и отмерен и спешит к концу, другой же, Великий Эон, пока «спит». Пророчества Варуха, на которого Евсевий ссылался на Вселенском Соборе, тоже свидетельствуют о приходе нового, во времени скрытого Зона.

Мыслящий категориями вечными Евсевий, как показывают наблюдения исследователей⁴⁷, мало интересовался разысканием конкретных сроков и дат, вопросами хронологии, временем конца света и вообще апокалиптикой. его лишь интересуется общая картина Царствия Небесного – украшенного и блестящего, а не эсхатология Второго Пришествия. Ставшие стереотипом представления о замене циклической идеи времени на линейную при переходе от античности к средневековью нуждаются в уточнении и ремарках. Евсевий попытался соединить мифологему цикличе-

⁴⁰ *Matthaei Ch. Accurata codicum graecorum bibliothecarum Mosquensium S. Synodi notitia et recensio.* Lipsiae, 1805. T. 1. S. 256–257.

⁴¹ *Kassomenakis J. Sp. Zeit und Geschichte bei Origenes.* München, 1967.

⁴² *Orig. De prin.* 3, 6; Творения Оригена, учителя Александрийского. Вып. 1. КазДА, 1899.

⁴³ *Orig. In Ioann.* 2, X; 13, XX; *In Matth.* 14, IX; *In Sap.* VIII.

⁴⁴ *Orig. Contra Cel.* 4, 67; 5, 20; *De prin.* 2, 3, 4.

⁴⁵ *De prin.* 2, 3, 5.

⁴⁶ См.: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. IV. М., 1899.

⁴⁷ *Sirinelli J. Les vues historiques d'Eusèbe de Césarée durant la période prétrinitaire.* Paris, 1961. P. 480; *Брагинская Н.В.* Указ. соч. С. 299.

ского кругового движения времени с иудео-христианским линейным. Эта попытка и связана с расчленением изначального Эона-вечности на движущийся и властвующий над временем Эон-век, с которым и связана первая византийская онтология времени.

Но сказать «первая» можно лишь очень условно. Эон был одной из основополагающих категорий античной греческой философии, проделавшей до начала «византийского тысячелетия» огромный путь своего становления⁴⁸.

⁴⁸ Sasse H. *Aion* // *Reallexikon für Antike und Christentum*. Bd. 1. Stuttgart, 1950; Idem. *Aion* // *Theological Dictionary of the New Testament*. Vol. 1, 1964; Schierse F.J. *Aion* // *Lexikon für Theologie und Kirche*. Bd. 1. Freiburg, 1957; Cremer H. *Aion* // *Biblical Theological Lexicon of the New Testament*. Eiburg, 1954; Güht J. *Zeit (Αἰών)* // *Theologische Begriffslexikon zum Neuen Testament*. Bd. 13. Wuppertal, 1971 etc.; Розанов Н. Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. М., 1881. С. 155, 158; Benveniste E. Expression indo-européenne de l'éternité // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 1937, XXXVIII; Degani N. *Αἰών* da Omero ad Aristotele. Padova, 1961; Eisler R. Das Fest des "Geburtstages der Zeit" in Nordarabien // *Archiv für Religionswissenschaft*. 1912, XV; Junker H. Über iranische Quellen der hellenistischen Aion-Vorstellungen // *Vorträge der Bibliothek Warburg I, 1921/22*. Leipzig-Berlin, 1923; Nilsson M.P. *Sonnenkalender und Sonnenreligion* // *Opuscula selecta*. v. 2. Lund, 1952; Norden E. *Geburt des Kindes*. Berlin, 1924; Onians R.B. *The Origins of European Thought about the Body, the Mind, the World, Time and Fate*. Cambridge, 1954; Reitzenstein R. *Die hellenistischen Mysterionreligionen*. Leipzig, 1926; Idem. *Poimandros*. Leipzig, 1904; Reitzenstein R., Schaeder H. *Studien zum antiken Synkretismus aus Iran und Griechenland*. Berlin-Leipzig, 1926; Weinreich O. *Aion in Eleusis* // *Archiv für Religionswissenschaft*. 1916/19, XIX etc.; Festugière A.-J. Le sens philosophique du mot Αἰών. A propos d'Aristote De Caelo, I, 9 // *La parola del Passato*. Rivista di studi classici. Napoli, 1949, XI; Goldschmidt V. *Le système stoïcienne et l'idée du Temps*. Paris, 1969; Callahan J.F. *Four Views of Time in Ancient Philosophy*. Cambridge, 1948; Steffens St. *Die Entwicklung des Zeitbegriffs im vorphilosophischen Denken des Griechen bis Plato*. Berlin, 1911; Zepf M. *Der Gott Αἰών in der hellenistischen Theologie* // *Archiv für Religionswissenschaft*. 1927, XXV etc.; Stadtmüller G. *Saeculum* // *Saeculum*, 1951, II, 1; Idem. *Aion* // *Ibidem*. II, 2; Stegemann V. *Astrologie und Universalgeschichte*. Studien und Interpretationen zu den Dionysiaka des Nonnos von Panopolis. Leipzig-Berlin, 1930; Culmann O. *Christus und die Zeit*. Die Urchristliche Zeit- und Geschichtsauffassung. Zürich, 1962, etc.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО МОДЕРНА

В.В. Петров

ОРИГЕН И ДИДИМ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ О ТОНКОМ ТЕЛЕ ДУШИ *

Колесница души

Важным элементом психологии Оригена было представление о тонком теле, служащем душе одеянием и колесницей. Уже Эмпедокл сравнивал тело с облакающими душу одеждами души¹. После Платона тонкое тело именуют колесницей души, световидным, эфирным и пневматическим телом, а у Прокла – это звездное (*ἀστρoειδής*) тело. Смысл обращения к идее такого тела состоял в том, что требовалось объяснить соединение ума и плоти через введение между ними посредника, которым является оболочка души, сохраняющаяся после распада земного тела и не полностью нематериальная. В этом ее отличие от совершенно нематериальной пневмы церковных авторов².

Неоплатоники возводили эту теорию к Платону, который, отвечая на вопрос о том, каким образом душа может двигать Солнце, предположил существование у нее некоего огненного или воздушного тела. (*Законы* 898e–f, ср. *Тимей* 41e). Уже Аристотель уподобил пневму – теплую субстанцию, передаваемую в акте порождения и служащую вместилищем питающей, чувственной и имажинативной души, – элементу, из которого сделаны звезды³.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 05–06–80294).

¹ Порфирий у Стобея: 1, 49, 60, 21–24 (Wachsmuth, Hense, = DK 31B 126): *καὶ φύσις ὑπὸ Ἐμπεδοκλέους δαίμων ἀνηγόρευται "σαρκῶν ἀλλογνῶτι περιστέλλουσα χιτῶνι" καὶ μεταμπίχουσα τὰς ψυχὰς*. Согласно Дильсу, речь здесь идет о женском демоне, а объекты воздействия – души. M.R. Wright (см.: *Empedocles: The Extant Fragments*. New Haven, 1981), p. 277) полагает, что субъектом является Ананке, а названным объектом – демоны. В любом случае, поскольку у Эмпедокла демоны эквивалентны душам (ср. Wright, 271 f.), тело можно рассматривать как одеяние души.

² H. Crouzel, "Geist (Heiliger Geist)", *Reallexikon für Antike und Christentum*, t. 9 (Stuttgart, 1974), cols. 495–496.

³ Аристотель, *О происхождении животных* II, 3, 736 b 29 – 737 a 1:

Неизвестно, кто первым соединил платоновскую «колесницу» с аристотелевской пневмой, но к III в. н. э. это учение уже утвердилось. Плотин придавал теории колесницы мало значения, но его ученик Порфирий отвел ей главную роль в учении о душе. В после-плотиновской теории о колеснице важен тот момент, что душа при нисхождении с небес на землю облекается в различные материальные оболочки⁴. Это материальное приращение служит ей колесницей.

В спорах относительно смертности различных частей души высказывались различные мнения. Согласно Проклу, Аттик и Альбин считали иррациональную душу смертной, а Ямвлих – полностью бессмертной, тогда как Порфирий занимал промежуточную позицию⁵. Ямвлих доказывал, что колесница, сотворенная космическими богами, неразрушима и всегда остается прикрепленной к неразумной душе и что де она, хотя и отделяется от разумной души на ее пути к Единому, бессмертна⁶. Позиция Прокла был компромиссной. Он говорит о двух колесницах. Первая, бессмертная, создана демиургом и составлена из неких неистребимых верхушек неразумной жизни (*ἀκρότητες τῆς ἀλόγου ζωῆς*). Вторая вплетена малыми богами в иррациональную, смертную жизнь души и последовательно сбрасывается, как наслоения, при восхождении⁷.

Заемствованное из классической философии представление об эфирном теле, или «колеснице души», на образном либо лексическом уровне усваивается многими христианскими авторами.

«Итак, способности (*δύναμις*) каждой души связываются, по-видимому, с другим телом и более божественным, чем так называемые элементы (*τῶν στοιχείων*), а поскольку души отличаются друг от друга по высшей или низшей ценности, постольку отличается и природа упомянутых тел. В семени всех существ пребывает то, что делает семя плодородным, так называемое тепло. Это ни в коем случае не огонь или подобного рода сила, но заключенная в семени и в пенистом веществе пневма и природа пневмы, аналогичная элементу у звезд (*τῶ τῶν ἀστρῶν στοιχείῳ*), пер. В.П. Карпова.

⁴ Ср. Макробий, *Комм. на «Сон Сципиона»* I, 11, 11–12 Willis; Аристид Квинтиллиан, *О музыке* II, 17, 20–89 (Winnington-Ingram), а также H.S. Schibli, "Origen, Didymus, and the Vehicle of the Soul", *Origeniana Quinta. Papers of the 5th International Origen Congress*, ed. R.J. Daly (Leuven: Uitgeverij Peeters, 1992), 381ff.

⁵ Прокл, *in Tim.* III, 234, 6–30 (Diehl).

⁶ Ямвлих, *in Tim.* fr. 81 (Dillon). См. J. Finamore, *Iamblichus and the Theory of the Vehicle of the Soul* (Chico, California: Scholars Press, 1985), p. 17 ff.

⁷ Прокл, *in Tim.* III, 236, 31 ff. Об *ἀκρότητες* см. J. Dillon, *Iamblichi... fragmenta* (Leiden: Brill, 1973), p. 374; *Первоосновы теологии* 209; E.R. Dodds в кн.: *Proclus. The Elements of Theology* (Oxford: Clarendon Press, 1963), p. 306–308; Finamore, p. 86 ff.

Ориген же воспринял эту теорию в ее философском аспекте. Иероним прямо приписывает ему соответствующее учение:

все разумные творения, бестелесные и невидимые, если становятся нерадивыми, постепенно соскальзывают на низшие уровни и берут себе тела согласно качеству мест, в которые нисходят, то есть сначала берут эфирные тела, а затем воздушные. А когда они достигают соседства земли, они облачаются в более плотные тела (*crassioribus corporibus*) и, наконец, связываются с человеческой плотью⁸.

Хотя во многих текстах Ориген говорит, что в период между смертью и воскресением душа лишена тела⁹, часто это означает не отсутствие тела вообще, но лишенность земного тела при сохранении тела тонкого и невидимого¹⁰. У Мефодия Ориген назы-

⁸ Иероним, *Contra Joh. Hieros.* 16 (несогласие с тем, что P. Koetschau причисляет этот отрывок (I, 4, 1) к аутентичному тексту трактата *О началах* см. в *Origène. Traité des Principes*, eds. H. Crouzel, M. Simonetti, t. 2, *Sources Chrétiennes* (далее – SC) 253 (Paris: Cerf, 1978–1980), 78 f). Связь этого фрагмента с толкованием Оригеном Быт 1:27, 2:7, 3:21 обсуждается в С.Р. Vammel, "Adam in Origen", *The Making of Orthodoxy: Essays in Honour of Henry Chadwick*, ed. R. Williams (Cambridge, 1989), 65–69, 71, 72–73. О земных телах, определяемых как *crassum* или *crassius* (*παχύς, παχύτερον*) см. *О началах* I, *Предисловие* 8; II, 2, 2; III, 5, 4; *Против Цельса* V, 5; VII, 5; Иероним, *Ер.* 124, 4.

⁹ L.R. Hennessey, "A Philosophical Issue in Origen's Eschatology: The Three Senses of Incorporality", *Origeniana Quinta*, p. 373–380. Толкуя Новый Завет (*Comm. series in ev. Matthaei* 51, *Die griechischen christlichen Schriftsteller* (далее – GCS) XI, 113, 31), Ориген говорит, что Павел противопоставляет тех, кто будет еще жив при конце света, тем, кто уже вышел (*egressi*) из своих тел (1 Кор 15:51; 1 Фес 4:17). Применительно к истории о воскресении Лазаря (Ин 11:1 sqq.) Ориген замечает, что у последнего душа отделена (*ἀπαλλαγείσης, κεχωρισμένης*) от тела, потому что душа не зависает подле тела после смерти (*Comm. in ev. Joannis* XXVIII, 6 (5), 44, GCS IV, 395, 44). Наконец, по поводу нисхождения Иисуса в ад, произошедшего между Его смертью и воскресением, сказано, что, «когда Он стал душой, обнажившейся (*γυμνή*) от тела, Он разговаривал с душами, разоблачившимися (*γυμναίς*) от тел, ср. 1 Петр 3:19» (*Против Цельса* II, 43).

¹⁰ Ориген, *О началах* I, *Предисловие* 8 [GCS V, 14, 16]. Ср. Иоанн Дамаскин, *Точное изложение православной веры* XXVI, 53–57: «Бестелесное же и невидимое, и не имеющее очертания (*ἀσχημάτιστα*) понимаем двояким образом. Одно бестелесно по сущности, а другое по благодати; и одно по природе, другое же по сравнению с грубостью вещества (*τὴν τῆς ὕλης παχύτητα*). В отношении к Богу говорят о бестелесности, конечно, по природе, в отношении же к ангелам и демонам и душам – по благодати и подобно с грубостью материи»; *Диалектика* LXVI, 21–23 (в рус. пер. гл. LXVIII): «ангелы, демоны и души по отношению к телу называются нематериальными (*ἀυλα*); по отношению же к нематериальному в строгом смысле, то есть к божеству, они являются материальными (*ὕλικά*)».

вает тело, остающееся у души после отделения от земного тела, «колесницей души»:

[Ориген] говорит, что она [душа] по переселении из мира нуждается в колеснице и одеянии, так что не может оставаться нагою. Не значит ли это, что она сама по себе бестелесна?¹¹

Для христианских платоников Александрии колесница души или световидное тело – это произведение рук Божиих. Распространенным было толкование Быт 1:27 и 2:7 как двойного творения. Сначала творится разумная душа, а затем световидное тело, которое служит колесницей души (в другом месте Ориген говорит, что ум, уклоняясь от своего исходного состояния и достоинства, становится душой¹²). Это творение происходит в результате соединения ума и световидного тела, что делает душу отчасти материальной. Вот как передает Прокопий из Газы (V в.):

Те, кто занимается аллегориями... утверждают, что фраза *согласно образу* (Быт 1:27) обозначает душу. Человек, созданный из праха (Быт 2:7), есть тонкое тело, достойное жизни в раю, а некоторые из них называют его **световидным**. Кожаные одежды (Быт 3:21) объясняются [у них] посредством отрывка: *Ты кожей и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня* (Иов 10:11). Они говорят, что вначале душа пользовалась **световидным телом, как колесницей**, и уже это тело позднее одето в кожаные одежды¹³.

Теперь мы знаем, что именно так учил Дидим Александрийский в своем комментарии на Бытие. При этом источником Дидима был Ориген. Конечно, «духовное тело», о котором говорит, например, апостол Павел (1 Кор 15:44), имеет иное происхождение и смысл, чем греческая теория колесницы-пневмы, но последующие христианские платоники часто их смешивали. Это случай Оригена, который в *Против Цельса* пишет о душе недавно умерших:

Платон в своей [работе] о душе [Федон 81d] говорит, что некоторым являлись тенеобразные призраки уже усопших подле их могил. Но возникающие подле могил усопших призраки образуются от некоего

¹¹ Он же, *О воскресении* (согласно Мефодию), у Фотия, *Bibliotheca. Codex* 234 (p. 301, 29ff.): *Τὸ γὰρ καὶ μετὰ τὴν ἀπὸ τοῦ κόσμου ἀποφύττειν ὀχλήματος αὐτὴν δέεσθαι καὶ περιβολῆς λέγειν, ὡς οὐ δυναμένην κατασχεθῆναι γυμνῆν, πῶς οὐκ ἂν καθ' ἑαυτὴν ἀσώματος εἴη.* О телесной колеснице у Оригена см. ниже с. 42 и с. 47, примеч. 44.

¹² Он же, *О началах* II, 8, 3: «Ум, уклонившийся от своего состояния и достоинства, сделался и назван душою; и душа, в случае восстановления и исправления, снова делается умом (quod mens de statu ac dignitate sua declinans, effecta est vel nuncupata est anima...):»; ср. Иероним, *Ер.* 124, 6 (SC 253, 208): «*νοῦς, id est mens, corruens, facta est anima...*»

¹³ Прокопий из Газы, *Com. in Genesis* III, 31 (PG 87, 221A).

субстрата, относящегося к душе, существующей в так называемом световидном теле (*ἐν τῷ ἀγροειδέι σώματι*)¹⁴.

В другом месте Ориген объясняет, что согласно верованиям греков и варваров, души, которые роятся подле могил, являются злыми, тогда как чистые души рождаются для области надлунного эфира¹⁵.

Когда Ориген говорит о восставших праведниках, он описывает их следующим образом:

Когда праведники восстанут во славе во второе пришествие Христа, у них не будет чувственных одежд (*ἱμάτια αἰσθητά*), но их будут облачать некие сияющие облачения (*λαμπραὶ περιβολαί*). И как у тех эйдос не стал другим при Преображении (Лк 9:29), так и при Воскресении – эйдос святых, хотя и будет гораздо более славным, чем тот, что был у них в этой жизни, но не будет другим¹⁶.

Весьма вероятно, что «сияющие облачения» – это духовные тела, в которые душа облечётся для новой жизни.

В своей *Апологии Оригена* Памфил передает оригеновское описание вознесения Христа, в котором александрийский Учитель говорит о возносящейся плоти:

Господь Иисус Христос... был распят и стал *первороденным из мертвых* (Кол 1:18); и после воскресения, будучи взят на небо, Он вознёс (euexit)¹⁷ с собой своё земное тело, так что страшились и изумлялись небесные силы, видевшие, как *плоть* восходит на небо... Христос... первым вознёс *плоть* до неба. Именно этой необычайности устрешились небесные силы, поскольку – чего они раньше никогда не видели – теперь они зрели, как *плоть* восходит на небо, а потому говорят: *Кто это идет от Едома*, — то есть от рожденных на земле, — *в червлёных ризах* (vestmentorum) *от Восора* (Ис 63:1); ибо они видели на теле Его *следы ран* (uestigia uulnerum) из Восора¹⁸, то есть [следы ран] воспринятых во плоти¹⁹.

Схожий отрывок самого Оригена сохранился по-гречески. В

¹⁴ Ориген, *Против Цельса* II, 60.

¹⁵ Там же, VII, 5.

¹⁶ *Fragm. in Lucam (in catenis)* 140, 13–17 (GCS 9, 283, 13).

¹⁷ Глагол *eueho* (*veho*), от которого происходит *vehiculum* («повозка») – латинский аналог греческого *ὄχημα*, обозначавшего у платоников «колесницу» души. Таким образом, скорее всего, греческий текст содержал дериват от *ὄχεω*.

¹⁸ Ср. Ис 34:6: *Ибо жертва у Господа в Восоре и большое заклание в земле Едома*.

¹⁹ Pamphile et Eusèbe de Césarée, *Apologie pour Origène*. Texte critique, traduction et notes par René Amacker et Éric Junod, t. 1, SC 464 (Paris: Cerf, 2002), Fr. 143, 1–16, p. 228–230.

нем аллегорически толкуется въезд Иисуса в Иерусалим на Вербное воскресенье (Мф 21:1–11) и применительно к телу прославленного Господа пишет о *колеснице*. Иисус въезжает в Иерусалим, сидя на ослице и молодом осле. В трех приветственных возгласах тех, кто идет перед Иисусом, Ориген усматривает пророков Ветхого Завета, праведников и апостолов Нового Завета, празднующих (1) человечество Господа: *Осанна сыну Давидову!*; затем (2) Его второе пришествие: *Благословен Грядущий имя Господне!*; и наконец, (3) Его возвращение (*ἀποκατάστασις*) на небеса: *Осанна в вышних!* Затем Ориген пишет:

В то время как три восклицания произносились с общего согласия тех, кто шел впереди и следовал за Иисусом, Он Сам входил в истинный (*ἀληθινά*) Иерусалим. Небесные силы были изумлены... и спрашивали: *Кто сей?* Это соответствует пророчествам 23-го псалма о вознесении Спасителя и изумлении небесных сил, дивящихся необычному зрелищу Его *телесной колесницы* (*τοῦ σωματικῆς ὀχημάτων*)²⁰.

Таким образом, вход Иисуса в Иерусалим аллегорически понимается как вход прославленного Иисуса в «истинный», то есть *небесный* Иерусалим, который есть «таинство» или «истина» Иерусалима земного. Все детали евангельского текста рассматриваются в этой перспективе: небесные силы изумляются при виде телесной колесницы Христа, ибо видят восходящее на небеса *человеческое тело*. Ослица и осленок суть телесная колесница, они обозначают прославленное тело воскресшего Христа, входящего в Иерусалим небесный²¹.

То, что Ориген использует термин средних платоников (*колесница*), помогает прояснить его понимание воскресения: между земным и прославленным телом должна быть преемственность, которая и обеспечивается пневматической колесницей.

Тела ангелов и праведников эфирны

Для понимания психологии и эсхатологии христианских платоников важно, что световидная колесница понималась и как эфирная. Соответственно, световидное тело – это тело эфирное. Считалось, что таковы тела ангелов²². В Евангелиях Христос говорит,

²⁰ Ориген, *Comm. in ev. Matthaei* XVI, 19, 1–15 (GCS X, 539, 11). См. H. Crouzel, "La thèse platonicienne du 'véhicule de l'âme' chez Origène" (1973), reprint. [in H. Crouzel. *Les fins dernières selon Origène* (Aldershot: Variorum, 1990), Section III], p. 229.

²¹ Ср. слова Франциска Ассизского, называвшего свое тело «брат мой, осёл».

²² Подробнее о телах воскресения см. В.В. Петров, «Тело и телесность в

что после воскресения люди станут как ангелы или равны ангелам (Мф 22:30; Мк 12:25; Лк 20:36). Соответственно, полагали, что различие между земным телом и телом воскресения состоит в том, что последнее будет как у ангелов. Ориген часто ссылается на эти места Евангелий, говоря о состоянии душ после воскресения²³. Он прямо учит, что ангелы и демоны имеют тела, но тонкие, разреженные. Эфирное, световидное тело, именуемое «колесницей» души, – это тело воскресения, какое есть и у ангелов²⁴.

Тело демона (и воскресшего грешника) почти такое же тонкое, как у ангела (и праведника), за исключением того, что оно не светлое, но темное²⁵. Те, кто восстает на проклятие, имеют тела весьма подобные демонским, хотя Ориген не причисляет их к демонам явно²⁶.

Говоря, что тело воскресения является эфирным, Ориген развивает космологическую доктрину Платона и Аристотеля. Для Платона эфир – это чистейшая область неба (*Федон* 109b) и прозрачайшая разновидность воздуха (*Тимей* 58b), а в *Послезаконии* – это элемент, добавленный к прочим (981c); тела звезд состоят из эфира, тела демонов – из воздуха (985a). Для Аристотеля эфир есть пятый элемент, он составляет души, богов, звезды, умы, поскольку четыре обычных элемента не могут объяснить высший род активности – интеллектуальную деятельность.

Для Оригена эфир – это место на небе, где находятся чистейшие тела, это место более высокое, чем воздух²⁷. Но эфир – это также природа тел живущих в этом месте, чистейшее состояние, которого может достичь телесная природа²⁸. Ориген открыто отвергает аристотелевское представление об эфире как о пятом

эсхатологии Иоанна Скотта», *КОСМОС И ДУША. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы)* / Общ. ред. П.П. Гайденко, В.В. Петров (М.: Прогресс–Традиция, 2005), с. 653–654.

²³ Мф 22:30 – *Homiliae in Leviticum* 4, 4 (GCS 6, 320, 3); 9, 11 (GCS 6, 439, 3–7); Лк 20:36 – *Comm. series in ev. Matthaei* 72 (GCS 11, 172, 13); Мф 22:30 – *Com. in epist. ad Romanos* III, 1 (PG 14, 926B), *Против Цельса* IV, 29 (GCS 1, 298, 13).

²⁴ *Com. in ev. Matthaei* XVII, 30 (GCS 10, 671, 10).

²⁵ Ориген, *О началах* II, 10, 8 (GCS 5, 182, 3).

²⁶ Н. Crouzel, "La doctrine origénienne du corps ressuscité", (1980), reprint. Н. Crouzel, *Les fins dernières selon Origène* (Aldershot: Variorum, 1990), Section VI, p. 191.

²⁷ Ориген, *О началах* II, 1, 1 (GCS 5, 106, 18). *Comm. in ev. Joannis* XIII, 41 (GCS 4, 226, 16 и 23); *Homiliae in Ezechielem* IV, 1 (GCS 8, 361, 8).

²⁸ Он же, *О началах* I, 6, 4 (GCS 5, 85, 20).

элементе²⁹, и не соглашается с Аристотелем, для которого эфир был не *иным состоянием* тела, но *иным телом*. Для Оригена эфир это скорее качество, чем тело³⁰. Телам воскресения, чтобы жить в области эфира, потребны эфирные тела, поскольку тело должно быть приспособлено к среде обитания³¹.

Дидим Александрийский

Рассуждения о световидной колеснице, практически отсутствующие у Оригена, в явной форме обнаруживаются у Дидима Александрийского³², сочинения которого в целом демонстрируют сильную зависимость от мысли Оригена³³. В своем комментарии на Быт 1:27 Дидим определяет человека, созданного по образу Божию, как *внутреннего человека*, который имеет «бестелесную и умопостигаемую сущность (*ἀσώματος καὶ νοερὰ οὐσία*)»³⁴. Он называет такого человека нематериальным (*ἄψυλον*) и говорит:

Но поскольку человек пришел также в другое состояние, так что ему требовалось нечто, что он мог бы использовать, ему пришлось иметь тело-орудие (*ὄργανικὸν σῶμα*) [т. е. световидное], а теперь появились еще и кожаные [одежды]³⁵.

Таким образом, нематериальный внутренний человек сначала облачился в световидное тело, а затем в тело земное. В комментарии на Быт 3:21 Дидим утверждает, что никто не может сказать, что кожаные одежды – это что-либо, кроме земных тел³⁶.

Комментируя Прем 9:15: *тленное тело отягощает* (*βαρύνει*) *душу, и этот земной шатер* (*τὸ γεώδες σκῆνος*) *подавляет многозаботливый ум*, Дидим говорит:

²⁹ Там же, III, 6, 6–7 (GCS 5, 288, 21).

³⁰ См. Crouzel, "La doctrine origénienne du corps ressuscité", p. 191–194.

³¹ Ориген, *Против Цельса* VII, 32–33 (GCS II, 182, 31 – 183, 29).

³² Говоря о Дидиме, мы опираемся на исследование H.S. Schibli, "Origen, Didymus, and the Vehicle of the Soul", *Origeniana Quinta*, p. 381–391.

³³ Вслед за Оригеном Дидим учил о предсуществовании души, см. Дидим, *Com. in Job*, pt. I (p. 56, 20 ff., ed. HENRICH, *Didymus der Blinde. Kommentar zu Hiob*, Teil I, Bonn, 1968); pt. III (p. 260, 20 ff., ed. U. Hagedorn, *Didymus der Blinde. Kommentar zu Hiob*, Teil III, Bonn, 1968). Довод в пользу предсуществования душ Дидим видел факте превосходства добродетели над пороком: *Com. in Psalmos*, pt. IV (p. 259, 18 ff., ed. M. Gronewald, *Didymos der Blinde. Psalmenkommentar*, Teil IV, Bonn, 1969); A. Gesché, *La christologie du "Commentaire sur les Psaumes" découvert à Toura* (Gembloux 1962), p. 356–361.

³⁴ Дидим, *In Genesim* 57, 7–9 (ed. P. Nautin et L. Doutreleau, SC 233, p. 144).

³⁵ Там же, 107, 5–8 (p. 250–252).

³⁶ Там же, 106, 12 (p. 250): «οἱ δερμάτινοι κτώνες γίνονται, οὓς οὐκ ἂν ἑτέροις τις τῶν σωμάτων εἶποι».

Тленное тело есть, конечно, сие грубое... [а] земной шатер есть то, чем душа, освободившись от сего тела, пользуется для своих движений и перемещений (*πρὸς τὰς μεταβατικὰς κινήσεις*); это [нечто] среднее, соединяющее умную сущность с грубым [телом]. Последнее отягощает душу, шатер же подавляет не душу, но ум³⁷.

Здесь Дидим рассматривает природу *земного шатра* через призму Быт 2:7, где говорится о создании человека *из праха земного* (*χοῦς ἀπὸ τῆς γῆς*). При этом для него речь идет о творении Богом тонкого тела человека, так что и *прах* представляет собой чистую материю³⁸. *Земной шатер* по мнению Дидима — это световидное тело, обитель и колесница *разумной души*, т. е. ума. Колесница подавляет ум, а тленное тело, в свою очередь, обременяет душу, состоящую из ума и световидного тела.

Вслед за этим Дидим цитирует 2 Кор 5:1–4: *Ибо знаем, что, когда у нас разрушится наземное жилище шатра* (*ἡ ἐπίγειος ἡμῶν οἰκία τοῦ σκῆνους*), *мы имеем строение* (*οἰκοδομήν*) *от Бога, жилище* (*οἶκον*) *нерукотворное, вековое на небесах...* *Ибо, находясь в шатре, мы стенаем* (*στενάζομεν*). Дидим делает вывод: «Говоря о жилище шатра, [апостол], конечно, учит тому, о чем мы уже говорили»³⁹. В отличие от ряда современных переводов⁴⁰, понимающих «шатер» как синоним и разъяснение к «жилищу», Дидим видит в *τοῦ σκῆνους* *genetivus possessivus*, так что земное тело есть жилище для шатра, а сам шатер — это световидное тело и жилище ума⁴¹.

³⁷ Там же, 107, 11–15 (p. 252).

³⁸ Ср. Филон, *О сотворении мира* 137: «Бог, по всей видимости, не от случайной какой-то части *земли взял праха* (*χοῦν*), решил с величайшей тщательностью вылепить это, имеющее вид человека, изваяние, но взял из всей земли лучшее, из чистой материи чистейшую и тщательно отобранную, что для созидания наиболее подходило. Ведь создавалось некое *жилище* (*οἶκος*) или священный храм для разумной души (*ψυχῆς λογικῆς*), которую Он собирался в палатке там водрузить как богоподобнейшее из изваяний».

³⁹ Дидим, *In Genesis* 107, 16–21 (p. 252).

⁴⁰ Ср. *Синодальный перевод*: «земной наш дом, эта хижина»; *перевод еп. Кассиана (Безобразова)*: «Ибо мы знаем, что, если *земной наш дом, эта палатка*, будет разрушен, мы имеем строение от Бога, дом нерукотворенный, вечный на небесах. Ибо, действительно, в ней мы стонем, томясь желанием облечься в жилище наше с неба... Ибо, действительно, мы, находящиеся в палатке, стонем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» (2 Кор 1–4). Но см. *King James Version*: «our earthly house of this tabernacle».

⁴¹ Дидимово толкование 2 Кор 5:1–2 схоже с толкованием Оригена на то же место *Послания (Против Цельса VII, 32)* и до некоторой степени проясняет оригеновский комментарий на Бытие и прочие тексты. Например, в *Expositio in Proverbia XVII, 13* (PG 17, 200), применительно к фразе: *Кто за добро воздаст злом, от жилища (τοῦ οἴκου) того не отойдет зло* (Притч

Дидим поясняет, что, хотя обыкновенно полагают, будто человек состоит из тела и души, некоторые считают, что он состоит из духа, души и тела, и это мнение предпочтительнее. Взгляд Дидима на душу как на среднее (*μέσον*) между трансцендентным умом и земным телом (это понимание он разделял с Оригеном) восходит к Платону. В *Тимее* 30b сказано: «ум отдельно от души ни в ком обитать не может... [Демииург] устроил ум в душе, а душу в теле и таким образом построил Вселенную...» Макро- и микрокосм имеют схожее устройство.

Параллели с Платоном не случайны. Построения Оригена и Дидима, когда они истолковывают события творения и грехопадения, зависят от представлений платоников. Собственно христианские элементы наиболее сильно ощущаются в сотериологических моментах, хотя и здесь греческая философия лежит в основе того, как александрийские христиане объясняют процесс спасения. Спасительная работа Бога начинается уже с создания световидного тела, понимаемого как *ὄρασιμόν σῶμα*. Хотя через последнее ум нисходит далее в материю, световидное тело дает душе возможность возвратиться к Богу. В другом, специальном сочинении, Дидим опять комментирует 2 Кор 5:1:

Не помню где, но *земным жилищем шатра* именуется тело, состоящее из костей и плоти, а *шатер*, который пребывает в этом жилище, — это *колесница* внутреннего человека, которая есть световидное и органическое тело. Поэтому те, кто придерживается такого толкования, говорят: когда сие жилище грубого тела разрушится, душа перемещается в небесную область, именуемую *жилищем нерукотворным, вековым*. Но душа [опять] обретёт тело, которое отложила, ставшее небесным, именуемое *строением с небес*⁴².

17:13), Ориген замечает, что *жилище* здесь можно понимать двояким образом: это либо тело как жилище души, либо душа как жилище ума. Он считает, что в этом отрывке подразумевается «тело, созданное Господом», под каковым он, очевидно, понимает душу как жилище ума, поскольку гнев и невзгоды, которые придут к злому человеку, повлияют на душу, а не просто на тело, которое вмещает душу. Таким образом, ум для Оригена, как и для Дидима, обитает в душе (световидном теле), а душа — в земном теле.

⁴² Дидим, *Fragmenta in 2 Cor. (in catenis)* 27, 14–22 (PG 39, 1704AB). Вместо принятого в PG *τὸ σῶμα* Г. Шибли предлагает читать *τὸ ὄχημα*, см. H.S. Schibli, "Origen, Didymus, and the Vehicle of the Soul", p. 390, n. 28. Примечательно, что Крузель, опиравшийся на дошедший до нас славянский перевод трактата Мефодия Олимпийского *О воскресении*, обосновал необходимость такой же замены *τὸ σῶμα* на *τὸ ὄχημα* для *О воскресении* III, 17 (GCS 27, 414, 7), тогда как Н. Бонвеч сохранил чтение Фотия — *τὸ σῶμα*, см. Н. Crouzel, "Mort et immortalité selon Origène", (1978), reprint. Н. Crouzel, *Les fins dernières selon Origène* (Aldershot: Variorum, 1990), Section

В этом отрывке *шатер* (*σκηνή*) открыто отождествляется с «колесницей». Таким образом, после смерти, когда земное тело разрушается, световидное тело служит колесницей, на которой разумная душа, или ум, возвращается в своё небесное жилище.

Цитируя 2 Кор 5:1–4 в своём комментарии на Бытие, Дидим связывал первую строку (*имеем строение от Бога... на небесах*) с началом четвертой (*находясь в шатре, мы стенаем*). В *Послании* эта строка продолжается: *под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью*. Дидим понимает это так, что наше световидное тело хочет заново облечься в небесное тело воскресения. И здесь христианское учение вносит серьезные коррективы в платоновское. Для платоников восхождение души на небо сопровождается обратыванием телесных наращений, для христиан душа приобретает новое, лучшее тело.

Духовное тело воскресения не тождественно пневматической колеснице, и тем более земному телу. Дидим отличает тело воскресения от земного тела, одновременно пытаясь показать, что тело в некотором смысле остается. В ходе продолжительного обсуждения этой темы в *Комментарии на Псалмы* он отправляется от слов ап. Павла *мы все изменимся* и прибегает к аристотелевской классификации «изменения», позволяющей рассматривать воскресение в двух аспектах. Если говорить об изменении тленного в нетленное, тогда воскресение будет истинной трансформацией (*ἀλλαγή*), воздействующей на сущность (*κατ' οὐσίαν*). Но поскольку тело восстает не из чего-то бестелесного, поскольку мы говорим, что такое-то тело восстает из такого-то (*ἐκ τοιοῦδε σώματος τοιόνδε σῶμα*), воскресение можно рассматривать и как изменение по качеству (*ἀλλοίωσις κατὰ ποιότητα*)⁴³.

Эйдос отпечатан на световидном теле

Но вернемся к Оригену, в эсхатологии которого важную роль играет учение об «эйдосе тела»⁴⁴. Можно ли реконструировать его взгляды на то, где находится телесный эйдос (семенной логос) в

I, p. 183; и Он же, "La thême platonicien du 'véhicule de l'âme' chez Origène" (1973), reprint: H. Crouzel, *Les fins dernières selon Origène* (Aldershot: Variorum, 1990), Section III, p. 226-228.

⁴³ Дидим, *Comm. in Psalmos*, pt. V (Gronewald, p. 328, 25 ff.); ср. Ориген, *О началах* II, 10, 3.

⁴⁴ Подробнее см. В.В. Петров, "Учение Оригена о теле воскресения в контексте современной ему интеллектуальной традиции", *КОСМОС И ДУША. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы)*, 577–632.

период между разложением земного тела и воскресением? Ориген учил, что логос, имеющий произвести тело воскресения, «встроен (insita) в тела» и «всегда сохраняется в телесной сущности» (*О началах*), и даже что он «пребывает в самих их телах, которые, упав в землю, по воле Божией вновь поднимаются» (*Апология* Памфила)⁴⁵. Но как можно пребывать в теле, которое распалось?

В отличие от Плотина у Оригена не предполагается существование нозтических логосов, которые служили бы непреходящими архетипами для распадающихся внутриматериальных логосов. При переходе в жизнь вечную неизменной остается душа, но (в противоположность воззрениям последователей Аристотеля) сама она не является формой тела. Логично предположить, что она способна нести форму в силу того, что после земной смерти – т.е. после разрушения *наземного жилища шатра* – шатер продолжает облекать ее, будучи световидным телом, «колесницей»⁴⁶. И в самом деле, Ориген различает тонкое тело души, которое он называет *шатром*, и внешнее, плотское тело – *наземное жилище шатра* (2 Кор 5:1–3). После смерти по плоти, т.е. после разрушения наземного жилища шатра, душа продолжает существовать в шатре, то есть в световидном теле, до тех пор, пока не облачится в «жилище нерукотворное, вечное на небесах»:

Возвышенно учение, гласящее, что именуемое в Писаниях *шатром* души – пребывая в котором, праведники стенают *под бременем*, ибо хотя не *совлечься, но облечься* – имеет *семенной логос*... Мы говорим о воскресении не потому, что, как полагают Цельс, слышали [от философов] о переселении [душ] из тела в тело (*τῆς μετεσθιμωτῶσεως*), но потому, что знаем, что в каком бы телесном месте ни оказалась душа, по своей природе бестелесная и невидимая, ей требуется тело, подходящее (*οικείου*) природе этого места. Ибо иногда она совлекается того, которое носит и которое было необходимо ей прежде, но стало излишним, и [меняет] его на другое, а иногда надевает [облачение] поверх того, которое имелось прежде, поскольку нуждается в одеянии, лучше [подходящем] для более чистых, эфирных и небесных мест. Ведь и приходя в здешнее бытие, она совлеклась последа, который требовался ей во чреве беременной, пока она была в нем, но облечлась в то, что было необходимо ей для будущей жизни на земле.

⁴⁵ Ориген, *О началах* II, 10, 3, 102–114; Памфил, *Апология Оригена*, Fr. 130 (Amacker–Junod), SC 464, p. 210–212.

⁴⁶ Согласно Оригену (у Мефодия), притча о Лазаре учит нас, что в состоянии между смертью и воскресением душа после отделения от земного тела продолжает пользоваться неким телом. Речь идет о колеснице души, которая имеет ту же «форму», что и плотное и земное тело. Здесь «форма» (*εἶδος*) – это не философский термин, но «внешний вид», так что световидное тело подобно земному телу по внешности.

И опять же, поскольку имеется некий шатер наземного жилища, каким-то образом необходимого для шатра, то Писания говорят, что наземное жилище шатра разрушается, а шатер облекается в жилище *не-рукотворное, вековое на небесах* (2 Кор 5:1)... Писание говорит об облачении в *нетление и бессмертие* (1 Кор 15:53), которые, подобно облачениям у того, кто облекся и окружен этими облачениями, не допускают, чтобы имеющий их вокруг себя истлевал или умирал⁴⁷.

Как видно из цитаты, семенной логос, отвечающий за формирование тела, сохраняется не в земном теле, но в «шатре», т. е. в световидном теле. В новой жизни силы (*δυνάμεις*) этого логоса трансформируют субстрат так, чтобы тело воскресения подходило под условия места, в которое попадет воскресший человек. Согласно платоникам восхождение души на небо сопровождается сбрасыванием всех материальных покровов, так что в пределе она может достичь полностью бестелесного состояния. Напротив, Ориген, опирающийся на сказанное апостолом Павлом, постулирует, с одной стороны, отбрасывание земной оболочки, а с другой – облачение в новую, пригодную для обитания в «чистых, эфирных местах».

Согласно Оригену и Дидиму душа всегда остается в *шатре* – своём тонком, световидном теле. Наличие тонкого тела души, которое удерживает на себе отпечаток телесного эйдоса, предполагается также у следующего за Оригеном Григория Нисского. Такое понимание близко к позиции языческих философов, вроде Порфирия или Гиерокла, которые наделяли колесницу души частичным бессмертием после ее очищения посредством теургических ритуалов. В целом же, световидное тело души у Оригена и Дидима выполняет тройную функцию:

1) при творении оно позволяет падшему уму, т. е. душе, существовать и перемещаться в раю; поэтому, несмотря на его материальность, оно не рассматривается как злое;

2) после греха Адама и облачения человека в плотное земное тело наличие световидного тела дает залог воскресения уже в этой жизни;

3) после смерти земного тела в световидном теле обитает душа, удерживающая в нем логос телесной сущности до тех пор, пока она не облеклась в тело воскресения⁴⁸.

Таким образом, концепция телесного эйдоса у Оригена может получить логически непротиворечивое объяснение в предположении принятия им концепции тонкого тела души, разработан-

⁴⁷ Ориген, *Против Цельса* VII, 32, 4–39.

⁴⁸ H.S. Schibli, "Origen, Didymus, and the Vehicle of the Soul", p. 386-387.

ной в античной философии. Это не удивительно, ибо Ориген часто обращается к современным ему философским концепциям, трансформируя их для своих нужд. В попытке перекинуть мостик рационального над пропастью, разделяющей *lóγos* и *σάρξ*, объяснить тайну их соединения и совместного бытия обращение к классической философии было неизбежным. Имелись у этого и практические выгоды. Как заметил сам Ориген:

не думай, что не согласуется с христианским учением то, что, говоря против Цельса, я принял мнения тех, кто философствовал о бессмертии и сохранении души [после распада земного тела]. Ведь имея вместе с ними нечто общее, мы прочнее укрепим наши позиции⁴⁹.

⁴⁹ Ориген, *Против Цельса* III, 81, 1–4.

М.С. Петрова

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЭЙНХАРДА

В исследованиях зарубежных и отечественных ученых часто можно встретить фразу о том, что Эйнарда (IX в.)¹, автор истории о Карле Великом, следует «Жизни двенадцати Цезарей» Светония (ок. 70 – 140 гг.) и использует его сочинение в качестве модели². Это утверждение стало настолько «общим местом», что не вызывает сомнений. Однако ряд вопросов все же возникает. В частности, важно знать, что именно Эйнарда берет у Светония; какова степень его зависимости от античного автора; имеются ли у Эйнарда текстуальные параллели со Светонием и если они есть, то насколько точны; как часто средневековый автор обращается к тексту Светония, сохраняется ли при этом смысловой контекст заимствованных цитат. Их решению будет посвящена первая часть статьи.

Ниже мы представим текстуальные параллели между Эйнардом и Светонием³. Точные заимствования Эйнарда выделены нами полужирным шрифтом, слова и фразы, использованные с изменениями (по падежам, временным формам и пр.), подчеркнуты⁴. Сюжетные совпадения или их отсутствие отмечены, соответственно, знаками «+» и «-». Для удобства читателя выдержки из Эйнардовой «Жизни Карла» сопровождаются нашим переводом⁵, текст Светония приводится в переводе М.Л. Гаспарова⁶.

¹ Об Эйнарде см.: *Петрова М.С.* Эйнарда – биограф Карла Великого // Карл Великий: реалии и мифы. М.: ИВИ, 2000 (далее, *Петрова...*) С. 57-74.

² Например, см.: *Einhardi Vita Karoli Magni / Ed. Ph. Jaffé // Bibliotheca Rerum Germanicarum. Vol. 4: Monumenta Carolina. Berlin, 1867; repr.: Aalen: Scientia, 1964. P. 509-541.* На русском языке см.: *Левандовский А.П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. М.: Сортаник, 1995. С. 178; *Петрова...* С. 64.

³ Оригинальные тексты см.: *Einhardi Vita Karoli Magni / Ed. O. Holder-Egger // Monumenta Germaniae Historica: Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum (далее, MGH: SRG). 1911; repr. 1965; C. Svetonius Tranquillus. De vita XII Caesarum // Thesaurus Linguae Latinae CD-ROM. 1991 (далее, TLL CD-ROM).*

⁴ Принятый здесь метод демонстрации схожих мест сохраняется на протяжении всей нашей работы.

⁵ Наш комментированный перевод Эйнардовой «Жизни Карла» см. в кн.: *Историки эпохи Каролингов. М.: Росспэн, 1999. С. 9-34, 223-238.*

⁶ См. *Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1993.*

Эйнхард «Жизнь Карла Великого»			Светоний «Жизнь XII Цезарей»	
cap. 1 (v. 29)	<u>Gens Meroingorum</u> ... (Род Меровингов...)	+	<i>Август</i> 1	<u>Gentem Octaviam</u> ... (Род Октавиев...)
cap. 3 (v. 20)	... <u>morbo aquae intercutis</u> ... (он умер... от водянки...)	+	<i>Нерон</i> 5 (2)	... <u>decessitque morbo aquae intercutis</u> ... (...он скончался... от водянки...)
cap. 4 (vv. 24-4)	... <u>scribere ineptum iudicans ad actus et mores ceterasque vitae illius partes explicandas ac demonstrandas, omissis incognitis, transire disposui</u> ; ita tamen, ut, primo res gestas et domi et foris deinde mores et studia eius, tum de regni administratione et fine narrando, nihil de his quae cognitu vel digna vel necessaria sunt praetermittam ⁷ .	+	<i>Август</i> 9	<u>Proposita vitae eius velut summa, partes singulatim... exsequar, quo distinctius demonstrari cognoscique possint</u> ... (Обрисовав его жизнь в общих чертах, я остановлюсь теперь на подробностях... чтобы можно было их представить нагляднее и понятнее...)
cap. 5 (v. 9)	<u>Omnium bellorum</u> ... (Из всех войн...)	+	<i>Август</i> 10	<u>Omnium bellorum initium et causam hinc sumpsit</u> ... (Начало и причина всех этих войн были таковы...)
cap. 7 (vv. 12-13)	<u>Saxonicum, quod quasi intermissum videbatur, repetitum est</u> . (...опять завязалась саксонская война, казавшаяся уже завершенной.)	+	<i>Август</i> 16	<u>Siculum bellum... diu traxit intermissum saepius</u> ... (Сицилийская война... тянулась... долго, с частыми перерывами...)
cap. 7 (v. 16)	... <u>quin aut ipse per se ducto aut per comites suos misso exercitu</u>	+	<i>Август</i> 20	<u>Externa bella duo omnino per se gessit... Reliqua per legatos ad-</u>

⁷ ...Полагая, что о рождении, а также детстве и отрочестве [Карла] писать смысла нет (поскольку в анналах ничего нигде не сказано и никого, кто бы мог утверждать, что имеет знания о [тех событиях] в живых не осталось, я решил, опустив неизвестное, перейти к изложению и изображению деяний, нравов и других сторон его жизни, однако так, чтобы вначале рассказать о его свершениях как дома, так и вне его; затем – о его нраве и занятиях, а после – об управлении королевством и его смерти, не пропустив ничего достойного и необходимого для знания.

	perfidiam ulcisceretur et dignam ab eis poenam exigeret... (Он мстил за вероломство и назначал им заслуженное наказание, либо сам вставая во главе войска, либо посылая своих графов...)			administravit... (Из внешних войн только две он вел лично... Остальные войны он поручал своим легатам...)
cap. 10 (v. 5)	Domuit et Brittones... ([Карл] покорил и бриттов...)	+	<i>Август</i> 21	Domuit autem... Cantabriam... (Под его начальством... покорены были Кантабрия...)
cap. 16 (vv. 25-1)	... ultra amicitiam et societatem eius expectentes conplures ad eum misere legatos ... (...[императоры]... добровольно искавшие с ним дружбы и союза, слали к нему многочисленных послов.)	+	<i>Август</i> 21 (3)	... ad amicitiam suam... ultra per legatos expectendam ... (...[молва о его умеренности] побудила просить через послов о дружбе [Августа]...)
cap. 17 (vv. 26-28)	Praecipue tamen aedes sacras ubicumque in toto regno suo vetustate conlapsas conperit... (...если он узнавал о рухнувших от старости храмах, в каком бы месте его королевства они не находились, он приказывал... восстанавливать их.)	+	<i>Август</i> 30 (2)	Aedes sacras vetustate conlapsas... refecit... (Священные постройки, рухнувшие от ветхости... он восстановил...)
cap. 18 (vv. 19-24)	Talem eum in tuendo et ampliando simulque ornando regno fuisse constat. Cuius animi dotes et summam in qualicumque et prospero et adverso eventu constantiam ceteraque ad interiorem atque domesticam vitam pertinentia iam abhinc	+	<i>Август</i> 61	Quoniam, qualis in imperiis... fuerit, exposui, referam nunc interiorem ac familiarem eius vitam ... (Изложив... каков был Август на военных и гражданских должностях... я перейду теперь к его частной и семейной жизни...)

					dicere exordiar ⁸ .
cap. 18 (v. 16)	... <u>de qua nihil liberorum tulit.</u> (...от которой детей не было.)	+	<i>Август</i> 63	... <u>ex Livia nihil liberorum tulit...</u> (...от Ливии он детей не имел...)	
cap. 19 (vv. 14-15)	<u>Mortes</u> filiorum ac filiae pro magnanimitate, qua excelebat, minus patienter <u>tulit</u> , pietate videlicet, qua non minus insignis erat, compulsus ad lacrimas ⁹ .	-	<i>Август</i> 65 (2)	Aliquanto autem patientius <u>mortem</u> quam dedecora suorum <u>tulit</u> ... (Смерть близких была ему не так тяжела, как их позор...)	
cap. 19 ¹ (vv. 19-20)	Erat enim in <u>amicitiis</u> optime temperatus, ut eas et <u>facile admitteret et constantissime retineret</u> ... (В дружеских отношениях Карл был уравновешен, легко устанавливал их и сохранял крепкими...)	-	<i>Август</i> 66	<u>Amicitias</u> neque <u>facile admisit et constantissime retinuit</u> ... (Дружбу он завязывал нелегко, но верность соблюдал неуклонно...)	
cap. 19 (vv. 21-1)	Filiorum ac filiarum tantam in educando curam habuit, ut <u>numquam</u> domi positus sine ipsis <u>caenaret</u> , numquam <u>iter</u> sine illis <u>faceret</u> . (О воспитании сыновей и дочерей он заботился настолько, что, оставшись дома, никогда не обедал без них и никогда без них не отправлялся в путь.)	+	<i>Август</i> 64 (3)	<u>neque caenavit</u> una, nisi ut in imo lecto assiderent (<u>nepotes</u>), <u>neque iter fecit</u> , nisi ut vehiculo antequarent aut circa antequarent... (когда он обедал, они всегда сидели при нем на нижнем ложе, а когда он путешествовал, они ехали впереди в повозке или скакали по сторонам...)	
cap. 19 (vv. 1)	... <u>filias</u> vero <u>lanificio adsuescere</u> coloque	+	<i>Август</i> 64 (2)	<u>Filliam</u> et nepotes ita <u>insti-tuit</u> , ut etiam <u>lanificio</u>	

⁸ Как известно, подобным образом Карл охранял, расширял и, вместе с тем, обустроивал королевство. Теперь я приступаю к рассказу о его талантах и неизменном совершенстве его духа в любых как благоприятных, так и неблагоприятных обстоятельствах, и о прочем, касающемся его частной и домашней жизни.

⁹ Смерть своих сыновей и дочерей он вследствие любви к ним переносил не так терпеливо, как то соответствовало неординарной стойкости его духа, и разражался слезами.

24-26)	ac fuso, ne per otium torperent, operam impendere atque ad omnem honestatem erudiri iussit. (...дочерям же повелел учиться прясть, привыкать к веретину и прялке, чтобы не сидели в праздности, но занимались трудом, обучаясь всяческим добродетелям.)	<u>assuefaceret</u> ... (Дочь и внушек он воспитывал так, что они умели даже прясть шерсть.)
cap. 22 (v. 1)	... tamen haec ceterorum membrorum celabat <u>aequalitas</u> ... (...однако это скрывалось соразмерностью остальных членов.)	+ <i>Аегуст</i> 79 (2) ... staturam brevem... sed quae... <u>aequitate membrorum</u> occuleretur... (...росту он был невысокого... но это скрывалось соразмерным и стройным сложением...)
cap. 22 (v. 4)	Valitudine prospera ... (Здоровье его было отменным...)	+ <i>Клавдий</i> 31 Valitudine... prospera usus est... (Здоровье его... оставалось превосходным...) + <i>Туберий</i> 68 (4) Valitudine prosperrima usus est... (Здоровьем он отличался превосходным...)
cap. 22 (vv. 5-6)	... ad extremum etiam uno pede <u>claudicaref</u> ... (...а под конец еще прихрамывал на одну ногу)	+ <i>Аегуст</i> 80 ... crure sinistro non perinde valebat, ut saepe etiam in claudicaref ... (...бедро и голень левой ноги были у него слабоваты, нередко он даже прихрамывал...)
cap. 22 (v. 10)	Exercebatur assidue equitando ... (Он постоянно упражнялся в верховой езде...)	+ <i>Тум</i> 3 (2) ... <u>equitandi</u> peritissimus... (...конем он владел отлично.)
cap. 22 (vv. 20-21)	Corpore fuit amplo atque robusto, statura eminenti, quae tamen iustam non excederet ... (Он обладал могучим	+ <i>Туберий</i> 68 Corpore fuit amplo robusto, statura quae iustam excederet ... (Телом он был дороден и крепок, росту выше

	и крепким телом, высоким ростом, который, однако, не превосходил положенного...)	+ Калигула 50	среднего...) <i>Statura fuit eminenti...</i> (Росту он был высоким...)
cap. 22 (vv. 20-21)	Et non solum filios ad balneum, verum optimates et amicos, aliquando etiam satellitum et custodum corporis turbam invitavit, ita ut nonnumquam centum vel eo amplius homines una <i>lavarentur</i> ¹⁰ .	+ <i>Tum</i> 8 (2)	... nonnumquam in thermis suis admissa plebe <i>lavit</i> ... (... даже купаясь в своих банях, он иногда впускал туда народ...)
cap. 22 (v. 23)	... oculis praegrandibus ... (... глаза большие...)	+ <i>Тибериус</i> 68 (2)	cum praegrandibus oculis ... (глаза у него были большие...)
cap. 22 (vv. 23-24)	...naso paululum mediocritatem excedenti, canitie pulchra , facie laeta et hilari. (...нос чуть крупнее среднего, красивые волосы, веселое привлекательное лицо.)	+ <i>Клавдий</i> 30	Auctoritas dignitasque formae non defuit vel stanti vel sedenti ... nam... erat et specie canitiae pulchra ... (Наружность его не лишена была внушительности и достоинства, но лишь тогда, когда он или стоял, или сидел... ибо лицо и седые волосы были у него красивые...)
cap. 22 (v. 24)	Unde formae auctoritas ac dignitas tam stanti quam sedenti plurima adquirebatur... (Все это весьма способствовало внушительности и предстательности его облика и когда он сидел, и когда он стоял.)	+ <i>Tum</i> 3	forma egregia et cui non minus auctoritatis inesset quam gratiae... (замечательная красота; в которой было столько же достоинства, сколько приятности...)
cap. 22 (v. 26-27)	... cervix obesa et brevior venterque proiectior videretur...	+ <i>Нерон</i> 51	... cervice obesa , ventre proiecto ... (... шея толстая, живот

¹⁰ Он приглашал купаться не только сыновей, но и знать и друзей, а иногда даже свиту, телохранителей и охранников, так что иногда сто и более человек купались одновременно.

	(...его шея казалась толстой и короткой, а живот выпирающим...)			выпирающий...)
cap. 22 (v. 27)	...et brevior <u>venterque</u> <u>prolector</u> videretur...	+	<i>Тут</i> 3	... <u>ventre paulo proiec- tione</u> ... (слегка выдающийся живот...)
cap. 23 (v. 1)	Vestitu patrio , id est Francio, <u>utebatur</u> ... (Карл носил традиционную франкскую одежду...)	-	<i>Калигула</i> 52	Vestitu ... neque patrio neque civili... <u>usus est</u> ... (Одежда... и остальной его обычный наряд был недостойн не только римлянина и не только гражданина...)
cap. 23 (vv. 22-23)	Ad corpus <u>camisam lineam</u> , et feminalibus lineis induebatur, deinde <u>tunicam</u> , quae limbo serico ambebatur, et tibialia ... (Тело он облачал в полотняные рубаху и штаны, а сверху [надевал] отороченную шелком тунику, обернув голени тканью...)	+	<i>Август</i> 82	Hieme quaternis cum pingui toga <u>tunicis</u> et subucula et thorace laneo et feminalibus et tibialibus muniebatur... (Зимой он надевал не только четыре туники и толстую тогу, но и сорочку, и шерстяной нагрудник, и обмотки на бедра и голени...)
cap. 24 (v. 3)	Convivabatur rarissime... (Пировал он очень редко...)	-	<i>Август</i> 74	Convivabatur assiduae nec umquam nisi recta, non sine magno ordinum hominumque dilectu... (Давал обеды он постоянно, и непременно со всеми блюдами, а приглашения посылал с большим разбором и званий и лиц...)
cap. 24 (vv. 4-5)	Caena cotidiana quaternis tantum ferculis <u>praebebatur</u> ... (Повседневный обед обычно готовился лишь из четырех блюд...)	+	<i>Август</i> 74	<u>Caenam</u> ternis ferculis aut, cum abundantissime senis <u>praebebat</u> , ut non nimio sumptu, ita summa comitate... (За обедом бывало три перемены самое большое – шесть; все подавалось без особой изысканности, но с величайшим радушием...)

cap. 24 (v. 7)	Inter caenandum aut aliquid <u>acroama</u> aut lectorem <u>audiebat</u> . (Во время трапезы он слушал или чтеца, или какое-нибудь выступление...)	+	<i>Август</i> 74	...et aut <u>acroamata</u> et <u>histrion-nes...</u> <u>interponebat</u> ... (...а для развлечения приглашал музыкантов и актеров...)
cap. 24 (vv. 10-12)	<u>Vini</u> et omnis potus adeo <u>parcus</u> in <u>bibendo erat</u> , ut <u>super caenam</u> raro plus quam <u>ter biberet</u> . (В питье вина и прочих напитках он был так воздержан, что за обедом редко пил более трех раз...)	+	<i>Август</i> 77	<u>Veni</u> quoque natura <u>parcissimus erat</u> . Non <u>amplius ter bibere</u> eum <u>solitum super caenam</u> ... (Вина по натуре своей он пил очень мало... за обедом он выпивал не более трех кубков...)
cap. 24 (vv. 12-14)	Aestate <u>post cibum meridianum</u> pomorum aliquid sumens ac semel bibens, depositis <u>vestibus</u> et <u>calciamentis</u> , velut noctu <u>solitus erat</u> , duabus aut tribus horis <u>quiescebat</u> ¹¹ .	+	<i>Август</i> 78	<u>Post cibum meridianum</u> ita ut <u>vestitus calciatusque erat</u> ... paulisper <u>conquiescebat</u> ... (После дневного завтрака он, как был, одетый и обутый, ложился ненадолго отдохнуть...)
cap. 24 (vv. 15-17)	Noctibus sic <u>dormiebat</u> , ut <u>somnum quater</u> aut quinques non solum <u>expergescendo</u> , sed etiam <u>desurgendo</u> interrumpet. (Ночью же сон его прерывался четыре или пять раз так, что он не только просыпался, но и вставал с постели.)	+	<i>Август</i> 78	...non <u>amplius</u> ... quam <u>septem horas dormiebat</u> , ac ne eas quidem <u>continuas</u> , sed ut in illo temporis spatio <u>ter aut quater expergisceretur</u> ... (он спал, самое большее, часов семь, да и то не полных, потому что за это время раза три или четыре просыпался...)
cap. 24 (vv. 18-19)	Cum <u>calciaretur</u> et <u>amiciretur</u> , non tantum <u>amicos admittebat</u> ... (Во время одевания и обувания, он принимал не только друзей...)	+	<i>Веспасиан</i> 21	... <u>amicos admittebat</u> , ac dum salutatur, et <u>calciabat ipse sese et amiciebat</u> ; postque <u>decisa</u> quaecumque <u>obvenissent negotia</u> ... (...впускал друзей и

¹¹ Летним днем, после обеда, он съедал какой-нибудь плод и пил [еще] один раз, [затем], сняв с себя всю одежду и обувь, оставался без всего, словно ночью, и в течении двух или трех часов отдыхал.

				принимал их приветствия, а сам в это время одевался и обувался; покончив с текущими делами, он совершал прогулку...)
cap. 24 (v. 19)	In <u>cibo</u> ... temperans... (Он был умерен в еде...)	+	<i>Август</i> 76	<u>Cibi</u> ... minimi erat... (Что касается пищи... то ел он мало...)
cap. 25 (v. 1)	Erat <u>eloquentia</u> ... (Он был... красноречив...)	+	<i>Август</i> 84	<u>Eloquentiam</u> ... laboriosissime exercuit... (В красноречии... он упражнялся с великим усердием...)
cap. 25 (v. 5)	In quibus <u>Latinam</u> ita didicit, ut aequae illa ac patria lingua <u>orare</u> sit solitus, <u>Grecam</u> vero melius intellegere quam pronuntiare poterat. (Латинский он выучил так, что обыкновенно молился на нем, словно на родном, но по-гречески он больше понимал, нежели говорил.)	+	<i>Tum</i> 3 (2)	<u>Latine Graeaeque</u> vel in <u>orando</u> ... promptus et facilis... (Он произносил речи и сочинял стихи полатыни и по-гречески с охотой и легкостью...)
cap. 25 (v. 9)	<u>Artes liberales studiosissime coluit</u> ... (Он усердно занимался свободными искусствами...)	+	<i>Туберий</i> 70	<u>Artes liberales</u> utriusque generis studiosissime coluit... (Благородными искусствами он занимался с величайшим усердием на обоих языках...)
cap. 26 (v. 23)	<u>Religionem Christianam</u> ... coluit... (Он... почитал христианскую религию...)	-	<i>Август</i> 90	Circa <u>religiones</u> talem asserimus... (В делах веры и суевория вот что о нем известно...)
		-	<i>Август</i> 93	... caerimoniarum... veteres ac praecipuas reverentissime coluit... (...он с величайшим почтением относился к древним [обрядам] и издавна установленным...)

cap. 27 (v. 8)	<p><u>Neque ille toto regni sui tempore quicquam duxit antiquius quam ut urbs Roma sua opera suoque labore vetere polleret auctoritate...</u> (За все время правления для Карла не было ничего желаннее, чем собственным трудом и усилиями вернуть Риму былое величие.)</p>	+ <i>Веспасиан</i> 8	<p>...ac per <u>totum imperii tempus nihil habuit antiquius quam</u> prope afflictam nutantemque rem publicam stabilire primo, deinde et ornare. (...и во все время своего правления ни о чем он так не заботился, как о том, чтобы вернуть... государству устойчивость... и блеск...)</p>
cap. 32 (v. 5)	<p><u>Adpropinquantis finis conplura fuere prodigia...</u> (Приближение его кончины было отмечено многими знаменьями...)</p>	+ <i>Август</i> 97	<p>Mors quoque eius... evidentissimis ostentis praecognita est... (Смерть его... была предсказана самыми несомненными предзнаменованиями...)</p>
		- <i>Юлий</i> 81	<p>Caesari futura caedes evidentibus <u>prodigiis</u> denuntiata est... (Приближение насильственной смерти было возвещено Цезарю самыми несомненными предзнаменованиями...)</p>
cap. 33 (v. 17)	<p><u>Testamenta facere instituit...</u> (Он начал составлять завещание...)</p>	+ <i>Август</i> 101	<p><u>Testamentum...</u> ante annum et quattuor menses quam decederet, factum ab eo... (Завещание его... было составлено за год и четыре месяца до его кончины...)</p>

Итак, для текстов Эйнхарда и Светония мы привели 47 параллельных мест. В большинстве случаев Эйнхард следует тому разделу сочинения Светония, который посвящен Августу. Таких заимствований больше половины (29 из 47). Почти всегда сохраняется принадлежность к сюжетной линии, за исключением тех случаев, когда Эйнхард присваивает Карлу противоположные качества (Einh. 19, 14-15, 19-20) по сравнению с Августом (65 и 66), или указывает на какую-либо особенность личности франкского правителя (Einh. 24, 3 – Aug. 74), говорит о его религиозных взглядах (Einh. 26, 23 – Aug. 90 и 93). Следует отметить, что про-

странных цитат из Светония у Эйнхарда нет. Большой частью (таких случаев 19) текстуальное сходство прослеживается на уровне лексики, заимствования отдельных слов: **одного** (Einh. 7, 12-13 – Aug. 16; Einh. 10, 5 – Aug. 21; Einh. 19, 14-15 – Aug. 65 (2); Einh. 19, 24-26 – Aug. 64 (2); Einh. 19, 21-1 – Aug. 64 (3); Einh. 22, 1 – Aug. 79 (2); Einh. 22, 5-6 – Aug. 80; Einh. 24, 3 – Aug. 74; Einh. 24, 15-17 – Aug. 78; Einh. 26, 23 – Aug. 93); **двух** (Einh. 18, 19-24 – Aug. 61; Einh. 23, 22-23 – Aug. 82) или **трех** (Einh. 7, 16 – Aug. 20; Einh. 16, 25-1 – Aug. 21 (3); Einh. 19, 19-20 – Aug. 66). При этом Эйнхард часто «копирует» и служебные слова (е. г. *per* – сар. 7, v. 16; *etiam* – сар. 22, vv. 5-6), а также второстепенные, не несущие смысловой нагрузки, или общеупотребительные (е. г. *iter* – сар. 19, vv. 21-1; *coluit* – сар. 26, v. 23). Цитаты, представляющие собой законченные в смысловом плане словосочетания, встречаются весьма редко (Einh. 5, 9 – Aug. 10; Einh. 17, 26-28 – Aug. 30 (2); Einh. 18, 16 – Aug. 63; Einh. 24, 10-12 – Aug. 77; Einh. 24, 12-14 – Aug. 78).

В остальных девяти случаях также возможно говорить о следовании Эйнхарда Светонию, хотя точное текстуальное совпадение отсутствует. Эйнхард, скорее, приспосабливает слова и фразы Светония к своему изложению, изменяя синтаксическую конструкцию исходных словосочетаний и предложений (существенно упрощая их) или заменяя ключевые слова на синонимы (Einh. 1, 29 – Aug. 1; Einh. 4, 24-4 – Aug. 9; Einh. 24, 19 – Aug. 76; Einh. 24, 4-5 – Aug. 74; Einh. 24, 7 – Aug. 74; Einh. 25, 1 – Aug. 84; Einh. 32, 5 – Aug. 97). Дважды Эйнхард, следуя собственному замыслу, изменяет и контекст заимствования (Einh. 19, 14-15 – Aug. 65; Einh. 26, 23 – Aug. 90; 93).

Все это позволяет предположить, что в процессе работы над «Жизнью Карла» Эйнхард читал Светония (и особенно раздел об императоре Августе, который он также мог помнить со времен пребывания в монастыре Фульды¹²). Наше предположение подтверждается тем, что все параллели со Светонием равномерно распределены по тексту Эйнхарда (сар. 1 – 32), который заимствует форму, общий контекст, план и композицию сочинения Светония (Aug. 1 – 101)¹³. Этим, в частности, можно объяснить как то, что у

¹² Напомним, текст Светония находился в библиотеке Фульдского монастыря, в котором Эйнхард получил образование. См.: Петрова... С. 58.

¹³ Эйнхард следует Светонию и в композиционном отношении. Так, у Светония первые четыре параграфа (1-4) посвящены предкам Августа, далее он пишет о детстве и юности будущего императора (5-8), что, в целом, служит своеобразным вступлением к основному изложению. В основной части речь вначале идет о войнах, гражданских (9-18) и внешних (20-23), а также о

Эйнхарда Карл своими личными качествами весьма напоминает римского императора¹⁴, так и то, что язык основной части Эйнхардова текста (сар. 1 – 32) близок к языку классической эпохи (I в. до н. э. – I в. н. э.), ярким представителем которой являлся Светоний.

Заемствований из других разделов «Жизни двенадцати Цезарей» у Эйнхарда не очень много: **пять** из той части, в которой описаны годы жизни и правления *Божественного Тула* (Einh. 22, 10 – Tit. 3, 2; Einh. 22, 20-21 – Tit. 8, 2; Einh. 22, 24 – Tit. 3; Einh. 22, 27 – Tit. 3; Einh. 25, 5 – Tit. 3, 2), **четыре** из *Тиберия* (Einh. 22, 4 – Tib. 68, 4; Einh. 22, 20-21 – Tib. 68; Einh. 22, 23 – Tib. 68, 2; Einh. 25, 9 – Tib. 70), **по два** из *Божественных Клавдия* (Einh. 22, 4 – Cl. 31; Einh. 22, 23-24 – Cl. 30) и *Веспасиана* (Einh. 24, 18-19 – Vesp. 21; Einh. 27, 8 – Vesp. 8), а также *Нерона* (Einh. 1, 29 – Ner. 5, 2; Einh. 22, 26-27 – Ner. 51) и *Гая Калигулы* (Einh. 22, 20-21 – Cal. 50; Einh. 23, 1 – Cal. 52), **одно** из *Божественного Юлия* (Einh. 32, 5 – Jul. 81).

В основном, такие параллели встречаются в тех местах изложения Эйнхарда, где речь идет о внешности Карла, его одежде, состоянии здоровья, привычках, отношениях с близкими ему людьми (сар. 22-24). Как представляется, здесь для средневекового историка были важны не столько сами качества того или иного императора (не всегда «божественного»), сколько лексика, позволявшая выразить писателю то, что он хотел (здесь следует учитывать, что латинский язык не был родным для Эйнхарда). Этим можно объяснить следующие лексические заимствования: Einh. 22, 20-21 – Tib. 68 et Cal. 50; Einh. 22, 23 – Tib. 68; Einh. 22, 26-27 – Ner. 51; Einh. 22, 4 – Cl. 31 et Tib. 68; Einh. 22, 20-21 – Tit 8

военных занятиях Августа (24–25). Приводятся сведения о своевременности раскрытых заговорах (19). Затем, описывается созидательная деятельность императора (26–50): строительство и благоустройство Рима (28–31), свершения в области судопроизводства, законодательства (32–34) и социальной политики (35–42). Пространное описание достоинств Августа (51–60), отношений в семье и с друзьями (61–67) предшествует рассказу о его характере (68–71), образе жизни (72–78), внешности (79), состоянии здоровья (80–83), занятиях и религиозности (84–93). В заключении говорится о предзнаменованиях смерти Августа (94–96), о самой смерти и похоронах (97–100), а также приводится завещание императора (101). Композиционный план сочинения Эйнхарда см.: *Петрова...* С. 65–66.

¹⁴ Еще одно основание для проведения параллелей между Карлом Великим и божественным Августом, заключается в схожести политики, начатой Карлом и продолженной его каролингскими преемниками, направленной на воссоздание Великой Римской империи в прежних границах, управлять которой должен ставленник Господа на земле, «божественный» правитель, похожий на выдающихся (также божественных) римских императоров.

(2); Einh. 23, 1 – Cal. 52; Einh. 24, 8-19 – Vesp. 21. Способ заимствования Эйнхардом отдельных слов, фраз и выражений из перечисленных выше разделов сочинения Светония тот же самый, что и в части об Августе. Исключение составляет лишь одно место (Einh. 27, 7-8), в котором Эйнхард говорит о желании франкского правителя вернуть Риму былое могущество, уподобляя при этом Карла Веспасиану (Vesp. 8).

Все рассмотренные параллели великолепно демонстрируют достаточно высокую степень зависимости Эйнхарда от текста Светония, в первую очередь, в композиционном и сюжетном отношении и, лишь во вторую, в текстуальном.

В заключение первого раздела отметим, что у Эйнхарда практически нет параллелей с сочинениям других античных авторов. Лишь в его Прологе имеется прямая цитата из Цицерона и возможная параллель с Овидием или Луканом:

Эйнхард «Жизнь Карла Великого»	Античный автор и его сочинение ¹⁵
Пролог (v. 4): ...animus tulit...	Овидий. <i>Метаморфозы</i> I, 1-5: In nova fert animus... Ср. Лукан. <i>Фарсалия</i> I, 67: ...fert animus causas tantarum expromere rerum.
Пролог (vv. 21-24): ...mandare quemquam, inquit, litteris cogitationes suas, qui eas nec disponere nec inlustrare possit nec delectatione aliqua allicere lectorem, hominis est intemperanter abutentis et otio et litteris ¹⁶ .	Цицерон. <i>Тускуланские беседы</i> III, 6: ...mandare quemquam litteris cogitationes suas, qui eas nec disponere nec inlustrare possit nec delectatione aliqua allicere lectorem, hominis est intemperanter abutentis et otio et litteris.

Пространная цитата Эйнхарда фразы Цицерона из «Тускуланских бесед» явно обращает на себя внимание. Эйнхард инкорпорирует её в собственный текст подобно тому, как его современники включали в свои сочинения отрывки из сочинений отцов Церкви.

Далее, во второй части настоящей статьи, мы рассмотрим зависимость Эйнхарда от ранних средневековых текстов. Так, при описании событий «важных для франкского народа», относящих-

¹⁵ Оригинальные тексты см.: TLL CD-ROM

¹⁶ Когда тот, кто не способен ни снискать благосклонность читателя, ни связать, ни изложить свои мысли, берется за письмо, он, не зная меры, злоупотребляет и досугом [своим], и сочинительством.

ся к периоду с 796 по 814 гг., Эйнхард следует «Анналам королевства франков»¹⁷ в их ранней версии (см. *ниже*)¹⁸, которые могли играть роль его исторического источника. В самом деле, большая часть «Анналов» хронологически предшествует появлению «Жизни Карла Великого». Метод заимствования Эйнхарда тот же, что и при его работе с текстом Светония.

Ниже представлены такие параллели (всего 8 случаев). При их установлении учитывались не только текстуальные совпадения, но и схожесть контекста:

	Эйнхард «Жизнь Карла Великого»		Annales regni Francorum Fontes ad HRFaki (I)
Cap. 7 (vv. 22-25)	...decem milia hominum ex his qui utrasque ripas Albis fluminis incolebant cum uxoribus et parvulis sublatos transtulit et huc atque illuc per Galliam et Germaniam multimoda divisione distribuit ¹⁹ .	a. 804 (p. 78)	...Saxones cum mulieribus et infantibus transtulit in Franciam... (Он переселил саксов вместе с женщинами и детьми во Франкию...)
Cap. 13 (vv. 7-9)	Omnis pecunia et congesti ex longo tempore thesauri direpti sunt. (Все деньги и накопленные за долгое время сокровища были захвачены [франками].)	a. 796 (p. 64)	... thesaurum priscorum regum multa seculorum prolixitate collectum... (...сокровища древних королей, накопленные за многие годы...)

¹⁷ Здесь мы имеем в виду первые три, составленные при королевском дворе, части *Анналов*, охватывающие события с 741 г. по 820. Первая часть была написана в 788–793 гг. и посвящена периоду с 741 по 788 гг. При этом летописец, вероятно, использовал какие-то ранние, неизвестные нам анналы и летописи. Вторая часть составлялась тем же летописцем погодно с 788 по 795 гг. Затем новый автор довел их до 807 г. Третий автор составлял анналы по годам, с 808 по 820 гг. Вероятно после 820 г. летописец поменялся. Новый летописец (возможно аббат Хилдуин из монастыря св. Дионисия) продолжал вести анналы с 821 до 829 гг. См.: *Carolingian Chronicles. Royal Frankish Annals and Hithard's Histories* / Trans. by B.W. Scholz, B. Rogers. The University of Michigan Press, 1995. P. 2-6, 176; Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II. VII–IX вв. / Ред. Л.А. Гиндина, С.А. Иванова. М.: Издат. «Восточн. литерат. РАН, 1995 (далее, СвДПИ). С. 464 слл.

¹⁸ *Fontes ad Historiam Regni Francorum Aevi Karolini Illustrandam, I–III. Pars Prima (I)* / Ed. F. Kurze, G. Waitz, G. H. Pertz, E. Müller; cur. Reinoldus Rau. Berlin: Rütten & Loening (год не указан).

¹⁹ Он переселил десять тысяч человек с женами и детьми из тех, что жили по обе стороны реки Эльбы, и, разделив их разными способами, разместил там и сям в различных областях Галлии и Германии.

cap. 14 (vv. 6-9)	<p><u>Quorum rex Godofridus</u> adeo <u>vana spe inflatus</u> erat, ut sibi totius Germa- niae promitteret potes- tatem. Frisiam quoque atque Saxoniam haud aliter atque suas provin- cias aestimabat. (Король норманнов Годфрид до такой сте- пени был исполнен пус- той спеси, что рассчи- тывал владеть всей Германией. Фризию, как и Саксонию, он считал ни чем иным, как свои- ми провинциями.)</p>	a. 810 (p. 94)	<p>... <u>rex ille [Godofridus]</u> <u>vanissima spe</u> victoriae <u>inflatus acie</u> se cum im- peratore congredi velle iac- tabat. (... король тот [Годофрид] до такой степени был ис- полнен пустой надежды на победу, что хвастался своим желанием победить императора в открытом сражении.)</p>
cap. 14 (vv. 15- 16)	<p>Nam a proprio <u>satellite</u> <u>interfectus</u> et suae vitae et belli a se inchoati finem acceleravit. (Убитый человеком из собственной свиты, он положил конец и своей жизни, и войне, им раз- вязанной.)</p>	a. 810 (p. 94, 96)	<p>...<u>Godofridum regem</u> a quo- dam suo <u>satellite interfec-</u> <u>tum</u>... narratur. (Говорят, что Годофрид был убит собственным телохранителем.)</p>
cap. 17 (vv. 14- 18)	<p>... ac per hoc nullo gravi damno vel a Mauris Italia vel Gallia atque Germa- nia a <u>Nordmannis</u> diebus suis adfecta est, praeter quod Centumcellae civi- tas Etruriae per prodi- tionem a Mauris capta atque vastata est, et in <u>Frisia</u> quaedam insulae <u>Germanico litori</u> conti- guae a <u>Nordmannis</u> de- praedatae sunt²⁰.</p>	a. 810 (p. 94)	<p>...nuntium accepit, clas- sem... de <u>Nordmannia Fri-</u> <u>siam</u> appulisse totasque <u>Frisiaco litori</u> adiacentes insulas esse vastatas... ([Карл] получил известие, что флот... из Нормандии плывет во Фризию, что все острова побережья Фри- зии опустошены...)</p>
cap. 19 (vv. 4-5)	<p><u>Hruodtrudem</u>, quae <u>filiarum</u> eius primogenita... ([он лишился]... Ротруды, старшей из дочерей...)</p>	a. 810 (p. 94)	<p><u>Hruodtrud filia</u> imperatoris, quae natu maior erat... (Дочь императора Ротруда,</p>

²⁰ То же он сделал на юге вдоль побережья Нарбоннской провинции и Септимании, а также по всему побережью Италии вплоть до Рима против мавров, незадолго до этого занявшихся пиратством. Благодаря этому при жизни Карла у Италии и Галлии не было тяжелого урона от мавров, а у Германии от норманнов, и лишь Чивитавекья, город в Этрурии, был разграблен маврами вследствие предательства, а во Фризии несколько соседствующих с германским побережьем островов были опустошены норманнами.

			которая была старшей...)
cap. 30 (vv. 7-15)	Extremo vitae tempore, cum iam et morbo et se-nectute premeretur, evocatum ad se Hludowicum filium, Aquitaniae regem , qui solus filiorum Hildigardae su-pererat, congregatis sollempniter de toto regno Francorum primoribus, cunctorum consilio consortem sibi totius regni et imperialis nominis heredem constituit, inpositoque capiti eius diademate imperatorem et augustum iussit appellari ²¹ .	a. 813 (p. 102)	... evocatum ad se apud Aquasgrani filium suum Hludowicum Aquitaniae regem , coronam illi inposuit et imperialis nominis sibi consortem fecit. (...призвав к себе в Ахен сына своего Людовика, короля Аквитании, он возложил на него корону и, назвав императором, сделал его своим советником.)
cap. 30 (vv. 7-9)	Sed accedente ad febrem lateris dolore, quem Greci pleuresin dicunt, illoque adhuc inediam retinente neque corpus aliter quam rarissimo potu sustentante, septimo, postquam decubuit, die, sacra communione percepta, decessit, anno aetatis suae septuagesimo secundo et ex quo regnare coeperat quadragesimo septimo, V. Kal. Februarii, hora diei tertia ²² .	a. 814 (p. 104)	... dum Aquisgrani hiemaret, anno aetatis circiter septuagesimo primo, regni autem quadregesimo septimo, ex quo vero imperator... appellatus est, anno XIII, V. Kal. Febr. rebus humanis excessit. (... во время зимовки в Ахене, Карл оставил дела человеческие в возрасте около семидесяти одного года, на сорок седьмом году своего правления, из которых четырнадцать лет он императорствовал... в пятый день Февральских Календ.)

Гораздо больше параллельных мест имеется между текстом Эйнхарда и отредактированной версией «Анналов королевства франков», которую исследователи называют *Annales qui dicuntur*

²¹ В конце жизни, когда его тяготили болезнь и старость, Карл призвал к себе Людовика, короля Аквитании, единственного из сыновей Хильдегарды оставшегося в живых. Собрав надлежащим образом со всего королевства знатнейших франков, Карл при всеобщем согласии поставил сына советником всего королевства и наследником императорского титула.

²² Но к жару присоединилась боль в боку, которую греки называют «плевритом», однако он все еще продолжал воздерживаться от еды, подкрепляя тело лишь редким питьем. На седьмой день после того как он слег в постель, Карл, приняв святое причастие, скончался. Это случилось на семьдесят втором году его жизни, в 47-й год его правления, на пятый день перед февральскими Календами, в три часа дня.

Einhardi²³ («Так называемые 'Анналы' Эйнхарда»)²⁴. Эти места приведены ниже:

	Эйнхард «Жизнь Карла Великого»		Ann. q. d. Einhardi MGH: SRG
cap. 2 vv. 20-5	<u>Karlomannus</u> ... operosa temporalis regni administratione relicta, Romam se in otium contulit, ibique <u>habitu</u> permutato monachus factus in monte Soracte apud ecclesiam beati Silvestri constructo monasterio... perfruitur ²⁵ .	a. 746 (p. 7)	<u>Carlomannus Roma</u> in profectus dimissa saeculari gloria <u>habitu</u> mutavit et in monte Soracti monasterium in honorem s. Silvestri aedificavit... (Карломанн, оставив мирскую славу, изменил внешность и последовал в Рим и [там] на горе Соракт возвел монастырь в честь св. Сильвестра.)
cap. 2 vv. 10-	Nam huiusmodi frequentiam cum suo pro-	a. 746 (p. 7)	Ibique aliquandiu commoratus hoc loco [monte Soracti]

²³ См.: Annales qui dicuntur Einhardi / Ed. F. Kurze // Annales Regni Francorum 741–829 // MGH: SRG. Hanover, 1895. P. 3-115.

²⁴ Долгое время дискутировался вопрос о том, является ли Эйнхард автором этой версии «Анналов». Ранние исследователи (е. г. см.: *Wattenbach W., Levison W., Löwe H. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vorzeit und Karolinger. II–IV. Weimar, 1953–1963. II. P. 254–256*) отвечали на этот вопрос утвердительно. Соответственно, текст был издан под титулом *Annales qui dicuntur Einhardi* (см.: ed. Kurze, p. 3-115). Другие ученые предлагали считать автором этой версии помимо Эйнхарда и других лиц. Однако ни одна из гипотез не была подкреплена вескими аргументами (см.: *Carolingian Chronicles. Royal Frankish Annals and Hithard's Histories / Trans. by B.W. Scholz, B. Rogers. The University of Michigan Press, 1995. P. 7-8*). В настоящее время доказано, что так называемая «версия Эйнхарда» была закончена вскоре после смерти Карла (814 г.), но не позднее 817 г. Ее язык похож на язык третьей части «Анналов королевства франков», охватывающей события 808–829 гг. Этот автор-редактор, с одной стороны, следовал раннему тексту «Анналов», с другой стороны, пытался дополнить имеющиеся сведения путем привлечения источников из дворцовой библиотеки. В частности, он добавляет географические подробности, включает детали, касающиеся личности как самого Карла, так и его противников, мотивирует их поступки и высказывает свои предположения. В отличие от авторов ранней редакции «Анналов» он говорит о неудачах и провалах Карла. Это указывает на то, что редактор живет в период после смерти императора.

²⁵ Брат его Карломан... оставил обременительное управление преходящим царством, а сам удалился на покой в Рим, где изменив внешность стал монахом и со своими братьями с ним туда пришедшими построил монастырь на горе Соракт возле церкви блаженного Сильвестра, в которой он в течение ряда лет наслаждался желанным покоем.

13	<p>posito officere vidisset, relicto monte in <u>Samnium provinciam</u> ad monasterium sancti <u>Benedicti</u> situm in <u>castro Casino</u> secessit... (Поскольку он видел, что такого рода многолюдие является помехой его планам, он, покинув гору, удалился в провинцию Самний к монастырю святого Бенедикта, расположенному в замке Кассино...)</p>	<p>dimisso ad monasterium s. <u>Benedicti</u> in <u>Samnio provincia</u> iuxta <u>Casinum castrum</u> constitutum... venit... (И, пробыв там какое-то время, он оставил то место [на горе Соракт] и отправился в провинцию Самний, к монастырю св. Бенедикта, расположенному у замка Кассино...)</p>	
cap. 3 vv. 20-21	<p>... apud <u>Parisios</u> morbo aquae intercutis <u>diem obiit</u>... (Он умер в племени парисиев от водянки...)</p>	a. 768 (p. 27)	<p>... cum ad <u>Parisios</u> venisset... <u>diem obiit</u>... (... он умер, когда прибыл к парисиям.)</p>
cap. 3 vv. 14-15	<p>... <u>uxor eius et filii cum</u> quibusdam, qui ex <u>optimatum</u> eius numero primores erant, <u>Italiam</u> fuga petiit... (... его жена с сыновьями и с первейшими из числа его знати бежала в Италию...)</p>	a. 771, (p. 33)	<p>... <u>uxor eius et filii cum</u> parte <u>optimatum</u> in <u>Italiam</u> profecti sunt... (... его жена и сыновья вместе с некоторыми из знати бежали в Италию...)</p>
cap. 5 vv. 11-12	<p>Et licet eum <u>frater</u> promisso frustrasset <u>auxilio</u>... (И хотя брат, пообещав помочь, обманул его...)</p>	a. 769 (p. 29)	<p>Sed cum <u>fratris auxilium</u> habere non posset... (Но поскольку он не смог получить помощь брата...)</p>
cap. 5 vv. 16-19	<p>Hunoldum... <u>Aquitaniam</u> relinquere et <u>Wasconiam</u> <u>petere</u> coegit. (он принудил Гунольда покинуть Аквитанию и уйти в Гасконь.)</p>	a. 769 (p. 31)	<p>[Hunoldus] dimissaque <u>Aquitania</u> <u>Wasconiam</u> <u>petiit</u>... ([Гунольд], оставив Аквитанию, устремился в Гасконь...)</p>
cap. 5 vv. 21-23	<p>Lupo Wasconum duci per <u>legatos</u> mandat, ut <u>perfugam reddat</u>, quod ni festinato faciat, <u>bello se</u> eum expostulaturum. (... [Карл] потребовал через послов от герцога Гаскони Лупа, чтобы тот выдал отступника; если же Луп не испол-</p>	ibid.	<p>Ad quem [Lupum] rex missa <u>legatione</u> iubet sibi <u>perfugam reddi</u>, ea conditione mandata, si dicto audiens sibi non fuisset, sciret <u>se bello</u> Wasconiam ingressurum... (Король [Карл] приказал [Лупу], к которому отправил посла, выдать отступника, с условием, что если улы-</p>

	<p>нит [приказ] быстро, сам [Карл] возьмет требуемое в сражении.)</p>		<p>шав сказанное, тот не исполнит сего, пусть знает, что [Карл] вступит в Гасконь...)</p>
<p>cap. 6 vv. 20-21</p>	<p>...Desiderium regem, quem longa obsidione fatigaverat, in deditionem susciperet... ([Карл]... принял капитуляцию короля Десидерия, утомленного долгой осадой...)</p>	<p>a. 774 (p. 39)</p>	<p>... fatigatam longa obsidione civitatem [Ticenum] ad deditionem compulit... (...он принудил к капитуляции город Тицин, осажденный долгой осадой...)</p>
<p>cap. 6 vv. 21-22</p>	<p>...filium eius Adalgisum, in quem spes omnium inclinatae videbantur. (...сына его Адальгиза, на которого, казалось, были обращены надежды всех...)</p>	<p>ibid.</p>	<p>Adalgis filius eius, in quo Langobardi multum spei habere videbantur etc. (Адальгиз, его сын, на которого, казалось, лангобарды возлагали многие надежды...)</p>
<p>cap. 6 vv. 24-25</p>	<p>Hruodgausum Foroiuliani ducatus praefectum res novas molientem... (Он... подавил Рюдгаза, правителя герцогства Фриуль, замыслившего переворот...)</p>	<p>a. 776 (p. 43)</p>	<p>...nuntiatur Hruodgaudum Langobardum, quem ipse Foroiuliensibus ducem dederat in Italia res novas moliri... (он объявил [войну] Рюдгазу, управлявшему Фриулем и замыслившему переворот в Италии...)</p>
<p>cap. 6 vv. 7-9</p>	<p>...subacta Italia et rex Desiderius perpetuo exilio deportatus et filius eius Adalgisus Italia pulsus... (...после подчинения Италии король Десидерий был отправлен в вечную ссылку, сын же его Адальгиз был изгнан из Италии...)</p>	<p>a. 774 (p. 39, 41)</p>	<p>...rex subacta... Italia... revertitur, captivum ducens Desiderium regem. Nam Adalgis filius eius... relicta Italia etc. (...подчинив Италию, король возвратился [во Франкию] с пленным королем Десидерием. Сын же его Адальгиз оставил Италию.)</p>
<p>cap. 7 v. 25</p>	<p>Eaque condicione a rege proposita et ab illis suscepta... ([война... закончилась] при выдвинутом королем и принятым [саксами] условии...)</p>	<p>a. 777 (p. 49)</p>	<p>...ut ea condicione [Saxones] tunc veniam accipere mererentur... (...чтобы при том условии саксы заслужили снисхождения...)</p>
<p>cap. 8 vv. 3-5</p>	<p>...semel iuxta montem qui Osneggi dicitur in</p>	<p>a. 783 (p. 65)</p>	<p>Saxones in eo loco, qui Theotmelli vocatur, ad</p>

- loco Theotmelli nominato et iterum apud Hasa fluvium...**
 ([Карл сталкивался в бою с врагом лишь дважды]: один раз у горы, которая называется Осниг, в месте по названию Детмольд, и второй раз – возле реки Хазе...)
- cap. 9 ...salтуque Pyrinei superato...
 vv. 5-7 (...на самом Пиренейском хребте...)
- cap. 9 ...direptis impedimentis...
 v. 17 (...[баски] разграбили обоз...)
- cap. 9 Adiuuabat in hoc facto Wascones et leuitas armorum et loci, in quo res gerebatur, situs, econtra Francos et armorum gravitas et loci iniquitas per omnia Wasconibus reddidit impares.
- cap. 9 ...hostis re perpetrata ita dispersus est...
 v. 1 (...совершив сие, враги так рассеялись...)
- cap. 10 ...dicto audientes non erant, missa in eos expeditione, qua et obsides dare...
 vv. 6-7 ([Карл покорил и бриттов, которые...] не повиновались его приказам. Послав к ним войско, он заставил их
- pugnare etc.
 (Саксы в том месте, которое называется Детмольд, для сражения...)
 ...audivit Saxones... super fluvium Hasam ad hoc congregari, ut ibi... acie confligerent etc.
 (...услышав, что саксы у реки Хазе для того собрались, чтобы там столкнуться в сражении.)
- a. 778 ...superatoque... Pyrinei iugo etc.
 (p. 51) (...и на самом Пиренейском хребте...)
- ibid. ...direpta impedimenta...
 (...разграбив обоз...)
- ibid. ...licet Franci Wasconibus tam armis... praestare viderentur, tamen et iniquitate locorum et genere inparis pugnae inferiores effecti sunt...
 (...хотя казалось, что франки настолько превосходили басков в оружии, однако и пересеченность места и род вооружения заставили их уступить в сражении...)
- ibid. ...hostis propter notitiam locorum statim in diversa dilapsus est.
 (...враг же, зная местность, тотчас рассеялся в разные стороны.)
- a. 786 Cumque [populus Brittaniae]... dicto audiens non esset, missus illuc... Audulfus... obsides, quos acciperat... adduxit...
 (p. 73) (...и поскольку [народ Британии] не повиновался его приказам, он послал туда [войско]... Аудульф [же] привел полученных

	выдать заложников...)		заложников...)
cap. 10 vv. 8-11	Ipsē postea cum exercitu Italiam ingressus ac per Romam iter agens Capuam Campaniae urbem accessit atque ibi positis castris bellum Beneventanis, ni dederentur, comminatus est. (После этого Карл с войском вновь вторгся в Италию и, пройдя через Рим, напал на Капую, город Кампании. Расположив там лагерь, он стал грозить беневертцам, если те не сдадутся войной.)	ibid. (p. 75)	...cum omni exercitu suo Capuam Campaniae civitatem accessit ibique castris positus consedit, inde bellum gesturus ni etc. (... когда со всем своим войском он напал на Капую, город в Кампании и, разбив там лагерь, стал грозить войной...)
cap. 10 vv. 12-16	Praevenit hoc dux gentis Aragisus: filios suos Rumoldum et Grimoldum cum magna pecunia obviam regi mittens rogat , ut filios obsides suscipiat, seque cum gente imperata facturum pollicetur, praeter hoc solum, si ipse ad conspectum venire cogetur ²⁶ .	ibid.	Aragisus dux Beneventanorum... misso... Rumoldo maiore filio suo cum muneribus ad regem rogare coepit, ne terram Beneventanorum intraret... (Арагис, герцог беневертский... послав старшего своего сына Румольда с дарами к королю, стал просить, чтобы [Карл] не входил на его земли...) ...missaque legatione utrosque filios regi obtulit, promitteus se ad omnia quae imperarentur libenter oboediturum... (отправив послов, он послал и двух своих сыновей королю, пообещав, что само всему будет охотно повиноваться его власти...)
cap. 10 vv. 20-23	...unoque ex filiis , qui minor erat, obsidatus gratia retento, maiorem	ibid.	[Karolus rex] bello abstinuit et minore ducis filio nomine Grimoldo obsidatus gratia

²⁶ Арагис, их герцог, упредил войну, выслав навстречу королю своих сыновей Румольда и Гримольда с большими дарами. Он предложил Карлу принять сыновей в качестве заложников, а сам обещал, что вместе со своим народом выполнит [любой] приказ, за исключением того, что его обяжут предстать перед взором короля.

patri remisit; legatisque
ob sacramenta fidelitatis a
Beneventanis exigenda
atque suscipienda cum
Aragiso **dimissis Ro-**
mam redit...

(Младшего сына герцога Карл оставил в качестве заложника, старшего же вернул отцу и, разослав послов во все стороны для того, чтобы те взяли с Арагиса и его народа клятвы в верности, отправился в Рим...)

suscepto **maiores patri**
remisit. Accepit insuper a
populo obsides undecim
misitque **legatos**, qui ipsum
ducem et omnem **Beneven-**
tanum populum per sacra-
menta firmarent. Ipse post
haec cum legatis Constan-
tini imperatoris locutus est
atque illis **dimissis Romam**
reversus...

([Король Карл] не допустил войны; оставив в заложниках Гримольда, младшего сына герцога, старшего он вернул отцу. Он принял вдобавок от народа одиннадцать заложников и отправил [в Беневент] послов, которые должны были принять клятву верности от самого герцога и всего беневентского народа. И после того как он провел переговоры с посланниками императора Константина и, отпустив их, вернулся в Рим.)

cap. 11
vv. 5-6

Quod superbia simul ac
sordida Tassilonis ducis
excitavit; qui hortatu uxoris,
quae filia Desiderii
regis erat ac **patris exil-**
ium per maritum ulcisci
posse putabat...

(Она была вызвана одновременно и высокомерием, и беспечностью герцога Тассилона, который, поддавшись уговорам жены (дочери царя Десидерия, желавшей с помощью мужа отомстить за изгнание отца...)

a. 788
(p. 81)

...suadente coniuge sua
Liutberga, **quae filia regis**
Langobardorum fuit et post
patris exilium Francis inimi-
cissima semper extitit etc.
(...по совету своей жены Лиутберги, которая была дочерью правителя лангобардов и после изгнания отца всегда выказывала франкам крайнюю враждебность...)

cap. 11
vv. 6-8

...iuncto foedere cum
Hunīs, qui Baiouariis sunt
ab oriente contemini, non
solum imperata non
facere, sed bello regem
provocare temptabat.

ibid.

...ut **bellum** contra Francos
susciperent, **Hunorum**
gentem concitaret...
(...как только они развязали войну против франков, [Карл] потревожил

- ([Тассилон] заключил союз с гуннами, соседями баваров с востока, и попытался не только не выполнить приказы короля, но и спровоцировать Карла на войну.)
- cap. 11
vv. 13-14 **Is fluvius Baioarios ab Alamannis dividit.** (Та река отделяла баваров от аламанов.)
- cap. 12
vv. 1-3 **His motibus ita conpositis, Sclavis, qui nostra consuetudine Wiltzi, proprie vero, id est sua locutione, Welatabi dicuntur...** (...которых у нас принято называть вильцами, а на самом деле, то есть на своем наречии, они зовутся велатабами...)
- cap. 13
vv. 7-9 **Omnis pecunia et congesti ex longo tempore thesauri direpti sunt.** (Все деньги и накопленные за долгое время сокровища были захвачены [франками].)
- cap. 13
vv. 17-18 **Ericus... in Liburnia iuxta Tharsaticam maritimam civitatem insidiis oppidanorum interceptus...** (Хейрик, герцог фриульский, был убит из засады в Либургии горожанами приморского города Тортосы...)
- cap. 13
vv. 20-23 **Geroldus Baioariae praefectus in Pannonia, cum contra Hunos proeliaturus aciem streret... interfectus est.** (Герольд, префект Баварии [был убит] в Паннонии, в тот момент, как он строил перед битвой
- племя гуннов...)
- a. 787
(p. 79) ...ipse cum exercitu... super Lechum fluvium, qui Alamannos et Baioarios dirimit... consedit etc. (...сам с войском ушел по реке Лех, которая отделяет аламанов от баваров...)
- a. 789
(p. 85) **Natio... Sclavenorum... quae propria lingua Welatabi, Francica autem Wiltzi vocatur etc.** (...будчи по происхождению из славян, они на своем языке именуются велатабами, а у франков вильцами...)
- a. 796
(p. 99) ...direptis pene omnibus Hunorum opibus... (...захватив почти все укрепления гуннов...)
- a. 799
(p. 109, cf. p. 99) **Ericus... apud Tharsaticam Liburniae civitatem insidiis oppidanorum interceptus atque interfectus est.** (Хейрик... у Тортосы, города в Либургии, попал в засаду и был убит.)
- a. 799
(p. 109) **Geroldus... Baioariae praefectus commisso cum Hunis proelio cecidit...** (Герольд... префект Баварии, был убит в сражении, завязанном с гуннами.)

- с гуннами войско.)
- cap. 17
vv. 11-
12 ...contra **Mauros** nuper
pyraticam exercere
adgressos...
(...против мавров, не-
задолго до этого за-
нявшихся пиратством.)
- cap. 17
vv. 17-
18 ...in Frisia quaedam
insulae Germanico litori
contiguae a Nordmannis
depraedatae sunt.
(...во Фризии несколько
соседствующих с гер-
манским побережьем
островов были опусто-
шены норманнами.)
- cap. 17
(vv. 16-
19) ...et **pons apud Mogon-**
tiacum in Rheno quingen-
torum passuum longitudi-
nis... qui tamen uno,
antequam decederet,
anno **incendio conflag-**
avit...
(...мост у Могонтиака
через Рейн длиной в
пятьсот шагов... который
сгорел при пожаре за год
до кончины Карла.)
- cap. 18
vv. 11-
13 ...**duas de Fastrada**
uxore, quae de Orientali-
um Francorum...
(...две от жены Фаст-
рады, происходившей
от восточных франк-
ков...)
- cap. 20
vv. 23-
25 Cuius **auctores partim**
luminibus orbat, **partim**
membris incolomes, om-
nes tamen exilio depor-
tati sunt...
(Заговорщики, одних из
которых ослепили, а
других оставили невре-
димыми, были отпра-
влены в изгнание...)
- a. 798
(p. 105) **Mauris piraticam exercenti-**
bus...
(Мавров, занимавшихся
пиратством...)
- a. 810
(p. 131) ...nuntium accepit clas-
sem... de Nordmannia Fri-
siam appulisse totasque
Frisiaco litori adjacentes
insulas esse vestatas...
(...он получил известие,
что флот из Нормандии
приблизился к Фризии и
опустошил все близле-
жащие острова фризского
побережья...)
- a. 813
(p. 137) **Pons apud Mogontiacum**
mense Maio incendio con-
flagavit...
(Мост возле Могонтиака
сгорел в мае месяце.)
- a. 783
(p. 67) ...duxit uxorem... natione
Francam, nomine **Fastrada**,
ex qua **duas** filias pro-
creavit.
(...взял жену из племени
франков, по имени Фаст-
рада, от которой произвел
на свет двух дочерей.)
- a. 785
(p. 71) Facta est... adversus regem
inmodica coniuratio... auc-
toribus eius **partim** priva-
tione luminum, **partim** exilii
deportatione condemnatis...
(Против короля составил-
ся опасный заговор... Он
осудил заговорщиков,
одних ослепив, а других

			отправив в изгнание.)
cap. 20 vv. 4-5	Harum tamen coniurationum Fastradae reginae crudelitas causa et origo extitisse creditur... (Полагают, однако, что причиной тех заговоров была жестокость королевы Фастрады...)	a. 792 (p. 91)	Francis, qui se crudelitatem Fastradae reginae ferre non posse adserverabant... (...[заговоры составлялись] франками, которые не могли вынести жестокости королевы Фастрады...)
cap. 28 vv. 18-19	... oculis linguaque amputata ... (...выколов ему глаза и вырвав язык...)	a. 799 (p. 107)	...erutis oculis... lingua quoque amputata ... (...выколол глаза и вырвав язык...)

Очевидные текстуальные и сюжетные сходства (всего 35 случаев) между «Жизнью Карла» и «Анналами» свидетельствуют в пользу атрибуции отредактированной версии «Анналов» Эйнхарду. В основном, параллели с «Анналами» содержатся в той части «Жизни Карла», в которой говорится о внешней политике короля и его действиях в отношении герцога Аквитании Гунольда и герцога Гаскони Лупа (cap. 5, vv. 16-19, 21-23), лангобардского короля Десидерия и его сына Адальгиза (cap. 6, vv. 20-21, 21-22, 7-9), герцога Фриуля Руодгаза (cap. 6, vv. 24-25), герцога Кампании Арагиса, его сыновей Румольда и Гримольда (cap. 10, vv. 12-16, 20-23; 8-11), а также в тех местах, в которых идет речь о столкновениях франков с саксами (cap. 7, v. 25; cap. 8, vv. 3-5), басками (cap. 9, vv. 4-5, 17, 19-22, 1), бриттами (cap. 10, vv. 6-7), баварами (cap. 11, vv. 5-6, 6-8, 13-14), вильцами (cap. 12, vv. 1-3), гуннами (cap. 13, vv. 7-9, 17-18, 20-23), маврами (cap. 17, vv. 11-12) и норманнами (cap. 17, vv. 17-18). Таких случаев 24.

Еще три текстуальные параллели связаны со смертью отца Карла Пипина (cap. 3, vv. 20-21) и описанием жизни его брата Карломана (cap. 2, vv. 20-5, 10-13), два примера указывают на отношения между Карлом и Карломаном (cap. 5, vv. 11-12; cap. 3, vv. 14-15), остальные относятся либо к личной жизни Карла (cap. 18, vv. 11-13), либо являются попыткой объяснить причину заговоров (cap. 20, vv. 17, 23-25) и тяжесть наказания, наложенного Карлом на заговорщиков (cap. 20, vv. 3-5), либо относятся к участи папы (cap. 28, vv. 18-19). Таких примеров 10. Последняя параллель связана с разрушением моста через Рейн (cap. 17, vv. 17-18). Метод заимствования Эйнхарда тот же, что и при работе с текстом Светония.

Что касается ранних христианских и библейских текстов, то параллели с ними у Эйнхарда практически отсутствуют. Так, в «Прологе» имеется фраза (Praef., v. 20: *quando mihi conscius*

eram...»), восходящая к тексту Сульпиция Севера (ок. 365 – ок. 425) из «Жития св. Мартина» (XXVII, 7: ego mihi conscius sum me... vera dixisse²⁷). Имеется также сходство между словами «Stephani Romani pontificis depositus ac detonsus atque in monasterium trusus est, durasse putatur» из первой главы «Жизни Карла» (v. 30) и фразой из «Деяний аббатов Фонтанеллы» (cap. 14, MGH: SRG, p. 43). Характерно, что эти параллели (как в случаях с Цицероном и Овидием²⁸) встречаются лишь в начале произведения Эйнхарда (praef. et cap. primo). И лишь одно место (cap. 24, v. 21-22: **pro tribunali sederet**) может восходить к Библии (Ин 19:13; ср. Деян 12:21 и 25:6: **sedit pro tribunali**).

В целом, можно заключить, что Эйнхард, по сравнению со средневековыми авторами, составлявшими «духовные жития», выступил в роли новатора, создав первую «светскую» биографию, в которую инкорпорировал типично средневековые реминисценции, традиционно заимствуя их из исторических сочинений своего времени.

²⁷ «Я же знаю о себе [лишь] то, что писал, подвигнутый любовью ко Христу и с верой в [свое] дело, обнаруждая беспорное, говоря правду...», пер. А. Довченко. См. Альфа и Омега № 2 (16). С. 247. Также см. Vita beati Martini // Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. Vol. 20. Cols. 159A-176C.

²⁸ См. выше, с. 63.

А.Ю. Серегина

АНТИЧНЫЕ ИСТОРИКИ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XVI – НАЧАЛА XVII в.

Расцвет полемической литературы в эпоху Реформации и Католической реформы имел своим неизбежным следствием резкий рост интереса образованных европейцев к истории. Ведь обращение к истории – в виде ли собственно исторических повествований, как правило, имевших в ту пору полемические функции, либо в качестве корпуса исторических примеров, обязательно присутствовавших в памфлетах и трактатах, – являлось одним из способов «общения» с читателем. Применительно к концу XVI века вполне уместно говорить о складывании «канона» исторических примеров и, соответственно, «канона» цитирования, будь то рассуждения о престолонаследии в его конституционно-правовых аспектах, проблемы церковной юрисдикции и т.п.

Примерам из античной истории уделялось большое внимание в полемических сочинениях, в чем вряд ли можно усмотреть оригинальную черту полемистов XVI века по сравнению с их средневековыми предшественниками. Согласно правилам построения полемического трактата, выработанным еще богословами-схоластами, ссылки на прошлое греков и римлян занимали почетное второе место среди прочих исторических примеров, сразу после священной истории и перед примерами из историй отдельных стран или городов.

«Канон» цитирования античных авторов также во многом уже сформировался к XVI столетию. В данной статье речь пойдет не обо всех античных историках, на которых ссылались полемисты того времени (что вряд ли возможно в рамках одного исследования), но лишь о двух – о Тите Ливии и Таците, вернее, о том, как их произведения использовались полемистами, и о чем могли говорить читателям ссылки на их тексты.

К XVI столетию «История Рима от основания города» Тита Ливия была фактически «стандартным» пособием по истории Рима – царского, а затем республиканского. Повествование Ливия (то есть, его дошедшие до нас части) охватывает периоды 753-293 и 218-167 гг. до н.э. Кроме того, сохранились краткие аннотации на

все 142 главы «Истории» (они кратко передают содержание всего текста, включая несохранившиеся главы, и доводят повествование до 9 г. до н.э.). Первая печатная версия книги Ливия появилась в 1469 г.

Труд Тита Ливия считался весьма авторитетным и был основным источником для всех авторов, обращавшихся к античной истории, поэтому он в значительной степени был свободен от политических коннотаций. Тем не менее, возможность «политического» прочтения Ливия все же существовала: его рассказ о древних царях Рима и об изгнании последнего из них, Тарквиния мог быть использован в качестве примера (и обоснования) успешного восстания против тирана. Подобные прочтения были нередки в Италии XIV-XV вв. среди гуманистов – уроженцев городов-республик. В XVI в. первые книги («первую декаду») Тита Ливия прокомментировал Макиавелли, и неслучайно именно этот его текст считается республиканским.

Судьба произведений Тацита в средние века была совершенно другой. На протяжении долгих столетий его книги оказались забытыми. Их «возвращение» началось в XIV в., когда одна из немногих сохранившихся рукописей попала в руки Боккаччо (1362 г.). Начиная с этого времени и в течение всего XV в. эта рукопись тиражировалась флорентийскими гуманистами. В 1470 г. и сочинения Тацита были изданы и до XVII в. переиздавались еще 60 раз. Гуманисты XV и начала XVI в. использовали его труды – «Анналы», охватывающие правления императоров Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона (14-66 гг.), и «Историю» (69-70 гг.) – в том же ключе, что и «Историю» Ливия – как источник, повествующий о преступлениях тиранов¹.

Именно таким образом труды Тацита («Анналы») были использованы Макиавелли в его «Комментариях к первой декаде Тита Ливия». В «Государе» акцент вроде бы меняется: у Макиавелли есть две довольно невнятные цитаты из «Анналов», которые с определенной натяжкой могут быть истолкованы в монархическом духе. И хотя Макиавелли в значительно большей степени использовал других античных авторов (например, Ливия, или Полибия), его имя в XVI в. гораздо чаще (и не вполне заслуженно) связывалось именно с Тацитом, что не могло не отразиться на судьбе его произведений².

¹ Schellhase K.C. Tacitus in Renaissance Political Thought. Chicago, 1976. P. 17-30.

² Ibid. P. 66-84.

Другие произведения Тацита («Германия» и «Жизнеописание Агриколы») останутся за рамками данной статьи. Здесь следует сказать лишь, что в XV-XVI вв. они были очень популярны соответственно в Германии и Англии и сыграли важную роль в формировании представлений немцев и англичан о прошлом своих стран³. «Анналы» же и «Историю» за пределами Италии знали плохо. Росту популярности Тацита препятствовало одно значимое обстоятельство: в XVI столетии идеалом изящной латинской прозы признавались сочинения Цицерона. Стиль Тацита по сравнению с ним казался тяжеловесным и грубоватым, изобиловавшим громоздкими конструкциями. Его просто не любили читать.

Тем не менее, сочинения Тацита все же с вниманием изучались в XVI в., но не историками и полемистами, а историками права. Андреа Альчиато издал в 1517 г. свои «Комментарии к Тациту». С его легкой руки Тацит стал считаться лучшим источником по истории римского права. В этом качестве он почитался правоведами Италии и Франции⁴.

Однако в последней трети XVI века отношение к Тациту изменилось. Его труды начинают все более активно использовать, причем отнюдь не только (и не столько) в Италии, но за ее пределами, причем «способы применения» оказывались различными. Интерес вызывало то обстоятельство, что Тацит писал о монархии и тирании. Одни авторы (Боден, например) считали Тацита надежным источником по истории эпохи принципата⁵. Для других – французских тираноборцев Отмана, Ла Бозси⁶ и др., как и для итальянских гуманистов XV. – его труды были ценны главным образом из-за описаний преступлений тиранов (особенно Тиберия). И, наконец, для третьих (Юст Липсий и др.) – сочинения Тацита стали источниками сентенций, посвященных вопросам морали и политики⁷. Третий из упомянутых способов «использования» Тацита был тесно связан с ростом в конце XVI в. интереса к произведениям философов-стоиков (нео-стоицизм) и должен быть помещен в контекст размышлений о монархии и тирании, о противоречиях между идеей «государственного интереса» (представление о котором формируется именно в это время) и христи-

³ Ibid. P. 50-65.

⁴ Ibid. P. 84-94.

⁵ Ibid. P. 109-116.

⁶ Ibid. P. 119-120; Salmon J.H.M. Cicero and Tacitus in Sixteenth-century France // *American Historical Review*, 85 (1980), 307-331, ocoб. 318-320.

⁷ Schellhase K.C. Tacitus... P. 117-119; Bireley R. The Counter-Reformation Prince. Chapel Hill, 1990. P. 70-99.

анской моралью, о том, как следует вести себя подданным в новых обстоятельствах, когда формирующиеся абсолютные монархии оставляют им все меньше пространства для легального политического действия.

Важное место в полемике, посвященной данным сюжетам, занимали сочинения Макиавелли. Как уже упоминалось, репутация Тацита оказалась отчасти «подмоченной» из-за того, что на протяжении десятилетий его имя стояло рядом с именем скандально известного флорентийца. Джованни Ботеро в 1589 г. издал свой труд «О государственном интересе», в котором полемизировал с Макиавелли, стремясь отождествить государственный интерес со следованием (не безоговорочным, впрочем) христианской морали. В этом труде Тацит, наряду с Макиавелли, назван дурным советчиком монархов (который учит их, как править тиранически, что обычно приводит к печальному концу)⁸. Произведение Ботеро задавало тон восприятию трудов Тацита, по крайней мере, в католической Европе. Тем не менее, трактовка Ботеро не была единственно признанной даже и в Италии. Для многих авторов конца XVI века сочинения Тацита стали своего рода руководством, помогавшим ориентироваться в новых политических условиях (расширения полномочий государей).

Не рассматривая здесь подробно так называемую проблему тацитизма, ограничусь лишь краткими упоминаниями. Тацит стал одним из авторитетов для Липсия и Монтеня⁹. И даже в Италии его труды часто рассматривают как руководство для государей (и противопоставляют его Макиавелли, как это сделал, например, Шипионе Аммирато)¹⁰. Позднее, в начале XVII в. в этом качестве Тацита стали воспринимать в Испании и Германии¹¹.

В Англии судьба произведений Ливия и Тацита в общих чертах напоминала общеевропейскую модель. На протяжении всего XVI столетия Ливия знали и воспринимали в качестве основного источника по истории Рима. Английские библиотеки изобиловали изданиями «Истории», вышедшими в свет как на континенте, так и в Англии, на латыни, французском и испанском языках. Английский перевод Ливия, впрочем, появился достаточно поздно, в 1659 г. (т.е. во время Протектората, что само по себе значимо).

⁸ Schellhase K.C. Tacitus... P. 123-126; Bireley R. The Counter-Reformation Prince. P. 45-69.

⁹ Schellhase K.C. Tacitus... P. 127-134; Salmon J.H.M. Cicero and Tacitus in Sixteenth-century France. P. 326-328.

¹⁰ Schellhase K.C. Tacitus... P. 140-145.

¹¹ Ibid. P. 152-156.

Кроме того, Ливий в последней трети столетия также воспринимался отчасти и как руководство в практической политике (что, безусловно, было порождено существованием «Комментариев» Макиавелли). Известно, например, что Гейбриел Харви, в разное время входивший в число домочадцев графа Лейстера и Филипа Сидни, читал своему патрону выдержки из Ливия и комментарии на них Макиавелли¹².

Тацита же в Англии долгое время знали плохо (за исключением «Жизнеописания Агриколы»), а если и знали, то не слишком любили: как и в других странах Европы, образованные англичане предпочитали изящество Цицерона громоздким фразам Тацита. Так, например, уже упомянутый Харви не любил стиль Тацита и предпочитал ему Ливия¹³. Однако со временем Тацит входил в моду: сначала в Оксфорде (в 1570-е гг.), а затем и среди придворных интеллектуалов. Начиная с 80-х гг. к Тациту проявили интерес Филип Сидни и граф Эссекс (и, соответственно, интеллектуалы их круга). Позднее число поклонников Тацита возросло, в связи с ростом популярности философов-стоиков. В 90-е гг. Генри Сэвил перевел Тацита на английский язык. В XVII в. дань Тациту отдавали многие. Среди самых известных имен – Фрэнсис Бэкон, историк Хейворд, Фулк Гревилл, Кемден, Уоттон, Драйтон, драматурги Томас Лодж, Бен Джонсон и др. Как и других образованных европейцев, труды Тацита привлекали англичан критикой тирании, а также рассуждениями о политической практике и о роли индивида (частного лица) при дворе монарха (читай: тирана). Кроме того, в последние годы правления Елизаветы англичане, озабоченные проблемой престолонаследия, обращались к описанию гражданских войн у Тацита¹⁴.

Исследователи отмечали, что в Англии Тацит очень быстро стал знаменем недовольных (например, графа Эссекса, а потом и других придворных). Однако их интерес к Тациту не стоит отождествлять с прочтением его трудов тираноборцами, так как речь идет, скорее, о конфликте придворных партий. Принято считать, что тираноборческое прочтение Тацита оказывается возможным

¹² Grafton A., Jardine L. 'Studied for action': How Gabriel Harvey Read His Livy // *Past and Present*, 129 (1990), 30-48; Grafton A. 'Discitur ut agitur': How Gabriel Harvey Read His Livy // *Annotations and its Texts* / Ed. by S.A. Barney. Oxford, 1991. P. 108-129.

¹³ Binns J.W. Intellectual Culture in Elizabethan and Jacobean England: The Latin Writings of the Age. Leeds, 1990. P. 170-290.

¹⁴ Schellhase K.C. Tacitus... P. 157-166; Salmon J.H.M. Seneca and Tacitus in Jacobean England // *Journal of the History of Ideas*, 50 (1989), 199-225; The Mental World of the Jacobean Court / Ed. by L.L. Peck. Cambridge, 1991. P. 169-188.

позднее, накануне и в ходе гражданской войны в Англии, то есть в 1630-40е гг.¹⁵

В исследованиях отмечалось, что интерес к Ливию или Тациту не знал конфессиональных границ. Тем не менее, использование текстов Ливия и Тацита у авторов-католиков практически не изучено (как и значительная часть наследия католических авторов в целом). Данная статья призвана исправить эту «историческую несправедливость» и вписать в историю прочтения Ливия и Тацита в Англии католических памфлетистов, что, как мне представляется, позволит расширить, уточнить и скорректировать выводы английских исследователей.

Использование примеров из античной истории в полемической литературе определялось и ограничивалось жанром сочинений. В богословской полемике как таковой, то есть, в произведениях, затрагивавших преимущественно догматические вопросы и проблемы церковной истории и канонического права, античная история предстала в виде истории уже христианской империи, а события, относившиеся к республиканскому периоду или даже раннему принципату, оказывались менее важными. Соответственно, и количество цитат из Ливия и Тацита оказывалось ограниченным. Однако ситуация менялась, как только речь заходила о проблемах политических – происхождения власти, форм правления, прав подданных и т.п. Подобные сочинения с известной натяжкой можно назвать «политическими» (поскольку применительно к XVI-XVII вв. еще трудно себе представить разделение богословия и политической науки). В таких текстах цитирование античных историков (в частности, Тита Ливия и Тацита) было вполне уместным. Впрочем, цитаты как таковые встречаются достаточно редко, как правило, авторы отсылают читателей к уже известным им эпизодам из «Истории» Ливия (особенно его) или трудов Тацита. Очевидно, это объясняется тем, что по крайней мере Ливий был хорошо известен, и образованному читателю не составляло труда припомнить соответствующий эпизод. Некоторые фразы Тацита все же цитировались (об этом ниже).

В рамках одной статьи вряд ли возможно охватить весь корпус полемических текстов, созданных английскими католиками в XVI-XVII вв. Поэтому я ограничусь анализом двух сочинений, посвященных (условно) политическим вопросам, в которых примеры из античной истории играют существенную роль. Эти тексты, как

¹⁵ *Smuts M. Court-Centered Politics and the Uses of Roman Historians, c.1570-1630 // Culture and Politics in Early Modern England / Ed. by K. Sharpe and P. Lake. London, 1994. P. 21-44.*

мне представляется, имели большое значение для развития английской политической мысли в целом (не только для ее католической составляющей). Кроме того, по времени создания они отстоят друг от друга на двадцать лет, что, возможно, позволит проследить эволюцию в отношении к интересующим меня авторам.

Первый из этих текстов – трактат английского иезуита Роберта Парсонса (1546-1610) «Рассуждение о наследовании английского престола», написанный им в 1594 или 1595 г. Он посвящен проблеме английского престолонаследия и обосновывает права на корону испанской инфанты Изабеллы, старшей дочери Филиппа II. Текст состоит из двух частей; одна из них представляет собой историко-генеалогические выкладки, а предпосланная ей часть и есть, собственно, политический трактат, в котором автор рассуждает о происхождении светской власти и монархии в частности, праве наследования и возможности смещения государей.

Интересующие нас ссылки на Ливия и Тацита сконцентрированы во II и III главах первой части, в которых Парсонс рассуждает о преимуществах монархии перед другими формами правления, а также о праве народа ограничивать власть монарха при посредстве представительных учреждений и даже смещать того, кто не желал подчиняться закону.

В соответствии с замыслом подбираются и исторические эпизоды. Следуя устоявшейся традиции, Парсонс обосновывает преимущества монархического правления перед олигархическим¹⁶, который губит соперничество и зависть правителей, ссылаясь при этом на хорошо известный эпизод из 30-й книги «Истории» Тита Ливия (30, 18-20): Ганнибала, победителя римлян при Каннах, отзывают на родину (вместо того, чтобы помочь ему подкреплениями), и он в сердцах восклицает: «Победил Ганнибала не римский народ, столько раз мною битый и обращенный в бегство, а карфагенский сенат своей злобной завистью».

Все остальные ссылки на Ливия ограничиваются первой и началом второй главы «Истории» и связаны с эпизодами из истории царского Рима. В первом из эпизодов речь идет о том, что преемники Ромула хотя и обладали полнотой монархической власти, но не получали ее по наследству:

«В Риме цари, следовавшие за Ромулом, обладали такой же большой и абсолютной властью, как и наши теперь, но их дети и родственники не наследовали им по праву: новых царей выбирали сенат и народ, как свидетельствует Тит Ливий. Поэтому из трех лучших царей, пра-

¹⁶ *Doleman R.* [R. Persons]. A Conference about the next succession to the crown of England. Antwerp, 1594. I, 2.

вивших непосредственно после Ромула, а именно, Нумы Помпилия, Туллия и Тарквиния, ни один не имел царской крови, не состоял в родстве с другим и не являлся римлянином по рождению, но все они были избраны из иностранцев за доблести и добродетели по решению сената и с согласия народа»¹⁷.

Остальные ссылки также связаны с разными эпизодами из первой книги, в которых речь идет о тирании царей и наказании за нее. Так, Ромул правил «по своей воле, без закона», за что и был убит сенаторами, а тело его изрублено на куски¹⁸ (1:15-16), а на его место избран Нума Помпилий, «благороднейший из всех царей, каких имели римляне»¹⁹. Но больше всего места уделено Тарквинию Гордому (1:49-60), который

«пренебрегал законами, предписанными ему сообществом: не советовался с сенаторами о важных делах, объявлял войну и заключал мир, руководствуясь лишь собственным мнением, завел себе гвардию, боясь народа, совершал несправедливые поступки в отношении разных лиц, позволял дерзости своим детям. Тарквиний был изгнан вместе со своим потомством, а форма правления в Риме изменилась: после двухсотлетнего господства царей он перешел под управление консулов»²⁰.

И далее, в III главе Парсонс возвращается к этому эпизоду, замечая, что в результате изменения формы правления, совершенной властью народа и сената, римское государство не только не пострадало, но, напротив, процветало в годы республики, постоянно расширяя свои пределы²¹.

Тацита Парсонс цитирует редко, хотя на протяжении III главы он говорит о смерти Цезаря и Нерона. Тем не менее, ссылки на Тацита у Парсонса все же есть. Он упоминает Тацита в числе других авторов, говоривших о смене правления в Риме – от царей к республике. И действительно, «Анналы» Тацита открываются фразой: «Городом Римом от его начала правили цари: народовластие и консулат установил Луций Брут»²². Кроме того, Парсонс ссылается на «Историю» Тацита, упоминая о гражданской войне, разразившейся в Риме после смерти Нерона, когда в течение года императорами становились Гальба, Отон и Вителлий (69-70 гг.), прежде чем власть перешла в руки Веспасиана²³.

¹⁷ Ibid., I, 2. Здесь Парсонс ссылается на 1-ю книгу «Истории» Тита Ливия.

¹⁸ Ibid., I, 2.

¹⁹ Ibid., I, 3.

²⁰ Ibid., I, 2.

²¹ Ibid., I, 3.

²² Ibid., I, 1.

²³ Ibid., I, 3.

Нетрудно заметить, что текст Парсонса представляет тираноборческий вариант прочтения Ливия (и в меньшей степени Тацита), что совершенно естественно вписывается в контекст всего трактата. Ведь в нем Парсонс развивает теорию происхождения светской власти от народа и народного договора. По его мнению, сообщество обладает высшей властью (суверенитетом) и имеет права решать вопросы престолонаследия (в кризисных ситуациях) и смещения государя.

В монографии М. Пелтонена, посвященной республиканской мысли в Англии XVI века (а фактически – тому, что у нас принято именовать «гражданским гуманизмом», т.е. представлениям об активной роли подданных/граждан в управлении государством), говорится о том, что республиканские идеи (тесно связанные с античными текстами) никогда не исчезали из Англии, однако они перемещались на «периферию» (в Ирландию, или в провинциальные города)²⁴. В этом смысле трактат Парсонса также являлся «периферийным», так как был издан за пределами страны. Однако воздействие этого текста (который у Пелтонена лишь упоминается походя)²⁵ было отнюдь не «периферийным». Знакомство с ним состоялось быстро и вызвало волну ответной полемики со стороны протестантов и католиков, англичан и даже шотландцев – парламентария-пуританина Питера Уэнтуорта²⁶, католического полемиста Генри Констебла²⁷, историка Джона Хейворда²⁸, шотландского юриста Уильяма Крейга²⁹. Позднее, в XVII в., труд Парсонса неоднократно переиздавался. В 1648 г., на волне интереса к тираноборческим произведениям, первая часть трактата подверглась редактированию (призванному замаскировать конфессиональную принадлежность автора) и была опубликована во время ожесточенной полемики по поводу судьбы Карла I под говорящим заголовком «Несколько речей, произнесённых на совете по поводу прав парламента преследовать короля за дурное управление». «Маскарад», впрочем, не слишком удался: известный политик, пуританин Уильям Принн, выступавший против казни короля, без труда опознал в новой публикации сочинение Парсонса.

²⁴ *Peltonen M. Classical Humanism and Republicanism in English Political Thought, 1570-1640. Cambridge, 1995.*

²⁵ *Ibid.* P. 105.

²⁶ *Wentworth P. A Pithie Exhortation (1598).*

²⁷ *Constable H. A Discoverye of a Counterfecte Conference (1600).*

²⁸ *Hayward J. An Answer to the first part of a certaine conference (L., 1600).*

²⁹ *Craig T. The Right of Succession [1603] (London, 1703).*

В 1655 г. увидел свет «Трактат о нарушенном праве наследования английского престола», представлявший собой выжимки из содержания отдельных глав «Рассуждения» в виде либо краткого утверждения, либо исторических примеров. По всей видимости, издание 1655 г. делалось не с текста 1594 г., а с одной из многочисленных рукописных копий, излагавших краткое содержание «Рассуждения».

Третье переиздание трактата Парсонса (1681 г.) увидело свет в обстановке серьезного политического кризиса конца 1670-х – начала 1680-х гг., вызванного попытками парламентской оппозиции воспрепятствовать католику герцогу Йоркскому унаследовать престол после Карла II. Новое переиздание «Рассуждения» полностью воспроизводило текст 1594 года, а также сохранило название и имя автора (там присутствовал даже его портрет!). Появление нового издания «Рассуждения» вызвало в 1681-1684 гг. целую серию роялистских откликов, в частности памфлеты Роберта Брэдди, Томаса Комбера, Эдварда Пеллинга, Уильяма Эшертон и трактат Джорджа Макензи³⁰. В их произведениях идеи, содержащиеся в трактате, отождествляются с идеологией Революции.

Таким образом, текст Парсонса оказывается весьма значим для английской политической мысли – его читают, с ним спорят, его используют для построения собственной системы аргументации. И именно в последнем случае исторические примеры оказываются наиболее важными, а толкование знакомых текстов античных авторов – одним из способов донесения до читателя своей позиции, своего рода «кодом» или «языком».

Однако этот «язык» интерпретации (применительно к античным историкам) был не единственно возможным для католических авторов. Другой вариант такого «кода» предстает перед нами в сочинениях другого английского иезуита, Томаса Фицгерберта (1552-1640), в частности, в его двухтомном «Трактате о политике и религии» (1615 г.). Этот трактат представляет собой вариацию на популярную в конце XVI и первой трети XVII в. тему – превратности судеб государств, наилучший способ управления и позиция подданного – активного участника политических событий, или же частного лица, созерцающего их. Предисловие трактата обращено к Эдварду Фицгерберту, сыну автора, будущему политику – ему и адресованы советы отца.

³⁰ *Brady R.* The great point of succession discussed (1681); *Comber T.* Religion and Loyalty (1681); *Pelling E.* The Apostate Protestant (1682); *Assher-ton W.* The Royal Apology (1684); *Mackenzie G.* Jus regum (1684).

Произведения подобного жанра (с его очевидными барочными чертами) не были редкостью в то время. Столь же очевидным для такого текста было и увлечение философией стоиков (самым цитируемым автором у Фицгерберта был, несомненно, Сенека). Легко предположить, что, во-первых, в таком сочинении много обращений к античной истории, и, во-вторых, толкование эпизодов значительно отличается от трактовок и выборок Парсонса.

Примеры из античной истории, в том числе и восходящие к интересующим меня авторам, рассыпаны по разным главам первого тома трактата, а во втором занимают три большие главы (X-XII), посвященные превратностям судьбы Римской республики, а затем империи – главным образом, наказаниям, ниспосланным римлянам Богом – войнам, болезням, голоду и стихийным бедствиям (разливам Тибра и др.). Значительная часть этого печального перечня основывается на «Истории» Ливия – от войны римлян с царем Порсенной до Пунических войн включительно³¹. Упомянутые бедствия времени Тиберия и Нерона (в том числе пожар в Риме), Фицгерберт ссылается и на 16-ю книгу «Анналов» Тацита³².

Более интересны здесь ссылки, присутствующие в первом томе трактата, так как они перекликаются со ссылками Парсонса. Фицгерберт тоже упоминает Ганнибала. Однако у него таких ссылок больше, и находятся они в ином контексте. Фицгерберта интересуют превратности войны, «военное счастье», которое порой зависит от кажущихся нелепыми случайностей (а на самом деле, конечно, от божественного провидения). Так, он напоминает читателю о приводимой Ливием речи Ганнибала, обращенной к Сципиону (перед решающим сражением), когда карфагенский полководец пытается заключить мир (30:30):

«Счастью следует доверять всего меньше, когда оно всего больше ...
Лучше, надежнее верный мир, чем мечты о победе: он в твоих руках, она же – в руках богов»³³.

Фицгерберт перечисляет также примеры, когда победа в сражении была одержана благодаря не искусству полководца, но счастливому стечению обстоятельств, – например, погодным условиям, благоприятствовавшим одной из сторон. Такова битва при Каннах, где Ганнибалу помогал ветер (22:46), или победа Сципиона Африканского над Антиохом Сирийским, когда первому помогли туман и дождь (37:41), и ряд других эпизодов³⁴.

³¹ Fitzherbert T. Treatise of Policy and Religion (1615), v.2, 89-110.

³² Ibid., 130, 137-8.

³³ Ibid., v.1, 101.

³⁴ Ibid., 107-8.

Римские цари упоминаются и в ином контексте. Ссылаясь, как и Парсонс, на первую книгу «Истории», Фицгерберт говорит об убийствах и смещениях правителей, но подчеркивает, что различие их судеб определялось их отношением к закону и справедливости. Те, из них, что были избраны законно (народом и сенатом), управляли справедливо и жили добродетельно, были вознаграждены спокойным правлением и умерли в своей постели (Нума Помпилий, Тулл Гостилий и Анк Марций). Кара же постигла тиранов, которые либо захватили власть, либо правили, попирая закон (Ромул, Луций Тарквиний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый)³⁵.

Античные примеры используются Фицгербертом также и в связи с его рассуждениями о репутации государств и их правителей, прежде всего, о том, как важно прослыть справедливыми. Так, он упоминает возвращение жителям Ардии земель, которые у них были ранее несправедливо отторгнуты римлянами (3:71-72)³⁶, а также отказ римлян наказать своих послов, запятнавших себя кровопролитием, что привело к войне с галлами (5:38-41)³⁷.

Во всех приведенных случаях историк (Ливий) выступал в качестве авторитетного источника. Однако связанные с этой же темой ссылки на «Анналы» Тацита выглядят несколько иначе.

В некоторых случаях Тацит, как и Ливий, выступает в качестве источника, который интерпретируется Фицгербертом. Так, например, говоря о том, что убийца Агриппы Постума (смерть которого стала следствием приказа Тиберия) по приказу императора должен был дать отчет в своих действиях сенату (1:6), Фицгерберт отмечает, что так поступают все тираны, заботящиеся о своей репутации, и что подобные случаи служат предупреждением всем, показывая, как страдают те, кого используют в делах незаконных и оскорбляющих Бога³⁸. В другом случае, где речь идет о войне Тиберия против германцев, Фицгерберт пересказывает слова Тацита о том, что она продолжалась «скорее для того, чтобы омыть позор поражения и гибель целого войска во главе с Квинтилием Варом» (1:3), и добавляет собственный комментарий о том, как важна «репутация власти, силы и величия государя»³⁹. Порой Фицгерберт приводит сентенции самого Тацита (по сути, весьма вольный их пересказ): «положение государя таково, что он должен, прежде

³⁵ *Ibid.*, 329.

³⁶ *Ibid.*, 31.

³⁷ *Ibid.*, 32.

³⁸ *Ibid.*, 252-3.

³⁹ *Ibid.*, 287.

всего, почитать славу и репутацию»⁴⁰ (вольное переложение 4:38). И, наконец, еще один пассаж Фицджерберта говорит о необходимости проявлять благоразумие ('*prudencia*'), и не упускать удобного случая, не рисковать при этом, не рассчитав правильно шансов на успех. Данную сентенцию автор вкладывает в уста императора Тиберия, ссылаясь на «Анналы» Тацита.

Таким образом, сочинение Тацита предстает в ином виде: не только и не столько как исторический источник, но как источник сентенций, авторитетных утверждений о делах управления. Использование Тацита в данном качестве соотносится с замыслом и содержанием трактата Фицджерберта. Как нетрудно догадаться, он принадлежал к уже довольно многочисленной на тот момент группе сочинений (в основном написанных иезуитами) о «делах политических», которые полемизировали с Макиавелли. У Фицджерберта также идет речь об успешном управлении государством и о средствах достижения успеха. Упомянутые мной темы – репутация, *prudencia* – имеют прямое к этому отношение и, в целом, не противоречат идеям флорентийца. Однако в отличие от него, Фицджерберт подчеркивал, что искусные действия любого политика не всегда ведут к успеху (единственному критерию, который, по его мнению, признавался Макиавелли), и даже самые блестящие планы могут быть разрушены провидением (см. рассуждения о превратностях судьбы). Кроме того, Фицджерберт стремился показать, что действия государей, противоречащие христианской морали, губят их репутацию, вызывают ненависть подданных, то есть, в конечном счете, неэффективны. А наилучшей «гражданской религией», гарантирующей добродетель (и повиновение) подданных, является христианство (в его католической версии)⁴¹. В стремлении противопоставить себя Макиавелли Фицджерберт, как и другие католические авторы до него, использует в качестве авторитета в делах политики Тацита.

Произведение Фицджерберта хорошо вписывается в круг преимущественно католических авторов XVI-XVII вв. (Аммирато и др.), применительно к которым современные исследователи выдумали термин «тацитизм». Однако его трактат не был известен в Европе, так как был написан по-английски. Краткий латинский перевод был издан, но не получил особой известности. Английская же версия с большим интересом была прочитана соотечественниками Фицгер-

⁴⁰ Ibid., 271.

⁴¹ Hupfl H. Jesuit Political Thought: The Society of Jesus and the State, с. 1540-1630. Cambridge, 2004. P. 125-133.

берта, особенно университетскими преподавателями⁴². Их интерес, как мне представляется, был обусловлен, во-первых, кругом «модных» тем, которые в трактате рассматривались. Кроме того, трактат Фицгерберта был одной из первых английских версий рассуждений о политике и морали, выдержанных в духе «тацитизма». Фактически, он представлял собой «мостик» между итальянскими и испанскими разработками данных сюжетов и английской публикой, и в этом качестве был весьма важен для развития политической мысли XVII века, хотя и незаслуженно ободен вниманием исследователей.

В качестве финального замечания отмечу, что два трактата, к которым я обращалась, принадлежат к двум разным культурам и стилям. «Герой» Парсонса, которому обращен его трактат, это англичанин, призванный и привыкший участвовать в делах государственных и принимать самые ответственные решения. И он, и автор рисующего его сочинения еще явно принадлежит Ренессансу. А Фицгерберт, последовательно излагающий сыну преимущества созерцательной жизни, которые позволяют с достоинством переносить удары судьбы и отстраниться от интриг двора, несомненно, продукт культуры Барокко.

⁴² *ibidem*.

В.Ю. Апрыщенко (Ростов)

**СЭР ДЖОН КЛАРК ПЕНИКУИК И
КРИЗИС ШОТЛАНДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА**

В истории нередки случаи, когда персонаж из прошлого, чьи поступки вызвали восторг и восхищение современников, определяли судьбы людей, вдруг под пером историка, пишущего с позиций нынешнего времени превращается в заурядную личность лишь потому, что источники, находящиеся в руках исследователя и трактуемые человеком XXI века, не позволяют рассмотреть в нем «великую личность». Случается и так, что историк исключает личность из поля исследования, поскольку она не вписывается в его видение прошлого. Бывает и наоборот. И тогда тот, кто не был замечен или услышан при жизни, оставаясь «на втором плане», столетия спустя оказывается деятелем первой величины. Кто из них более важен как объект изучения? Вопрос, связанный с проблемой «оптики» – под каким углом зрения смотреть на человека прошлого, чьими глазами – его современника, человека, часто заинтересованного и неизбежно субъективного, но находящегося с характеризуемой личностью в одной системе координат и рассуждающего категориями эпохи, или исследователя, чей незаинтересованный взгляд не замутнен предрассудками прошлого и претендует на объективность? Чье мнение предпочесть в том случае, если оценки расходятся?

Эта задача усложняется, когда речь идет не о зримых продуктах деятельности, а об идеях, которые порой проходят очень сложный путь и начинают восприниматься как нечто органически присущее обществу, лишь спустя много лет после того, как впервые были сформулированы. Один из таких случаев – проблема идентичности и связанный с ней вопрос национальной идеологии.

Идентичность, как некая тождественность человека определенному социокультурному пространству, стала объектом изучения историков сравнительно недавно. Говоря более строго, понятие идентичности, взятое из психологии, обозначает «твердо усвоенный и лично принимаемый образ себя во всем богат-

стве отношений личности к окружающему миру»¹. Отсюда происходит и понятие «кризис идентичности», впервые использованное в годы Второй мировой войны в психиатрии, а в послевоенный период и, особенно, в 1970-е годы, перекочевавшее и в социальные науки. Под кризисом понимается некий переломный и, главное, неизбежный процесс переосмысливания коллективного опыта социальной группы, протекающее порой в форме «смешения идентичностей». Зачастую этот процесс носит бессознательный характер, но, как бы то ни было, важнейшим фактором здесь является наличие некоей рефлексии по поводу событий (события) прошлого. Идентичность строится на основании разного понимания и памяти об этом событии и может выступать в двух моделях – «конфликтной» и «консенсусной»². Думается, что такие модели могут не только сосуществовать, но и сменять друг друга. Как правило, подобная трансформация инициируется определенной группой интеллектуалов, творческой интеллигенцией, которая, рефлекслируя по поводу некоего значимого события, формирует идеологию и создает основу для нового типа самосознания. Таким образом, на определенном этапе новая идентичность выступает как результат осознанной деятельности, как своего рода «проект» небольшой группы творческих личностей, и лишь затем, уже при жизни последующих поколений, идеология превращается в идею, адаптированную массовым сознанием. Сознание, будучи довольно стойким компонентом, хранит и воспроизводит эту идею, и затем новая идентичность, существуя на протяжении долгого времени, превращается в некую традицию, в то время как имена тех, кто когда-то выступал «архитектором» нового типа сознания, как правило, забываются. Об одном таком имени и об одной идее пойдет речь в данной работе.

Среди многих парадоксов шотландской истории есть один, пожалуй, самый трудноразрешимый. Парламентская Уния 1707 г., в первой половине XVIII в. воспринятая шотландцами как народная трагедия и предательство аристократии, уже к концу столетия становится национальной гордостью и начинает осознаваться как неперемное условие органичного развития северо-британского общества. А сами шотландцы из злейших врагов британской короны, с которыми Лондон боролся на протяжении первых 50-ти лет после Унии, уже к концу столетия становятся символом могу-

¹ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 12.

² См.: Репина Л.П. Время; история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2000. Вып. 3. С. 11.

щества Британской империи. Удивителен не только сам факт подобной трансформации, но и скорость, с которой произошли эти изменения. В чем причины удаи и каков механизм такого проекта по трансформации идентичности?

О кризисе идентичности в Шотландии мы можем говорить, очевидно, уже применительно к XVII в. Но столь же несомненно, что переломным событием в этом процессе стала Уния 1707 года. Подготовленная и принятая аристократией, она неоднозначно воспринималась, в первую очередь, самой этой аристократией. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, содержащие информацию и о дебатах в Шотландском Парламенте, и данные о голосовании, согласно которым «уния была принята скорее неявкой, нежели одобрением», и многочисленные нарративные памятники. Основная проблема заключалась в том, как примирить шотландский национальный миф о величии собственного исторического прошлого, о национальной свободе, которую отстаивали предки в битвах с англичанами, с теми заманчивыми перспективами, прежде всего, в экономической и социальной, военной сферах, которые сулило объединение с Англией.

В условиях усиливающегося кризиса идентичности шотландская элита столкнулась с проблемой, как отстоять собственное культурное прошлое. Осознавая себя одной из древнейших наций Европы, шотландцы уже в XVII в. реанимируют интерес к так называемому Свитку королей, насчитывавшему сотни поколений. Этот проект действительно имел успех, и в письме, посланном шотландскому парламенту в 1641 г., Карл I называл себя 108-м монархом, согласно этому списку. Церковь тоже являлась активным актором на данном поле, поскольку шотландский пресвитерианизм ощущал зримую угрозу со стороны южного соседа. Результатом усилий в этом направлении становится утверждение, что шотландцы, обращенные в христианство во II в., при короле Доналде, уже тогда заложили основы пресвитерианской церкви, а епископы, появившись в V в., узурпировали церковную власть³.

Разрешить многочисленные культурно-исторические противоречия, возникшие в условиях кризиса шотландской идентичности, предстояло интеллектуалам, которым эти сложности были наиболее очевидны.

Самым известным примером такого примирения является творчество Вальтера Скотта, преодолевшего раскол между сердцем, влекущим его в романтическое прошлое, и разумом, призы-

³ Ash M. The Strange Death of Scottish History. Edinburgh, 1980. P. 30-31.

вающим в будущее, которое способна только обеспечить Англия. В своих художественных произведениях, публицистических выступлениях и особенно в «Истории Шотландии», В. Скотт выступает как носитель «двойной шотландско-британской идентичности». Однако Скотт, которого принято называть родоначальником шотландской «романтической революции», на этом пути не был первым. Среди многих факторов, оказавших влияние на формирование взглядов Скотта, помимо детства, проведенного в шотландском Приграничье, просветительских концепций социальных реалий рубежа XVIII–XIX вв., важное место занимали взгляды его предшественников и, в первую очередь, традиции антиквариатов. Одним из представителей этого направления был сэр Джон Кларк Пенкиук.

Первая половина XVIII века в шотландской истории – это период национализма и антикварианизма, точнее, национализма, выступающего в форме антикварианизма, когда, в преддверии Просвещения, были сделаны попытки объяснить настоящее Шотландии, только что принявшей Унию, категориями прошлого.

Впервые на эту особенность шотландского национализма, опиравшегося на антикварную традицию, было обращено внимание в статье Дэвида Дайчеза «Ученость, литература и национализм в Шотландии XVIII века», опубликованной в 1984 г.⁴ Ценность этого исследования, прежде всего в том, что Дайчез, филолог по образованию, объектом своего исследования избрал эволюцию концепта свободы и национализма. Он пишет:

«Принятие Унии было поистине травмой для шотландского народа. Люди совершенно не представляли, что с ними произошло и кто они теперь. В этой атмосфере многие шотландцы обратились к шотландскому культурному прошлому, чувствуя себя там более комфортно и ощущая принадлежность к шотландской национальности»⁵.

Оппозиция Унии привела к всплеску патриотизма, принявшего культурные формы, одной из которых стало антикварное движение. Этот «культурный национализм» компенсировал потерю независимости, а в более длительной перспективе закладывал основы новой шотландской идентичности. И исторические, и литературные произведения того времени выполняли функцию консолидации общества на основе осознания величия прошлого шотландского народа, не заботясь в достаточной степени, о воссоздании *истинной* картины истории.

⁴ Daiches D. Scholarship, Literature and Nationalism in 18th Century Scotland // Literary Theory and Criticism: Festschrift presented to Rene Wellek / Ed. by Joseph P. Strelka. Vol. 2. N.Y., 1984.

⁵ Ibid. P. 748.

Традиция антиквариев была заложена в Британии: англичанином Уильямом Кемденом, который опубликовал в 1586 г. свою известную «Британию» (Britannia), источником которой стали не только записки путешественников, но письменные материалы на латыни, валлийском и англосаксонском языках. «Британия» выдержала несколько изданий на протяжении ближайших двух столетий и пользовалась огромной популярностью, в том числе и на севере. В издании 1696 г. был сделан целый ряд вставок, автором которых стал первый шотландский антикварий Роберт Сиббалд, родившийся в Эдинбурге в 1641 г. В 1682 г. он был назначен придворным физиком и географом при дворе Карла II и пожалован рыцарским званием за свою службу⁶. Помимо прочего, известен он еще и тем, что вместе с доктором Эндрю Балфором основал маленький экспериментальный сад на территории Холирудского дворца, ставший со временем прообразом Королевского Ботанического сада, и по сей день, возможно, являющегося красивейшим местом не только Эдинбурга, но и всей Шотландии. Искренне интересуясь историей, Сиббалд понимал ее не только как прошлое вещей и общества, слагающееся из источников, но и как историю природы, которую он называл естественной (натуральной) историей. Именно эти взгляды оказали непосредственное влияние на творчество его ученика Джона Кларка – одного из участников шотландского антикварного движения, с чьими идеями теперь связывается развитие рационального подхода к историописанию.

Джон Кларк Пенникуик родился в 1676 г. Его дед по отцовской линии разбогател лишь в середине XVII в., получив баронию Пенникуик, что в семи милях южнее Эдинбурга. В возрасте 16-ти лет Джон поступил в Университет Глазго, где в течение двух лет «без особого удовольствия» изучал логику и метафизику, после чего отправился в Лейденский университет, с которым к тому времени у шотландской студенческой молодежи установились прочные связи. Пребывание в Голландии, а затем путешествие по Европе, что было в традициях тогдашнего образования, оказало значительное влияние на формирование мировоззрения молодого человека. По возвращении в Шотландию в 1700 г. он становится членом самой влиятельной юридической организации Шотландии – Факультета Адвокатов, посредством которого в Шотландию проникали континентальные правовые нормы и который играл в ее политической жизни немаловажную роль, поскольку был трибуной всех новейших общественных движений. Став адвокатом и будучи

⁶ Ash M. The Strange Death of Scottish History. Edinburgh, 1980. P. 35.

избранным в Парламент в 1702 г., он вошел в группу, объединившуюся вокруг Куинсбери, который приходился кузеном покойной жене Джона Кларка, умершей при родах. Первый брак, окончившийся столь печально, завещал Пеникуику серьезные политические связи. Годом позже он стал одним из тех, кто принял участие в подготовке грядущих преобразований, изучая степень готовности общественного мнения для осуществления Унии⁷.

В 1705 г., в период активизации торговли, в том числе и с Англией, он становится членом воссозданного Совета по торговле, а уже в следующем году – комиссионером группы, занимавшейся подготовкой Унии. Особое внимание он уделял вопросу о возможных торговых и финансовых последствиях будущего соглашения. В 1707 г. он входит в комитет по рассмотрению Эквивалента и вскоре возглавляет его. Деятельность этой организации была связана с одним из самых щекотливых вопросов объединения – проблемой шотландского национального долга, которая будет отражена в статье XV договора-унии⁸, а сам Джон Кларк оставит пространное эссе, объясняющее цели, двигавшие им в ходе работы в Комитете¹⁰. В том же году он занял пост Барона Шотландского Казначейства и занимал его до конца своих дней, проявив в этой должности незаурядные таланты и рвение. Наконец, в 1717 г. он основал Комитет по Производству – наиболее влиятельную экономическую комиссию Шотландии. В ней он работал с присущей ему серьезностью и энергией.

В то время в Шотландии не было более осведомленного в экономических вопросах страны эксперта, способного не только собирать сведения об уровне развития торговли и производства, но и анализировать динамику развития экономики в период до и после Унии. Иными словами, Кларк не только был представителем того поколения, которое испытало на себе экономические и политические последствия Унии, но и входил в число лиц, непосредственным образом повлиявших на ее подготовку. В 1733 г. он

⁷ *Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union of Scotland and England.* Edinburgh, 1993. P. 2.

⁸ Среди шотландской элиты Уния рассматривалась в двух вариантах – федеративной и инкорпоративной. Большая часть парламентариев высказывалась за Унию-федерацию, позволявшую сохранить собственный Парламент и легислатуры, и получить при этом доступ на британский рынок.

⁹ Более подробно об этом см. *Whatley Ch. A. Bought and Sold for English Gold? Explaining the Union of 1707.* East Lothian, 2001.

¹⁰ *An Essay upon the XV. Article of the Treaty of Union, wherein the Difficulties that arise upon the Equivalent, are fully cleared and explained.* Edinburgh, 1706. Copy in SRO, GD18/3129.

написал: «В последние 30 лет я в той или иной степени интересовался развитием торговли и производства в этой стране»¹¹. Для подобного утверждения действительно были основания.

Сегодня историки по-разному оценивают экономическое состояние Шотландии и влияние на него Унии. Одни из них, рисуют Шотландию XVII века процветающей страной, накануне наступления «темной ночи Унии». Соответственно этому подходу, Уния – потеря независимости, древней свободы, которые были проданы и куплены за английское золото. Эта точка зрения восходит к первым годам после унии, была распространена среди шотландских политиков той поры, а позже нашла выражение и в произведениях деятелей культуры, популяризовавших шотландскую историю¹². Именно на Унию ими возлагается вина за кризис шотландской экономики первой половины XVIII века. Другая точка зрения гласит, что, наоборот, XVII в. был темным временем, накануне подъема, во время которого шотландская экономика, благодаря Унии, положившей начало модернизации, получила стимул к развитию¹³. Несмотря на то, что существует целый ряд промежуточных позиций, это две крайние точки зрения наиболее симптоматичны.

Одно чрезвычайно важное событие оказало влияние не только на экономическое развитие Шотландии рубежа столетий, но и послужило своего рода индикатором лояльности по отношению к Англии. Это была Дарьенская авантюра.

По свидетельству ряда историков, она была вызвана деградирующим чувством собственной национальной значимости в период после свержения Стюартов и получила известность под именем Шотландская Восточная Индийская Компания¹⁴. Основа этого предприятия была заложена в 1695 г. созданием Компании шотландской торговли с Африкой и Индией. Ее возникновение связывалось с надеждами лондонских и эдинбургских купцов на разрушение монополии Английской Восточной торговой компании. Во главе Компании стоял Уильям Патерсон, известный как основатель Банка Шотландии и на протяжении как минимум десятиле-

¹¹ Sir John Clerk's Observations on the present circumstances of Scotland, 1730 // *Miscellany of the Scottish History*. Ed. by T.C. Smout. Edinburgh, 1965. P. 177.

¹² *Whatley Ch. A. Burns and the Union of 1707 // Love and Liberty*. Robert Burns: A Bicentenary Celebration / Ed. by K.G. Simrson. Edinburgh, 1997. P. 184-185.

¹³ *Stevenson D. Twilight before night or darkness before dawn? Interpreting seventeenth-century Scotland // Why Scottish History Matters? / Ed. by R. Mitchison*. Edinburgh, 1991.

¹⁴ *Insh G.P. The Company of Scotland*. L., 1932.

тия до того осуществлявший неоднократные попытки способствовать продвижению шотландцев на Американском континенте. Однако на территориях южнее тропиков все его предприятия оканчивались провалом, так же, как и немногочисленные попытки его шотландских коллег. Успех английских начинаний давал надежду и многим шотландцам, которые, рассчитывая извлечь прибыль из торговли с колониями и считая себя «не хуже, чем Англия, Голландия и другие страны Европы», запросили у Вильгельма патент на деятельность на Карибах. Уже в 1690-е гг. среди многих влиятельных шотландцев было распространено убеждение, что заморская торговля – это «золотая бочка», которой пользуются европейские державы и которая способна быстро привести Шотландию к процветанию. Дарьен, общий капитал которого оценивался в 400 тыс. ф. ст., вызвал немыслимый ажиотаж среди шотландцев, которые устремились «из всех уголков Королевства в Эдинбург, богатые и бедные, хромые и слепые». Но Компания была не просто амбициозным предприятием национальной экономики, это предприятие было призвано утвердить национальный дух, показать, что «варварский север» способен конкурировать не только с Англией и с другими развитыми государствами Европы, но и нести собственную культуру. Именно поэтому на судна, отправленные в первую экспедицию, помимо тюков с льняным полотном, шерстью и другими продуктами, которыми собирались торговать в Америке, было загружено полторы тысячи экземпляров Библии и два ревностных шотландских священника¹⁵.

Дарьенская авантюра и ее печальный итог свидетельствует о нескольких тенденциях развития шотландской экономики конца XVII века. С одной стороны, это экономический рост второй половины века, который позволил сформировать немалый капитал для заморского предприятия. С другой стороны, большая часть экономики страны была связана с английскими производителями и купцами, а, в категориях англо-шотландской дихотомии, шотландцы выглядели как сторона, «догоняющая» своего южного соседа. Даже по показателям экспорта одного из самых «шотландских» продуктов – шерсти, шотландская часть составляла всего лишь 2% от английской, а рыбы – 1%¹⁶.

Шотландское сельское хозяйство действительно развивалось, но растущее производство зерна обеспечивалось усилением эксплуатации лендлордами крестьян и снижением уровня жизни по-

¹⁵ *Whatley C.A. Scottish Society 1707-1830: Beyond Jacobitism, toward industrialization. Manchester, New York, 2000. P. 31.*

¹⁶ *Ibid. P. 32.*

следних, что способствовало расширению эмиграции. А расширение культивируемых земель наблюдалось, главным образом, на территориях, занимаемых крупными землевладельцами.

Шотландия все еще являлась в глазах современников периферийной, маргинальной, главным образом высокогорной страной с преимущественно сельскохозяйственным населением. Городское население росло, но из 1 млн. 200 тыс. жителей, зафиксированных в Шотландии на 1691 год, девять десятых по-прежнему жили в деревнях, причем большая часть обитала в рассеянных поселениях гор и холмов, занимаясь скотоводством¹⁷. Английское городское население в 1700 г. составляло 18,7%, а общая его численность была в пять раз больше шотландского. Однако представители шотландской знати и наиболее удачливые торговцы имели возможность пользоваться услугами заморского рынка, покупая в Лондоне китайские и японские товары и украшения, хотя товары аналогичного качества производились шотландскими ремесленниками¹⁸. При этом хайлендерские вожди, интегрируясь в лоулендерское общество, старались не отставать от своих южных соседей.

Две военные экспедиции, посланные англичанами против Шотландии в 1698 и 1699 г., положили конец Дарьену. Был потерян капитал в размере четверти бюджета государства. Это привело к осознанию, что экономическая и геополитическая ситуация, создававшаяся на мировых рынках, делала очень проблематичным самостоятельное процветание Шотландии. Шотландские амбиции резко стали снижаться, вместе с тем росло убеждение, что для успешного участия Шотландии в торговле ей необходима английская помощь. Если в середине 1680-х гг. жители Брехина в Ангусе могли сообща построить мост через Саутеск, то в 1690-е гг. ситуация резко изменилась к худшему. Уровень внутренней торговли был чрезвычайно низким, в некоторых городах до трети населения и торговцев оказывались банкротами и вынуждены были покидать города¹⁹. Однако двойственность ситуации заключалась в том, что Дарьен стал первым событием-катастрофой, вокруг которого формировалась шотландская идентичность. В связи с Дарьеном обвинения в сторону Англии в организации провала Компании, соседствовали с осознанием невозможности дальнейшего раздельного существования государств-соседей.

¹⁷ Whyte I.D. Proto-industrialization in Scotland // Regions and Industries: A Perspective on the Industrial Revolution Britain / Ed. by P. Hudson. Cambridge, 1989. P. 230.

¹⁸ Whatley C.A. Scottish Society 1707-1830... P. 33.

¹⁹ Ibid. P. 38-39.

Лучше всего сложность ситуации понимал Джон Кларк. В 1730 г. он написал «Наблюдения по поводу нынешнего положения в Шотландии». Выполненные в распространенной в те времена форме «письма другу», они, вполне вероятно, и адресовались какому-то конкретному человеку, но в дальнейшем части из этого произведения были заимствованы в других работах Джона Кларка. В период между 1706 и 1733 гг., когда «Соображения» были опубликованы, их автор ничего не издал, объяснение чему содержится в одном из первых предложений сочинения: «Я прекрасно понимаю, как мало пользы приносят подобные тексты»²⁰. Сами соображения состоят из четырех частей. В первой части он описывает экономическую ситуацию накануне Унии и поясняет, таким образом, причины, приведшие к ней. Во второй – рассуждает по поводу развития шотландской экономики после Унии, обращая внимание, что после короткого подъема в 1707-1710 гг., вновь наступает спад. Показывая себя знатоком различных отраслей экономики, он анализирует и развитие промышленности, и зернового производства и скотоводства, уделяя при этом внимание еще и политике правительства в области экономики²¹. Особый акцент Кларк делает на торговле табаком, которая, как покажет будущее, будет определяющим фактором в развитии экономики западных частей Шотландии в XVIII в. Интересно, что его анализ спада этой отрасли экономики оказался чрезвычайно верным, как показали исследования современных историков²².

Третья часть работы посвящена тем потерям, которые Шотландия понесла в связи с Унией, начиная от утраты Парламента и других государственных институтов, например, Тайного Совета, и заканчивая потерей национальной свободы. Но, рассуждая об этих лишениях, автор раз от раза приводит факты, свидетельствующие о том, что это были лишь формальными потери, а вся предшествующая шотландская история развивалась именно по пути сближения с Англией. И в заключительном разделе Пеникуик еще раз констатирует выводы, сделанные в предыдущих частях, акцентируя внимание на экономических выгодах союза.

Автор этой работы выступает уже как просветительская фигура, он говорит с рациональных позиций, и он верит сам в то, о чем пишет. Искренняя вера позволила ему уже в 1744 г., оглядываясь назад, написать: «Я чрезвычайно рад, что судьба сделала

²⁰ Sir John Clerk's Observations... P. 178.

²¹ Ibid. P. 194-199.

²² Hamilton H. An Economic History of Scotland in the Eighteenth Century. L., 1963. P. 256.

меня инструментом великого процветания этого Острова»²³. Шотландия, которая ранее была «бедной старой матроной в отрепьях», после Унии стала «такой богатой и процветающей», какими оба королевства никогда ранее не были. Кроме того, очевидно, что работа построена в виде своеобразного ответа тем скептикам, которые, аргументируя свою позицию патриотической риторикой и романтическими сантиментами, не желают видеть экономических благ Унии для Шотландии. Таким образом, Джон Кларк пытается рационально объяснить современное положение Шотландии и ее связи с южным соседом, апеллируя к прошлому величию в контексте преодоления кризиса – и экономического, и идентичности, – с которым народ столкнулся в период после Унии.

Аналогичный подход характерен и для другого сочинения Джона Кларка – «Истории Унии Шотландии и Англии», задуманной и написанной несколько лет спустя после 1707 г. Исполненная на латинском языке, она посвящена идее воссоздания Британского прошлого «от дней Юлия Цезаря до великого деяния наших дней»²⁴. Используя категорию *De Imperio Britannico* автор употребляет понятие «империя» не в современном смысле слова, а скорее как синоним «доминиона» или «хозяина», что подчеркивает главенствующую роль именно объединенного союза, в котором множество явлено в единстве, причем, по мнению Пенникуика, Британия исторически обречена (термин *fata Britannica*) на это единство суверенных множественностей²⁵. В этом проявляется и божественный промысел, и вера в прогресс, которые парадоксальным образом сочетались в деятельности Джона Кларка, что дает возможность отнести его к первым шотландским просветителям.

Хотя и в «Наблюдениях», и в «Истории Унии» сэр Пенникуик выступает с рациональных позиций, романтические сантименты были ему не чужды. Более этого, если экономические выгоды Унии, хотя и не всегда легко, но поддавались рациональному объяснению, то как было примирить другое, более осязаемое противоречие, связанное с утратой древней шотландской свободы. Этому он посвящал другую часть своей жизни.

²³ Brown I.G. *Modern Rome and Ancient Caledonia: the Union and the Politics of Scottish Culture* // *The History of Scottish Literature*. Vol. 2. 1660-1800 / Ed. by Andrew Hook. Aberdeen, 1987. P. 36.

²⁴ В другом аналогичном произведении («История Унии», 1709 г.) современник Джона Кларка и непосредственный свидетель подписания Акта Унии Даниель Дефо рассматривает идею единения двух соседних королевств, начиная с правления Эдуарда I.

²⁵ *Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union of Scotland and England*. Edinburgh, 1993. P. 8-9.

В период между 1720-ми и 1750-ми гг. он являлся признанным лидером и патроном шотландского искусства и наук, покровительствуя и поэту Алану Рамсею, и художнику Уильяму Айкману, и музыканту и антикварию Александру Гордону, и ученым Джеймсу Андерсону и Томасу Блэквулу, и братьям архитекторам Уильяму и Роберту Адамам, благодаря чьим усилиям Эдинбург обрел свое новое имперское лицо. Обладая не столь значительными материальными возможностями, он лишь в малой степени повысил свой социальный статус, но завоевал при этом прозвище «Северного Аполлона искусств». Джон Кларк в равной степени интересовался геологией, астрономией, химией и медициной, как и сельскохозяйственным производством и промышленным развитием, являясь при этом основателем и покровителем направления искусства, которое мы сегодня называем ландшафтный дизайн. Кроме того, был он и музыкантом, учеником Корелли, с которым встретился в Риме во время своего путешествия по Европе. Таким образом, известность среди современников он получил как меценат и творческая личность²⁶.

Как литератору, Кларку обычно уделяют не более нескольких строк в учебниках не только британской, но и шотландской литературы. Однако в том, что касается подхода Пеникуика к интерпретации шотландского прошлого, предложенного им в период между Славной революцией и эпохой Просвещения, его творчество является весьма оригинальным.

Литературное творчество Кларка полно парадоксов. Будучи близко знаком с одним из классиков шотландской литературы Аланом Рамсеем, он, как и много лет спустя Вальтер Скотт, являлся собирателем шотландских народных баллад. Кроме того, помимо «Истории Унии» и публицистических работ, он был автором нескольких трактатов, написанных на латыни, и обширной и неопубликованной книги «Положение страны», где описал ландшафт и архитектуру Шотландии.

Однако себя он считал в первую очередь антикварием. Кларк был первым историком после подписания Унии, попытавшимся объяснить противоречия истории государства, которого не существовало. Для него попытка примирить эти противоречия была не только вопросом формы и содержания его творчества, но и, в первую очередь, вопросом морали.

Антикварианизм Кларка находил свое выражение в археологической деятельности. Пеникуик считается пионером изучения

²⁶ *Brown I.G. Modern Rome and Ancient Caledonia... P. 35.*

римских древностей на территории Шотландии. Однако, живя прошлым, он рассматривал материальную культуру ушедших веков не просто как источник знаний о пребывании римлян на территории Британии. Для него это был образец культуры, положенный в основу его политической философии, которую условно можно обозначить как «полезный утилитарный антикварианизм»²⁷. Иными словами, археологические памятники для него – это своеобразные моральные аргументы в пользу патриотических чувств. И в этом Кларк – парадоксальная фигура. Будучи сторонником Унии и изучая римские древности, он пытался нарисовать рост и эволюцию древней Каледонии под влиянием Рима, и использовал эти аргументы для описания современной ему действительности. Занятия древнеримской историей, таким образом, способствовали постановке Джоном Кларком и ряда вопросов шотландской истории.

Римское прошлое Каледонии, перенесенное в XVIII век, по его мнению, решало проблему шотландской культуры и идентичности XVIII века. Кларк описывал преимущества меньшей нации, столкнувшейся с экономической, политической и интеллектуальной мощью Англии. И он желал совместить, казалось, несовместимые вещи – чтобы Шотландия стала частью более широкого мира, но в то же время сохранила свои исторические черты характера, свое суверенное прошлое. Одновременно он был римлянином и каледонцем, северо-британцем и шотландцем.

Важным фактом Джон Кларк считал и то, что Уния являлась именно продуктом взаимного договора, осознанного выбора шотландцев, согласия между двумя частями королевства²⁸.

Изучая материальную культуру Римской Британии, Джон Кларк сталкивался с проблемой интерпретации археологических находок, и найденные древности говорили ему о величии каледонцев. Но это величественное прошлое вытекало как раз из метода интерпретации. Он хотел верить, например, что найденное им бронзовое оружие принадлежало разбитым каледонцами римлянам, а не местным племенам. Подобные находки пробуждали интерес к имперской истории и истории завоевания Британии Римом, и это была своеобразная дань шотландской древности²⁹. Подход Кларка принципиально отличался от оценки подобных находок его английскими коллегами, например, Роджером Гэйлом, который считал, что оружие, найденное близ римских укреплений, могло быть утеряно местными воинами во время атаки римского лагеря.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibid. P. 36.

²⁹ *Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union...* P. 36.

Александр Гордон, другой известный шотландский антикварий, определял мечи, найденные на месте сражения у Бэннокберна, как необязательно английские, а утверждал, что «стоит отбросить все сомнения по поводу [их] римского происхождения»³⁰. Иными словами, патриотические настроения шотландских антиквариетов не удовлетворялись констатацией побед над англичанами, необходимо было удревять историю каледонских побед.

Однако и Гордон, и Кларк, люди, получившие классическое образование, неоднозначно относились к римскому завоеванию. Им сложно было игнорировать тот факт, что, благодаря римлянам, на короткое время Шотландия стала частью обширного цивилизованного мира. К тому же эта проблема приобретала особое звучание в Шотландии их времени, поскольку они являлись современниками аналогичных процессов, но ценой этого прогресса являлась потеря независимости. И им ничего не оставалось делать, кроме как апеллировать к посмертной славе, к моральному единению с прошлым, оперируя при этом такими категориями, как «прародители», «предки», «Родина» – категориями, которые в Шотландии того времени неизменно ассоциировались с экспрессивными речами лорда Белхавена и других противников Унии, воспевавших прошлое «нашей Древней Матери Каледонии». Но если Белхавен своей целью видел политическое обострение и политическую борьбу, то сэр Кларк ареной борьбы избрал культурное прошлое Каледонии.

Нигде это двойственное отношение к шотландскому прошлому и, в частности, к римскому завоеванию не проявлялось столь резко, как в интерпретации истории Адрианова Вала.

Еще в 1739 г. Пенникуик подготовил для Эдинбургского философского общества записку об Адриановом Вале, где обосновывал свой патриотический интерес к прошлому. Некоторое время спустя великий шотландский математик Колин Макларен озвучил общее впечатление шотландских интеллектуалов о представленном документе, который был прочитан «с соответствующим признанием от представленного изучения... и удовольствием от патриотизма»³¹.

Для Кларка центр конфликта между римской цивилизацией и каледонцами сосредотачивался именно на Адриановом Валу³². С одной стороны, это был центр римской культуры, но с другой – центр войны свободолюбивых племен его родной земли, которые штурмовали римские укрепления. Как можно было совместить эти

³⁰ *Brown I.G. Modern Rome and Ancient Caledonia... P. 36.*

³¹ *Ibidem.*

³² *Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union... P. 38-39.*

две интерпретации римского вала для человека, который принимал участие в создании унии 1707 года? И Джон Кларк приходит к выводу, что вал был необходим, вал сделал из нас людей, считал антикварий³³. «Он сделал для нас больше, чем все наши военные экспедиции вместе взятые»³⁴. Причем интересно, что Кларк склонен считать Адрианов вал не столько «римским», сколько «варварским», каледонским, тем самым акцентируя внимание на собственном выборе каледонцев в пользу цивилизации. Во всем этом сложно не заметить уважения к имперскому духу. Римское завоевание рассматривалось как несомненное благо, принесшее плоды цивилизации и обогатившее каледонскую культуру.

Как член антикварного клуба Римских Рыцарей Вильяма Стаклея, Кларк взял прозвище Агрикола, в честь римского полководца, завоевавшего Каледонию в 84 г. Его друг и соратник Александр Гордон при этом взял имя Калгасуса – вождя каледонцев. Конечно, Гордон, известный своими националистическими настроениями, не занимал, в отличие от Кларка, пост лорда-казначея, но выбор Пеникуика показателен. Как Агрикола, Кларк был человеком проримских симпатий, а в терминах XVIII века северо-британцем. По его мнению, вместе Англия и Шотландия могли бы создать империю еще более великую, чем римская. То есть Кларк был шотландцем-патриотом, который был готов подчинить свою «шотландскую» интересам «британскости».

Рассуждая о римлянах в Британии, он использовал терминологию современного ему ганноверского государства, и эти рассуждения приводили его к мысли о выгодности для Шотландии союза с Англией. Однако несмотря на теоретические рассуждения по поводу взаимных обязательств в рамках такого союза, Кларку, хорошо знакомому с экономическими реалиями своего времени, сложно было не признать превосходства Англии, и поэтому в англо-шотландских отношениях именно Англия играла роль Рима, так же, как и много веков назад, империя обеспечивала себе безопасность границ, распространяя свою культуру. В этом смысле Кларк был типичным британским антикварием. Как и многих других его коллег, древности занимали его лишь постольку, поскольку помогали понять реалии настоящего³⁵.

³³ Ash M. The Strange Death of Scottish History. P. 36.

³⁴ Brown I.G. Modern Rome and Ancient Caledonia... P. 37.

³⁵ Подробно об этом см. Паламарчук А.А. Федоров С.Е. Рубежи антикварного сознания: история и современность в раннеэпохальной Англии // Цель времен: проблемы исторического сознания / Под ред Л.П. Репиной. М., 2005. С. 151-197.

Трезво оценивая уровень современных англо-шотландских отношений и не питая иллюзий по поводу разницы в уровне развития двух частей королевства, Кларк при этом считал, что Англия может и должна помочь Шотландии реализовать культурный потенциал, хранившийся в недрах самобытной шотландской культуры и воплощенный в своеобразном шотландском характере. Иными словами, патриотизм антиквара заключался в желании спасти шотландское культурное величие, а суверенная нация им понималась как носитель культурных стереотипов, образцов поведения и характера, причем залогом выживания этих культурных норм должен был стать именно союз с Англией.

Персональным свидетельством того, что англичане не собираются подавлять духа шотландской свободы, явилось назначение Кларка Бароном Казначейства. Здесь одновременно удовлетворялись и личные его амбиции, и притязания шотландца, который в рамках Британии желал принимать участие в политической жизни. В этом Джон Кларк был чрезвычайно успешен, и его послужной список, и его членство во влиятельнейших политических и интеллектуальных клубах лучшее тому подтверждение³⁶.

Хотя патриотизм Кларка, основанный на изучении римской археологии имел значительную ностальгическую окраску, ничто не связывало его с якобитским движением. Думается, причина этого в достаточной его осведомленности по поводу развития горных районов страны, которые составили основную опору шотландским якобитам. Более того, события весны 1745 года, когда якобитская армия была разбита при Каллодене, а Красавчик Принц Чарльз бежал во Францию, на чем и закончилась «якобитская сага», были восприняты Кларком как освобождение Шотландии от пут, сдерживающих ее развитие. Парадокс! Но, будучи романтиком, он крайне критически относился к самой романтической странице шотландской истории. И в этом он был шотландцем нового поколения.

К моменту битвы при Каллодене Джону Кларку было уже 69 лет. И он уже написал и «Наблюдения по поводу дел в Шотландии», и «Историю Унии», и целый ряд трактатов. Большая часть его работ была известна лишь узкому кругу коллег или сослуживцев. Судьба отмерила ему еще десять лет, когда он становится свидетелем очень странного процесса, который, на первый взгляд, должен был показать иллюзорность и идеалистичность мечтаний антиквара по поводу возможности сохранения шотландской культуры в рамках Британии.

³⁶ *Sir John Clerk of Penicuik. History of the Union... P. 4.*

В самом деле, в 1746-47 гг. в результате целого ряда актов Горная Шотландия, олицетворявшая шотландскую культуру в целом, подвергается насильственной «британизации». Местному населению запрещается под угрозой отправки на галеры носить оружие, пользоваться традиционной одеждой и волынками, иными словами уничтожается все то, что составляло основу шотландской культуры. Этот процесс, получил название «хайдендерских чисток». Но параллельно ему шел процесс интеграции Хайленда в рыночную экономику Британии, и все большее число хайлендеров уходило на военную службу в колонии.

И не пройдет и двух десятилетий, как в 60-е гг. в Шотландии начнется движение за право организации собственной милиции, самое активное участие в котором примет Адам Фергюссон, один из лидеров шотландского Просвещения. Это по поводу шотландской милиции он напишет свои, пожалуй, самые националистические строки: «Черен будь тот день, когда Шотландия связала себя Унией с Англией»³⁷. В этом же ключе Юм пишет своему другу Гилберту Элиоту Минто в 1764 г.:

«Некоторые ненавидят меня, потому что я не виг, другие - оттого, что не истинный христианин, и все – потому что я шотландец. Можно ли серьезно говорить, что я стану англичанином? Я или Вы – англичане? Будут они нас считать англичанами?»³⁸.

Но Юм, одновременно, был тем человеком, который сказал: «Лондон – столица моей страны», и иронизировал по поводу шотландского провинциального происхождения. Тоска по древнему прошлому была широко распространена и в литературных кругах, и в землевладельческих слоях, представители которых посылали своих детей учиться хорошим манерам и речам в университеты Англии, для того, чтобы у тех была возможность сделать карьеру все в той же Англии. Конечно же, такие люди не могли со временем не стать британцами.

Снова и снова возникал один вопрос: «Кто такие тогда шотландцы? В чем их отличие? Носит ли оно визуальный характер?» Тот же Юм, который много внимания уделял вопросу об особенностях шотландцев, писал, что не стоит извиняться за то, кем мы являемся; не стоит стремиться быть похожим на соседа, который хорошо говорит и пользуется при еде ножом³⁹.

³⁷ Smout T.C. Problems of Nationalism Identity and Improvement in Later Eighteenth-Century Scotland // Improvement and Enlightenment // Ed. by T.M. Devine. Edinburgh, 1989. P. 6.

³⁸ Smith J.A. Some Eighteenth-Century Ideas of Scotland // Scotland in the Age of Improvement. Edinburgh, 1996. P. 109.

³⁹ Smout T.C. Problems of Nationalism Identity... P. 7.

Интересно и то, что с точки зрения англичан, Британия – это, прежде всего, Англия, в то время как шотландцы не считали, что Британия – это Шотландия⁴⁰. Для выходцев из Шотландии визиты в Лондон в 1740-60 гг. приводили порой к краху их лояльности. Босуэлл описал случай, свидетелем которого он стал в Ковент-Гардене в 1762 г., когда толпа с улюлюканьем гналась за двумя шотландскими офицерами, одетыми в хайлендерское платье и вопила: «Нет шотландцам! Нет шотландцам! Прочь отсюда!» Я ненавидел англичан; я желал изгнать из моей души память об Унии, и чтобы мы могли им дать еще одно сражение у Бэннокберна»⁴¹. Но Босуэлл, как и многие другие его современники, люди его класса, обладал двойной идентичностью и однажды мог написать: «Я согласен с нашей любовью к Стюартам», а в другой раз – «В душе я люблю Великого Георга, нашего короля»; сначала – «Я шотландский лэрд и я шотландский юрист и женат я на шотландке. И это не должно оспариваться», а потом – я «англичанин по образу мысли»⁴².

Кларк умер в 1755 г., а пик английской «скотофобии» приходится на 1760-е гг. Но одновременно отчетливое проявляется то, что позже исследователи назовут «феномен двойной идентичности». Большая часть шотландцев чувствовали себя одновременно и шотландцами, и британцами. Если Шотландия была провинцией, или нацией (шотландцы использовали оба термина), Англия, считали они, была другой провинцией, или нацией. И с Англией они объединились как с равным партнером. Шотландцы очень редко соглашались с тем, что они стали объектом объединения и управления, младшим партнером, ведомым более богатым и, возможно, более сильным южным соседом. Как написал Александр Веддербурн в «Эдинбургском обозрении» в 1756 г.: «Северная Британия может быть описана как молодое государство, ведомое и поддерживаемое сильной родственной страной!»⁴³. Не эта ли мысль являлась лейтмотивом «Истории Джона Кларка»?!

И мало кто из шотландцев в это время серьезно воспринимал унию как потерю независимости и свободы. Интересно, что вскоре и представление о якобитах тоже трансформируется, и они превращаются из врагов британской короны в самую романтическую страницу британской истории. Во время одной из своих поездок в Хайленд Виктория записала:

⁴⁰ Ibid. P. 8.

⁴¹ Smith J.A. Some Eighteenth-Century Ideas of Scotland. P. 113.

⁴² Smout T.C. Problems of Nationalism Identity... P. 8.

⁴³ Edinburgh Review. 1755-1756. Preface.

«Нэйрн, расположенный на фоне залива Морэй, выглядел очень мило; мы проехали Каллоден – поросшее вереском место кровавой битвы. Возле все было прекрасно, и сцена оставила замечальное впечатление»⁴⁴.

Через сто лет после Каллодена одна из местных шотландских газет напечатала отчет о праздновании в Шотландии (!) этого события:

«Воздух был чист и свеж, светило солнце, и вся страна встречала весну. Прекраснейшее время года порождало интересные ассоциации, связанные с этим днем у огромного числа людей, пришедших на поле Каллодена. Многие учителя вывели своих учеников на праздник, и группы удивленных детей сидели прямо на траве, слушая рассказы о сражении и оружии, найденном крестьянами на поле битвы. Другие, те, которые помладше, практиковались в охоте на кроликов; взрослые мужчины и женщины вспоминали рассказы отцов и дедов, многие из которых сражались и были ранены в битве... К полудню компании людей расширились и составили около 3 тысяч человек. Происходящее было прекрасно и представляло собой разительный контраст обычно огромному, пустому и одинокому месту бывшего сражения».

Текст отчета был перепечатан еще век спустя в той же газете 19 апреля 1946 г.⁴⁵

Хотя трансформация идентичности и прошла по историческим меркам чрезвычайно быстро, все же это не был одномоментный акт. Ярким примером такой трансформации является творчество Вальтера Скотта, родившегося через 16 лет после смерти Джона Кларка. У Скотта, который не раз приезжал в дом потомков Джона Кларка, сохранились очень теплые отношения с его семьей, особенно внуком, Вильямом Кларком Элдином. И говоря о том, что образ Джонатана Олдбока, одного из героев «Антиквария», по имени которого и назван роман, является «обобщенным портретом», Скотт, конечно же, не мог не иметь в виду и Джона Кларка, а идея ценности римских древностей не раз будет появляться в его произведениях.

Ценность же идей Джона Кларка, помимо того, что они оказали влияние на последующие поколения шотландских интеллектуалов, еще и в том, что сегодня они все чаще и чаще привлекают внимание исследователей шотландского национализма как весьма своеобразный и относительно безболезненный способ преодоления разрыва между политической и культурной историей.

⁴⁴ Queen Victoria. Our Life in Highlands. Newton Abbot, 1972. P.149.

⁴⁵ Inverness Courier, 22 April, 1846.

СПОРЫ ИСТОРИКОВ

Ю.П. Зарецкий

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНДИВИД В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ*

«Историю индивида» в наши дни относят к числу тем, изучение которых определяет понимание европейцами общего хода своей истории и, соответственно, создание моделей становления и развития европейской цивилизации¹. Преимущественно рассматриваемая как процесс высвобождения от «слитности» с социальным или сакральным целым, эта история стала одним из оснований, на котором выстраиваются различные версии «драмы истории Запада»², определяется ее периодизация и обозначается общая направленность движения³.

В этих реконструкциях помимо понятия «индивид» употребляются в качестве синонимов и другие близкие понятия, обозначающие человека как самостоятельное активное начало: «личность», «Я», «субъект». Во всех случаях имеется в виду человек как носитель определенных свойств, познающий и действующий агент, обособленный от внешнего мира, противостоящий ему как объекту познания и одновременно познающий и самого себя. Важно добавить, что названные понятия вплоть до недавнего времени воспринимались историками как вполне самоочевидные, не требующие специальных разъяснений и уточнений. Они как бы непосредственно отражали объективную действительность, подобно прочим, более привычным для исторической науки, таким как «государство», «народ», «культура»⁴.

* Статья написана при поддержке исследовательского гранта Institute for Advanced Studies, Collegium Budapest.

¹ К другим основополагающим темам обычно относят историю индустриализации, рационализма, секуляризации.

² См.: *Bouwisma W.J. The Renaissance and the Drama of Western History // The American Historical Review* 84 (1979): 1-15.

³ Не меньше, чем историков, «история индивида» интересовала философов, социологов, антропологов. — См. об этом в серии работ И.С. Кона: *Кон И.С. Социология личности*. М., 1967; *Он же. Открытие «Я»*. М., 1978; *Он же. В поисках себя*. М., 1984.

⁴ О современном положении в изучении истории индивида (преимущественно в немецкой историографии) см.: *Individuum und Geschichte*. Bei-

Рамки настоящего обзора могут быть условно обозначены двумя фигурами: Якоба Буркхардта и Мишеля Фуко. Условность эта состоит, во-первых, в том, что Буркхардт не был первым, кто обратился к поискам индивидуального начала в истории. До него этот сюжет разрабатывал Жюль Мишле, который, собственно, и «изобрел» знаменитую формулу Возрождения: «открытие мира и человека»⁵. Однако начало «индивидуалистического поворота» в историографии оказалось связанным именно с Буркхардтом и его книгой «Культура Возрождения в Италии»⁶, на протяжении многих десятилетий остающейся одним из самых влиятельных трудов по европейской истории. Именно с Буркхардта в историографии начинается создание различных моделей становления новоевропейского индивида, не прекращающееся и в настоящее время. Во-вторых, во многом условной оказывается и фигура Фуко. Речь пойдет не столько о его исторических работах⁷, сколько об очерченной им общей модели становления европейской субъективности и о новейших историко-литературных исследованиях, развивающих и иллюстрирующих эту модель. Дело в том, что именно идеи Фуко о конструировании европейского субъекта в раннее Новое время оказали наибольшее влияние на гуманитариев последних десятилетий, став отправным пунктом для постклассической постановки проблемы истории индивида и, соответственно, рождения новых направлений в его изучении.

Как, в каких условиях, при каких обстоятельствах появилась обозначенная выше тема в историческом знании? Есть основания утверждать, что ее возникновение явилось одним из результатов поворота в самосознании западного мира, начавшегося в эпоху Просвещения и завершившегося в середине XIX века. Этот пово-

traege zur Diskussion um eine Historischen Psychologie / Hrsg. G. Juettemann und M. Sonntag. Heidelberg, 1993; Von der dargestellten Person zum erinnerten Ich. Europäische Selbstzeugnisse als historische Quellen (1500-1800). Selbstzeugnisse der Neuzeit. Quellen und Darstellungen zur Sozial- und Erfahrungsgeschichte / Hrsg. K. von Greyerz, H. Medick und P. Veit. Wien, 2001; Entdeckung des Ich: Die Geschichte der Individualisierung vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Hrsg. R. Van Duinen. Darmstadt, 2001.

⁵ В 7-м томе «Истории Франции» (1885 г.) он назвал XVI в. периодом Ренессанса, определив его главное содержание впоследствии ставшей знаменитой формулой "découverte du monde et de l'Homme".

⁶ Burckhardt J. Die Kultur der Renaissance in Italien. Basel, 1860.

⁷ О том, следует ли считать Фуко историком, ведутся споры, в которых историки обычно относят его работы к области философии, а философы – наоборот к истории (см. напр.: Danaher J., Schirato T., Webb J. Understanding Foucault. L., 2000. P.1-12).

рот состоял в признании европейцами индивидуализма в качестве одной из доминант современной им западной культуры.

Важнейшим основанием такого поворота и, соответственно, поисков истоков обособления (или освобождения) человеческой личности от надличностного целого стала просвещенческая теория естественного права, которая признавала за каждым индивидом наличие врожденных и неотъемлемых прав и свобод. Признание этой теорией изначального присутствия в мире (данных «от Бога») прав человека придавало абсолютную значимость индивидуальной личности. Позднее на основе этой теории сложилась идея самоценности каждого индивида, согласно которой отдельный человек признавался значимым сам по себе, а не потому, что он сын или отец, крестьянин или правитель, член клана или гильдии. Вслед за утверждением этой идеи следовало признание неповторимости каждого человека и того, что каждый имеет право свободно развивать свою неповторимость. Эти идеи, оформившиеся в философской и социально-политической мысли к середине XIX века, радикально трансформировали представления европейцев об общественном устройстве и развитии. Теперь в центр внимания был помещен отдельный абстрактный «человек», вне зависимости от происхождения, расы, социального и экономического статуса, и было объявлено о начале утверждения нового общественного порядка, краеугольным камнем которого стали свободы личности.

Другой важной основой рождения «истории европейского индивида» стала просвещенческая идея прогресса, т.е. вера в поступательный характер развития человеческого разума и в способность этого разума изменять человека и общество к лучшему. Вся история виделась в этой перспективе как движение от религиозной тьмы к свету знания, от индивидуальной несвободы – к свободе.

Следует заметить, что эти идеи оказали влияние на историков скорее опосредованно, поскольку сначала они легли в основу теорий становления новоевропейского индивидуализма в философии и социологии. Именно философы и социологи стали первыми задаваться вопросом о времени появления в европейской истории индивидуальной личности и факторах, это появление обусловивших. В середине – второй половине XIX в. рождение индивида и индивидуализма чаще всего связывали со становлением капитализма и промышленной революцией. Так, Карл Маркс, убежденный сторонник прогресса в истории, считал, что в процессе исторического развития происходит индивидуализация человека (*vereinzelt sich selbst*). Соответственно, он рассматривал

период примерно между 1500 и 1700 гг. как революционный переход от феодализма к капитализму, вызвавший решительные перемены в положении индивида в обществе: от подчиненности отдельной личности коллективу до отчуждения от него⁸. Другие мыслители XIX века соотносили появление европейского индивида с иными поворотными моментами европейской истории: Великой французской революцией (Алексис де Токвиль), ранним христианством и евангельской этикой (Эрнст Трельч), культурой Возрождения (Жюль Мишле, Якоб Буркхардт), протестантской (в особенности кальвинистской) этикой (Макс Вебер), эстетикой Романтизма (Георг Зиммель)⁹.

Эти различные точки зрения так или иначе соотносились с новым понятием «индивидуализм», прочно утвердившемся в политическом и научном лексиконе европейцев в первой половине XIX в. Впервые оно стало употребляться во Франции в контексте контрреволюционной критики Просвещения. В числе первых новое слово *individualisme* использовал французский философ консервативных взглядов Жозеф де Местр, который со страхом писал в 1820 г. о восстании *l'esprit particulier* против религии и общественного порядка¹⁰. Несколько позднее его стали систематически употреблять сен-симонисты (также с негативными коннотациями), обозначая им отличительные черты современной «критической эпохи», начало которой было положено Реформацией¹¹. Эту эпоху, по их мнению, характеризовали: философия, превозносящая интересы отдельного человека в ущерб интересам общества; политический либерализм; анархия и эксплуатация в экономической сфере и безграничный эгоизм во всех областях жизни. Двухступенчатый процесс рождения этого нового мироощущения был обрисован Алексисом де Токвилем в его классическом труде «Старый порядок и революция» (1856):

«У наших предков не существовало слова "индивидуализм", созданного нами для нашего употребления, потому что в их время действи-

⁸ Человек – «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться... Чем больше мы углубляемся в историю, тем в большей степени индивидуум, а следовательно и производящий индивидуум, выступает самостоятельным, принадлежащим к более обширному целому». – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 710.

⁹ Lukes S. Types of Individualism // Dictionary of the History of Ideas: Studies of Selected Pivotal Ideas / Ed. Ph.P. Wiener. N.Y., 1973. Vol. 2. P. 596-7.

¹⁰ Ibid. P. 595.

¹¹ Христианское Средневековье было для сен-симонистов периодом стабильности и органичности.

тельно не было индивидуума, который не принадлежал бы к какой-либо группе и мог бы себя считать совершенно одиноким; но каждая из многочисленных маленьких групп, составляющих французское общество, думала только о себе. Это был, если можно так выразиться, род коллективного индивидуализма, подготавливающий души к тому действительному индивидуализму, который знаем мы»¹².

Модель «открытия индивида» Я. Буркхардта

В историческом знании наиболее влиятельная модель рождения индивида, как уже отмечалось выше, была создана Якобом Буркхардтом в исследовании о культуре Возрождения в Италии. Попробуем обозначить ее основные черты.

¹² *Токвиль А.* Старый порядок и революция. М., 1905. С. 114. Стивен Люкс нарисовал выразительную картину различных значений нового понятия в европейских языках (*Lukes S. Types of Individualism. P. 594-596*). Так, во Франции понятие «индивидуализм» с самого появления имело четко выраженные отрицательные коннотации и соотносилось с угрозой порядку, с общественным, моральным и политическим изоляционизмом не имеющих корней, эгоистичных и алчных индивидов, которые не заботятся об общественных идеалах и не поддаются общественному контролю. Несколько позднее швейцарским теологом Александром Вине было сформулировано и обосновано различие между понятиями «индивидуализм» (*individualisme*), подразумевающим анархию и обособленность от общества, и «индивидуальность» (*individualité*), подразумевающим личную независимость и свободное развитие индивида. Однако во французском языке слово «индивидуализм» и сегодня содержит негативный смысл. В немецком языке, на содержание понятия *Individualismus* оказала значительное влияние романтическая идея «индивидуальности» (*Individualität*), противостоящая унифицирующей модели индивида Просвещения и превозносящая уникальность и неповторимость каждого человека и его стремление к самосовершенствованию. И хотя сами романтики не использовали термин «индивидуализм», с 1840-х гг. он стал употребляться именно в таком, скорее положительном, смысле (Соотнесение романтического идеала «индивидуальности» и понятия «индивидуализм» было позднее закреплено в трудах В. Гумбольдта, А.В. Шлегеля и Ф. Шлеймахера). Это позволило Г. Зиммелю в 1917 г. говорить о новом «качественном» индивидуализме Романтизма, отличном от «количественного» индивидуализма XVIII века. Он обозначил его как индивидуализм «уникальности» [*Einzigkeit*] (в отличие от индивидуализма единичности [*Einzelheit*]), провозгласив Гёте создателем его, художественной основы, а Шлеймахера - основы метафизической. В английском языке, особенно в XX в., понятие *individualism* приобрело почти безусловно положительное значение (хотя в самой Англии оно не несло такого важного культурного смысла как во Франции и Германии). А в Северной Америке «индивидуализм» превратился в символ нового мира. Понятие стало ассоциироваться с целым рядом принципов общественной жизни, вследствие чего приобрело идеологическое значение: индивидуализм здесь был объявлен важнейшей основой современной Западной цивилизации.

Главный тезис Буркхардта состоит в том, что индивидуалистический тип человека появился в эпоху Возрождения в Италии, и его появление обозначило начало Нового времени. Объясняя способ явления в мир этого нового человека, Буркхардт использовал формулу «открытия мира и человека» Мишле, сделав акцент на второй ее части. Но наиболее значимым оказалось то, что метафора «открытие человека» была наполнена им вполне конкретными смыслами и подкреплена убедительными примерами.

По Буркхардту, в основе культуры итальянского Ренессанса лежит одна центральная и революционная по своим последствиям идея: осознание человеком своей индивидуальности, акцент на индивидуальном¹³. Соответственно, в центре его внимания оказались перемены, произведенные в обществе новыми представлениями о природе человека и о его месте в мире. Вся книга швейцарского историка, по существу, является описанием социальных и культурных трансформаций, вызванных этим новым пониманием индивида и его общественной значимости¹⁴.

Буркхардт указал не только место и время, но и «механизм» рождения новоевропейской индивидуалистической личности. Он исходил из того, что индивид и индивидуальное «Я» человека существовали в истории всегда, хотя лишь в некоем латентном виде, подобно семени растения, прорастающего лишь при определенных условиях. В Средние века это «Я» «дремало под покрывалом, сотканным из бессознательных верований, наивных воззрений и предрассудков». Человек отличал себя от других лишь «по расовым особенностям или по признакам, различавшим народ, партию, корпорацию, — другими словами — понятие личности связывалось всегда с какой-нибудь общей формой». И вот в Италии эпохи Возрождения происходит революционное событие: «покрывало» навсегда развеивается и «человек, познав самого себя, приобретает индивидуальность и создает свой внутренний мир»¹⁵. Эта трансформация объясняется тремя взаимосвязанными переменами в культуре: складыванием новых представлений о том, что такое человек и каковы его возможности; использованием античного наследия как основы для этих представлений; сменой направления общественного внимания от небесного к земному¹⁶.

¹³ Gilbert F. History: politics or culture?: Reflections on Ranke and Burckhardt. Princeton, 1990. P. 58.

¹⁴ Ibid. P. 68, 59.

¹⁵ Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Т. 1. СПб., 1904. С. 157.

¹⁶ Gilbert F. History: politics or culture? P. 59.

Нужно заметить, что сам Буркхардт не претендовал на то, чтобы создать некую новую всеобъемлющую парадигму развития европейской цивилизации. Его понимание истории, хотя и основывалось во многом на просвещенческих идеях и идеалах, а также на убежденности в том, что между прошлым и настоящим существует неразрывная связь, все же не включало такие необходимые для подобной парадигмы представления, как «непрерывность» и «прогресс» в истории. Буркхардт не верил в прогресс и не воспринимал историю как процесс поступательного развития, его также не занимал вопрос о том, каким будет будущее человечества. Его мерой и критерием оценок было прошлое, увиденное из современности¹⁷. В такой перспективе Возрождение оказывалось великой эпохой, раскрывшей способности человека и показавшей его возможности, но также обнаружившей опасности, содержащиеся в неограниченном использовании способностей человека. Причем эпохой, безусловно, революционной. Трактовка Буркхардтом итальянского Возрождения исходила из его представления о том, что ход истории все еще окончательно не определен. Очевидно лишь, что в XV–XVI вв. в этом ходе произошел решительный поворот: именно тогда сформировались основные черты современной цивилизации, главной из которых стало новое индивидуалистическое понимание человека и его места в мире. Ренессансная Италия, таким образом, «вдруг» стала современностью, а ренессансный индивид – первым современным человеком. В итоге, благодаря Буркхардту на «оси исторического времени» появилась – около 1500 г. – отчетливо обозначенная граница между Средневековьем и современностью (и, соответственно, между средневековой и новой историей).

Несмотря на буркхардтово неприятие идеи прогресса и тотальной исторической преемственности, созданная им модель «открытия индивида» в ренессансную эпоху оказала огромное влияние на осмысление европейцами общего хода своей истории. Ренессанс стал для них периодом, когда впервые обнаружился ростки Нового времени и были обозначены основные направления дальнейшего развития европейской цивилизации, индивидуа-

¹⁷ Тесно связанным с восприятием Буркхардтом современности (точнее, с ее неприятием или критическим отношением к ней) является подчеркивание историком противоречивости ренессансного индивидуализма. Он представляет Возрождение как взлет европейской культуры и одновременно как средоточие ее пороков. В итоге Буркхардт приходит к выводу, что культура итальянского Возрождения сама по себе не была «ни хорошей, ни плохой». См.: *Gilbert F. History: politics or culture?* P.66-67).

листической по своей природе. Пережив серьезную, порой уничтожающую критику, буркхардтова концепция Ренессанса на протяжении всего XX века продолжала оставаться наиболее влиятельной и, по-видимому, остается таковой и сегодня¹⁸. Модель ренессансного «открытия индивида» легла в основу множества прогрессистских концепций в истории и других гуманитарных и общественных науках¹⁹. При этом не только история высокой культуры (изобразительное искусство, музыка, литература), но и цивилизационный процесс как таковой стал пониматься как процесс индивидуации. Согласно концепции Норберта Элиаса, например, расцвет централизованных урбанистских государств и обществ ведет к разделению и обособлению людей в их отношениях друг к другу, создавая тем самым основу для концепции человеческого субъекта как отдельного индивида²⁰.

На одном моменте в связи с восприятием этой модели в гуманитарном знании XX века следует остановиться особо. Любопытно – а в некотором смысле и показательно, – что приписывание Буркхардту метафоры «открытие индивида» не вполне справедливо. Это скорее результат позднейшего восприятия его концепции, ее «уточнения» читателями и отчасти «вчитывания» «нужного» им смысла. Знаменитая четвертая часть труда швейцарского историка называется не «открытие индивида», а (в точном соответствии с мишлеанской формулой) «открытие мира и человека» (*Die Entdeckung der Welt und des Menschen*). Внимательный читатель «Истории культуры Возрождения в Италии» заметит также, что Буркхардт употребляет термины «индивид»

¹⁸ См.: Kerrigan W., Braden G. The Idea of the Renaissance. Baltimore, 1989. P. XI.

¹⁹ Прогрессистское понимание истории как «движения вперед и вверх», общепринятое в историографии XIX – начала XX в., сегодня остается достаточно влиятельным, притягивая историков своей соблазнительной простотой. См. об этом: Басовская Н.И. Цель истории – история. М., 2002. С. 8.

²⁰ Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001. Сказанное, конечно, не следует понимать так, что научное знание XX века восприняло буркхардтову модель «открытия индивида» по-школьному буквально и некритично. Философские, антропологические, литературоведческие, лингвистические исследования последних лет настолько трансформировали представления о человеке, что стало невозможным основывать его изучение на традиционных гуманистических аксиомах, из которых исходил Буркхардт и многие его современники: например, о том, что индивид существовал «до истории», что в Средние века он просто «дремал под покрывалом», или о том, что ренессансный индивид – это «человек как таковой» (См. Martin J. Inventing Sincerity, Refashioning Prudence: the Discovery of the Individual in Renaissance Europe // American Historical Review 102 (1997): 1309-42.

(*Individuum*), «личность» (*Persönlichkeit*), «человек» (*Mensch*) как синонимы, т.е. не признает между ними существенных различий²¹.

«Бунт медиэвистов» и трансформации буркхардтовой модели

Модель рождения новоевропейского индивида Я. Буркхардта была отнюдь не единственной в XX в. С самого начала столетия учеными, принадлежавшими к разным областям и разным направлениям гуманитарного знания, стали активно выстраиваться и иные модели, в том числе «реабилитирующие» Средневековье, которое Буркхардт и большая часть историков европейской культуры XIX в. считали периодом в определенном смысле «безликим», полным религиозных предрассудков и суеверий, а потому и малоперспективным для поиска истоков новоевропейского индивидуализма. Так, например, обращение к Средневековью как «матери» европейского индивидуализма отчетливо обнаруживается уже в «Закате Европы» Освальда Шпенглера. Немецкий философ утверждал в нем, что появление «идеи личности» в Европе следует ассоциировать не с ренессансным гуманизмом, а с готикой:

«Неверно, – писал он, – что ее открыл Ренессанс. Он придал ей блистательную и плотскую форму, в которой любой мог сразу ее заметить. Но родилась она вместе с готикой; она составляет интимнейшее достояние последней; она тождественна готическому духу»²².

После Первой мировой войны к пересмотру традиционной модели истории европейского индивида приступили и историки-медиэвисты, объявившие о «ренессансе XII века» (правда, в отличие от «настоящего» Ренессанса, средневековый писался ими все же с маленькой буквы)²³. Их усилия позднее были обозначены

²¹ См.: II. Abschnitt: Entwicklung des *Individuums* (1. Der italienischer Staat und das *Individuum*; 2. Die Vollendung der *Persönlichkeit*); IV. Abschnitt: Die Entdeckung der Welt und des *Menschen* (4. Entdeckung des *Menschen*. Geistige Schilderung in der Poesie; 7. Schilderung des äußeren *Menschen*). Только в одном месте его знаменитой формулы рождения нового человека появляется разъяснение понятия *Individuum*: Буркхардт обращает внимание на итальянские выражения *uomo singolare*, *uomo unico* как на две ступени (более высокую и высшую) индивидуального развития (Man beachte die Ausdrücke *uomo singolare*, *uomo unico* für die höhere und höchste Stufe der individuellen Ausbildung).

²² Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2 // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 52.

²³ Haskins Ch.H. Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, Mass., 1927; Андреев М.Л. Возрождения средневековья // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 91-96. Любопытно отметить, что М.Л. Андреев, вопреки преобладающему в историографии мнению, не считает индиви-

В.К. Фергюсоном как «бунт медиевистов» (the revolt of the medievalists)²⁴. Результатом этого «бунта» стало появление на «оси» исторического времени нового рубежа, от которого, наряду с итальянским Ренессансом, предлагалось вести отсчет истории современной цивилизации. После Второй мировой войны ревизия буркхардтовой модели стала еще более решительной. Во французской историографии идею подъема индивидуального религиозного сознания в XII в. развил М.-Д. Шеню, наполнив формулу «открытия» несколько иным содержанием (*la découverte du cosmos, des nombres et de l'homme*). Он также заявил, что в XII в. произошло открытие человеком самого себя как субъекта деятельности (*l'homme se découvre comme sujet*)²⁵, и провозгласил Абеяра «первым современным человеком»²⁶. В Англии и США в 1970-е – начале 1980-х гг. эта ревизия приобрела радикальный характер. Здесь вышла целая серия работ, доказывающих (на материале социальной истории, истории религиозной мысли и истории литературы) справедливость использования метафоры «открытие индивида» применительно к XII веку.

Таким образом, историками-медиевистами было сначала объявлено о «Ренессансе» и «гуманизме» XII века, а затем и об «открытии индивида» примерно между 1050 и 1300 гг., то есть на три-четыре столетия раньше, чем полагал Буркхардт. Двенадцатому столетию стали приписывать многие из тех характеристик, которыми Буркхардт определял культуру Италии XV-XVI вв. Крупнейшие историки прошлого столетия стали обозначать XII век как определенный рубеж, поворотный пункт, с которого начинается новая Европа²⁷. Они доказывали, что в это время в западноевропейской культуре наблюдается резкое усиление внимания к про-

дуализм признаком, присущим «ренессансу XII в.» (как и другим средневековым «ренессансам»): «В возрождениях средневековых... этой характеристике ничего не соответствует... Некоторый общий прогресс в высвобождении индивидуальности из-под власти общих норм и установлений на протяжении высокого средневековья заметить можно, но он никак не связан с возрождениями средневековыми» (Там же. С. 92).

²⁴ *Ferguson W.K. The Renaissance in Historical Thought: Five Centuries of Interpretation. Boston, 1948. P. 329-385.*

²⁵ *Chenu M.-D. L'éveil de la conscience dans la civilisation médiévale. Paris, 1969. P. 15.*

²⁶ *Ibid. P. 17.*

²⁷ См. в особенности: *Morris C. The Discovery of the Individual. 1050-1200. London, 1972; Hanning R.W. The Individual in Twelfth-Century Romance. New Haven, 1977; Dronke P. Poetic Individuality in the Middle Ages: New Departures in Poetry 1000-1150. London, 1986 [1-ed. – 1970].*

цессу самопознания, возрастание роли индивида в обществе и интереса к межличностным отношениям, а также значимости внутренних мотивов поступков при оценке человека.

«В XII в., — обозначает этот поворот Н. Кантор, — появилось новое сознание индивидуального Я и признание значимости и неповторимости индивида, которые знаменуют существенный разрыв с коллективистским типологизирующим мышлением раннего Средневековья. Люди стали культивировать чувство индивидуальной реальности и уважать достоинство и ценность отдельной человеческой личности. Вместе с новым сознанием пришли новые формы искусства и литературы»²⁸.

Наиболее отчетливо модель средневекового «открытия индивида» была обоснована в вышедшей в 1972 г. книге британского историка К. Морриса «Открытие индивида. 1050-1200 гг.»²⁹. Помимо развернутой аргументации в пользу того, что такое «открытие» действительно имело место, в ней содержится предложение пересмотреть буркхардтово представление об истоках новоевропейского индивидуализма и, соответственно, традиционное представление о ходе истории:

«Общепринятое мнение относит открытие индивида к итальянскому Возрождению XV в. Часто подразумевается, что до этого времени могущественная теократия навязывала народам Запада строго ортодоксальные модели мышления, до тех пор, пока с возвращением классического гуманизма не была обретена новая свобода. ...Такой способ рассуждений позволяет объяснить традиционное разделение между «средневековой» и «новой» историей, рубеж между которыми был отнесен ко времени около 1500 г.»³⁰. Ученый с сожалением констатирует, что этот подход по-прежнему превалирует не только в старомодных учебниках, но и в научных исследованиях.

По Моррису, обретение индивидом чувства самоценности происходит где-то между 1050 и 1200 гг., и этот индивидуалистический «сдвиг» культуры был связан не только и не столько с возрождением классического наследия, сколько с христианством³¹.

²⁸ Cantor N.F. The Meaning of the Middle Ages. Boston, 1973. P. 203.

²⁹ См. прим. 27.

³⁰ Morris C. The Discovery of the Individual. P. 5.

³¹ Ibid. P. 10-11. Отвечая на вопрос о том, почему этот индивидуализм зародился именно в XII в., Моррис объясняет произошедшую перемену «неопределенностью, в сознании людей, вызванной новыми возможностями и трудностями усложнившегося мира» (P. 160). Другой сторонник идеи «открытия индивида» в XII в., историк литературы Роберт Ханнинг еще больше заостряет этот тезис. Он считает, что XII век — это наиболее знаменательный (или даже переломный) период в истории европейского индивидуализма, в частности, в истории самосознания индивида. Новый импульс проявляется в это время в «трех отдельных, но не совсем различных сферах»: в отношении индивида к самому себе, к социальному и

Обращает на себя внимание, что сам подход «бунтующих» медиевистов к проблеме истоков европейского индивидуализма в своей основе оказался вполне традиционным: следуя за Мишле и Буркхардтом, они по-прежнему смотрели на историческое прошлое в перспективе «открытия человека и мира»³². Как отмечал впоследствии Дж. Бентон, «рост» индивидуализма или «открытие» индивидуальности ассоциировались ими с «ренессансом» (средневековым или «настоящим») и объяснялись в тех же понятиях, что и промышленная революция: исходным тезисом явилось зарождение его в Западной Европе и последующее распространение отсюда по всему миру. Главная задача медиевистов, соответственно, заключалась в доказательстве того, что произошло это «зарождение»/«открытие» в Средние века, а не в XV-XVI вв., к тому же не в Италии, а во Франции³³.

«Бунт медиевистов» во многом оказался успешным. Его следствием стали не только частичная «реабилитация» Средневековья, но и подрыв безусловного господства традиционной модели происхождения европейского индивидуализма. Общая картина истории европейского индивида теперь вырисовывалась иначе: вместо одного резкого рубежа, отделяющего Средние века и Новое время, появилось два. К. Моррис описал эту новую двухступенчатую модель следующим образом: в период между 1080 и 1150 гг. наблюдается «резкий взлет индивидуализма и гуманизма», затем, по достижении пика, происходит постепенный упадок, пока кривая графика снова не устремляется вверх, чтобы достигнуть новых высот в итальянском Возрождении и к концу XV века превзойти все предыдущие достижения гуманизма³⁴.

институциональному окружению, а также к Бору. – *Hanning R.W. The Individual in Twelfth-Century Romance*. P. 1.

³² В предисловии к материалам конференции, посвященной 50-летию выхода в свет книги Дж. Хаскинса (*Benson R.L., Constable G. Introduction // Renaissance and renewal in the twelfth century*. Cambridge (Mass.), 1982. P. XVII-XXX.), Роберт Бенсон и Джэйл Констебл писали, например, о том, что XII в. (в особенности его религиозные деятели) внес значительный вклад в «растущее чувство индивидуализма... который основывался на исследовании внутренней жизни человека и осознании им собственного Я». А «концепции опытного знания, справедливости и доблести были открытием ренессанса XII в. не в меньшей степени, чем более позднего итальянского Ренессанса» (*Ibid.* P. XXIII).

³³ *Benton J.F. Culture, Power and Personality in Medieval France*. L., 1991. P. 315.

³⁴ *Morris C. The Discovery of the Individual*. P. 7.

В 1970-80-е гг. медиевисты дружно провозгласили рождение средневекового индивида («индивидуальности», «личности», «Я»): сразу во всех сферах общественной и культурной жизни XII века. У. Ульман приводил свидетельства появления индивида в процессе превращения зависимого человека в гражданина; П. Дронк и Р. Ханнинг прослеживали рождение этого индивида на примерах героев и авторов средневековых романов и поэтических произведений; М.-Д. Шеню, Р. Сазерн³⁵, К. Моррис привлекали всеобщее внимание к возросшему в XII в. интересу человека к познанию самого себя, к отчетливому обозначению им границы между собственным «Я» и «Я» другого, а также к резко усилившемуся в это время оптимизму в отношении индивидуальных возможностей человека в сфере религиозной мысли. Показательно, что все они использовали не только унаследованную от Мишле и Буркхардта формулу «открытия», но также и терминологию своих предшественников. Понятия «человек», «индивид», «личность», «Я», как и раньше, выступали в их построениях синонимами. Необходимости в их «разведении» и уточнении они не видели, поскольку сам предмет исследований представлялся им вполне очевидным.

Кризис понятий и парадигм конца XX века

В серии исследований о средневековом индивиде 1970-80-х гг. несколько особнячком стоят работы Джона Бентона³⁶. В отличие от своих коллег, он, во-первых, демонстрирует неудовлетворенность буркхардтовой формулой «открытия индивидуальности» и, во-вторых, считает необходимым уточнить использовавшиеся его предшественниками понятия, в частности, само понятие «индивидуализм». Бентон рассматривает его как единство трех смысловых элементов. Первый из них – идея о том, что каждый индивид заключает в себе нечто достойное уважения; второй – что каждый индивид имеет будущность (то ли возможность быть полезным обществу – в светской перспективе, то ли возможность достичь спасения – в перспективе религиозной), наконец, третий – уважительное отношение к позиции другого индивида, даже если эта позиция отличается от мнения большинства. Западное Средневековье, по мнению Бентона, характеризуется наличием первых двух элементов и отсутствием третьего. Именно этим отсутствием средневековый индивидуализм отличается от новоевропейского. Таким образом, для Бентона средневековый индивидуализм од-

³⁵ *Southern R.W.* The Making of the Middle Ages. New Haven, 1959. P. 219-257; *idem.* Medieval Humanism and Other Studies. N.Y., 1970. P. 29-60.

³⁶ См. сборник важнейших его работ в прим. 33.

новременно и качественно другой, и «недоразвитый», по сравнению с сегодняшним. Впрочем, историк вовсе не склонен умалять значение средневекового индивида и индивидуализма. Буркхардт, считает он, сделал одну из самых значительных ошибок, исходя при оценке индивидуализма из своего восхищения великими итальянцами XV–XVI вв.: «Нам не нужно ждать периода итальянского Возрождения, чтобы обнаружить выдающихся эгоистических вождей, тиранов и полководцев»³⁷.

Кроме этого, Бентон призывает историков различать такие понятия, как «индивид» и «я» (восприятие средневековым человеком самого себя – отдельная тема одного из его исследований³⁸). Он призывает также отказаться от метафоры «открытия» (по крайней мере, при описании средневекового индивидуализма), используя вместо нее иные, менее радикальные понятия. «Двенадцатый век, – считает он, – не был временем «открытия Я» или «открытия индивида»... На протяжении полутора столетий, включавшие жизни Григория VII и Франциска Ассизского, появилось, однако, обновленное стремление к анализу внутренней жизни и развитие способов размышления (*models of thought*) о себе и других, которые оказали глубокое влияние на нашу цивилизацию»³⁹.

Таким образом, Бентон в своих заключениях оказывается менее категоричным по сравнению с Шеню и Моррисом. Он не склонен констатировать, что именно в XII веке появился внутренний мир современного человека. Его мысль состоит в том, что «поразительный рост индивидуального самосознания в XII веке» позволяет допустить, что эти люди «обладали чувством субъективности (*had a sense of subjectivity*) почти столь же развитым, что и наше»⁴⁰. В то же время историк подчеркивает ограниченность средневековой субъективности, по сравнению с современной. В его представлении эта ограниченность заключается в двух моментах. Прежде всего, в ином понимании природы Я и того, что мы сегодня называем «личностью» (*personality*). Средневековое понятие *persona* означало в первую очередь внешние свойства человека, скорее маску (первоначальное значение термина), нежели его внутреннюю суть⁴¹. Второй момент состоит в сравни-

³⁷ Benton J.F. *Culture, Power and Personality*. P. 319.

³⁸ Benton J.F. *Consciousness of Self and Perception of Individuality // Benton J.F. Culture, Power and Personality*. P. 327-356.

³⁹ Benton J.F. *Culture, Power and Personality*. P. 328.

⁴⁰ Ibid. P. 346.

⁴¹ По Бентону, при заглядывании же под эту маску открывается не неповторимость человеческого Я, а неповторимость Бога: он разъясняет,

тельно небольшом наборе моделей для объяснения наличия тех или иных черт у отдельной «личности», причем моделей, очень упрощенных и механистических. Когда Матвей Вандомский, приводит пример Бентон, хотел объяснить, почему один из его соперников в ученом мире был предателем и скандалистом, он указывает на цвет его волос: тот был рыжим (во времена автора этими качествами наделялись рыжеволосые)⁴². И все же, считает историк, несмотря на эту ограниченность, перемены в истории индивида в XII в. произошли решительные.

Работы Бентона, при всей компромиссности содержащихся в них выводов, во многих отношениях оказались новаторскими. В них обнаруживается не только критический подход автора к общепринятому понятийному аппарату, но и к самой познавательной модели, которой пользовались его предшественники. Кроме того, Бентон оказался в числе первых, кто, признавая европейский индивидуализм исторически специфическим явлением, поставил на повестку дня вопрос о его соотношении с положением человека в культурах Востока и необходимости сравнительно-исторического анализа изменений этого положения на Западе и Востоке.

Проблематизация Бентоном традиционных оснований «истории индивида» вполне отвечала «духу времени». В последние десятилетия XX в. антропологи, социологи, лингвисты стали все больше убеждаться в том, что многие понятия и объяснительные модели, возникшие в XIX в. в ходе изучения западной культуры, плохо «работают», когда речь идет о неевропейских культурах или о предшествующих Новому времени периодах европейской истории. Это же оказалось в высшей степени справедливо и по отношению к истории индивида⁴³. В новых обстоятельствах метафора «открытие индивида», ранее служившая надежной опорой для осмысления изменений, произошедших с человеком в истории, а вместе с ней и представления об одномоментном явлении индивида в мир, утратили свою прежнюю авторитетность.

Начиная с 1980-х гг. теоретическую сложность вопросов, связанных с историей индивида, и необходимость пересмотра сложившихся историографических стереотипов стали обсуждать

что путь к себе в Средние века означал обращение к себе во имя Божественной цели, высшей по отношению к отдельному индивиду; сегодня же это, как правило, путь к себе как высшей и конечной цели (Ibid.).

⁴² Ibid. P. 347.

⁴³ См. об этом: Geertz C. "From the Native's Point of View": on the Nature of Anthropological Understanding // Culture Theory: Essays on Mind, Self and Emotion / Ed. R.A. Shweder and R.A. LeVine. Cambridge, 1984. P. 126.

медиевисты и историки раннего Нового времени. В частности, ими было заявлено, что само противопоставление понятий «индивидуализм» и «коллективизм» применительно к средневековой истории не столь очевидно и не столь однозначно, как думали Буркхардт и Моррис. «Встроенность» человека в социальное целое (семья, род, монашеский орден, религиозная община, сословие, цех или государство), по мнению Кэролайн Байнум и Натали Земон Дэвис, вовсе не отрицает существования богатого внутреннего мира отдельной личности, возможности отчетливого, порой обостренного восприятия ею собственного «Я». Скорее, напротив, способствует этому – как в XII-XIII, так и в XVI в.⁴⁴

Байнум в своей критике сложившихся историографических подходов исходит из необходимости развести два понятия: «открытие индивида» и «открытие Я». По ее мнению, второе понятие более предпочтительно при описании перемен в религиозной жизни XII века: «Похоже, было бы благоразумным заменить "открытие индивида" на "открытие Я" и понимать последнюю фразу в двух вполне определенных смыслах». Во-первых, «открытие Я» как существенный рост интереса к внутреннему миру человека после 1050 г.; во-вторых, – как появление в это время в литературе отчетливо выраженной и глубоко разработанной темы обнаружения индивидом в самом себе глубинной сути человеческой природы⁴⁵. Главная же мысль Байнум состоит в том, что в XII в. «открытие Я» происходило рука об руку с «открытием группы»⁴⁶. При этом «открытие Я» и конституирование индивида в XII в. предполагали существование иных, по сравнению с нашими (т.е. в первую очередь подчеркивающими ее уникальность), представлений о личности. Обращение человека XII века к образцам для подражания – это не наш выбор стиля жизни как выражение на-

⁴⁴ *Bynum C.W. Did the Twelfth Century Discover the Individual? // Bynum C.W. Jesus as Mother. Berkeley, 1982. P. 82-109; Davis N.Z. Boundaries and the Sense of Self in Sixteenth-Century France // Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality and the Self in Western Thought. Stanford, 1986. P. 53-63.* О том, что отношения индивидуализма и конформности в Средние века (в смысле их противопоставления) не столь однозначны, как это обычно считается, говорит также Дж. Бентон: *Benton J.F. Culture, power and personality. P. 320-322.*

⁴⁵ *Bynum C.W. Did the Twelfth Century Discover the Individual? P. 87-88.*

⁴⁶ «...Даже если охарактеризовать религиозную жизнь Европы с 1050 по 1200 гг. как "открытие Я", это будет только полдела. Значимость образцов или типов, значимость множатся групп и структур и необходимость выбора между ними, значимость взаимоотношений являются для XII в., по крайней мере, столь же характерными, как и новая значимость Я» (*Ibid. P. 88*).

шей неповторимой личности. В этом обращении отсутствует современное представление о пропасти между внешней ролью/поведением индивида и его внутренней сущностью. «Средневековый человек "находил себя" не отвергая неподходящие модели, а принимая подходящие»⁴⁷.

Вслед за Кэролайн Байнум традиционной модели истории европейского индивида «бросает перчатку» и Натали Земон Дэвис. Она обращается к эпохе Ренессанса, и критика ее ведется на основе анализа иного материала (на примерах *family* и *lineage*):

«Я хочу показать, вопреки знаменитому высказыванию Якоба Буркхардта, что осознание индивидом своего Я во Франции XVI века происходило в ходе сознательного соотнесения этим индивидом самого себя с теми группами, к которым он принадлежал; что во времена, когда граница между рациональным Я и телесным Я была не всегда устойчивой и отчетливой, мужчины и женщины, тем не менее, имели возможности выработки стратегий самовыражения и автономии; и что самым большим препятствием для самоопределения была не "встроенность" в надличное целое, а безвластие и бедность»⁴⁸.

При этом подчеркивается, что исследование представлений об индивиде и его Я историком не должно иметь универалистский характер, но, скорее, ограничиваться конкретной культурой и эпохой⁴⁹.

Мысль об ошибочности противопоставления индивида и социума европейского средневековья и, соответственно, критическое отношение к сложившейся в историографии модели его «открытия» содержится также в работах О.Г. Эксле, основывающихся в теоретической части на положениях германской философской и социологической мысли⁵⁰. Исследуя способы объединения людей в общности в Средние века, он предлагает пересмотреть подходы к изучению истории европейского индивида. Ссылаясь на Георга Зиммеля, Эксле подчеркивает условность всякого индивидуализма с социологической точки зрения⁵¹. При таком взгляде попытки

⁴⁷ Ibid. P. 90.

⁴⁸ Davis N.Z. Boundaries and the Sense of Self in Sixteenth-Century France. P. 53.

⁴⁹ Ibid. P. 63.

⁵⁰ Эксле О.Г. Формы социального поведения в Средние века. Согласие – договор – индивид // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы / Ред. Ю.Л. Бесмертный, О.Г. Эксле. М., 2000. С. 5-27.

⁵¹ «Рассуждения Зиммеля, – пишет историк, – позволяют... подойти к проблеме индивидуальности под новым углом зрения. Его вопрос «Как возможно общество?» подразумевает, что индивид «никогда не может находиться внутри сообщества, не будучи одновременно вне его пределов, иными словами, (он) не может быть включен в какой бы то ни было

историков локализовать в пространстве и времени рождение европейского индивида (появился ли он уже в Средние века или позднее, и где именно) не имеют, с его точки зрения, научных перспектив⁵². Эксле считает, что рассматривая вопрос об индивиде и общности в Средние века, можно опереться на иные основы, например, «историю немецкого общинного права Отто фон Гирке (1868 г.) или предложенную Максом Вебером науку об истории культуры, прежде всего его работы о «братствах» и их особых правовых нормах или о «Городе»⁵³. В итоге «в исторической науке место интерпретационной модели «открытия индивида» в эпоху Ренессанса должен занять вопрос о «типах индивидуальности», характерных для отдельных периодов истории, как он был сформулирован Хансом-Георгом Зёф[нер]ом»⁵⁴.

Эвристическая значимость буркхардтовой метафоры, основанной на гуманистической идее свободного индивида и долгое время служившей чем-то вроде «большого окуляра», через который исследователи разглядывали рождение новоевропейского индивида, к концу XX в. была, таким образом, серьезно дискредитирована. Одновременно у исследователей самых разных на-

порядок, не пребывая одновременно в противостоянии по отношению к нему» (Эксле О.Г. *Формы социального поведения...* С. 9). Эксле цитирует Simmel G. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung* // *Idem. Gesammelte Werke*. 5. Aufl. Berlin, 1968. Bd. 2. S. 27, 30).

⁵² Эксле О.Г. *Формы социального поведения...* С. 12. См. схожие (в смысле невозможности отделить индивида от общности) высказывания Ю.Л. Бессмертного на конгрессе МКИН в Осло: «Ни индивид, ни группа не должны... рассматриваться, как обладавшие в средние века безусловным приоритетом друг перед другом. Ни один из этих феноменов не заслуживает истолкования в качестве безусловно первичного. Но в этом сказывалась, пожалуй, не столько инакость средневековья, сколько его сходство с другими обществами» (*Бессмертный Ю.Л. Индивид и понятие частной жизни в Средние века (в поисках нового подхода)* // Казус. *Индивидуальное и уникальное в истории*. 2003. М., 2003. С. 490).

⁵³ См. о них: Oexle O.G. *Otto von Gierkes "Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft". Ein Versuch wissenschaftsgeschichtlicher Rekapitulation*. Deutsche Geschichtswissenschaft um 1900 / Hg. N. Hammerstein. Stuttgart, 1988. S. 193-217; *Idem*. *Kulturwissenschaftliche Reflexionen über soziale Gruppen in der mittelaltlichen Gesellschaft: Tönnies, Simmel, Durkheim und Max Weber* // *Die Okzidentale Stadt nach Max Weber. Zum Problem der Zugehörigkeit in Antike und Mittelalter* / Hg. Ch. Meier. München, 1994. S. 115-159.

⁵⁴ Эксле О.Г. *Формы социального поведения...* С. 14. Автор имеет в виду работу Soeffner H.-G. "Typus und Individualität" oder "Typen der Individualität" – Entdeckungsreisen in das Land, in dem man zuhause ist // *Typen und Individualität im Mittelalter* / Hg. H. Wenzel. München, 1983. S. 11-44. (Зёфнер социолог и антрополог, профессор Констанцского университета).

правлений нашла отклик мысль о необходимости уточнения, радикального переосмысления или даже отказа от традиционно сложившихся понятий и моделей описания истории индивида. Некоторые из них пришли к выводу о том, что об индивидуализме вообще нельзя говорить как о едином феномене в исторической перспективе. Это понятие слишком многомерно, поскольку представляет собой «амальгаму практик и ценностей, лишенных видимого центра», и является результатом действия разнообразных сил (социальных, экономических, политических, интеллектуальных), каждая из них в то или иное время оказывается главенствующей. «Мы в состоянии увидеть лишь одну конкретную грань колосса, и наибольшим результатом, на который мы можем при этом рассчитывать, будет синекдотическое представление о его параметрах»⁵⁵.

Индивид в исторической антропологии

Исследования антропологов, оказавшие значительное влияние на историографию XX века, во многом определили и новые подходы к интерпретации истории индивида. Те культурные модели, способы общественного устройства, отношения, которые ученые увидели у «примитивных» народов Африки, Океании, Южной Америки, Полинезии, оказались настолько отличными от европейских, что поставили под вопрос само существование единой и неизменной природы человека⁵⁶. Наиболее заметными результатами этого антропологического влияния явились отказ от прогрессистского подхода (европейский индивид как «венец» процесса всемирного «высвобождения» индивидуальности и раскрытия ее возможностей) и проблематизация противопоставления индивида коллективу, о которой уже говорилось выше⁵⁷.

Один из таких новых историко-антропологических подходов был обозначен в конце 1980-х гг. в статье Ж.-К. Шмитта с характерным вопрошающим названием «"Открытие индивида" – исто-

⁵⁵ *Mascuch M.* Origins of the Individualist Self: Autobiography and Self-Identity in England, 1591-1791. Stanford, 1996. P. 14.

⁵⁶ См., например, сборник работ европейских и американских философов и антропологов, посвященных памяти Марселя Мосса: *The Category of the Person*. Cambridge, 1985 и *Dumont L.* Essays on individualism: modern ideology in anthropological perspective. Chicago, 1986.

⁵⁷ Как остроумно заметил в этой связи Годфри Ленхард, принадлежность к Оксфордскому колледжу не умаляет индивидуальность человека, скорее, наоборот, что-то к ней добавляет. (*Leinhardt G.* Self: public, private. Some African representations // *The Category of the Person*. P. 155.)

риографическая фикция?»⁵⁸. Статья эта, впрочем, оказалась самым непосредственным образом связана и с более общими вопросами современной теории исторического знания: откуда берутся лингвистические конструкции, которыми пользуется историк? насколько эти конструкции («фикции») определяют и организуют язык исторического исследования?⁵⁹

История европейского индивидуализма, по Шмитту, в смысле использования этих «фикций» не является исключением из общего правила. Скорее наоборот, представляет собой «образцовый пример», поскольку строится вокруг одной из них – формулы «открытия индивида»⁶⁰. Проанализировав интерпретацию одного из эпизодов этой истории⁶¹, автор в конце статьи снова спрашивает, имело ли место в XII в. «открытие индивида»? И делает вывод, что вопрос, сформулированный таким образом, не имеет однозначного ответа. С большей или меньшей определенностью можно говорить лишь об историчности понятия «индивид»⁶². «Наиболее очевидный факт, – считает Шмитт, – состоит в отсутствии в Средние века – и еще долго после – понятия “индивид” в современном его смысле, т.е. таком, который предполагает некую обособленность каждого человека и его самостоятельность (по отно-

⁵⁸ *Schmitt J.-Cl.* La “découverte de l’individu”: une fiction historiographique? // *La Fabrique, la Figure et la Fiente. Fictions and Statut des Fictions en Psychologie*. Paris, 1989. P. 213-236.

⁵⁹ *Ibid.* P. 213.

⁶⁰ «Модель поступательного движения индивидуализма к его окончательному воплощению, отмеченная моментами “открытия индивида”, которые странным образом совпадают с большими “поворотами”, о которых свидетельствует университетская периодизация исторического времени, демонстрирует образцовый пример этих фикций: индивид уже “родился”, “утвердился” или “открылся” в древности; но все кажется снова возобновляется в XII-м веке и еще в эпоху Ренессанса, и во времена Просвещения, и в XIX-м веке...» (*Schmitt J.-Cl.* La “découverte de l’individu”... P. 213).

⁶¹ «Мы не собираемся анализировать эту фикцию, следуя каждому из возобновлений, но пытаемся понять на примере одного из этих привилегированных моментов: западном XII-м веке, как, начиная с прошлого века, она постепенно кристаллизовалась» (*Schmitt J.-Cl.* *Op. cit.* P. 213.).

⁶² «Возвращаясь... к историческим документам, и изучая словарь эпохи, мы попытаемся снова вернуться к проблемам по-иному: обращаясь к противоречивым смыслам понятия *personne*, которые, похоже, определили в Средние века концептуальную рамку некоей тенденции, безостановочно противодействовавшей индивидуализации» (*Schmitt J.-Cl.* La “découverte de l’individu”... P. 213-214.) Шмитт останавливается на трех ракурсах проблемы: средневековые представления об индивиде в сфере теологии и политической теории; то, как индивид воспринимал самого себя; и, наконец, смыслы понятия *persona* в Средневековой Европе.

шению к семье, государству, своей совести, и т.д.)»⁶³. Скептическое отношение к вопросу, сформулированному таким образом, основано на мнении Шмитта о том, что в ситуации, когда каждая эпоха (в зависимости от специализации оценивающих ее историков) может приписывать себе «открытие индивида», невозможно (и нет необходимости) опираться на «фикцию» непрерывной линейной эволюции и всеобщего прогресса индивидуализма⁶⁴. Но тогда важно понять, почему так живуча эта фикция?

«Основываясь на идее, что мы находимся на вершине исторического развития, — отвечает на это Шмитт, — она дает нам ретроспективную успокаивающую иллюзию нашего происхождения». Однако человек, задается новым вопросом историк, «является ли он сегодня цельным и свободным»? И отвечает отрицательно: «сегодня более чем прежде общепринятые определения личности или индивида вновь поставлены под сомнение». Но это, добавляет он, не так уж и плохо для критичного ума: «как становление буржуазного общества смогло генерировать историографическую фикцию завоевывающего индивидуализма, так и современное потрясение наших определенностей помогает оттенить понятия, которые историк обращает к прошлому»⁶⁵.

Необходимость пересмотра традиционной истории европейского индивида и его самосознания постулирует и известный британский специалист в области исторической антропологии раннего Нового времени Питер Берк (он прежде всего имеет в виду историю «самости» или «Я» — *self*, используя это понятие в синонимии с такими, как *self-awareness* и *subjectivity*). Берк считает, что для такого пересмотра сегодня сложились три группы оснований: «географические», «социологические» и «хронологические»⁶⁶.

«Во-первых, — разъясняет он, — мы не можем признать уникальность западного Я (*Self*) без изучения японских автобиографий, китайских портретов и так далее. ... Во-вторых, существует социологическая

⁶³ Schmitt J.-Cl. La "découverte de l'individu"... P. 230.

⁶⁴ «Не имеется, таким образом, линейной эволюции, единого прогресса в открытии индивида, согласно схеме, где каждая эпоха может себе приписывать, в зависимости от специализации историков, это открытие в одинаковой мере. Стоики, св. Августин, Абелия, Оккам, Николай Кузанский, Лоренцо Великолепный, были по очереди взяты в качестве героических основателей некоей крайне упрощенной истории. Каждая эпоха рассматривается вопреки напряжениям и противоречиям, которые требуют поставить проблемы личности, субъекта, индивида по-иному, и которые бросают вызов историографической фикции непрерывной эволюции до нас». (Schmitt J.-Cl. La "découverte de l'individu"... P. 230-231.)

⁶⁵ Schmitt J.-Cl. La "découverte de l'individu"... P. 230-231.

⁶⁶ Burke P. Representations of the Self from Petrarch to Descartes // Rewriting the self: histories from the Middle ages to present / Ed. Roy Porter. London, 1997. P. 17-28.

проблема: чье Я? Примеры Буркхардта были взяты из жизни незначительного меньшинства итальянцев, преимущественно мужчин, принадлежащих к господствующему классу. В-третьих, противопоставление Буркхардтом Ренессанса и Средневековья было слишком резким. С одной стороны, он недооценивал значимость индивидуального Я для Средних веков, в особенности начиная с XII века. С другой стороны, он преувеличивал эту значимость для XV и XVI веков»⁶⁷.

Берк также обращает внимание на необходимость уяснения современными историками очевидной проблематичности использования категории Я и тех теоретических сложностей, которые были неведомы Буркхардту. Для швейцарского историка основные источники понимания ренессансного человека (в литературе это были биографии и автобиографии; в искусстве – портреты и автопортреты) казались вполне прозрачными, т.е. напрямую говорящими о некоем статичном Я, действующем «за фасадом» текста или картины. Такое понимание субъективности, считает Берк, было подорвано наукой XX века: многие влиятельные исследователи последних десятилетий не считают возможным рассматривать ее как имманентную часть реальности. Они говорят о «формировании», «конструировании» или даже «изобретении» Я, понимаемого вслед за Жаком Лаканом как лингвистический, культурный и социальный конструкт⁶⁸. К тому же, считает историк, «нам следует освободиться от западнического буркхардтового допущения, что индивидуальное самосознание родилось в некоем определенном месте, таком как Италия, и в определенное время, по-видимому, в XIV веке. Лучше мыслить в перспективе разнообразия типов личности или концепций Я (более или менее едино-

⁶⁷ Burke P. Representations of the Self... P. 17-18.

⁶⁸ Ibid. P. 18. Отметив чрезвычайную теоретическую сложность построения «истории Я», Берк все же не склонен впадать в пессимизм. Приступая к теме своего исследования, чтобы не потеряться в «теоретическом лесу», он предлагает вначале рассмотреть сами понятия, язык, которым пользовались гуманисты XIV-XVII вв. для обозначения Я. Сделав оговорку, что, возможно, следует говорить не столько о Я как таковом, сколько о выражении Я в текстах и артефактах, Берк делает три общих вывода. Первый – следует говорить не о ренессансном Я, но о ренессансных Я (P. 26). Второй – рост интереса к «Я» в период XIV-XVII вв. связан с увеличением путешествий, ростом городов, изменениями в религиозной сфере (распространение духа протестантизма и пуританизма), а также возрастающей доступностью античных моделей, включая христианскую древность. Третий – историкам следует обратить внимание на то, как соотносится это новое восприятие индивидом собственного «Я» с тем, что обычно зовется «западным индивидуализмом» (P. 27). Ибо индивидуализм – не такое уж западное изобретение: он обнаруживается и в Японии, и в Индии (P.28).

образных, обособленных и т.п.) в различных культурах..., которые подчеркивают разнообразие стилей в изображении или моделировании Я»⁶⁹.

Следует, однако, заметить, что в последние десятилетия прошлого века это влияние антропологии (философской, культурной, интерпретативной) на историографию истории индивида имело больше теоретический, чем практический характер. Буркхардтова метафора «открытия индивида» подвергалась серьезной критике, историки предлагали некоторые новые походы и идеи, однако часто они так и оставались в виде общих теоретических конструкций и пожеланий на будущее.

Одним из первых примеров «практического» рассмотрения истории индивида в историко-антропологическом ключе явилось известное исследование А.Я. Гуревича «Категории средневековой культуры»⁷⁰. Формально общий подход к проблеме в этой работе исходил из марксистской модели, согласно которой высвобождение индивидуальной личности исторически связывалось со становлением капитализма⁷¹. Однако внимание историка оказалось сосредоточено не столько на том, чтобы показать этот процесс высвобождения, сколько на выявлении своеобразия средневековой личности, которую отличали от современной новоевропейской вполне определенные характеристики. В частности, эта личность «не имела того всеобщего и потому абстрактного характера, какой она приобретает в новое время: то была конкретная личность, игравшая отведенную ей роль в системе общего социального по-

⁶⁹ *Burke P. Representations of the Self... P. 28.* Нужно отметить декларативность и нечеткость ряда положений Берка. Отказывается он в итоге от возможности общего для разных культур видения истории Я, или все же допускает ее? Что конкретно может говорить исследователю его призыв всюду видеть множественность? Не объединяется ли эта множественность в какое-либо культурное/смысловое/историческое и т.п. единство?

⁷⁰ *Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972 (Заключение: «В поисках человеческой личности»).*

⁷¹ При феодализме, особенно на раннем его этапе, «сама человеческая личность не была индивидуализирована и оставалась теснейшим образом связанной с коллективом, группой, неотделимой частью которой она являлась. Именно победа товарного хозяйства, утверждение господства денег, уничтожающее в более поздний период систему межличностных связей, высвобождает индивида из корпорации и делает его свободной личностью» (Там же. С. 169). В докапиталистический же период «корпоративность общественной жизни в средневековой Европе препятствовала развитию человеческой индивидуальности, сковывая ее инициативу, лишая ее возможности искать новых путей жизни, подчиняя сознание единицы коллективному сознанию группы» (С. 172).

рядка, понимаемого как божественный миропорядок, и осознававшая себя преимущественно через эту социальную роль»⁷². Ее индивидуальность «сливалась с социальной ролью и социальным статусом»⁷³.

Развивая положения этого исследования, А.Я. Гуревич снова обращается к теме средневековой личности в специальной монографии и ряде статей⁷⁴. Он формулирует главные вопросы, акцентируя культурно-антропологический аспект проблемы: как проявлялась личность в Средние века? каковы ее отличительные особенности? как люди Средневековья ее понимали? Принципиальная исходная позиция А.Я. Гуревича, имплицитно присутствующая в этих новых исследованиях состоит в том, что между личностью средневековой и Нового времени нет прямой преемственности. Каждой эпохе присущ особый личностный тип, являющийся неким «средним членом» между культурой и обществом:

«Поскольку существует общество, т.е. некоторая совокупность людей..., и поскольку у этих людей существует определенное сознание и система ценностей, регулирующая их поведение..., то член общества, обладающий характерной для данного общества культурой, тем самым является личностью»⁷⁵.

Одновременно ученый настаивает на необходимости разграничения историком понятий «личность» и «индивидуальность». Последнее указывает на специфический аспект личности, который присущ отнюдь не всем культурам («в наибольшей степени индивидуальность признана на Западе, где она стала центральной ценностью культуры Нового времени»). Исторически же процессы самораскрытия личности и развития индивидуальности, будучи неодинаковы по существу и подчиняясь разным ритмам, «не представляли собой плавной эволюции и шли как бы толчками»⁷⁶.

⁷² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 181.

⁷³ Там же. С. 182.

⁷⁴ Gurjewitsch A. Das Individuum in europäischen Mittelalter. München, 1994 (см.: Дубровский И.В. О новой книге А.Я. Гуревича // Одиссей 1996. М., 1996); Гуревич А.Я. Индивид. Статья для возможного в будущем «Толкового словаря средневековой культуры» // От мифа к литературе. М., 1993; Он же. Культура средневековья и историк конца XX в. // История мировой культуры: Наследие Запада. М., 1998; Он же. Личность // Словарь средневековой культуры. М., 2003; Он же. Человеческая личность в средневековой Европе: реальная или ложная проблема? // Развитие личности. М., 2003. № 1. С. 24-31; № 2. С. 29-40.

⁷⁵ Гуревич А.Я. Культура средневековья и историк конца XX в. С. 278.

⁷⁶ Гуревич А.Я. Личность. С. 261. Примечательно, что названия книги Гуревича о средневековой личности в переводах на европейские языки, вопреки позиции автора, не различают понятия «индивид», «индивиду-

История индивида в отечественной историографии

В отечественном гуманитарном знании в силу известных обстоятельств история индивида не получила сколько-нибудь заметного распространения и развития. Понимание прошлого, основанное на признании безусловной ценности индивидуальной личности (подобное тому идеалу, который сформировался в эпоху Просвещения на Западе), было довольно редким явлением. Исключения составляют, пожалуй, лишь «западники» середины и второй половины XIX века, провозгласившие верховенство индивидуальной личности и стремившиеся распространить этот идеал на понимание не только западноевропейской, но и русской истории⁷⁷. То есть просвещенческая модель освобождения абстрактного индивида от «оков» надличного целого, предполагающая признание приоритета ценности этого индивида, не стала для русских историков определяющей в понимании ими общей направленности исторического развития. В России была лучше усвоена другая, более социологичная западная модель, выраженная формулой «роль личности в истории» (вариант – «народные массы и личность в истории»). Попав сначала на благодатную почву народнической идеологии⁷⁸, она затем нашла развитие в русском марксизме благодаря Г.В. Плеханову и его работе «К вопросу о роли личности в истории»⁷⁹. Позднее, когда марксистская идеология утвердилась в

лизм» и «личность» и настраивают читателя на традиционное эволюционистское видение проблемы («рождение индивида», «происхождение индивидуализма»). (См. англ. пер.: *The Origins of European Individualism*. Oxford, 1995; итал. пер.: *La nascita dell' individuo nell' Europa medievale*. Roma, 1996; исп. пер.: *Los origins del individualismo europeo*. Barcelona, 1997; франц. пер.: *La naissance de l'individu dans l'Europe médiévale*. Paris, 1997.

⁷⁷ См. знаменитую фразу Белинского из письма к В.П. Боткину: «Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества. Это мысль и дума века!» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. XI. М., 1956. С. 556). Герцен также высоко ставил человеческую личность, считал ее вершиной исторического развития, рассматривал периоды истории как этапы ее освобождения. Однако при этом он считал, что полное развитие личности возможно только в коллективе (См.: *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М., 1954. С. 176 и сл.). Следует добавить, что многие отечественные прозападные мыслители, сочувственно относившиеся к индивидуализму, рассматривали русскую историю преимущественно в горизонте «выдающейся личности», «великого человека» (например, Петра I), сопровождая свои размышления замечаниями о том, что остальным людям нужна «большая палка» (Т.Н. Грановский).

⁷⁸ Народническая историософия была в этом смысле достаточно противоречивой – см. обзор: <http://virlib.eunnet.net/sofia/04-2002/text/0401.html>

⁷⁹ *Плеханов Г.В.* К вопросу о роли личности в истории. М., 1948. С. 46.

СССР в качестве государственной, эта модель стала откровенно доминировать при осмыслении истории индивида. Практически всякое обращение к теме «индивид в русской истории» происходило в обозначенном ракурсе соотнесения личности и общества, личности и масс и т.п.⁸⁰ В XIX – начале XX в. к этой теме с разных сторон обращались такие известные русские историки, как К.Д. Кавелин, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков⁸¹.

В советский период буркхардтова модель рождения современного человека в эпоху Ренессанса, вполне соответствовавшая марксистской схеме исторического развития Запада (прежде всего потому, что это рождение носило революционный характер, а также связывалось с ростом городов и складыванием капиталистических отношений), превратилась в незыблемый и не обсуждаемый канон для исследователей итальянского Возрождения. Однако в интерпретации российской истории она практически не «работала». В качестве яркого исключения из этого общего правила можно назвать известное исследование Д.С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси». Автор не использует в нем метафору «открытия индивида» и не следует прямо буркхардтовой парадигме, однако, рассматривая историю древнерусской литературы как историю, с одной стороны, рождения автора в современном понимании, с другой – «полноценного» образа героя, он фактически демонстрирует тот же (хотя и явно более прогрессистский) подход. Согласно Д.С. Лихачеву, в истории древнерусской литературы человек сначала обозначается через ряд поступков, затем начинают появляться изображения отдельных его психологических свойств и состояний, наконец, он наделяется индивидуальным характером, сохраняющим цельность независимо от меняющихся ситуаций⁸². Такой подход, рассматривающий историю древнерусской литературы как процесс индивидуации, позволял соотнести ее не только с литературой византийской (как это обычно делалось прежде), но и с европейской литературой Средневековья и Ренессанса, т.е. так или иначе включить ее в общеевропейский контекст.

Важным событием для изучения темы в отечественном обществоведении и гуманитарных науках стала публикация серии междисциплинарных работ И.С. Кона⁸³. Привлекая обширный круг

⁸⁰ См. в наши дни: Зеркало Истории. Личность в истории: Сб. статей / Под ред. Н.И. Басовской. Вып. 4. М., 2000.

⁸¹ См. об этом: http://kolibry_astroguru.com/01272034.htm

⁸² Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.–Л., 1958. С. 72-73.

⁸³ См. прим. 3. Сам автор обозначает область своих исследований понятием «историческая психология»: «Историческая психология – междис-

западной и отечественной литературы, автор представляет различные подходы и точки зрения на проблему «открытия личности» (а также «индивида», «Я», «индивидуального самосознания») в науке. Широка кругозора и использование результатов новейших исследований из разных социальных и гуманитарных наук делали эти работы хорошим ориентиром для ученых-гуманитариев, в том числе важным введением в проблему для историков. Хотя видение автором темы в этих исследованиях в целом оставалось в рамках буркхардтовско-марксистской модели⁸⁴, они содержали важную особенность – отстаивали своеобразие каждой отдельной культуры. Ссылаясь на теоретические работы А.Я. Гуревича⁸⁵, И.С. Кон разъясняет свою позицию так: «Это не значит, что различия между цивилизациями сводятся в конечном счете к различию стадий одного и того же процесса развития. Напротив, каждую культуру надо изучать как самостоятельный, внутренне единый цикл»⁸⁶.

С конца 1970-х гг. исходя из иного понимания проблемы и понятийного аппарата, с ней связанного, тему «индивид в истории» начинает разрабатывать Л.М. Баткин⁸⁷. Видя своей задачей, прежде всего, «историко-культурное осмысление» феноменов индивидуальности и личности, он отстаивает идею о том, что личность в

циплинарная область исследований; наряду с немногочисленными психологами (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев) ею успешно занимаются у нас литературоведы (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, Л.Я. Гинзбург, В.Н. Ярхо), историки (А.Я. Гуревич, Л.М. Баткин) и представители других наук». Она прослеживает «развитие личности и ее психических процессов в связи с историей культуры». Главный предмет интереса исследователя – «История становления образа "я" в европейской культуре нового времени», позволяющая «глубже понять проблему соотношения индивидуальности и индивидуализма». – *Кон И.С. Открытие «Я» (историко-психологический этюд) // Новый мир 8 (1977): 176.*

⁸⁴ «Европейская цивилизация начиная с эпохи Возрождения не только признала абсолютную ценность индивидуального "я", но и провозгласила его право на посюстороннюю земную самореализацию» – Там же. С. 180.

⁸⁵ *Гуревич А.Я. Мировая культура и современность // Иностранная литература 1 (1976): 214.*

⁸⁶ *Кон И.С. Открытие «Я» (историко-психологический этюд). С. 181.*

⁸⁷ Большая их часть была впоследствии включена в сборник: *Баткин Л.М. Европейский индивид наедине с самим собой. М., 2000. По мнению исследователя, главными характеристиками «личности» являются «отъединенность индивида от всеобщих и высших мировых начал», самооценочность, суверенность и неповторимость (Баткин Л.М. «Не мечтайте о себе» (О культурно-историческом смысле «Я» в «Исповеди» бл. Августина). М., 1993. С. 52, 67-68).*

современном понимании сложилась в Европе не ранее конца XVIII – начала XIX в. В Средние века, следовательно, позволительно говорить лишь об индивиде, но не о личности. Зарождение новоевропейской личности – Л.М. Баткин отчасти солидаризировался в этом с Буркхардтом – происходит в эпоху Ренессанса, породившего особый переходный тип индивида, еще не ставшего личностью в новоевропейском смысле слова, но приблизившегося к ней⁸⁸.

В конце 1980-х гг. тема «индивид в истории» находит отражение в оживленной дискуссии об историческом содержании и смысловой соотнесенности понятий «индивид», «личность», «индивидуальность» в ходе работы семинара по исторической антропологии, возглавляемого А.Я. Гуревичем⁸⁹. Эта дискуссия стала значимым событием в отечественной историографии, открыв историкам и другим гуманитариям новые захватывающие исследовательские перспективы⁹⁰. Однако одновременно она показала,

⁸⁸ В предисловии к собранию своих исследований по истории европейского индивида, он определяет их основное содержание следующим образом: речь в них идет «о долгом пути к рождению индивидуальной личности» (курсив мой – Ю.З.). Здесь же автор дает исходное для его постановки проблемы, полемически заостренное толкование понятия «личность»: «Согласно принятым здесь исходным определениям, толковать о «личности» вполне ответственно, и с т о р и ч е с к и корректно можно исключительно лишь в том случае, когда мы наблюдаем индивидов, способных сознавать себя, действовать, жить в горизонте регулятивной идеи личности» (Баткин Л.М. Европейский индивид наедине с самим собой. С. 7).

⁸⁹ Индивидуальность и личность в истории. Дискуссия // Одиссей 1990. М., 1990. С. 6-89.

⁹⁰ Эйфория, охватившая советское общество от повеявшего пьянящего воздуха свободы, не обошла представителей гуманитарных и общественных наук. Теперь стало можно в полный голос говорить о том, что раньше было «задвинуто» на периферию догматическими марксистскими схемами исторического развития. Одной из таких тем стала загадка бездонной человеческой личности, ее исторические трансформации и трудности ее изучения. Л.М. Баткин писал об этом, открывая дискуссии, со свойственным времени пафосом: «Понятия индивидуальности и личности сопровождают гуманитария неотступно, но пользоваться ими с надлежащей методологической разумностью чрезвычайно трудно. Ибо нет в нашем научном словаре более затрепанных, стертых, неопределенных слов» (Индивидуальность и личность в истории. С. 6). «Так или иначе, понятия «индивидуальность» и «личность» нуждаются в философско-исторической и культурологической проработке и уяснении» (Там же. С. 7). «Исходные понятия – заветная конечная цель гуманитарного знания... Без методологической рефлексии наша наука в современной форме невозможна, это условие и признак ее жизненности» (Там же. С. 8). Примечательно, что из пяти вопросов, предложенных Л.М. Баткиным уча-

что сама тема вызывает слишком много вопросов, причем формулировка их чрезвычайно затруднена вследствие понятийной разноголосицы и теоретической неопределенности. В этой связи сегодня кажется вдвойне справедливым мнение А.Я. Гуревича, который по горячим следам споров отмечал, что обсуждение показало две вещи: «Во-первых, живой интерес к проблеме, которая поистине всех касается и всех затрагивает. Во-вторых, нашу неподготовленность к тому, чтобы эту проблему не то, чтобы решать, но даже и достаточно четко и непротиворечиво поставить»⁹¹. Продолжившись впоследствии заочно⁹², эта дискуссия получила важное для разработки «истории индивида» развитие в целой серии ярких работ Л.М. Баткина и А.Я. Гуревича 90-х годов.

Суть споров между двумя историками можно свести к разному пониманию проблемы личности в Средние века. Для Баткина переход от средневекового индивида к современному фактически означает превращение не-личности в личность. Преимущество культур (Средневековья, Возрождения, Нового времени), ознаменованная революционными изменениями при переходе к Новому времени, при этом не ставится им под сомнение⁹³. Хотя одновре-

стникам дискуссии, лишь один (№ 3) напрямую связан с проблематикой исторического знания («Что такое личность в свете исторической типологии культур? Можно ли говорить об «античной личности», «средневековой личности» и т.п., наконец, о личности на древнем и средневековом Востоке вообще или сугубо дифференцированно – в Японии, Индии и т.д.?»). Остальные формулируются чрезвычайно широко и неопределенно (напр. № 1: «Как Вы понимаете соотношенность понятия «индивидуальность» с понятием «личность»? В каком плане эти определения отдельного человека совпадают? или разнятся? или как-то связаны?») (С. 9).

⁹¹ Индивидуальность и личность в истории. С. 76.

⁹² Продолжение полемики см.: *Баткин Л.М.* Европейский индивид наедине с самим собой (особенно с. 913-917); *Гуревич А.Я.* Человеческая личность в средневековой Европе: реальная или ложная проблема?

⁹³ В общей картине рождения новоевропейской личности, нарисованной Л.М. Баткиным, можно проследить следующие акценты (*Баткин Л.М.* Европейский индивид наедине с самим собой. М., 2000):

1. Как и его оппонент, он исходит из позиции, согласно которой история индивидуальной личности является принципиально важной составляющей истории культуры («Индивидуалистическое «Я» составляет наиболее сложную подоплеку и наиболее проблемный итог движения новоевропейской культуры к нашим дням») (С. 57).

2. По Л.М. Баткину (в этом он опять солидарен с А.Я. Гуревичем), существует историческое своеобразие проявлений человеческого Я в различных культурах («Новоевропейской личности предшествовали *иные типы «Я»*. ...Предшествующие формы интроспекции, выявления и полагания «Я» обладали оригинальными структурами») (С. 57).

менно им всячески подчеркивается и своеобразие каждой из этих культур, в особенности «переходной» культуры Возрождения. А.Я. Гуревич больше акцентирует внимание на своеобразии средневековой культуры и присущего ей типа личности. Вопросы, связанные с *развитием* личности в истории (революционным, эволюционным или каком-то еще) для него, таким образом, оказываются неактуальными.

Очевидно, что различия позиций сторон в этой дискуссии продиктованы, кроме того, и различиями в понимании сути и задач изучения истории культуры. При этом А.Я. Гуревич считает, что оба подхода (т.е. и его самого, и его оппонента) имеют право на существование и ни один из них не является универсальным, — тот или иной нужно применять в зависимости от характера изучаемой культуры⁹⁴. Л.М. Баткин же, исходя из собственного пони-

3. Радикальные трансформации Я, характеризующиеся разрывом с традиционалистским мышлением, по мнению исследователя, происходят на рубеже Нового времени («Будучи несходными между собой, в принципе все эти формы все же оставались на фундаменте традиционализма. ...Радикальным, реальным и необратимым все это обернулось, как известно, лишь начиная с Возрождения») (С. 57).

4. Он выделяет особый «переходный» ренессансный тип индивида, «почти», но все же еще «не» новоевропейскую личность: «И средневековый интеллеktуал, и новоевропейский интеллигент — диаметрально противоположно, но каждый на собственный лад последовательно и органично — отстаивали свое сложившееся положение в мире, им известное. А ренессансный человек озабочен тем, чтобы стать неведомо кем» (С. 702). «Возрождение еще не знало понятия личности, но оно его подготавливало вплотную» (С. 816).

5. Л.М. Баткиным всячески подчеркивается особое место Возрождения в общем ходе европейской истории именно потому, что в нем происходит по сути революционный культурный поворот, ознаменованный началом истории новоевропейского индивида. «Нельзя переоценить, — пишет он, — всей всемирно-исторической радикальности переворота, приведшего, в частности, на пробеге XV–XVII вв. к идее *автономной* человеческой индивидуальности. Это вовсе не «еще одно» понимание места человека в мире (вслед за христианским, вслед за античным и т.п.). Принцип традиционализма (как бы конкретно он ни оформлялся) сменился, когда европейские небеса опустели, принципом личности» (С. 867).

Можно заключить, что в целом нарисованная исследователем картина рождения новоевропейской личности близка модели «открытия индивида» Я. Буркхардта, хотя сам Л.М. Баткин эту метафору не употребляет и на швейцарского историка в качестве своего предшественника не ссылается.

⁹⁴ «Два способа изучать историю культуры», о которых писал Л.М. Баткин несколько лет назад [Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии 12 (1986): 104–115], как мне представляется, суть способы, выработанные применительно к разному материалу,

мания феномена культуры⁹⁵, категорически настаивает на своей позиции как на единственно верной.

Оба подхода, тем не менее, содержат и немало общего. Прежде всего, тот и другой основаны на допущении, что индивид существовал в истории всегда и лишь принимал разные формы в разных культурах (как оригинально формулирует этот тезис Баткин, «Индивид – живой и непридуманый – существует в любую эпоху в соответствии со свойственным ей способом и мерой придуманности⁹⁶»). Задача исследователя, соответственно, состоит в том, чтобы «правильно» изобразить это существование как в том культурном контексте, в котором этот индивид находится, так и в перспективе дальнейших (а лучше и предшествующих) трансформаций культурных контекстов во времени. Второй общий момент – обособленность обеих трактовок истории индивида/личности от новой проблематики изучения этой темы, сложившейся в историографии и гуманитаристике в целом⁹⁷ к концу XX века. Споря об индивидуальности и личности в истории, ни А.Я. Гуревич, ни Л.М. Баткин практически не обращают внимания на иные формулировки вопросов, задаваемых их зарубежными коллегами-историками, разрабатывающими то же самое «поле». В еще большей степени эта обособленность видна на фоне исследований западных антропологов, социологов, философов, филологов последних десятилетий прошлого века, существенно повлиявших на осмысление проблем индивида в мировой науке. Каждый уча-

разному не столько в хронологическом смысле, сколько по существу. Что вы ищете – уникальное в истории или типическое? Нацелено ваше внимание на раскрытие тех понятийных форм, «матриц поведения», «моделей мира», которые таились даже и за этими уникальными цветами культуры?» (Индивидуальность и личность в истории. С. 87). Правда, при этом он добавляет, что подход Баткина устарел и слишком связан с личностью автора («Для «ремесла историка» в высшей степени небезразлично, «работает» ли метод одинаково успешно в руках разных исследователей, получающих сходные результаты... т.е. проверяем ли он экспериментально, приложим ли он к достаточно широкому кругу источников») (Там же. С. 88-89).

⁹⁵ «Культура – это царство особенного. А не общего. Если нас интересует именно культура (а не система функционирования общества)» (Индивидуальность и личность в истории. С. 64).

⁹⁶ Баткин Л.М. Европейский индивид наедине с самим собой. С. 901.

⁹⁷ Обособленность, нужно заметить, вполне объяснимая и понятная, если учесть общий контекст, в котором существовала российская историография того времени и медиевистика в частности. К концу 80-х гг. идеологическая конъюнктура исчезла, неожиданно появилась практически полная свобода выбора тем, однако наследие «железного занавеса» по-прежнему оставляло нашу историографию в ощутимой изолированности.

стник дискуссии формулирует свою задачу самостоятельно, исходя преимущественно из накопленного им исследовательского опыта, и самостоятельно ищет ответы, призванные ее разрешить⁹⁸. Наконец, участниками дискуссии, на мой взгляд, не было уделено достаточно внимания различию соответствующих понятий в русском и западноевропейских языках и, как следствие, неизбежным сложностям с применением русских понятий к западной истории. Лингвисты в последнее время убедительно показали, что даже в случае общепризнанной близости или совпадения значений понятий, их место и роль в том или ином языке могут быть очень различными⁹⁹. Многие считают также, что значения понятий вообще возникают только при их употреблении и являются целиком зависимыми от соответствующего коммуникативного контекста. По-видимому, сказанное в высшей степени справедливо и по отношению к русским понятиям «личность» и «индивидуальность», ставшими центральными в дискуссии¹⁰⁰. Используемые, как модельные, «домашнего приготовления» (каждый из участников дискуссии давал свою собственную интерпретацию смысла этих русских слов), «мерные инструменты» для определения параметров западноевропейской культуры, эти понятия явно плохо «работали»: историки говорили о схожих (как им казалось) предметах, используя одни и те же слова, однако не могли понять друг друга.

Постклассическое понимание субъектности и его влияние на историографию проблемы

Тема «история европейского индивида» сегодня продолжает оставаться тесно связанной с общей задачей осмысления в гуманитарном знании положения и роли отдельного человека в социуме. Особенности этого осмысления являются, с одной стороны,

⁹⁸ В качестве примера может быть приведен спор обоих историков о понятии «личность» в Средние века, совершенно обходящий вниманием обсуждение этой же темы их коллегами, например Ж.-К. Шмиттом или Дж. Бентоном (см. выше). Бентон, в частности, обстоятельно аргументирует точку зрения о том, что в латинском Средневековье отсутствовал термин, обозначающий нечто близкое английскому *person* и, соответственно, русскому «личность» (*Benton J.F. Culture, power and personality. P. 345*).

⁹⁹ *Wierzbicka A. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. N.Y., 1997. См. также на русском: Вержбицка А. Язык, культура, познание. М., 1997; Она же. Семантические универсалии и описания языков. М., 1999.*

¹⁰⁰ См. о специфике русского понятия «личность» и трудностях его перевода на западные языки: *Offord D. Lichnost': Notions of Individual Identity // Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881-1940 / Ed. C. Kelly and D. Shepherd. Oxford, 1998. P. 13-25.*

пристальное внимание к использованию соответствующего понятийного аппарата, с другой – признание его недостаточной разработанности¹⁰¹. Ответы на вопрос о дистинкциях между понятиями, обозначающими человека как агента и его субъектность («личность», «Я»), по-прежнему остаются недостаточно четкими, в особенности, когда речь идет об их значении в разных языках (напр. английские *person* и *self* в сравнении с французскими *personne*, *moi*)¹⁰².

Это обстоятельство, впрочем, не смущает большую часть гуманитариев, в центре внимания которых находится человек как часть истории и культуры. Следуя классической философской традиции, они по-прежнему продолжают считать, что такие категории как «индивид», «личность», «Я» являются фундаментальными и универсальными и лишь обретают разную форму в конкретных исторических и культурных контекстах. При этом сама онтологическая природа этих категорий определяется по-разному. Самый простой случай – когда она, ассоциируясь с личным возвратным местоимением, признается вечной и неизменной. Как считает П.Ф. Стросон, личность (*person*) относится «к тем категориям и концептам, которые в своей глубинной сути совсем не меняются». Это часть того «основополагающего центрального ядра человеческого мышления, которое не имеет истории»¹⁰³. Другие ученые понимают «личность» в первую очередь как некую структуру представлений о себе, в основе которых часто лежит осознание человеком двойственности своей природы. Сторонники такого подхода считают, что люди сначала не умели, но постепенно научились выражать/описывать эти представления. Наконец, третий подход – когда личности рассматриваются как агенты, способные к самоинтерпретации и открытые специфически человеческим смыслам, возникающим исключительно в языке и раскрывающимся в публичном пространстве между собеседниками¹⁰⁴.

¹⁰¹ См.: Lukes S. Conclusion // *The Category of the Person*. P. 282-301.

¹⁰² Там же. P. 282-283. Поль Рикер, приступая к рассмотрению проблемы самости, также обращает внимание на различия в употреблении французского *soi*, английского *self*, немецкого *Selbst*, итальянского *se* и испанского *si mismo* (Ricoeur P. *Oneself as another*. Chicago, 1992. P. 1-2). О философском понятийном аппарате, обозначающем субъектность, см.: Riedel Chr. *Subjekt und Individuum. Zur Geschichte des philosophischen Ich-Begriffes*. Darmstadt, 1989.

¹⁰³ Strawson P.F. *Individuals. An Essay in Descriptive Metaphysics*. London, 1959. P. 10 (Cit.: Lukes S. Conclusion // *The Category of the Person*. P. 284).

¹⁰⁴ Lukes S. Conclusion // *The Category of the Person*. P. 288.

Однако в последнее время в гуманитарных науках (в особенности в лингвистике, философии и литературоведении) наблюдается отчетливая тенденция к смене общепринятых понятий, обозначающих человека как деятельное начало. Вместо привычных терминов («индивид», «человек», «личность», «Я») теперь все чаще и чаще употребляют более общее понятие «субъект», несущее вполне определенную смысловую нагрузку: не столько индивид как агент, сколько индивид как результат действия властных отношений¹⁰⁵. Как поясняет Луи Монроз,

«"субъект" – термин одновременно грамматический и политический – приобрел в последнее время популярность не просто как модный синоним слова "индивид". Дело именно в том, что этот термин позволяет подчеркнуть: индивиды и сама концепция "индивидуального" исторически формируются языком и обществом. Свободно творящий себя и мир Индивид так называемого буржуазного гуманизма уже отошел в прошлое – по крайней мере, в теории»¹⁰⁶.

Эта смена терминологического инструментария непосредственно связана с новыми трактовками понятия субъектности в постклассической философии, у истоков которых лежит мысль Ницше о том, что субъект не есть метафизическая природная данность. Наоборот, он является чем-то изобретенным и добавленным в наш опыт повседневности. Ницше настаивал на его случайности, на его присутствии в жизни скорее в переносном, чем в прямом смысле. Иными словами, тот субстрат, то единство, которое мы лучше всего знаем как «Я», и которое лежит в основе наших представлений о личности и индивидуальности, не имеет природных корней. Он – всего лишь исторически обусловленный продукт социальных и культурных отношений.

Мысль Ницше о социальной и культурной сконструированности человеческой субъектности получила развитие в различных областях гуманитарного знания, в частности, в лингвистике. Эмиль Бенвенист показал, что основания субъектности заключены в языке, использование же языка является средством субъективации¹⁰⁷. Таким образом, понятие «Я», на котором основывается наше чувство собственной идентичности, выступает как грамматическая категория, а не как первоначальная феноменологическая единица. Эта мысль в конце прошлого века нашла мно-

¹⁰⁵ Здесь мы снова встречаем разницу в русском языке и в языках западноевропейских. В русском «субъект» означает, прежде всего, активное действующее начало (например, исследователь – познающий *субъект*), а в английском, например, это также и предмет (напр.: the *subject of study*).

¹⁰⁶ Новое литературное обозрение 42 (2000): 19.

¹⁰⁷ См. на рус. яз.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

гочисленных сторонников не только в лингвистике, но и в философии, социологии, антропологии и других науках.

На протяжении десятилетий идея сконструированности таких понятий, как «личность» или «Я», оставалась для гуманитарного знания маргинальной – слишком самоочевидной (начиная с Декарта, или даже с раннего христианства) казалась их онтологичность. Поворот произошел только в 1970-80-е гг. Во многом благодаря влиянию работ М. Фуко, в гуманитарных науках приобрело авторитетность представление о том, что понятия, обозначающие человеческую субъектность, не являются отражением «объективной действительности». Человек стал теперь все чаще рассматриваться не как онтологическая субстанция, а как результат действия определенных исторически изменчивых властных отношений в обществе. Точно так же, как душа христианина является не субстанцией *per se*, а конструктом, порожденным христианской догматикой и практикой исповеди, говорит Фуко, «самость» человека не имеет независимого онтологического статуса. Она порождена различными общественными установлениями и институтами, начиная с утверждения частной собственности и заканчивая теорией психоанализа¹⁰⁸.

В постклассической интерпретации концепт индивида, таким образом, выступает как единство, естественным образом ассоциируемое и зависящее от морали и закона, от таких понятий, как суверенность, права, рациональность, ответственность, умственное здоровье и сексуальность. То есть это не первичный «атом» или вневременная онтологическая характеристика, а специфическая самоинтерпретация человека в ходе практик его подчинения и высвобождения. При таком понимании проблемы главная задача исследователя состоит в описании того, как индивид обретает конкретную форму через артикуляцию неопределенности в специфических социальных и исторических контекстах¹⁰⁹.

В своих последних работах М. Фуко обозначил общую направленность изменений в представлениях о человеке как субъекте на протяжении по меньшей мере двух тысячелетий европейской истории. Он говорит в них о двух, постепенно сменившихся

¹⁰⁸ См. об этом особенно: *Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977.* N.Y., 1980; *Idem. The Subject and Power // Foucault M. Beyond Structuralism and Hermeneutics / Ed. H. Dreyfus, P. Rabinov.* Chicago, 1982. Фуко – о чем он не раз говорил в своих интервью – считал себя историком мысли (*Foucault M. Technologies of the Self / Ed. L. Martin, H. Gütman and P.H. Hutton.* Amherst, 1988. P. 10).

¹⁰⁹ *Foucault M. Power/Knowledge.* P. 97-98.

один другой типах/способах отношения к самому себе, существовавших в греко-римской и христианской традициях¹¹⁰. Каждому из них соответствовала определенная «форма Я»¹¹¹. Сами эти «формы Я» Фуко, однако, подробно не характеризует. Его внимание целиком сосредоточено на изменениях властных функций античного и христианского дискурсов и недискурсивных практик по отношению к субъекту, а также на изменениях способа его артикуляции. Первый тип Я, доминировавший в античности и постепенно трансформировавшийся в новый, христианский тип, Фуко определяет как «заботу о себе», наиболее отчетливо проявляющаяся в каждодневной работе по самоограничению. Такая забота имеет в виду не *открытие* истин в себе, а *усвоение* их (например, настолько полное усвоение правил поведения, что желаемые действия человека становятся автоматическими). Этот способ отношения к самому себе предполагает отсутствие принципиальной разницы между тем, какой я есть, и тем, каким я могу быть: я могу стать тем, чем я хочу, ибо Я – не более чем чистая форма, открытая для письма. Второй тип Я, появившийся в Европе вместе с христианством и господствующий до настоящего времени, Фуко называет «герменевтическим Я». Он предполагает наличие изначально существующей данности, которую индивид старается постигнуть. Эта данность является предметом герменевтического акта, предпринимаемого исходя из посылки о том, что «в нас есть нечто скрытое, и что мы всегда находимся в состоянии заблуждения относительно самих себя»¹¹².

Впрочем, историческая перспектива трансформаций субъективности в европейской истории, очерченная Фуко, достаточно расплывчата и противоречива – как и само видение им истории. С одной стороны, он сам не раз говорил, что его работы вдохновлены идеей написания «истории настоящего»¹¹³. С другой, – его принципиальное неприятие классического представления о субъект-объектном характере знания и скептическое отношение к идее непрерывности исторического процесса, неизбежно ведут к

¹¹⁰ «Забота о себе» в античной традиции подробно описана Фуко в «Истории сексуальности» (Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе. Киев–Москва, 1998). См. также: Фуко М. Герменевтика субъекта (выдержки из лекции в Коллеж де Франс 1981–1982 г.) // Социо-Логос. Вып. 1. М., 1991. С. 284–311.

¹¹¹ Foucault M. Technologies of the Self. P. 21–22.

¹¹² Ibid. P. 46.

¹¹³ См. об этом: Табачникова С. Мишель Фуко: историк настоящего // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 396–446.

отрицанию связи между прошлым и настоящим. Мысль о том, что настоящее может реконструировать прошлое, или что прошлое может каким-то образом беспокоить настоящее, по Фуко, является притворством, скрывающим отношения власти и подчинения¹¹⁴. Однако, рассматривая в своих работах отдельные сюжеты из исторического прошлого Европы, он сам не может совершенно отказаться от некоего общего видения этого прошлого, которое служит ему контекстом для постановки исследовательских вопросов.

Фуко говорит в этих работах о трех эпистемах – возрожденческой, классической, современной, которые последовательно сменяют друг друга, всячески подчеркивая замкнутость и внутреннюю упорядоченность каждой и резкие разрывы между ними. Таким образом, история оказывается «дисконтинуальной», преемственность в ней – не больше, чем результат игры ума. Само изложение материала у Фуко, как точно подмечает современный исследователь, «сопротивляется нашей привычке искать в прошлом ростки будущего»¹¹⁵. В то же самое время, выстраиваемый им ряд исторических этапов (эпоха Возрождения – Классическая эпоха – Современность) невольно настраивает читателя на поиск такой преемственности и на восприятие трансформаций европейской культуры во времени как на более или менее единый процесс. В итоге, несмотря на отмеченные противоречия и «антиисторизм» Фуко, из его наблюдений об изменениях субъектности в европейской истории все же вырисовывается некая общая направленность: в последние два тысячелетия в отношении индивида к самому себе происходили неустойчивые колебания от модели «заботы о себе» к модели «герменевтики Я», до тех пор, пока в Новое время «герменевтическое Я» окончательно не одержало верх над «Я – практикой»¹¹⁶.

При всем очевидном стремлении современных историков отказать, с одной стороны, от традиционной эволюционистской модели непрерывного развития общества, с другой, – от неизбежного редукционизма макроисторической перспективы, вопросы об основных направлениях движения европейской истории, преемст-

¹¹⁴ См.: *Hamilton P. Historicism*. L.; N.Y., 1996. P. 139.

¹¹⁵ *Трубина Е.Г.* Нарратология: Основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 2002. С. 66.

¹¹⁶ См. эту мысль Фуко в интерпретации С. Табачниковой: «Древние греки... не знали такой формы организации опыта, как "субъект": они размышляли об "индивиде" - в той мере, в какой он пытается конституировать себя в качестве владеющего собой. С приходом же христианства "произошла конфискация морали теорией субъекта" (*Табачникова С. Мишель Фуко: историк настоящего*. С. 436-7).

венности или, наоборот, разрыве между основными ее тенденциями, продолжают так или иначе находиться в поле зрения их интересов. История индивида, несомненно, относится к числу этих основных направлений. Новое постклассическое понимание субъекта как исторического конструкта, зависимого от властных отношений в обществе, оказало существенное влияние на критику прежнего буркхардтовского подхода к ней и поиск новых интерпретационных моделей. Состояние дел на сегодняшний день, на мой взгляд, вполне может характеризовать декларация Роя Портера о том, что «настало время переосмысления "великой саги становления Я", унаследованной нами от предшественников»¹¹⁷.

Для историков, принявших взгляд на личность как на социокультурный конструкт, модель «открытия индивида» Буркхардта превратилась в устаревший (а в некоторых крайних случаях и совершенно бесполезный) инструмент для постижения истории европейского субъекта. Поскольку поиски времени и места его «открытия», «рождения» и т.п. в постклассической парадигме гуманитарного знания не имеют никакого смысла, историки стали формулировать задачу иначе: проследить, как в разные эпохи индивид конструировался обществом, его языком и культурой.

Наиболее влиятельным исследованием этого нового направления стала книга американского историка литературы, одного из самых известных представителей «нового историзма», Стивена Гринблатта «Формирование "я" в эпоху Ренессанса: От Мора до Шекспира»¹¹⁸. Название книги и некоторые заявления автора

¹¹⁷ Porter R. Introduction // *Rewriting the self...* [P. 8]. Ср. в нашей литературе суждения Ю.Л. Бессмертного о том же предмете: «...Вырисовывается принципиально иное решение давней проблемы так называемого открытия индивида. При прежней ее постановке фактически доминировал эволюционистский подход: предполагалось, что индивид и его модель "возникли" в тот или иной период средневековья или Ренессанса, как бы "вылупляясь", подобно бабочке из кокона гусеницы, изнутри общественных групп или изнутри моделей групповых представлений; индивид как бы накапливал в себе постепенно свойства, соответствующие тем, что характерны для новоевропейского человека. Современный подход позволяет предполагать возможность для человека по-своему выражать и осознавать себя индивидом на любом этапе истории, поскольку смысл индивидуности и формы ее выражения рассматриваются как постоянно меняющиеся и притом несоизмеримые с новоевропейскими критериями». (Бессмертный Ю.Л. Индивид и понятие частной жизни в Средние века. С. 489).

¹¹⁸ Greenblatt S.J. *Renaissance Self-Fashioning: From More to Shakespeare*. Chicago, 1980. См. фрагменты на рус. яз.: Гринблатт С. Формирование «я» в эпоху Ренессанса: От Мора до Шекспира / Пер. с англ. Г. Дашевского // Новое литературное обозрение 35 (1999): 34-77. Об авторитетности этой

во введении к ней¹¹⁹, на первый взгляд, допускают существование некоего независимого Я (Self) и, соответственно, его «моделирование» (fashioning) как процесса, выражающего волю отдельного субъекта. Но в действительности вместо традиционного анализа отдельных случаев «делания себя» ренессансным индивидом (или «стилизации» им собственного Я), Гринблатт на примере классических текстов английской ренессансной литературы прослеживает, как вполне определенные политические и религиозные силы Англии создали фикцию автономного индивида. Таким образом, ренессансное «моделирование себя», по Гринблатту, изначально предполагает взгляд на индивидуальное «Я» преимущественно как на культурный артефакт, историческую и идеологическую иллюзию, порожденную экономическими, социальными, религиозными и политическими переменами эпохи.

Гринблатт, впрочем, не склонен считать индивида и его Я простой фикцией. Он прямо об этом заявляет: «мой отправной пункт заключается в том, что в Англии XVI века имелись как “я”, так и идея, что его можно формировать». И дальше разъясняет свою позицию: «всегда имеется и само “я”: какое-то ощущение личного склада, характерный способ отношения к миру, структура желаний и ограничений, — и какие-то элементы сознательного планирования в создании и проявлении личности»¹²⁰. Но он делает к сказанному важное добавление: его интересует не столько проблема обособления индивида, сколько придание этому индивиду определенной формы¹²¹. «Оформление» же, по Гринблатту,

книги среди историков литературы см.: *Hieatt A.K. The Alleged Early Modern Origin of the Self and History: Terminate or Regroup? // Spenser Studies: A Renaissance Poetry Annual 10 (1992). P. 24.* Помимо Фуко, на Гринблатта, безусловно, повлияли идеи интерпретативной антропологии К. Гиртца. О «новом историзме» см.: *Козлов С. На rendez-vous с «новым историзмом» // Новое литературное обозрение 42 (2000); Он же. Наши «новые истористы» (Заметки об одной тенденции) // Новое литературное обозрение 50 (2001); *Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение 47 (2001); Смирнов И.П. Новый историзм как момент истории (По поводу статьи А.М. Эткинда «Новый историзм, русская версия») // Там же.**

¹¹⁹ В частности, о том, что центральным для него является «ощущение, возникшее у ученых начиная с Буркхардта и Мишле, — что в начале Нового времени произошла перемена в тех интеллектуальных, социальных, психических и эстетических структурах, которые управляют рождением личности» (*Гринблатт С. Формирование “я” в эпоху Ренессанса. С. 34*).

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Автор делает еще одно существенное разъяснение: «“формирование” могло означать и создание не осязаемой формы, а определенного

является процессом двусторонним, в нем задействованы как внутренние, так и внешние силы индивида: «Автономия является проблемой, но проблемой не единственной и даже не центральной: способность придавать себе форму – это аспект более широкой способности контролировать личность – и личность чужую по крайней мере столь же часто, как собственную»¹²².

И все же история «формирования Я», по Гринблатту, это в первую очередь исследование того, как политические и религиозные силы в эпоху Ренессанса создавали фикцию индивида определенной формы (а не того, как люди формировали собственные индивидуальности). Главной движущей силой этого процесса являлась не индивидуальная воля человека, а «подчинение абсолютной власти или авторитету, внешнему – хотя бы отчасти – по отношению к “я” – Богу, священному тексту, институту – такому как церковь, двор, колониальная или военная администрация»¹²³.

Таким образом, концепция ренессансного индивида Гринблатта, исходящая из того, что «формирование человеческой личности – это управляемый, искусственный процесс»¹²⁴, а не «раскрытие» внутреннего потенциала человеческой личности, – это концепция в известном смысле «анти-буркхардтовская», бросающая вызов традиционной историографии проблемы личности в истории, долгое время опиравшейся на либеральный миф о неуклонном героическом высвобождении индивида¹²⁵. Вместо буркхардтовой метафоры «открытия индивида» им фактически была предложена новая, «формирование Я», более соответствующая представлениям о субъекте и субъективности, сложившимся в постклассическом знании конца XX века. Для историков, отказавшихся от веры в гуманистическую мифологию, анализ, продемонстрированный Гринблаттом, открыл новые перспективы изучения субъекта как подвижного конструкта, изменчивого в различных временных периодах и культурах. Хотя, нужно добавить, перспективы, в определенном смысле безрадостные, в особенности для «больших исторических нарративов». Дело в том, что сам подход Гринблатта к изучению прошлого в принципе неисторичен в традиционном смысле, поскольку ориентирован, скорее, на синхронное, чем на диахронное видение прошлого.

личного склада, особого отношения к миру, устойчивой манеры восприятия и поведения» (Там же).

¹²² Там же.

¹²³ Там же. С. 39.

¹²⁴ Там же. С. 34.

¹²⁵ См.: Martin J. *Inventing Sincerity, Refashioning Prudence*. P. 1313.

В.П. Любин

ДИСКУССИИ О ТОТАЛИТАРИЗМЕ В ГЕРМАНИИ, ИТАЛИИ И СССР

1. Интерес к истории тоталитарных режимов

В 2003 г. сошлись три круглых даты: 70 лет с момента прихода Гитлера к власти, 60 лет после падения режима Муссолини, 50 лет со дня смерти Сталина. Никогда не прекращавшаяся дискуссия о связанных с этими именами трех диктаторских режимах пережила новую волну оживления. Изучение семидесятилетней истории большевистского режима в СССР, фашистского двадцатилетия в Италии, нацистского двенадцатилетия в Германии, несмотря на краткосрочность по историческим меркам существования последних двух режимов, стало чуть ли не центральной темой европейской и американской историографии XX века¹. Тяжелое наследие прошлого так или иначе отражается на современной жизни всех трех стран, отсюда не исчезающий интерес к истории режимов, названных исследователями тоталитарными.

Особенно много работ создано в ставших местом осуществления тоталитарных экспериментов Германии и Италии. Историкам-профессионалам хорошо известны такие имена, как Эрнст Нольте и Ренцо Де Феличе. Вместе со своими последователями они заставили пересмотреть многое из того, что, казалось бы, уже устоялось в науке. Их работы положили начало плодотворной дискуссии, в ходе которой возникли более взвешенные оценки и подходы к феноменам, определившим профиль XX века².

В последние годы развернулось и изучение «советского тоталитаризма», начавшееся в самой России и продолжающееся в среде бывших западных советологов, многие из которых переквалифицировались в транзитологов. До сих пор идут яростные споры: можно ли сравнивать все три названных режима? Ответ со-

¹ По подсчетам М. Рука на конец XX века библиография работ по истории национал-социализма насчитывала более 20 тысяч названий. – *Ruck M. Bibliographie zum Nazionalsozialismus. Köln, 2000.*

² В последние десятилетия в Италии вышло множество трудов по истории фашизма. См.: *Михайленко В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987; Михайленко В.И., Нестерова Т.П. Тоталитаризм в XX веке. Теоретический дискурс. Екатеринбург, 2000.*

временной науки (и я с ним вполне солидарен): и да, и нет. Чем меньше знаешь о сущности этих режимов, тем легче проводить поверхностные параллели. Но когда знания углубляются, начинаешь видеть многие отличительные признаки.

Общим было то, что все три режима явились воплощением в жизнь – как правило, сверхбрутальным воплощением, не считаясь с отдельными людьми и судьбами, – разработанных в недрах общества в предшествующий период утопий. Это сопровождалось подъемом национализма и национализацией масс (термин Дж. Моссе)³ или массовизмом (понятие, введенное Б.Р. Лопуховым, ставшим первым, кто в 1960–80-е гг. в СССР всесторонне исследовал феномен итальянского фашизма)⁴. Так, казалось бы далекие от жизни утопии стали кошмарной реальностью изувеченного XX века.

Знаменитый лозунг Дж. Оруэлла, что все равны, но некоторые равнее (который в нынешние времена, кажется, взяли на вооружение американцы) использовали, по существу, как Ленин, а потом Сталин, большевики с их теорией мировой революции, в которой СССР был более равным и передовым, чем другие; Муссолини и его соратники, в глазах которых Италия была более равной и передовой, чем другие; наконец, получивший власть – на вполне легитимных основаниях в согласии с законами Веймарской республики – Гитлер и его приспешники, считавшие, что созданный ими «третий рейх» – самый равный и передовой, и потому должен военной силой навязать всему миру новый порядок, при котором ненужные, с их точки зрения, нации и народы должны исчезнуть, а с этническими немцами никому не дозволено равняться.

Но и различия между этими тремя режимами столь глубоки, что даже весьма осведомленные знатоки рассматриваемых сюжетов не дают однозначного ответа об их неоспоримом сходстве или отличии. Прекрасно знающий правила функционирования тоталитарного советского режима, проработавший всю жизнь в недрах его главной аппаратной структуры – ЦК КПСС – А.Н. Яковлев заключает, что «октябрьский переворот является контрреволюцией, положившей начало созданию уголовного деспотического государства российско-азиатского типа», а «российский большевизм по многим

³ Mosse G.L. *Le origini culturali del Terzo Reich*. Milano, 1968; *Idem*. *Il fascismo. Verso una teoria generale*. Roma, Bari, 1996.

⁴ Лопухов Б.Р. *Фашизм и рабочее движение в Италии, 1919–1929*. М., 1968; *он же*. *История фашистского режима в Италии*. М., 1977; *он же*. *Эволюция буржуазной власти в Италии. Первая половина XX века*. М., 1986; *он же*. *Неофашизм: Опасность для мира*. М., 1985; *он же*. *Крайне правые в странах Западной Европы*. М., 1987.

своим идеям и проявлениям явился прародителем европейского фашизма». «И большевизм, и фашизм, – добавляет он, – руководствовались одним и тем же принципом управления государством – принципом массового насилия»⁵.

Известная исследовательница Ютта Шеррер⁶ пришла к выводу, что само сравнение режимов и противопоставление одних жертв другим невозможно⁷. Немецкий историк Леонид Люкс тоже не дает однозначного ответа и приводит признание Э. Нольте, которого не заподозришь в симпатиях к большевикам, что «Советский Союз, невзирая на ГУЛАГ, был ближе западному миру, чем национал-социализм с его Освенцимом»⁸. В.П. Булдаков полагает, что называть сталинизм «тоталитаризмом» означает сделать ему комплимент⁹. Французский историк Н. Верт призывает к большей осмотрительности в проведении параллелей между нацизмом и сталинизмом¹⁰. Издатели сборника «Сталинизм и нацизм: сравнение двух диктатур» Й. Кершоу и М. Левин считают, что всеохватывающее, систематическое сравнение двух режимов, в СССР и Германии, затруднительно¹¹.

Американец У. Лакёр полагает, что Сталин в противоположность Гитлеру не разрушил собственной страны и даже сделал ее сильнее, хотя «падение общества до варварского состояния» нанесло глубокий ущерб СССР, нацизм же разрушил один из культурных центров мира, находившийся в Центральной Европе. Решение проблемы исторической ответственности в нынешней России труднее, чем в Германии, и потому, что в России не произошло разрыва с мрачным, по его мнению, периодом советской истории, и понадобится долгое время, чтобы забыть Сталина, и намного больше времени, чтобы забыть Гитлера¹².

Возможно, исследователи, загоняя себя в прокрустово ложе выдвинутой в 1950-е гг. и развивавшейся на протяжении последующего полувека теории тоталитаризма, лишаются необходимого

⁵ Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 21, 23.

⁶ Le livre noire du communisme. Crimes, terreur, repression. P., 1997.

⁷ Шеррер Ю. Дискуссии во Франции и Германии вокруг «Черной книги» коммунизма // Проблемы всеобщей истории. СПб., 2000. С. 147.

⁸ Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? Заметки об одной дискуссии // Личность и власть. М., 1998. С. 115.

⁹ Булдаков В.П. Эра советской диктатуры в России // Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., 2000. С. 106.

¹⁰ Верт Н. Сравнивая Гитлера и Сталина сегодня // Россия и Германия на пути к антитоталитарному согласию. М., 2000. С. 169–181.

¹¹ Коммунизм и национал-социализм: Сравнительный анализ // Политическая наука. М., 2000. С. 14–15.

¹² Лакёр У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С.394.

аналитического простора для таких сравнений. Напомню, что родоначальницей этой теории была эмигрировавшая из Германии в США Ханна Арендт, классический труд которой вышел в Америке в 1951 г.¹³ В последующие десятилетия ее подходы развиты в десятках и сотнях трудов западных ученых (К. Фридрих, З. Бжезинский, Б. Мур, Р. Арон, К.Д. Брахер и др.)¹⁴. Концепция тоталитаризма включала в себя два параметра: аналитический (сходные общие структуры тоталитарной власти) и временной (расцвет тоталитарных режимов пришелся на определенную эпоху). Известный французский историк Франсуа Фюре предложил добавить «генеалогический подход»: по его мнению, нельзя изучать большевизм и фашизм отдельно друг от друга, так как вместе они выявили противоречия либерализма, а их соперничество-взаимодополнение заняло целое столетие. В недавно опубликованной во Франции переписке Э. Нольте французский ученый замечал:

«Единственный способ изучения марксистско-ленинского коммунизма и обеих разновидностей фашизма – итальянской и германской, – позволяющий проникнуть в глубь проблемы, состоит в том, чтобы рассматривать их в совокупности как две стороны острого кризиса либеральной демократии, наступившего одновременно с войной 1914–1918 гг. ...Такой «генеалогический подход» к европейской трагедии представляет значительно больший интерес, чем «структурное» сравнение тоталитарных режимов».

Фюре, однако, решительно отверг «историко-генеалогический подход» Нольте, послуживший поводом для известного «спора историков» 1986–87 гг. в ФРГ.

«Мне кажется, – писал он Нольте, – что Вы слишком упорно настаиваете на том, что возникновение фашизма было реакцией на коммунизм, т.е. на более позднем появлении фашизма и на его предопределенности Октябрьскими событиями. ...Утверждение, что ГУЛАГ был создан раньше Освенцима, не является ни неверным, ни малозначительным. Но между этими событиями нет причинно-следственной связи»¹⁵.

Характеристика фашизма как исторического явления предполагает сопоставление его в разных странах и с точки зрения национальных традиций, в частности традиций государства и права, писал Б.Р. Лопухов. Итальянские фашисты постоянно обращались к

¹³ *Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1951.* Русский перевод: *Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.*

¹⁴ *Friedrich K., Brzezinsky Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1954; Moore B. Soviet Politics: Dilemma of Power. Cambridge, 1955; Aron R. Democracy et totalitarisme. P., 1965; Bracher K.D. Totalitarismus und Faschismus. Eine wissenschaftliche und politische Begriffs-kontroverse. München-Wien, 1980.*

¹⁵ *Sur le fascisme, le communisme et l'histoire du XXeme siecle. Correspondance F. Furet – E. Nolte // Commentaire. P., 1997. P. 574, 569.*

традициям римского права, основанного на «формально-юридических нормах», германские – к традициям германского права, которое в большей мере базируется на «этических нормах». Это по-своему преломлялось в фашистских теориях о «примате государства», с одной стороны, и о «примате партии» – с другой. Именно в этой исторической перспективе Лопухов видел проблему отношений между фашистским государством и партией, о которой говорил в прочитанных слушателям московской Ленинской школы лекциях о фашизме П. Тольятти. Он сводил роль фашистской партии к «простому орудию государства, необходимому для ведения националистической пропаганды и пр., для того, чтобы привязать к государству слои мелкой и средней буржуазии, для оказания влияния на трудящихся», словом, идеологического приобщения к режиму широких слоев итальянского населения¹⁶.

В фашистской партии в первые годы ее нахождения у власти шла борьба по вопросу о роли партии и отношениях ее с государством. Фариначчи считал, что партия выше государства и должна командовать, националисты Федерцони и Рокко выдвигали на первое место государство, которому подчиняется партия. Муссолини манипулировал обеими этими концепциями, когда же встал вопрос о тоталитаризме, он принял сторону националистов и дал окончательную формулировку: все в государстве и ничего вне государства¹⁷. При наличии сильного влияния католической церкви, фашистской партии в Италии было труднее претендовать на моральный авторитет, потому власть прерогативная не могла возобладать в этой стране над властью нормативной в такой мере, как в Германии. В институциональной структуре фашистского государства в Италии партия играла меньшую роль, чем в Германии¹⁸.

Изучение разных аспектов тоталитарного прошлого СССР, Германии и Италии остается актуальным, особенно в условиях современной России, все еще не сошедшей с точки бифуркации и не сделавшей окончательного выбора, в каком направлении она должна продвигаться после многих десятилетий господства коммунистического режима. Актуальны ли эти поставленные самой жизнью вопросы для современной науки? Конечно, да. Актуальны ли они для политики? Не менее. Имея возможность наблюдать процесс развития книгоиздания и новые витки дискуссии по данным сюжетам в Западной Европе, я убедился в этом еще более.

Оживленная дискуссия идет в научных кругах и в общественном мнении Италии. Особую остроту ей придает то обстоятельство,

¹⁶ Тольятти П. Лекции о фашизме. М., 1974. С. 46.

¹⁷ Там же. С. 45.

¹⁸ Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977. С. 280.

что у власти в стране с 2001 г. находится правый блок во главе с Берлускони, и в этот блок, как и в само правительство входит бывшая неонацистская партия – Национальный Альянс (Alleanza Nazionale). Интеллектуалы либеральных и левых убеждений резко критикуют деятельность самого Берлускони и его правительства, считая, что они отбрасывают Италию назад, тормозят начатую итальянским правосудием в начале 1990-х гг. успешную борьбу с мафией, преступностью, коррупцией в высших эшелонах власти. Авторы (в их числе такие знаменитости, как У. Эко, Л. Малерба, А. Табуки, Дж. Сартори, Н. Транфалья, А. Болаффи, П. Флорес Д'Аркаис, А. Соффри) недавно изданного сборника «Италия Берлускони – Италия против Берлускони» осуждают тенденции, характерные для политической жизни нынешней Италии¹⁹.

В конце 2002 г. вышла книга Эмилио Джентиле «Фашизм, история и интерпретации»²⁰, в отдельных главах которой и особенно во введении подводятся некоторые итоги дискуссии о фашизме и тоталитаризме. Джентиле указывает на то, что понятия «тоталитаризм» и «тоталитарный» были изобретены и использовались антифашистами, чтобы показать диктаторскую сущность фашистского режима, но политологи, выступавшие против этой модели, связывали тоталитаризм исключительно с нацизмом и сталинизмом, считая, что к фашизму определение тоталитаризма не подходит. Джентиле утверждает, что не большевистская революция открыла путь к тоталитаризму в Западной Европе, а установление в Италии фашистского режима²¹. Фашизм, в его определении, это политический феномен, которому присущи черты национализма, революционности, тоталитаризма, расизма и империализма²². Это определение основано на историческом опыте итальянского фашизма. Возникшее именно в Италии явление стало затем моделью для

¹⁹ Italien Berlusconi – Italien gegen Berlusconi. Berlin, 2002. – S. 107, 111. Подробнее см. мой обзор в предыдущем выпуске альманаха: Диалог со временем. М., 2003. Вып. 11.

²⁰ Gentile E. Fascismo, storia e interpretazione. Roma-Bari, 2002. См. также упомянутый обзор.

²¹ Ibid. P. X.

²² «Фашизм – это политический феномен, националистический и революционный, антилиберальный и антимакистский, организованный в действенную партию с тоталитарной концепцией политики и государства. Он исповедует идеологию активизма на основе мистицизма, вирилизма и антигедонизма, применяя ее в качестве светской религии, объявляющей об абсолютном примате нации. При этом нация понимается как органическое, этнически однородное сообщество, организованное по иерархии в корпоративное государство с воинственными устремлениями великодержавной политики силы и завоеваний, нацеленной на создание нового порядка и новой цивилизации». – Ibid. P. IX-X.

национал-социализма. Джентиле расценивает фашизм как «итальянский путь к тоталитаризму», как новую форму политического режима и, одновременно, комплексный идеологический, культурный, организационный и институциональный процесс. В интервью «Коррьере делла sera» по случаю выхода книги ее автор подчеркнул: «Политический феномен фашизма представлял тенденции, присутствующие в современном ему итальянском обществе, которые с падением режима полностью не исчезли»²³. Нынешняя обстановка в Италии еще раз об этом напоминает²⁴.

В 2002 г. вышел монументальный «Словарь фашизмов», составленный французскими и итальянскими специалистами²⁵. В нем Н. Транфалья дает свое определение тоталитаризму: высокая концентрация власти, сильная харизматическая личность у власти, централизация средств коммуникации, организация консенсуса масс. По сравнению с историческими моделями, реализованными Гитлером или Сталиным, сегодня добавляется всемогущее телевидение, способное вызывать иррациональные реакции массы и помогающее конструировать личностную харизму²⁶.

В той же Италии в декабре 2002 г. вышло совершенно необычное издание «"Майн кампф" Адольфа Гитлера», подготовленное к печати и прокомментированное известным политологом Джорджо Галли²⁷. Выход подобной книги – факт сам по себе немислимый еще несколько лет назад. Но после того, как любой желающий может найти «Майн кампф» в Интернете, существующие запреты на его издание выглядят анахронизмом.

2. «Спор историков» в Германии

В пережившей мрачный период тоталитаризма Германии попытки приукрасить национальную историю до сих пор наталкивались на резкое противодействие в обществе. Спровоцированный в середине 1980-х гг. подстрекательскими выступлениями Эрнста

²³ Conti P. Ma Bottai e Federzoni non erano fascisti buoni. Gentile sottolinea in un saggio il carattere totalitario del regime // Corriere della sera. Milano, 25 ottobre 2002. P. 25.

²⁴ В конце ноября 2002 г. писатель, профессора Триестинского университета Клаудио Магриса с тревогой писал о росте националистических настроений, особенно среди молодежи. Он обвинял в этом и историческую науку, ревизионистов, ниспровергающих идеалы антифашизма. – Magris C. No pasaran // Corriere della Sera. Milano, 20 novembre 2002.

²⁵ Dizionario dei fascismi. A cura di S. Berstein, P. Milza, N. Tranfaglia. Firenze, 2002.

²⁶ Nel dizionario dei fascismi spunta il "pericolo totalitario" // Corriere della Sera. Milano, 2 dicembre 2002. P. 19.

²⁷ Il Mein Kampf di Adolf Hitler. Le radici della barbaria nazista. A cura di G. Galli. Milano, 2002.

Нольте, стремившегося обелить нацизм и искать виновников по другую сторону, «спор историков» о нацистском прошлом всколыхнул общественное мнение²⁸. Опасность того, что неонацизм может поднять голову, никогда не недооценивалась в послевоенной ФРГ, теперь же взоры исследователей прикованы больше к восточной части страны, бывшей ГДР, где, правозкстремистские группировки находят питательную среду для своей деятельности²⁹.

В январе 2003 г. газета «Цайт» опубликовала статью о том, как некоторые молодые историки в противовес известным концепциям Фишера, пытаются снять с Германии вину за развязывание Первой мировой войны³⁰. Эта тема чрезвычайно важна, потому что именно та война послужила спусковым курком процессов, которые привели к революциям в России, Италии и Германии и приходу к власти тоталитарных режимов. Встретят ли подобные интерпретации происхождения Первой мировой войны отпор, не совсем ясно, но если исходить из нынешнего состояния немецкого общества, то, как мне представляется, встретят.

После объединения Германии некоторые историки предпринимали попытки сравнения существовавшего в ГДР режима с «третьим рейхом», и это даже вызвало историографическую дискуссию³¹. Но многие историки отказывались от подобных сравнений и продолжали обращаться не к дефрагментированной, а общей германской истории, и их поиски принесли заметные результаты.

Наиболее заметным в немецкой историографии стал переизданный в 2002 г. двухтомник профессора Гумбольдт-Университета в Берлине Хайнриха Августа Винклера³² «Долгий путь на Запад: История Германии XIX–XX вв.»³³. Само название символично и на-

²⁸ Подробнее см.: Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления прошлого? М., 1999.

²⁹ О неонацистских тенденциях в современной Германии, особенно в ее восточной части, бывшей ГДР, см., например: Scharenberg A. Plädoyer für eine Mehrebenenanalyse des Rechtsextremismus // Deutschland Archiv. Hannover, 2003. 36 Jg., N 4. S.659–672.

³⁰ Ullrich V. Ein Weltkrieg wider Willen? Der Streit der Historiker über den Kriegsausbruch 1914 geht in eine neue Runde // Die Zeit, Hamburg, 2. Januar 2003. S.39.

³¹ Там же.

³¹ Beckmann Ch. Die Auseinandersetzung um Vergleich von "Drittem Reich" und DDR vor dem Hintergrund der Diskussion um Möglichkeiten und Grenzen vergleichender Geschichtsforschung // Deutsche Studien. Lüneburg, 2002. Jg. 38, N 147/148. S.9–26.

³² В посвященной Винклеру и его творчеству статье журнал «Шпигель» назвал его «дуайеном» немецких историков, пишущих о новейшей истории своей страны. См.: Leinemann J. Der Zeitgenosse // Spiegel. Hamburg, 2002, N 52. S. 40–42.

³³ Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Deutsche Geschichte. Bd. 1–

поминает о том, что Германия, как и Италия до середины XX века не всеми признавались в качестве стран Запада (что уж говорить о России, которая всегда была для среднего европейца чем-то вроде малопонятного Китая). Автор обращается к дебатам об «особом немецком пути»³⁴ (об «особом пути» говорил и канцлер Шредер в ходе дебатов накануне выборов в бундестаг 2002 г.). Винклер пишет, что вопрос, почему Гитлер пришел к власти, остается важнейшим вопросом всей германской истории. Нельзя, действуя по методу Ранке, писать лишь о том, что на самом деле происходило. После Гитлера, считает Винклер, подобный историографический подход уже невозможен, вопрос надо ставить по-другому: собственно говоря, почему это произошло?

Винклер напоминает, что в декабре 1941 г. Гитлер констатировал, что он заставил после прихода к власти в 1933 г. изменить отношение к Германии, вернул понятию «рейх» его утраченное значение, и весь мир заговорил о Германии как о рейхе. Гитлер переоценил свою заслугу, иронизирует Винклер. В образованной Германии понятие «рейх» приобрело новые масштабы еще до 1933 г., и это был ответ правых интеллектуалов на Веймар и на оба Версаля — 1919 и 1871 гг. Это была мечта о великом рейхе всей германской нации, гораздо большем, чем малогерманский рейх Бисмарка, это было возвращение к пангерманской идее.

Поэтому, согласно Винклеру, почва для прихода Гитлера к власти во многом была подготовлена. Сторонники «консервативной революции» из академических кругов и стали резервной армией национал-социализма. Накануне прихода к власти Гитлер говорил о «работе и хлебе», социальном мире, примирении национализма и социализма, окончании классовой борьбы и гражданской войны, о народном сообществе. Он обещал изгнать тридцать партий, построить великий и мощный новый рейх, добиться социальной справедливости. О том, что его рейх больше не будет ни правовым, ни конституционным, каковыми были Германская Империя и Веймарская республика, Гитлер умалчивал. Но никто из тех, кто читал «Майн кампф» или слышал его речи, не сомневался в его стремлении радикально сломать все, что хотя бы отдаленно напоминало о либерализме и Просвещении³⁵.

2. München, 2002.

³⁴ Winkler H.A. Op. cit. Bd. 2. S. 640–657. Неплохая панорама дебатов об «особом пути» содержится в очерке: Spenkuch H. Vergleichsweise besonders? Politisches System und Strukturen Preussens als Kern des "deutschen Sonderwegs" // Geschichte und Gesellschaft. Göttingen, 2003. S. 262–293.

³⁵ Ibid. S. 552–555.

Спор немецких историков в 1980-е гг. о подходах к освещению нацистского прошлого возник как результат изучения имим в послевоенный период своей новейшей истории. Скрупулезно рассматривались самые разные стороны участия Германии в двух мировых войнах и ее заваливания в начале 30-х гг. в пике национал-социализма. Огромный массив посвященных этому работ свидетельствует о том, что сравнительно короткая, всего лишь двенадцатилетняя история нахождения нацизма у власти, привлекала и привлекает гораздо больший интерес историков, чем все другие факты и события немецкой и европейской истории XX века³⁶.

Спор вышел за пределы узкопрофессиональных дебатов, стал темой острых публикаций и выступлений, авторами которых были не только ученые-гуманитарии, но и политики всех направлений. Полемика о нацистском прошлом достигла небывалого размаха, вызвав широкий общественный резонанс: Тот же Винклер (тогда профессор Фрайбургского университета) отмечал: «В зал заседаний боннского правительства, в редакции газет, к письменным столам историков явился Каменный гость. Его имя Прошлое, которое никогда не уходит»³⁷.

Спровоцирована эта широкая общенациональная дискуссия была прежде всего Э. Нольте. Именно он в 1960-е гг. стал включать нацизм в более широкое понятие фашизм (в марксистской трактовке так было изначально). Помню, как вернувшись с трибуны на секции по истории фашизма Московского международного конгресса исторических наук 1970 г., Нольте шуточно спросил меня: «Ну, как я выступил, *ziemlich marxistisch?*». На что пришлось ответить: «Подождите, сейчас мы узнаем». Оценку его «марксизма» тут же дал в своей отповеди, длившейся едва ли не дольше пятнадцатиминутного по регламенту выступления немецкого исследователя, пред-

³⁶ В ряду критических работ по национал-социализму см., например: *Bracher K.D. Die deutsche Diktatur: Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus.* Frankfurt/M., Berlin-Wien, 1969; *Fest J.C. Hitler: Eine Biographie.* Frankfurt/M., Berlin-Wien, 1973; *Maser W. Das Regime: Alltag in Deutschland 1933-1945.* München, 1983; *idem. Der Sturm auf die Republik: Frühgeschichte der NSDAP.* Düsseldorf, Wien, N.Y., Moskau, 1994; *Broszat M. Der Staat Hitlers.* München, 1994; *Hildebrandt H. Das Dritte Reich.* München, 1995; *Ruck M. Bibliographie zum Nationalsozialismus.* Köln, 1995; *Hamann B. Hitler's Wien: Lehrjahre eines Diktators.* München-Zürich, 1998; *Бонхёффер Д. Сопrotивление и покорность.* М., 1994; *Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь.* М., 2002.

³⁷ *Frankfurter Rundschau*, 14.XI.1996. Цит. по: *Борозняк А.И. «Черная серия» немецкого издательства «Фишер» // Диалог со временем.* М., 1999, № 1. С. 170-183.

седательствовавший на секции старейшина советских историков академик В.М. Хвостов. Запал его речи был направлен главным образом на развенчание отдельных высказанных Нольте тезисов, в том числе тезиса о «революционности» фашистских движений.

Позднее именно Нольте стал главным застрельщиком дискуссии и одновременно главным обвиняемым в «споре» немецких историков, который до сих пор не затих. Недавно немецкие коллеги подарили мне изданный в Мюнхене сборник «Контроверзы истории: Историко-политические темы в борьбе мнений»³⁸. В нем среди прочих помещены статьи, название которых говорит само за себя: «Молчание папы. Католическая церковь и политика в отношении евреев в “третьем рейхе”» (Х. Имменкёттер); «Позволиительно ли так трактовать Освенцим? Нынешние споры о преподавании истории» (К. Фильзер); «Война титанов? Спекуляции вокруг сталинской стратегии весной 1941 г.» (Ф. Доттервайх).

Обобщая вклад Нольте в изучение фашизма, российский историк П.Ю. Рахщмир отмечал, что придя в историческую науку после изучения философии во Фрайбурге, где среди его учителей был и М. Хайдеггер, Нольте предложил феноменологический подход к фашизму. В книге «Фашизм в его эпоху»³⁹ Нольте рассматривал фашизм как феномен *sui generis*, явление, имеющее собственную природу. Тем самым он сделал шаг в сторону от господствующей тогда теории тоталитаризма, хотя полностью и не отказался от нее. По определению Э. Нольте, «фашизм – это антимарксизм, который стремился уничтожить противника благодаря созданию радикально противостоящей и, тем не менее, соседствующей идеологии и применению идентичных, хотя и модифицированных методов». Нольте впервые попытался создать типологию фашизма, построив четырехступенчатую модель: нижняя – авторитаризм, две средние – ранний и нормальный фашизм, верхняя – тоталитаризм. Верхней ступени, согласно этой интерпретации, достиг только германский национал-социализм, тогда как итальянский остался на ступени нормального фашизма, а режим Пилсудского или фалангизм Франко застряли на нижних ступенях. Почвой для возникновения фашизма, согласно Нольте, явилась сложившаяся в Европе после 1815 г. либеральная система, интегрировавшая либеральные и консервативные элементы, с

³⁸ Kontroversen der Zeitgeschichte. Historisch-politische Themen im Meinungsstreit. München, 1998.

³⁹ Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.

ее плюрализмом, парламентаризмом и компромиссами. Фашизм возник в результате кризиса либеральной системы, но «без вызова большевизма нет никакого фашизма». Первоначально фашизм защищал либеральное общество от большевистской угрозы, используя при этом чуждые либерализму методы⁴⁰.

Все эти идеи получили развитие в целом ряде книг Нольте и почти всегда вызывавших заметное эхо в общественном мнении, споры вокруг феноменов фашизма и нацизма⁴¹. В мае 2000 г. ему была присуждена премия Конрада Аденауэра.

В 1990-е гг. новую волну дебатов в ФРГ вызвало немецкое издание книги американского социолога Д. Гольдхагена «Послушные исполнители приказов Гитлера: Совершенно обычные немцы и Холокост»⁴². Находясь в Германии, я смог увидеть накал этих дебатов в СМИ – от центральных газет до телевидения. Споры о нацистском прошлом вновь стали темой номер один интеллектуальной жизни. После участия в одном из массовых мероприятий – обсуждении книги Гольдхагена в Фонде Эберта, актовом зале которого был заполнен до отказа, создалось впечатление, что причиненные нацизмом раны все еще не затянулись, а попытки ревизии истории и обеления прошлого терпят провал⁴³.

Другой нашумевшей книгой рубежа веков, заставившей немцев вновь заглянуть в колодезь собственной истории и увидеть там отражение господствовавшей в XX в. в широких кругах немецкого

⁴⁰ Рахшмир П.Ю. Гитлер Иоахима Феста. Предисловие к книге: Фест И.К. Гитлер. Биография. В 3-х тт. Т. 1. Пермь, 1993. С. 8-9. См. также: Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма. М., 1980.

⁴¹ Nolte E. Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, 1968; *idem*. Der europäische Bürgerkrieg, 1917–1945: Nazionalsozialismus und Bolschewismus. Berlin, 1987; *idem*. Das Vergehen der Vergangenheit: Antwort an meine Kritiker im sogenannten Historikerstreit. Berlin; Frankfurt/M., 1988; *idem*. Geschichtsdenken im XX Jahrhundert: Von Max Weber bis Hans Jonas. Berlin; Frankfurt/M., 1991.

⁴² Goldhagen D.-J. Hitlers willige Vollstrecker: Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. Berlin, 1996.

⁴³ Интересно отметить, что новая книга Гольдхагена, на этот раз о политике Ватикана и линии Папы Пия XII в отношении развязанного нацистами геноцида евреев, недавно переведенная в Германии (Goldhagen D.-J. Die katholische Kirche und der Holocaust. Eine Untersuchung über Schuld und Sühne. Berlin 2002) не вызвала подобных дебатов даже среди специалистов, хотя некоторые из немецких историков реагировали на нее довольно резким осуждением, которое в данном случае представляется оправданным. – См.: Lill R. Geschichtsforschung oder Geschichtspolitik? // Das Historisch-Politische Buch. Göttingen–Zürich, 2003. Jg. 51. Heft 2. S. 117–120.

народа коллективной психологии, стали воспоминания известного журналиста Себастьяна Хаффнера⁴⁴, в годы нацизма вынужденного эмигрировать в Лондон, а затем жившего в ФРГ. В 2003 г. в связи с круглой датой захвата Гитлером власти и устранения им с политической сцены в 1933 г. всех немецких партий выходили статьи на эти темы⁴⁵. В какой-то мере искания послевоенной мировой и германской науки были подытожены ранее в вышедшем в Германии сборнике «Тоталитаризм в XX веке», участниками которого стали и российские ученые⁴⁶.

3. Российские исследования

Казалось бы, утверждения Э. Нольте в его первоначальных трудах приближаются к давним марксистским интерпретациям в духе известных резолюций Коминтерна. «Фашизм – проявление общего кризиса капитализма. Его возникновение свидетельствует о том, что буржуазия перед угрозой пролетарской революции решила мобилизовать все средства белого террора и политического бандитизма для борьбы с революционным пролетариатом», – писал, например, в 1935 г. И. Дворкин⁴⁷. Такой подход доминировал вплоть до конца советского режима, хотя попытки выйти за рамки коминтерновских интерпретаций в советской историографии не раз предпринимались. Первыми здесь были А.А. Галкин и Б.Р. Лопухов⁴⁸. Удачный обобщающий анализ исследований итальянского фашизма, предпринятых в советской и российской итальянистике, начиная с 1960-х г. вплоть до начала XXI века, был дан в обзоре Н.П. Комоловой, представленном на италороссийской конференции в Венеции в 2001 г.⁴⁹

Дискуссия на упоминавшемся конгрессе исторических наук побудила советских историков всерьез обратиться к изучению фашизма. Результатом стала изданная через несколько лет коллективная монография⁵⁰. Но даже минимальное продвижение в изуче-

⁴⁴ Haffner S. Geschichte eines Deutschen. Stuttgart–München, 2000.

⁴⁵ Funke M. Das Ende des Parteien. Vor 70 Jahre erzwang Hitler die Preisgabe des Parlamentarismus // Mut. Asendorf, 2003. Nr. 431. S. 66–67.

⁴⁶ См.: Totalitarismus im 20. Jahrhundert. Eine Bilanz der internationalen Forschung. Baden-Baden, 1996.

⁴⁷ Дворкин И. Предисловие // Гейден К. История германского фашизма. М.–Л., 1935.

⁴⁸ Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967; Лопухов Б.Р. Фашизм и рабочее движение в Италии.; он же. История фашистского режима в Италии.; он же. Эволюция буржуазной власти в Италии...

⁴⁹ Comolova N. L'uomo nella societa' totalitaria (lo storico e la sua opera) // Totalitarismo e totalitarismi. A cura di V. Strada. Venezia, 2003. P. 205–225.

⁵⁰ История фашизма в Западной Европе. М., 1978.

нии феномена фашизма в брежневские времена оказывалось почти невозможным. Жестко заданные рамки официальной идеологии требовали повтора ставших ритуальными определений. Так, в главе первой («Происхождение и классовая сущность фашизма») упомянутого коллективного труда можно было встретить определение фашизма как «вполне конкретной формы диктатуры монополистического капитала, к которой буржуазия прибегает в определенных условиях». Как видим, терминология мало изменилась со времен Г. Димитрова, характеризовавшего фашизм как «открытую террористическую диктатуру монополистического капитала» еще на VII Конгрессе Коминтерна (1935). Но, исходя из прежних коминтерновских позиций, было довольно трудно вести полемику на равных с западными учеными, плодотворно исследовавшими все новые аспекты тоталитарных режимов XX в. Тем самым утверждать, что российская историография уже тогда значительно продвинулась и была на уровне мировой, можно лишь с большой натяжкой.

Лишь публикации Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) «для служебного пользования» позволяли знакомиться, хотя бы в общих чертах, с тем, что происходило в историографии за железным занавесом. Вслед за подготовленным С.З. Случом сборником⁵¹, подытожившим достижения тогдашней историографии, вышел другой сборник, в историческом разделе которого нам удалось поместить рефераты вызвавших на Западе дискуссию работ⁵². Проблем тоталитаризма касался двухтомник, изданный ИНИОН в начале 1990-х гг.⁵³ Автор предисловия к сборнику, ставшему по существу первой попыткой всестороннего осмысления сущности тоталитаризма, предпринятой российскими учеными, замечал, что «внятная артикуляция в отечественной культуре проблемы тоталитаризма – верный признак, и можно надеяться, залог общественного выздоровления»⁵⁴. Одну из первых попыток обобщить подходы отечественного «тоталитаризмоведения» предпринял Б.С. Орлов⁵⁵. Он обратил особое внимание на

⁵¹ Буржуазные и реформистские концепции фашизма. М.: ИНИОН, 1973.

⁵² Грегор А. Фашизм и модернизация: Некоторые дополнения // Западноевропейские крайние правые в 70-е годы. М.: ИНИОН, 1976; Джоуз А. Фашизм: Прошлое и будущее // Там же; Тэрнер Г. Э. Фашизм и модернизация // Там же; Луккини Р. Социология фашизма // Там же; и др.

⁵³ Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов. Т. 1–2. М., 1993.

⁵⁴ Кара-Мурза А.А. Предисловие // Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989. С. 6.

⁵⁵ Орлов Б.С. Европейская культура и тоталитаризм: Приглашение к дискуссии. М., 1998.

замалчивавшийся ранее аспект властвования тоталитарных режимов – их социальную политику, позволявшую опираться на поддержку масс и добиваться консенсуса в обществе.

Рассуждая об особенностях разного рода авторитарных режимов, переходящих в тоталитаризм, известные российские политологи А.А. Галкин и Ю.А. Красин подчеркивают отличия в методологии осуществления власти: неприкрытое насилие (чаще всего военная диктатура), идейно-психологическая мобилизация населения или совмещение этих методов в различных пропорциях. Иногда влияние авторитарной власти ограничивается только политической сферой, а все остальные сохраняют большую степень свободы. В других случаях авторитарный контроль распространяется на весь общественный организм вплоть до регламентации норм частного поведения индивида. Такой режим называется *тоталитарным*.⁵⁶

Тоталитаризму посвящена обширная научная и популярная литература, напоминают авторы процитированной книги. О нем написаны работы Р. Арона, Х. Арендт, Н. Бердяева, З. Бжезинского, Ф. Боркенау, А. Грегора, Ортеги-и-Гассета, Т. Парсонса, Э. Фромма и др. Seriously изучают ныне феномен тоталитаризма и в России. При всей значимости этих исследований, прежде всего в изучении специфики тоталитарных режимов, их структуры, социальных и психологических корней, во многих из них проводится резкая грань между тоталитаризмом и авторитарными режимами. По мнению Галкина и Красина, такое разграничение только затрудняет понимание сути тоталитаризма как экстремально жесткой формы автократии. При всех различиях между ними наиболее существенные характеристики у них одинаковы.⁵⁷

В докладе Б.С. Орлова «Особенности тоталитарного режима в бывшем Советском Союзе», представленном на научной конференции, посвященной 10-летию деятельности Института им. Х.Арендт в Дрездене в июле 2003 г.⁵⁸, дается краткий обзор исследований тоталитарных режимов, предпринимавшихся учеными, писателями, публицистами в СССР, а затем и в современной России. Докладчик справедливо заострил внимание на трудах В. Гроссмана, В. Шаламова, А. Солженицына, А. Сахарова, А. Яковлева; сборниках «для служебного пользования» ИНИОН, продукции других академических институтов, например, выпущен-

⁵⁶ Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo vadis? М., 2003. С. 211.

⁵⁷ Там же. С. 212.

⁵⁸ Орлов Б.С. Особенности тоталитарного режима в бывшем Советском Союзе (Дрезден, 2003. Рукопись. 34 с.).

ному Институтом всеобщей истории Российской Академии наук в 1996 г. под руководством Я.С. Драбкина и Н.П. Комоловой сборника «Тоталитаризм в Европе XX века»⁵⁹

Этот сборник стал заметной вехой в отечественной историографии, его авторы выступили с подходами, отсутствовавшими ранее в российской исторической литературе, обобщили концепции, существующие в мировой историографии. В новых российских исследованиях затрагиваются ранее замалчивавшиеся темы, например, социальная политика фашизма – в монографии Л.С. Белоусова⁶⁰. Оригинальными подходами отличались работы, к сожалению, рано ушедшего из жизни историка из Екатеринбурга В.А. Буханова: они объединены его коллегами в посмертно вышедшей книге⁶¹. Активно развиваются исследования феномена тоталитаризма не только в среде историков екатеринбургской школы, для становления которой многое сделал В.И. Михайленко, но и в других региональных университетских центрах – Волгограде, Воронеже, Липецке, Перми, Кемерово и др.⁶²

Как говорил Ф. Бродель, историю постоянно нужно переписывать, она вечно находится в стадии становления и преодоления самой себя⁶³. В минуту предсмертного взлета советской публицистики эпохи «перестройки», накапливавшийся потенциал свободомыслия резко вырвался из-под спуда. По своему ревизионистскому потенциалу он был, вероятно, ничуть не ниже «спора» немецких историков. Это хорошо отражено в работах-размышлениях М.Я. Гефтера и близких ему по духу коллег по историческому цеху, получивших, наконец, в перестроечные годы возможность открыто высказать свои взгляды⁶⁴. Новые подходы российских историков замечены и проанализированы западными коллегами⁶⁵.

⁵⁹ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий движения, режимов и их преодоления. М., 1996.

⁶⁰ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000.

⁶¹ Буханов В.А. Европейская стратегия германского национал-социализма и ее крах. Идеино-политические проблемы. Екатеринбург, 1998.

⁶² См., напр., изданный с участием российских и немецких ученых сборник: Германия и Россия в XX веке: две тоталитарные диктатуры, два пути к демократии. Кемерово, 2001.

⁶³ См. Эмар М. Предисловие к книге Ф. Бродель. "Амбиции истории" // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 91-97.

⁶⁴ Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991; он же. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос. М., 1995; Осмыслить культ Сталина. М., 1989.

⁶⁵ См., напр.: Lami G. Perestrojka: il Vecchio e Nuovo fra gli intellettuali russi. Milano, 1995; Ferretti M. La memoria mutilata. La Russia ricorda. Milano, 1993;

После того как лесной пожар выжег на историографических делянках постсоветской России обширные пустоши, читающая публика вправе ожидать взрастания на них новых концепций, основанных на огромном массиве архивных документов, ставших доступными в 1990-е гг. Однако, активное плодоношение, к сожалению, задерживается. Ведя многолетние поиски документов по теме «Россия, Германия и Италия в XX веке»⁶⁶ в недавно открывшихся центральных российских архивах (о чем ранее, в советские времена историкам, отечественным и зарубежным, приходилось лишь мечтать), могу утверждать, что многие интереснейшие материалы остаются пока мало представленными в исторических трудах. Новые источники требуют немало времени на их обработку и осмысление. Для решения данной задачи нужен комплексный подход, новая методика, аргументированная критика и преодоление прежних, «незыблемых» концепций.

Не хотелось бы, чтобы ожидаемые плоды оказались недозрелыми и похожими по своей несъедобности на то, что предлагается в иных постсоветских государствах, где националистически настроенные идеологи переписывают историю по спецзаказу сверху для преодоления комплекса неполноценности новых экономических и политических «элит». О каких-либо «спорах» при этом, конечно, нет и речи, диссидентам по-советски затыкают рот. Смена парадигм и выход на современный мировой историографический уровень на постсоветском пространстве задержались. Едва ли кому-нибудь приходит в голову, например, построить учебное пособие на принципах микроистории, т.е. истории не государств, а простых людей и их повседневного существования. Это задача, по-видимому, уже другого поколения историков⁶⁷.

То, что где-то там, в Германии совсем недавно разгорелся интереснейший спор о том, надо ли обнажать всю неприглядность недавней национальной истории, мало волнует простого учителя

Idem. Percorsi della memoria. Il caso russo // Passato e presente. Milano, maggio-agosto 2003. P. 17–35.

⁶⁶ Программа такого исследования представлена мною в выступлении на Втором Всероссийском конгрессе политологов (2000 г.): Любин В.П. Россия, Германия, Италия: Три пути развития в XX веке (сравнительный историко-политологический анализ) // Россия. Политические вызовы XXI века. М., 2002. С. 97–101.

⁶⁷ О новых веяниях в изучении тоталитаризма, см., например: Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996; Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. М., 2000; Галактионов Ю.В. Современная российская историография национал-социализма // Россия и Германия в историческом ракурсе. М., 2002. С. 63–75, и т.д.

в странах бывшего СССР. Дай Бог разобраться со своими историческими событиями и не добавлять в и так уже хаотичную картину мира в головах учеников чего-то «ненужного». Немецкий «спор» мало затронул и вузовских преподавателей, да и всех интеллектуалов, за исключением немногих специалистов-историков, знатоков немецкой философии и культуры.

Один из них – А.И.Борозняк – посвятил свою книгу⁶⁸ раскрытию результатов историографических дискуссий в ФРГ, направленных на преодоление нацистского прошлого. Он прослеживает поворотные моменты развития германской историографии нацизма: от стремления в первые послевоенные годы установить причины германской катастрофы, через утверждение в 1950-е гг. постулатов, в какой-то мере оправдывавших нацистский режим, к активному осмыслению в 1980–90-е гг. зла, причиненного этим режимом собственному народу и народам Европы.

Об исключительной полезности данной книги для стимулирования аналогичной дискуссии в России говорится в рецензии М.Б. Корчагиной⁶⁹. Она напоминает, что, когда в 1988 г. появилось интервью М.Я. Гефтера⁷⁰, призвавшего признать Сталина частью отечественной истории и тем самым освободиться от сталинизма, оно вызвало негодование правоверных коммунистов и отчуждение демократов. Позднее, в 1990-е гг., проблема преодоления прошлого затрагивалась в профессиональных дискуссиях совершенно недостаточно, лишь в самом общем виде.

Весьма уместным представляется высказанное в послесловии к книге А.И. Борозняка мнение профессора из Ганновера Х.-Г. Нольте, который предупреждает о вреде иллюзий относительно роли демократических институтов в просвещении и воспитании граждан. Злодеяния прошлого могут долго замалчиваться общественным мнением, стремление же переломить господствующую, освященную авторитетом власти, тенденцию, требует от историка личного мужества и готовности ради истины рисковать карьерой и благополучием. Людьями с ослабленной или искаженной исторической памятью управлять гораздо проще. Все это и заставило Борозняка обобщить различные повороты дискуссии сторонников

⁶⁸ Борозняк А.И. Искупление. Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого? М., 1999.

⁶⁹ Корчагина М.Б. Преодоление прошлого в России: возможности и перспективы // Полития. М., Зима 2000–2001, № 4. С. 198–202. См. также: Мягков Г.П., Максимова А.Б. Ценное исследование «опыта опомнившихся» // Диалог со временем. М., 2002. Вып. 9. С. 355–361.

⁷⁰ Гефтер М.Я. Сталин умер вчера // Из тех и этих лет... С. 235–264.

консервативно-охранительного и критического подходов к истории национал-социализма как важного фактора в процессе формирования общественного сознания в ФРГ, где сегодня из прорастающей травы забвения исторической памяти грозит холодное дыхание «нового национализма».

Поразмыслить над этим призывает и М. Печерский⁷¹. Именно для этого он обратился к дебатам немецких интеллектуалов – не только историков, а всех тех, кто осмысливает уроки истории для будущего, кому «проклятые вопросы» не дают покоя. Отметим, что тогдашние искания немецких коллег совпали во времени с ревизией советской истории в эпоху «перестройки». Это может вызвать соблазн утверждать, что процессы интеллектуальной жизни двух стран отличаются параллелизмом. Но нельзя забывать, что лишенная необходимой внутренней свободы российская историография не знала таких оздоровительных кризисных встрясок, как полемика 60-х гг. вокруг книги Фрица Фишера, «спора» историков середины 80-х и новой дискуссии после воссоединения Германии, маркирующих вехи последних десятилетий в германской историографии. В застрявшей на перекрестке между авторитаризмом и демократией современной России⁷² такие дебаты о собственном прошлом в XX веке поистине необходимы, именно они могут помочь в окончательном выборе пути демократического развития.

4. Ревизионизм в Италии

По-другому, чем в Германии, складывается ситуация в Италии, где историографическая ревизия идет полным ходом. Италия была первой страной, где еще в 1922 г. фашизм пришел к власти. При этом фашистами, не только по самоназванию, но и по присутствию им «родовым» характеристикам, т.е. лишь на словах борцами с капитализмом, а на деле устраивавшими нападения на своих бывших товарищей по социалистической партии, Муссолини и его сторонники стали еще до вступления страны в Первую мировую войну. Об этом имеется немало свидетельств в архивах⁷³.

⁷¹ Печерский М. Спор немецких историков: между памятью, прошлым и историей // Интеллектуальный форум. Международный журнал. М., 2000. № 3. С. 27–61. См. также: Черкасов Н.С. ФРГ: Спор историков продолжается? // Новая и новейшая история. М., 1990. № 1.

⁷² Подробнее см.: Ljubin V.P. Autoritarismus oder Demokratie. Zur politischen Kultur im heutigen Russland // Osteuropa. Aachen, 2002, N. 2. S. 180-200.

⁷³ Подтверждения бурной деятельности фашистов и Центрального Комитета фашистского движения, начиная с периода итальянского нейтралитета 1914–1915 гг., не раз встречались мне среди материалов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Тогда правда, фашисты считали себя «пролетариями, социалистами, революционерами».

В отличавшейся ранее сильным марксистским течением итальянской историографии само понятие антифашизм, на основе которого и строился национальный послевоенный консенсус, теряет свою прежнюю значимость. Этому способствует и очень сходная с нынешней российской неразбериха в умах итальянцев, переживающих затянувшийся период перехода от послевоенной Первой ко Второй республике. Политическая культура, основанная на антифашизме как объединяющем начале всех конституционных политических сил, претерпевает видимые перемены. Об этом еще раз свидетельствует победа на парламентских выборах мая 2001 г. блока правых (во главе с медиамагнатом С. Берлускони), включающих в себя и бывших неофашистов из «Национального альянса» под руководством Дж. Фини.

Ревизионистские тенденции в итальянской историографии тоталитаризма и изучение феномена в России стали предметом обсуждения на прошедшей в Венеции встрече итальянских и российских историков, организованной известным специалистом по русской литературе и истории В. Страда. В предисловии к сборнику материалов конференции итальянских и российских ученых он напоминает, что впервые прилагательное «тоталитарный» применил в 1923 г. либерал-демократ Джованни Амэндола в отношении рождавшегося фашистского режима. Далее оно было использовано основателем фашизма Б. Муссолини в речи 1925 г. не в том негативном смысле, которое ему придавалось при его изобретении, т.е. как «нелиберальный» и «антидемократический», а в положительном смысле – как потребность страны, по словам Муссолини, в «жесточкой тоталитарной воле» фашизма, т.е. как проект и программа нового типа абсолютной власти партии и «ее» государства⁷⁴. В выступлениях на конференции итальянских и российских ученых речь шла о сущности тоталитарных режимов и возможности их сравнения. Оценивая результаты встречи, тот же Страда подчеркнул, что выступления ее участников способствуют новому осмыслению сложного понятия «тоталитаризм» и еще более сложной действительности, которая им характеризуется⁷⁵.

Новый, ревизионистский подход предложил еще Ренцо Де Феличе. Он известен как автор многотомной биографии дуче, доказывавший, что исторические пути итальянского фашизма и национал-социализма разошлись с момента их зарождения. В предисловии к первому тому («Муссолини – революционер, 1883–1920») Де

⁷⁴ Strada V. Prefazione // Totalitarismo e totalitarismi. A cura di Vittorio Strada. Venezia, 2003. P. VII.

⁷⁵ Ibid. P. XI.

Феличе заявлял о необходимости изучения той Италии, в которой итальянцы «сделались фашистами, не перестав от этого быть итальянцами»⁷⁶. Итогом многолетних исследований Де Феличе стал вывод: отсутствие массовых репрессий, относительная мягкость и терпимость к политическим противникам, а также такая «системообразующая» черта итальянского фашистского режима, как достигнутый в обществе консенсус, позволяют назвать его «незавершенным тоталитаризмом»⁷⁷. Автор подчеркивал, что его многоотомный труд – это биография Муссолини, а не история фашизма или Италии при фашизме⁷⁸. Таких историй к тому времени было создано уже достаточно⁷⁹. Но труды Де Феличе обращали на себя внимание новизной подходов, и его концепция⁸⁰ стала предметом горячих споров в итальянских научных и общественно-политических кругах.

В отличие от историков марксистского направления Де Феличе не связывал вопрос происхождения и прихода к власти фашизма с особенностями развития итальянского капитализма, а сосредоточил внимание на психологии и духовном состоянии масс, с которыми связал появление феномена фашизма. Его подход к явлению массовизации общества, которое вело к развитию в сторону тоталитаризма, и утверждение о революционности фашистского движения, в этом смысле близки к концепциям, выдвинутым Э. Нольте и Дж. Моссе. Носителями фашистских тенденций он считает средние слои, прежде всего мелкую буржуазию, а также часть рабочего класса⁸¹. Укрепление фашизма и захват им власти произошли благодаря тому, что фашистам удалось создать массовую базу и опереться на нее⁸².

⁷⁶ De Felice R. Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920. Torino, 1965. P. XXX.

⁷⁷ Белоусов Л. С. Указ. соч. С. 351.

⁷⁸ De Felice R. Mussolini il fascista. Vol. II. L'organizzazione dello stato totalitario, 1925–1929. Torino, 1965. P. IX.

⁷⁹ См.: Alatri P. Le origini del fascismo. 4-a ed. Roma, 1963; Tasca A. Nascita e l'avvento del fascismo. Vol. 1–2. Bari, 1965; Fascismo e antifascismo: 1918–1948. Lezioni e testimonianze. Milano, 1962; Santarelli E. Origini del fascismo. Urbino, 1963; *idem*. Fascismo e antifascismo. Roma, 1974; *idem*. Storia del fascismo. Vol. 1–2. Roma, 1981; Togliatti P. Lezioni sul fascismo. Roma, 1970; Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Torino, 1964; Tranfaglia N. Dallo stato liberale al regime fascista. Milano, 1973; Ragionieri E. La storia politica e sociale // Storia d'Italia. Vol. IV. Dall'Unità a oggi. T. 3. Torino, 1976; Salvadori M. Storia d'Italia e crisi del regime. Saggio sulla politica italiana 1861–1996. Bologna, 1996; Romano S. Finis Italiae. Milano, 1996; etc.

⁸⁰ De Felice R. Intervista sul fascismo. A cura di M.A. Ledeen. Roma-Bari, 1975.

⁸¹ De Felice R. Interpretazioni del fascismo. Roma-Bari, 1977. P. 104–105.

⁸² Михайленко В. И. История итальянского фашизма в исследованиях Р. Де Феличе // Проблемы итальянской истории. М., 1987. С. 258.

Незадолго до своей кончины 25 мая 1996 г. Ренцо Де Феличе, оценивая ревизионизм современных немецких историков, от Э. Нольте до А. Хилльгрубера, констатировал: «если и существует “немецкий” ревизионизм, понимаемый как комплекс реинтерпретации идеологической истории XX века, то итальянского ревизионизма не существует. В реконструкции [итальянскими историками – В.Л.] фашизма нет ничего ревизионистского»⁸³. Хотя, как подчеркнул Де Феличе в последней книге-интервью «Красное и черное»⁸⁴, «по своей природе историк не может не быть ревизионистом, так как его работа отталкивается от того, что было достигнуто его предшественниками, и он пытается углубить, исправить, прояснить собственную реконструкцию фактов»⁸⁵.

В разделе «Фантазмы прошлого», помещенном в одной из многочисленных, созданных современными итальянскими историками многотомных историй Италии, П. Баттиста напоминает, что дефеличеанское «Интервью о фашизме» 1975 г. вызвало бурю возмущения. Вместе с тем на сторону Де Феличе встали некоторые коллеги по историческому цеху, такие известные ученые, как историк либеральных взглядов Розарио Ромео, историк-социалист П. Мелограни и др. Историки антифашистского лагеря, в первую очередь близкие к ИКП Г. Куацца, Э. Коллотти, Э. Раджоньери, Э. Сантарелли, К. Павоне, Дж. Ваккарино, обвиняли де Феличе в том, что занятые им позиции объективно заставляют его скатываться в сторону восхваления фашизма⁸⁶.

В острую полемику с Де Феличе вступил крупнейший современный итальянский мыслитель и политик Норберто Боббио⁸⁷. Будучи участником Сопротивления, он разошелся с историком прежде всего в оценке событий 1943–45 гг. и антифашизма в целом, признавая его огромное позитивное значение для развития страны, тогда как Де Феличе призывал оценивать движение Освобождения и последний оплот фашизма – Республику Сало – без манихейских подходов, свойственных тем, кто привык делить всех на левых и правых. Он утверждал: «Нельзя признавать такую интерпретацию

⁸³ Bobbio N., De Felice R., Rusconi G.E. Italiani, amici nemici. Milano, 1996. P. 8.

⁸⁴ De Felice R. Rosso e nero / A cura di P. Chessa. Roma, 1995.

⁸⁵ Цит. по: Bobbio N. Il revisionismo nella storia d'Italia // Bobbio N., De Felice R., Rusconi G.E. Op. cit. P. 55.

⁸⁶ Battista P. I fantasmi del passato // Storia d'Italia. Vol. 6. L'Italia contemporanea. Dal 1963 a oggi. Roma-Bari, 1999. P. 473.

⁸⁷ О его концепциях см., напр.: Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. М., 1991; Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. М., 1992. № 8. С. 158–172.

истории, согласно которой за исключением фашистов все другие не несут никакой ответственности за нацизм. За него несут ответственность и англичане, и французы, и Советский Союз...⁸⁸

Когда Боббио возразил, что все-таки не следует забывать о Сталинграде и Нормандии, Де Феличе ответил, что он ничего не имеет против примера Нормандии, но после Сталинграда Польша, Румыния, Венгрия, Болгария, Чехословакия потеряли свободу и независимость и для них Сталинград означал конец демократии, хотя то же самое произошло бы и в случае немецкой победы в Сталинграде. Если бы Гитлер позволил себя убедить Геббельсу, а не ненавидевшему славян и считавшему, что с ними нельзя иметь дело, Розенбергу, то преимущество получил бы политический проект предоставления автономии и независимости отдельным нациям Советского Союза, восстановления там частной собственности, словом, использования оккупации для подрыва основ сталинской империи⁸⁹. Боббио резко возражал, подчеркивая, что сторонники принижения роли антифашизма в своем антикоммунизме становятся по сути дела на сторону фашистов, и такая интерпретация Де Феличе, резко отличающаяся от интерпретации тех же фактов другими, например Э. Хобсбаумом, заставляет задуматься о том, является ли история научной дисциплиной⁹⁰.

В 2000 г. в Италии развернулась новая дискуссия о типологии тоталитаризма, инициаторами которой стали ученики Де Феличе, издающие журнал "Nuova storia contemporanea" («Новая современная история»). В свое время именно Де Феличе обратил внимание на левые корни итальянского фашизма, что вызвало бурю негодования в антифашистской литературе. Как отмечает его ученик Дж. Парлато, левый фашизм, не был «партией в партии, но являлся структурным течением в рамках фашизма»⁹¹. Это течение собиралось внутри режима реализовать свои радикальные демократические и прогрессистские цели. После краха итальянского фашизма его представители продолжали действовать в Итальянском социальном движении, а часть из них вошла в ИКП.

Принявший участие в новой дискуссии о тоталитаризме историк и дипломат, бывший во времена «перестройки» послом

⁸⁸ Bobbio N., De Felice R., Rusconi G.E. Italiani, amici nemici. Milano 1996. P. 13.

⁸⁹ Ibid. P. 14.

⁹⁰ Ibid. P. 55–60.

⁹¹ Parlato G. La sinistra fascista. Storia di un progetto mancato. Bologna, 2000. P. 14. Основные выступления в этой дискуссии воспроизводятся по материалам, собранным и обработанным В.И. Михайленко. Подробнее см.: Михайленко В.И. Тоталитаризм: Эвристический потенциал научного понятия // Диалог со временем. 2001. Вып. 6. С. 345–363.

Италии в Советском Союзе, С. Романо проанализировал проблемы посттоталитарного развития Германии, Италии и России. Нацизм не нарушил исторически преемственного права собственности, и на этой основе в послевоенный период произошла прививка американской демократии, а становление германского демократического общества, имеющего старые демократические корни, считает Романо. То же происходило и в Италии.

Сходной точки зрения придерживается и бывший канцлер ФРГ Г. Шмидт, опубликовавший в последние годы получившие высокую оценку специалистов книги о будущем Германии и Европы в XXI в. Отвечая на один из вопросов опубликованного в марте 2001 г. интервью, – речь шла о пригодности для нынешней России послевоенного опыта Германии и Италии, – Шмидт подчеркнул, что, «хотя действия Муссолини и Гитлера и привели к глубоким и страшным отклонениям, они лишь прервали долгосрочные процессы развития, и после Второй мировой войны Италия или Германия вовсе не были абсолютной «табулой раз»»⁹².

Возвращаясь к интерпретации тоталитаризма, которую дает Романо, отметим, что он обращает особое внимание на ситуацию, сложившуюся в России в 1990-е гг. Крах советской системы, пишет Романо, создал в современной России законодательный и культурный вакуум, благодатное поле для авантюристов в сфере финансов и экономики. Чтобы распрощаться с коммунистическим тоталитаризмом, недостаточно распустить правящую партию и изменить конституцию, надо создать гражданина-собственника. На Западе так и не поняли, что происшедшее в последние годы в России это последний, неизбежный продукт советского тоталитаризма, заключает Романо. По его мнению, в связи с подавлением советским режимом права собственности этот режим был более тоталитарным, чем нацистский, который, несмотря на множество примеров насилия в отношении частной собственности, все же ее не уничтожил и сохранил тем самым структуру гражданского общества⁹³.

Отвечая Романо, другой историк, Р. Кубедду обратил внимание на то, что и правые, фашистские, и левые, коммунистические, плановые системы вели наступление на индивидуальные права собственности. Поэтому наличие или отсутствие частной собственности – недостаточный критерий для дифференциации данных по-

⁹² Любин В. Гельмут Шмидт: Найдите сами свой путь // Независимая газета. Дипкуррьер. М., 2001. 22 марта. В более полном варианте это интервью см в сборнике: Европа: Смена веков? // Актуальные проблемы Европы. М., 2002. № 1. С. 184–191.

⁹³ Romano S. Totalitarismo, totalitarismi e regimi autoritari // Nuova storia contemporanea. Bologna, 2000. N 3. P. 8.

литических режимов, тем более что все они могли ее жестко контролировать, что нивелирует различия между демократическими, авторитарными и тоталитарными режимами. Возможно, более подходящим критерием для типологизации тоталитарных режимов являются средства, применявшиеся по отношению к инакомыслящим. Но и в этом случае разница между использованием «передовых технологий» в виде газовых камер и «натуральными технологиями» в виде «гулаговских морозильников» не выглядит значительной⁹⁴.

В недавно опубликованной статье известного итальяниста, профессора Боннского университета и одного из бывших руководителей Немецкого исторического института в Риме Рудольфа Лилля «Послефашистская Италия и картины ее истории» проведена систематизация разных подходов. Созданные итальянскими историками «картины» разделены им на три главных направления: левая интерпретация, неофашистская интерпретация и «историзация» фашизма со стороны Р. Де Феличе и историков его школы. Симпатизируя последним, саму историю фашизма Лилль подразделяет на пять этапов, последним из которых стала «попытка радикал-фашистов выжить во время Итальянской социальной республики (1943–1945 гг.) и борьба [антифашистов. – В.Л.] против нее, в ходе которой и возникла борьба вокруг исторических интерпретаций, продолжавшаяся в течение последующих пятидесяти лет⁹⁵. Интересно, что в том же сборнике с характерным названием «Истолкование истории в международном сравнении» имеются главы о старых и новых тенденциях в историографии о тоталитаризме, касающиеся Германии (раздельно ФРГ и бывшей ГДР) и России (их авторами являются соответственно профессор Мюнстерского университета Ханс-Ульрих Тамер, берлинский политолог Клаус Шрёдер и профессор Кельнского университета Герхард Симон)⁹⁶.

Изучение феномена тоталитаризма в настоящее время стало намного более дифференцированным. Бывший итальянский посол в ФРГ А. Инделикато признает, что тоталитаризм стоял на трех столпах: идеологии, карательных органах и экономике. Идеология использует упрощенные псевдонаучные формы, карательные органы в своих действиях руководствуются не законами,

⁹⁴ *Cubeddu R.* Il totalitarismo e suoi nemici. I regimi totalitari e demonizzazione del mercato // *Nuova storia contemporanea*. Bologna, 2000. N 5. P. 32.

⁹⁵ *Lill R.* Das nachfaschistisches Italien und seine Geschichtsbilder // *Geschichts-Deutungen im internationalen Vergleich*. München, 2003. S. 109–119.

⁹⁶ *Thamer H.-U.* Die deutsche Umgang mit der Nationalsozialismus in der Nachkriegszeit; *Schröder K.* Totalitäre Diktatur oder sozialistische Industriegesellschaft; *Simon G.* Russland: Historische Selbstvergewisserung und historische Mythen // *Ibid.* S. 9–21, 23–48, 61–74.

а «высшими интересами» класса, расы или партии, формируя через систему образования и культуры народный консенсус, в экономике режим не допускает неконтролируемой активности. Все эти элементы присущи нацистскому и советскому режимам, и непонятно, почему некоторые историки и политологи отказываются признать однотипность этих режимов, подчеркнул Инделикато⁹⁷.

5. Попытки сравнения трех режимов

Отвечая сторонникам таких сопоставлений, российский историк В.П. Булдаков писал, что исследователи, пытающиеся решить проблему тоталитаризма на основе его внешних данных, разрываются между фактом, теорией и текущими политическим пристрастиями. Связь гитлеризма и сталинизма несомненна – то и другое причудливо преломившиеся через этнонациональную психологию последствия Первой мировой войны, но полагать, как Нольте, что именно сталинизм спровоцировал германский нацизм, нет никаких оснований. Можно допустить, что в основе нацизма лежала социально-параноидальная форма складывания обычного типа нацигосударства из некогда неоправданно разрозненных германских земель и затем несостоявшейся колониальной империи.

Сталинизм, напротив, имел куда более глубокие и архаичные имперско-патерналистские, а не этно-государственные корни. При всей неприглядности общего умопомрачения своего времени, он был воплощением кризисного российского культурогенеза. Представляя весь период советской истории в виде непрерывной борьбы с коммунизмом, подобно тому, как XIX век представляли непрерывной борьбой с самодержавием, ошибочно. Излишняя эмоциональность лишь уводит в сторону от научного анализа советской системы⁹⁸. Тем не менее, как отмечает в том же сборнике Н. Верт, сравнение нацизма и сталинизма занимает центральное место в концепции тоталитаризма⁹⁹. Некоторые авторы упоминавшейся коллективной монографии о тоталитаризме в XX веке прямо сравнивают фашизм, нацизм и большевизм¹⁰⁰.

⁹⁷ Indelicato A. Comunismo e nazionalsocialismo: l'anima totalitaria // Nuova storia contemporanea. Bologna, 2000. N 5. P. 37.

⁹⁸ Булдаков В.П. Эра советской диктатуры в России // Россия и Германия: На пути к анти тоталитарному согласию. М., 2000. С. 105–130.

⁹⁹ Верт Н. Сравнение Гитлера и Сталина сегодня // Там же. С. 169–181.

¹⁰⁰ Totalitarismus im 20. Jahrhundert... Необходимое теоретическое обоснование этому дала еще Х. Арндт. В ее классическом труде содержатся острые наблюдения, предвещающие некоторые важные моменты нынешних дискуссий. – *Arendt H. The Origins of Totalitarianism...* См. также: *Wipermann W. Totalitarismustheorien.* Darmstadt, 1997.

В XX в. судьбы Германии и Советского Союза во многом определяли два человека – Гитлер и Сталин, отмечает У. Лакёр¹⁰¹. Оценивая опыт развития СССР и коммунизма во всей его совокупности уже после распада как внешней, так и внутренней советской империи, Лакёр указывал на то, что в переоценке теперь нуждается не только наследие Маркса и Ленина, но и проблемы социализма и национализма в целом. Почему рухнула советская система, и отчето признаки этого грядущего краха ранее не были замечены? В начале, как и в конце советской истории, большую роль играл случай, такую же роль он сохранит и в будущем, полагает Лакёр.

В противовес Нольте и его сторонникам Лакер заявляет, что вряд ли возможно с уверенностью утверждать, что первопричиной прихода к власти нацизма было существование Советского Союза или же идущей с востока мифологической угрозы коммунистической революции. Напротив, авторитарный националистический режим победил, так как, среди прочего, совместно с Россией противопоставлял себя Западной Европе. Если бы в России установился фашизм, то все повернулось бы совершенно по-другому, однако там взял верх коммунизм. Вторая мировая война была тяжелейшим испытанием для режима, но она же и позволила Сталину мобилизовать патриотическую энергию и чувства против жестоких захватчиков, собиравшихся сокрушить не коммунистический режим, а русскую государственность и обратить русский народ в рабство. Сталинизм лишил страну политических и экономических свобод, альтернативой этому могла стать либо радикализация, либо коллапс. В случае неудачи реформ в посткоммунистической России, подчеркивал Лакер, не исключено, что будущие историки станут рассматривать советское прошлое в более розовом, нежели в настоящее время, свете.

Идея коммунизма не переставала защищать реальное историческое бытие Советского Союза вплоть до момента, когда он попросту прекратил свое существование, увлекши в своем падении и идею, воплощением которой он так долго служил, отмечал французский историк Ф. Фюре¹⁰², выступивший с критикой так называемой классической, разработанной поколениями историков концепции Великой Французской революции. Следует напомнить, что большевиков считали наследниками якобинцев, что обусловило соответствующие подходы к истории Великой Французской революции в советской историографии.

¹⁰¹ См.: Laqueur W. The Dream that Failed. Reflections on the Soviet Union. N.Y.—Oxford, 1994; а также: Лакёр У. Россия и Германия...

¹⁰² Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 558.

Последние годы отличались все большим обращением к исследованиям компаративистского плана. Одним из последних в этом ряду является сборник «Сталинизм и нацизм: Сравнение диктатур». Признавая, что их усилия – «не более чем попытка нащупать пути сравнительного изучения СССР при режиме Сталина и Германии при режиме Гитлера», составители сборника заключают, что «всеохватывающее сравнение двух режимов пока невозможно»¹⁰³. Во время «спора историков» в ФРГ утверждалось, что расистский геноцид был реакцией нацистов на большевистский «классовый геноцид», и тем самым первоначальная вина возлагалась на Советский Союз. Но антибольшевизм был взят Гитлером на вооружение позднее, чем антисемитизм. Защитники сталинизма в России напоминают, что нельзя отрицать его колоссальных достижений, и в первую очередь победы над нацизмом, спасшей человечество от рабства. В Германии же пытаются спасти свое историческое прошлое, выводя Гитлера за скобки истории как aberrацию, объяснимую ввиду необходимости противостоять злу советского коммунизма, тогда как в России готовы реабилитировать Сталина.

Германия и страны-наследники СССР имеют общую проблему – рассчитаться со своим прошлым. В ФРГ до сих пор в ходу изобретенное после войны понятие – *Vergangenheitsbewältigung* (преодоление прошлого), хотя скорее можно говорить не о преодолении прошлого, а всего лишь о его рациональном осмыслении. Смотреть в лицо советскому прошлому – такая же проблема, хотя она была поставлена только с началом горбачевской эры. Переоценка советского прошлого происходит в сжатые сроки и во многом идеологически прямолинейна, в то время как в Германии расчет с нацистским прошлым не прекращается уже полстолетия. В советском прошлом удастся обнаружить и нечто положительное, тогда как в Германии никто не пытается обнаружить в нацизме положительные элементы.

В нынешней России нет точного соответствия дебатам об «особом» немецком пути. Но нечто похожее слышится при обсуждении социальной, экономической, культурной и политической модернизации в предреволюционной России. Эта тематика актуализировалась: в процессе поисков корней сталинизма, исследователи обратились к отсталости России. Как приглушенное эхо немецких дебатов об «историзации», в теории модернизации сталинизм представляется исторически объяснимым и как бы «нормальным».

¹⁰³ *Stalinism and Nazism: Dictatorship in Comparison* / Ed. I. Kershov, M. Levin. Cambridge, 1997. Рус. перевод: Коммунизм и национал-социализм: Сравнительный анализ // Политическая наука. М., 2000. № 1. С. 30.

Недавняя переоценка прошлого в странах-наследницах СССР привлекла внимание к темам, близким к «спору историков» в Германии, отмечает М. Фон Хаген. Это привело к оживлению концепции «тоталитаризма». Но эмпирическая основа для изучения сталинизма еще недостаточна в сравнении с множеством подробных монографий о нацизме. Национальный шовинизм, ксенофобия и антисемитизм стали общими местами новой крайне антисоветской, а за пределами России и антирусской, интерпретации истории. Но теперь существует множество интерпретаций, и постсоветские историки работают с международным научным сообществом. Если атмосфера культурного плюрализма сохранится, то историки сумеют предложить интересную программу исследований советского прошлого¹⁰⁴.

Остается лишь присоединиться к подобным пожеланиям. Собственно говоря, именно к этому и призывали многие российские историки, и в их числе М.Я. Гефтер и представители его школы, в годы «перестройки». Полноценная дискуссия о преодолении тупиков прошлого и избавлении общества от увечий антигуманного XX века должна быть продолжена.

¹⁰⁴ Хаген М. фон. Сталинизм в свете постоянной исторической рефлексии // Там же. С. 27–28.

Е.Е. Савицкий

**УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ПРОШЛОГО И
ЧУВСТВО СВОБОДЫ В ИСТОРИОГРАФИИ 1990-х гг.**

***К предыстории вопроса:
свободное наслаждение прошлым***

Если спросить историка, в чем причина его занятий историей, то ответом будет: «Потому, что это мне нравится». Такого рода по-человечески банальные высказывания можно услышать от самых выдающихся из наших коллег. Возьмем, например, недавно изданный том бесед Натали Земон Дэвис с Дени Крузе: он открывается темой «подлинного удовольствия» («un vrai plaisir»), которое испытывает историк при запоминании фактов, что переводится Крузе в более традиционный вопрос об «увлеченности» («fascination», «émerveillement») историей, событиями и фактами. Такой ход беседы неизбежно приводит к вопросу о том, почему именно Франция стала источником доставляемого удовольствия, на что Дэвис отвечает, что она просто знала французский...¹

Это получение удовольствия от занятий наукой кажется настолько естественным, подлинным и легитимным, что в наше время ученые без всякого стеснения выходят на митинги требовать повышения зарплат под лозунгами «Хотим заниматься любимым делом». В тех странах, где высокоинтеллектуальные члены правительства начинают интересоваться, за что же именно следует платить, к примеру, историкам, придумываются самые невероятные объяснения, вроде взаимного обогащения медиевистики и нейрофизиологии – версия, крайне популярная сегодня среди наших немецких коллег.

Вопрос о наслаждении, однако, интересует меня здесь не в смысле того, как лучше обосновать финансирование. Такая постановка вопроса изначально предполагала бы, что с самим получением удовольствия, с этим подлинно глубоким чувством, все в порядке, с ним ничего не надо делать, нужно лишь позаботиться о более комфортных условиях на будущее.

Речь здесь не пойдет и о разнообразных психологических и психоаналитических объяснениях этого «подлинно глубокого чув-

¹ *Davis N.Z. L'histoire tout feu tout flamme: Entretiens avec Denis Crouzet. Paris, 2004. P. 7-11.*

ства». Независимо от того, насколько такие объяснения убедительны, все они предполагают, что историк и не может в сущности ничего больше, как извращенно наслаждаться. При этом в условиях всеобщей психологической травмированности (в крайнем случае от отсутствия собственной травмы) невротическая работа историка оказывается ничем не хуже любой другой. В конечном счете, психологи так же искренне верят в фундаментальную роль получения удовольствия, в его глубоко личностный характер, как и сами историки.

Причина психотерапевтического интереса к историкам – явная бессознательность их удовольствия. «Это мне нравится» или «я люблю историю» избавляет от необходимости какого-либо сложного риторического обоснования собственной работы, позволяет не думать, закрывает вопрос о сути того, что делает историк. «Причины любви» – это пошло. Но именно такого рода темное, непрозрачное основание историографии неизбежно порождает домыслы и подозрения.

Воспитанная в семье и школе любовь к истории воспринимается изначально как нечто хорошее, заслуживающее поощрения. Отдельный вопрос – любовь к какого рода истории прививается, какой эстетический вкус и т.п. она подразумевает, и насколько все это действительно заслуживает поощрения. Меня же здесь интересует само это чувство, по отношению к которому любовная эстетика уже вторична.

Важно отметить, что наслаждение историков собственной работой – сравнительно недавнее явление. Как пишет, например, Мишель Пастуро в своей статье «История в цвете»², за историком не всегда признавалось право получать удовольствие. По его словам, еще недавно считалось неприличным признаваться в том, что главной причиной научных исследований является доставляемое ими наслаждение. Социальные задачи истории, серьезность ее источников, строгость метода и стремление к научности требовали от исследователя проявлять холодность и сдержанность в отношении его научных занятий, в выборе проблем и источников. Иное поведение, вспоминает Пастуро, рассматривалось как бесчестное и недостойное, и это было преобладающим мнением не только внутри французской историографии.

Примечательно, что Пастуро исходит при этом из убеждения, что само наслаждение, стремление к нему, существовало всегда, оно лишь подавлялось, как и многие другие желания в унаследо-

² Pastoreau M. L'histoire en couleurs // L'ogre historien: Autour de Jaques Le Goff / Sous la dir. de J. Revel et J.-C. Schmitt. P., 1998. P. 127-130.

ванной от XIX века культуре. Историк только (повтор) не осмеливался «признаваться» в своих тайных удовольствиях. Такого рода точка зрения находит поддержку в эпистемологическом взгляде на становление историографии.

Как известно, «позитивистам» исследователь виделся недостаточно бесчувственным, слишком человечным. Серьезность и строгость исторического или филологического анализа не допускали страстных оценок и развлечения историями дам. Научная историография противопоставляла себя романтикам-любителям, с их зачарованностью веками родной истории или странностью, чуждостью, экзотичностью дальних стран.

Разочаровавшаяся в позитивизме культурная история делает с чувствами историка то же, что и вообще с его субъективностью, а именно превращает их из неизживаемого недостатка в преимущество, и более того, в важный критерий исторической работы. Подобно тому, как исследовательская субъективность теперь позволяет создавать все новые образы прошлого, обогащая его картину в целом и служа основой методологического плюрализма, так же и удовольствие от истории позволяет сделать ее более красочной, более демократичной.

Так, например, историки литературы подверглись критике за то, что занимаются сложившимся каноном шедевров «серьезной литературы» и игнорируют литературные предпочтения людей прошлого – то, что им нравилось³. Источники этих удовольствий были, однако, в прошлом не более высоки, чем в наше время – вопреки тому, что думают историки, замкнувшиеся в собственных представлениях о литературности, столь же историчных, как и всякие иные представления. Причины такого игнорирования культуры прошлого, ее особенности, виделись, среди прочего, в существующей академической культуре, в использовании историками и литературоведами наукообразного языка, не доставляющего никакого удовольствия читателю. Научные работы оказываются скучны и предназначены для прочтения двумя-тремя специалистами в той же области, что ведет к замкнутости академической жизни, ее неспособности расширить поле своих интересов. Идеал

³ Подобная критика имеет своим истоком «эстетику восприятия» («рецепции»), которая восходит к феноменологическому литературоведению и его критике (Ингарден, Водичка), и в первую очередь это немецкая «констанцская школа» (Яусс, Изер). Но я здесь имею в виду, прежде всего, банализацию этого подхода историками, примером которой могли бы быть работы Р. Дарнтона. *Darnton R. The Kiss of Lamourette: Reflections in Cultural History. L., N.Y., 1990; idem. Forbidden Bestsellers in the Pre-Revolutionary France. N.Y., 1997.*

строгой и серьезной научности препятствует собственному осуществлению, ибо он закрывает глаза исследователя на то, что кажется несерьезным, легкомысленным, поверхностным, не заслуживающим исследования. Выход из этого положения виделся в приближении историографии к условиям рыночной экономики, в написании таких историй, которые были бы столь же легкими и приятными для чтения, сколь и научно обоснованными. В целом нарративизация истории стала одной из главных тем в западных дискуссиях о репрезентации прошлого в 1980-е гг., в которых несколько позднее приняли участие и российские историки⁴.

М. Пастуро убежденно пишет о том, что ситуация с получением удовольствий в современной историографии изменилась благодаря энтузиазму и харизме Жака Ле Гоффа, многосторонние интересы которого демонстрировали возможность получения знаний о прошлом из таких текстов, которые раньше не рассматривались как серьезные источники. Именно у Ле Гоффа Пастуро нашел поддержку своему желанию заниматься средневековой геральдикой и подтверждение того, что историк может в своей работе «легитимно и плодотворно испытывать удовольствие» – «удовольствие праведное, здоровое, креативное и оживляющее»⁵.

Здесь можно было бы задаться вопросом: почему геральдика, «история чистилища», «время торговца» или частная жизнь XII века должны доставлять нам удовольствие? В чем природа этого удовольствия, понимаемого Пастуро как исключительно подлинное и истонное, нуждающееся лишь в освобождении? Но эти вопросы все же второстепенны по отношению к проблемам другого рода.

Пастуро явно преувеличивает значение гурмана – Ле Гоффа, хотя передовой в XX веке французской историографии, возможно, было не обойтись без его пробивной силы. Как известно, свободное получение удовольствий было одной из основных тем «1968 года» – о *plaisir* и *jouissance* тогда писали все: и психоана-

⁴ При этом возникает соблазн задаться вопросом: не потому ли эта нарративизация историографии нашла поддержку среди российских историков, что превращение литературного китча в проводник элитарных идей, рассматривавшееся на Западе в качестве идеала сочетания «серьезности» и «доступности», уже давно было реализовано в искусстве социалистического реализма, на котором был натренирован взгляд многих поколений советских людей? Во всяком случае, примечательно, что историки, освобождающиеся от засилья тяжелого «научнообразного» языка в пользу более «обыденного», как правило, начинают писать языком канонизированной в соцреализме литературы XIX века. К сожалению, язык постсоветской историографии исследован еще крайне недостаточно.

⁵ *Pastoureau M. Op. cit. P. 128.*

литики, и литературоведы, и философы, и историки, и художники с искусствоведами, а их читатели и студенты воплощали идеи в жизнь. Я не уверен, что в вопросе легитимации удовольствия историка все можно сводить к «духу 1968 года», к освобождению удовольствий, становлению общества потребления и т.п., но в целом у этих процессов, как кажется, много общего.

Ситуация в СССР, как известно, отличалась от той, что была на Западе. Тем не менее, надо заметить, что оппозиционный дискурс, несмотря на всю свою моралистичность, в конечном счете диктовался гедонизмом. Двигателем оппозиционной культуры было недовольство социалистической скудостью, серостью, узостью, зажатостью, то есть дефицитом возможности потреблять эксцесс, желание. Этот дефицит, имея лишь ограниченные возможности реальной компенсации, находил ее в символических формах желания, эксцесса и потребления, которыми в равной мере были и восточное христианство, и эротика, и средневековая культура, и буддизм, и античная эстетика, и многое другое. Все это доставляло удовольствие в той мере, в какой олицетворяло собой бесконечное желание, подавляемое советской системой. Для поддерживающего Перестройку историка признаком подлинно демократического общества оказывается свобода от идеологического насилия и зашоренности, возможность изучать прошлое так, как это действительно хочется.

Возможно, именно наступлением демократии и реальным удовлетворением желаний в свободной рыночной экономике объясняется то, как символически слабо выражено желание у современных аспирантов: это вялое «желание по-привычке», переданное им научными руководителями, чей гедонизм выглядит уже так, как некогда для них самих выглядела строгость более старшего поколения. Здесь, правда, следует заметить, что, несмотря на все освобождение желаний, редкий аспирант решится все-таки искренне написать во введении к диссертации, что целью данной работы было доставление удовольствия себе и оппонентам. Там скорее будет формально стоять что-нибудь про неизученность и новые подходы. Освобождение касается не всех.

Вообще, странным образом, о живой увлеченности наших коллег историей узнаешь обычно из их некрологов. Именно этот жанр заставляет говорить о подлинно эссенциальном, без лукавства про источники и методы, об историке как личности.

Это лишний раз подчеркивает, что утверждение права на удовольствие было связано с освобождением в смысле либерального частного пространства, внутреннего мира человека. Но кто воспринимает еще сегодня это личностное наслаждение как освобож-

дающее? И не оказалось ли, что идеал частной жизни означает прежде всего возведение стены вокруг собственного пространства? И кто теперь верит в деполитизированность этого частного пространства и возводимой вокруг него стены, в его «собственность», или в «легитимность» этой собственности? При этом, не являлось ли изначально подобное строгое разделение своего и чужого пространств, пространств живого и мертвого, конститутивной операцией историографии, как на это указывал Мишель де Серто?

Но что означало бы восстановление живого присутствия прошлого, возможность его возвращения, о которой пишет Серто?

К формулировке проблемы: о горьких слезах историка

Примечательно, что торжество в 1960-1980-е гг. любви к занятиям историей, наслаждения ею, легитимация этого желания и превращение его в общее место, хронологически совпало с распространением другого топоса, а именно с констатацией отсутствия у современного историка действительной эмоциональной затронутости прошлым.

Так, например, Пьер Нора пишет во введении к первому тому «Мест памяти» о том, что «мы потому столь много говорим о памяти, что ее больше не существует»⁶. История ускоряется, все быстрее отправляя настоящее в мертвое прошлое, заставляя воспринимать недавний мир как исчезнувший, разрушая то, что тепло традиции еще сохраняло как часть нашей жизни. С этим особым моментом нашей истории и связан интерес к тем местам, где память кристаллизуется и находит себе убежище. Настоящее определяется Нора как поворотный момент, когда осознание разрыва с прошлым смешивается с ощущением разрываемой памяти, и когда, одновременно, это разрывание еще может пробуждать достаточно воспоминаний, чтобы ставить проблему их живого присутствия.

Подобным образом видит современную ситуацию (десять лет спустя после П. Нора, в 1994 г.) и Рейнхард Козеллек. Как он пишет, в исторической науке нашего времени больше нет места моральной затронутости, приписыванию вины или оправдыванию. Хотя современная историография и позволяет, возможно, узнать больше и сделать картину прошлого более объективной, современные техники работы с прошлым утрачивают политически-экзистенциальное значение, они становятся бесцветными, служа разработке единичных узких научных вопросов. Как следствие, живой опыт истории сменяется ее научным изучением, и этот

⁶ Nora P. Entre Mémoire et Histoire: La problématique des lieux // Les lieux de memoire / Sous la dir. de P. Nora. Vol. 1. P., 1997. P. 23. (Quarto).

процесс *онаучивания* означает для Козеллека утрату и самого прошлого, его забывание: история должна умереть в головах и сердцах, затронутых ею, прежде чем «возродиться», подобно фениксу из пепла, в качестве науки. До тех пор, пока существуют затронутые историей люди, а соответственно и их частные переживания и требования, строго научная перспектива исследования подвергается опасности искажения. Как пишет Козеллек, научность историографии и ее объективность есть, следовательно, не только вопрос метода и критического стандарта исследовательской работы – она еще и умерщвление, отмирание, притупление страданий и чувства личной затронутости⁷.

Козеллеку можно было бы возразить: а как же, к примеру, история Холокоста, имеющая столь сильное моральное значение, особенно для германских историков, что многие из них до сих пор не могут говорить о ней без слез⁸? Но не является ли как раз эта история примером того, что мораль и связанное с ней эмоциональное переживание, чувство личной затронутости выступают прежде всего как требование, как привносимое извне чувство вины и ответственности, как (внутреннее, или, скорее, интериоризированное) принуждение к памяти, в какой-то мере как банальная «политическая корректность», но не как подлинно живая затронутость? Чтобы увидеть это, было бы достаточно противопоставить институционализированные формы мемориализации Второй мировой войны и отношение к ней бывших солдат или узников, лишенное чувства ненависти к бывшим врагам, далекое от сведения смысла всей их жизни к этому времени⁹.

Как бы то ни было, подобной актуальности уже нельзя ожидать от средневековой истории, особенно не «своей собственной» (переписывание «древнерусской» истории на Украине еще может кого-то затронуть). Алейда Ассман в своей книге о «Пространствах памяти» с удивлением пишет о способности сербов до сих пор живо воспринимать историю, связанную с битвой на Косовом поле, как свою собственную, как затрагивающую их лично. По ее словам, невозможно представить себе, чтобы французы подоб-

⁷ Koselleck R. Nachwort // Beradt C. Das Dritte Reich des Traums. Frankfurt a. M., 1994. S. 117-132.

⁸ «Чем дальше мы удаляемся от Холокоста, тем ближе подступает к нам это событие и воспоминание о совершенном преступлении». Reisch L. Geleitwort // Holocaust. Die Grenzen des Verstehens: Eine Debatte über die Besetzung der Geschichte / Hg. v. H. Loewy. Reinbek, 1992. S. 7.

⁹ См. об этом, например: Novick P. The Holocaust in American Life. N.Y., Boston, 1999. P. 67 ff.

ным образом воспринимали сражения времени Столетней войны...¹⁰ Если история и вызывает моральную затронутость, то скорее вопреки профессиональным правилам историографии и демократическим нормам академического сообщества в целом, подразумевающим отстраненную «предметность» дискуссий, недопустимостью «перехода на личности».

Читая эту и ей подобную критику современного исторического «наслаждения мертвым любимым» (как сказал бы психоаналитик), важно не поддаться ложному противопоставлению живого морального сочувствия и циничного аморализма (который часто ассоциируется с послевоенной потребительской культурой наслаждения¹¹). Еще Лакан некогда писал о том, что современные призывы наслаждаться имеют ровно ту же функцию, что и сексуальные запреты во времена наших бабушек...

В дискуссиях об эмоциональном отношении к прошлому в историографии 1990-х годов меня интересует как раз то, в какой мере она выходит за рамки этого противопоставления. Этот вопрос связан с более общим: для чего может быть нужна историография, чем еще она может быть, кроме как тартюфовским превознесением познавательной ценности источников или же открыто-циничным «просто наслаждением» ими?

Насильственное возвращение ненавистного прошлого

Говоря здесь об историографии 1990-х годов, я имею в виду главным образом лучше известные мне исследования по западноевропейскому Средневековью, определяемые как «новый медиэвализм». Хотя эти исследования, насколько я могу судить, не являются чем-то исключительным, я не стремился к какому-либо сопоставлению и выявлению действительно общей картины: количество приверженцев тех или иных взглядов, их репрезентативность для целого, кажется мне критерием, еще менее применимым в истории идей, чем в какой-либо иной области.

¹⁰ Assman A. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München, 1999.

¹¹ О равной непривлекательности морального догматизма и боровшегося с ним циничного свободомыслия 1960-х гг. писал Жиль Липовецки. С некоторой натяжкой можно сказать, что это противопоставление воплощает собой сегодня более общую глобальную альтернативу между «тоталитарной» китайской моделью, с расстрелами за взяточничество, и «демократической» вестернизацией, с ее «вседозволенностью». Ошибка Липовецкого в том, что он пытается найти решение проблемы внутри демократической традиции, путем примирения «практического разума» и «озабоченности долгом», поиска согласия между ними. См.: Lipovetsky G. Le crépuscule du devoir: L'éthique indolore des nouveaux temps démocratiques. P., 1992.

Вернусь для начала к генеалогии историографии. Вопрос об эмоциональной привязанности к прошлому указывает на то, что эта генеалогия может быть выстроена и на иных, нежели эпистемологических, основаниях. Можно согласиться с Пастуро в том, что история действительно никогда не была свободна от чувств, но было бы ошибкой рассматривать эти чувства как нечто психологическое, глубинно-личностное, как неотъемлемую часть «просто человеческого» существования, «голой жизни», как сказал бы Агамбен.

Романтическая любовь к прошлому, к родному (истории «отечества»), руководившая историком по крайней мере с начала XIX века, так же как и общегуманистическая, но столь же романтическая, любовь к иному, далекому, экзотичному, оказываются схожи в своих предпосылках, которые Э. Саид в «Ориентализме» описывал следующим образом: «чем более некто способен покинуть родной дом, тем более он способен к суждениям о нем, равно как о мире в целом, с духовным отстранением и великодушием, необходимым для истинного взгляда на вещи»¹². В такого рода романтизации иной культуры Саид справедливо усматривает истоки современного колониализма (и т.н. «постколониализма»), в том числе исторического.

Строгая профессиональная историография также возникает во второй половине XIX века не просто из утверждения идеала беспристрастного исследователя, а из бурной антиромантической полемики. По крайней мере во Франции историки времен Третьей республики занимались средневековой историей не потому, что они любили это время, а ровно наоборот, из нелюбви к нему, из желания освободить свое время от его пережитков (клерикализма и т.п.). К середине XX века пыл этого противостояния уже давно угас, и потому строгость старших коллег воспринимается Пастуро просто как интеллектуальная косность, неспособность к удовольствию от исследовательских занятий¹³.

Эта старая антиромантическая полемика XIX века реактуализируется в историографии 1990-х гг. – например, в связи с образом Гастона Пари (Gaston Paris), одного из основателей романской филологии во Франции, для которого борьба с романтизмом имела еще и личный аспект противостояния с собственным отцом, Поленом Пари (Paulin Paris), которого он в 1872 г. сменил на

¹² Said E. *Orientalism*. N.Y., 1979. P. 259.

¹³ Столь же анекдотически, как рассказы Пастуро, звучат, например, воспоминания о старых профессорах славистики, уже на первом занятии указывавших на дверь тем из своих студентов, кто любит казачий хор, блины, русскую словесность и т.п.

кафедре в Коллеж де Франс. Интерес историков и филологов к такого рода сменам поколений, как и вообще использование метафоры (именно метафоры) «эдипального противостояния» для описания собственных интеллектуальных биографий, собственно-го отношения к более старшим коллегам и их образам прошлого, крайне примечательны. «Эдипальное насилие» – не мирная полемика, не деловое и беспристрастное подправление прошлых достижений, а стремление к их уничтожению, вспышка ненависти и насилия, которая изначально не имеет никакого позитивного смысла или рационального объяснения, и лишь впоследствии может обретать форму некой антитеории.

Эта изначальная, «априорная», «дикая» ненависть интересует меня в двух отношениях. Во-первых, в связи с тем, как она изменяет содержание исторических исследований, а во-вторых – какие формы инновации она предполагает, как видятся историкам в 1990-е годы «научные революции». Вопрос о такого рода революциях, об их возможности, имеет при этом не только сугубо академическое, но и более широкое значение.

Что касается первого вопроса, то в свое время много говорилось о том, что историографию 1990-х годов начинают интересовать «смерть, гной, заразные болезни, низости, отвращения и унижения, кастрация, боль, вскрытие трупа»¹⁴ – то есть такие темы, которые даже у Пастуро с Ле Гоффом вряд ли вызвали бы «удовольствие праведное, здоровое, креативное и оживляющее». Простая констатация этой смены интересов, однако, верна лишь отчасти, поскольку упускает суть вопроса. Почему описание смены исследовательских интересов оказывается теперь недостаточным?

Здесь можно в качестве примера сравнить изданный Барбарой Розенвейн сборник по социальному использованию эмоций в Средние века (интересуясь эмоциями, Розенвейн избирает не традиционные для культурной истории темы любви, родственных и других эмоциональных привязанностей, а охватывающие людей гнев, ярость, ненависть)¹⁵ и схожее по тематике исследование враждебности в книге ее учителя, Лестера Литтла, о бенедиктинских ритуалах проклятия враждебных сеньоров в XI-XIII вв., опубли-

¹⁴ Фридман П., Спигел Г. М. Иное средневековье в новейшей американской медиевистике // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2000. С. 150-151. (Амер. изд.: Freedman P., Spiegel G. M. Medievalisms Old and New: The Rediscovery of Alterity in North American Medieval Studies // American Historical Review. Vol. 103. No. 3. 1998. P. 676-704.)

¹⁵ Anger's Past: The Social Use of an Emotion in the Middle Ages / Ed. by B.H. Rosenwein. Ithaca, L., 1998.

ликованное пятью годами ранее¹⁶. Я беру эти две работы не потому, что они носят какой-то программный характер и полагают основы для историографии будущего, но как раз наоборот, поскольку они являются собой обычные, «очередные» и сугубо конкретные исследования, которым до сих пор никто не придавал особого теоретического значения, хотя в конкретных вопросах средневековой истории ссылки на эти две книги можно встретить довольно часто. Литтл и Розенвейн (а также другие участники ее сборника: Стивен Д. Уайт, Кэтрин Пейру, Ричард Бартон, Пол Фридман и пр.) олицетворяют для меня своеобразную «повседневность» медиэвистики. В чем же различия между их схожими по тематике исследованиями?

Литтл рассматривает бенедиктинские ритуалы проклятия прежде всего как своеобразный ритуализированный порядок, которому следуют враждующие стороны. Для Розенвейн же и других авторов ее сборника, наоборот, важно эмоциональное переживание, которое не сводимо лишь к его ритуальным проявлениям.

Литтл пишет об инаковом для нас средневековом мире, верившем в силу должным образом произнесенного проклятия. Эту практику проклятий крайне важно учитывать при анализе социальных отношений того времени, о чем часто забывали историки, исследовавшие лишь то, что виделось им значимым для поддержания власти с точки зрения XX века – иммунитетные права монастырей, их экономическое могущество и т.п.¹⁷ Вся вводная часть книги Литтла посвящена как раз тому, как Новое время перестает понимать эту средневековую практику проклятий, что заметно уже в XVI веке в цитировании формул проклятия в английских антикатолических памфлетах. В духе культурной истории Литтл видит свою задачу в том, чтобы снова понять средневековый мир в его своеобразии, инаковости.

Розенвейн в этом отношении, можно сказать, делает шаг назад – в ненависти как политическом факторе для нас нет ничего

¹⁶ Little L. K. *Benedictine Maledictions: Liturgical Cursing in Romanesque France*. L., Ithaca, 1993. Речь идет именно о хронологическом, а не о личном противопоставлении, поскольку Литтл сам участвовал в сборнике Розенвейн, и таким образом, надо думать, в определенной мере разделял его общую концепцию; его статья о монастырских проявлениях ярости, однако, еще очень близка к книге 1993 года, хотя и приобретает иное значение в общем контексте сборника. По этой причине я не прослеживаю эволюцию взглядов Литтла, а сравниваю его с Розенвейн.

¹⁷ Более ранняя книга самого Литтла была посвящена как раз экономическому могуществу монастырей: Little L. K. *Religious Poverty and the Profit Economy in Medieval Europe*. Ithaca, 1983.

необычного. При этом уже само название сборника, «Прошлое гнева», подчеркивает изучение в средневековой истории того, что кажется важным именно современному исследователю, то есть, прошлое снова рассматривается через наши, современные, категории, которые, как полагается, имеют некую историю (речь не идет об осторожном, сугубо операциональном использовании таких категорий, как в культурологической медиевистике).

Средневековье не является здесь *инаковым*, но, что важно, таковым оказывается сам сборник Розенвейн, обращающий наше внимание на неконтролируемые проявления в прошлом гнева, ярости, ненависти, и таким образом придающий им не только исследовательскую ценность относительно прошлого, но и определенное значение в современном культурном поле. Как это прямо указывается в послесловии, озаглавленном «Контролирующие парадигмы», сборник направлен прежде всего против возобладавшего в различных науках в 1970-е и 1980-е годы убеждения, что эмоции есть продукт рационального (дискурсивного и т.п.) контроля, что они подконтрольны и не способны выйти из-под этого контроля. Как пишет Розенвейн, ни социальное конструирование эмоций, ни их использование не исчерпывают, однако, их сути. Неподконтрольность эмоций при этом оказывается связанной для Розенвейн с их телесностью¹⁸.

То, против чего, в конечном счете, направлен сборник Розенвейн – это демократическая культура диалога, взаимопонимания и уважения, особенно активно культивируемая в академических кругах и подразумевающая, как уже говорилось, «предметность» дискуссий, недопустимость «перехода на личности», выражений ненависти по отношению к собеседнику. Несогласие с чьими-либо взглядами не должно переходить в личную вражду, и тем более превращаться в личное преследование.

Между тем, уже феминистская критика поставила под сомнение разделение тела исследователя и его идей, выявила идеологический характер проповеди такого разделения. Намеренно включая охватывающие человека гнев и слепую ненависть в культурное наследие Запада, Розенвейн не просто возвращает

¹⁸ В целом обращение многих авторов к истории эмоций в 1990-е годы, не только в медиевистике, было главным образом антиконструктивистским. См.: Reddy W.M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001; *Idem*. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. Vol. 38. № 3. 1997. P. 327-351; Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History // American Historical Review. Vol. 107 № 3. 2002. P. 821-845.

политическим и академическим дискуссиям их эмоциональное, телесное измерение, но и указывает на историческую ограниченность современной мультикультуралистской идеи многообразия, исключающей всякое радикальное отличие, инаковость, всякое нежелание вступать в диалог и таким образом приобщаться к коллективным ценностям. Такое стремление легитимировать гнев, злобу, «слепую ненависть», выявить культурные правила их «использования», культурные стереотипы, которым они подчинены, можно упрекнуть в желании превратить их все-таки в нормальное явление, в элемент политического порядка, каким они были в средневековье (в понимании Литтла). Такой упрек в адрес Розенвейн и ее соавторов, среди которых есть и историки права, был бы, возможно, справедлив; но не менее важно и то, что Розенвейн намеренно подчеркивает неинтегративное значение «гнева» и «ярости», и в этом, на мой взгляд, наиболее важное ее отличие от Литтла, для которого монастырские проклятия оставались все-таки прежде всего своеобразными коммуникативными актами.

Впрочем, возможна и иная интерпретация работы Литтла. В ней можно увидеть исследование того, как институции, которые формулируют собственную идентичность в понятиях отказа от физического насилия, могут, тем не менее, быть имплицитно насильственными. Именно это изучал, к примеру, М.Б. Прангер, занимаясь Бернаром Клервосским и цистерцианцами, а позднее и более широким кругом авторов (Григорий Великий, Ансельм Кентерберийский, Руперт Дойтский и др.)¹⁹. Прангер считает, что истоки насилия зачастую могут быть найдены как раз в тех дискурсах, которые эксплицитно стремятся к исключению или смягчению насилия. Монастыри, по его мнению, были такими местами, в которых насилие интенсифицировалось, а не преодолевалось.

В основе рассуждений Прангера можно увидеть деконструктивистскую идею того, что воплощением насильственности, ее носителем, является не приходящий извне *Другой*, не различие, а идентичность, *Свой мир*. Насилие не обрушивается на человека извне; оно связано как раз с тем, что, как подразумевается, есть «другое» насилия», его противоположность, а именно – с «насилиственной самостью». Насилие возникает не в переходе от чужого к своему или от своего к чужому, а в самой попытке разграничить свое и чужое.

¹⁹ Pranger M.B. Monastic Violence // Violence, Identity, and Self-Determination / Ed. by H. de Vries and S. Weber. Stanford, 1997. P. 44-56; *Idem*. The Artificiality of Christianity: Essays on the Poetics of Monasticism. Stanford, 2002.

В таком определении насилия нельзя не увидеть реакцию на страшные последствия распада СССР и Югославии. Но было бы ошибкой поддаться чувству сожаления об этих «геополитических катастрофах»: проблемой движений за независимость была не чрезмерная резкость разрыва с прошлым, но жестокость этого разрыва, но ровно наоборот — то, что по своей логике они не отличались от старых советских режимов, своеобразно продолжая их. Уже в «Призраках Маркса», книге 1993 года, Деррида указывает на ложность альтернативы вневременного догматического почитания марксизма и его историзирующего превращения во всего лишь одно из философских учений XIX века²⁰.

Словенский философ С Жижек в своей книге о второй войне в Ираке, опубликованной через десять лет после книги Деррида о Марксе, все еще вспоминает с обидой, как в начале 1990-х многие европейские левые высокомерно бросали ему в лицо, что Югославия для них по-прежнему существует. Жижек видит в этом типичный образец западноевропейского расизма, ограниченность «деконструктивистского» понимания Другого, исключающего всякую действительную инаковость. Марксу, «этому поэту товаров», Жижек противопоставляет «ленинскую нетерпимость»²¹.

Можно сказать, что различия между исследованиями Литтла и Розенвейн своеобразно воспроизводят эту более общую полемику 1990-х годов между сторонниками деконструктивистского понимания демократии (Ж. Деррида, С. Вебер, Х. Де Фрис, Р. Гашэ, Ж.-Л. Нанси и др.²²) и ее более радикальной критикой, допускающей насилие (Ш. Муфф, Э. Лакло, Т. Али, Дж. Батлер, С. Фиш, С. Жижек²³). В связи с этим радикальным пониманием политики, за отдельными различиями между Литтлом и Розенвейн можно увидеть более существенное изменение, а именно трансформацию того «режима истинности», в рамках которого работают историки.

²⁰ *Derrida J. Spectres de Marx: L'état de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale. P., 1993.*

²¹ Жижек С. Ирак: История про чайник. М., 2004. С. 38. См. также: Он же. 13 опытов о Ленине. М., 2003.

²² См., к примеру, статьи в сборниках: *Violence, Identity, and Self-Determination / Ed. by H. de Vries and S. Weber. Stanford, 1997; La démocratie à venir: Autour de Jacques Derrida / Sous la dir. de M.-L. Mallet. P., 2004.*

²³ См.: *Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. L., N.Y., 1990; Fish S. Boutique Multiculturalism, or, Why Liberals Are Incapable of Thinking about Hate Speech // Critical Inquiry. Vol. 23. № 2. Winter 1997. P. 378-395; Idem. There's No Such Thing as Free Speech... and It's a Good Thing too. Oxford, 1994; Idem. Professional Correctness: Literary Studies and Political Change. Harvard, 1999; Butler J. Excitable Speech: A Politics of the Performative. N.Y., 1997.*

Как уже говорилось, прошлое само по себе у Розенвейн не инаково, но таковой оказывается репрезентация этого прошлого, сам сборник Розенвейн. Еще Мишель де Серто противопоставлял историю, репрезентирующую различия (как книга Литтла), и историю, саму выступающую различием, вводящую эти различия (по отношению к современности, как сборник Розенвейн):

«Более значимо для историографии, чем ссылка на прошлое, есть введение этого прошлого как создаваемой им дистанции»²⁴.

Речь идет о строгом различии между историографией, реконструирующей культурно инаковый образ прошлого (который, однако, может быть абсолютно безобидным в привыкшем к культурному многообразию обществу, даже нуждающемся в культурном релятивизме, и потому совершенно не страшщемся встречи с Другим), в критический потенциал которой верил еще Гегель; и другой историографией, инаковость образов которой измеряется их опасностью для настоящего, способностью преодолеть свершившееся «упокоение» прошлого, как об этом пишет Серто. В этом случае выявление культурных отличий как таковое не важно, оно есть лишь одна из возможностей, причем не самая лучшая с точки зрения создания опасной близости между прошлым и настоящим, их взаимного касания.

Именно об этом говорится в известном обзоре новомедиевалистских исследований Пола Фридмана и Гэбриэль Спигел: историография 1990-х годов не просто исследует патологические явления в прошлом, она сама становится патологией, уподобляется несущим смерть болезням. Чудовищное рассматривается американским новым медиевализмом «не как подавляемая составляющая нормального и нормализованного, но как возможные, пусть и исключенные, внешние, лежащие на поверхности альтернативы, возвращенные в обиход посредством научного поиска»²⁵.

Уподобление истории несущей смерть болезни имеет крайне широкие импликации, и прежде всего это касается наличия или отсутствия в историческом исследовании некоего определяемого позитивного центра (что не позволяет уравнивать такое понимание негативности с «насильственной самоидентичностью», о которой говорят деконструктивисты), но поскольку этот вопрос очень обширен и не связан прямо с эмоциональным отношением к прошлому, я лишь коротко упоминаю о нем. Здесь же важно отметить то, что речь идет о возвращении историографией в современный обиход чудовищных альтернатив.

²⁴ Certeau M. de. L'écriture de l'histoire. P., 1975. P. 118.

²⁵ Фридман П., Спигел Г.М. Указ. соч. С. 150-151.

Это возвращение чудовищных альтернатив, причем возвращение их именно в качестве чудовищных, а не развлекающе-экзотичных, как раз связано с тем чувством нелюбви, ненависти, ярости, которое руководит историком. Здесь важна еще одна теоретическая отсылка: через несколько лет после появления книги Серто «Написание истории», Мишель Фуко в своих лекциях в Коллеж де Франс противопоставлял преемственной и легитимирующей картине прошлого не просто генеалогическое реконструирование прерывностей в духе Ницше, но «историко-критический дискурс перманентной войны»²⁶. В рамках этого дискурса война понимается как нестираемый фон всех социальных отношений и институций власти: политическая власть, согласно ему, появляется не с окончанием войны и торжеством закона, а как следствие войны и поражения одной из сторон. При этом мир рождается не из какой-то там теоретической войны, не из соперничества философов или юристов, а из настоящих сражения, победы, резни, завоевания, которые имеют точные даты и своих жутких героев. Задача истории – напоминать о подспудно продолжающейся войне, о прошлых поражениях, об отсутствии у такого хода истории всякого предопределения, и именно в этом смысле речь идет о возвращении чудовищных для существующего порядка альтернатив. Общество, по Фуко, разделяемо бинарной структурой, в которой не может быть нейтрального субъекта, мы неизбежно враги кого-либо, и именно в истории мы обретаем способность безошибочно определять себя в качестве таковых.

В этом дискурсе войны у Фуко мы снова сталкиваемся с темой злобы, ненависти, ярости. Дикая ярость побежденных противопоставляется здесь разумным стратегиям борьбы, расчету и хитростям победителей. Разум определяется как то, что победители надстраивают над изначальной свалкой тел, смешением страстей и случайностей как техническое приспособление для сохранения победы, чтобы война затихла, и сложившееся соотношение сил было увековечено. Таким образом, по Фуко, в основе располагается фундаментальная и перманентная иррациональность, грубая и нагая, но именно в ней возникает истина; и над этим возвышается хрупкая рациональность, постоянно компрометируемая своей связью с иллюзией и злодейством. История, опрокидывающая ценности, балансы сил, традиционные полюса мышления, возвращается

²⁶ См.: Foucault M. «Il faut défendre la société»: Cours au Collège de France, 1976. P., 1999. P. 37-56. См. также краткое описание этого курса, напечатанное в ежегоднике Коллеж де Франс и воспроизведенное в: Foucault M. Dits et écrits. Vol. 2. 1976-1988. P., 2001. № 187.

к первому, фундаментальному уровню, который, однако, не является наиболее простым – ведь это уровень наибольшей неразберихи, беспорядка, случайности; ибо принципом раскодирования общества и его видимого порядка выступает смешение насилия, страстей, ненавистей, гнева и отвращения. «Это яростное желание дать отчет о спокойствии и порядке»²⁷.

Итак, согласно Фуко, истина не принадлежит миру или нейтральности, она не есть категория тотальности или универсальности – это каждый раз дискурс определенной перспективы; истина может быть развернута лишь с боевой позиции. В этом – важное отличие от старой метафизической и эпистемологической традиции, для которой созерцание истины неизбежно было связано с неподвижностью, внутренним спокойствием, удаленностью от мира, и в то же время с чувством любви к созерцаемой истине²⁸.

О подвижном, «кочевом» характере истины и о «кочевом мышлении» писали позднее и Делез с Гваттари. В основе их противопоставления государственного аппарата и машины войны снова оказывается ярость («*furore*»), о которой писал Фуко, и которая позднее исследовалась Розенвейн и ее соавторами. Именно ярость война делает возможным динамическое перерождение суверена в животное, невозможное в рамках статичной иерархии сословий в государстве, именно она отличает идентитарный государственный аппарат от метаморфоз военной машины. Таким образом, в отличие от Фуко, война видится здесь противостоящей государству, а государство – войне. Источник того, что в историографии 1990-х определяется метафорой «эдипального насилия», можно найти именно в работах Делеза и Гваттари. Противопоставление государственного аппарата и военной машины связано с оппозицией семиологии и чистой стратегии, т.е. семиологического кодирования и раскодирования занимаемого пространства, или его стратегической территориализации и детерриториализации²⁹.

²⁷ «C'est la fureur de rendre compte du calme et de l'ordre». *Idem*. «Il faut défendre la société»... P. 46.

²⁸ По преданию, над входом в платоновскую академию, наряду с известной надписью про необходимость геометрических знаний, помещалась и другая, не вполне серьезная, запрещающая вход в нее всем тем, кто не был готов вовлечься в любовные дела с другими ее посетителями.

²⁹ *Deleuze G., Guattari F. Mille Plateaux (Capitalisme et schizophrénie 2)*. Paris, 1980. P. 434-528. Перерождение суверена в животное исследовал и Ж. Деррида, особенно в своих последних работах, имея, правда, в виду их неразличимость, невозможность суверенности. См.: *Derrida J. L'animal que donc je suis (à suivre) // L'animal autobiographique: Autour de J. Derrida / Sous la dir. de M.-L. Mallet*. Paris, 1999. P. 251-302; *Idem*. *Voyous*. P., 2003; *Idem*. *La bête et le souverain // La démocratie à venir...* P. 433-476.

«Суверен и животное»: скульптурное изображение в зале капитула Йоркского собора, XIII век.

Иными словами, у Делеза с Гваттари снова, как и у Фуко, речь идет о ложном характере противопоставления порядка и беспорядка, мира и войны, любви и злой ярости, которое заменяется иным, а именно оппозицией двух типов насилия, разумного и иррационального (Фуко), армии и машины войны, семиологического и несемиологического (Делез, Гваттари). Это противопоставление важно иметь в виду, читая работы историков 1990-х годов, поскольку конкретная проблематика (история о яростном сопротивлении браку св. Гертруды во времена Меровингов, которую рассказывает К. Пейру, и т.п.) не всегда эксплицитно отсылает к более общим проблемам. Упомяну здесь лишь две группы собственно историографических вопросов, которые важны для меня как для российского историка со специализацией по истории средних веков: первая связана с особым значением исследований по средневековью и одновременно с противопоставлением «мирной» и «воинственной» историографии, а вторая – с различением двух типов насилия и его актуальностью в тяжелой ситуации российской историографии, и эта тема позволит в заключение вернуться к вопросу о лозунгах митингующих ученых.

Средневековье оказывается особенно важным в контексте критики семиотических структур, их порядка, и возвращения несемиотического Реального, его чудовищных альтернатив³⁰. Это связано с более широкой критикой в 1990-е годы герменевтики, желания «понять» Другого, господства в гуманитарных науках метода интерпретации³¹. Средневековье рассматривается как тип культуры, противоположный новоевропейскому, основанному на темпорализованной семиотике. Наиболее известный пример здесь – это изменения в понимании евхаристии в начале Нового времени, которая начинает восприниматься как символический и мемориальный акт, а не как действительное присутствие Бога в вине и хлебе. Там, где новоевропейский индивид видит непреодолимую темпоральную границу, ее не существовало для средневекового человека, для которого она снималась в той абсолютной протяженности, каковою был Бог. Бог не нуждался в эпистемологической дистанции, в изобретаемой Новым временем фигу-

³⁰ В определенном смысле, средневековая культура имеет для нового медиевализма примерно то же значение, что и досократическая философия для Хайдеггера. См., например: *Most G.W. Heideggers Griechen // Merkur*. No. 634. 2002. S. 113-123.

³¹ См., к примеру: *Hörisch J. Die Wut des Verstehens*. Frankfurt a. M., 1988. Из работ, написанных на русском языке, см.: *Подорога В.А. Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии*. М., 1995; *Ямпольский М.Б. О близком: Очерки немиметического зрения*. М., 2001.

ре внешнего и отстраненного наблюдателя (в «субъектно/объектной парадигме»), поскольку сам мир был наполнен божественным присутствием. Человек, таким образом, не воспринимал себя как нечто отличное от окружающего его мира – дома³², земли³³, животных³⁴, от божественного творения в целом. При этом Бог (абсолютный суверен) и животное, образами которых пользуются и Делез с Гваттари, есть как раз такие существа, которые не нуждаются в семиологии, в интерпретациях – их отношение к миру немедийально. Для средневекового «символического реализма» смысл и тело, форма и содержание сущностно неразличимы, и схожим образом современная историография, как уже говорилось, отказывается от «картезианской» традиции бестелесного мыслителя. При этом именно эпистемологическая и герменевтическая дистанция, создаваемая новоевропейским разделением тела и смысла, видится ответственной за разграничение пространств живого и мертвого, за создание дистанции по отношению к прошлому, ведущей к его упокоению, невозможности возврата. Но каким образом возможно возвращение прошлого как опасности в негерменевтической историографии?

В старой эпистемологической традиции речь шла о том, можно ли помыслить время вне пространственного опыта, достаточен ли для этого наш категориальный аппарат – рассуждениями такого рода особенно известен в наше время Козеллек³⁵. Постгерменевтическая историография ставит вопрос иначе, и даже ровно наоборот: дело не в наших чистых способностях помыслить что-либо, а в том, что когда отношения между людьми начинают рассматриваться как отношения между их телами, то пространственное измерение оказывается определяющим³⁶. С этим связаны разного рода

³² См., например: *Zumthor P.* La mesure du monde: Répresentation de l'espace au Moyen Age. Paris, 1993. P. 69-111.

³³ Это было не обязательно связано с опытом христианства. О подобном же отношении к миру, к земле, писал А.Я. Гуревич в одной из своих книг о средневековой Норвегии. См.: *Гуревич А.Я.* Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С. 135 и далее.

³⁴ См., например: *L'animal exemplaire au Moyen Âge, V-XV siècles / Sous la dir. de J. Berlioz et M.A. Polo de Beaulieu.* Rennes, 1999; *Voisenet J.* Bêtes et Hommes dans le monde médiéval: Le bestiaire des clercs du V au XII siècle. Turnhout, 2000; *Pastoureau M.* Une histoire symbolique du Moyen Âge occidental. Paris, 2004. P. 29-80.

³⁵ *Koselleck R.* Das Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. 4. Aufl. Frankfurt a. M., 2000; *Idem.* Zeitschichten: Studien zur Historik. Frankfurt a. M., 2000.

³⁶ *Gumbrecht H.U.* Diesseits der Hermeneutik: Die Produktion der Präsenz.

эксперименты «пространственного историописания»³⁷, но также и рассуждения о непригодности старых линейных и циклических темпорально-пространственных форм³⁸, о необходимости «историографического кубизма»³⁹ и т.п. Здесь снова оказывается актуальным Средневековье: если в Новое время всякая иная культура, как это подчеркивает постколониальная критика⁴⁰, рассматривается как находящаяся в некоем ином времени, независимо от того, относится ли она «действительно» к прошлому или к пространственно удаленному настоящему, то для средневековой культуры, по мнению Поля Зюмтора⁴¹, было характерно восприятие иного прежде всего как пространственной категории. Для средневекового человека противоположностью присутствия является не отсутствие, а пространственная удаленность. Темпоральный опыт, по Зюмтору, вовсе не изначален и не априорен для человека – он есть эффект знания, причем не всякой системы знания, а именно той, что возникает уже в Новое время⁴².

При этом Зюмтор обращает внимание на то, что до Нового времени, с созданной им системой распространения новостей, далекий, внешний мир воспринимался как «нейтральное» и чистое

Frankfurt a. M., 2004. S. 104.

³⁷ См., например: *Schlögel K.* Im Raume lesen wir die Zeit. München, 2003.

³⁸ *Agamben G.* Ce qui reste d'Auschwitz (Homo Sacer III). Paris, 2003. P. 107-111.

³⁹ *Слотердайт П.* Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 428-432; *Sloterdijk P.* Sphären: Plurale Sphärologie. Bd. 1-3. Frankfurt a. M., 1998-2004.

⁴⁰ См.: *Said E.* Op. cit.

⁴¹ *Zumthor P.* Op. cit. P. 62.

⁴² Еще до Зюмтора на подобную пространственность «донаучного» мышления обратил внимание Эрнст Кассирер. Как он пишет, «если научное мышление стремится к тому, чтобы установить и все более определенно сформулировать превосходство понятия времени над понятием пространства, то в мифе неизменно сохраняется приоритет пространственного созерцания над временным. Мифические теогонии и космогонии этому не противоречат: даже там, где миф, казалось бы, принимает форму "истории", ему чуждо подлинное понятие становления и постоянства в становлении. Мифическое понятие причинности сродни вовсе не временной непрерывности (Kontinuität), а пространственному соседству (Kontiguität). Корнем всей магии является бессознательная вера в то, что простое бытие вещей вместе, их пространственное соприкосновение, как и их сходство, скрывает в себе таинственные силы. Что однажды пришло в соприкосновение – то навечно срослось в магическом единстве. Простая совместность всегда имеет реальные последствия». *Кассирер Э.* Сущность и действие символического понятия // *Он же.* Избранное: Индивид и космос. М., СПб., 2000. С. 302.

пространство», неразличимое и непроникаемое для взгляда; это был как бы атемпоральный иной мир, в котором, в густом тумане различных сведений, просматриваются иногда отдельные образы. Характерно, что в качестве примеров таких образов Зюмтор упоминает рассказы о чудесных плаваниях, о путешествиях в Иной мир, об inferнальных охотах, о ведущих к гибели блужданиях и прочих удивительных и странных явлениях. Эти чудесные истории и связанные с ними предметы, которые (как считается) привозятся с различных концов земли, не служат, однако, какому-либо пониманию этих дальних стран, их функция – вызывать удивление. При этом, как пишет К.У. Байнум в книге «Метаморфозы и идентичность»⁴³, для средневекового человека удивление есть не физиологическая реакция, как в дарвинистской традиции, а следствие непонимания, то есть нашей способности *не понимать*, которая оказывается возможна лишь при неприсваивающем отношении к Другому. Так же и сам Зюмтор видит в этом особенность средневекового восприятия внешнего мира: появление колониальной политики, по его мнению, объясняется не только накоплением знаний и военно-техническим прогрессом, но и изменениями в системе знания, появлением новых категорий мышления, которые позволяют превращать чужое пространство в свое.

Как *незнание* средневековые *stupor* и *admiratio* противостоят исследованию, желанию проникнуть вглубь – как подчеркивает Байнум, удивление не имеет ничего общего с практиками присвоения новоевропейских правителей, исследователей и конкистадоров⁴⁴. Несмотря на историческую преемственность, средневековые собрания реликвий, в которые включались и диких животных раковины и удивительных размеров яйца, не имеют по своему назначению ничего общего с позднейшими кунсткамерами⁴⁵.

⁴³ *Bynum C.W. Metamorphosis and Identity. N.Y., 2001. P. 37-76.* Само название книги Байнум отчетливо делезианское. Глава, посвященная чудесному, изначально была произнесена как президентское обращение Байнум к Американской ассоциации историков и опубликована в «Американском историческом журнале» за 1997 год. См.: *Bynum C.W. Wonder // American Historical Review. Vol. 102. No. 1. 1997. P. 1-26.* См. также работу Байнум, посвященную оборотничеству, превращению человека в животное, в которой исследуются сдвиги, происходящие в концептуальном понимании изменения (превращения, метаморфозы) в XII веке: *Bynum C.W. Metamorphosis, or Gerald and the Werewolf // Speculum: A Journal of Medieval Studies. Vol. 73. № 4. P. 987-1013.*

⁴⁴ *Eadem. Metamorphosis and Identity... P. 62.*

⁴⁵ См. об этом также: *Park K., Daston L. Wonders and the Order of Nature. N.Y., 2000.*

При этом следует избежать противопоставления «злого» конкистадора и «доброго» средневекового паломника, мирно и любовно созерцающего чужеземные диковинки. Байнум обращает внимание на то, что удивление понималось средневековыми авторами не как атрибут развлечения или удовольствия, а как *stupor, timor, horror* – страх перед тем, как чудесная трансформация, происходящая с обликом реальности, насильственно изменяет природу вещей⁴⁶. Таким образом, старая, еще аристотелевская, тема испытываемого исследователем удивления оказывается радикально переосмыслена: ценность удивления есть не отправной пункт исследовательской работы, а то, что кладет ей предел, делает невозможным «осваивание», расширение «территории историка». Подобным образом Фридман и Спигел пишут о том, что новым медиевализмом в качестве цели не ставилась ни «экспансия» нашего знания о прошлом, ни его обогащение, ни даже усложнение⁴⁷. Странность прошлого, «другое Средневековье», есть для Байнум и не герменевтическое понятие – это его противоположность, запрет на понимающую интерпретацию.

Если то, что создает историк, странно, а всякая иная история для Байнум лжива⁴⁸, то это значит, что прошлое ужасно и чудовищно. Такая история не имеет ничего общего с описанием странной одержимости страхами людей прошлого, позволяющим лучше понять нам, к примеру, предысторию и истоки Католической реформы в XVI в., и одновременно демонстрирующим ту успокаивающую дистанцию, которая отделяет нас от этих страхов, как в старых работах Ж. Делюмо⁴⁹. Но что создает историк, если он отныне лишен права исследовать и интерпретировать? В заключение своих рассуждений о средневековом чудесном и современной историографии Байнум смягчает свои запреты, не без оппортунизма, но и лишь в определенном смысле: дело в том, что мы не можем удивляться чудом, если лишаем его «присутствия». Но чем может быть создание такого рода присутствия, если оно исключает какое-либо миметическое отношение к чуду?

Здесь надо вспомнить о работах другого медиевиста, специалиста по средневековой мемориальной культуре Мэри Кэрру-

⁴⁶ *Bynum C.W. Metamorphosis and Identity...* P. 58.

⁴⁷ *Freedman P., Spiegel G.M. Op. cit. P. 701.*

⁴⁸ "Every view of things that is not wonderful is false". *Bynum C.W. Metamorphosis and Identity...* P. 37, 75.

⁴⁹ *Delumeau J. La peur en Occident, XIV-XVIII siècles. P., 1978; Idem. Le péché et la peur: La culpabilisation en Occident, XIII-XVIII siècles. P., 1983; Idem. Rassurer et protéger: Le sentiment de sécurité dans l'Occident d'autrefois. P., 1989.*

терз⁵⁰, которая в своих работах напоминает о том, что наряду с темпоральным аристотелевским пониманием памяти, как имеющей отношение к прошлым вещам и делающей возможным их узнавание, существует еще и риторическое ее понимание, рассматривающее память прежде всего как пространственный опыт, как расположение запоминаемого в неких «местах», создание которых делает память подобной не складированию, а изобретению. Средневековые схоласты знали об обеих этих традициях. «Как можно определять память как состоящую из мест, если Аристотель говорит, то она темпоральна?», – задается, к примеру, вопросом Альберт Великий⁵¹.

Ссылаясь на Бозция, он отвечает, что все рожденное или сотворенное существует в пространстве и времени, и хранящиеся в памяти образы есть такого рода творения. Но их темпоральное качество как таковое не может служить их различению, ибо все они принадлежат прошлому, они все обладают качеством этой принадлежности. Таким образом, чтобы запомнить что-либо отдельное, необходимо выделить то, что отличает его от чего-то другого, а именно такие качества, которые образуют «место». Временной опыт имеет, таким образом, для Альберта своим условием опыт пространственный. О чем-то подобном писал в наше время, как уже говорилось, Козеллек, но речь на самом деле идет совсем о другом, а именно о том, что пространственное понимание памяти, конструирование «мест», делает возможным более сложные ее конфигурации, чем темпоральная модель памяти, совершенно недостаточная в своей ограниченности, и именно это позволяет Кэррутерз противопоставлять средневековый мемориальный опыт современному как более предпочтительный⁵². Я упоминаю здесь обо всем этом очень коротко, чтобы лишь обозначить некоторые темы – более подробное описание современной медиевистики потребовало бы отдельной большой работы⁵³.

⁵⁰ Carruthers M. *The Craft of Thought: Meditation, Rhetoric, and the Making of Images, 400-1200*. Cambridge, 2000. См. также: *Eadem. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture*. Cambridge, 1990.

⁵¹ *Eadem. The Craft of Thought...* P. 12-14.

⁵² Важно, что средневековую «машину памяти» Кэррутерз противопоставляет не только темпоральной модели воспоминания, но и его индивидуализирующей психологизации, будь то в духе У. Джеймса или З. Фрейда.

⁵³ Надо сказать, что новый медиевализм часто заслуживал упрек в необоснованной тотализации средневековья, в абсолютизации отнюдь не преобладавших культурных форм, всегда имевших в средневековье свою противоположность. На самом же деле, новый медиевализм вовсе не оспаривает идею фрагментарности прошлого, прерывности темпорально-

Пространственность важна не только в том отношении, что она более открыта, нежели темпоральный опыт, сводящийся к альтернативе линейности/циклическости или комбинациям двух этих форм, но и потому, что, как пишет Г.У. Гумбрехт в своей недавней книге «По эту сторону от герменевтики», специально посвященной понятию негерменевтического «присутствия»,

«если пространство начинает рассматриваться как определяющее измерение, посредством которого конституируются в культуре отношения между людьми, то есть между их телами, то эти отношения могут постоянно переходить в насилие: тела будут занимать и блокировать пространство, препятствуя действиям других тел»⁵⁴.

Будущее время в этой цитате не должно создавать ощущения, что наше собственное время свободно от телесного и от насилия:

«Чем больше самовосприятие культуры соответствует типу культуры, основанной на автономии смысла, тем сильнее становится стремление скрыть или даже исключить насилие как самое последнее средство властного подавления»⁵⁵.

Именно этим можно объяснить то, что историки и философы прошлых десятилетий перепутали властные отношения с такими отношениями, которые определяются распределением знания.

«Способы распределения знания, однако, лишь в той мере совпадают с властными отношениями, в какой стабильность способов распределения знания обеспечивается, в конечном счете, также и в основанной на автономии смысла культуре, возможностью и реальной опасностью применения физического насилия»⁵⁶.

При этом такого рода критика Фуко на самом деле в значительной мере следует восхваляемому им «историко-политическому дискурсу перманентной войны», видящему войну в основании всякого мира, глухое продолжение войны в мирное время, стремящегося разоблачить войну в обличье мира⁵⁷.

Дело не в каком-то новом открытии историков, изобретении ими чего-либо, что можно осуждать или нет, а в том, что несемioticкое *Реальное* само дает о себе знать, возникая в разрывах

го пространства (об этом, например, писала К.У. Байнум); он сохраняет действительной унаследованную от культурной истории идею о том, что наше видение прошлого парциально, что мы не можем достичь истинного, то есть целостного, всеобъемлющего знания о прошлом. Но весь вопрос в том, какую же именно часть этого прошлого историк оказывается способен увидеть и таким образом реактуализировать в своей работе.

⁵⁴ Gumbrecht H.U. *Diesseits der Hermeneutik: Die Produktion der Präsenz*. Frankfurt a. M., 2004. S. 104-105.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Foucault M. *Op. cit.* P. 37-56.

семиотических структур, и задача истории – в сохранении памяти о нем. Здесь имеется в виду, вот что: рассуждая об установлении и снятии границ, об эпистемологической дистанцированности или живом присутствии, важно не поддаться иллюзии, что все дело в суверенной позиции самого историка или философа, которые вольны относиться к прошлому так или иначе: как к далекому объекту герменевтики, или же как к живому и близкому негерменевтическому присутствию. Даже такой критик историографии и создаваемых ею «собственных мест», как Серто, в конечном счете, веровал в прочность возводимых историками границ.

Между тем, 1990-е годы символически заканчиваются «11-м сентября». В этом событии многие увидели как раз привнесение традиционной исламской культурой наполненного божественным присутствием пространства в забывший о нем профанизированный темпоральный мир Запада. Нападение на Пентагон и Всемирный торговый центр было совершено во имя вечного Бога и против главного медиального инструмента Нового времени – денег; во имя экономики жертвы и против экономики эквивалентности; во имя святого пространства и против десакрализованного и профанно ускоренного времени.

«Более четкое прочерчивание границы по другую сторону от современности», напоминание ей о ее пространственном измерении, еще за десять лет до 11 сентября было заявлено как одна из главных целей нового медиевализма⁵⁸. В какой мере можно было бы уподобить Стивена Николса или Говарда Блока Мохаммеду Атта? Мне говорили, что Б. Розенвейн уже в октябре того года решительно дистанцировалась от нового медиевализма, в поддержку которого она активно высказывалась ранее⁵⁹. Я не думаю, что отход Розенвейн от нового медиевализма действительно был связан с 11 сентября⁶⁰, в частности, поскольку сами имплицитные этим событием противопоставления, сама альтернатива фундаменталистского тотального пространства и демократической сег-

⁵⁸ Nichols S.G. The New Medievalism: Tradition and Discontinuity in Medieval Culture // The New Medievalism / Ed. by K. Brownlee, M. Brownlee, S.G. Nichols. Baltimore, 1991. P. 2.

⁵⁹ См. ее введение к сборнику в честь Л.К. Литтла: Monks und Nuns, Saints and Outcasts: Religion in Medieval Society. Essays in Honor of Lester K. Little / Ed. by Sh. Farmer and B.H. Rosenwein. L., Ithaca, 2000.

⁶⁰ Более важной для кризиса нового медиевализма мне кажется его постколониальная критика, начиная со второй половины 1990-х гг. (в работах К. Биддик, Дж.Дж. Козна, К. Браун и других сторонников «постколониального средневековья»).

ментированности, несмотря на кажущуюся близость к проблематике нового медиевализма, изначально им критиковалась⁶¹.

Здесь надо обратиться ко второй упомянутой выше группе вопросов, к противопоставлению двух типов насилия, один из которых представляется неотличимым от чувства любви к другому, от доставляемого прикосновением к другому удовольствия.

Чтобы обсуждение этого противопоставления не выглядело слишком отвлеченно, приведу для начала пример, заимствованный не из работ медиевистов, а у Славоя Жижека⁶², а именно, критику им противопоставления «бухаринского» мягкосердечия, естественной доброты, чуткости и сострадания к простым человеческим слабостям, и безжалостной «сталинской» самоинструментализации. Важно не поддаваться «гуманистичности» этого противопоставления. Проблема сталинских коммунистов состояла вовсе не в их беспощадности, саморазрушении, посвящении себя делу коммунизма, превративших их в чудовищные этические автоматы и заставивших забыть о простой человеческой чувствительности и сострадании, а ровно наоборот, в том, что они не были в достаточной степени «чисты» и попались в ловушку извращенной экономики долга. Сталинистский коммунист любит чело-

⁶¹ Собственно в связи с «11-м сентября» об иллюзорности противопоставления Бога и Денег, а также третьего элемента, CD, писал Й. Хериш. По его мнению, все эти три явления есть исторические воплощения одного и того же, ибо каждое из них требует (э)миссии, имеет круглые тела (монеты, гости, диски), связано с процессом обращения (верующих) / конвертирования (денег) / конвертации (программ), и т.д. См.: *Hörisch J. Geld, Gott, Medien. Frankfurt a. M., 2004. S. 9-10 ff.* Если согласиться с Херишем, то аналогичным образом можно было бы уравнивать не только историческое исследование проявлений божественного или абсолютного духа с историей смены социально-экономических формаций, что делалось довольно часто, но к ним следовало бы также присоединить и новейшие исследования различных форм медиальности, то есть в целом культурных форм опосредования.

⁶² *Žižek S. Lenin, Lukacs, Stalin. Доклад на международной конференции «Политика правды – возрождение Ленина?», проходившей 2-4 февраля 2001 г. в Эссене (ФРГ) <http://www.kwinrw.de/lenin/disc2.htm>; Жижек С. 13 опытов о Ленине... С. 102-121.* Понимание революционного насилия Жижекком существенно отличается от того, которое можно найти у Делеза или Деррида. Я, однако, пренебрегаю здесь этими отличиями, поскольку изначально используемое этими авторами противопоставление схоже. Критике Делеза специально посвящена одна из недавних книг Жижека: *Žižek S. Organs without Bodies: On Deleuze and Consequences. N.Y., L., 2003.* В своем понимании революционности Жижек ближе к Бадью. См., в частности: *Badiou A. L'être et l'événement. P., 1988.* О расхождении Бадью с Делезом: *Бадью А. Делез: Шум бытия. М., 2004.*

вечество, но, тем не менее, проводит ужасные чистки и казни; его сердце обливается кровью, когда он делает это, но он не может остановиться, это является его Долгом по отношению к Прогрессу Человечества. Насилие сталинского садиста как таковое не является освобождающим и революционным, оно есть вынужденная необходимость, совершаемая по воле Большого Другого, ради объективно наступающего светлого будущего. Именно поэтому при Сталине террор превращается в не признаваемое публично, мрачное и непристойное дополнение официального публичного дискурса. Именно этой непристойностью бесчеловечного в сталинизме Жижек объясняет и переход от авангардизма к соцреализму, который стремится вернуть социализму «человеческое лицо», вписать индустриализацию в традиционную психологическую структуру человека, «теплой чувствительной личности». Этой сталинско-бухаринской страдающей личности Жижек противопоставляет ленинского большевика.

При Ленине террор признавался открыто. Ленинская революция переживается не как текущая трудность, которую мы должны перетерпеть во имя счастья и свободы будущих поколений, а как тот момент, в который мы уже свободны, хотя боремся за свободу, мы уже счастливы, хотя боремся за счастье. Авангардистский революционный субъект не нуждается в извращенном наслаждении наслаждением Большого Другого, в оправдании им себя.

Сталинизм был, по словам Жижека, возвратом к меньшевистской логике «объективных стадий развития», против которой выступал Ленин, подчеркивая в 1917 году необходимость совершить скачок, броситься в парадокс ситуации, ухватиться за возможность и *вмешаться*, даже если ситуация еще не «созрела», сделав ставку на то, что сама «незрелость» вмешательства радикально изменит «объективное» соотношение сил, из-за которого исходная ситуация казалась «незрелой», то есть это вмешательство разрушит стандартные ссылки тех, кто определял ситуацию как «незрелую». Большевики надеялись на всеобъемлющее основание позитивной логики исторического развития, тогда как большевики (по крайней мере, Ленин) знали, что «большой Другой не существует» – настоящее политическое вмешательство не происходит в рамках координат некой основной глобальной матрицы, оно стремится изменить саму эту глобальную матрицу.

В этом уравнивании либерального и сталинского субъектов и противопоставлении двух типов насилия можно увидеть то, о чем писали Р.Х. Блок и Г.У. Гумбрехт, используя метафору «эдипальных» вспышек насилия, в широком смысле «бессмысленных», «не

подчиненных смыслу», «негерменевтических»⁶³; как сказал бы Жижек, революция – это не действие, которое будет оправдано или осуждено позднейшим исходом нынешних действий, она является собственным онтологическим доказательством, основным признаком собственной истинности. О том же, по сути, пишет и Розенвейн, в связи с понятием *furor*, и Спигел с Фридманом, когда говорят о том, что «чудовищное не рассматривается новым медиевализмом как подавляемая составляющая нормального и нормализованного», и Байнум, когда она противопоставляет средневековые чудеса и удивление им просвещенческому пониманию раритетов как редких исключений в неоспоримых законах природы; о том же, по сути, говорится и в дискуссиях о позволительности наслаждаться описаниями чужих страданий и мучений – об этом пишет и Ниренберг в «Сообществах насилия», и Эндерс в «Средневековом театре жестокости», и Хайду в «Субъектах насилия»⁶⁴, и, разумеется, не только они, но и, в особенности, сторонники «новой военной истории»⁶⁵ и историки Холокоста. Эти дискуссии важно не спутать с морализаторскими порицаниями сцен насилия, с желанием уберечь от них легко травмируемое сознание, особенно детей: суть нового медиевализма состоит как раз в обратном – в нанесении травм, в культивировании патологий и болезней. Вообще, упоминавшаяся идея «историографического кубизма» предполагает «авангардистскую субъективность».

В заключение: лозунги для историографии

В заключение, однако, я хотел бы обратить внимание на другое, а именно на то, что постсоветская историография 1990-х годов в значительной мере выросла из позднесталинской культуры, в ней было сильно интеллектуальное влияние людей, окончивших университеты в послевоенное время, чья оппозиционность в последующем своеобразно отражала сталинизм с его возвратом, начиная с конституции 1936 года, к традиционным общечеловеческим и демократическим ценностям.

⁶³ Bloch R.H. "Mieu vaut jamais que tard": Romance, philology and Old French letters // Representations. No. 36. 1991. P. 64-86; Gumbrecht H.U. A Sad and Weary History: The «Grundriss der romanischen Literaturen des Mittelalters» // Medievalism and the Modernist Temper / Ed. by R.H. Bloch and S.G. Nichols. L., Baltimore, 1996. P. 439-474.

⁶⁴ Nirenberg D. Communities of Violence. Princeton, 1998; Enders J. The Medieval Theater of Cruelty: Rhetoric, Memory, Violence. Ithaca, 1999; Haidu P. The Subject of Violence: The «Song of Roland» and the Birth of the State. Bloomington, Indianapolis, 1993.

⁶⁵ См., например: Bourke J. An Intimate History of Killing: Face to Face Killing in 20th Century Warfare. L., N.Y., 1999.

Не случайным в связи с этим кажется и увлечение в 1990-е годы постмодернизмом в его «историографическом варианте» (Ф. Анкерсмит, Х. Уайт, Й. Рюзен, А. Мегилл и др.), указывающем на автономию нарративных структур. Работы многих западных историков 1990-х гг. потому и кажутся мне важными и заслуживающими внимательного прочтения, что они как бы образуют антитезу к увлечению нарративизацией в 1980-е годы. Одновременно, эта историография, примером которой был новый медиевализм, существует уже в пространстве, очищенном от СССР, долгое время блокировавшего своим реальным существованием всякие радикально-демократические проекты. Почему же важно противостоять «историографическому постмодернизму»? Именно по причине его либеральной «постреволюционности».

Так, для Анкерсмита, к примеру, назначение истории, ее суть, состоит в забывании революционных разрывов⁶⁶. Возникновение в XIX веке профессиональной историографии связано, как он пишет, с травматическим опытом французской революции. Историография преодолевает возникающий в результате революции разрыв, позволяет излечить травму, нанесенную разрушением прежнего жизненного уклада. Создавая повествовательную копию прошлого, которая, однако, не является самим прошлым, историография делает возможным подменить его и сделать утрату незаметной. Это приводит Анкерсмита к парадоксальному выводу о том, что историография служит изначально, и прежде всего, не увековечиванию события, не сохранению его в памяти, а забыванию. Историографии не удается это закрытие травмы, но сама интенция работы историка видится именно в такого рода закрытии, врачевании.

Аргументация Анкерсмита явно несостоятельна. Если бы все обстояло так, как это им описывается, то весь XIX век изобилдовал бы не «Историями Французской революции» (породившими столь великую традицию, что она продолжалась вплоть до конца XX века, когда ее хоронят Фюре с Дарнтоном и Шартье), а разного рода «Историями времен короля Людовика XVI». Задачей историографии было не преодоление разрыва, а сохранение памяти о нем, то есть о том, что наряду с существующим порядком возможен и другой. Ностальгия историка – это попытка восстановить другие ценности среди реакционной пустыни, наступившей с окончанием революции. Задача историографии состояла в накоплении все большего позитивного отрицания: да, мы не знаем,

⁶⁶ *Ankersmit F. The Sublime Dissociation of the Past: Or how to be(come) what one is no longer // History and Theory. Vol. 40. № 3. October 2001. P. 295-323.*

как должно быть, но еще яснее увидели всю подлость того, что есть. История напоминает, что время социально-обслуживающего цинизма прошло, и критерии различения *свой/не-свой* с поражением революции стали еще ясней. Сохранение памяти о прошлом есть одновременно и способ помыслить будущее в его невозможности. Или же, не так: «Пусть уж лучше Ничто будет правдой, чем вы будете правы и *ваша* правда будет правой!».

Это двойственное задание историографии делает ее саму местом разрыва, установления различия между современностью и ее другим. Это тот образ историографии, к которому возвращаются Серто, Фуко и Делез, и который принимается в 1990-е годы новым медиэвализмом, нарочито ассоциирующим себя не с врачеванием, а с разрушающими тело и доставляющими страдания болезнями. Это не та история, что требует для себя участия в всеобщем наслаждении.

Как несуразно звучал бы вопрос о том, «в какой мере утверждение ценности “собственного” пространства индивидуума или автономии сферы смыслов сопричастно к тому, что делалось в России с 1990-х годов, несет ли историография какую-либо ответственность за это!»! Фигура наслаждающегося и страдающего сталинского садиста-извращенца обращает нас к совсем иной проблеме: как может быть виновен субъект, когда он просто осуществляет «объективную», навязанную извне необходимость?

По-настоящему важный для 1990-х годов вопрос таков: не в том ли вина постсоветского историка, что он субъективно принимает «объективную необходимость», то есть находит удовольствие в том, что ему навязано?

Вопрос 2000-х годов мог бы звучать так: не пора ли историографии снова стать местом разрыва?

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

О.С. Поршнева (Екатеринбург)

ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Специфика методологических подходов, применяемых в той или иной сфере социально-гуманитарного познания, определяется решением ее основных эпистемологических проблем, пониманием предмета и проблемного поля исследования. Историческая наука, не являющаяся в этом отношении исключением, пережила во второй половине XX века качественную трансформацию, связанную с пересмотром своего предмета, теоретического багажа и методологического инструментария. Основными факторами этих изменений стали тенденция антропологизации общественных наук, стирание граней между смежными социально-гуманитарными дисциплинами и мощное воздействие «интеллектуальных вызовов» эпохи постмодернизма. Они заставили не только по-новому взглянуть на предмет и возможности историописания, но и всерьез задуматься над проблемой научности исторического знания.

Инверсия научной картины мира в рамках утвердившейся в последние десятилетия постпросвещенческой научной парадигмы привела в сфере методологии к сомнению в традиционных принципах, нормах и стандартах научного социально-гуманитарного познания. Ключевая интеллектуальная тенденция мировой историографии последних десятилетий, пережившая, в трактовке западных исследователей, «лингвистический», затем «интерпретативный» и «риторический» «повороты». Хотя они и отличались друг от друга, как отмечает Р. Беркхофер, каждый ставил под вопрос точку зрения, лежащую в основании социальных наук: идеал научного позитивизма, строгое отделение объективного от субъективного, факта от ценности, эмпиризма от политической и моральной пропаганды¹. Каждый из трех «поворотов» подчеркивал значение языка, смысла и интерпретации как центральных фено-

¹ *Berkhofer R.F. Beyond the Great Story. History as Text and Discourse. Cambridge; L., 1995. P. 1.*

менов с точки зрения человеческого понимания окружающего мира, а значит, понимания самого человека. Все они утверждали, что методологии, внедренные в процесс овладения научным знанием, не являются универсальными и вневременными, они социальны и культурно обусловлены и могут быть исторически определены как одна из сфер человеческой деятельности.

М.Ф. Румянцева указывает на «осознание непреодолимости человеческой субъективности»² как проявление эпохи постмодернизма в сфере эпистемологии и одновременно причину кризиса глобальных исторических построений. Л.П. Репина подчеркивает, что главный вызов постмодернизма направлен против представления об исторической реальности – объект исторического познания трактуется не как нечто внешнее по отношению к познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Утверждается, что исторический нарратив не является адекватной реконструкцией прошлого, так как историческое повествование носит искусственный, креативный характер, выстраивая неравномерно сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временной ряд³.

Понимание связи между историком, источником и историческим контекстом (реальностью прошлого) заметно усложнилось, на первый план вышла, порожденная современной гуманитарной рефлексией, проблема интерпретации корреляции источниковой информации и социально-исторического контекста⁴. Это обусловило включение в методологический арсенал исторической науки современных концепций философской герменевтики, теорий языка и дискурса.

Как можно охарактеризовать основные тенденции в эволюции представлений о предмете и путях исторического исследования, повлиявшие на формирование новых методологических течений во второй половине XX – начале XXI в.? Основатели «Анналов» М. Блок и Л. Февр в 1930-40-е гг. в острой полемике с представителями господствовавшего тогда позитивизма впервые в

² Румянцева М.Ф. Историческая наука и художественная литература: от модерна к постмодерну // История России XIX – XX веков: Новые источники понимания. М., 2001. С. 38.

³ Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории, 1996. М., 1996. С. 25–26.

⁴ Керов В.В. Отношение крайне правых к думским учреждениям предвоенного периода // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. М., 2002. С. 81.

рамках профессионального исторического сообщества обоснованно переставили акценты в определении предмета исторической науки. Она должна была превратиться из повествования о событиях и процессах, характеризующих деяния великих людей и народов, в исследование человека прошлых обществ – индивидуума с присущими ему сознанием, поведением, образом жизни, формами деятельности, представителя различных социальных слоев и категорий. Именно в этом смысле М. Блок определял историю как «науку о людях во времени»⁵, а Л. Февр писал, что «история – наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах или явлениях... Она использует факты, но это – факты человеческой жизни... История использует тексты, но это – человеческие тексты»⁶.

Написание подлинно человеческой истории предполагало осуществление задач исторического синтеза – воссоздания объемной картины исторической жизни на разных ее уровнях, во взаимосвязи всех ее сфер, рассматриваемых как сферы человеческой активности. Воссоздание картины мира людей прошлого, их представлений и восприятия событий, поставленное «анналистами» в качестве одной из центральных задач исторического исследования, требовало изменения отношения к объекту исследования, который стал определяться как действующий субъект. В диалоге историка с человеком прошлого, составляющую важнейшую часть процесса исторического познания в понимании основателей школы «Анналов», историку отводилась активная роль, а его познавательные возможности оценивались высоко. Л. Февр отмечал, что «задача историка – постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать»⁷.

Характерной чертой исследовательской практики представителей школы «Анналов» с самого начала стало применение не только специальных исторических концепций и методов, но и методологического инструментария других социальных и гуманитарных наук. Хотя контакты истории со смежными дисциплинами имели место изначально, а во второй половине XIX – начале XX в., в связи с бурным развитием социальных наук, резко интенсифицировались, именно М. Блок и Л. Февр сделали установку на междисциплинарность нормативным требованием исторического исследова-

⁵ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 18.

⁶ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 19.

⁷ Там же.

ния. Л. Февр писал, что историк должен использовать все источники, какова бы ни была их природа, «...те в особенности, что порождены бурным расцветом новых дисциплин: статистики, демографии..., лингвистики..., психологии...», подчеркивал: «постоянно устанавливать новые формы связей между близкими и дальними дисциплинами, *сосредоточивать на одном и том же объекте исследования взаимные усилия различных наук – вот наиглавнейшая задача из тех, что стоят перед историей* (курсив мой – О.П.), стремящейся покончить с изолированностью и самоограничением, – задача самая неотложная и самая плодотворная. Речь идет не только о заимствовании понятий, хотя иногда оно и необходимо. Но прежде всего – о заимствовании методов и духа исследования»⁸. Так по сути впервые в историографии была поставлена задача создания на базе обновленной истории новой интегральной науки о человеке, имеющей полидисциплинарный характер.

В дальнейшем, наряду с исследованием социальных и экономических структур и процессов, уже в 1960 и в 1970-е гг. широкое развитие в рамках французской «новой исторической науки», а под ее влиянием – в целом в мировой историографии, получила история ментальностей (и близкие ей историографические направления: социокультурная, новая культурная история и т.д.), представители которой выступили за возвращение в исторический труд реального, живого человека, против обезличивания истории. Ментальность мыслилась большинством авторов как коллективное мировидение и мировосприятие, коренные установки и привычки сознания, определяющие стиль жизни, поведение, культуру индивидов и групп. Считалось, что она выражает не столько индивидуальные установки личности, сколько внеличностную сторону общественного сознания и психологии, будучи воплощена в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях, верованиях. Характерное для всех представителей «новой исторической науки» понимание сложной природы ментальности, в которой переплетены сознательные и бессознательные элементы, а мысль не отделена от эмоций, позволило выработать и главный принцип критики привлекаемых источников – не верить непосредственно выраженным заявлениям людей, оставивших те или иные тексты и другие памятники, но «докапываться» до более потаенного пласта их сознания, который может быть обнаружен в источниках как бы против намерений и воли их создателей⁹.

⁸ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. С. 20.

⁹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 60.

Значимой вехой в осмыслении предмета и метода исследования человека и общества прошлого стало оформление в 1970-е годы исторической антропологии, которую А. Бюргер определил как общую ориентацию исторического знания, а Жак Ле Гофф – как глобальную концепцию истории, которая объемлет все достижения «новой исторической науки», объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии¹⁰. К этому времени стало ясно, что для понимания истинной роли человека в истории недостаточно знания содержания и значения «автоматически» действующих в данной культуре, «безликих» ментальных структур. Одним из средств обновления методологического арсенала истории стало использование достижений социальной и культурной антропологии, социологии, лингвистики. Однако и исторической антропологии образца 1970-х годов не удалось избежать печати представлений об автоматизме действия социокультурных тенденций и процессов. На основе критики этих явлений и одновременно под ее влиянием сформировались родственные направления: микроистория (Италия), история повседневности (Германия), новая локальная история (Великобритания), новая интеллектуальная и новая культурная история (Франция, США), в рамках которых историческое исследование приобрело особый ракурс. Влияние постмодернистской картины мира с ее отказом от целостности, фрагментацией, локализацией и индивидуализацией реальности, с одной стороны, и внутренняя потребность исторической науки в обновлении, с другой, обусловили рост внимания к особенному, индивидуальному и уникальному в истории. Наметилась отчетливая тенденция корректировки представлений о человеке как объекте исторического исследования. На первый план вышли личностные поведенческие стратегии, выбор и интерпретация.

Л.П. Репина отмечает, что «в фокусе современной историографии – человек, и все более – человеческая индивидуальность»¹¹, подчеркивая, что «история рассматривается как наука о человеке, изменяющемся в социально-темпоральном пространстве прошлого и своими действиями непрерывно изменяющем это пространство»¹². Эту черту исторического познания новейшего времени подмечает и В.А. Бабинцев, призывая вернуться к ари-

¹⁰ Цит. по: Кром М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. С. 32.

¹¹ Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 17.

¹² Там же.

стотелевскому пониманию человека как существа одновременно индивидуального и социального¹³, а В.В. Высокова подчеркивает, что «в центре современной исторической науки оказалось изучение сознания человека прошлого и настоящего в его конкретном индивидуальном проявлении»¹⁴. Таким образом, если в рамках истории ментальностей и исторической антропологии человек рассматривался прежде всего как носитель коллективных представлений, то в русле новейших историографических течений – как обладатель и коллективного, и индивидуального сознания в их системном единстве и конкретном личностном воплощении.

Другая отчетливая тенденция в современной теории исторической науки – так называемая «деиерархизация» – связана с эрозией исследовательских разграничений, разделяющих элитарную и массовую культуры. Она была усилена «новым историзмом», который изучает произведения высокой культуры как часть историко-культурного ландшафта эпохи. Это достигается, в частности, путем их сопоставления с обычными историческими документами, показывающего, что и то, и другое было частью социального и культурного устройства в определенный исторический период, «циркулировало» внутри общей культурной системы¹⁵. Все очевиднее становится общий «культурологический» поворот в развитии исторической науки на рубеже XX – XXI вв. в результате складывания социокультурного подхода к изучению исторического прошлого, в рамках которого ставится масштабная задача – раскрыть культурный механизм социального взаимодействия¹⁶. Представление о том, что все сферы общественной жизни (экономическая, социальная, политическая), социальные структуры и процессы имеют культурно-историческую обусловленность порождает все большее признание исследователей.

Указанные тренды привели к стиранию граней между такими направлениями как история идей и история ментальностей, интеллектуальная и культурная история, необходимости их интеграции на новой методологической основе. Выдвижение задачи изучения взаимосвязей и проявлений социального и индивидуального, рационального и иррационального в сознании и мышлении конкрет-

¹³ Бабинцев В.А. Маргинал, или Основной вопрос интеллектуальной истории // *Imagines mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 3. Интеллектуальная история*. Вып. 1. Екатеринбург, 2004. С. 13.

¹⁴ Высокова В.В. Интеллектуальная история – территория истории // Там же. С. 44.

¹⁵ См.: *Berkhofer R.F. Beyond the Great Story...* P. 11.

¹⁶ Репина Л.П. Междисциплинарность и история. С. 13.

ной личности, действующей в определенной исторической ситуации, социокультурном контексте, стремление «расшифровать» культурный код и символический мир ее действий – вот что создало основу для пересечения предметных полей этих историографических направлений. В результате такого сближения появилась новая интеллектуальная история. Нам представляется, что наиболее рельефно специфику ее предмета и задач выразила Л.П. Репина:

«Не порывая с историей идей, предметом традиционной интеллектуальной истории, она занимает гораздо более обширное исследовательское пространство и не является направлением, опирающимся на какую-либо одну научную парадигму. В отличие от традиционной интеллектуальной истории, она выступает по сути как культурно-интеллектуальная, изучая не только содержание и формы, но и условия интеллектуальной деятельности, интеллектуальный климат эпохи, рассматривая мыслительные комплексы в их социокультурном контексте»¹⁷.

Эти задачи по-настоящему трудны и масштабны и не могут быть решены силами одной традиционно понимаемой истории. Междисциплинарная кооперация истории и смежных дисциплин в изучении человека и общества прошлого, получившая наибольшее развитие во второй половине XX века в рамках школы «Анналов» и исторической антропологии, сегодня приобретает особое значение. Это связано с превращением истории, с ее новейшими методологическими ориентациями, в междисциплинарную научную сферу, интегрирующую усилия и результаты исследований разных наук о человеке, с «историческим поворотом» в развитии самих социальных и гуманитарных дисциплин. Расширение предметного поля исторических исследований, включающего вопросы, традиционно решаемые смежными науками, особое внимание к человеческой индивидуальности и проблемам сознания создают предпосылки и условия для реализации задач междисциплинарного синтеза в изучении человека. Особенно плодотворными в изучении человеческого сознания и поведения, реализации задач интеллектуальной истории в ее новейшем понимании являются теоретические подходы, идеи, концепции и методы семиотики, лингвистики, философской герменевтики, культурной антропологии, индивидуальной и социальной психологии, социологии. Необходимо творчески переработать и освоить теоретические достижения в развитии самих этих дисциплин, произошедшие в последние десятилетия.

¹⁷ Репина Л.П. Интеллектуальная история сегодня // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 2. М., 2000. С. 8-9.

В реализации задач современной интеллектуальной истории важное значение имеет выработка адекватных источниковедческих подходов. Они, на наш взгляд, базируются на понимании исторического источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры¹⁸. В свою очередь, это ориентирует на системное изучение источников, на обращение ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе различные аспекты развития общества и личности¹⁹. Особую значимость имеют источники личного происхождения, язык которых рассматривается как способ самовыражения человека. Повторяемость и устойчивость речевых практик в источниках может служить основой для более широких обобщений²⁰. Именно осознание «непрозрачности» всякой социальной реальности, не имеющей прямого и непосредственного выражения в источниках, и определило постановку вопроса о необходимости интерпретации источникового материала с помощью современных научных подходов и методов целого ряда смежных наук.

Большую помощь в исследовании проблем интеллектуальной истории может оказать семиотика как метод анализа культурного контекста человеческого существования, позволяющий за непосредственным впечатлением от знака разглядеть более широкие значения и социальные функции знаковых систем²¹. Ю.М. Лотман дает ключ к изучению семиотики истории, рассматривая текст исторического источника как зашифрованное описание, требующее реконструкции набора кодов, которыми пользовался создатель текста, и установления их корреляции с кодами, которыми пользуется исследователь²². Семиотика истории предлагает выявлять в прошлом символы и коды, переводить их в со-

¹⁸ См.: Медушевская О.М. Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.

¹⁹ Источниковедение: теория, история, метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М., 2000. С. 26–27.

²⁰ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 73.

²¹ Смирнова Е.Р., Шапкина Н.В. Человек в контексте культуры. Введение в социокультурную антропологию. Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. Саратов, 1997. С. 23.

²² Лотман Ю.М. Проблема исторического факта // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 302.

ответствии с современной знаковой системой и таким путем расшифровывать смысл источника²³. Б.А. Успенский обращает внимание на то, что «культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым представляется то, что является значимым с Их точки зрения»²⁴. Необходимо реконструировать субъективные мотивы, являющиеся импульсом для тех или иных действий исторических персонажей, что, в свою очередь, предполагает воссоздание системы представлений, обуславливающих как восприятие тех или иных событий, так и реакцию на эти события²⁵.

Актуальными в современной исследовательской ситуации оказались философские концепции герменевтики. Герменевтика, которая изначально выступала как искусство толкования текстов и учение о принципах их интерпретации, рассматривается сегодня как общая теория понимания и все настойчивее претендует на статус универсальной философской науки»²⁶. Так, в рамках герменевтики был разработан принцип «лучшего понимания», выдвинутый впервые Ф. Шлейермахером – понять текст и его автора лучше, чем сам автор понимал себя и свое собственное творение²⁷. В дальнейшем это положение было развито В. Дильтеем, Г.-Г. Гадамером и другими авторами. Ф. Шлейермахер ввел и новое понимание принципа герменевтического круга: в соответствии с ним текст-памятник рассматривается как часть, а культура, в которой он функционирует, – как целое. Понимать отдельную мысль и произведение в целом можно, исходя из всей совокупности «жизненных отношений» автора текста²⁸. К истокам философской герменевтики, ее классическим образцам отечественные исследователи обращаются сегодня в поисках способов интерпретации текстов исторических источников путем воссоздания внутреннего мира их авторов, реконструкции типов поведения и мышления²⁹.

²³ *Филюшкин А.И.* Методологические инновации в современной российской исторической науке // АСТЮ NOVA, 2000. М., 2000. С. 26.

²⁴ *Успенский Б.А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Он же. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 11.

²⁵ *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С. 27.

²⁶ Герменевтика в России: Сб. науч. трудов. Вып. 1. Воронеж, 2002. С. 4.

²⁷ *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления // Герменевтика в России. Вып. 1. С. 18.

²⁸ Там же. С. 20.

²⁹ Например, герменевтический подход в качестве одной из составляющих методологического синтеза находится в основании таких новаторских работ отечественных авторов, как монография А.Л. Юрганова

Теория дискурса, сформулированная в трудах основателей и приверженцев различных течений постмодернизма и философской герменевтики Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко, Ф. Анкерсмита, Э. Хирша, П. Рикера, может служить концептуальным основанием дискурсивного метода анализа культурно-исторических, в том числе интеллектуальных, феноменов. Дискурсивный анализ базируется на интерпретации текстов (в том числе и исторических источников), речевых практик, включающей ряд взаимосвязанных стадий. В качестве первого шага необходимо выявить дискурсы внутри одного текста на основе определения их общей темы, терминологии, места в смысловом поле. Затем – классифицировать группы высказываний (дискурсов) внутри одного текста и описать их. В третьих – исследовать взаимоотношения между этими группами внутри одного текста и их связи с дискурсами в других исторических источниках внутри всей совокупности документов, относящихся к определенному периоду или теме. Это предполагает истолкование взаимосвязей значений тех или иных высказываний и конкретных символов в текстах, а также их эволюции в течение определенного исторического периода, установление корреляции между содержанием текста и результатами анализа социокультурного и исторического контекста человеческого существования.

В исследовании проблем культурно-интеллектуальной истории нельзя обойтись без использования достижений антропологии, внесшей значительный вклад в разработку теории культуры. Роберт Дарнтон отмечал, что обращение к антропологии обусловлено тем, что она предложила историкам то, что не смогла предложить даже школа “Анналов” в своем изучении ментальности: *связную концепцию культуры*³⁰. Важность ее применения определяется тем, что все межличностные отношения имеют культурную природу, в том числе и те, которые мы определяем как экономические или социальные³¹. Кроме того, систематическое истолкование культурных особенностей индивида и общест-

(Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998), книга И.Н. Данилевского (*Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.)*. М., 1998; *Он же. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.)*. М., 2001.) и др.

³⁰ Chartier R. Cultural History. Between Practices and Representations. Ithaca, N.Y., 1988. P. 97.

³¹ Darnton R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History. N.Y., 1984. P. 258.

ва возможно лишь при условии понимания организации культуры данного общества на глубинном уровне.

Одной из наиболее перспективных теорий культуры, созданных в антропологии, является концепция «плотного описания» К. Гирца. Ее актуальность определяется тем, что историк, изучающий прошлое, а тем более другую культуру, равно как и этнограф, не знаком (или не вполне знаком) с тем воображаемым миром, внутри которого действия людей являются знаками. Культура определяется Гирцем как контекст, внутри которого действия индивида, общественные установления и институты могут быть адекватно, т.е. «насыщенно» описаны³². Задача, которую выдвигает Гирц перед антропологией – «посмотреть на вещи с точки зрения действующего лица»³³, т.е. воссоздать представления носителей изучаемой культуры в ее собственных терминах, понять, что вкладывали люди в те или иные конструкции и формулы, в которые сами себя мысленно помещали и описывали. Очевидно, что эта установка актуальна для всех направлений социальных и гуманитарных наук, в центре интереса которых находится исследование человеческой культуры и человеческого сознания.

При изучении проблем культурно-интеллектуальной истории могут быть использованы подходы и методы социальной и исторической психологии. Начиная с 1930-х гг. психологи совместно с антропологами сфокусировали свое внимание на изучении проблемы «культура-личность». Результатом стало выявление взаимосвязи между культурными нормами, представлениями и традициями, в которых индивиды воспитываются, и чертами личности, наиболее часто встречающимися среди членов данного общества. Для их обозначения стали использоваться синонимичные термины, такие как «базовая структура личности», «модальная личность», «социальный характер», «национальный характер»³⁴. Была предложена гипотеза о том, что структура личности обеспечивает опосредованную связь между, казалось бы, не связанными чертами культуры, которые, тем не менее, находятся в единстве.

Социальная психология достигла немалых успехов в изучении социализации личности, показав роль культуры в этом процессе. Было установлено, что культура, являющаяся в начале

³² Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 183.

³³ Там же.

³⁴ From E. Escape from Freedom. N.Y., 1941; Kardiner A. and others. The Psychological Frontiers of Society. N.Y., 1945.

жизненного цикла человека внешней и принудительной по отношению к нему, становится внутренней, сложно инкорпорированной структурой его личности. Личность, принимая культуру, в которой она сформировалась, усваивает ее в своей собственной своеобразной версии. Достижения и выводы психологии в сфере изучения индивидуального мира человека также могут быть использованы историками при исследовании источников личного происхождения, произведений культуры³⁵.

Задачи исследования исторических форм человеческого сознания могут решаться с помощью использования достижений социологии, прежде всего, ее прикладных методов, таких как анкетирование и интервьюирование. Проведение глубокого (нестандартизированного) интервью является методом «устной истории», широко практикуемым в западной науке³⁶, а в последние годы – и отечественными исследователями. Его применение в культурно-исторических исследованиях связано прежде всего с неполнотой традиционных письменных источников по ряду тем, привлекающих сегодня внимание ученых – повседневной практики людей, их культурных предпочтений, менталитета, личностного сознания. Как отмечает авторитетный специалист в области теории и практики «устной истории» Пол Томпсон, свидетельства очевидцев обладают тройным потенциалом: позволяют разрабатывать новые подходы к интерпретации фактов, подтверждать справедливость прежнего истолкования исторических событий и демонстрировать, как они воспринимались на индивидуальном уровне³⁷.

Итак, изучение интеллектуальной истории сегодня – это сфера междисциплинарных исследований, где используются теоретические и практические достижения всех гуманитарных и социальных наук. Можно обозначить ряд условий междисциплинарных заимствований. Используемые концептуальные подходы смежных наук должны соответствовать требованиям современной интеллектуальной ситуации, новейшей парадигмы гуманитарного знания; позволять рассматривать объект исследования – человека прошлого, как носителя определенной культуры и в то же время личностного сознания – под разным углом зрения, с разных

³⁵ *Gottschalk L., Kluckhohn C., Angell R.* The Use of Personal Documents in History, Anthropology, and Sociology // Social Science Research Council. *Bulletins* 49 and 53. N.Y., 1942, 1945.

³⁶ См.: *Том Дж.* Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка // Пер. с англ. М., 2000. С. 263-284; *Томпсон П.* Устная история. Голос прошлого. М., 2003.

³⁷ *Томпсон П.* Указ. соч. С. 263.

сторон, создавая его «голографическое» видение. Положения, выводы и методы, используемые в рамках одного исследования; не должны в своей теоретической основе кардинально противоречить друг другу. Предпочтительно избегать прямого «перенесения» методов смежных дисциплин, их концепции и технологии должны применяться творчески, с учетом специфики исторического исследования, его источниковедческой парадигмы.

В процесс изучения культурно-интеллектуальной истории должны быть вовлечены не только процедуры научного анализа, но и синтеза, в которых большую роль играют интуиция, сила мысли и творческое воображение ученого. Это, наряду с использованием междисциплинарных научных подходов и методов, позволяет исследователю, изучая индивидуальность человека другого общества или эпохи, постигать «чужую одушевленность».

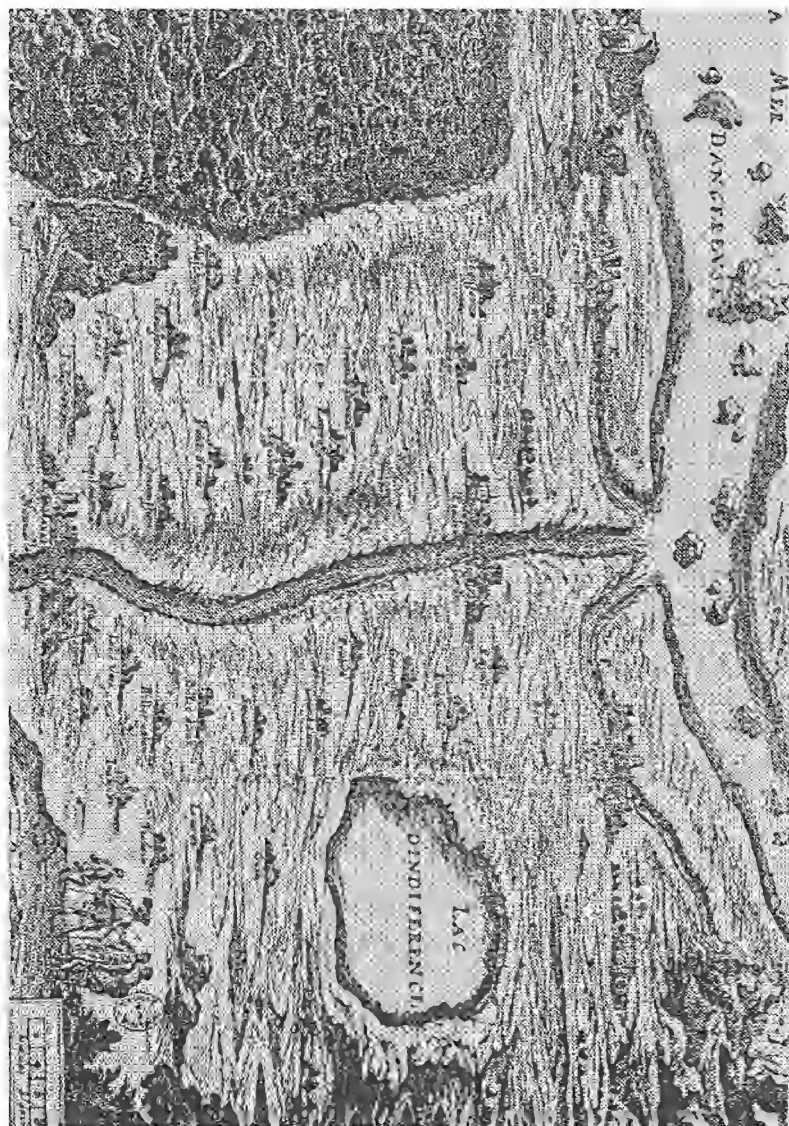
А.В. Стогова

МЕТАМОРФОЗЫ «НЕЖНОЙ ДРУЖБЫ»: К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И ВОСПРИЯТИИ РОМАНОВ В XVII ВЕКЕ

В 1654 г. вышел первый том «Клелии» мадемуазель Мадлен де Скюдери, книги, с нетерпением ожидаемой читателями и сразу получившей большую известность. Изюминкой романа, о которой немедленно заговорили в свете, была карта Страны Нежности, описанная главной героиней.

Согласно этой карте, территория Страны Нежности ограничена с запада морем Неприязни, с севера – Опасным морем, за которым простираются Неизведанные земли, с востока – озером Равнодушия, а с юга – безымянными горами. Страну пересекают три крупные реки – Признательность, Склонность и Уважение. На каждой из них расположено по крупному городу – Нежность-на-Признательности, Нежность-на-Склонности и Нежность-на-Уважении. Кроме того, в верховьях реки Склонность находится самый крупный город страны – Недавнее Знакомство (*Nouvelle Amitié*). С Нежностью-на-Склонности его связывает самый простой водный путь, без каких-либо промежуточных пунктов. К Нежности-на-Признательности, расположенной в западной части страны ведет дорога через селения Любезность, Покорность, Мелкие Заботы, Ухаживание, Предупредительность, Большие Услуги, Чувствительность, Нежность, Повиновение и Верная Дружба. Однако если слишком уклониться влево, то дорога через Бестактность, Надменность, Коварство, Злословие и Злобу приведет к морю Неприязни. К Нежности-на-Уважении от Недавнего Знакомства также идет дорога через Изрядный Ум, Изящные Стихи, Галантную Записку, Любобное Послание, Искренность, Сердечность, Честность, Великодушие, Пунктуальность, Почтение и Доброту. Однако если взять правее, то путь через Оплошность, Неравенство, Безразличие, Непостоянство и Забвение заведет в окрестности озера Равнодушия¹.

¹ *Scudéry M. de. Clélie, histoire romaine. Paris, 1654. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 399-405.*

Карта «Страны Нежности»
(Скюдери М-М де «Клелия». Ч 1 Кн. 1)

Такая оригинальная картографическая аллегория была квинтэссенцией рассуждений главной героини романа о том, что представляет собой «нежная дружба» (*amitié tendre*). Само это новое понятие, равно как и карта, очень скоро стали предметом многочисленных дискуссий и сыграли важную роль в галантной («прециозной») культуре того времени. Однако до сих пор в трактовке сущности нежной дружбы нет единодушия. Среди современных исследователей одни полагают, что «прециозницы называли "нежной дружбой" очищенную форму любви...»². Как пишет Мириам Мэтр, нежная дружба «это действительно новая форма любви, так же как и прециозницы были новым типом девушек и женщин»³. Другие же подчеркивают, что, «вопреки распространявшемуся повсеместно мнению, *Карта Страны нежности* представляет собой, не карту любви, а только лишь дружбы»⁴, а сама «Нежность была для Мадлен де Скюдери страной интимной дружбы»⁵. Шанталь Морле-Шантала, автор фундаментального исследования, посвященного «Клелии», пишет

«В образе Клелии, предлагающей знаменитую карту, восхваляется, прежде всего, знаток дружбы, в современном значении слова... Это она предлагает изначальные разделения карты, посвященной, прежде всего, дружеским чувствам»⁶.

Интересно, что первую точку зрения отстаивают в основном исследователи, изучающие различные социальные явления в обществе XVII века, тогда как ко второй чаще склоняются те, что специализируются на творчестве мадемуазель де Скюдери. Напрашивается мысль о том, что разрыв в понимании произошел не столько между текстами и исследователями, сколько между Мадлен де Скюдери, текстом ее романа и читателями. Очевидно, именно этот разрыв заставляет многих современных исследователей писать о том, что нежная дружба может быть прочитана и

² Pelous J.-M. *Amour précieux, amour galant* (1654-1675). *Essay sur la representation de l'amour dans la littérature et la société mondaine*. Paris, 1980. P. 340.

³ Maitre M. *Les précieuses. Naissance des femmes de lettres en France au XVIIe siècle*. Paris, 1999. P. 587.

⁴ Duchêne R. *Les précieuses ou comment l'esprit vint aux femmes*. Paris, 2001. P. 33.

⁵ Orenstein G. F. *Journey Through Mlle. De Scudery's Carte de Tendre: A 17th-Century Salon Woman's Dream / Country of Tenderness*. С интернет-ресурса: <http://www.femspec.org/samples/salon.html>

⁶ Morlet-Chantalat Ch. *La Clélie de mademoiselle de Scudéry. De l'épopée à la gazette : un discours féminin de la gloire*. P., 1994. P. 327.

как любовь, и как дружба и что она «...адресована как мужчинам, так и женщинам, как подругам, так и поклонникам»⁷, но при этом включать ее в контекст представлений о любви.

В тексте самого романа «нежная дружба», несомненно, отнесена к категории дружеских отношений. В частности, она предстает как наиболее интимная, тесная форма дружеских отношений в следующей классификации: полудрузья или приятные знакомства (*demy amis*); новые друзья (*nouveaux amis*); просто друзья (*simplement mes amis*); друзья по привычке (*amis d'habitude*); надежные друзья (*solides amis*); близкие друзья (*amis particuliers*); нежные друзья (*tendres amis*)⁸. В русле тех же рассуждений и следуя традициям трактатов о дружбе, «нежная дружба», как дружба совершенная, противопоставляется «обычной дружбе» («существует столь большая разница между нежным другом и обычным, что различие между нежным другом и возлюбленным едва ли больше»⁹). Эта дружба вызывает сильные волнения в сердце, но при этом наполняет его огромной радостью, заставляет во всем отличать своего друга, с равным удовольствием оказывать ему как крупные услуги, так и помощь в мелких заботах. Доверительные беседы нежных друзей более сладки, а письма столь душевны, что они хранятся и перечитываются. Нежная дружба объединяет в себе всю сладость и совершенство дружеских отношений. Клелия признает, что «...не имея ничего от необузданности любви, она, однако, во многом на нее походит»¹⁰, но подчеркивает, что эти отношения могут связывать всех, кому знакома нежность, и что она не хотела бы «иметь ни подруг, ни друзей, которые не обладали бы нежным сердцем»¹¹. В ее рассуждениях «нежная дружба» тщательно отграничивается от того, что зовется любовью:

«Я хорошо понимаю, ответила Клелия [на реплику собеседницы], что можно говорить о нежной дружбе, и даже, что существует значительное различие между обычной дружбой и нежной. Но, Созонисба, я никогда не слышала, чтобы говорили о нежной любви, и всегда полагала, что это ласковое и значительное понятие посвящено совершенной дружбе, и, говоря лишь о ней одной, можно употреблять слово "нежный"»¹².

Однако у современников, знакомых с романом, можно встретить совершенно иную трактовку «нежной дружбы». Даже близко

⁷ Maitre M. Op. cit. P. 588.

⁸ Scudéry M. de. Op. cit. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 391.

⁹ Ibid. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 211.

¹⁰ Ibid. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 212.

¹¹ Ibid. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 210.

¹² Ibid. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 203.

знакомый с писательницей Жиль Менаж писал через много лет спустя после «Клеели»: «Именно мадемуазель де Скюдери придумала любовь нежности (*amour de tendresse*)»¹³. Эта замена слова «дружба» на «любовь» весьма наглядно демонстрирует трансформацию, произошедшую с понятием, введенным Мадлен де Скюдери, и репрезентирующей его картой, на которой обнаружили дорогу вовсе не к дружбе. Так, анонимный автор «Письма М.Д. о карте Страны Нежности, адресованного блистательной М.С.» говорит о дороге в Неизвестные земли, под которыми на карте Нежности подразумевались любовные отношения:

«Карта Нежности не упоминает об этом [пути], однако, учитывая манеру, в которой мне ее излагали, я был удивлен, что о нем позабыли. Он называется дорогой Случайности. Она идет через лес, зовущийся Счастливым Случаем, и заканчивается у моста, именуемого Женская Слабость. Говорят, что от этого моста рукой подать до Неизвестных земель»¹⁴.

Оказалось, что расстояние и впрямь невелико. Слегка изменив направление движения, можно было в корне поменять понимание «нежной дружбы», как это видно из стихотворения Рено де Сегрэ:

Вы признаете ль новую ту карту,
Что хочет Нежности дорогу указать?
Чтобы умерить красоты суровость
Я ею пользовался снова этим утром.
Но, верьте мне, – всего лишь это шутка.
Дорога главная, кратчайшая из всех,
Лежит чрез Украшенья¹⁵.

Уже через несколько лет после выхода романа понимание нежной дружбы как формы любовных отношений основательно закрепилось в свете. Шарль Сорель написал целое «Рассуждение за и против нежной дружбы вне брака», в котором, в частности, дает такое ее определение:

«Чтобы точно определить нежную Дружбу, я скажу вам, что мы понимаем под ней благородную привязанность, связывающую двух людей *разного пола* (курсив мой – А.С.), каковая делает так, что им приятно видеться друг с другом и беседовать, и оказывать всяческие услуги, для каких они только найдут возможность. Женщины и девушки обладают такой мягкостью и приятностью ума, что обыкновенно влекут сердца мужчин любить их с нежностью и деликатными чувствами, ко-

¹³ *Ménage J. Menagiana sive excerpta ex ore Aegidii Menagii. P., 1693. P. 398.*

¹⁴ *Lettre de M.D. sur la Carte de Tendre écrite à l'illustre M.S. (Recueil de Sercy : prose, 1658).* С интернет-ресурса: www.miscellanees.com/t/tendre01.htm

¹⁵ *Segrais R. de. Sur la Carte de Tendre (Recueil de Sercy : poésies, 1653-1660).* С интернет-ресурса: www.miscellanees.com/t/tendre01.htm

торых нет в дружбах между мужчинами. Так что, воистину, именно эта дружба должна зваться Нежной»¹⁶.

И если Сорель четко оговаривает, что объектами такой привязанности являются лишь «блестящий ум, приятный нрав и искренность души»¹⁷, то Мольер не делает и этого.

В «Смехотворных жеманницах» он также интерпретирует карту страны Нежности как путеводитель по любви и галантным отношениям. При этом речь идет об обычной любовной игре, а не идеализированных платонических взаимоотношениях. Не случайно, карта как бы урезается, Мольер перечисляет лишь те названия селений, которые связаны с галантной культурой и сконцентрированы в правой части карты на пути к Нежности-на-Уважении. Те же, что расположены в левой, вдоль дороги на Нежность-на-Признательность, и в большей степени отражают дружеские добродетели (Мелкие Заботы, Предупредительность, Большие Услуги и т.п.), не удостоиваются внимания¹⁸. Мадлон, героиня пьесы, перечислив достоинства настоящего поклонника (умение изъяснять возвышенные чувства, нежность, покорность и т.д.) и правила построения любовной интриги, заявляет:

«Мадлон: ...Таковы законы хорошего тона, таковы правила ухаживания, следовать которым обязан светский любезник. Но пристало ли чуть не с первой встречи вступать в брачный союз, сочетать любовь с заключением брачного договора, роман начинать с конца? Повторяю вам отец: это самое отвратительное торгашество. Мне делается дурно при одной мысли об этом.

Горжибюс: Что за тарабарщина! Вот уж поистине высокий стиль!

Като: И точно, дядюшка: сестрица здраво о вещах судит. Пристало ли нам принимать людей, которые в хорошем тоне ничего не смыслят? Я готова об заклад побиться, что эти неучтивцы никогда не видали карты Страны нежности, что селения Любезные услуги, Любовные послания, Галантные изъяснения и Стихотворные красоты – это для них неведомые края. Ужели вы не замечаете, что самое обличье этих господ говорит об их необразованности и что вид у них крайне непривлека-

¹⁶ *Sorel Ch. Discours pour et contre l'Amitié Tendre hors le Mariage // Oeuvres diverses ou Discours meslez. Paris, 1663. P. 133-134.*

¹⁷ *Ibid.* P. 134.

¹⁸ Между тем, как отмечают некоторые исследователи, дорога на Признательность в левой части не только менее посещаемая, как можно судить по величине промежуточных пунктов, но также более интересующая повествователя, который посвящает ей гораздо более пространное объяснение, чем части связанной с Уважением. См.: *Gains J.F., Roberts J.A. The geography of love in seventeenth-century women's fiction // Sexuality and Gender in Early Modern Europe. Institutions, texts, images / Ed. by J.G. Turner. Cambridge, 1993. P. 301.*

тельный? Явиться на любовное свидание в чулках и панталонах одного цвета, без парика, в шляпе без перьев и в кафтане без лент!...»¹⁹.

Если эту интерпретацию можно считать комической гиперболой, то более убедительным будет следующий пример. В одной из самых известных своих трагедий, «Андромаха», Расин вкладывает в уста влюбленного Ореста выражение «нежная дружба», так же интерпретируя его в любовном смысле:

«Вы будете любить меня, мадам, желая ненавидеть / О, боги! Сколько почтения, такая нежная дружба...» («Vous m'aimez, madame, en me voulant haïr. / O dieux! tant de respects, une amitié si tendre...»)²⁰.

Очевидное несоответствие в трактовке понятия «нежная дружба» у Мадлен де Скюдери и ее современников и стало причиной разногласий современных исследователей. Именно это заставляет нас поставить вопрос о том, как рождалось понятие «нежной дружбы», как воспринимались читателями романы XVII века и какие факторы влияли на понимание текстов.

Некоторые черты нежной дружбы видны еще в рассуждениях героев «Кира Великого», предыдущего романа мадам де Скюдери. Что же касается Карты Страны нежности, то она не была напрямую связана с литературной деятельностью. Само понятие «нежной дружбы» родилось на «субботах», в известном салоне писательницы. С одной стороны, идея его создания была навеяна восхищением Мадлен де Скюдери перед мадам Рамбуэ и ее знаменитыми приемами в «голубой гостиной», где можно было увидеть все сливки общества и самых именитых литераторов. Но Мадлен де Скюдери (она дала себе прозвище Сафо) принадлежала в силу своего положения в обществе к иному, буржуазному кругу, и посему ее «субботы» были не сопоставимы с другими знаменитыми собраниями (которым они в некотором роде даже противостояли) не только по величю, но и по царившей в нем атмосфере. Это была не часть светской жизни, а встречи с друзьями, число которых было весьма ограничено. Писательница продолжала посещать различные салоны и вести активную светскую жизнь. Само слово «суббота» вовсе не означало конкретный день

¹⁹ Мольер Ж.-Б. Смехотворные жеманницы / Пер. Н. Яковлевой // Мольер Ж.-Б. Комедии. М., 1954. С. 66.

²⁰ Racine J. *Andromaque* // Racine J. Oeuvres. V. 2. Paris, 1885. P. 71. (Act 2 scene 2). Не случайно переводчики на русский язык, И.Я. Шафаренко и В.Е. Шора вовсе опускают это выражение, рассматривая его лишь как синоним к слову «любовь»: Кого хотим любить, тот нам — увы! — не мил; / А тот, кого клянem, нам сердце полонил. / Я безразличен вам. Расин Ж. Андромаха // Расин Ж. Трагедии. М., 1977. С. 28.

встреч²¹, иногда могло быть до трех «суббот» в неделю, в зависимости от настроения хозяйки и ее гостей. Да и встречи не всегда происходили в ее небольшом и не слишком для этого пригодном доме. Многие из встреч проходили в доме, где жила мадам Арагоннэ (в том числе известный исследователь мадригалов²²), или у сестер Боке. Некоторые субботы проводились и у Валентина Конрара. И, несмотря на то, что число друзей, регулярно посещавших эти собрания, было весьма невелико, круг вовлеченных в дискуссии, которые там велись, был гораздо шире.

Еще в «Кире Великом» писательница описала людей, входящих в число избранных. Прежде всего, это четыре ее ближайшие подруги – мадам Арагоннэ, м-ль Робино, и сестры Боке:

«Эти четыре персоны... так привыкли все время быть вместе, что сделались неразлучны. Не то, чтобы они не встречались иногда с другими дамами их круга, но встречались с ними не столь прилежно, как друг с другом»²³.

Все эти дамы, а также м-ль Лежендр и м-ль Корнюель, были женами, вдовами или дочерьми финансистов и жили по соседству с писательницей в квартале Марз; между собой их связывали также отношения родства и клиентелы. Согласно тексту романа, они были окружены еще пятью-шестью мужчинами, с которыми были неразлучны. Речь идет, прежде всего, о группе молодых гугенотов из Кастре, с которыми мадемуазель де Скюдери познакомилась в 1653 г., благодаря их «предводителю» Полю Пелиссону-Фонтанье²⁴: Ж.-Ж. Донневиль, С. Изарн, Ж. Раншен, А. ла-Бастид и сам Пелиссон. Завсегдатаями этих встреч были и такие известные литераторы, как Ж.-Ф. Саразен, В. Конрар, а также А. Годо и Ж. Ренси, иногда заходили также Ж. Менаж, Ж. Шаплен, герцог Монтазье, м-ль Арпажон, мадам де Сент-Анж, де Риё, де Сен-Симон и др., с которыми писательница активно общалась в других салонах. В итоге получился круг людей, состоявших в са-

²¹ В других салонах встречи проводились по строго фиксированным дням, за каждой хозяйкой известного салона был закреплен определенный день недели.

²² Встреча 20 декабря 1653 г. была целиком посвящена составлению и заслушиванию мадригалов, многие из которых сохранились.

²³ *Scudéry M. de. Artamène ou Le Grand Cyrus*. Цит. по: Aronson N., *Mademoiselle de Scudéry ou le voyage au pays de Tendre*. P., 1986. P. 222.

²⁴ С самим Пелиссоном, основателем «Академии» в Кастре, они познакомились раньше, во время его длительного пребывания в Париже между 1645 и 1648 гг.

мых разных отношениях друг с другом, но которых Мадлен де Скюдери выбирала по принципу личной привязанности.

Их общение отнюдь не сводилось к «субботам», а интересы были самыми разнообразными, но преобладала среди них, конечно, изящная словесность. Одним из результатов их общения стали своеобразные «Хроники “Субботы”», составленные Пелиссоном из многочисленных записок (шутливых и порой провоцирующие фривольных), которыми они обменивались; а также некоторых плодов их литературного творчества за 1653–54 гг., т.е. непосредственно предшествовавших изданию первого тома «Клелии»²⁵. Именно по этим текстам видно, как выкристаллизовывалось понятие нежной дружбы, и как родилась карта Страны Нежности.

И то, и другое связано, прежде всего, с именем Поля Пелиссона и его отношениями с писательницей. Как видно и из посланий мадемуазель де Скюдери к другим завсегдаям «суббот», она желала видеть их своими друзьями или, во всяком случае, обозначать свои отношения с ними именно таким образом²⁶. Словосочетание «нежная дружба» появляется как определение отношений хозяйки салона с другими ее близкими знакомыми. Самому Пелиссону Сафо отказывала в «нежной дружбе», хотя он страстно желал ее удостоиться²⁷. Это новое понятие, которое поначалу писательница не может точно описать («...что касается моих нежных друзей, которых я не могу точно определить и которых у меня сейчас так мало...»²⁸), и которое подчеркнуто противопоставляется ее чувствам к Пелиссону, тем не менее, своим осмыслением и введением в оборот обязано отношениям именно с ним, их развитием и попытками определить степень близости. Описывая свои отношения с Пелиссоном, мадемуазель де Скюдери говорит сначала о «зарождающейся дружбе», затем он был возведен ею в ранг «некоторых друзей», и, наконец – в «близкие друзья». До заветной нежной дружбы оказалось весьма далеко.

²⁵ О своеобразии этого документа см. в предисловии к его современному изданию: *Scudéry M. de, Pelisson P. et leurs amis. Chroniques du Samedi, suivies de pièces diverses (1653-1654)*. P., 2002.

²⁶ В одном из посланий Донневиль говорит о своем «...уважении и дружбе, поскольку вы разрешили мне так называть те чувства, что я питаю к вам». *Réponse de Méliante // Ibid.* P. 57.

²⁷ «Но когда видишь Сафо раз в неделю, когда видишь, как она дарит эту нежную и подлинную дружбу другим, когда знаешь, как я, ей цену, нужно ли говорить вам, Мадемуазель, что это невыносимо». *Réponse d'Acante à Sapho // Ibid.* P. 74.

²⁸ *Réponse de Sapho // Ibid.* P. 78.

Осмысление того, что же такое нежная дружба, с самого начала происходит в связи с рассуждениями не только о дружбе, но и о любви. Однако дело было даже не столько в чувствах Пелиссона к писательнице, сколько в его отношении к мадемуазель Перрике. Связь с ней являлась основным препятствием, не позволявшим мадемуазель де Скюдери считать его нежным другом.

«Поскольку я встречала в жизни несколько влюбленных друзей, — убеждала она, — я слышала от них, что сопротивление усиливает любовь, и что достаточно одной лишь надежды, чтобы эта страсть могла очень долгое время оставаться в тех сердцах, которые обладают сразу и нежностью, и настойчивостью²⁹. Но, Сударь, в дружбе все обстоит иначе, ибо она чахнет при первых же встреченных затруднениях, и необходимо столько мелких забот для ее поддержания, что я не знаю, правы ли вы в своей вере, что сможете достичь с подругой того же, чего достигли с возлюбленной»³⁰.

Уверения Аканта, как его прозвали в кругу мадемуазель де Скюдери, в настойчивости его дружбы заставляли ее лишь выдвигать новые возражения и уверять его, что она не хочет отдавать всю свою нежность тому, кто не в состоянии ценить ее, как сладчайшую вещь в мире³¹.

Во время одной из «субботних» бесед Сафо сказала, что разделяет друзей на новых, близких и нежных. Пелиссона она отнесла к близким друзьям, и именно в ответ на его вопрос, далеко ли ему до нежной дружбы, и была составлена знаменитая карта. Опять же, благодаря настойчивому желанию Пелиссона войти в число нежных друзей, Страна Нежности из речевого оборота превратилась в некую игровую реальность. Поскольку это символическое пространство ее чувств давно существовало в его сознании, как нечто недоступное ему, однако вполне освоенное другими, Пелиссон стал активно использовать однажды возникший образ этой страны, допытываясь у Сафо, какими путями (по земле дилижансом, по воде или по воздуху) и как скоро можно до нее добраться³². Собственно речь в их записках идет не столько о

²⁹ Пелиссону дали прозвание «настойчивый» из-за того, что он так упорно стремился завоевать нежную дружбу мадемуазель де Скюдери.

³⁰ *Sapho à Acante // Scudéry M. de, Pelisson P. et leurs amis. Op. cit. P. 68.*

³¹ *Réponse de Sapho // Ibid. P. 77.*

³² Он выбрал воздушный путь, как самый быстрый. Перебирая различные возможности передвижения по воздуху (в том числе и различные проекты летательных машин, существовавшие к тому времени), он предпочел превращение в муху: («я вовсе не желаю быть ни орлом, ни даже корольком, и удовлетворился бы тем, чтобы быть мухой, тем более, что уже имею некоторое сходство с этим животным. Я не произвожу шума. Я

Стране Нежности (хотя ее карту Сафо начертила на следующей же встрече после первых вопросов), сколько о дорогах и расстоянии от Близкой дружбы до Нежной, которое, по мнению мадемуазель де Скюдери было весьма велико³³.

Постепенно этот дискурс «путешествия в Страну Нежности», как и само выражение «нежная дружба», переняли и другие члены сообщества мадемуазель де Скюдери:

«Я не могу до Нежности добраться

Среди бесчисленных соперников.

Тщеславно как рассчитывать на это!» – писал Донневиль³⁴.

Сама карта сделалась не только их общим достоянием, но стала известна и многим другим. Сама Сафо демонстрировала ее у мадам де Плесси-Генего. Из фигурального выражения, которым Сафо и Акант определяли развитие их отношений, Страна Нежности превратилась в салонную игру. Однако, став достоянием завсегдатаев салона, она оказалась еще больше отстраненной от их взаимоотношений, поскольку даже не была теперь их личным образом, а стала достоянием многих. Кроме того, на судьбу Аканта стали оказывать влияние и «местные жители».

Если между Пелиссоном и Сафо говорилось не столько о Стране Нежности, сколько о продвижении к ней, то постепенно Нежность все больше обретала черты конкретной территории. Это хорошо видно по изменению самой карты. Первый ее вариант, созданный в ответ на вопрос Аканта, не сохранился. Однако существует «Географический трактат для пользы тех, кто хочет разобраться в карте, дабы отправиться из Близкой Дружбы в Нежность», где территория Страны Нежности подробно описана. Согласно этому трактату, первоначально она виделась совершенно не иначе, чем в более позднем варианте.

часто докучаю, но никогда не раню. Я безумно люблю сладкое, и меня даже несколько раз обвиняли в том, что я тонкая штука (*fine touche*). Нет другого такого животного, которое позволило бы так легко себя поймать, как я». *Acante à Sapho // Ibid. P. 127*). В ответ на это мадемуазель де Скюдери заметила, что он сможет многое увидеть по дороге, если только его не подведут слабые крылья, и посоветовала, что он не сможет носить шарф, по которому его можно будет отличить от прочих мух, поскольку она привыкла их отгонять. *Réponse de Sapho // Ibid. P. 130*.

³³ Она посоветовала Пелиссону обзавестись крыльями птицы, поскольку мухе будет не под силу одолеть такое расстояние.

³⁴ *Madrigal de Méliante à Sapho // M. de Scudéry, P. Pelisson et leurs amis. Op. cit. P. 185.*

На горе Учтивости располагается самый крупный город Близкая Дружба (Particulier). На его территории берут начало три реки: Склонность (самая полноводная и бурная), Уважение и Признательность (более мелководные и медлительные). На каждой из них стоит город, и все они, как и в карте из «Клеелии», имеют одно и то же название – Нежность. В районе Нежности-на-Склонности в реку Склонность впадают две другие реки. Никаких иных поселений в этой стране нет. Быстрее всего достичь по воде можно Нежности-на-Склонности, но река очень бурная и порожистая. До Нежности-на-Уважении можно добраться, если сесть на один из имеющихся кораблей: «Изрядный Ум» (самый большой и надежный, но доступный немногим), «Изящные Стихи», «Галантную Записку» (почти одинаковые и очень нарядно украшенные) или «Почтение» (небольшое и невзрачное, но надежное судно). У этой реки имеется три притока, которые берут начало в озере Равнодушия – Забвение, Непостоянство и Оплошность.

До Нежности-на-Признательности также можно добраться водой, если сесть на «Любезность», «Покорность», «Повиновение» (легкие, но неустойчивые суденышки), «Ухаживание» (уродливое, но очень надежное весельное судно), «Предупредительность» или «Мелкие Заботы» (небольшие ларусные суда, непригодные в штиль). У Признательности есть два рукава, Коварство и Злорадство, которые впадают в море Неприязни. Все земли, лежащие за пределами территории четырех городов совершенно не исследованы, и есть мнение, что они бесплодны и безлюдны³⁵.

Судя по этому описанию, собственно Страны Нежности еще нет, имеется схема продвижения до того или иного города. Но постепенно картина менялась. Еще один имеющийся документ описывает, судя по всему, некий промежуточный вариант карты. Согласно ему, на территории страны уже имеются некоторые дополнительные селения. Реки Уважение и Признательность оказываются слишком мелководными, так что до расположенных на них городов приходится добираться пешком или дилижансом, не задерживаясь ни в каких поселениях³⁶.

Наконец, Страна Нежности, а соответственно и ее карта, обрели свой законченный вид. Страна Нежности теперь имела не только многочисленные селения, но и естественные границы. В этом плане важно, что символизировавшие любовные отношения Неизведанные земли оказались отодвинуты за пределы страны и даже отделены от нее Опасным морем, тогда как в первом варианте карты собственно они и занимали основную территорию с

³⁵ Discours géographique pour l'Utilité de ceux qui veulent apprendre la Carte pour aller de Particulier à Tendre // Ibid. P. 285-289.

³⁶ Собственно из всех селений упоминаются только Мелкие Заботы и Предупредительность на дороге к Нежности-на-Признательности. Eglouge. Atis, Amarillis // Ibid. P. 290-296.

крохотными изученными участками дружбы³⁷. Таким образом, сама страна, мыслимая как территория дружбы, стала более обширной, обжитой и определенной по отношению к Неизведанным землям. Соответственно, изменилась и суть той опасности, которой подвергались путешественники. Если по отношению к первым вариантам карты было важным *достигнуть* этой почти эфемерной нежной дружбы и отличить ее от любви, ибо они похожи как две капли воды, то впоследствии, в связи с тем, что реки изменили свое течение и устремили свои воды прямо к берегам Неизведанных земель, оказалось существенным суметь *оставаться* в обозначенных границах нежной дружбы.

Однако основной и весьма трудно решаемой задачей для путешественников по этой стране оставалось достижение одного из трех основных городов. Вопреки впечатлению, сложившемуся у Пелиссона, число «коренных жителей» было весьма невелико. Почти все «путешествующие» были чужаками, и для них, несомненно, более существенным было определить все тонкости и градации дружеских отношений, нежели вдаваться в вопросы любовной риторики. Сам статус жителя Нежности также не был постоянным, однако, как свидетельствует издаваемая в стране «Газета», дело было не в том, что жители отправлялись в дальнейший путь, намереваясь исследовать Неизвестные земли, а в том, что по каким-то причинам они теряли этот статус и оказывались в Забвении, Непостоянстве и других подобных местах. Согласно тому же документу, Нежность (без указания, какой именно из городов имеется в виду) делится течением реки на две части – Старый и Новый город, в одном обитала мадам Арагоннэ, ее дочь мадемуазель Лежендр и мадемуазель Робино, а в другом сестры Боке. Вследствие ссоры подруг обительницы старого города были временно высланы в Оплошность, однако после обещания соблюдать все законы страны они смогли вернуться³⁸.

³⁷ То, что под Нежностью подразумевалась именно дружба, эксплицитно выражено в одном из текстов, где от имени каждой из рек отстаивается приоритет того или иного маршрута. Так «Склонность», объявляет, что до истинной нежности можно добраться лишь по ней, а если отправиться по Уважению, то «надеясь прийти к Дружбе, вы доберетесь лишь до Славы». *L'Inclination, à ceux qui vont à Tendre, par Reconnoissance, ou par Estime // Ibid. P. 297.*

³⁸ *Gazette de Tendre // Ibid. P. 314.*

Если верить этим донесениям о перемещении путешественников из одного пункта в другой³⁹, число претендующих на звание нежных друзей оказалось гораздо больше, чем насчитывалось среди завсегдаев «суббот». Тут были и шевалье де Мерз, и мадам Рамбуйе, епископ Манский и другие лица. Стремление включить в число посвященных значительное число людей, а также само отождествление с неким государством, придает нежной дружбе черты идеализированной модели социального устройства, что было свойственно в целом идее дружбы того времени.

Что касается «несчастливого Аканта», то его не видели со времен остановки в Искренности и поговаривали, что он оставил этот путь и поплыл по реке Склонности; другие же утверждали, что он пересек ее и отправился в сторону Мелких Забот, чтобы взять курс на Нежность-на-Признательности⁴⁰. Когда Сафо уже была готова даровать ему долгожданный статус нежного друга, жители Старого города, в особенности мадам Арагоннэ, мадемуазель Робино и герцог Монтазье, развязали борьбу против его включения в число нежных друзей, объясняя свое противодействие тем, что он прибыл из краев, где свирепствует опасная болезнь (намек на его любовную связь с мадемуазель Перрике, которую мадемуазель де Скудери в конце концов вынудила его порвать). В итоге, Сафо пришлось наложить на него сорокадневный карантин⁴¹. «Это очевидный намек на любовную страсть Пелиссона, – пишет Николь Аронсон, – и в нем, возможно, выразилось беспокойство верных друзей, что писательница влюбилась»⁴².

Очевидно, что друзья мадемуазель де Скудери, даже и те, кто сочувствовал Аканту, вовсе не считали, что понятие «нежной дружбы» как-то соотносимо с теми отношениями, которые связывали его с писательницей. Он был чужаком в тех краях, где они уже давно обжились и чувствовали себя хозяевами настолько, что позволяли себе диктовать свои условия. Сафо приходилось не

³⁹ Так, например, сообщалось об отъезде из Нежной Дружбы герцогини де Сен-Симон и м-ль д'Арпожон и ожидающемся появлении шевалье де Мерз, тогда как из Забвения доносили о приезде неверного Изарна, а в Верной Дружбе после смерти м-ль Поле оставались лишь мадам Мартиньи, сестры Боке и руанский каноник Карада. Ibid. P. 306-321.

⁴⁰ Ibid. P. 307.

⁴¹ Ibid. P. 317.

⁴² Aronson N. Op. cit. P. 234.

раз напоминать им, что именно она основала эту страну и является ее правительницей⁴³.

Из всех этих многочисленных документов, служивших частью игры, очевидно, что речь идет действительно о дружеских отношениях, в которых главенствующую роль играли подруги писательницы. Нежная дружба в этой игре не имела ничего общего с любовными отношениями, кроме галантной манеры изъясняться. Любовь даже не играла какой-либо особой роли в определении понятия «нежная дружба», хотя различие между нею и дружбой было одной из постоянных тем бесед в любых салонах того времени. Для участников этих отношений гораздо более существенным представлялось позиционировать нежную дружбу и собственные взаимоотношения с писательницей в рамках целого спектра дружеских отношений. Как пишет Н. Аронсон, «это игра, которая указывает различные способы завоевать дружбу дамы, но указывает их не все, и главное – ограничивается дружбой. Любовь, платоническая или нет, находилась по ту сторону Опасного моря в Неизведанных землях...»⁴⁴. Даже отношения с Полем Пелиссоном, которые можно по-разному интерпретировать, осмысливались именно в их соотношении с так понимаемой нежной дружбой, равно как и сама нежная дружба определялась в ее противопоставлении отношениям с Пелиссоном⁴⁵.

Страна Нежности существовала одновременно и в салоне мадемуазель де Скюдери, и в ее романе, однако они сильно отличались друг от друга, ибо в романе отношения, именуемые «нежной дружбой», оказались в состоянии постоянной неопределенности между любовью и дружбой.

Определение нежности и нежной дружбы в романе появляется во время одного из споров и расположено между репликой собеседницы Клелии Созонисбы о том, что «нежность есть качество, необходимое для всех видов привязанности»⁴⁶, и заявлени-

⁴³ Сафо объявила себя «королевой Нежности, принцессой Уважения, дамой Признательности, Склонности и прилегающих земель». Тем не менее, ей неоднократно приходилось вновь декларировать свое верховенство: «...следует напомнить вам, что именно я построила город Нежность и основала эту империю, и что я создала законы такими, какие считала уместными, а вы добровольно им подчинились». *Relation de ce qui c'est passé à Tendre avec le discours que fit la souveraine de ce lieu aux habitants de l'ancienne ville // Scudéry M. de, Pelisson P. et leurs amis*. Op. cit. P. 323.

⁴⁴ Aronson N. Op. cit. P. 236.

⁴⁵ В конце концов, Пелиссон все же обрел желанный статус.

⁴⁶ *Scudéry M. de*. Op. cit. 1654. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 203.

ем Аронса, одного из поклонников главной героини, что «нежность есть качество еще более необходимое для любви, чем для дружбы»⁴⁷. И хотя речь тут идет о нежности вообще, нежная дружба как понятие, определяемое в романе, как мы видели, в рамках дружбы, также оказалась в этом контексте неразрывно связанной с любовными отношениями.

Клелия, «автор» понятия, признавала возможность перерождения любви в дружбу и наоборот, их сосуществования (даже по отношению к одному и тому же лицу, если, конечно, сердце свободно от другой любовной привязанности) – ведь в сердце есть уже некоторая склонность и уважение к этому человеку. Такая любовь, по ее мнению, даже прочнее:

«... всегда, когда дружба предшествует любви в сердце возлюбленного, его страсть будет более сильной, более длительной, более почтительной и даже более пылкой»⁴⁸

При этом дружба и любовь не вытесняют друг друга, а если последняя все же уходит, то остается не ненависть и не равнодушные, а дружеская симпатия. Она также признавала и их внешнее сходство, говоря, что «... чувства, которые внушает добродетельная любовь, настолько схожи с теми, что дает нежная дружба, что когда хотят ошибиться – ошибаются»⁴⁹. Не ошибиться же было очень сложно, ибо проповедуемой ею модели дружбы, пусть даже и возникающей на основе разумной оценки достоинств человека, присущи пыл, желание понравиться и даже ревность (правда дружого свойства, нежели любовная).

Проблема любви и дружбы, их различий и возможности сосуществования еще не раз поднимается в романе. Он является основной темой нескольких «бесед» между героями романа. Такие беседы являются не менее значимой составляющей текста, чем собственно любовные интриги. Любви и дружбе посвящены следующие беседы: о нежности в любви и дружбе и Карте нежности (Ч. 1. Кн. 1), о ревности (Ч. 2. Кн. 2), о том, можно ли совместить в сердце любовь и дружбу (Ч. 3. Кн. 1.), о любезности в любви и дружбе (Ч. 3. Кн. 2), о повиновении в любви и дружбе (Ч. 3. Кн. 3), о неблагодарности (Ч. 4. Кн. 1), о том, можно ли вернуться от любви к дружбе (Ч. 5. Кн. 1). Большая часть этих разговоров напрямую связана с теми историями, о которых повествуется в данных книгах

⁴⁷ Ibid. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 215.

⁴⁸ Ibid. 1658. V. 5. Pt. 3. Liv. 1. P. 321.

⁴⁹ Ibid. 1658. V. 6. Pt. 3. Liv. 2. P. 997.

романа. Но изначально следует отметить несколько общих особенностей интерпретации любви и дружбы в этих беседах.

«На словах» любовь и дружба всегда четко различаются говорящими. У собеседников не вызывает разногласий интерпретация одного или другого понятия. Пожалуй, единственным исключением является мнение одной из многочисленных героинь романа, Берелизы, по вопросу о ревности (Ч. 2. Кн. 2). Один из собеседников, Териль, высказывает мнение, что дружба, рождающаяся чаще по каким-то соображениям, нежели по склонности, лишена ревности и всех ее следствий, которые свойственны любви⁵⁰. Берелиза же настаивает, что ревность свойственна и дружбе, ибо «она не могла бы быть нежной, если бы не была немного ревнивой»⁵¹. Она отказывается сущностно различать любовь и дружбу, поскольку у них одна причина, а в дружбе содержатся все те же чувства, что и в любви.

«В ней есть мелкие заботы и большие услуги; ей свойственно желание нравиться; любезность всегда ей сопутствует; бывают даже знаки благосклонности в дружбе, фактические признания, секреты и пустячки. Мы любим письма друзей, хотим иметь их портреты, их отсутствие тяжело, а присутствие – сладко. И, тем не менее, вы хотите, чтобы ревность была единственным из всех проявлений любви, которых не было бы в нежной дружбе?»⁵², – говорила Берелиза.

В доказательство своих слов она приводит собственные чувства к своей подруге Лизикорис.

Но даже и в том случае, когда любовь и дружба весьма четко различаются участниками бесед, сам факт споров сближает эти понятия и делает различия между ними несущественными, относящимися лишь к частностям. Так, вопрос о том, какое из этих двух чувств следует предпочесть, сводится к различиям в получаемых удовольствиях (Ч. 3. Кн. 1.), а любезность и услужливость в дружбе, по мнению собеседников, отличаются лишь большей благоразумностью, нежели в любви (Ч. 3. Кн. 2.), как и повиновение (Ч. 3. Кн. 3.) и т.д. Речь идет не о каких-то качественных отличиях, а лишь о разнице в проявлениях одних и тех же сущностных характеристик.

Из всех видов дружбы это касается, прежде всего, нежной дружбы, ибо именно по своим внешним проявлениям она более всего походит на любовь, являясь «одновременно постоянной и неудержимой»⁵³. Чувства, связанные с нежной дружбой настолько

⁵⁰ Ibid. 1655. V. 4. Pt. 2. Liv. 2. P. 899-900.

⁵¹ Ibid. V. 4. Pt. 2. Liv. 2. P. 905.

⁵² Ibid. V. 4. Pt. 2. Liv. 2. P. 908-909.

⁵³ Ibid. 1654. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 210.

близки к любовным, что, по образному выражению Плотины, одной из участниц многочисленных бесед, чья история будет рассказана в последнем томе романа, «наш разум должен быть шпионом за нашим собственным сердцем, дабы внимательнейшим образом наблюдать, чтобы любовь не проникла в него, прикинувшись нежной дружбой»⁵⁴.

Эту двойственность чувств можно увидеть не только в рассуждениях об их природе и особенностях, но на ней основан и сам сюжет романа. Клелия, давшая столь подробное толкование нежной дружбы, сама оказывается в плену неопределенности своих чувств к Аронсу. Она убеждала его удовлетвориться ее дружбой, «не претендуя на большее», и хранить в секрете то, что он сам испытывает к ней любовь⁵⁵. Однако причиной такой просьбы оказывается вовсе не непреклонность Клелии, а ее убежденность в том, что им никогда не быть вместе. Ее отец, Клелиус, был твердо намерен выдать дочь замуж лишь за римлянина, и Аронс, даже не знавший о своем происхождении, не мог претендовать на ее руку, несмотря на то, что сумел снискать расположение Клелиуса. Аронс соглашается, заявляя, что это, однако, не изменит его чувства. Таким образом, дискурс нежной дружбы оказывается навязан извне. Он позволяет сохранить возможность выражать друг другу свою привязанность, скрывая истинную, любовную природу своих чувств от остальных.

Однако Клелия, излагая свою просьбу, говорит не только о словах, но и о самой смене чувств: «Если вы действительно еще любите меня, сказала она, я бы хотела, чтобы вы склонили себя к тому, чтобы любить меня отныне как сестру»⁵⁶. То есть она опять оказывается в рамках рассуждений о дружбе. Но не успевает читатель пробежать и нескольких строк, как наталкивается на ответ Клелии на вопрос Аронса, как она отнесется к тому, что он не подчинится приказу Клелиуса об отъезде и останется рядом с ней:

«Я не знаю, ответила Клелия, смогу ли я вас возненавидеть, но я хорошо знаю, что буду жить с вами так, как если бы я вас не любила»⁵⁷.

«Обещайте мне, по крайней мере, – ответил он, – что вы всегда будете хоть немного любить несчастного Аронса, что бы ни случилось».

Я не стану этого обещать, – ответила Клелия, залившись краской и благосклонно взирая на него, – но я не уверена в том, что, не давая вам обещания, я все же не поступлю именно так»⁵⁸.

⁵⁴ Ibid. 1658. V. 7. Pt. 4. Liv. 1. P. 143.

⁵⁵ Ibid. 1654. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 421.

⁵⁶ Ibid. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 519.

⁵⁷ Ibid. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 522.

Так, уже в первой книге первой части романа отношения Клелии с Аронсом окончательно оказываются в русле чисто любовной интриги. Собственно, это было очевидно и с самого начала, ибо роман начинается с рассказа о приготовлениях к их свадьбе, которой помешало землетрясение. От нежной же дружбы, какой она была описана, остается лишь внешний фасад, за которым героям приходится скрывать от остальных свои истинные чувства. В сущности, этому не приходится удивляться, учитывая, что карта Страны Нежности, а вместе с ней, вероятно, и обстоятельные рассуждения Клелии, были вставлены писательницей по совету Конрара, ее друга и известного литератора, в уже почти готовый к изданию том. По этой причине они оказались не очень вписанными в сюжетную линию.

Однако и впоследствии мадемуазель де Скюдери представляла нежную дружбу в той же манере. Многие из вставных новелл⁵⁹ вплоть до конца романа также построены на обыгрывании двойственности нежной дружбы. На первый взгляд, многие из этих историй показывают, что нежная дружба является лишь очищенной формой любви и можно легко переходить от одной к другой⁶⁰.

В «Истории Эрминия и Валерии» (Ч. 3. Кн. 1) схожесть и взаимосплетение понятий любви и дружбы продемонстрированы наиболее полно. Прежде всего, речь идет о невозможности их различения по каким-то формальным критериям. Эрминий не может понять, какие чувства таятся в его сердце: влюблен ли он, и если да, то в кого. Разобраться в этом не может не только он сам, но и окружающие его люди, которые затевают дискуссию по этому поводу. Однако и она не помогает молодому человеку разобраться в своих чувствах. Эрминий, оставшись в одиночестве, пытается понять «все секретные чувства своего сердца». В итоге он приходит к заключению, что всем прочим своим подругам предпочитает Валерию, не скучает с ней и испытывает радость, когда удается застать ее одну. Эрминий делает из этого вывод, что любит ее. Однако несколько дней спустя он меняет свое мнение и убеждается в том, что испытываемое им чувство является дружбой:

⁵⁸ Ibid. V. 1. Pt. 1. Liv. 1. P. 524.

⁵⁹ В романе практически отсутствует единая сюжетная линия. Основное действие заключается в беседах героев романов и рассказывании ими тех или иных любовных историй. Каждая книга романа содержит одну вставную историю, герои которой рано или поздно также входят в круг собеседников.

⁶⁰ Morlet-Chantalat Ch. Op. cit. P. 332, 334.

«Он даже верил в то, что свободен от желания, и что испытываемая им нежность к Валерии, будучи лишь дружеской нежностью, пропорциональной ее достоинствам, сильнее, нежели обычная дружба. Так, — пишет мадам де Скюдери, — не веря в свою любовь, в действительности он, однако, уже любил Валерию»⁶¹.

Валерия, со своей стороны, заметив необычное состояние Эрминия, опасалась его признания в любви:

«Так как она очень его уважала и даже испытывала сильную дружбу к нему, то не хотела оказаться вынужденной изменить свое обращение со столь приятным другом»⁶².

Однако во время очередной встречи Эрминий по странному волнению в сердце понял, что с этого момента он начал испытывать пылкую любовь к Валерии. В ходе дальнейшей беседы он пытается уверить ее, что испытываемое им чувство столь отлично по своей природе от дружбы, что он убежден в его любовной природе. Он приводит массу доводов (он читит ее более всех на земле; не быть подле нее — значит быть лишенным всех радостей; его нежность столь велика, что он ощущает все ее несчастья, как свои собственные; его восхищают все ее качества, слова и поступки, но он не испытывает ревности; чувства его чисты и лишены всякого корыстного интереса; любит он лишь ее одну и жаждет быть любимым в ответ). Но Валерия неизменно отвечает на это: «Я уверяю вас, что вы испытываете только дружбу»⁶³. И лишь одно заставляет ее поверить словам Эрминия: то, что без надежды на ответную любовь он будет несчастнейшим из смертных. Именно это становится тем сущностным различием, которое позволяет хоть как-то отличить любовь от нежной дружбы.

Природа чувства Эрминия так и осталась до конца не выясненной ни им самим, ни его наперсницей. Не смогли прийти к единому мнению и их друзья: «одни говорили, что он влюблен, другие утверждали, что нет»⁶⁴. Впоследствии, в одной из бесед Эрминий выскажет мнение, что дружбу и любовь вполне можно соединить в сердце, и даже, что любовь, выросшая из дружбы, будет более прочной, длительной, уважительной и даже более пылкой. Любовь и дружба, по его мнению, при этом сплетаются в сердце, как

⁶¹ Scudéry M. de. Op. cit. 1657. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 196-197. Судя по ремарке, лишь для рассказчика чувства Эрминия совершенно ясны. Впрочем, учитывая всеобщую склонность к заблуждениям, эта ясность также может быть ложной.

⁶² Ibid. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 199.

⁶³ Ibid. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 204.

⁶⁴ Ibid. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 209.

две реки в одну⁶⁵. Его оппонент Спиритус будет говорить в ответ, что любовь и дружба слишком мало подходят друг на друга, и потому не могут ужиться вместе; если возникает любовь, то это означает, что дружба «совершенно изменила свою природу»⁶⁶. Однако, если учитывать, сколь мало предыдущие беседы и попытки самоанализа продвинули Эрминия в понимании собственных чувств, эти рассуждения скорее лишь предлагают еще два варианта интерпретации, нежели позволяют достичь какой-то ясности.

«Официально» его чувство определяется, тем не менее, как дружба, и автор еще долго играет на этой вербальной двойственности, которую налагает Валерия (как и Клеллия, она просит его таить свою страсть)⁶⁷, когда Эрминий окончательно удостоверился в том, что испытывает любовь⁶⁸.

Эрминий и Валерия придумывают особый язык, чтобы окружающие не догадались об их любви. Его простота и отсутствие необходимости в иных предосторожностях лишний раз демонстрируют, насколько близки любовь и нежная дружба не только по своей сути, но и по модели поведения. Эрминий пишет письмо, которое, по его мнению, является типичным дружеским посланием⁶⁹. Несмотря на это, некоторые из тех, кому довелось прочесть послание, заподозрили, что за видимой дружественностью (письмо действительно расценивалось как дружеское, но возможно даже чересчур дружественное) скрываются иные чувства, и если заменить слово «дружба» на слово «любовь» (как и было услов-

⁶⁵ Ibid. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 321.

⁶⁶ Ibid. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 331.

⁶⁷ Morlet-Chantalat Ch. Op. cit. P. 561.

⁶⁸ При этом он уже уверяет, что все его слова и поступки просто невозможно интерпретировать иначе (*Scudéry M. de. Op. cit. 1657. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 238*).

⁶⁹ «Если бы вы знали, какая радость для меня понять с определенностью, что чувства, испытываемые к вам, являются истинной дружбой. Вы прекрасно видите, что чувства моего сердца незаурядны, ибо после того, как я внимательно их изучил, то счел себя счастливым оттого, что люблю вас так, как я люблю, и я не хотел бы любить иначе. В самом деле, мадам, взвешивая все те чувства, что дает мне дружба, я так заморожен осознанием того, что они достойны вас, что радуюсь лишь тому, что сумел любить вас так, как вы того достойны. Но, хотя ничто не омрачает моего счастья, позвольте мне надеяться теперь, когда я знаю, что испытываемое мною к вам чувство является дружбой, притом дружбой самой нежной и почтительной, вы воздадите мне дружбой за дружбу. Ибо если вы не сделаете этого, я заявляю вам, что стану несчастнее, чем вы можете себе представить» (*Ibid. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 278-279*).

лено между Валерией и Эрминием), то оно превращается в истинно любовное. Тем не менее, их любовь вполне сходит за нежную дружбу, и такой способ маскировки используется до тех пор, пока сами герои не попадают в ловушку этой двусмысленности.

Неопределенность продолжает постоянно нагнетаться автором. Эрминия высылают из Италии, и он вскоре оказывается подле Клелии. Между ними завязывается нежная дружба. Собственно именно в ответ на вопрос Эрминия, как он может стать нежным другом, то есть каков путь от новой до нежной дружбы, Клелия и составляет карту Страны Нежности. Таким образом, в данном случае их отношения (которые на сей раз не вызывают у Эрминия никаких сомнений) полностью совпадают с тем описанием нежной дружбы, которое было дано в начале романа. Однако теперь складывается противоположная ситуация: отношения нежной дружбы воспринимаются со стороны как любовь. Эрминия заподозрили в том, что он влюблен в Клелию⁷⁰. Амилькар, являющийся рассказчиком этой истории, замечает по этому поводу:

«Вы знаете, что он часто писал вам, а вы ему отвечали, что одну лишь вас он встречал с удовольствием, что это для него вы создали знаменитую карту Нежности, и, наконец, что те, кто не был посвящен в суть дела, имели основание считать, что Эрминий влюблен в вас, тогда как на самом деле он питал лишь чистейшую дружбу. Многие в Капуе ставили Эрминия в ранг Аронса или Горация, полагая, что он ваш воздыхатель»⁷¹.

Таким образом, не только поведение героев в очередной раз ложно интерпретируется между любовью и дружбой, но и карта Нежности оказывается воспринята самими же героями романа именно в связи с любовными отношениями, а отнюдь не с дружескими.

Далее, в результате ряда интриг Валерия узнает об отношениях Эрминия и Клелии и знакомится с их перепиской. Памятуя о придуманном ими коде, она прочитывает эти письма как любовные, оказываясь в плену ею же самой наложенной вербальной двойственности. Попадает к ней и карта, которую она также вос-

⁷⁰ Как было написано в самом начале этой новеллы в портрете Эрминия, «когда он всего лишь друг, не нужно почти ничего, чтобы поверить, что он любовник, а когда он любовник, бывают случаи, когда есть повод считать, что он испытывает только дружбу» (Ibid. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 163).

⁷¹ Ibid. V. 5. Pt. 3. L. 1. P. 422. Надо сказать, что и на этом игра на неопределенности между любовью и дружбой не заканчивается. Впоследствии уже Валерия будет упрекать Эрминия: «Вы без сомнения сведущи в обычной дружбе и дружбе нежной. Но что касается любви, вы не ведаете ее капризов» (Ibid. 1657. V. 6. Pt. 3. L. 3. P. 1296).

принимает в свете отношений, которые связывали ее с Эрминием. Вся эта цепь недоразумений и неверных интерпретаций с ясностью демонстрирует лишь одно: что нежная дружба оказывается чувством, в сущности неотличимым от любви не только по ее внутреннему переживанию, но и по внешним проявлениям.

Проблематика, которая казалась несущественной в салоне мадемуазель де Скюдери, но столь соблазнительная в рамках традиций романической литературы, не исчерпывается этой историей. Очень схожая ситуация складывается и в «Истории Принцессы Лизимены» (Ч. 5. Кн. 1). Лизимена всегда предпочитала дружбу, расписывала ее преимущества перед любовью, в том числе полагая, что дружба много слаще. Зенократ, часто бывавший в обществе Лизимены и беседовавший с ней, стал ее другом⁷². Она же начала испытывать к нему «очень нежную дружбу». Зенократ, также полагавший, что испытывает лишь дружбу, вскоре понял, что ошибался⁷³. Можно считать, что речь опять идет о невозможности понять собственные чувства. Однако одно из шуточных предложений принцессы показалось ему невыносимым при «тех чувствах, которые тогда к ней питал»⁷⁴, что предполагает изменение самих его чувств с дружбы на любовь. К этой интерпретации склоняет и связанная с историей беседа о перерождении чувств, хоть она и касается перехода от любви к дружбе:

Зная, что Лизимена верит в их дружбу, Зенократ не решался хоть как-то выдать свою страсть. Тем не менее, некоторые распознали ее, и Мелионт, также влюбленный в принцессу, сказал ей, что «Зенократ так ведет себя, что некоторые полагают, будто он в

⁷² «Сильнее, чем четырех своих любовниц» (Ibid. 1660. V. 9. Pt. 5. P. 282). Зенократ имел репутацию непостоянного возлюбленного. В частности рассказывается еще небольшая вставная история о его любви к Андромире, которая перешла в дружбу. Андромира, полагала, что привязанность сменила свою природу, раз стала более спокойной. Дружба приносит меньше волнений, но и меньше удовольствий. Эта дружба была вовсе лишена пыла, чего не случилось бы, будь его чувство изначально нежной дружбой, а не любовью. Эта история стала поводом к дискуссии. Ibid. V. 9. Pt. 5. L. 1. P. 275-276.

⁷³ «...Зенократ, веривший еще, что является ее другом, на самом деле был ее поклонником. В действительности он скоро понял, что ошибался. Что же до принцессы, она так не думала, и была настолько удовлетворена его дружбой, что хвалила его всему свету» (Ibid. V. 9. Pt. 5. L. 1. P. 298-299).

⁷⁴ Ibid. V. 9. Pt. 5. L. 1. P. 300. (Курсив мой – А.С.) Он забросил всех своих любовниц, и Лизимена в шутку заметила, что она вовсе не против его развлечений, раз они не затрагивают его сердца.

вас влюблен»⁷⁵. Принцесса же продолжала верить в дружескую расположенность Зенократа. Она рассказала об этом разговоре Зенократу, на что тому лишь оставалось признаться ей в любви: «...Я нахожу злосчастливым, что весь Двор знает о моей любви к вам, и лишь вы одна о ней не знаете»⁷⁶.

Как и во всех предыдущих историях, Лизимена запретила Зенократу говорить о своей любви, если он желает сохранить возможность видаться с ней. Чтобы при дворе перестали говорить о его любви, она предлагает ему завести новых любовниц и менять их как можно чаще, чтобы возобновить его репутацию непостоянного любовника.

Лизимена продолжала верить, что сама испытывает к Зенократу дружеские чувства. Ее подруга Амиклея предупреждала ее, что от такой дружбы с приятным поклонником до любви совсем недалеко, и говорила, что ее нежелание того, чтобы Зенократ действительно полюбил другую (а не удовлетворялся «показной» любовницей), говорит само за себя⁷⁷. В конечном итоге, после некоторых недоразумений Лизимена «поняла наконец, что любит Зенократа больше, чем она полагала»⁷⁸, и призналась себе, что будет рада составить его счастье, если им позволит судьба.

Тем временем находится потерянный в детстве брат Лизимены, Артемидор. Мать просит ее хранить это в тайне и, в итоге, нежную дружескую и сестринскую привязанность принцессы к Артемидору расценивают (в том числе и Зенократ) как влюбленность. История Лизимены заканчивает тем, что после ряда событий она, поверив в непостоянство Зенократа и опасаясь, что ее насильно выдадут замуж за Мелеонта, решает уйти в монастырь. В целом можно сказать, что в этой истории повторяются все мотивы, связанные с понятием нежной дружбы, которые мы уже видели в историях Аронса и Клелии, Эрминия и Валерии, с той лишь разницей, что истинная природа чувств Зенократа оказалась очевидна всем, кроме самой Лизимены.

Несколько иной поворот открывается в рассказе о принцессе Линдамире (в «Истории Темиста и принцессы Линдамиры» (Ч. 3. Кн. 2)). Она, как и Клелия, в ответ на признание в любви, решает «излечить» своего друга, и убедить его остаться в рамках дружбы. Сама она уверена в своих чувствах:

⁷⁵ Ibid. V. 9. Pt. 5. L. 1. P. 310.

⁷⁶ Ibid. V. 9. Pt. 5. L. 1. P. 314.

⁷⁷ Ibid. V. 9. Pt. 5. L. 1. P. 333.

⁷⁸ Ibid. V. 9. Pt. 5. L. 1. P. 342.

«Смиритесь же, Темист, с тем, что я открою вам свое сердце и скажу, что даже если бы между нами не существовало неравенства, вы не должны были бы питать любовь ко мне, ибо то, что я не могу питать к вам иных чувств, кроме дружбы, является непреложной истиной»⁷⁹

Интересно, что уверенность в неизменности своих чувств она обосновывает тем, что «в любви почти никогда не начинают с дружбы»⁸⁰. Темист, верный данному обещанию, постарался сделать все возможное, чтобы изменить свои чувства. Но на самом деле, видя постоянные знаки внимания и участие Линдамиры, он всеми силами старался позабыть, что это лишь проявления дружбы. Как и в случае с Эрминием, его чувства превратно интерпретировались окружающими, а поведение убеждало их, что «Темист вовсе не влюблен»⁸¹. Что касается Линдамиры, она остается верна дружескому образу их взаимоотношений, хотя сам рассказчик этой истории интерпретирует ее чувства как любовные. Узнав однажды историю первой любви Темиста к Демаранте, она обвиняет его в неверности и в том, что он лишь представлялся влюбленным в нее саму. Поступки Линдамиры, ее ревность и гнев на неверного поклонника остаются без комментариев, что скорее придает им любовную окраску, нежели дружескую.

В конце концов, наступает кульминация: когда Темист, поссорившийся с братом принцессы, с мятежной армией осадил Сиракузы, Линдамира идет на встречу с ним, чтобы спасти родной город. Она, наконец, признается ему: «Итак, я признаюсь вам, что любила вас и еще могу быть способна любить вас»⁸². Свою любовь она предлагает при условии, что Темист оставит в покое Сиракузы – «...тогда я забуду, кто я есть, чтобы неразрывно соединить вашу судьбу с моею»⁸³. Это признание и даже обещание выйти замуж за вовсе неравного ей по положению Темиста вроде бы делает их отношения очередной любовной историей, а нежная дружба вновь становится лишь маскировкой для них. Но условия, при которых Линдамира делает свое признание, спасая тем самым от разорения родной город и страну в целом, оставляют, тем не менее, серьезный повод и для иной интерпретации. Ее поступок, расцененный как принесение себя в жертву ради страны, уже не будет не только любовным, но даже и дружеским. Но тем самым ее прежнее отношение к Темисту вновь обретает черты неж-

⁷⁹ Ibid. 1657. V. 6. Pt. 3. L. 2. P. 965.

⁸⁰ Ibid. V. 6. Pt. 3. L. 2. P. 966.

⁸¹ Ibid. V. 6. Pt. 3. L. 2. P. 961.

⁸² Ibid. V. 6. Pt. 3. L. 2. P. 1233.

⁸³ Ibid. V. 6. Pt. 3. L. 2. P. 1239.

ной дружбы, как она и утверждала с самого начала. Таким образом, амбивалентность отношений остается в силе и на этот раз.

Подобная двойственность между любовью и дружбой царит на протяжении всего романа. Можно выделить несколько планов, в которых интерпретируются отношения, напрямую связанные с «нежной дружбой» и даже обозначенные так самими героями. Во-первых, это собственно дружба, без половых различий, как она была обозначена Клелией в самом начале романа. Во-вторых, это возвышенные любовные отношения в традициях куртуазной любви или «*honnête amitié*» из романа «Астрея». На эти отношения налагаются вербальные ограничения, позволяющие скрыть истинную их природу. И, наконец, нежная дружба – это и неосознанная любовь, зачастую так же загнанная в вербальную путаницу.

Однако важно отметить, вся двойственность и неопределенность каждый раз касается собственно описываемых отношений и чувств, которые с трудом поддаются верной интерпретации как читателем, так и самими героями романа (читателям предоставляется самому выбирать из нескольких возможных вариантов интерпретаций чувств героев и их изменений). Но при этом можно заметить, что все эти неопределенности, как ни парадоксально, отнюдь не меняют того содержания, которым автор и сами герои наделяют понятие нежной дружбы⁸⁴. Все рассмотренные истории (за исключением истории Линдамиры и Темиста, оставляющей возможность для двойкой интерпретации) в конечном итоге оказываются историями вовсе не-нежной дружбы, в лучшем случае это истории дружбы, перешедшей в любовь⁸⁵.

«Настоящая» же нежная дружба продолжает существовать в романе, но оказывается вытесненной на второй план. Пожалуй, единственные отношения такого рода, которые остаются в центре внимания – это отношения Клелии и Эрминия. Такие же отношения принцессы Лизимены со своей подругой Амиклеей, хотя и не выводятся на первый план, но описываются довольно подробно, благодаря тому, что рассказчиком истории принцессы выступает сама Амиклея. Все же прочие удастаиваются лишь кратких упоминаний, как, например, дружба Цезонии с Плотиной, Берелизы и Лизикорис

⁸⁴ Это понятие оказывается единым, практически не меняющим своего значения в интерпретации того или иного героя.

⁸⁵ Но если в кругу Сафо эти не-нежные дружбы были просто не достигшими совершенства формами дружеских отношений, то в романе такое противопоставление практически исчезает. Все не-нежные дружбы здесь оказываются любовными отношениями.

и др. Они остаются в тени тех историй, которые, благодаря обыгрываемой в них двусмысленности, как раз и оказываются прочно связанными в сознании читателя с понятием «нежной дружбы». Об этих отношениях в сущности нечего рассказывать, само их определение как «нежной дружбы» уже является исчерпывающей характеристикой (в частности в силу того, что это понятие было подробно рассмотрено Клелией в начале романа). В этих случаях дружба уже оказывается весьма четко отграниченной от любви – настолько, что на их стыке возможен еще один, третий вид отношений:

«В остальном, она (Элизанта – А.С.) пылко любила всех добродетельных людей и питала естественное отвращение к тем, кто таковыми не являются. И ее дружба была столь прочной и в то же время столь нежной, что можно даже сказать, что в ее сердце смешались любовь и дружба, породив третий вид привязанности, объединившей достоинства обеих, но лишенной их недостатков»⁸⁶.

Неверно было бы утверждать, что такая модель нежной дружбы, какой она и была описана в первом томе романа, вовсе не была воспринята в обществе. Фюретьер, давая в своем «Всеобщем словаре» определение понятия «нежный», писал:

«Фигурально обозначает вещи духовные и моральные. Это достойный человек с нежной, деликатной, совестливой душой... Он любит друзей нежной дружбой. В этом столетии вдавались в тонкости нежной любви...»⁸⁷.

Нежная дружба четко отделена здесь от любви, во избежание двусмысленности в примере речь идет об однополых отношениях.

Примеры такого употребления понятия можно встретить и в литературе. Улисс в «Приключениях Телемака» Фенелона так трактует отношение к себе Сеостриса:

«Впоследствии Сеострис обращался со мной с нежной дружбой и решил отправить меня домой на Итаку с судами и войском, чтобы освободить Пенелопу от всех ее поклонников»⁸⁸.

Также определяя Ифистрат и отношение царя Полибия к Эдипу в одной из поздних трагедий Корнеля: «Он сохранил еще к вам нежную дружбу»⁸⁹.

⁸⁶ Scudéry M. de. Op. cit. 1658. V. 7. Pt. 4. L. 1. P. 356.

⁸⁷ Furetière. A. Dictionnaire universel: contenant generalement tous les mots françois, tant vieux que modernes... compilé par feu Messire Antoine Furetière. [La Haye] ; [Rotterdam], [1690]. С интернет-ресурса: <http://gallica.bnf.fr>

⁸⁸ Fénelon Fr. Les aventures de Télémaque. Paris, 1987. С интернет-ресурса: <http://gallica.bnf.fr>

⁸⁹ Corneille P. Oedipe II. Corneille P. Oeuvres de P. Corneille. Paris, 1862. V. 6. P. 206 (Acte V. Scene II).

Все же надо признать, что гораздо чаще о нежной дружбе современники мадемуазель де Скюдери упоминают, давая определение взаимоотношениям между мужчиной и женщиной. И тут сразу возникает обширное поле для всевозможных интерпретаций. Это могут быть и чисто дружеские отношения. Ларошфуко шутливо писал Жаку Эспри в письме, касающемся его афоризмов, которые, наряду с сентенциями самого Эспри, составлялись и совместно редактировались в салоне мадам де Сабле:

«Я прошу вас узнать у мадам де Сабле, является ли это следствием нежной дружбы – никогда не отвечать людям, которых она любит и которым впоследствии пишет раз по десять»⁹⁰.

Так же определяли свои родственные взаимоотношения, не лишённые, однако, галантности и легкого намека на чересчур пылкие для кузенов чувства, мадам де Севинье и Роже Бюсси-Рабютен. В одном из писем мадам де Севинье намекает и на карту Страны Нежности:

«Если вы останетесь квартировать на границе, крепкая дружба найдёт в этом свои выгоды, а если вернетесь, нежная дружба будет удовлетворена»⁹¹.

Дружба в их письмах, особенно в посланиях Бюсси-Рабютена, постоянно балансирует на грани пикантных отношений:

«Что до меня, то, признаюсь вам одной, ваши заботы обо мне во время моей болезни так подогрели мои чувства, что я испытываю к вам сильнейшую любовь. Однако, то, что я испытываю, без сомнения будет более прочно, чем любовь, ибо всю свою жизнь я буду испытывать к вам нежнейшую дружбу, какая когда-либо была»⁹².

«... я буду питать к вам лишь прекраснейшую в мире дружбу, ибо вы не согласны ни на что другое»⁹³.

Если здесь виден нарочито-игривый любовный дискурс, то можно встретить и обратные примеры (вполне в духе «Клелии»),

⁹⁰ *La Rochefoucauld Fr. de. Lettre à Jacques Esprit du 09.09.1662 // La Rochefoucauld Fr. de. Maximes; suivies des Réflexions diverses; du Portrait de La Rochefoucauld par lui-même. et des Remarques de Christine de Suède sur les Maximes. P., 1992. С интернет-ресурса: <http://gallica.bnf.fr>*

⁹¹ *Sévigné M. Lettre au comte de Bussi Rabutin du 25.11.1655 // Sévigné M. Lettres de Madame de Sévigné, de sa famille et de ses amis. Paris, 1862. V. 1. P. 406.*

⁹² *Bussi Rabutin R. de. Lettre à Madame de Sévigné du 10.10.1683 // Bussi Rabutin R. de. Les lettres de messire Roger de Rabutin, comte de Bussi. Paris, 1720. P. 17.*

⁹³ *Idem. Lettre à Madame de Sévigné du 17.08.1654 // Sévigné M. Op. cit. V. 1. P. 383.*

когда за отношениями, весьма похожими на любовь, скрывается чистая дружба.

«Мадемуазель де Бурбон питала к своему старшему брату дружбу самую нежнейшую, – писал в мемуарах кардинал де Рец, – а герцогиня де Лонгвиль⁹⁴ вскоре после своего супружества воспылала к нему ненавистью и отвращением, которые дошли по последней крайности. Вы понимаете сами, что свету не надобно большего, чтобы сочинить вздорные пояснения к истории, побудительные причины которой оставались загадкою. Я никогда не мог в них проникнуть, но всегда держался убеждения, что все, говоренное об этом при дворе, было неправдою, ибо, примешайся и впрямь к их дружбе любовная страсть, принц де Конде никогда не сохранил бы к сестре нежности, какую сохранил даже в разгаре дела с письмами к графу Колиньи»⁹⁵.

В «Заиде», единственном романе мадам де Лафайет, написанном в том же ключе, что и «Клелия», мы также увидим дружбу, которая очень походит на любовь. Недаром один из героев, Аламир, заблуждается насчет чувств Фелимы, принимая ее благосклонность за дружбу. Другого же героя, Альфонса, очень пугает привязанность его возлюбленной Белазиры к дону Манрике:

«Я хорошо знаю, что вы питаете к нему лишь дружбу, но этот сорт дружбы столь нежен и полон доверия, уважения и приятности, что, хотя она никогда не сможет перерасти в любовь, у меня есть повод ревновать и опасаться, как бы она не заполнила чрезмерно ваше сердце»⁹⁶.

Между тем, можно заметить, что нежная дружба оказывается понятием не столько охватывающем все пространство чувств и взаимоотношений между дружбой и любовью, сколько «скользящим», интерпретируемым всякий раз по-своему в зависимости от ситуации, внутри целого спектра возможных дефиниций и классификаций между подчеркнуто дружественными, не связанными с гендерными различиями, и любовными. Та разновидность любовного чувства, которая может называться нежной дружбой – это чаще всего чистые, возвышенные отношения. Шарль Сорель, определяя отличие нежной дружбы (в таком ее понимании) от других видов любви писал:

«Любовью любят то, что представляется красивым, не думая о том, что есть хорошее и справедливое. К тому же, это не предполагает взаимной привязанности. Напротив, мы подразумеваем под дружбой

⁹⁴ Анна-Женевьева де Бурбон, сестра герцога де Конде, вышла замуж за Анри II герцога де Лонгвиля.

⁹⁵ Рец, кардинал де. Мемуары. М., 1997. С. 102-103.

⁹⁶ Lafayette M.M. de. Zaïda, histoire espagnole // Lafayette M.M. de. Romans et Nouvelles. P., 1970. P. 122.

благоразумное и рассудочное влечение, которое рождается взаимно между двумя людьми, к их добродетелям и всем их достойным качествам. Так, что, любя совершенной любовью, они воздают должное друг другу. И в силу того, что основные их чувства связаны с душой, менее подверженной изменениям, нежели тело, не следует удивляться, если мы уверены, что эти изысканные чувства являются более постоянными, чем все прочие»⁹⁷.

В идеале это чисто духовные отношения⁹⁸, однако само их осмысливание и описание как любви, а не дружбы, предоставляет пространство для дальнейших интерпретаций. Так «нежная дружба» легко становится лишь эвфемизмом при определении любовного чувства и, порой, любовной связи. Этот легкий переход, совершенно искажающий смысл, вложенный изначально мадемуазель де Скюдери в понятие нежной дружбы, оставляет лишь восклицать словами героя поэмы Ж. Шаплена «Девственница, или Освобожденная Франция»: «Агнес, неверная Агнес, от дружбы столь нежной такого ли плода мне следовало ждать?»⁹⁹.

Причины такого расширения смыслового поля понятия заложены не только в самом тексте романа. Существовал и ряд внешних факторов, предопределивших его частое толкование в рамках любовных взаимоотношений. Речь идет об особенностях восприятия романов и, прежде всего, о его языковой основе. Как указывает этимологический словарь Доза, Дюбуа и Миттерана, в XVII в. еще сохранялась языковая практика, когда слово «дружба», в одном из своих значений обозначало «любовь» и словами *ami*, *amie* называли любовников или возлюбленных¹⁰⁰. Это значение зафиксировано и в словаре Французской Академии 1684 г.¹⁰¹, и во «Всеобщем словаре» Фюретьера¹⁰². Последний уточняет, что такое значение свойственно галантной культуре¹⁰³, с которой и были связаны многочисленные романы мадемуазель де Скюдери.

Если же говорить о жанровой специфике, то роман в XVII в., несомненно, воспринимался, прежде всего, как полная приключений, недоразумений и опасностей история любви. Как писал Пьер-Даниэль Юэ в «Письме по поводу происхождения романов», «то,

⁹⁷ *Sorel Ch.* Op. cit. P. 138.

⁹⁸ *ibid.* P. 140.

⁹⁹ *Chapelain J.* La pucelle ou La France délivrée: poème héroïque. Paris, 1656. P. 360.

¹⁰⁰ *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris, 1994. P. 25.

¹⁰¹ Le dictionnaire de l'Académie française. Paris, 1694. V. 1. P. 24.

¹⁰² *Furetière. A.* Op. cit. С интернет-ресурса: <http://gallica.bnf.fr>

¹⁰³ *ibidem.*

что собственно называется романами, есть выдуманные любовные приключения, искусно написанные прозой для удовольствия и просвещения читателей»¹⁰⁴. «Клелия» не была исключением, мадемуазель де Скюдери писала именно о любви и лишь в связи с ней – о нежной дружбе. Кроме того, о дружбе она писала, используя при этом традиционные заблуждения и неверные интерпретации героями чувств друг друга и не менее традиционный любовный дискурс. Они дают нежной любви и нежной дружбе в предки «всю традицию куртуазной любви и *honnête amitié*», как справедливо заметила Шанталь Морле-Шантала¹⁰⁵. *Honnête amitié*, особое понятие, введенное Оноре д'Юрфе в популярнейшем в те времена романе «Астрейя», обозначало вид совершенной любви, под которую подведена этическая основа. «Благородная дружба» рассматривалась как любовь, которая зиждется не только на увлечении, но и на реалистичной оценке достоинств человека и потому является более рассудочной. В этом понятии уже произошло сближение любви и дружбы, чреватое недопониманием и ошибочными интерпретациями для самих героев романа. «Клелия» и нежная дружба неизбежно вписывались читателями в эту романтическую традицию и прочитывались в соответствующем ключе.

Современные литературные реалии оказывали не менее существенное влияние, поскольку выход романа пришелся на годы наивысшего расцвета классицизма. В культуре классицизма доминировало понятие любви. «Любовь» классицизма не только достигает высшей точки в противопоставлении разума и страсти, но эта поляризация находит параллель в отношениях между полами: мужской славе (долг, амбиции, достоинство и т.д.) соответствует женская страсть. Мадлен де Скюдери снимает эту поляризованность в той мере, в какой она не противопоставляет размышления, самообладание и повиновение любовному желанию, но ставит их на службу любовному желанию и делает их полезными ему. Традиционные оппозиции, такие как разум и страсть, долг и желание, разум и безумство больше не существуют в ее романе. Но и сублимации любовного чувства в платоновском значении также не происходит. Мадлен де Скюдери, по словам Ренаты Кролл, ассимилирует дружбу и любовь, снимает контраст между

¹⁰⁴ Huet P.-D. Lettre sur l'origine des romans. Цит. no: Sgard J. Le Roman français à l'âge classique, 1600-1800. P., 2000. P. 13.

¹⁰⁵ Morlet-Chantalat Ch. Op. cit. P. 328.

этикой и аффектом¹⁰⁶. Это выглядело как очевидная оппозиция доктрине классицизма, и потому нежная дружба закономерно расценивалась как иная, не-классическая модель любви.

Сам роман, и в частности карта Страны Нежности, в свою очередь породили целую литературную традицию, создав моду на новый вид сочинений. Практически в то же время было составлено «Донесение о королевстве Кокетства» аббата д'Обиньяка (1654). Затем появились на свет «Карта страны Ветрености» Бюсси-Рабютена (1654), «Королевство Любви» Тристана Эрмита (1658), «Страна Любви» Луи Морери (1661), «Путешествие на остров Любви» Поля Таллемана (1663-1664) и еще целый ряд подобных сочинений. Этот новый жанр, у истоков которого оказалась карта Страны Нежности, был прочно связан с описанием любовной игры и этапов любовного ухаживания, как видно из самих названий. Нежная дружба, неизбежно вовлеченная в этот ряд описаний, тем прочнее с ними связывалась читателями, что в галантной культуре, в рамках которой они были написаны, чтение представляло собой своеобразную игру, поиск скрытых ссылок на другие подобные произведения. Значение этих сочинений в значительной степени состояло не в собственной оригинальности, а в некоем коллективном творчестве, делающем очевидной эту игру реприз и переименований¹⁰⁷. Таким образом, и предыдущей, и современной, и последующей традицией литературы нежная дружба оказалась связанной с рассуждениями о любви.

Из рассуждений о дружбе же она совершенно выпадала стилистически. В XVII веке им был свойственен совершенно иной дискурс, в основном в рамках этических трактатов и эссе. И хотя после выхода в свет «Клелии» появляется несколько галантных сочинений, тематически связанных с дружбой¹⁰⁸, как раз в эти годы произошли события, радикально отделившие их от общего направления рассуждений о дружбе.

В 1661 г. был арестован сюринтендант Фуке, что отразилось практически на всем парижском бомонде. Как пишут современные исследователи, этот арест ознаменовал собой крах целой культуры в рамках аристократического сообщества. Эта культура, свя-

¹⁰⁶ Kroll R. *Nouvelle Sapho*. La recherche de terres inconnues dans les romans de Madeleine de Scudéry // Genre-Sex-Roman. De Scudéry à Cixous / Sous dir. de B. Heymann et L. Steinbrügge. Frankfurt am Main; N.Y.; P., 1995. P. 22.

¹⁰⁷ См. об этом: Denis D. *Le Parnasse galant*. Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle. Paris, 2001.

¹⁰⁸ См., например: Perrault Ch. *Dialogue de l'amour et de l'amitié*. Paris, 1660; *Le mariage de l'amour et de l'amitié*. Paris, 1666.

занная с салонными традициями и меценатством, характеризовалась особым духом дружественности и даже интимности, в отличие от жестко иерархизированной и официальной придворной культуры, которая станет отныне доминировать при Людовике XIV. Центр жизни и интересов аристократов переместится из салонов в Версаль. Как писал Марк Фюмароли,

«провал Фуке был, по крайней мере внешне, поражением дружбы, этой моральной утопии, интимной по своей природе, благодаря которой вокруг сюринтенданта собирались такие богемольцы, как Робер Арно д'Андийи и либертены-философы, как Сорбьер или же те, кто принадлежал к *République des lettres* и к Академии»¹⁰⁹

Именно в кругу Фуке велись постоянные дебаты о дружбе, вдохновленные «Клеелией» мадемуазель де Скюдери. Поль Пелиссон, самый пылкий из нежных друзей мадемуазель Скюдери стал секретарем и приближенным Фуке. Благодаря этому сама писательница стала завсегдатаем при дворе Фуке, а ее «нежная дружба» царила в атмосфере «Парнаса Во». Некоторые черты идеализированного социального устройства, которые были свойственны ее стране Нежности, расцвели при дворе Фуке. Разгром, который постиг это сообщество, не только показал несостоятельность таких отношений, но и выбросил нежную дружбу, в таком ее восприятии, вместе с Фуке из той актуальной жизни, что бурлила в Париже.

Одним из следствий опалы Фуке стало то, что основным центром (не связанным с культурой педантов), где велись рассуждения о дружбе, стал салон мадам де Сабле, прочно связанный с течением янсенистов. Предложенная мадемуазель де Скюдери теория, по словам Роже Дюшена, напрямую противопоставлялась концепции себялюбия, нежная дружба рассматривалась скорее как лекарство от себялюбия¹¹⁰. Нежность оказалась посредником, необходимым, чтобы устранить грубость и низость, свойственные дружбе в свете ее связей с себялюбием¹¹¹. Теперь это кажется утопией, и влияние янсенизма уводит размышления о дружбе совершенно в иное русло – к вопросам о моральном долге, себялюбии и притворстве. Таким образом, нежная дружба, ненадолго оказавшаяся в центре дебатов о сущности дружбы в кругу Фуке, после его опалы очутилась в стороне не только от ученой, но и от салонной доктрины дружеских отношений.

¹⁰⁹ *Fumaroli M.* Le poète et le Roi. Jean de La Fontaine en son siècle. Paris, 1997. P. 235.

¹¹⁰ *Duchêne R.* Op. cit. P. 30.

¹¹¹ *Daumas M.* La tendresse amoureuse, XVIe-XVIIIe siècles. P., 1996. P. 158.

Единственное, что еще как-то связывало ее с идеей дружеской расположенности, была галантная культура, в рамках которой и написана «Клелия». Как стремится показать в своей работе о прециозности Мириам Мэтр, теория нежной дружбы была описанием идеализированных салонных отношений, где царили благорасположенность и внимание друг к другу.

«Это распространение *ars amandi* на дружбу, – пишет она, – необходимо для гармоничного функционирования общества общих бесед. Куртуазное тет-а-тет оставляет место для более гибкой и широко понимаемой формы общения, где главенствуют приятность и забота о другом»¹¹².

Галантная культура в действительности вовсе не сводилась к любовной игре, но была своеобразной манерой общения, салонным образом жизни. Однако с замиранием салонной жизни при Короле-Солнце, галантность лишается того мнимого или реального равноправия и дружественности, которые были свойственны салонной культуре, «социальные различия проникли в галантность, едва Людовик XIV выбрал для себя образ галантного человека»¹¹³, как отмечал Ален Виала.

Все эти факторы имели особое значение благодаря тому, что издание романа было очень растянуто во времени. Роман выходил в пяти частях, каждая из которых была разделена на два тома, с 1654 г. в течение семи лет. В этом году вышли первые два тома, охватывавшие первую часть, в 1655-м – появилась вторая часть, затем лишь в 1657-м – третья, а в 1658-м – четвертая. Девятый и десятый тома (пятая часть) появились в свет в 1660 г. А уже в сентябре 1661-го Фуке (а вместе с ним и Пелиссон) был арестован. Если учесть, что последний стал поверенным Фуке лишь в 1657 г., то становится очевидным, что триумф нежной дружбы при дворе сюринтенданта был совсем недолгим.

Стоит также вспомнить, что теория нежной дружбы была прописана в самом первом томе романа, причем очень скоро оказалось, что чувства Клелии к Аронсу, а равно и отношения некоторых других героев, являются вовсе не дружбой, а любовью. Читатели уже забыли о разногласиях по поводу нежной любви и нежной дружбы у Клелии и Аронса. В романе и в памяти сохранилось лишь выражение «нежная дружба», сопровождавшее любовные истории героев, о которых они читали на протяжении всех этих лет.

¹¹² Maitre M. Op. cit. P. 588.

¹¹³ Viala A. *Les Signes Galants: A Historical Reevaluation of Galanterie II* Yale French Studies. N 92. Exploring the Conversable World: Text and Sociability from the Classical Age to the Enlightenment. 1997. P. 27.

Еще одной особенностью «Клелии», которая неожиданным образом сказалась и на восприятии понятия «нежная дружба», было то, что она написана в традициях литературы *à clé*, «шифрованной литературы». В предыдущем романе мадемуазель де Скюдери, «Кир Великий», пользовавшемся огромным успехом, под масками героев римской эпохи был описан современный писательнице бомонд. Существует и «ключ», позволяющий распознать в героях романа ту или иную известную личность. «Клелия», вышедшая вслед за «Киром», была написана и прочитана в рамках той же традиции¹¹⁴. Таким образом, отношения, в том числе и определяемые как нежная дружба, воспринимались в первую очередь как реальные отношения двух всем известных людей и соответствующим образом интерпретировались.

Ключа, позволяющего с точностью восстановить, кто именно из реальных персонажей скрывается в этом романе под тем или иным именем, не существует. Тем не менее, исследователи в большинстве случаев единодушны в своих интерпретациях¹¹⁵. Надо сказать, что для Клелии и Аронса вовсе не предлагается никаких прототипов. Скорее всего, их и не существовало. В романе отсутствуют их портреты, а значит и возможность для читателя угадать, кто описан под этими именами. Таким образом, в интерпретации понятия «нежная дружба» самым существенным оказывается «опознание» Эрминия и Валерии. За этими именами, по всеобщему единодушному мнению, скрываются Поль Пелиссон-Фонтанье и сама мадемуазель де Скюдери. В романе, отвечая на вопрос Эрминия, Клелия составила карту Страны Нежности. А сама писательница также придумала ее, отвечая на вопрос Пелиссона, считает ли она его уже нежным другом. Этот факт был известен гораздо шире, чем то, что подруги писательницы отказывали ему в праве считаться нежным другом. Таким образом,

¹¹⁴ Этой игровой аспект чтения в галантной культуре весьма ярко проявляется в письмах мадам де Лафайет к Жилю Менажу, в которых она сообщает, кого из знакомых ей лиц смогла распознать в героях Клелии, оценивает, верен или нет портрет, и просит «его не подсказывать, ибо так мне останется, по крайней мере, удовольствие догадаться самой» (см. в частности письма за 13.05.1657, 18.09.1658 и др.). *Lafayette M.M. Correspondence. P., 1942. V. 1.*

¹¹⁵ Существует три основных версии «ключа» «Клелии». См.: *Mesnard J. Pour une clé de Clélie // Les Trois Scudéry. P., 1993. P. 371-408; Niderst A. Sur les clefs de Clélie // Papers on the French Seventeenth Century Literature. V. XXI. 1994. N 41. P. 471-483; Plantié J. La Mode du portrait littéraire en France, 1641-1681. P., 1994.*

для читателей (прежде всего для самого парижского бомонда) понятие «нежной дружбы», несомненно, было напрямую связано с отношениями мадемуазель де Скюдери и Пелиссона.

Их отношения не были секретом для общества. Они имели вид некой игры, поскольку мадемуазель де Скюдери периодически сообщала на «субботних» встречах о его продвижении по Стране Нежности. Многие были наслышаны об этой игре и искали знакомства с писательницей¹¹⁶. И все же число настолько посвященных в жизнь этого небольшого сообщества, составлявшего окружение мадемуазель де Скюдери, ее отношения с Пелиссоном, чтобы точно их интерпретировать, было значительно меньше общего числа читателей. Большинство же, быть может, знали, об их связи, но вряд ли вдавались в подробности.

Тем не менее, существовало два обстоятельства, мешавших восприятию этой истории как истории любовных отношений. В то время, когда завязались отношения Сафо и Аканта, ей было около сорока лет, и она была в блеске славы после выхода «Кира Великого». Пелиссон был моложе ее на шестнадцать лет и еще не успел прославиться в Париже. Они часто виделись, в частности у Конрара, но, как пишут исследователи, их знакомство примерно до 1652 г. оставалось чисто официальным, и лишь с этого времени отношения приобрели личный характер¹¹⁷. Мадемуазель де Скюдери руководила этими отношениями. Она приблизила к себе Пелиссона и заставила его (после долгого сопротивления с его стороны) отказаться от своей возлюбленной, поскольку в число нежных друзей избирала лишь тех, кто, как и она, мог отдавать другому всю свою нежность.

Кроме того, что писательница была значительно старше своего друга, она к тому же была некрасива. Таллеман де Рео, не отличавшийся снисходительностью, писал: «Что до красоты, то ею она не обладала вовсе. Это была долговязая особа, тощая и черная, да еще с очень вытянутым лицом»¹¹⁸.

¹¹⁶ Даже когда «субботы» уже прекратили свое существование, поставшая и лишившаяся прежних друзей писательница продолжала вербовать новых сторонников «своей» нежной дружбы. «Не отказывайте ему (своему сердцу – А.С.), – писала она мадемуазель Декарт, – в моей нежной дружбе, которая стоит вдвое больше, чем любовь» (*Scudéry M. de. Lettre à mademoiselle Descartes. Sans date. С интернет-ресурса: <http://erc.lib.umn.edu/dynaweb/french/ScudLett>*).

¹¹⁷ Aronson N. Op. cit. P. 206.

¹¹⁸ *Tallemant de Reaux. Les historiettes de Tallemant de Réaux. P., 1834. V. 5. P. 267.*

Мари-Мадлен де Скюдери

Поль Пелиссон-Фонтанье

Пелиссон же был не просто некрасив, его лицо вдобавок было обезображено оспой. Даже его друг Фюретьер иронически описал его в «Мещанском романе» страшным уродцем. Как сказал П.-Д. Юэ, у Пелиссона «красота ума... уравновешивалась безобразной внешностью»¹¹⁹. Отношения двух столь некрасивых людей в глазах света попросту не могли иметь ничего общего с любовью, воспринимавшейся в духе Платона как стремление к красоте.

Герцогиня Орлеанская в 1705 г.¹²⁰ писала:

«Сафо была совершенной сумасбродкой, несмотря на все свое мастерство, чтобы убить себя любовью к Фаону¹²¹. М-ль де Скюдери, я полагаю, если и желала походить на нее¹²², то лишь в отношении учености, поскольку всегда была добродетельна. Любовь г. Пелиссона была не самым малым бесчестием для нее. Это был ужасно некрасивый человек. Он имел квадратное лицо, все испещренное оспинами – это были белые корки на желтом основании, красные глаза, вечно раздраженные... и слезящиеся, рот шел от одного уха до другого с полными, совершенно белыми губами и черными зубами... Вы отлично понимаете, что с таким человеком М-ль де Скюдери могла иметь эти отношения без скандала. Его фигура также была нехороша, по-

¹¹⁹ Huet P.-D. *Mémoires* (1718). Toulouse, 1993. P. 79. Он весьма высоко ставил и ум мадемуазель де Скюдери, считая ее одной из трех умнейших женщин Европы своего времени. Ibid. P. 86-87.

¹²⁰ Мадемуазель де Скюдери умерла лишь в 1701 г. в возрасте девяти-ста трех лет, на восемь лет пережив своего нежного друга.

¹²¹ Существуют легендарные рассказы о смерти античной поэтессы Сафо, повествующие, что она покончила с собой, бросившись со скалы, из-за несчастной любви к Фаону.

¹²² Мадемуазель де Скюдери взяла себе прозвище Сафо и под этим именем вывела себя в «Кире Великом».

сколько у него были широкие плечи, никакой шеи и икр... Это было настоящее чудовище, но весьма умное и очень ученое...»¹²³

Та же неоднозначность их отношений, что и в романе, вынуждала читателей интерпретировать нежную дружбу в зависимости от того, как они относились к связи этих двух людей. *Что есть нежная дружба* во многом определялось тем, как расценивались отношения Скудери и Пелиссона, а не наоборот. Это породило и такую «эстетическую» интерпретацию концепции нежной дружбы, как у герцогини Орлеанской: дескать, она должна была оправдать перед обществом привязанность к столь некрасивому человеку.

Еще один фактор, связавший нежную дружбу с любовью, упоминают Джеймс Гейнс и Джозефин Робертс¹²⁴ в статье, посвященной рассмотрению «любвовой географии». По их мнению, важнейшим назначением географических карт, особенно в раннее Новое время, было вести в неизведанные территории и и через них. Несмотря на выраженное намерение Клелии придерживаться прочерченного, последовательного, осмотрительного маршрута и более-менее прямолинейного путешествия, общий выход всех трех рек в Опасное море, в точности в том же направлении, что и прогресс истинной дружбы, создает большое искушение продолжить путешествие к Неизведанным землям¹²⁵. Это очень перекликается с настроением анонимного «Письма М.Д. о карте Страны Нежности, адресованного блистательной М.С.», которое цитировалось мною в самом начале¹²⁶.

Все эти многочисленные факторы повлияли на то, что читатели достаточно быстро забывают о том, что основным предметом анализа в романе является собственно нежность, будь то в любви или в дружбе¹²⁷. Мадлен де Скудери трактует нежность, являющуюся «некоторой чувствительностью сердца» в сочетании скорее с дружбой, чем с любовью, и возводит ее в ранг добродетели. Как отмечал в своем исследовании понятия «нежности» Мо-

¹²³ *Palatine E-Ch., duchesse D'Orléans. Lettre à la duchesse de Hanovre du 8.11.1705 // Palatine E-Ch., duchesse D'Orléans. Lettres de Madame duchesse d'Orléans née princesse Palatine. P., 2004. P. 363-364.*

¹²⁴ *Gains J.F., Roberts J.A. The geography of love in seventeenth-century women's fiction // Sexuality and Gender in Early Modern Europe. Institutions, texts, images / Ed. by J.G. Turner. Cambridge, 1993. P. 289-309.*

¹²⁵ *Ibid.* P. 303.

¹²⁶ Интересно отметить, что в «Хрониках» присутствуют многочисленные соотнесения Страны Нежности с территорией Нормандии, где провела свое детство писательница, а Неисследованных земель – с Англией.

¹²⁷ *Morlet-Chantalat Ch. Op. cit. P. 560.*

рис Дома, эта «мораль дружбы», воплощенная в Карте, достаточно точно соответствует преобладающему значению слова нежность у Ларошфуко, Сент-Эвремона и Бюсси-Рабютена, в текстах которых нежность является уделом дружеских отношений. Однако, по словам исследователя, нежность очень быстро оказывается вписанной в любовный словарь¹²⁸.

Роже Дюшен в одной из своих работ продемонстрировал, что, пожалуй, самое сильное влияние на восприятие понятия *прециозности* как сугубо негативного оказала комедия Мольера «Смехотворные жеманницы»: Карта Страны Нежности, по справедливому замечанию того же Дюшена, имела отношение к друзьям и подругам героини без какого-либо полового различия. Вопреки тому, что представил Мольер в той же комедии, в понятии «нежной дружбы» гораздо более важны были не прециозно-галантные ценности (нежные слова, взгляды, полное подчинение), а ценности моральные и связанная с ними способность к чувствительности¹²⁹. Вряд ли сейчас возможно судить о том, оказала ли эта пьеса и в данном случае столь же сильное влияние на современников и их понимание «нежной дружбы». Однако приходится признать, что трактовки этого понятия в романе, в кругу друзей мадемуазель де Скюдери и среди читателей сильно отличались друг от друга. Единого понимания (будь то любовь или дружба), каким его видят многие современные исследователи, попросту не существовало. В силу различных, порой случайных причин, нежная дружба чаще всего интерпретировалась иначе, чем это представляла себе сама писательница. Но даже и оговорка исследователей, что нежная дружба может быть прочитана двояко – и как любовь, и как дружба¹³⁰, также не проясняет суть. Граница между понятиями любовь и дружба, столь очевидная для современного человека, оказывается смутной и зыбкой, когда дело касается текстов XVII века. Возможно, это и является важнейшей причиной

¹²⁸ *Daumas M.* Op. cit. P. 158-159. Нежной дружбой до появления романа мадемуазель де Скюдери называли скорее участливое, даже родственное отношение. В комедии «Иллюзия» (1636 г.) Корнель использует такое определение и для взаимоотношений дочери с отцом: Отец меня любил (*quelle tendre amitié je recevois d'un père!*), и дом был полной чашей – / Я нищету твою назвать решила нашей, / Соединясь с тобой наперекор судьбе. *Корнель П. Иллюзия // Корнель П. Театр французского классицизма. М., 1970. С. 73-74; Corneille P. L'illusion comique // Corneille P. Oeuvres de P. Corneille. P., 1862. V. 2. P. 510.*

¹²⁹ *Duchêne R.* Op. cit. P. 35.

¹³⁰ *Pelous J.-M.* Op. cit. P. 21.

того, что нежная дружба стала понятием, которое каждый воспринимал в меру собственного суждения о человеке. По словам М. Фуко, язык и литература, перестают в это время быть одной из форм бытования реальности¹³¹. Они становятся лишь средствами ее обозначения, причем такими, которые могут не только прояснять, но и сознательно запутывать. Именно с этим, очевидно, связаны заложенные в самих текстах того времени, особенно в сочинениях связанных с галантной игровой культурой, многозначность и возможность различного прочтения. По этой причине изучение различных концептов становится в значительной мере рассуждением об их репрезентации в литературе.

¹³¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 78-80 и др.

Ли́за За́ншайн (США)

ТЕОРИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ
И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ*

Позвольте мне начать с, казалось бы, нелепого вопроса. Когда Питер Уолш неожиданно приходит навестить Клариссу Дэллоуэй «в одиннадцать утра, когда у нее сегодня прием» и, «буквально дрожа», спрашивает ее, как дела, «беря обе ее руки в свои, целуя ее обе руки»; думая о том, «что она постарела», и, решая, что он «не станет ей ничего говорить... но она постарела»¹, как мы определяем, что его *дрожь* относится к возбуждению от того, что он снова видит Клариссу через столько лет, а не, скажем, к прогрессирующей болезни Паркинсона, которой он страдает?

Особенно доброжелательный читатель «Миссис Дэллоуэй», мог бы терпеливо объяснить мне, что, если причиной дрожи Уолша была болезнь, Вулф так бы и сказала. Она бы не оставила нас надолго под впечатлением, что язык тела, воспроизводимый Уолшем, выдает его волнение, его радость, его растерянность, и что эта встреча мгновенно вернула его в те далекие времена, когда Кларисса и Питер обладали «этой странной способностью общаться без слов», потому что, видя *дрожь* Уолша, Кларисса сама «так удивлена, ... так рада, так смущена, так сильно поражена его неожиданным появлением в это утро!»². Слишком много сложностей, скажете вы, для нашего восприятия эмоциональных подтекстов сцены, и все только для того, чтобы Вулф скрыла от нас такую важную деталь состояния здоровья Уолша.

И тогда я задам вопрос, почему, если бы причиной дрожи Уолша была болезнь, Вулф должна была ясно сказать нам об этом, но, поскольку это не так, она просто может считать само

* Публикуется с любезного разрешения редакции журнала *Narrative* (*Zunshine, Lisa. Theory of Mind and Experimental Representations of Fictional Consciousness // Narrative* 11.3. October 2003. P. 270-291. Перевод на русский язык выполнен А.Ю. Телицыной.

¹ Пер. Е. Суриц по изд.: Вулф, *Вирджиния*. Избранное. М.: Художественная литература, 1989.

² Woolf, *Virginia. Mrs. Dalloway*. San Diego: Harcourt Brace, 1981. P. 40.

собой разумеющимся, что мы интерпретируем это как следствие его эмоционального состояния. Другими словами, что дает возможность Вулф предполагать, что мы автоматически поймем язык тела героя, как показатель состояния его мыслей и чувств?

Она предполагает это в силу нашего коллективного прошлого как читателей, скажете, наверное, вы. Писатели используют описание поведения своих героев, когда информируют нас об их чувствах, с незапамятных времен, поэтому мы ожидаем этого от автора, когда открываем книгу. Мы все признаем, сознательно или нет, что стандартная интерпретация поведения говорит о психическом состоянии героя, и каждое художественное произведение, которое мы читаем, укрепляет нас в желании давать в первую очередь такую интерпретацию³.

Если бы этот воображаемый разговор об автоматических предположениях читателей происходил двадцать лет назад, на этом он бы и закончился. Или он никогда бы не произошел – даже в его гипотетической форме, – потому что ответы на мои наивные вопросы были бы очевидны. Сегодня, однако, эта дискуссия имеет продолжение в силу данных, полученных последними исследованиями в когнитивной психологии и антропологии, показавших, что *не каждый* читатель может распознать, что предположительная интерпретация поведения героя объясняет психическое состояние персонажа. Для понимания того, что позволяет большинству из нас ограничивать количество возможных интерпретаций, нам, возможно, следует пойти дальше объяснения этого явления личным опытом чтения и признать некоторые факты нашей эволюционной истории.

Дальше я предприиму попытку сделать более широкое отступление для того, чтобы рассмотреть влияние последних достижений ученых-когнитивистов на литературоведение, показав, как их исследования нашей способности объяснять поведение с точки зрения скрытого психического состояния – или наша способность *распознавать психическое состояние* – может привести к удивительной способности проникновения в литературные тексты. Я

³ Вслед за Хермион Ли, мы можем обосновать это позицией Вулф как «пионера теории читательского отклика». Вулф, пишет она, «была чрезвычайно заинтересована в двустороннем диалоге между читателями и писателями. Книги меняют своих читателей; они учат тебя, как читать их. Но читатели также меняют книги. "Несомненно, – писала сама Вулф, – все писатели находятся под сильным влиянием тех людей, которые их читают"». Lee, *Hermione. Virginia Woolf's Essays // The Cambridge Companion to Virginia Woolf / Ed. by Sue Roe and Susan Sellers. Cambridge: C.U.P., 2000. P. 91.*

начну с обсуждения результатов исследования аутизма, которые заставили когнитивных психологов обратить внимание на существование когнитивной способности, позволяющей нам сузить диапазон интерпретаций человеческого поведения до их психического состояния, что, как мы знаем, и делает возможным существование художественной литературы. Затем я рассмотрю потенциально спорные вопросы по поводу «не требующей усилий» способности распознавать психическое состояние других людей, включая литературных героев. Чтобы рассмотреть еще один специфический аспект такого распознавания психического состояния в художественной репрезентации сознания, я вернусь к «Миссис Дэллоуэй». Здесь я опишу серию недавно проведенных экспериментов по исследованию нашей способности представить себе последовательно запечатленные репрезентации психического состояния (т.е., *репрезентации репрезентаций репрезентаций* психических состояний)⁴ и предположу, что проза Вулф вызывает эту особую способность, находящуюся вне привычной *зоны комфорта*, и что осознание, которое приходит частично в результате этого тройного повторения, провоцируется работами Вулф у некоторых ее читателей. Я прихожу к данному выводу, рассмотрев два аспекта, связанных с потенциальными междисциплинарными возможностями новых когнитивных подходов к литературе. Прежде всего, я рассматриваю взаимоотношения между когнитивным анализом и более традиционным литературно-историческим анализом Вулф. Во-вторых, я считаю, что литературная критика должна обратить внимание на все расширяющуюся тенденцию среди ученых-когнитивистов использовать литературу для изучения когнитивных способностей людей.

Теория психических состояний и аутизм

Термин «распознавание психических состояний» используется когнитивными психологами для описания нашей способности объяснять поведение человека через его мысли, чувства, убеждения и желания; например, «Люси *потянулась* к шоколаду потому, что ей *захотелось* чего-то сладенького», или «Питер Уолш *испытывал дрожь* потому, что был *взволнован*, снова увидев Клариссу». Они также называют эту способность нашей «теорией психических состояний» (*ТоМ*), и я буду использовать оба этих термина в своем эссе.

⁴ Анализ «репрезентаций репрезентаций» или «метарепрезентаций», см. *Zunshine, Lisa. "Eighteenth-Century Print Culture and the 'Truth' of Fictional Narrative // Philosophy and Literature. 25. 2001. P. 215-232.*

Подобное разрастание причудливой терминологии делает еще более острым вопрос о том, зачем нам нужны все эти новомодные концепции распознавания психических состояний или теория психических состояний для объяснения того, что кажется достаточно очевидным. Наша способность интерпретировать поведение живых людей – распространяющаяся и на литературных персонажей⁵ – в терминах их скрытых психических состояний представляется неотъемлемой частью человека, и мы можем с понятной неохотой определять это причудливым термином и выделять в отдельный предмет изучения. На самом деле, основная причина, по которой *ТоМ* привлекла столь пристальное внимание когнитивных психологов за последние двадцать лет, состоит в том, что им стали встречаться люди с чрезвычайно низкой способностью «рассматривать тело как проявление психики»⁶) – люди с аутизмом. Изучая аутизм и соответствующие констелляции когнитивных дефицитов (такие, как синдром Аспергера), ученые-когнитивисты и философы, занимающиеся проблемами психики, начинают оценивать нашу способность распознавать психические состояния как особый когнитивный дар, структурирующий в пропозиционной форме наше ежедневное общение и культурные репрезентации.

Многие ученые, работающие с *ТоМ*, соглашаются, что подобная адаптация могла развиться в результате «массированной неокогнитивной эволюции», произошедшей в эпоху плейстоцена, когда размер нашего мозга увеличился втрое. Определяющим фактором увеличения размера мозга стала социальная сущность нашего вида (мы делим эту способность с приматами)⁷. Появле-

⁵ Важным принципом когнитивного подхода к литературе является то, что, как говорит об этом Пол Хернади, «нет четкого разделения между литературной и научной сигнификацией. ... Литературный опыт не берет свое начало в когнитивном или эмоциональном вакууме: современные читатели, слушатели и зрители мысленно перерабатывают виртуальные приходы и уходы воображаемых персонажей, как если бы они были аналогами запомненных ими реальных событий». *Hernadi, Paul. Literature and Evolution // Substance 94/95. 30. 2001. P. 60, 62. Подробное обсуждение темы см.: Tumer, Mark. The Literary Mind. N.Y.: O.U.P., 1996.*

⁶ *Brook A., Ross D. Daniel Dennett. Cambridge: C.U.P., 2002. P. 81.*

⁷ О социальных способностях приматов см.: *Byrne R.W., Whiten A. Machiavellian Intelligence: Social Expertise and the Evolution of Intellect in Monkeys, Apes, and Humans. Oxford: O.U.P., 1988; Idem. The Emergence of Metarepresentation in Human Ontogeny and Primate Phylogeny // Natural theories of Mind: Evolution, Development, and Stimulation of Everyday Mindreading / Ed. by Andrew Whiten. Oxford: Basil Blackwell, 1991. P. 267-282; Gomez, Juan C. Visual Behavior as a Window for Reading the Mind of Others*

ние «модуля» *ToM* было эволюционным ответом на испытание «комплексом неустойчивости» – с ним столкнулись наши предки, которым было необходимо понять поведение людей в группе, включавшей в себя до двухсот человек. В своем влиятельном исследовании, опубликованном в 1995 г., Саймон Барон-Козн отмечает, что «восприятие психических состояний как сложной системы (каковой является человек) оказывается далеко не самым простым путем к ее пониманию», а именно, «к тому, чтобы объяснить поведение сложной системы и предсказать, что она сделает дальше»⁸. Отсюда следует, что наше стремление объяснить наблюдаемое поведение в терминах скрытых психических состояний кажется таким не требующим усилий и автоматическим потому, что наша когнитивная структура с момента появления сознания «побуждает» нас к ежедневному изучению и распознаванию психических состояний. (Но, однако, это не говорит о том, что наши фактические интерпретации психических состояний других людей всегда безошибочны — это далеко не так!)

Барон-Козн описывает аутизм как «самое серьезное из всех детских психиатрических заболеваний», которое поражает приблизительно от четырех до пятнадцати детей из десяти тысяч и которое «наблюдается в любой стране, куда обращались за данными, на любом социальном уровне»⁹. Хотя «распознавание психических состояний не является проблемой из разряда все или ничего [так как]... люди с аутизмом могут обладать этой способностью в большей или меньшей степени»¹⁰, и хотя это состояние может быть как-то смягчено, если ребенок получает разнообразное «педагогическое и терапевтическое вмешательство», аутизм в настоящее время остается «болезнью всей жизни»¹¹. Высока вероятность передачи аутизма по наследству¹², и основные симптомы, которые

in *Primates* // *Ibid.* P. 195-208; Premack D., Dasser V. *Perceptual Origins and Conceptual Evidence for Theory of Mind in Apes and Children* // *Ibid.* P. 266.

⁸ *Baron-Cohen, Simon. An Essay on Autism and a Theory of Mind.* Cambridge: The MIT Press, 1995. P. 21. Обсуждение альтернатив *ToM* см.: *Dennett, Daniel. The Intentional Stance.* Cambridge: The MIT Press, 1987.

⁹ *Baron-Cohen, Simon. An Essay on Autism...* P. 60.

¹⁰ *Origi G., Sperber D. Evolution? Communication and the Proper Function of Language* // *Evolution and the Human Mind: Modularity, Language, and Meta-Cognition* / Ed. By P. Carruthers and A. Chamberlain. Cambridge: C.U.P., 2000. P. 163.

¹¹ *Baron-Cohen, Simon. An Essay on Autism...* P. 60.

¹² Первым описал аутизм в 1943 г. Лео Каннер. Более двадцати лет после того аутизм «ошибочно считался следствием холодного семейного окружения». Однако в 1977 г исследование близнецов показало, что случаи

проявляются в первые годы жизни, включают сильное нарушение социального и коммуникативного развития и «отсутствие нормальной приспособляемости, воображения и притворства»¹³. Его также характеризует – и это крайне важно для нашего обсуждения – отсутствие интереса к вымыслам и рассказам, разное по степени, но не по сути, в широком спектре случаев аутизма.

В книге «Антрополог на Марсе» Оливер Сэкс описывает случай аутизма, примечательный тем, что больная, Темпл Грандин, смогла в определенной степени преодолеть свой недуг. Она имела степень доктора сельскохозяйственных наук, преподавала в университете штата Аризона и была в состоянии говорить о своих ощущениях, давая тем самым уникальную возможность узнать о том, что значит быть не в состоянии распознавать психические состояния других людей. Сэкс передает школьные воспоминания Грандин: «Что-то происходило между другими детьми, что-то быстрое, едва уловимое, постоянно меняющееся – обмен значениями, переговоры, такая удивительная быстрота понимания, что она удивлялась, не являются ли они телепатиями. Теперь она знает о существовании тех социальных сигналов. Она может распознавать их, говорит она, но сама она не может воспринимать их, не может непосредственно участвовать в этой магической коммуникации или постичь весь многоуровневый калейдоскоп психических состояний, стоящих за ней»¹⁴.

Как и прогнозировалось, Грандин говорит о трудностях в понимании художественных произведений. Она помнит, как была «озадачена *Ромео и Джульетой*: «Я никогда не могла понять, что они намерены делать»»¹⁵. Художественная литература представляет собой существенную проблему для людей с аутизмом, потому что она в той или иной степени требует распознавания психических состояний подобного тому, которое необходимо для обычного человеческого общения, т.е. процедуры вывода о психическом состоянии по поведению.

Чтобы компенсировать свою неспособность интерпретировать выражение лица, которая поначалу сделала ее «предметом раз-

аутизма тесно связаны с генетическими факторами, и с тех пор «множество других исследований подтвердило, что аутизм является наследственным заболеванием» (*Hughes C., Plomin R. Individual Differences in Early Understandings of Mind: Genes, Non-Shared Environment and Modularity // Evolution and the Human Mind... P. 48*). О «предыстории» термина *аутизм* см.: *Harris, Paul L. The Work of Imagination. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 3.*

¹³ *Baron-Cohen, Simon. An Essay on Autism... P. 60.*

¹⁴ *Sacks, Oliver. An Anthropologist on Mars. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1995. P. 272.*

¹⁵ *Ibid. P. 259.*

личных шуток и издевательств», Грандин со временем создала нечто напоминающее «библиотеку видеозаписей, которую она могла прокручивать у себя в голове в любое время и проверять в любое время – “видео” о том, как ведут себя люди в различных обстоятельствах. Она проигрывала их снова и снова и постепенно училась сопоставлять то, что она видела, чтобы иметь возможность предсказывать, как могут вести себя люди в подобных обстоятельствах»¹⁶. Приняв во внимание “библиотеку” Грандин, можно предположить, что мы не просто “учимся”, как общаться с другими людьми и распознавать их эмоции (или как распознавать психические состояния литературных персонажей по их поведению) – Грандин, в конце концов, имела достаточно возможностей “научиться” этим вещам, как это сделали мы с вами, – но мы также задействуем когнитивную структуру, которая и делает возможным подобное обучение. Если же эта структура нарушена, как в случае с аутизмом, богатство опыта все равно полностью не компенсирует ущербность.

Связь между пораженной *ToM* и отсутствием интереса к вымыслам и рассказам является предположительной, и еще не решен вопрос о точной природе взаимодействия между этими двумя явлениями. Одним из аргументов, например, является то, что когнитивный механизм, задействованный в процессе распознавания человеческих мыслей и чувств, находится в постоянной готовности, выявляя в своем окружении сигналы, соответствующие входящей информации¹⁷. Тогда на определенном уровне вымыслы “обманывают” эти механизмы и заставляют “верить”, что они реально присутствуют, что они “смоделированы” для обработки, т.е. они реально присутствуют как агенты, обладающие способностью представлять широкий спектр ситуаций интенциональности. Литература упрямо акцентирует и стимулирует механизмы распознавания психических состояний, которые приводятся в действие при общении с реальными людьми, даже если читатели и осознают на каком-то уровне, что литературные персонажи вовсе не являются реальными людьми¹⁸.

¹⁶ Ibid. P. 259-260.

¹⁷ Используя слово “механизм,” я не пытаюсь протащить устаревшую метафору “тело, как машина” в литературоведение. Несмотря на окраску, приобретенную этим словом в прошлом, оно все же может быть использовано для удобного краткого определения чрезвычайно сложных когнитивных процессов.

¹⁸ Подробное обсуждение см.: Leslie, Alan. *ToMM, ToBY, and Agency: Core Architecture and Domain Specificity // Mapping the Mind: Domain Specificity in Cognition and Culture / Ed. by Lawrence Hirschfeld and Susan Gelman. P. 120–125; Carruthers P. Autism as Mind-Blindness: An Elaboration and Par-*

Отсюда следует, что одним из предварительных заключений о возможном применении того, что мы знаем о *ТоМ*, к художественной литературе, является то, что распознавание психических состояний делает литературу тем, чем она для нас является. Сам процесс того, что мы находим смысл в том, что читаем, оказывается основанным на нашей способности наделять хрупкие вербальные конструкции, которые мы щедро называем "персонажами", потенциально возможным разнообразием мыслей, чувств и желаний и затем отыскивать "ключи", которые позволяют нам сделать догадку об их чувствах и, как следствие, предсказать их действия¹⁹. (Иллюзия создана: как и Эрих Ауэрбах, мы убеждены, что «люди, чьи истории пересказывают авторы, испытывают намного более сильные эмоции, чем [автор] может когда-либо надеяться передать»²⁰.)

"Легкость" распознавания психических состояний

По ходу обсуждения распознавания психических состояний как результата когнитивной способности, дающей нам возможность как взаимодействовать с другими людьми, так и понимать художественную литературу, мы должны ясно понимать разницу в терминах, используемых учеными-когнитивистами и литературными критиками. Когнитивные психологи и философы, изучающие проблемы сознания, рассматривают *ТоМ*, задаваясь следующими вопросами: какова эволюционная история данной адаптации, т.е. в ответ на какие вызовы окружающей среды она возникла? В какую эпоху и в каких формах она начала проявляться? Каковы ее неврологические основы? Они концентрируют свое внимание на том, «в какой степени распознавание психических состояний [играет] ведущую роль в успешности коммуникации»²¹. Когда ученые-когнитивисты обра-

tial Defence // *Theories of Theories of Mind* / Ed. by P. Carruthers and Peter K. Smith. Cambridge: C.U.P., 1996. P. 262–63; *Hemadi P.* Op. cit. P. 58; *Spolsky E.* Why and How to Take the Wheat and Leave the Chaff // *Substance* 94/95. 30. nos. 1-2. 2001. P. 178-198.

¹⁹ Размах подобного наделяния оказывается действительно ошеломляющим, если мы попытаемся растолковать совокупности невысказанных предположений, которые делают это возможным (подробное обсуждение см.: *Zunshine, Lisa.* Richardson's *Clarissa* and a Theory of Mind // *The Work of Fiction: Cognition, Culture, and Complexity* / Ed. by Ellen Spolsky and Alan Richardson. Aldershot: Ashgate Press, 2004). Этот вывод придает новую поддержку тому, что теоретики нарратива рассматривают как сущностную недетерминированность или "недосказанность" художественной литературы, ее "внутреннюю нерепрезентативность". *Sternberg, Meir.* How Narrativity Makes a Difference // *Narrative* 9. 2001. P. 119).

²⁰ *Auerbach, Erich.* *Mimesis*: Princeton: P.U.P., 1991. P. 549.

²¹ *Baron-Cohen, Simon.* An Essay on Autism... P. 29 (курсив мой).

щаются к литературе (или, как в случае ниже, кинематографу) в поисках примеров, позволяющих проиллюстрировать нашу способность наделять художественных персонажей их собственными психическими состояниями и впоследствии распознавать эти психические состояния, они подчеркивают «легкость», с которой мы это делаем. Как говорит Деннетт, «смотря фильм с очень оригинальным и не затасканным сюжетом, мы видим героя, улыбающегося злодейке, и мы все быстро и легко приходим к одному сложному теоретическому выводу: 'Ага!', заключаем мы (но, возможно, бессознательно), он хочет, чтобы она думала, что он не догадывается о ее намерении обмануть своего брата!»²².

Читатели, не относящиеся к сообществу когнитивной науки, могут, однако, найти подобное подчеркивание “легкости” и “успешности” бесполезным. Литературные критики, в особенности, знают, что процесс приписывания определенных мыслей, убеждений и желаний другим людям может привести к *неправильному толкованию* этих мыслей, убеждений и желаний. Таким образом, они по праву будут возражать принятию того, что мы без усилий, т.е. правильно и однозначно, почти телепатично, можем определить, что тот человек, чье поведение мы пытаемся объяснить, думает. Важно подчеркнуть, что ученый-когнитивист и читатель-любитель (к ним относятся и литературные критики) используют разные критерии, оценивая относительную “успешность” распознавания психических состояний. Для читателя-любителя примером явной неспособности к распознаванию психических состояний и коммуникации может быть интерпретация слез радости у друга как слез скорби и соответствующая реакция на это. Для когнитивного психолога явной неспособностью к распознаванию психических состояний будет то, что человек даже не представляет себе, что жидкость, струящаяся по лицу друга, относится к чему-то, что характеризует его чувства в данный момент. Если вы находите эту возможность невероятной, вспомните, что именно так (многие) люди, страдающие аутизмом, воспринимают мир, возможно в силу неврологического дефицита, который не позволяет их когнитивной структуре сузить разнообразие возможностей интерпретации и ограничить их, как в данном случае, до зоны эмоций.

Следовательно, одним из выводов, сделанных когнитивными психологами, является то, что, анализируя мир и сужая границы соответствующих интерпретаций представленного феномена, наша когнитивная адаптация предоставляет нам возможность

²² Dennett, Daniel. Op. cit. P. 48.

разглядывать неопределенное множество интерпретаций внутри данных *границ*. Как говорит об этом Нэнси Истерлин: «без врожденной склонности к организации информации определенным образом, мы были бы не в состоянии производить выбор реакций»²³. «Ограничители, – отмечает Н. Кэтрин Хейлс в другом контексте, – оказывают положительное воздействие; способствуют ограничению круга возможностей»²⁴. Другими словами; наша способность распознавать психические состояния позволяет нам установить связь между дрожью Питера Уолша и его эмоциональным состоянием (в отсутствие какой-либо другой дополнительной информации, которая могла бы подсказать иную интерпретацию), и таким образом положительно ограничивает зону наших интерпретаций, позволяя нам начать рассматривать бесконечное множество оттенков выбора *внутри данной зоны*. Контекст эпизода еще более ограничит интерпретации; мы можем решить, например, что маловероятно, что Питер дрожит в силу плохо скрываемой ненависти; и начнем исследовать сложный диапазон его горько-сладких чувств. Любая дополнительная информация, которую мы выносим из прочтения отрывка – биографическая; социо-историческая, литературно-историческая – пробудила бы в нас новые оттенки значений и могла бы, в принципе, привести нас к некоторым поразительным предположениям о психических состояниях Уолша. Обратите также внимание, что описание *дрожи* Уолша может найти некий отклик в моем личном опыте и заставить меня придать значительно больше веса одной детали текста, игнорируя другие, что в итоге означает, что вы и я можем накрутить множество совершенно разных прочтений эмоционального состояния Питера и Клариссы «в одиннадцать утра, когда у нее сегодня прием». Но ничего из этого, однако, не произойдет до тех пор, пока мы, прежде всего, не отбросим широкий круг других объяснений – таких, как объяснение, что все это вызвано физическими причинами (например, болезнью), воздействующими на тело, – и тогда сфокусируем свое внимание целиком на психическом состоянии главного героя.

²³ *Easterlin, Nancy. Making Knowledge: Bioepistemology and the Foundations of Literary Theory // Mosaic 32. 1999. P. 137.* Определение термина "врожденный" применительно к обработке поступающих данных см.: *Spolsky E. Satisfying Skepticism: Embodied Knowledge in the Early Modern World. Aldershot: Ashgate, 2001. P. 164.*

²⁴ *Hayles, N. Katherine. Desiring Agency: Limiting Metaphors and Enabling Constraints in Dawkins and Deleuze/Guattari // Substance. 94/95. 30. 2001. P. 145.* Важное подробное обсуждение "ограничителей" см.: *Spolsky E. Cognitive Literary Historicism...*

Иногда исключение нерелевантных интерпретаций происходит настолько быстро, что может быть практически незаметно. Рассмотрим пример из знаменитого эссе Стэнли Фиша «Как распознать стихотворение» (*How to Recognize a Poem*). Для пояснения своего тезиса о том, что наша умственная деятельность «ограничена теми институтами, частью которых мы уже являемся», Фиш описывает следующий эксперимент, проведенный им в классе:

«В то время, когда я активно пояснял свою точку зрения, один из моих студентов по имени Уильям Ньюлин также активно тянул руку. Когда я спросил других студентов, что это было, то что [он] делал, они все ответили, что он просил разрешения выступить. А затем я спросил, откуда они знают это. Немедленным ответом была реплика, что это очевидно; что же еще он думал сделать? Значение его жеста, другими словами, было прямо на поверхности, позволяя прочитать себя любому, у кого есть глаза. Это значение, однако, не было бы понятно тому, кто не имеет никакого представления о жизни студентов. Такой человек мог бы подумать, что господин Ньюлин указывает на флюоресцентные лампы, свисающие с потолка, или призывает нас обратить внимание на некий предмет, который вот-вот упадет ("небеса падают", "небеса падают"). А если бы этот кто-то был учеником младшей или средней школы, господин Ньюлин мог бы также просить разрешения не выступить, а выйти в туалет, и эта интерпретация или распознавание никогда бы не пришла в голову студенту из университета Джона Хопкинса или любого другого института "высшего образования"»²⁵.

Мнение Фиша о том, что «только благодаря существованию... в институтах, [которые] предшествуют нам [в данном случае, колледж], мы имеем доступ к общественным и конвенциональным смыслам, которые они задают [в данном случае, поднятая рука означает просьбу человека получить слово]»²⁶. Однако обратите внимание, что все его очевидно "неправильные" объяснения (например, господин Ньюлин подумал, что падают небеса; он хотел выйти в туалет и т.д.) являются "правильными" в том значении, что они обращены к *ТоМ*, т.е. они объясняют поведение студента с точки зрения его скрытых мыслей, убеждений и желаний. Как говорит об этом Фиш, «что же еще он думал сделать?» (курсив мой). Никто не решился предположить, например, что в кольцо, расположенное на потолке в классе, протянута тонкая, практически невидимая нить, один конец которой приторочен к рукаву господина Ньюлина, а другой конец держит человек, сидящий за ним, который может потянуть нить в любой момент и произвести соответст-

²⁵ Fish, Stanley. *How to Recognize a Poem When You See One // American Criticism in the Poststructuralist Age / Ed. by Ira Konigsberg. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1981. P. 110-111.*

²⁶ *Ibid.* P. 110.

вующее движение рукой господина Ньюлина. Абсурд, сказали бы вы, тем более что никто никакой нити над головой господина Ньюлина не видел. Но не является ли, однако, также абсурдной попытка объяснить поведение в терминах психического состояния, которое является абсолютно ненаблюдаемым? И все же мы делаем это автоматически, и единственная причина, по которой ни один "нормальный" (т.е., не-аутичный) человек не будет думать о "механическом" объяснении (таком, как нить, тянущая рукав), кроется в том, что мы имеем когнитивную структуру, которая побуждает нас считать, что «тело анимируется психикой».

Но тогда, по логике эссе Фиша, призывающей нас не принимать как должное наше сложное институализированное включение, которое позволяет нам понять смысл мира, не нужно ли нам также активно исследовать наше *когнитивное* включение, которое, – как надеюсь, я продемонстрировала на приведенном выше примере – основательно дополняет включение институциональное? Учитывая относительно ограниченный круг "неправильных" интерпретаций, предложенных Фишем (все его интерпретации связывают поведение с психическими состояниями), не должны ли мы квалифицировать его суждение о том, что если не интерпретировать поднятую руку господина Ньюлина в контексте его статуса студента, то «в *форме* [его] жеста нет ничего, что помогло бы его сокурсникам определить его значение»²⁷? Конечно, *форма* жеста – используя слово, которое Фишер сам подчеркнул – достаточно информативна, потому что его четкая намеренность должна ограничить круг возможных "неправильных" интерпретаций. Таким образом, если бы неожиданно господин Ньюлин судорожно дернул рукой, а не «активно» ею «помахал», то механические объяснения, такие как физиологический спазм или толчок под локоть, возможно даже нить, притороченная к его рукаву, казались бы менее абсурдными.

Возвращаясь тогда к потенциально спорной проблеме легкости, с которой мы "распознаем" психические состояния: вопиюще "неправильная" с точки зрения читателя-любителя интерпретация (например, восприятие слез скорби как слез радости или предположение о том, что господин Ньюлин тянет руку, дабы показать, что небеса падают), все же является "легкой" с точки зрения когнитивного психолога в силу легкости, с которой мы соотносим слезы с эмоциональным состоянием или поднятую руку с определенным скрытым желанием/намерением. Распознавание психических состояний, таким образом, является легким с той точки зрения, что

²⁷ Ibid. P. 112.

мы "интуитивно" соединяем поведение людей с их психическими состояниями (как в примере с "дрожью" Уолша), хотя наше последующее описание этих состояний может привести нас к широкому диапазону различных ошибок и спорных значений. Для каждого описания, напоминает нам Фиш по другому поводу, интерпретация существует "всегда и уже", некий "текст", отражающий персональную историю, пристрастия и желания читателя²⁸.

**Может ли когнитивная наука рассказать нам,
почему мы боимся Миссис Дэллоуэй?**

Сколько подсказок требуются нам для того, чтобы мы начали наделять литературный персонаж психическими состояниями? Кажется немного, так как любой признак, указывающий, что мы имеем дело с самостоятельным существом (например, «Питер Уолш вернулся»), ведет нас к предположению о том, что это существо обладает мыслями, чувствами и желаниями, по крайней мере, некоторые из них мы можем интуитивно почувствовать, интерпретировать или, нередко, интерпретировать неправильно. Писатели используют нашу постоянную готовность полагаться на психические состояния в случае наблюдения поведения; они экспериментируют с количеством и вариантами интерпретаций психических состояний персонажа, которыми они наделяют его, а также рассматривают на те варианты, к которым придет сам читатель. Когда Вулф показывает Клариссу, наблюдающую язык тела Питера (Кларисса замечает, что он «буквально дрожит»), она может предложить нам представление либо психического состояния Клариссы, которое объяснит физические действия Питера (что-то относящееся к тому, «как он рад снова видеть ее!»), или собственное состояние Питера (как «он был так взволнован, от того, что снова видит Клариссу!»). Вместо того, чтобы сказать нам, во-первых, о том, что Питер думает, что Кларисса постарела, и, во-вторых, что Кларисса думает, что Питер «все тот же; ... тот же чудаковатый взгляд; тот же костюм в клеточку»²⁹. "Дрожь" Питера является как будто неотъемлемой частью этой сцены, но не допускайте ошибки: мы, читатели, должны додумать недостающие куски информации (такие, как *он, должно быть, взволнован оттого, что снова видит ее*), что делает повествование эмоционально связанным.

Хэмингуэй стал известен тем, что не описывал в полном объеме чувств протагонистов, замещая психические состояния

²⁸ Подробное обсуждение см.: *Fish, Stanley. Is There a Text in this Class?* Cambridge: C.U.P., 1980.

²⁹ *Woolf, Virginia. Mrs. Dalloway.* P. 40.

своих героев преимущественно физическими действиями (например, как в конце романа «Прощай оружие»: «Через некоторое время я вышел на улицу и пошел из госпиталя, и вернулся обратно в гостиницу под дождем»³⁰). Хэмингуэй может позволить себе подобную умышленную, но по-своему тщательно продуманную недосказанность по той же причине, по которой Вулф может позволить дрожи Питера «говорить самой за себя»: в силу нашей окрепшей когнитивной склонности предполагать, что обязательно существует психологическая установка за каждым физическим действием, и нашего стремления представить себе эту возможную психическую установку, когда автор предоставляет нам абсолютно минимальное количество подсказок для выработки такого представления. И тогда мы начинаем задаваться вопросом, как авторы художественной литературы экспериментируют с нашей способностью распознавать психические состояния и, возможно, подталкивают ее к дальнейшему развитию, таким образом делая трактовки ученых-когнитивистов особенно значимыми. Хотя изучение учеными-когнитивистами *ТоМ* является развивающимся проектом, литературоведы уже имеют в своем распоряжении достаточно хорошо задокументированные результаты исследований, позволяющие им начать задавать следующие вопросы: возможно ли, что художественное повествование тренирует нашу способность распознавать психические состояния, а также тестирует ее границы? Как разнообразная культурно-историческая среда влияет на литературоведческие исследования этой способности? А различные жанры? Насколько бы умозрательными и приблизительными ни выглядели эти вопросы на данном этапе, они подчеркивают возможность реального взаимодействия между когнитивной психологией и литературной критикой, когда обе науки имеют, что предложить друг другу.

Ироническое название данной части связано с моей попыткой применить результаты серии экспериментов, проведенных когнитивными психологами, изучающими *ТоМ*, к «Миссии Дэллоуэй». Я нахожу результаты подобного применения поразительными и побуждающими к размышлению. С одной стороны, сейчас я могу с достаточной уверенностью утверждать, что определенные аспекты прозы Вулф действительно выставляют высокие требования к нашей способности распознавать психические состояния, и тогда становится понятен, *хотя бы частично*, тот факт, почему многие читатели испытывают трудности, читая ее. С другой стороны, я

³⁰ Hemingway, Ernest. A Farewell to Arms. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1929. P. 314.

пришла к пониманию того, что боюсь «Миссис Дэллоуэй» (и, собственно, других романов), сознавая, что попытка понять, каким образом художественная литература пробуждает нашу способность распознавать психические состояния, немедленно приводит к появлению еще большего числа вопросов о связи *ТоМ* и литературы. Подобная двойственность возникает от осознания того, что *ТоМ* настолько замысловато укоренена в нашем взаимодействии с литературой, что любую попытку изолировать один из его аспектов можно рассматривать как распиливание текста по стыкам, которые фундаментально, парадигматически отсутствуют.

Это положение следует иметь в виду, когда мы обращаемся к экспериментам, исследующим один из важных аспектов *ТоМ*, а именно, нашу способность управлять многоуровневой интенциональностью, присутствующей в повествовании. Хотя *ТоМ* формально определяется как интенциональность второго порядка, как в утверждениях «Я думаю, что ты бредишь X» или «Питер Уолш думает, что Кларисса посчитает [его] неудачником»³¹, уровни интенциональности могут «рекурсировать» дальше, например, на четвертый уровень, как в утверждении: «Я думаю, что ты считаешь, что она думает, что он считает, что X». Деннетт, который первый начал обсуждение рекурсивности уровней интенциональности в 1983 г., считает, что, в принципе, она может быть бесконечной. Удивительные результаты последних экспериментов, проведенных Робинот Данбаром и его коллегами, однако показали, что наша когнитивная структура может препятствовать нарастанию культурных нарративов, задействующих «бесконечное число» уровней интенциональности.

В этих экспериментах участникам предложили два типа историй: один задействовал «простую последовательность событий, в которой "А привело к Б; результатом чего явилось В, что в свою очередь стало причиной Г, и т.д.", и другой, в котором «небольшая сценка из жизни (кто-то хочет пригласить кого-то на свидание, кто-то хочет обратиться к боссу с просьбой о повышении зарплаты)..., [каждая из которых] содержала от трех до пяти включенных туда уровней интенциональности». Затем участники эксперимента должны были ответить на «ряд вопросов, разбитых по уровням интенциональностей, присутствующих в рассказе», включая несколько фактических вопросов, «разработанных для проверки того, что неспособность ответить на интенциональные вопросы не явилась результатом плохого запоминания фактического материала

³¹ Woolf, Virginia. Mrs. Dalloway. P. 43.

рассказа». Результаты исследования были красноречивы: «Участники исследования легко справились с фактической причинно-следственной историей: уровень ошибки был приблизительно 5% по шести уровням причинных последовательностей. Уровень ошибки при выполнении заданий на распознавание психических состояний был аналогичным (5–10%) до и включая четвертый уровень интенциональности, но вырос до почти 60% на задачах пятого уровня». Ученые-когнитивисты знали, что эта «неспособность выполнить задания на распознавание психических состояний [была] не просто следствием того, что они забыли о том, что происходило в рассказе, так как участники эксперимента хорошо справились с заданиями на запоминание, включенными в вопросник наряду с вопросами на распознавание психических состояний»³². Таким образом, результаты показывают, что люди испытывали трудности с восприятием историй, которые задействовали распознавание психических состояний выше четвертого уровня.

Важной деталью, которую нельзя упустить при обсуждении этого эксперимента, является то, что именно содержание информации, по которой задаются вопросы, делает управление множественностью включенных данных относительно легким или трудным. Когнитивные психологи-эволюционисты предлагают следующее объяснение той легкости, с которой мы воспринимаем длинные последовательности типа «А привело к Б, результатом чего явилось В, что в свою очередь стало причиной Г, что привело к Д, что сделало возможным Е, что вызвало Ж, и т.д.», в отличие от подобных же длинных последовательностей, требующих определения психических состояний, таких как «А хочет, чтобы Б поверил, что В думал, что Г хотел, чтобы Д захотел, чтобы Е принял во внимание чувства Ж к З». Представляется, что когнитивные адаптации, которые подтверждают определение психических состояний, сильно отличаются с функциональной точки зрения от адаптаций, подчеркивающих причины, которые не связаны с подобным определением. Эта разница, возможно, основана на соответствующих историях развития обоих типов адаптаций³³. Одна репрезентация психиче-

³² Dunbar, Robin. On the Origin of the Human Mind // *Evolution and the Human Mind...* P. 241.

³³ Подробное обсуждение см. Carey S., Spelke E. Domain-Specific Knowledge and Conceptual Change // *Mapping the Mind...* P. 169-200.; Cosmides L., Tooby J. Origins of Domain Specificity: The Evolution of Functional Organization // *Ibid.* 85-116. Современное применение к изучению литературы см.: Zunshine L. Rhetoric, Cognition, and Ideology in Anna Laetitia Barbauld's 1781 *Hymns in Prose for Children* // *Poetics Today* 23. 2001. P. 231-259.

ского состояния в другой репрезентации психического состояния в третьей репрезентации еще одного психического состояния будет таким образом поддерживаться когнитивным процессом, отличным (до определенной степени, которая остается предметом споров) от когнитивных процессов, поддерживающих представление психических состояний, например, событий, относящихся друг к другу как цепь причин и следствий или как русская матрешка, в которой одна кукла находится в другой, находящейся, в свою очередь, в третьей. Когнитивный процесс репрезентаций по большей части завит от того, что репрезентируется.

Рассмотрим случайно выбранный отрывок примерно из середины «Миссис Дэллоуэй», в котором Ричард Дэллоуэй и Хью Уитбред приезжают к леди Брун с тем, чтобы написать письмо в *Таймс*, и в котором для понимания того, что происходит, мы должны столкнуться с цепью включенных туда психических состояний:

«И мисс Браш вышла, вернулась; положила бумаги на стол; и Хью вытащил вечное перо, серебряное вечное перо, которое, он сказал, откручивая колпачок, прослужило ему уже двадцать лет. И осталось в полной сохранности; он его показывал в фирме; там сказали, что оно, собственно, и вообще не должно испортиться; и почему-то это каким-то образом делало честь Хью и делало честь тем чувствам, которые (Ричард это ощущал) выражало его вечное перо, пока Хью аккуратно выводил на полях заглавные буквы, обводил их кружочками и тем самым чудодейственно сводил сумбур леди Брун к строю, ладу и грамматике, которые, поняла леди Брун, следя за магическим превращением, непременно понравятся редактору в «Таймс»» (Р. 110).

Что происходит в этом отрывке? Нас с готовностью приглашают сделать вывод о прогрессивности гражданских идей Милисент Брун – записанных Хью – сначала по упругости пера, которое он использует, а затем по красоте «заглавных букв, обведенных кружочками на полях». Конечно, такое сведение возвышенных чувств и выдающихся аналитических способностей к простым артефактам, таким как письменные принадлежности и каллиграфия, рассчитано на достижение противоположного эффекта. К концу отрывка мы готовы принять точку зрения Ричарда Дэллоуэя о том, что получившийся эпистолярный шедевр – «сплошная трескотня и белиберда», но трескотня безобидная. Его безобидность и поверхностность подчеркивается ироничным фаллическим описанием серебряного вечного пера (должно ли «серебряное» напомнить нам о «сером»?), которое прослужило Хью двадцать лет, но находится все еще «в полной сохранности» – ибо так считает Хью, «открутив колпачок».

Существует несколько вариантов того, как показать этот отрывок с точки зрения вложенных друг в друга уровней интенцио-

нальности. Я начну с перечисления самых мелких единиц включенной интенциональности и постепенно перейду к тем, которые захватывают максимально возможную повествовательную структуру описываемой сцены:

1. Фирма-производитель вечного пера *думает*, что оно никогда не должно испортиться. (Первый уровень).
2. Хью говорит, что фирма-производитель вечного пера *думает*, что оно никогда не должно испортиться. (Второй уровень).
3. Леди Брун *хочет*, чтобы редактор «Таймс» *отнесся с уважением* и опубликовал ее идеи. (Второй уровень).
4. Хью *хочет*, чтобы Леди Брун и Ричард *поверили*, в то, что в силу того, что фирма-производитель вечного пера *думает*, что оно никогда не должно испортиться, редактор «Таймс» *отнесется с уважением* и опубликует ее идеи, записанные этим вечным пером. (Четвертый уровень).
5. Ричард *понимает*, что Хью *хочет*, чтобы Леди Брун и Ричард Дэллоуэй *поверили*, в то, что в силу того, что фирма-производитель вечного пера *думает*, что оно никогда не должно испортиться, редактор «Таймс» *отнесется с уважением* и опубликует ее идеи, записанные этим вечным пером. (Пятый уровень).
6. Ричард подозревает, что Леди Брун в действительности *верит* в то, что в силу того, что, как *говорит* Хью, фирма-производитель вечного пера *думает*, что оно никогда не должно испортиться, редактор «Таймс» *отнесется с уважением* и опубликует ее идеи, записанные этим вечным пером. (Пятый уровень).
7. Включая наблюдение в скобках («Ричард Дэллоуэй это ощущал»), Вулф *направляет нас к мысли*, что Ричард *понимает*, что Хью *хочет*, чтобы Леди Брун и Ричард *думали*, что в силу того, что фирма-производитель вечного пера *думает*, что оно никогда не должно испортиться, редактор «Таймс» *отнесется с уважением* и опубликует ее идеи, записанные этим вечным пером. (Шестой уровень).

Конечно, можно поспорить о том, что в процессе чтения мы автоматически прорубаем стилистическую виртуозность Вулф и приходим к цепочке более доступных для понимания определенных психических состояний первого, второго и третьего уровня, таких как «Ричард не особо жалуется Хью»; «Леди Брун *думает*, что Хью пишет чудесное письмо»; «Ричард чувствует, что Леди Брун *думает*, что Хью пишет чудесное письмо, но он скептически относится ко всему этому предприятию» и т.д. Такие укороченные атрибуции могут казаться губительными, поскольку эффект который они производят на прозу Вулф, равносителен перефразированию поэзии, но в действительности они передают общий смысл того, что происходит в этом отрывке. Однако основная проблема состоит в том, что, для того чтобы прийти к таким упрощенным описаниям психических состояний Ричарда и Леди Брун, мы должны схватить полное значение этого отрывка, а для того, чтобы сделать это, мы сначала должны понять несколько последова-

тельностью, которые включают в себя как минимум пять уровней интенциональности. Более того, мы должны это делать на месте, без бумаги и карандаша, и без предупреждения о том, что число уровней интенциональности, с которыми мы должны столкнуться, оказывает, по мнению ученых-когнитивистов, «существенную нагрузку на когнитивные способности большинства людей»³⁴.

Обратите внимание, что в этом отрывке Вулф не только “требует”, чтобы мы увидели нить интенциональностей пятого и шестого уровня, но также вставляет включенные интенциональности через описание языка тела, которые в некоторой степени соответствуют стилю Хэмингуэя по своей эмоциональной умеренности. Никакой многозначной дрожи, как в сцене выше, описывающей Питера и Клариссу. Наоборот, перед нами Ричард, наблюдающий за Леди Брутн, рассматривающей Хью, вытаскивающего свое вечное перо, откручивающего колпачок и начинающего писать. Действительно, Вулф предлагает нам два эмоционально окрашенных слова (“аккуратно” и “магически”), но они говорят о том, что Хью очень серьезно относится к процессу написания письма, и что Леди Брутн нравится написанное им письмо, – два отображения психических состояний, которые лишь приоткрывают поверхность сложного эмоционального подводного потока этого эпизода.

В силу того, что Вулф описывает физические действия, относительно лишённые прямого эмоционального содержания, здесь, в отличие от сцены в гостиной Клариссы, она торопится дать авторитетные интерпретации психических состояний каждого персонажа. Нам говорят, что чувствует Леди Брутн, когда она наблюдает за Хью (она чувствует, что редактор «Таймс» отнесется с уважением к столь прекрасно написанному письму); нам говорят о том, что думает Хью, когда откручивает колпачок (он думает, что это перо никогда не должно испортиться, и что его долговечность отражается на ценности тех мыслей, которые им записываются); нам говорят о том, что чувствует Ричард, когда он наблюдает Хью, его заглавные буквы и Леди Брутн (его потешает как экзальтированный взгляд Хью на самого себя, так и готовность Леди Брутн принять напыщенность Хью за действительность). Очевидная не отклоняющаяся линейная иерархия данной сцены – Ричард может распознать психические состояния обоих: Хью и Леди Брутн, но Хью и Леди Брутн не могут распознать *распознаемость* их психических состояний Ричардом, – кажется, производит впечатление, что каждое психическое состояние представлено полно и правильно.

³⁴ Dunbar, Robin. On the Origin of the Human Mind. P. 240.

Конечно, Вулф в состоянии предположить, что ее изображение психических состояний Хью, Леди Брунн и Ричарда исчерпывающее и правильное, потому что существа, способные распознавать психические состояния, каковыми мы являемся, *просто знают* о том, что за эмоционально тусклым языком тела главных героев *просто обязаны стоять* их психические состояния. Недостаточность подсказок из текста, которые могли бы помочь нам самим представить эти психические состояния, не оставляет нам другого выбора, как только принять изображения состояний, предложенные автором. Конечно, мы должны приложить немало усилий к тому, чтобы просеять все эти уровни включенной интенциональности, которая и подталкивает границы нашей способности распознавать психические состояния до ее крайнего предела.

Когда мы пытаемся обозначить наше восприятие когнитивных трудностей при решении задач на понимание интенциональностей пятого и шестого уровня, мы можем сказать, что произведения Вулф трудны для понимания или даже отказаться дочитывать ее романы. Личная эстетика читателя, таким образом, возможно, основана, хотя бы частично, на нюансах индивидуальной способности распознавать психические состояния. Утверждая это, я не хочу сказать, что если кто-то "любит" или "ненавидит" Вулф, то это говорит нам что-то об общей "продвинутости" данного человека в распознавании психических состояний — когнитивно-литературный анализ не поддерживает подобное ошибочное оценочное суждение. Нюансы контуров распознавания психических состояний каждого человека уникальны, как скажем, у нас всех есть способность к созданию воспоминаний (если, конечно, эта способность не нарушена болезнью), но фактические воспоминания каждого человека уникальны. Моя комбинация воспоминаний служит мне, но утверждение, что она каким-то образом служит мне "лучше", чем комбинация воспоминаний моей подруги, является абсурдным. В то же время, я не вижу особого смысла в воспевании неприятия человеком прозы Вулф как показателя его или ее уникальной когнитивной натуры. Мой опыт преподавателя показывает, что если мы предупреждаем наших студентов о том факте, что Вулф, как правило, вовлекает своих читателей в определенную когнитивную "игру с психическими состояниями", то это значительно уменьшает их беспокойство о том, что они "не поймут" ее прозу, и действительно помогает им начать получать удовольствие от ее стиля³⁵

³⁵ Следовательно использование выводов ученых-когнитивистов о литературных текстах не принизит их эстетическую ценность. Как ответил Скарри на предупреждение о том, что наука «распрямит раду» творческого созидания, «важным фактом является то, что когда мы действи-

Когнитивно-литературный анализ «Миссис Дэллоуэй»

Теперь пора вернуться к воображаемому диалогу, с которого начинается мое эссе. Варианты подобного обмена мнениями уже происходили на научных форумах, где я представляла мои исследования *ToM* и литературы. Однажды, например, после того, как я описала немедленный педагогический эффект рассмотрения уровней интенциональности в «Миссис Дэллоуэй» со своими студентами, мне задали вопрос, не думаю ли я, что настанет такое время, когда такое когнитивное чтение заменит и сделает невосстановимыми большинство других, более традиционных подходов к Вулфу³⁶. Я ответила безоговорочным «нет», и все еще придерживаюсь этого мнения, но с тех пор у меня была возможность рассмотреть несколько подтекстов, заложенных в этом вопросе, которые представляются важными для тех из нас, кто желал бы дальнейшего развития когнитивной литературы.

Прежде всего, подсчет уровней интенциональности в «Миссис Дэллоуэй» не представляет собой весь когнитивный подход к Вулфу. Это только один из возможных путей – в череде множества других – изучить, как Вулф экспериментирует с нашей способностью распознавать психические состояния, и – забросив сеть шире – как художественная литература экспериментирует с другими нашими когнитивными склонностями. Многие из них – и я могу с уверенностью утверждать это, несмотря на замечательные достижения когнитивной науки за последние двадцать лет – все еще остаются нам неизвестны.

Однако современное состояние когнитивных подходов к литературе уже указало на поразительное разнообразие тем, вышедших из исходных отраслей когнитивной неврологии, искусственного интеллекта, психологии сознания, когнитивной лингвистики, эволюционной биологии, когнитивной психологии и когнитивной антропологии. Литературные критики начали изучать,

тельно смотрим на природу художественного творчества и композиции, понимание этого процесса не означает, что его станут делать хуже. Скажем, чтобы стать танцором, человек должен снова и снова повторять маленькие шаги и понимать их, если он хочет достичь виртуозности. Сейчас нам нужна виртуозность не только внутри каждой дисциплины, но и на междисциплинарном уровне». Scarry, Elaine. Panel Discussion: Science, Culture, Meaning Values // *Unity of Knowledge: The Convergence of Natural and Human Science*. N.Y.: The New York Academy of Sciences, 2001. P. 253).

³⁶ Подробное обсуждение см. Easterlin, Nancy. *Voyages in the Verbal Universe: The Role of Speculation in Darwinian Literary Criticism* // *Interdisciplinary Literary Studies: A Journal of Criticism and Theory* 2, no. 2. Spring 2001. P. 59-73.

как современные исследования в этих областях открывают новые направления в гендерных исследованиях (F. Elizabeth Hart); феминизме (Elizabeth Grosz); культурном материализме (Mary Thomas Crane, Alan Richardson); деконструктивизме (Ellen Spolsky); литературной эстетике (Elaine Scarry, Gabrielle Starr); истории моральной философии (Blakey Vermeule) и теории нарратива (Porter Abbott, David Herman, Paul Hernadi). Как показывают публикации этих ученых, далекий от замены традиционных подходов или производств их в разряд невообразимых, когнитивный подход укрепляет их жизнестойкость, так как он обосновывает, укрепляет и развивает их взгляды.

Во-вторых, постоянно идущая дискуссия, скажем, с культурными исследованиями или феминизмом, не является просто вопросом выбора для литературоведов, интересующихся когнитивными подходами. Не существует таких вещей, как *когнитивная способность*, *ТоМ*, свободно фланирующих "где-то там" в изоляции от своего человеческого воплощения и его исторического и культурного выражения. Развитые когнитивные предрасположенности, если обратиться к характеристикам литературных универсалий Патрика Колма Хогана, «по-разному характеризуются, в зависимости от специфики обстоятельств»³⁷. Таким образом, все, что мы знаем о жизни Вулф, о литературных, культурных и социо-исторических контекстах «Миссис Дэллоуэй», является потенциально важным для понимания того, почему именно эта женщина, именно в этих исторических условиях, считающая себя работающей как в рамках, так и вне рамок существующих литературных традиций, начала раздвигать границы когнитивной "зоны комфорта" своих читателей (за четвертый уровень интенциональности).

В то же время, перефразируя Дэвида Хермана³⁸, особенности комбинации этих личных, литературных и исторических контекстов во всей их невообразимой сложности являются «необходимым, но недостаточным условием» для понимания, почему Вулф писала так, как она писала. Независимо от того, как много мы знаем о самой писательнице и множественности окружающих ее условий, а также о когнитивных способностях нашего вида, ко-

³⁷ Hogan, Patrick Colm. *Literary Universals // Poetics Today* 18. 1997. P. 226. Подробнее о воплощенном познании см.: Hart, F. Elizabeth. *The Epistemology of Cognitive Literary Studies // Philosophy and Literature* 25. 2002. P. 314-334.

³⁸ Herman, David. *Regrounding Narratology: The Study of Narratively Organized Systems for Thinking // What is Narratology? / Ed. by Jan-Christoph Meister, Tom Kindt, and Hans-Harald Müller. Berlin: de Gruyter, forthcoming.*

торые, «обостряясь в определенных обстоятельствах», делают возможным художественное повествование, мы можем дойти только до этого предела нашего анализа причинно-следственных связей. Как говорит об этом Джордж Бат (George Butte), «сведения о материальных обстоятельствах позволяют описать изменения в гендерных системах и экономических преимуществах, но они не могут объяснить, почему *этот* обанкротившийся лавочник написал "Молл Фландерс" или почему *эта* дочь благородного обедневшего священника написала "Джейн Эйр"». Всегда будет существовать пропасть между нашим постоянно увеличивающимся запасом знаний и феноменом прозы Вулф – или, скажем, прозы Дефо, Остин, Бронте или Хэмингуэя.

И все же для того, чтобы рассмотреть еще один пример того, насколько важным является для наших "других" знаний наше когнитивное исследование «Миссис Дэллоуэй», давайте применим эксперименты Вулф с множественными уровнями интенциональности к истории эволюции средств воспроизведения текста. Оказывается, письменная культура в целом более способна поддерживать умело наслоенные интенциональности просто хотя бы потому, что отрывок с включенными в него восемью уровнями интенциональности труден для запоминания и, следовательно, для дальнейшей передачи. Поэтому крайне проблематично, что мы найдем много (если вообще найдем) текстов, которые бы требовали от нас идти дальше четвертого уровня интенциональности в устном эпосе, таком как *Гильгамеш* или *Илиада*. Вальтер Бенджамин говорит об этом различии в широком смысле, когда указывает на то, что «безыскусные взаимоотношения слушателя с рассказчиком контролируются его интересом, удержанием в памяти того, о чем ему рассказывают. Главной задачей настоящего слушателя может стать убеждение самого себя в том, что может появиться необходимость пересказать историю»³⁹.

Наличие средств письменной передачи текста, таких как печать, позволяет писателю «довести несоизмеримое в репрезентации человеческой жизни до высшей точки»⁴⁰ и, добиваясь этого, исследовать (или, может, нам даже следует сказать "развивать", основываясь на недавних выводах Пола Хернади об эволюционном происхождении литературы?)⁴¹ до настоящего времени не тронутые когнитивные пространства.

³⁹ Benjamin W. Illuminations. N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1955. P. 97.

⁴⁰ Подробное обсуждение см.: Hogan P.C. Op. cit. P. 242–43.

⁴¹ Хернади утверждает, что «литература, будь то в постановке, в текстовальном или электронном виде, озадачивает и, следовательно, разви-

Конечно же, из-за целого ряда эстетических, личных и финансовых причин творчество не каждого писателя, даже в условиях книгопечатания, вторгнется в пространство когнитивного неизвестного. Даже беглый взгляд на современные бестселлеры от Беллы Плейн до Даниэллы Стил подтверждает общую популярность повествований, придерживающихся включенных в них интенциональностей не далее четвертого уровня. И тогда эти личные истории индивидов (отдельных авторов и их читателей) подтверждают, как показывают исследования Алана Ричардсона и Фрэнсиса Стин, что история когнитивных структур «не идентична и одновременно неотделима от культуры, которая делает их возможными»⁴².

В случае с Вулф ученые соглашаются в том, что разрыв связей с Даквортом – издательством, которое выпустило ее первые два романа и ориентировалось на публику, которая была «викторианской, традиционной, враждебной новациям»⁴³ – «высвободил [ее] экспериментализм»⁴⁴. Появление ее собственного издательства, *Hogart Press*, означало для нее, что она «могла делать то, что она хоте[ла] – ни редакторов, ни издателей, и единственные люди, кто ее читают, это те, кого более или менее волнуют подобные вещи»⁴⁵. Другим фактором, который, возможно, способствовал когнитивному экстремизму «Миссис Дэллоуэй», явилось резкое осознание Вулф того, что время уходит: «моя теория такова, что когда тебе 40, ты либо увеличиваешь темп, либо замедляешься»⁴⁶. Вулф хотела *увеличить* темп своих изысканий, быть в состоянии «наконец, воплотить», как она напишет несколько лет спустя, «те точные очертания, которые хранит мой мозг»⁴⁷. Борясь

вает наши жизненно важные умственные способности к выражению, общению, репрезентации и приданию смысла». Далее он связывает возможности художественного текста развивать наше знание с эволюционной историей литературного творчества. Он указывает на то, что, «протолитературный опыт первых людей мог бы, при всех других равных, позволить им побеждать своих, обладающих меньшим воображением, противников в биологическом соревновании за то, чтобы стать предками более поздних мужчин и женщин». *Hemadi, Paul*. *Op. cit.* P. 56.

⁴² Richardson A., Steen F. Literature and the Cognitive Revolution: An Introduction // *Poetics Today* 23. 2002. P. 3.

⁴³ The Diary of Virginia Woolf / Ed. by Ann Olivier Bell. 5 vols. L.: Penguin, 1977-1984. Vol. 1. P. 261.

⁴⁴ Whitworth, Michael. Virginia Woolf and Modernism // The Cambridge Companion to Virginia Woolf. P. 150.

⁴⁵ The Letters of Virginia Woolf / Ed. by Nigel Nicholson. 2 vols. L.: Hogarth Press, 1975-1982. Vol. 2. P. 167.

⁴⁶ The Diary of Virginia Woolf. Vol. 2. P. 259.

⁴⁷ The Diary of Virginia Woolf. Vol. 4. P. 53.

в своих предыдущих романах с рассказчиком, «поперхнувшись наблюдениями»⁴⁸, она открывает для себя, в процессе работы над «Миссис Дэллоуэй», как «раскапывать прекрасные пещеры позади [ее] героев; ...И замысел таков, что пещеры должны соединяться, и в каждую в настоящий момент заходит дневной свет»⁴⁹. Воплощение «точных очертаний», хранившихся в мозгу Вулф, среди прочего, перенос «фокуса от сознания рассказчика к сознаниям персонажей» и «от внешнего мира к сознанию персонажей, воспринимающих его» (Dick 51, 52), – техника, которая, в конечном счете побудила Ауэрбаха возмущенно спросить: «Кто говорит в этом отрывке?»⁵⁰.

Медитация Вулф по поводу своего творчества напоминает нам еще об одной причине, почему простой подсчет уровней интенциональностей в «Миссис Дэллоуэй» никогда не заменит других форм критического анализа романа. Когда Вулф объясняет, что она хочет построить «настоящий момент» в форме тонкой «связи» между «пещерами», вырытыми позади каждого персонажа, возникающий образ накладывается на предложенный Деннетом образ бесконечно рекурсирующих уровней интенциональности. («Ага, – радостно сделает вывод когнитивный литературный критик, – у Вулф была своего рода прото-теория о рекурсивности распознавания психических состояний!») Но одновременно с ее ярким описанием похожей на катакомбы субъективности настоящего момента⁵¹, Вулф также ухитряется делать кое-что еще – и

⁴⁸ Woolf, Virginia. *Jacob's Room*. L.: Hogarth, 1976. P. 67.

⁴⁹ *The Diary of Virginia Woolf*. Vol. 2. P. 263.

⁵⁰ Auerbach E. *Mimesis*. P. 531. Строго говоря, вопрос Ауэрбаха относится к «Маяку», но он также уместен и для обсуждения «Миссис Дэллоуэй».

⁵¹ Замечательное новое исследование Джорджа Батта (*Butte, George*). I Know That You Know That I Know: Narrating Subjects from *Moll Flanders to Marnie*) предлагает интереснейший взгляд на писательский интерес к конструированию «настоящего момента», как на тонкую «связь» между субъективностями персонажей. Применяя анализ соединенных сознаний Мориса Мерло-Понти (*Phenomenology of Perception*) к широкому ряду романов XVIII и XIX веков, а также к фильмам Хичкока, Хокса и Вуди Аллена, Батт неотразимо убеждает нас в том, что что-то изменилось в нарративной репрезентации сознания со времен Джейн Остин: писатели стали в состоянии представлять «глубинную интерсубъективность» своих персонажей, изображая их понимающими представления друг друга о себе и отвечающими на эти представления средствами языка тела, наблюдаемого их собеседниками, что производит дальнейшие серии взаимных представлений и реакций. Хотя Батт не обращается в своих работах к когнитивной науке или *ТоМ*, его выводы во многом соотносятся с литературной критикой, которая их использует.

это "кое-что еще" переходит в тихий подкоп под наше (и ее) когнитивное теоретизирование.

Это приводит нас к важному положению, лежащему в основе когнитивного литературного анализа. Даже представив отрывок, описывающий Ричарда Дэллоуэя и Хью Уитбрета у Леди Брунт как линейную серию включенных в текст интенциональностей, я думаю, что кое-что еще, присутствующее в нем, сделает эту линейность более сложной и вновь поставит ауэрбаховский вопрос, хотя и несколько иначе. Будут ли это скрытые фаллические намеки в описании вечного пера Хью? Или вторжение риторики экономического обмена – "кредит", "фирма-производитель", "капитал", "прибыль"? Или вызывающие затруднения гендерные контексты "чревоуращения", воплощенные в образе Миллисент Брунт, изливающейшей политические банальности голосом Хью?⁵² Или столь же вызывающие затруднение социально-классовые контексты "рассаживания героев", которые выстраивают иерархию распознаваемых психических состояний в этом отрывке? (В конце концов, Вулф "посадила" секретаря Леди Брунт, мисс Браш, слишком далеко от стола для того, чтобы видеть то, что писал Хью – как тут не добавить еще один уровень ментального включения, имея мисс Браш, наблюдающей Ричарда, наблюдающего Леди Брунт, наблюдающей Хью.) Когнитивный литературный анализ, таким образом, продолжается за рамками обозначенными учеными-когнитивистами – с введением чего-то еще, "шума", если хотите, который находится под тщательным контролем и удаляется из лабораторных условий, как только представится такая возможность.

Вулф, Пинкер и проект интердисциплинарности

Проза Вулф, глубоко основываясь на наших когнитивных способностях и без устали их стимулируя, представляет собой такой заманчивый предмет для когнитивного литературного анализа, что мы с удивлением обнаруживаем, что один из ученых-когнитивистов недавно охарактеризовал Вулф как основателя эстетического движения, чья «философия не признает путей, которыми она могла бы вызывать человеческое удовольствие»⁵³. Хотя Стивен Пинкер признает, что «модернизм включает в себя множество стилей и авторов, ...не [все из которых] отрицали красоту и другие проявления человеческой сентиментальности», и что модернистская «проза и

⁵² Об определении Вулф «нарративного чревоуращения» см.: *DiBattista, Maria. Virginia Woolf and the Language of Authorship // The Cambridge Companion to Virginia Woolf. P. 132.*

⁵³ *Pinker, Steven. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. N.Y.: Viking, 2002. P. 413.*

поэзия предлагает живительную зарядку для ума»⁵⁴, вот что он говорит о модернизме в целом и о Вулф в частности:

«Разгадка [объяснение современного кризиса в искусстве и гуманитарных науках] может быть найдена в известном утверждении Вирджинии Вулф: "[В] декабре 1910 или около того, [характер] человека изменился". Она имела в виду новую философию модернизма, которая будет доминировать в элитарном искусстве и критике большую часть XX века, и отрицание человеческой природы в которой перешло в форме отщепенца в постмодернизм, приобретший влияние в последние десятилетия двадцатого века... Модернизм, безусловно, исходил из того, как если бы человеческая природа изменилась. Все приемы, которыми тысячелетиями пользовались авторы для того, чтобы удовлетворять вкусы людей, были отброшены... В литературе всеведущий нарратив, структурированные сюжеты, порядок представления персонажей и общая читабельность были заменены потоком сознания, событиями, представленными вне всякого порядка, загадочными персонажами и каузальными последовательностями, субъективным и несвязанным повествованием и трудной прозой»⁵⁵.

С позиции литературных критиков, у нас есть несколько вариантов ответа на претензии Пинкера к Вулф. Мы можем надеяться, что «немногие студенты, преподаватели, теоретики и литературные критики воспримут [его] серьезно в качестве авторитета в литературе или, в более широком смысле, в эстетике, особенно вследствие того, что он искажает как творчество Вулф, так и модернизм»⁵⁶. На первый взгляд, это удобная позиция. Она предполагает определенное культурное обособление от литературоведения и подразумевает, что ученые-когнитивисты должны просто оставить литературу в покое, признавая ее эксклюзивной площадкой для хорошо подготовленных профессионалов – нас. Недостатком этой точки зрения является то, что она упускает из вида два факта: во-первых, людей, читающих Пинкера (который «искажает» Вулф) больше, чем, скажем, тех, кто читает *Публикации Ассоциации современного языка – PMLA* (которые могли бы прояснить этот вопрос), и, во-вторых, литература, будучи совершенно особым, сильно сконцентрированным когнитивным артефактом, уже является законным объектом исследования ученых, включая Пинкера, Даниэля Деннетта, Пола Харриса, Робина Данбара и других, и это еще более усугубится по мере того, как когнитивные исследования продолжают продвигаться вглубь областей культуры.

Я предлагаю другое: вместо того, чтобы просто игнорировать утверждение Пинкера о том, что в целом «трудная» проза писате-

⁵⁴ Ibid. P. 404.

⁵⁵ Ibid. P. 409-410.

⁵⁶ Здесь я цитирую анонимного читателя *PMLA*.

лей-модернистов не может, в общем и целом, «удовлетворять вкусы людей», мы должны задействовать его доводы, объединяя наши знания в собственной сфере с тем, что предлагают ученые-когнитивисты. Принимая всерьез идею о том, что наше когнитивное эволюционное наследие структурирует то, как мы понимаем смысл художественного повествования, мы можем лучше понять, почему и насколько по-разному «вкусы людей» в различные исторические периоды могли быть «удовлетворены» довольно разной литературной пищей: Более того, мы можем показать, что, уделяя внимание элитным, эксклюзивным, когнитивно-напряженным экспериментам с уровнями включенных интенциональностей, подобных творчеству Вулф, мы можем, например, развить более глубокий взгляд на действие нашего механизма распознавания психических состояний. Как отмечает Джеймс Фелан, не был ли сам Пинкер и «те из его аудитории, чье мнение о модернистской литературе совпадает с его собственным, более склонны поддаться на уговоры изменить свой взгляд, если бы литературные критики показали, что [вулфовские] презентации сознания, хотя на начальном этапе и затрудняющие читателя, являются вполне доступными понимаю, так как они по-своему показывают те представления, которые предлагают Пинкер и другие ученые-когнитивисты (и популяризируют)?»⁵⁷. И каковы именно гносеологические и этические основания, на которые мы опираемся, когда насмехаемся над претензией Пинкера быть «авторитетом в литературе»; если мы еще даже не предприняли никакого усилия, чтобы сделать шаг навстречу Пинкеру и предложить нашу литературно-историческую экспертизу для выработки более глубокой точки зрения на модернистские репрезентации сознания литературного персонажа?

Снова обратимся к обсуждавшимся выше взглядам Робина Данбара и его коллег. Как надеюсь, я уже показала в этом эссе, исследования Данбаром нашей способности создавать истории, задействующие распознавание психических состояний выше четвертого уровня, могут иметь далеко идущие последствия для литературного анализа. И все же нет причины, по которой, основываясь на наших знаниях истории литературы, мы не должны просить его прокомментировать некоторые из его аргументов (и, действительно, разве сам Данбар не оценил бы по достоинству такой отклик?), даже если на этом этапе, учитывая, насколько слабо исследована эта сфера, мы, возможно, должны будем удовлетвориться достаточно неопределенными ответами на нашу критику. Например,

⁵⁷ Цитата из Фелана представлена из личной переписки.

Данбар предлагает восхитительное рассуждение о значимости его открытий для нашего понимания того, почему хороших читателей, в целом, куда больше, чем хороших писателей:

«Тот факт, что люди предположительно испытывают достаточно большие трудности с интенциональными утверждениями пятого, но не четвертого порядка, может объяснить, почему процесс написания художественной литературы является более трудным, чем процесс ее чтения, и может таким образом частично объяснить, почему хорошие писатели встречаются [намного] реже, чем хорошие читатели. ...Романист, пишущий о взаимоотношениях между тремя людьми должен *"планировать"*, что читатель *подумает*, что персонаж А *предполагает*, что персонаж Б *хочет*, чтобы персонаж В *поверил*, что..." (пять уровней интенциональности). В отличие от этого, у читателя более легкая задача: ему или ей нужно просто *"подумать"*, что А *предполагает*, что Б *хочет*, чтобы В *поверил*, что..." (четыре уровня интенциональности)»⁵⁸

Аргумент Данбара дает интересные результаты для нашей теоретизации фигуры ненадежного рассказчика, а также взаимоотношений между автором и рассказчиком. Например, наша часто амбивалентная реакция на неожиданное расщепление повествовательного настоящего – это может быть чувство возбуждения, заинтригованности и все же некой неустойчивости – может быть отнесена, кроме всего прочего, к нашему полуосознанному пониманию, что мы должны перейти еще на один уровень интенциональности, и таким образом усиливается когнитивная сложность, уже присутствующая в тексте. В то же самое время, как отмечает Фелан, выводы Данбара о том, что трудности, которые мы испытываем с распознаванием интенциональных утверждений пятого уровня, могут подвинуть к пониманию того, почему хорошие писатели встречаются намного реже, чем хорошие читатели, являются «неубедительными» потому, что «они прогнозируют, что до тех пор, пока мы не получим литературные произведения с пятью и более уровнями интенциональности» – что произошло в нашей литературной истории сравнительно недавно и было спрогнозировано, наряду с другими факторами, эволюцией средств размножения текстов, – «количество хороших писателей и хороших читателей должно быть приблизительно одинаковым». А поскольку последнее утверждение не соответствует действительности, и в силу того, что отмеченная недостаточность литературных текстов, идущих далее заложенных в них интенциональностей четвертого уровня (скажем, в Средние века), не приведет нас к мысли, что количество хороших писателей и хороших читателей в тот период было приблизительно одинаково, Данбар мог бы подумать

⁵⁸ Dunbar R. Op. cit. P. 241.

над рассмотрением того, как это историческое измерение усложняет его провокационный аргумент.

Эти примеры подкрепляют мое утверждение о том, что сейчас существует реальная возможность взаимодействия между когнитивной наукой и литературоведением, но не того, которое дежурно провозглашает принципы интердисциплинарности, а под сурдинку подразумевает превосходство науки. Парадоксально, что только тогда, когда мы отказываемся «серьезно воспринимать» исследования ученых-когнитивистов, которые осмеливаются высказываться «о литературе или ...эстетике более обобщенно», нас могут заставить почувствовать, что наш вклад в этот междисциплинарный обмен представляет ничтожно малую ценность или даже не представляет никакой. Но, начав дискуссию и с уважением относясь к аргументам Данбара, Пинкера, Деннетта и других, мы понимаем, что в силу постоянно увеличивающегося и вполне оправданного интереса к тому, как человеческое сознание распознает литературные нарративы, наши знания могут сыграть решающую роль в том, как будет выглядеть когнитивная наука в будущем.

В.Б. Шепелева

РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА НА ПЕРЕЛОМЕ ОТ РОССИИ ЦАРСКОЙ ДО РОССИИ СТАЛИНСКОЙ (теоретико-методологический и историографический аспекты)

Проблема альтернативности исторического развития далеко не просто закрепляется в социогуманитарной познавательной практике. «История не терпит сослагательного наклонения», «тоска по альтернативам», «маниловские мечтания, не имеющие ничего общего с наукой» и т.п. – эти контраргументы в явной, а ещё более в неявной форме достаточно популярны по сей день¹. Однако здесь наличествует, на наш взгляд, определенная парадоксальная для историков ситуация.

Поясним: сама возможность выхода на качественно новый уровень научного знания – становление современной *постнеклассической* науки с её концептами *исходной неустойчивости, нелинейности*, в итоге – *вариативности развития* связано с признанием всерьёз «царицей наук» (физикой), устами синергетики, реальности «стрелы времени», иначе – *историзма* как фундаментального принципа бытия объективного материального мира. Можно сказать, что адекватная темпорализация – «*историзация*» научно-физической картины мира, а потому и научного познания в целом, обеспечила качественный скачок в приращении возможностей и достижений последнего, вывели науку о физической реальности к «алгоритмам, более мощным, нежели алгоритмы классической динамики... квантовой механики... эйнштейновской космологии», обнаружили, что «значительная часть конкретного мира» при классическом и неклассическом подходе (т.е. вне учёта «стрелы времени») просто «ускользала из ячеек научной сети»².

Но «*историзм*» – связь с *исторической наукой* здесь вне сомнений. Видимо, можно согласиться: мир един и нет непреодолимых границ между науками по преимуществу номотетическими

¹ См. в этой связи, например, позиции А.К. Соколова, А.С. Сенявского, В.С. Тяжельниковой, И.Б. Орлова, Е.Г. Гимпельсона по двухтомнику «Россия в XX веке: Реформы и революции» (М., 2002).

² Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. 3-е изд. М., 2001. С. 214, 217, 224.

и по преимуществу идиографическими, но просматривается принцип развивающей дополнителности в отношениях между ними. Более того, сегодня отечественные «нелинейщики» напрямую обращаются к гуманитариям, полагая, что новые сверхзадачи, способные, во-первых, качественно продвинуть вперед науку, а во-вторых, способствующие подготовке адекватного ответа на всё более жёсткий вызов Времени, в состоянии сформулировать как раз «науки о человеке», и в первую очередь – именно *история*. «Естественные науки сами по себе решать такие проблемы не могут, – подчёркивают С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, С.П. Капица. – Масштабы ожидаемых перемен слишком велики, и очень многое должно измениться в самом человеке. Тут свое слово должны сказать междисциплинарные подходы и... *теоретическая история*», которая «ставит историю в центр наук». Теоретическая история может, по их мнению, «поставить во главу угла не только *реальность*, но и *возможности*, ситуации *выбора*... должна иметь дело не только с ...анализом прошедшего, но и с *«сослагательным наклоном»*, что позволяет лучше понять существующую и «спроектировать» будущую реальность³.

Итак, постнеклассическая парадигма научного познания существенно обязана своим появлением и надеждами на новые качественные подвижки своеобразному заимствованию из методологического арсенала исторической науки. Вероятностная переформулировка синергетикой законов физического мира устанавливает факт не жёсткой линейной детерминанты и в то же время – не «игры в кости» Бога, судьбы, но – альтернативности в качестве фундаментального параметра объективной реальности, сложноорганизованных нелинейных систем, среди которых как особо сложные проходят человеческие сообщества. И потому, в частности: не линейный «европоцентризм» – жёсткий позитивизм – экономический материализм, с одной стороны, и – с другой, не поплывший в безмерном своеволии постмодернизм, но диалектическое (прежде всего диалектико-материалистическое), иначе – синергетическое освоение конкретики⁴. Здесь усматривается воз-

³ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. 2-е изд. М., 2001. С. 65, 73, 74, 75, 78, 79. См. также: Пригожин И., Стенгерс И. Указ соч.; Они же. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. 2-е изд. М., 2000; Князева Е., Курдюмов С. Синергетика как новое мировидение // Вопросы философии. 1992. № 12 и др.

⁴ И. Пригожин настойчиво подчёркивает, что синергетический подход – это последовательное развёртывание диамата (см.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса... С. 4, 5, 8, 15, 225 и др.). Заслуживает внимания в этой связи соображение Э.В. Ильенкова о диалектике как

возможность замены обуженного («с позиций победителя») «плоскостного» образа Прошлого более адекватным «стереоскопическим».⁵ И как подчёркивают отечественные «нелинейщики» из Института прикладной математики и Института физических проблем РАН, обращение к постнеклассическому стилю мышления правомерно хотя бы потому, что «развитие... синергетики, а с ней и нового взгляда на мир и условия жизни в нём – не очередная мода, а естественная стадия развития науки и культуры»⁶.

Последнее имеет особый смысл для российской исторической науки в силу явной методологической растерянности, хаотизации в её рядах. Популярность постмодернизма⁷, видимо, может быть объяснена как раз его *коллажно-плюральной* созвучностью нынешней интеллектуальной ситуации. Однако заметим очень

«просто-напросто действительной логике специфически человеческого мышления» (см.: Ильенков Э.В. *Философия и культура*. М., 1991. С. 49). Кстати, случайно ли даже на понятийно-терминологическом уровне прочитывается общее между синергетикой и диалогом-марксизмом: ср. марксистское о социумах, «нападающих» «на след естественного закона своего развития» и синергетическое о «режиме с обострением», когда разбалансированная структура «выпадает» на след своих внутренних тенденций развития; см. переключку в определении «основного акцента научных исследований», переместившегося «с субстанции на отношение, связь, время». И если И. Пригожин говорит о «заключительном этапе всё более широкого «восстановления прав» истории в естественных и социальных науках», то авторы «Немецкой идеологии» подчёркивали: «Мы знаем только одну единственную... науку истории... историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10; Т. 3. С. 16; Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант...* С. 59-82).

⁵ См.: Поляков Ю.А. Октябрь 1917 года в контексте российской истории // *Россия в XX веке: Реформы и революции*. Т. 1. М., 2002. С. 11-12.

⁶ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Указ. соч. С. 62, 42, 18; Князева Е.Н. *Синергетическая модель эволюции научного знания // Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы*. М., 1996. С. 104, 103, 105.

⁷ См.: Ильин И.П. *Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа*. М., 1998; *Он же*. *Постмодернизм. Словарь терминов*. М., 2001; *К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли*. Томск, 1994. См. также публикации в альманахе «Одиссей» А.Я. Гуревича, Г.И. Зверевой, Л.П. Репиной, В.П. Визгина, И.Н. Ионова (1996 г.); в альманахе «Диалог со временем» (вып. 4, 6, 7, 9; толкования А.К. Соколова, А.С. Панарина; О.Ф. Русаковой; П.К. Гречко. См. также: Дугин А. *Тамплиеры Пролетариата*. М., 1997. Ч. III, VI-VIII. Любопытно, что М.Я. Гефтер в свое время писал о потребности научного противостояния «традиционному *плюралистскому* мышлению» (см.: Гефтер М.Я. *Вступление // Историческая наука и некоторые проблемы современности*. М., 1969. С. 8.).

уместные соображения отечественных синергетиков: «Широкое внедрение компьютеров породило иллюзию, – пишет Г. Малинецкий, – что “чем больше учтём, тем лучше”. Это сродни мнению некоторых исторических школ, что “всё существенно”... построение модели сложного сравнива(ют) со складыванием мозаики⁸. Провал нескольких крупных исследовательских проектов показал, что так действовать нельзя...»⁹. Необходимо выявление: 1) сущностного – «параметров порядка» и 2) «правил запрета», которые (в совокупности с первыми) определяют для сложноорганизованных систем «поле возможностей» и одновременно фактаж уровня «информационных шумов»¹⁰. И если постмодернизм – это «упоеание листочками» вне представления о «стволе-дереве» (т.е. некая принципиальная «эпистемологическая атомизация»), то ведь, действительно: есть «время разбрасывать и – время собирать камни». Мощная обобщающая «нелинейная познавательная парадигма даёт для этого хорошие шансы»¹¹.

⁸ Такой подход, видимо, можно рассматривать как реализацию формулы «расколотого сознания».

⁹ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Указ. соч. С. 79, 75-76.

¹⁰ В отечественной научно-исторической практике подобного рода «невсеядность» чётко прописана А.С. Лаппо-Данилевским (см.: Малинов А., Погодин С. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001. С. 184, 186, 187-193; Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Методология истории: Учебное пособие. М., 1997. С. 53-54) и, очевидно, хотя с сомнительной избирательностью, присутствовала в практике советской историографии. (Уточним, тезис: «историк не может уподобляться муравью и тащить все, что попало, в кучу» – вроде бесспорен. Но, если отрешиться от «муравья», проблема в том, что есть не «что попало»? – История и социология. М., 1964. С. 95.)

¹¹ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Указ. соч. С. 79, 61 и др. Безусловно, необходимо иметь в виду отмечаемую самими синергетиками опасность моды – «самой большой беды для науки» (Там же. С. 31, 9, 13). Отмечаются и поминания не к месту, и сущностные неточности трактовок (относительно исторических исследований см.: Шелелева В.Б. 1917 год в России: опыт анализа историографической ситуации // Вестник Омского университета. Вып. 1. Омск, 2000. С. 79-80). Как представляется, определённая смысловая неотрефлексированность присутствует и в оснащённой синергетической терминологией статье И.К. Пантина «Проблема самоопределения России: историческое измерение» (см.: Он же. Россия и мир: историческое самоизнание. М., 2000. С. 112-133). Синергетически некорректными выглядят и тезис Ст. Козна о том, что «исторической неизбежности не бывает – альтернативы возможны всегда», и формула В.П. Авдеева: «общий девиз: многовариантность всего, везде, всегда», а много ранее – А.Я. Гуревича о «возможности... в каждый момент... различных вариантов исторического развития», поскольку в этом случае не учитывается специфический, вероятностный, но тем не менее реально наличествующий детерминизм, вполне определённое «поле возможностей» (см.: Козн Ст. Бу-

Итак, вариативность исторического процесса есть проявление внутренней сущности нелинейных, открытых сложноорганизованных систем, в частности – социумов¹². При этом степень или интен-

харин. Политическая биография. 1888-1938. М., 1988. С. 15; Авдеев В.П. Многовариантное мировоззрение в настоящем и будущем // Известия высших учебных заведений. Чёрная металлургия (МИСИС). 1998. № 6. С. 40; Гуревич А.Я. Общий закон и конкретная закономерность истории // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 23-24, 73-74.). Соображение, что «новое поколение историков (альтерналистов) отказывается искать философский камень исторического знания – пресловутые "законы"... (ибо мы... как и деревья, травы, небо, - живём ни для кого и ни для чего... и русло нашей коллективной истории так же непредсказуемо и неуправляемо... как неуправляема радуга в небе), есть разве что результат эгоистического нежелания взваливать на себя бремя или - следствие беспредельной усталости быть человеком, человечеством на земле и не имеет никакого отношения к синергетической парадигме (Интеллектуальный форум. 2001. № 5. С. 215-217. Цит. по: Каравашкин А. В поисках утраченной альтернативы // Россия XXI. 2001. № 4. С. 126-127). Добавим, в уже упоминавшихся работах С.А. Гомаюнова и Р.Ф. Абдеева, пожалуй, в большей степени речь идёт о механистической «кибернетичности», нежели «синергетичности» видения реальности: не о внутренней сущности, внутренней информации системы, но о внешних воздействиях, об информации, возникающей в результате таких воздействий, в то время как синергетика – это теория самоорганизации, саморазвития сложных нелинейных открытых систем. Дело обстоит именно таким образом при доказательстве положения об «антисистемности» советского социума – государства. Правда, соображения С.А. Гомаюнова относительно трансформации Антисистемы в Систему приводят к признанию, что главной проблемой является именно внутренняя сущность – «культурный социокод» объекта трансформации. И потому необходимо привести Антисистему, по словам автора, в состояние предельной её хаотизации – «распада до атомарного состояния», дабы потом эти осколки-атомы структурировать «при решающем влиянии внешней Системы». Не вдаваясь в дискуссию относительно более чем противоречивых характеристик антисистемы, заметим только, что в рекомендациях Гомаюнова речь идёт о «распаде до атомарного состояния» русского суперэтнуса, как его определял Л.Н. Гумилёв. С позиций синергетики эти положения должны, как представляется, подпадать под «правила запрета», проходить по «номинации» «некорректных (во всех смыслах!) задач» (см.: Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Указ. соч. С. 38, 96). Вместе с тем, на наш взгляд, «просинергетичны» методологические ожидания Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, когда они подчёркивают, что смысл необходимой методологической революции в отечественной историографии заключается «в приближении её к такому типу исторического описания, который позволит использовать положительные знания, накопленные в рамках каждого из научных направлений, каждой концепции» (см.: Они же. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 48-49).

¹² Как подчёркивают И. Пригожин и И. Стенгерс, «с увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль стрелы времени...вариативности...возрастает» (Порядок из хаоса... С. 265).

сивность «исторической вариативности», видимо, должны быть увязаны со «степенями свободы» человека и социума, различными на разных ступенях социальной эволюции. Во всяком случае, «эпоха естественной необходимости» в этом смысле предоставляет человеку, человеческим сообществам качественно иные возможности, нежели эпоха «необходимости осознанной» (если воспользоваться марксистской историософской терминологией)¹³. Контекстно подобная логика нарастания «исторической вариативности», объективных возможностей субъекта признаётся, на наш взгляд, и в рамках теории модернизации, и – парадоксальным образом – постмодернистскими построениями с их идеями «конструируемых сообществ» этнического и сословно-классового характера, с конструкциями вроде «субъективистской экономики» и т.д.¹⁴

Правда, отмеченная онтологическая тенденция нередко проявлялась и проявляется в формате срыва в произвол, субъекти-

¹³ На наш взгляд, есть содержательная перекличка между отмеченной марксистской историософской концепцией и историософскими поисками русской религиозно-философской мысли. См. подробнее: *Шепелева В.Б.* Историческая наука и русская религиозно-философская мысль второй половины XIX – первой половины XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. М., 2001. С. 223-245. Как представляется, дальнейшим развитием марксистских соображений о возрастании роли субъективного фактора в истории являются разработки философа-эпистемолога В.А. Вазюлина об историческом материализме как «теории, исторически возникающей и исторически преходящей», об историчности самого «основного вопроса философии», теряющего значение для человечества с преодолением действительного разделения труда» и т.д. Кстати, по данным сюжетам просматриваются явные переклички В.А. Вазюлина и К.М. Кантора и некоторые совпадения, пересечения с более ранними поисками Э.В. Ильенкова. Любопытны в этой связи положение Вазюлина о том, что «человек... если он действительно человек... подчиняет свою жизнь чему-то вне его находящемуся» (хотя здесь возможны неоднозначные толкования), и раздумья Ильенкова о том, что «современный человек, как человек, не хорош тем, что внутри себя не имеет того внутреннего устремления, скрашенного радужным светом поэзии, которое раньше называли Богом... Слишком материалистическое восприятие всего...». (см.: Логика истории и перспективы развития науки. Вып. 1. М., 1993. С. 61; Ильенков Э.В. Философия и культура... С. 9-10 <примечание>).

¹⁴ См. «конструктивистское» понимание этнической общности и концепцию «мнимых классов» по: *Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрок и др. / Пер. с англ. и нем. М., 1999. С. 9-10, 252 и др.; Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1999. С. 63; *Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С.8-10, 31, 37-39, 174-207. О «субъективизации» экономики см.: Иноземцев В.П.* За десять лет. К концепции постэкономического общества. М., 1998. С. 378-465.

визм¹⁵. И всё-таки данное обстоятельство не снимает вопроса об объективном завершении «эпохи исторической бессознательно-

¹⁵ Как представляется, сталинизм, с одной стороны, и фашизм, нынешние концептуальные построения и практика «нового мирового порядка» – с другой (безусловно, качественно отличные по идеологическим, политическим, социально-экономическим, ментальным основам феномены), вполне могут быть соотнесены с отмеченным явлением. Получается, само освоение новой, личностного типа парадигмы бытования социумов идёт (как ни парадоксально) методом проб и ошибок. Не случайно «субъект», «субъектность» и – «субъективизм», «субъективность» звучат почти одинаково, имеют один корень. Видимо, чтобы «явление наизнанку» обрело свою истинную сущность, необходимо пройти «изнаночный» путь до некоторого предела. Кстати, и на гносеологическом уровне прочитываются подобного рода «срывы» в рамках линейной парадигмальности и постмодернистских изысканий. В интересной и небесспорной статье А. Каравашкина «В поисках утраченной альтернативы» речь, на наш взгляд, идёт прежде всего о работах именно постмодернистского круга. В этой связи возникает проблема дефиниций: «альтернативистский» подход, принимающий синергетические основания, и «альтернативная» по самоназванию «история», с построениями которой полемизирует Каравашкин. Последняя соотносима с «неклассической» наукой, но никак не с «постнеклассикой», тем более, что эти альтернативисты «проводят... недвусмысленную параллель между революцией в физике, когда на смену... представлениям времени Ньютона пришла теория относительности, и современной «революцией» в историческом знании, когда идея необратимого временного потока была вытеснена парадигмой вероятностей» (см.: Каравашкин А. В поисках утраченной альтернативы // Россия XXI. 2001. № 4. С. 126). В таком «альтернативистски-неклассическом» случае можно говорить о «запоздавшей» реакции гуманитариев на ситуацию конца XIX – начала XX в. в сфере естественных наук. Синергетика (в отличие от неклассики) исходит как раз из признания *необратимости* – «стрелы времени». Складывается какая-то гротесковая в итоге ситуация: физика совершает восходящее движение, признав, включив в свой исследовательский инструментарий «стрелу времени» – историзм, а «новые историки», стремясь, естественно, к восхождению, обращаются ко «вчерашнему дню», к преодолённому на сегодня уровню естественнонаучного знания, «сдавая» само условие появления синергетики. Но так или иначе, возникает проблема разграничения альтернативистов постмодерна, неклассики, с одной стороны, и альтернативистов синергетиков, постнеклассиков – с другой. И если возражения А. Каравашкина против установок первых, на наш взгляд, вполне оправданны, то вторых он фактически не видит, как и «онтологичность» вариативной парадигмы. «Альтернативна не сама история», утверждает он. Но здесь срабатывает как раз «уплощение» реальности «по результату», объективно – линейное видение исторического процесса. Вместе с тем положение, гласящее: «альтернативны... способности... познания... концептуальное мышление», - конечно, бесспорно (см.: Там же. С. 131). Относительно разделяемой нами точки зрения автора по поводу соотношения постмодернистского альтернативизма и религиозной философии истории, срыва усилиями первого в «человекобожие», когда

сти»¹⁶. На теоретическом уровне предчувствие – осознание этой качественной исторической подвижки, видимо, можно соотнести приблизительно с серединой – второй половиной XIX в.¹⁷; реальные действия, как всё более определенно проявляющийся вектор социальной практики, разворачиваются, пожалуй, с начала XX в.: в частности, с эпохи монополистического, финансового капитала. В любом случае, новый тип государственной и социальной деятельности несомненно дал знать о себе в условиях первой мировой войны посредством государственно-монополистического капитализма, так называемой «правительственной» (вместо «территориальной») политики, политики «государства национальной безопасности», как пишет американский историк¹⁸.

Помимо сказанного, конечно, необходимо учитывать и цивилизационную специфику стран и народов, и конкретно-исторические обстоятельства, влияющие на роль и место субъективного фактора в историческом процессе, в частности – его возможную «компенсаторную» роль. Для истории России отмеченные аспекты очень значимы. И, скажем, сила и влияние «государственной

«историк становится маленьким божеством, виртуальным демиургом» (С. 136), когда «ценности цивилизованного мещанства побеждают религию и... иудео-христианскую традицию, немислимую без эсхатологии» (С. 127), – заметим только одно. Как свидетельствует Н.Ф. Фёдоров, в восточно-христианской традиции Апокалипсис – условное предупреждение об угрозе последнего срыва во Зло. И здесь, как думается, глубиннейшее проявление «синергетичности» мышления философа, полагавшего, к стати, что он лишь выражает общее народное мироощущение (см. подробнее: *Шепелева В.Б. Историческая наука и русская религиозно-философская мысль...*). У автора же – буквальное, как бы «иосифлянское» восприятие Апокалипсиса.

¹⁶ См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1999; *Время мира.* Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000; *Зиновьев А., Ортис А., Кара-Мурза С.* Коммунизм. Еврокоммунизм. Советский строй. М., 2000; *Иноземцев В.П.* Указ. соч.; *Кантор К.М.* История против прогресса. М., 1992; *Розов Н.С.* Философия и теория истории. Кн. 1. М., 2002.

¹⁷ Здесь речь о поисках К. Маркса – Ф. Энгельса, А. Герцена – Н. Огарёва, славянофилов, о разработках Т. де Шардена, А. Бергсона, русских религиозных философов, ощущениях и интуициях русского «Серебряного века», В.И. Вернадского и Д.И. Шаховского, по-своему – В.И. Ленина.

¹⁸ «...Большевики, – пишет он, – разделяли вместе с другими (правительствами Европы) общую, основанную на правительственной концепции, веру... что государство может изменить окружающий мир... (а для этого необходимо) повысить человеческую сознательность». См.: *Холквист П.* «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»; *Надзор за настроением населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период...* С. 58, 59, 70-71 и др.

школы» в отечественной историографии в этой связи «онтологически» не случайны, как не случайны в качестве сильных факторов российской истории явления «государственного феодализма», «государственного (домонополистического) капитализма», затем – «государственного социализма»; факт самоопределения впервые именно в российской интеллектуальной практике цивилизационного подхода к историческому процессу¹⁹.

Сразу оговоримся: и в пределах русской религиозно-философской мысли середины XIX – XX в., и в обществоведческо-гуманитарных поисках, связанных с именами А.И. Герцена, Н.П. Огарёва, элементы того, что ныне сопрягается с цивилизационным подходом, не противопоставлялись идее всемирно-исторической вертикали, идее, в общем, единства человеческой истории. При этом в рамках такого синтетического диалектичного подхода отечественные мыслители едва ли не среди первых взялись за отработку историко-этноментального метода анализа исторической реальности²⁰. «Цивилизационный подход», «историко-этноментальный метод» – вариативность видения исторических судеб разных народов, наций здесь несомненна. И как мы уже неоднократно отмечали, историко-этноментальный метод выглядит как очень продуктивное применение синергетического алгоритма в исторических исследованиях, причём задолго до по-

¹⁹ Отметим: сама эта дефиниция – «цивилизационный подход» - всё ещё пребывает в сфере «терминологического хаоса». Во всяком случае толкование В.В. Шелохаевым этого подхода наравне с формационным в качестве «плодов рационалистического западного мышления... объединенных европоцентризмом», подразумевает совершенно иную традицию, нежели ту, что идёт от «Апологии сумасшедшего» П.Я. Чаадаева, славянофилов, Н.Я. Данилевского и т.д., и о которой говорится в настоящей статье (*Шелохаев В.В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идёт Россия?... С. 29*).

²⁰ *Шепелева В.Б. Историческая наука и русская религиозно-философская мысль... С. 223-245.* Среди немногих историков Б.Г. Могильницкий признает «выдающийся вклад» русской гуманитарной мысли рубежа XIX–XX вв. в преодоление «прежней европоцентристской и линейно-прогрессиистской парадигмы истории», в предопределение «генерального вектора развития философско-исторической мысли XX века» (см.: *Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Вып. 1: Кризис историзма. Томск: ТГУ, 2001. С. 31-32, 34-60, 82-127, 192-194*). Проальтернативистские поиски автора ещё в 1970-х гг. многое здесь проясняют, см. подробнее: *Гребениченко С.Ф. Технология обнаружения ситуаций альтернативности в процессе исторической эволюции. М., 1995; Бочаров А.В. Проблемы альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты (канд. диссертация). Томск: ТГУ, 2002.*

строения такого алгоритма²¹. Напомним коротко о сущности историко-этноментального подхода к исторической реальности.

«Правила порядка» для социума соотносятся с «ядром» его «культурного кода», с «ядром» этнической ментальности. Это идеалы, ценностные ориентиры, сопряженные с характером народа, которые определяют лик; «призвание» последнего; выступают «регулятивами» его исторического бытия – самореализации в истории; являются тем «будущим», что «временит настоящее». «Правила запрета», видимо, должны сопрягаться со взаимоотношениями данной и иных систем в пределах метасистемы и конкретного исторического времени (предупреждая, в частности, об опасности несовместимых с жизнью системы вторжений или утрат). При этом человека вне этнически-ментального поля не бывает. И дело здесь не «в крови», но «в почве», почве духовно-культурной, на которой происходит становление человека, личности. Видимо, можно сказать, что этническая социальность – т.е. этническое общение продуцирует, развивает, укрепляет и транслирует этническую ментальность. Только речь в данном случае идёт о диалектической взаимосвязи: этническая ментальность, появившись, в свою очередь, начинает определять характер и содержание этнической социальности, саму возможность «быть» для этноса. И потому, наверное, можно признать, что именно этническая ментальность, прежде всего ядро её – идеалы и ценности народа, нации, этноса, и есть «код саморазвития», самореализации последних. Относительно «правил запрета» уместно подчеркнуть: управляющие воздействия, соответствующие ядру культурного кода или этнической ментальности, благоприятны для развития социума. Более того,

²¹ См.: *Шепелева В.В.* К вопросу о духовных предпосылках исторического выбора России в 1917 г. // *История Советской России: новые идеи, измерения.* Ч. 1. Тюмень, 1993. С. 3-6; *Она же.* "Русская идея" и проблема выбора пути общественного развития // *Русский вопрос: история и современность.* Омск, 1993. С.24-31; *Она же.* Православие, "культурный код" русских и проблемы российского выбора в конце двадцатого столетия // *Православие. Общество. Культура: Материалы международной научной конференции.* Омск, 1995. С.230-235; *Она же.* Опыт мирового и отечественного кооперативного движения и современная ситуация в России // *Производственные кооперативы в России на пороге XXI века.* Т. 2. М., 1996. С.73-82; *Она же.* Отечественное кооперативное движение с точки зрения русского менталитета: возможные перспективы // *Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории.* Вып. 2. Иваново, 1997. С. 5-23; *Она же.* Синергетика и проблемы исторического познания // *Историческое знание и интеллектуальная культура: Материалы научной конференции.* М.: ИВИ РАН, 2001. С. 20-24; *Историческая наука и русская религиозно-философская мысль...* С. 223-245 и др.

"попадание в точку"²² закладывает основы для сверхбыстрого восходящего развития такой системы. В противном случае: если управляющие воздействия осуществляются вне учёта «внутренних тенденций развития», а потому – впустую, система сама прокладывает свой путь помимо таких воздействий, лишь «проедающих» ресурсы и историческое время социума. Третий вариант: усилия против существа «внутренних тенденций развития» системы – здесь в любом случае ослабление, а при достаточно сильном воздействии – гибель, разрушение системы.

В случае с этническими сообществами необходимо подчеркнуть вроде бы самоочевидное – факт самоценности всякого этноса, нации. "Без меня мир неполный", добавим: ущербный, – это особенно верно применительно к этническим сообществам²³.

²² То есть "резонансное" относительно "ядра культурного кода" управляющее воздействие.

²³ Как и предупреждение: «По ком звонит колокол?...». Казалось бы, с середины ХХ в. это однозначно решенный вопрос для гуманитаристики. К тому же и системологические разработки свидетельствуют в пользу единства разнообразия (закон У. Эшби), и глубинные моменты христианства – формула Троицы нераздельной и неслиянной – с самого начала закладывали сокровенные основы именно такого восприятия мира людей. Однако сегодня достаточно представительным кругом исследователей линейной, европоцентристской ориентации (работы А. Ахиезера, С. Гомаюнова, А. Ракитова, Р. Абдеева, отчасти – К. Кантора, В. Булдакова, А. Бузгалина и др.) фактически поставлена под вопрос самоценность культурного кода, ядра этнической ментальности, во всяком случае народов западной цивилизационной парадигмы. Более того, отечественные гуманитарии заявленного «синергетического круга» находят возможным утверждать, что «необходимой ценой за рост культурного разнообразия становится... гомогенизация глубинных смысловых пластов этнических, религиозных... и прочих макрогрупповых культур». И потому «сохранение исторической самобытности каждой культуры – задача... нереалистическая и... чреватая опасными последствиями... Разнообразие... культур религиозных, этнических, национальных, государственных... будет исходить на нет, трансформируясь в растущее разнообразие микрогрупповых и индивидуальных культур» (см.: *Сухомлинова В.В. Системы «общество» и «природа»: разнообразие, устойчивость, развитие // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 135-140; Назаретян А.П. «Столкновение цивилизаций» и «конец истории» // Там же. № 6. С. 140-146; Брудный А.А. Природа и культура: великое противостояние // Там же. 1996. № 4. С. 131-139.). Получается попрание важнейших синергетических «параметров порядка» для человека – социума – человечества; посягательство на такую не второстепенную объективную реальность, как этносфера, как национальная культура, вне которых человека попросту нет. Этот сюжет ещё раз свидетельствует: необходимо разобраться в исходных обстоятельствах, в существе «внутренних тенденций развития» таких синергетических объектов, как социумы. Обо-*

К сожалению, в советской обществоведческой практике цивилизационный подход, историко-этноментальный метод были основательнейшим образом подзабыты, причём по причинам совсем не научного происхождения²⁴.

Между тем, сама проблема исторических альтернатив, если вести отсчет с 1905-1917 гг., присутствовала в либеральной и социалистической, в частности большевистской, трактовке событий, а не только в эмигрантской и зарубежной историографии. Уже разработка документов политических партий к первой русской революции, затем – к периоду столыпинского реформаторства и, особенно, применительно к 1917 г., формирование концепции российских революций – убедительное тому подтверждение.

По Ленину с 1906 г.: революционно-демократическая диктатура, аграрно-крестьянская революция как глубинная массовая основа революционных потрясений в России начала XX века – всё это российский вариант революционно-модернизационного процесса в условиях эпохи капиталистического империализма²⁵. И одновременно Лениным учитывались *возможности*: 1) сначала успешной реализации столыпинских преобразований (что, естественно, снимало бы вопрос об аграрно-крестьянской революции); 2) затем (в 1917 г.) – буржуазно-либеральной альтернативы в случае более или менее надёжного соглашения между Временным правительством и крестьянством. Причём всё это помимо выдвижения в качестве особо ценной революционно-демократической

значенный же выше антисинергетический алгоритм представляется проявлением энтропийного варианта глобализации и соотносим с постмодернистской, но никак не с постнеклассической парадигмой. Между тем «общность человеческой истории состоит... и в том, что каждая особая культура (разных народов – В.Ш.) необходима... именно в своей специфике», поскольку «разные типы культур системно связаны друг с другом по принципу "дополнительности"» (см.: Кантор К.М. *Философия и культура в историческом развитии человечества // Вопросы философии*. 1983. № 7. С. 98).

²⁴ Нам уже доводилось отмечать, что продуктивность этого метода доказывается его удивительным прогностическим потенциалом. Достаточно сравнить отечественную реальность последних 10-15 лет и предупреждения Н.Ф. Фёдорова, пророчество С.Н. Булгакова (см.: Шелелева В.Б. *Историческая наука и русская религиозно-философская мысль...* С. 241.). При этом и у Н.Ф. Фёдорова, и у «отца Сергия» речь о необходимости удержать и объективировать «ядро» этнической ментальности – самую суть России. И ещё раз подчеркнём: от начала этот метод в отечественной познавательной практике исходит из наличия «поля возможностей».

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 43, 110-112, 118-121, 268-269, 330-337, 373, 423-424; Т. 17. С. 37-47, 171-172, 210-213, 370-378, 388-390; Т. 18. С. 381-384; Т. 19. С. 134-137, 364-372, 381-384, 416-424; Т. 27. С. 77-81 и др.

альтернативы развития событий по одному варианту в 1905 г. и по другому – в 1917-ом и помимо реализовавшейся в итоге большевистской альтернативы²⁶.

Кроме того, выявившиеся в период гражданской войны тенденции представляли определённые альтернативные линии движения общества вместе с носителями, теоретиками и одновременно историками этих тенденций²⁷. Если говорить о советской политике и рассматривать «военный коммунизм» как пласт чрезвычайных мер, то речь (применительно к данным тенденциям) идёт, во-первых, о так называемом «методе непосредственного социалистического строительства» – иллюзорном, ошибочном подходе, опиравшемся: 1) на завышенную оценку возможностей субъективного фактора (внутри страны и в Европе) и 2) на не менее завышенную оценку жизнеспособности общества²⁸. Данный подход, подкреплённый прямой причастностью к нему Ленина, сыграл существенную роль в трагическом для страны «аккомпанементе» гражданской войны в виде крестьянских восстаний, Кронштадта²⁹.

²⁶ См.: Там же. Т. 15. С. 81-83, 104-106, 192-197 и др.; Т. 31. С. 136-137, 140-141 и др.; Т. 10. С. 20-31, 229-239, 367-369; Т. 11. С. 67-77, 87-90, 117-132; Т. 12. С. 317-322; Т. 13. С. 140-141; Т. 19. С. 134-138; Т. 31. С. 11-46, 55-57, 91-93, 103-112, 114-117, 123, 132-148, 154-169, 239-249, 271-271, 324-327, 357-363 и др.; Т. 32. С. 74-76, 105-11, 117, 131-134, 195-197, 205-208, 247-249, 292-294, 393-397; Т. 34. С. 133-139, 144-150, 151-199, 200-207, 214-238 и др.

²⁷ При этом разноплановое концепционное «зарождение» было вовсе не «не из чего». Ему предшествовали и дооктябрьские 1917 г., и первые послеоктябрьские доктринальные ориентиры и разрабатываемая политика и практика осени 1917 – весны/начала лета 1918 гг. (См. подробнее: *Шепелева В.Б.* К проблемам революционно-демократической альтернативы в России (1917 г.) // Из истории революций в России (первая четверть XX века): Материалы Всероссийского симпозиума. Томск, 1996. С. 225-235; *Она же.* Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков от империализма до НЭПа // Вестник Омского университета. Выпуск 2(4). Омск, 1997. С. 47-50; *Она же.* К вопросу об определении «методов социалистического строительства» 1917-1920 гг. в советской историографии // Проблемы методологии исторических наук. Омск: ОмГУ, 1992. С. 92-110.

²⁸ См.: *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предистория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 188-189, 209 и др.; *Шепелева В.Б.* К вопросу об определении «методов...»; *Она же.* К проблеме межпартийной и внутрипартийной борьбы большевиков первой трети XX века // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформаций общества. Ч. 1. Омск, 2000. С. 21-28.

²⁹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов, 1994; Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. Т. 1-2. М., 1999; Крестьянское движение в

В некоторой степени эта иллюзорная тенденция служила подспорьем для второй – «казарменно-социалистической» тенденции, со всей очевидностью заявившей о себе в годы гражданской войны. И хотя последняя качественно отличалась от первой (скажем, вместо завышенной оценки субъектных возможностей крестьянства³⁰, «казарменники» присваивали субъектные свойства только властным коммунистическим структурам), тем не менее обе тенденции могли смыкаться на практике³¹. Однако, если первая из обозначенных тенденций с переходом к нэпу (по смыслу – к революционно-демократической альтернативе)³² была детально проанализирована и оценена как ошибочная, повлекшая за собой самый опасный политический и экономический кризис Советской власти³³, то вто-

Поволжье. 1919-1922 гг. Документы и материалы. М., 2002 (см. вводную статью В.П. Данилова); За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сборник документов. Новосибирск, 2000.

³⁰ Позднее – в 1921 г. сам Ленин признавал, что надежда была, фактически, на чудо: после чуда в сфере политической (Октябрь 1917 г.), затем – в сфере военной (военный итог гражданской войны) была надежда на ещё одно чудо – уже в области социально-экономических отношений (см.: *Ленин В.И.* Полн.собр. соч. Т. 43. С. 63-64, 220; Т. 44. С. 151, 157, 158, 159).

³¹ См. подробнее: *Шепелева В.Б.* К вопросу об определении «методов социалистического строительства»... С. 92, 102-110; *Она же.* Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков в период гражданской войны // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск, 2000. С. 92-104. Относительно применения иллюзорного ленинского подхода для упрочения «казарменно-социалистической» линии действий можно сослаться на позиции Л.Д. Троцкого (см.: *Шепелева В.Б.* Проблема альтернатив общественного развития страны и Л.Д. Троцкий // Проблемы отечественной истории: Тез. науч. конф. памяти Н.М. Ядринцева. Омск, 1992. С. 109-110). Нечто подобное просматривается в намерениях этого времени и последующих действиях Ю. Ларина. А сходство обеих тенденций, видимо, оправданно усматривать в их отношении к мерам политики «военного коммунизма» как к большему, нежели чрезвычайность (хотя и по разным причинам) и, кроме того, – в отношении к госкапитализму: абсолютизации или превышении оптимума в его применении.

³² На наш взгляд, нэп исторический представлял собой непоследовательную революционно-демократическую систему, поскольку не включал в себя революционно-демократической организации власти и, в значительной степени, революционно-демократического подхода в сфере культуры, духовной жизни (см.: *Шепелева В.Б.* К анализу историографической ситуации вокруг проблем НЭПа // Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы: Материалы науч.-метод. конф. Омск, 2000. С. 258-261; *Она же.* К проблеме межпартийной и внутрипартийной борьбы большевиков... С. 26-28 и др.).

³³ См.: *Ленин В.И.* Полн.собр. соч. Т. 43. С. 63-64, 220; Т. 44. С. 151, 157, 158, 159 и др.

рая предметом специального анализа так и не стала. Представляется, что логика именно этой не одноаспектной тенденции существенным образом предопределяла формирование «левой», а одновременно и «сталинской» линии действий в 1920-е гг.³⁴

Вместе с тем, далеко не одна только линейная апологетика историков определяла поиски «нэповского предшества» в донэповскую эпоху³⁵. Объективные обстоятельства, как только возникала малейшая возможность обратиться к проблемам производства (см. противоречия производителей и наркомпроизводцев), заставляли действовать в «пронэповском» – реалистическом направлении. Сам расклад социальных сил в стране, крайне жёсткие уроки от ставки на иллюзорность и «казарменность» требовали «нэповства» как условия удержать Советскую власть, вообще Россию; массовое крестьянское, казачье-фронтовое, национальное да и партийно-социалистическое движение 1918-19 гг. выдвигало требования и практику именно пронэповского, «революционно-демократического» толка³⁶.

³⁴ Примечательно, что и философы объединяют «метафизический военный коммунизм» и «метафизический монизм» сталинского периода (см. соображения В.А. Вазюлина, М. Дафермоса, С.И. Рудакова по «Трудам Международной логико-исторической школы». Вып. 1 (М., 1993); Вып. 2 (М., 1995).

³⁵ См. «доперестроечные» работы В.М. Селунской, «доперестроечные» и последние работы В.П. Дмитренко, ранее – исследования В.И. Биллика, Э.Б. Генкиной, позднее Н.С. Присяжного, С.А. Павлюченкова «историографического» в противоположность ему же «конкретно-историческому», П.В. Панова, целого ряда историков кооперации и др.

³⁶ См.: Миронов, Филипп. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. О «революционно-демократических» крестьянских устремлениях, проявившихся в наиболее «чистом» виде в партизанском движении, а затем – в повстанческом антикоммунистическом и в позициях крестьянства 20-х гг. см. работы сибирских историков Ю.В. Журова, Н.С. Ларькова, А.Н. Никитина, В.И. Шишкина; работы В.В. Кабанова, В.П. Данилова; сборник документов в серии «Крестьянская революция в России. 1902-1922гг.» и «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД (1918-1939)» под ред. В.П. Данилова; статьи В.А. Саблина, Д.А. Сафонова, Е.А. Плешкевича, Р.А. Хазиева, В.И. Бакулина по двухтомнику «Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. / Под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002.

Меньшевицкая программа «Что делать», расколы в эсеровской партии, «сменовеховство», «евразийство» и объективно признание кадетами адекватности большевицких действий (как причин победы Советов) – всё это аргументы в пользу некоего «революционно-демократического» исхода событий (см.: Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч. 1, 3. Гомель, 1993; Думова Н., Трухановский Г. Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989 и др.).

Однако выявившиеся в 1918-20 гг. и не снятые с переходом к нэпу разнокачественные тенденции были чреваты коллизиями, борьбой между ними. На деле приверженцами этих альтернатив ситуация рассматривалась в острых схватках внутрипартийной борьбы в жёстко бинарной оппозиции: или соответствующая тенденция становится единственной, или неизбежен крах исторического вектора, намеченного Октябрём (но в таком случае все оппоненты – объективно враги). То есть, реальность в её социально-экономической, классовой составляющих, с точки зрения политических, социальных, духовных ориентиров была поливариантной, но осознавалась она разными группами внутри РКП(б) (за исключением последовательных нэповцев) в полюсном, чёрно-белом раскладе. Собственно, уже такая логика могла подготавливать жёстко линейный исход, вроде сталинского.

Относительно советского профессионально-исторического осмысления событий 1917-20 гг. заметим: после первых более или менее свободных исследований С.М. Дубровского, С.А. Пионтковского, Л.Н. Крицмана и др., фиксировавших двухстаивый характер Октябрьской революции (хотя и противоречиво)³⁷, уже к концу 1920-х гг. закрепляется неукоснительная «монистичность», линейность в трактовках Октября. Видимо, следует учитывать высокую степень политизированности советской историографии как одного из компонентов становящегося советского общества, в самой жёсткой борьбе утверждающего своё право быть. Доказательство исторической законности Октября актуализировало подход «не эллина, но иудея». Кроме того, как подчёркивают Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, в советской гуманитаристи-

³⁷ Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып. 1. М., 1922; Пионтковский С.А. Октябрьская революция в России, её предпосылки и ход. М.-Пг., 1923; Крицман Л.Н. Героический период Великой русской революции. М.-Л., 1925. Как пишет Д. Анин, «Покровский, и особенно некоторые его последователи... излагали «путаную» теорию об имевших место в октябре 1917 года двух революциях», что мол было «непростительной ересью для советских историков, которые не могли не (знать)... главных писаний Ленина» (Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами её руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка / Сост., вступ. Д.С. Анина. М., 1991. С. 38); Последнее, правда, свидетельствует скорее о слабом знании Д. Аниным «писаний Ленина». Впрочем, и работы 1920-х гг. С.М. Дубровского (авторитетного историка-аграрника) о природе крестьянства и советской политике вызывают, на наш взгляд, сомнения с позиций ленинской концепции нэпа и Октября (см.: Он же. Крестьянство в 1917 году. М.-Л., 1927).

ке «случайность тщательно изгонялась из научных теорий... развитие понималось как поступательное, без альтернатив»³⁸.

Во всяком случае, если вычленять соображение классика о том, что «случайности входят... в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями»,³⁹ то разве это не чревато «вынесением» случайностей, альтернативности «за скобки», что и происходило в разработках лидера советской исторической науки – М.Н. Покровского⁴⁰.

В сталинскую эпоху жёсткой унитаризации, нормативности проблема альтернатив в историческом процессе оказывалась взрывоопасной и тем более неприемлемой, поскольку силовыми способами прекращен был неповский вариант развития общества⁴¹. Философы говорят о «метафизическом монизме» сталинского периода, когда «теория ...выступает как средство пропаганды решений политического руководства»⁴².

³⁸ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ. соч. С. 3-4.

³⁹ Маркс – Людвиг Кугельману, 17 апреля 1871 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 2. М., 1980. С. 455.

⁴⁰ См. «линейные» соображения М.Н. Покровского относительно творчества В.О. Ключевского: об идее как «историческом факторе», о народе как «исторической личности» (Он же. Избр. произведения. В 4 кн. Кн. 4. М., 1967. С. 330-336); относительно «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского (особенно по оценке историком антропологических построений К. Маркса); иронию по поводу «догмата о "глубоком историческом своеобразии" каждого отдельного народа» (С. 396); сомнительный своей спрямлённостью анализ реакции Н.Г. Чернышевского на революцию 1848 г. (С. 406-415); склонность к спрямлению российской истории с 1917 по 1917 и чуть ли не по рубеж 20-30-х гг. (С. 81, 26, 218-219 41-42, 105-106, 128, 217; Кн. 1. С. 62-63); апеллирование к Марксу по поводу соотношения «случайности» и «необходимости» (Кн. 4. С. 23). Видимо, линейностью – абсолютизацией формационного подхода можно объяснить и поразительную невосприимчивость Покровского к национально-му, патриотическому в истории (см.: Т. 4. С. 102-103, 129-132). И эта особенность мышления – далеко не исключительная среди большевиков принадлежность «патриарха» советской историографии. Отсюда целый ряд трагических социологизаторских просчетов относительно крестьянства, интеллигенции на практике.

⁴¹ Вместе с тем, возможно, обращение с середины 1930-х гг. к феномену патриотизма, качественные изменения внутри Коминтерна могут рассматриваться как некоторая нелинейная компенсация на пути утверждающегося линейно-прогрессистского мировоззрения.

⁴² Дафермос М. К вопросу об отношении творчества В.А. Вазюлина к классическому марксизму // Логика истории и перспективы развития науки. Вып. 1. М., 1993. С. 92-93. Как отмечает С. Рудаков, «этап метафизического материализма 30-х – 50-х годов в нашей философии освящал "советское якобинство"» (Там же. С. 74).

XX съезд, «оттепель» объективно подводили к проблеме исторических альтернатив. Историки, занимавшиеся 1920-ми годами, нэповской эпохой, кооперацией, социально-экономической историей предреволюционной России, «русским крестьянским социализмом» – народничеством и рядом других сюжетов, эту проблему осваивали и под напором добротной конкретики, источниковой информации (кстати, накапливаемой, в том числе, и в сталинский период), и в связи с изменившимся социальным заказом, идеологической атмосферой. Более того, на январском «гуманитарном» методологическом форуме 1964 г. в основном докладе подчёркивалось: «Особенно важно обращать... внимание на возможности, которые кроются в исторической действительности, на те тенденции, которые возобладали, и на те, которые были подавлены...». Специально отмечалось: «Это важная теоретическая задача именно историка, тут социолог никак не может его заменить»; подчёркивалась необходимость при этом исследования «роли субъективного фактора», первостепенность проблемы сознания и т.д.⁴³ Эти сюжеты были активно подхвачены бывшими учениками А.Л. Сидорова и некоторыми другими участниками заседания.

В частности, по М.Я. Гефтеру, причина забвения «проблемы возможности и действительности (заклучалась) в... идущем от Сталина «выпрямлении» истории по... определившемуся результату, в канонизации данного хода развития событий как единственно возможного, в фактической подмене марксистского детерминизма идеей фатальной неизбежности происходящего...» (ср. синергетическое: детерминизм в пределах «поля возможностей» и – линейный детерминизм). Между тем, как подчеркивал М.Я. Гефтер, «творческий марксизм тем, собственно, и отличается от фаталистического псевдомарксизма, что для первого возможность – не просто мысленный идеал, но и ее материальная основа – противоречивые тенденции самой действительности... Для историка возможность и действительность – категории, без которых он бессилён раскрыть природу взаимодействия объективного и субъективного, соотношения закономерностей, не зависящих от воли людей, и (их) исторического творчества... вносящего в историю, особенно... в ее революционные эпохи... «сознание, волю, страсть, фантазии» людей⁴⁴.

Проблема нелинейности исторического процесса затрагивалась объективно и при обращении к сюжетам предмета и методо-

⁴³ История и социология. М., 1964. С. 15-16, 92,94. Выделено мною.

⁴⁴ Там же. С. 149-150. Выделено мною.

логии исторической науки, *конкретного* в истории,⁴⁵ многоукладности и т.д. Свой подход к проблеме предложил Ю.С. Борисов. С одной стороны, он подчеркнул, что «характерное свойство времени – его *необратимость* ... Историк изучает *только те ступени развития, которые реально пройдены обществом, те события, которые уже совершились...*». Вместе с тем он отметил: «И все же было бы *неверно* утверждать, что *объект* исторической науки совершенно *лишен движения*... Ведь область прошлого, становящаяся достоянием историка, постоянно растет... Таким образом, и к анализу *предмета* исторической науки нужно подходить *исторически*: он тоже находится в развитии, обусловленном внешними и внутренними факторами – *непосредственным развитием* своего *объекта* и *изменением* степени *понимания сущности объекта*»⁴⁶. «Изменение степени понимания сущности объекта» – во всяком случае «открыто» для нелинейного понимания этой сущности. Кроме того, глубокая интуиция историчности текущего, а получается – и прошлого (см. объект), содержит внутренние предпосылки нелинейности мировосприятия.

Вообще, казалось, всё шло к широкой теоретико-методологической дискуссии, выходящей и на онтологические, и на гносеологические проблемы. Однако в постановлении Президиума АН СССР «О разработке методологических вопросов истории» этот сюжет уже не упоминался⁴⁷. Причём и помимо данного обстоятельства, и даже если абстрагироваться от содержания и тем более контекста выступлений, скажем, академика П.Н. Поспелова⁴⁸, И.И. Минца⁴⁹ и ряда других участников дискуссии, приходится

⁴⁵ Трудно снова не процитировать М.Я. Гефтера в этой связи: «...упрощается, чтобы не сказать вульгаризируется, понятие *конкретного в истории*. Самое богатое и содержательное, оно низводится сплошь и рядом до эмпирически данного, либо в лучшем случае рассматривается как простое, внешнее проявление действия общего закона. Если бы это было так, весь исторический процесс принял бы черты почти мистической предопределенности, а сам марксизм из метода, предполагающего активную творческую познавательную деятельность в наиболее... близком к действительности направлении, превратился бы в своего рода инструкцию по подбору фактов, способных лишь подтвердить заранее сделанные выводы (Указ. соч. С. 146).

⁴⁶ Там же. С. 322-324.

⁴⁷ Там же. С. 336-339.

⁴⁸ Там же. С. 51-58.

⁴⁹ Академик И.И. Минц на форуме счёл необходимым заметить: мол это «русские дореволюционные историки всегда говорили об особенностях России, чтобы... показать, что в России нет почвы для социализма», и ссылались при этом как на «якобы чисто русское явление» на *народни-*

признать, что и основные докладчики свою многообещающую заявку по проблеме возможности и действительности никак не поддержали, не развернули. Более того, рядом высказанных в ходе дискуссии положений и отсутствием обобщающей научной реакции даже на установки, вроде поспеловских, «заглавные» докладчики в немалой степени блокировали смысл своей «альтернативистской» (если допустимо здесь такое определение) заявки.

Оговоримся, вообще в ходе работы Секции общественных наук было высказано немало ценных соображений о связях исторической науки и филологии, философии, социологии, экономики, художественной литературы, искусства; о «переплетении» истории и естественных наук и продуктивности междисциплинарных подходов; соображения о необходимости системности исторических исследований («всемирность – веление времени»); о многоукладности и фактически нелинейности – разнообразии типов развития; о «роли исторического знания в духовной жизни общества» и необходимости в этой связи «внутреннего, теоретического роста самой науки»; о «самой настоятельной потребности обогащения всего склада мышления ученого-исследователя (через) овладение диалектикой» и т.д.⁵⁰ Были поставлены проблемы реального выявления сущности, характера социальных классов, групп, слоёв советского общества, разработки вопросов социальной психологии; намечены были косвенно некоторые сюжеты о нэповской альтернативе (см. материалы В.П. Данилова и И.Ф. Гиндина), проблема объективной, но плохо осознаваемой преемственности обозначившихся продуктивных поисков с познавательной практикой предшествующих этапов развития отечественной гуманитарной мысли (см. выступление А.Л. Сидорова) и т.д.

Однако возобладал в итоге уже в первой половине 1970-х годов в качестве официально признанного методологического

ков». Однако, по словам Минца, «Энгельс... не считал народничество чисто русским явлением, когда писал Вере Засулич: «Вполне согласен... необходимо бороться против народничества – немецкого, французского, английского или русского» (там же. С. 70). По общему контексту выступления достаточно прозрачно проступало напоминание о «сверхнаучных» – утрированно-идеологических задачах гуманитарных наук. Парадоксально, но философы тогда призывали узаконить права конкретно-исторического исследования (в частности, по проблеме народничества, происхождения и роли в истории общественных идей – см.: С. 92, 94, 326-327), а со стороны маститого историка следовало совершенно венаучное (зато вполне линейное) предостережение.

⁵⁰ См.: Там же. С. 86-89, 103-109, 117-122, 132, 152-168, 305-315, 326-327, 333 и др.

принципа советской гуманитаристики прежний линейный, хотя и усовершенствованный, подход⁵¹. В пределах этого подхода закреплялись концепции якобы непонимания реальности со стороны различных отечественных «альтернативистов» (см. оценки взглядов П. Чаадаева, декабристов⁵², славянофилов, А. Герцена, народников, «организационно-производственников», не говоря уже о русских религиозных философах, Н.Я. Данилевском и т.д.⁵³); представления об однозначном характере Февральской и затем Октябрьской революций, об однозначно капиталистическом характере экономических отношений в дореволюционной России и т.д. И всё это вопреки добротным конкретно-историческим, историографическим исследованиям по социально-экономической, отчасти политической истории России, по «русскому крестьянскому социализму» и т.д.⁵⁴

⁵¹ Правда, если исключить некоторые сферы гуманитарного познания, скажем, советскую ориенталистику, где, в частности, одним из главных инструментов исследования стало понятие «социально-генетического кода» или «социального генотипа», заведомо исключающее линейность видения ситуации. См. подробнее: *Шемякин Я.Г.* Проблема цивилизации в советской научной литературе 60-80-х гг. // *История СССР.* 1991. № 5. С. 85-102.

⁵² См. некоторые соображения о поисках путей развития России и о «русской идее» в представлении декабристов сквозь призму изысканий Д.И. Шаховского по: *Шепелева В.Б.* К проблеме истоков этических и аксиологических установок Л.Н. Мартынова // *Исторический ежегодник.* Омск: ОмГУ, 1996. С. 48-50 и сами представления Д.И. Шаховского: *Шаховской Д.И.* Письма о братстве / Публикация Ф.Ф. Перченка и др.) // *Звенья: Исторический альманах.* Вып. 2. М.–СПб., 1992; *Шаховской Д.И.* Избранные статьи и письма. 1881-1895 гг. М., 2002.

⁵³ В этой связи заметим, что при диалектическом подходе признаётся «творческий характер заблуждений в процессе научного исследования» и тем более – «объективность, закономерность» их появления («заблуждение – момент истины, исторически ограниченная форма движения сознания к истине», по Гегелю). См.: *Логика истории и перспективы развития науки...* С. 98, 157; *Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова.* Изд. 5-е. М., 1986. С. 147. В нашем же случае как раз по истечению значительного времени всё очевиднее проявлялся глубокий смысл, уловленный (пусть и в приблизительных, нечётких, содержащих, как ныне представляется, немалый объём «информационных шумов» и т.д., но тем не менее) в замечательных прозрениях, формулах, суждениях всех упомянутых представителей отечественной мысли.

⁵⁴ О реальном уровне, познавательных возможностях советской исторической науки конца 50-х – начала 70-х гг. замечательно свидетельствуют наработки так называемого «нового направления» в изучении проблем социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в., представленные в историографических статьях и разделах, наконец – в докторской диссертации одного из лидеров «новонаправленцев» К.Н. Тарновского (см.:

Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в.: Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М., 1990). Об историографической судьбе «нового направления» см.: Шелелева В.Б. Историографическая судьба «нового направления» // Мир историка. XX век... С. 219-257. Пожалуй, и специалисты по интеллектуальной истории, в частности истории социалистических учений в России, объективно преодолевали принятую схему относительно воззрений А.И. Герцена, народников посредством, скажем, интеллектуально честной публикации текстов (см. напр.: Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. М., 1982. С. 391-423; Утопический социализм в России: Хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. М., 1985). Впрочем, преодоление глубоко укоренившихся «спрямлённых» представлений по данным сюжетам проблематично поныне. Ещё в 1991 г. появилась важная работа В.Ф. Антонова, в которой были сформулированы прорывавшиеся к «актуализации» соображения, а в 1995 г. вышла монография Б.П. Балуева, обозначившая качественную подвижку в освоении темы либерального народничества (см.: Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1; Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX – XX веков. М., 1995). Однако специалисты, прежде всего В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, весьма критически отреагировали на эти нетрадиционные подходы (См.: Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Н.К. Михайловский и К. Маркс: диалог о «русском пути» // Отечественная история. 1996. № 6 и др.). В исследованиях В.Ф. Антонова и Б.П. Балуева предлагается как раз принять «онтологическую» нелинейность исторического процесса, уловленную Герценом, Огарёвым, Михайловским и др. народниками, постановку ими вопроса о выборе пути исторического развития России в новых условиях и роли (по существу) этнической ментальности при этом. В новаторской для своего времени работе П.В. Волобуева «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. (М., 1987)» концептуальные поиски родоначальников «русского крестьянского социализма» трактуются всё-таки ближе к устоявшемуся – общепринятому варианту. Не без спорных моментов, но в целом адекватно характеризует последних Н.А. Бердяев в «Русской идее». (См.: Шелелева В.Б. Реформы и революция в контексте некоторых соображений отечественной гуманитаристики // Общественная мысль, движения и партии в России XIX-XX веков: Брянск, 2001; Она же. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса... С. 237-244; 14, 19, 29, 38, 50, 53, 58). Возрождение (или – проявление) традиций историко-этноментального метода освоения и восприятия реальности, видимо, можно усматривать в таком ярком феномене советской культуры 1960-1980-х гг. как творчество «деревенщиков» в литературе, как свиридовская линия в музыкальной культуре и т.д. Несомненно, ярким свидетельством познавательных возможностей отечественной гуманитаристики 60-х гг. были поиски под началом Б.Ф. Поршнева, разработки в рамках изысканий сектора методологии под руководством М.Я. Гефтера. Достаточно сослаться хотя бы на известные дискуссионные сборники «История и психология» (1971 г.) и «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969 г.), на гефтеровскую статью в последнем (см.: Гефтер М.Я. Страница из истории марксизма начала XX века // Там же. С. 13-44 и др.).

В качестве своего рода модели линейного метода препарирования советской реальности может рассматриваться формула, гласящая: 1) нэп – это восстановительные процессы, которые естественно и закономерно сменяются во второй половине 20-х годов периодом социалистической реконструкции, в итоге – индустриализацией и сплошной коллективизацией, культурной революцией, отягощенными, к сожалению, «перегибами», произволом сталинского руководства, необоснованными репрессиями; 2) мол в целом развитие советского общества в это время есть реализация ленинских установок, но реализация, осложненная издержками «культы личности» и т.д. (хотя и при таком подходе реабилитировать «нэповцев» никто из власть предержащих открыто не собирался).

Однозначное, жёстко детерминистическое суждение по результату (рассматриваемому как бы «по большому счёту») – это был (да и есть в значительной степени) главный способ оценки предшествовавшего данному результату периода, этапа, процесса. Правда, к вопросу: где критерии этого «большого счёта»? – советская гуманитаристика вплоть до крушения Советского Союза оказалась крайне нечувствительна. Некая конфронтационная система суждений: ересь или ортодоксия – была определяющей на официально приемлемом уровне. Механицизм в восприятии «случайного» и «необходимого», «субъективного» и «объективного» не позволял обозначить проблему диалектической связи этих противопоставлений, проблему наличия «спектра возможностей» в кризисных ситуациях (отбрасывал в том числе принципы «генетико-телеологического» метода анализа социальной реальности, метода прогнозирования – фактически выбора *будущего* для страны, требовавшего конкуренции разных школ, разных вариантов развития и, безусловно, идущего от данности – от внутренних тенденций развития общества⁵⁵). Но отсечение *разного, многообразия*, как и невнимание к «генетике» социума, означает подрыв жизнеспособности системы, формирование в перспективе тупиковой ситуации⁵⁶.

⁵⁵ Речь, в частности, о методе, наметившемся в 1920-е годы в ходе формирования советской плано-прогностической мысли усилиями Н.Д. Кондратьева, В. Базарова, Г.М. Кржижановского и др.

⁵⁶ Конечно, вряд ли оправданно абсолютизировать обозначенные недиалектические подходы и оценки в советской познавательной практике: В 1960-е годы в СССР формируется «ильенковская школа марксистской гносеологии», которая в свою очередь, по мнению В.А. Вазюлина, через фигуру М.М. Розенталя может рассматриваться как восходящее продолжение философско-диалектических поисков отечественной мысли 1920-х – начала 1930-х годов и которую М. Дафермос с коллегами определяют как «единственную научную философскую школу в советском марксизме»; сам

XX век, чем далее, тем более обнаруживал «конец эпохи исторической бессознательности», но слишком нередко в стратегических вопросах жизни советского общества субъективизм политического руководства подменял оптимальные решения – решения действительно на уровне владеющего условиями своего существования исторического субъекта. То, что провозглашалось от нача-

Э.В. Ильенков в 60-е годы возглавляет отдел диалектического материализма в редколлегии «Философской энциклопедии» (см.: *Ильенков Э.В. Философия и культура ...* С. 5-15; *Логика истории и перспективы развития науки...* С. 8-9, 31-32, 35-38, 75), тогда же определяется «философия антиномий» И.С. Нарского, разворачивается работа упоминавшегося выше Сектора методологии истории в Институте истории АН СССР (см.: *История и реальность: уроки теории и практики.* Вып. 2. М., 1995. С. 120-122; *Неретина С.С. История с методологией истории // Вопросы философии.* 1990. № 9. С. 149-163), формируется уже упоминавшееся нами «новое направление» в советской историографии, охарактеризованное К.Н. Тарновским как «синтетическая система современных представлений», в которой и уже оформившиеся положения, и вновь полученные результаты признаются «относительно верными», а потому сама система является «открытой, динамически развивающейся логической конструкцией» (*Тарновский К.Н. Указ. соч.* С. 285-286). Все эти (как и множество иных) явления совершенно очевидно не укладывались в «прокрустово ложе», определяемое Отделом науки ЦК КПСС. Добавим, в 60-70-е годы тот же В.А. Вазюлин доказывал: «...с точки зрения диалектической закон – это не единообразие, это не одинаковость процессов... это взаимосвязь... внутренняя связь процессов. Вот в чём заключается единство... закон: связь внутреннего и связь разного... Метод постижения закономерностей – метод, который позволяет постигать единство многообразного... чтобы понять закономерности... нужно овладение диалектико-материалистическим методом мышления...» (см.: *Логика истории и перспективы развития науки...* С. 52-53). Вместе с тем, противоречивость положения дел в исторической науке может быть проиллюстрирована, скажем, такой частностью, как трактовка в очевидно антикультуровском издании 60-х гг. проблемы: «Маркс и русская община». Речь о комментариях О.Д. Соколова к третьей книге «Избранных произведений» М.Н. Покровского. Последний писал по поводу народников: они «так настойчиво повторяли... у нас социализм пойдёт не от фабрики, а от сельской общины, что сам Маркс на минуту поколебался, и если и не признал, что из русской общины выйдет социализм (как уверяли народники, пристрастно толкуя одно письмо Маркса), то всё же недостаточно решительно отмежевался от этого мнения». Комментатор уточняет: «Рукописи Маркса, ныне опубликованные... со всей очевидностью свидетельствуют... что Маркс... критически относился к возможностям русской крестьянской общины» – и все (см.: *Покровский М.Н. Указ. соч.* Кн. 3. С. 225 – выделено нами). Т.е. более близкое к адекватному представлению М.Н. было «выправлено» в духе стереотипов сталинского периода. Правда, как оказалось, и в духе новой официальной историографии (и чуть ли не новейшей).

ла решающим преимуществом большевизма⁵⁷, затем советской общественной системы – действия на уровне действительного исторического субъекта, – на деле в гораздо большей степени декларировалось, нежели применялось. Восхищавшие Н.А. Бердяева в марксизме признание «пластичности мира» относительно человеческой активности, внутренняя «экзистенциальность марксистской социологии, которая видит первичную реальность в трудовой человеческой активности, а не в объективированных вещных... quasi-реальностях»⁵⁸, очень скоро оказались погребены, обездвижены болотом бюрократического оцепенения, рутины, упования на автоматизм срабатывания «самого передового социального учения»⁵⁹. Обратная сторона подобного положения дел – субъективизм, прямой произвол над реальностью (об угрозе чего предупреждали в 20-х гг. убеждённый «нэповец» В. Базаров, Ф. Дзержинский, позднее – Н. Бухарин, не говоря уже о «нэповцах-спецзах»⁶⁰). Между тем сама нэповская эпоха выдвигала вполне «синергетические» алгоритмы действий по разным направлениям. И не удивительно, что идея «нэповской альтернативы» витала в атмосфере соответствующих изысканий «оттепелевского» и последующего периодов, полулегендарно связываясь с именами В.Г. Венжера, А.В. Саниной, более явно – с наработками В.П. Данилова.

«Перестройка», «гласность» предопределили пик популярности нэпа: нэповской концепции В.И. Ленина, практической и теоретической деятельности «нэповцев-партийцев» и «нэповцев-спецов». Но, если в значительной степени здесь, несомненно, присутствовали собственно академические интересы – стремление

⁵⁷ Речь об «инверсионной концепции Октября», а затем, как представляется, и НЭПа.

⁵⁸ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 126-127; № 2. С. 151.

⁵⁹ См.: *Платонов С.* После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. М., 1990.

⁶⁰ См.: *Сарабьянов В.* Основные проблемы нэпа. М.-Л., 1926; *Он же.* В защиту философии марксизма. М.-Л., 1929; *Бухарин Н.И.* Путь к социализму. Новосибирск, 1990; *Он же.* Заметки экономиста // *Бухарин Н.И.* Избр. произведения. М., 1988; *Он же.* Политическое завещание В.И.Ленина // Там же; *Валентинов Н. (Вольский).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Воспоминания. М., 1991; *Новожилов В.В.* Недостаток товаров // Нэп и хозрасчёт. М., 1991 (см. там же раздел «Современники нэпа о государственном регулировании предприятий и хозрасчёте в промышленности»); *Козн С.* Бухарин: политическая биография. М., 1988; *Лацис О.* Выйти из квадрата: заметки экономиста. М., 1989 (гл. 6-7) и др.

дать наконец непредвзятую историю эпохи, то столь же несомненным было стремление снять версию о безусловной обречённости Советской России на ужасы сталинизма, а позднее – плюс к этому – доказать и безусловную предопределённость (с разными знаками) сталинской эпохи. Сокрушительный шквал информации о жертвах, «цене» и реальной эффективности «сталинской революции сверху», прежде всего в публицистической подаче, просто требовал от советских обществоведов развести «общее» и «частное». К тому же и политическая элита в это время стимулировала поиски выхода к «социализму с человеческим лицом», и общество преисполнено было ожиданиями перемен, восходящего развития общества социальной справедливости, социальных гарантий. Проблема исторических альтернатив в сложившейся ситуации оказалась предельно востребованной⁶¹. И поначалу казалось, что лишь крайние противники большевизма и последовательные сталинисты противостоят альтернативистским (пронэповским) изысканиям.

Однако уже на рубеже 80-90-х годов обнаружилось, что для наиболее радикальной части «демократической оппозиции» какие бы то ни было советские, социалистические (хотя бы и революционно-демократические) альтернативы совершенно не актуальны, а потому провозглашалось: сущностное проявление Октября, большевизма, а затем и марксизма – это ГУЛАГ, 37-й год, тотали-

⁶¹ Речь об огромном количестве научных, научно-публицистических, публицистических сборников, статей в прессе самого разного уровня и жанра. См. например: Научные дискуссии советских ученых по проблемам истории СССР. Сб. обзоров. М., 1990; Встречи с историей. М., 1987, 1988, 1990; Историки спорят. 13 бесед. М., 1988; Историки отвечают на вопросы. М., 1988, 1990; Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель. М., 1989; Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988, 1989; Трудные вопросы истории. М., 1991; Урок даёт история. М., 1989; Осмыслить культ Сталина. М., 1989; Суровая драма народа. Учёные и публицисты о природе сталинизма. М., 1989; Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990; *Лацис О.* Выйти из квадрата: заметки экономиста. М., 1989; *Волобуев П.В.* Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987 и многочисленные статьи, выступления В.П. Данилова, П.В. Волобуева, А.В. Горинова, Н.С. Симонова, Б.К. Ярцева, А.Г. Кушнера, В. Киселева, Н. Симонии и др. Анализ отечественной историографической ситуации второй половины 80-х – начала 90-х годов см. по работам: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Указ. соч.; *Логунов А.А.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг. // Советская историография. М., 1996; *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Там же; *Заболотный Е.Б., Камынин В.Д.* Историческая наука России в преддверии третьего тысячелетия: Учебное пособие. Тюмень, 1999.

таризм, сталинщина⁶². И уже не отдельным «охранителям», но добросовестным «альтернативистам» становилось понятно, что речь со стороны «радикально-критического направления»⁶³ идёт не о поиске альтернатив в пределах одной «общественно-экономической» парадигмы, но о попытках ликвидировать саму эту парадигму. Историография, как никогда, оказалась участницей политической жизни, жесточайших по смыслу политических катаклизмов, обернувшихся крушением СССР.

В новых «бытийственных» условиях резко снизилась актуальность-злободневность проблемы альтернатив в рамках советской эпохи. Для массового сознания всё спрессовалось (в лучшем случае) в оппозицию: «прежнее – советское» как единое, гомогенное, с одной стороны, и новейшее, как бы по «западно-цивилизационному» образцу, – с другой. И поскольку фигура Сталина, «сталинская революция сверху», репрессии – самый действенный (как показала практика) аргумент против советской системы, уже по этой причине сталинская эпоха сосредоточивает на себе внимание и политиков, и исследователей (тем более не говоря о реальных достижениях Советского Союза при Сталине хотя бы по известной формуле У. Черчилля, не говоря об «удельном весе» этой эпохи в истории СССР⁶⁴).

Очень любопытны в этой связи процессы в современной западной историографии. В частности, как пишет П. Холквист: «Мы не рассматриваем Советскую Россию ни как некое уникальное порождение социализма, ни как русское отклонение от европейских норм; мы воспринимаем её как чрезвычайно специфическое проявление *новой правительственной модальности* в сфере политики... Ключ к решению проблемы «Советская Россия» необходимо искать в контексте явления... «современность»». ⁶⁵ Более того, по выводам

⁶² См.: Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии...; Логунов А.А. Кризис исторической науки... С. 453, 454, 455-456, 457-469, 471 и др.; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура... С. 3-4, 32-35, 236-245, 320.

⁶³ Определено нами. Логунов А.А. Указ. соч. С. 455).

⁶⁴ И, безусловно, есть немалый смысл в заключении П.С. Кабытова и О.Б. Леонтьевой о том, что «в истории советского общества, несомненно, именно этому периоду принадлежит ключевая роль...». (См.: Они же. Введение // Американская русистика: веки историографии последних лет. Советский период... С. 5).

⁶⁵ Выделено нами. Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроением населения в годы большевистского режима... С. 74-75. По представлениям автора, Советская Россия должна рассматриваться и как вариант общеевропейского феномена «со-

российских учёных, «сталинизм для американских исследователей не... некое досадное отклонение от магистральной линии хода всемирной истории, а... ключевая тема для понимания природы современного общества вообще»⁶⁶.

Эта тенденция к избавлению историографии от заклятий и нагнетания страстей, безусловно, очень позитивна⁶⁷. И замеча-

циальное государство» (Он же. Российская катастрофа (1914-1921гг.) в европейском контексте: тотальная мобилизация и «политика населения» // Россия: XXI век. 1998. № 11/12).

⁶⁶ Кабытов П.С., Леонтьева О.Б. Введение // Американская русистика... С. 17. К отмеченному кругу работ необходимо добавить из ранних фундаментальные исследования Э. Карра, И. Дойчера; из современных – прежде всего исследования Ш. Фицпатрик.

⁶⁷ Кстати, в отечественной познавательной практике подобный поворот относительно сталинской эпохи ещё на рубеже 80-90-х гг. особенно ярко обозначился в работах В.В. Кожина, который начал в период перестройки с талантливых поисков «ленинской альтернативы» дальнейшему развороту событий. Любопытный момент: призыв Ю.Н. Афанасьева – тогда восходящего демократического лидера – работать, среди прочего, в цивилизационной парадигме (со всеми её составляющими) обернулся в пределах «либерального направления» отечественной историографии сущностно антицивилизационными жёстко линейными построениями. Причем как относительно процессов внутренней истории России, так и относительно России в рамках мировой истории, с отвержением всего «большевистского эксперимента», включая «безусловный для него» сталинизм. Наиболее последовательные приверженцы либерального направления доводят антицивилизационный метод до логического завершения, обозначив фактически вопрос об устранении самого предмета цивилизационного анализа в России (см.: Шелелева В.Б. 1917 год в России: опыт анализа историографической ситуации... С. 79-80). В то же время действительно цивилизационный от начала по целому ряду параметров подход философствующего литературоведа, культуролога и теперь, несомненно, историка В.В. Кожина привёл его к «реабилитации» сталинской эпохи, сталинской политики. И это при том, что он в своё время – классический «шестидесятник» – по определению антисталинист. Однако «шестидесятник» Кожин был имманентно связан с глубинной непрерывной традицией русской культуры. И потому с начала «перестройки» он не среди большинства «шестидесятников», обернувшихся «демократами», затем – либералами, но выявляет органичность для России Октября, ленинской политики, показывая вместе с тем неоднородность советской политики в целом, опасные, прежде всего в культурологическом аспекте, её тенденции. Национальные интересы России, не мыслимые, по мнению учёного, вне державных – в конечном счёте геополитических её интересов, осознание, кроме того, раньше многих, что Сталин – сталинский период для истолкования советской эпохи, вообще истории России – тот самый ибсеновский «узелок», развязывание которого оборачивается ситуацией, когда «всё расплзается по швам» (см.: Логунов А.А. Указ. соч.

тельна сентенция российских историков, что «прошлым нельзя командовать... его нужно... понимать, независимо от того, нравится оно... или нет». ⁶⁸ Но так или иначе, а «школа неизбежников» (Н. Шиокава) ⁶⁹, объединившая очень широкий спектр направлений (вплоть до взаимоисключающих), явно превалирует сегодня над «школой альтернативистов».

Если брать ситуацию в отечественной познавательной практике, тем более, если судить «по результату» и «по большому счёту», – всё, казалось, в общем (*до 1991 г.*), линейную сталинскую парадигму оправдывает: есть Союз Советских Социалистических Республик – вторая держава мира, самим своим существованием менявшая социальный облик планеты, внесшая решающий вклад в разгром фашизма, добивавшаяся прорывных результатов по шкалам ЮНЕСКО и т.д.

Но этот же способ суждения: «по результату», «по большому счёту» в рамках линейной парадигмы *после 1991 г.* просто перечёркивает всю советскую эпоху – огромную и существеннейшую реальность XX века, самой абсурдностью такого исхода обозначая явную свою некорректность. Не случайно и «неизбежники» историки-«спецы» (Г.А. Бордюгов, В.А. Козлов, А.К. Соколов), и «кожиновцы», и левопатриотические группы (С.Г. Кара-Мурза ⁷⁰, А.А. Зиновьев, И.Я. Фроянов, по-своему – А.Г. Дугин), и «державники» (А.С. Панарин, Кс. Мяло, Н. Нарочницкая) не приемлют линейности в оценке послесталинского периода. Однако в таком случае сам принцип вариативности исторического процесса – пусть исподволь, выборочно – принимается.

Подводя итоги, подчеркнём: идея революционно-демократического варианта разрешения остро назревших проблем политической и социально-экономической (по смыслу, казалось бы, буржуазной) модернизации России была определена Лениным, больше-

С. 454), были, по-видимому, основными в концепционной эволюции В.В. Кожинова и ориентирующегося на него направления. В данной ситуации, на наш взгляд, есть основания для раздумий относительно возможностей и конкретных исследовательских интерпретаций культурологического, цивилизационного, историко-этноментального метода. Вряд ли конструктивный выход здесь мыслим вне формулы «поля возможностей».

⁶⁸ Бордюгов Г.А.; Козлов В.А. История и конъюнктура... С. 21.

⁶⁹ «Неизбежники» - т.е. сторонники точки зрения о неизбежности сталинского периода. См.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. Указ. соч. С. 122.

⁷⁰ В последнее время в подходах С.Г. Кара-Мурзы намечаются, возможно, некоторые подвижки «альтернативистского» толка. (см.: Левая идея и цивилизация безопасности: на вопросы «Завтра» отвечает Сергей Кара-Мурза // Завтра. 2004. № 4 (531). С. 2.

виками в самом начале XX века в виде формулы: революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян плюс аграрно-крестьянская буржуазная революция как «оселок» всего революционного движения. Такая оценка резко разводила большевиков и меньшевиков, тем более большевиков с либералами, но сближала с эсерами-ортодоксами (в 1917 г. – с «левыми эсерами» и, очень противоречиво, – с «левыми» меньшевиками). Близко к большевикам до 1917 г. *выглядели* по крестьянскому вопросу энесы. Однако, если исходить из этнически-ментальных предпочтений подавляющего большинства населения страны: крестьянства, с его преобладающими общинными, соборными в пределе устремлениями и ценностями; российского пролетариата; представляющих «лицо России» выдающихся мыслителей, писателей, художников, вообще подвигнической интеллигенции и прочих незаметных до времени носителей «русской идеи», – получается существенно иной расклад сил в пользу не-буржуазного исхода.

Вообще такие обстоятельства, как *«либеральное народничество»*; как кадеты и кадетствующие – глубинные носители (минимум) не-либеральной «русской идеи»⁷¹, породившие позднее и «сменовеховство», и «евразийство»; такие факты, как, скажем, эволюция представлений о судьбе России великого князя Александра Михайловича⁷², как массовое явление – последовательнейшие из нэповцев «нэповцы-спецы», – такие обстоятельства очень «говорящи» и не могут проходить по разряду выносимых за скобки случайностей. (К сожалению, проходили именно по этому разряду, и долгое время, даже для большевиков-нэповцев). А говорят они в пользу общего, общенационального – общементального. Это – объективная реальность. Реальность, к которой слабочувствительны оказались большевики. «Злые заметки» нэповца Н.И. Бухарина, может быть, особенно показательны в этом смысле.

Однако сам «нэп», ленинская концепция нэпа явились (объективно) признанием правоты народнической концепции некапиталистической модернизационной эволюции крестьянского хозяйства. Шагами на пути к этому признанию стали:

⁷¹ См.: позиции русских религиозных философов – Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева, Г.П. Федотова, С.Л. Франка и др., позиции кадетов – М.И. Туган-Барановского (с его идеалом: общество – насквозь свободный кооператив), Д.И. Шаховского с идеалом Братства, мало кому доступным из социалистов; представления основателей Лиги эволюционного социализма и т.д.

⁷² См.: Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 231-267.

1906 г. – ленинская переоценка завышенного им до того уровня капиталистической трансформации российской деревни, вывод об аграрно-крестьянской революции как «коселке» революционного движения в России. Затем – с марта 1917 г. – последовательное участие большевиков в крестьянском движении вплоть до Октября, когда вместе с ними оказалось крестьянство в целом, когда большевики в основу своей аграрной политики взяли знаменитые крестьянские наказаы. В итоге: «большевики дали землю, прогнали помещиков». Именно этот фактор – основа упоминавшегося выше «чуда» политической, а затем и военной победы большевиков в «мелкобуржуазной» (по их оценке) стране.

Весна 1918 г. – признание большевиками, что «утопии старых кооператоров, народников» в условиях Советской власти обретают под собой реальную почву. Далее ряд соображений Ленина и его коллег по ходу гражданской войны относительно середнячества, отчасти – относительно крестьянства верхушечного – в сторону признания целостности этого сообщества мелко-варных производителей (вместо применения к нему негодной «полюсовой» западной схемы)⁷³ и негативной роли коммуно-совхозных экспериментов 1918-20 гг.

Вместе с тем, недоучёт большевиками этнической ментальности, односторонне политэкономический подход не позволял увидеть в аграрно-крестьянском движении не только и не столько буржуазно-демократическую, сколько общинно-крестьянскую революцию, не столько «американски-капиталистические» устремления, сколько общинно-мирские надежды крестьянства⁷⁴. Эти ошибки, просчёты пролетарской партии в крестьянской стране дорогого

⁷³ См. подробнее: *Шепелева В.Б. Большевики и крестьянство России (1918-1920 гг.) // Россия в новое время: Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога М.: РГГУ, 1995.; Она же. К проблеме межпартийной и внутрипартийной борьбы большевиков...; Она же. Опыт крестьянской истории: Россия и крестьяноведение // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2000; Она же. К вопросу о судьбах большевизма в России // Социал-демократия: революция и эволюция: Материалы международной конференции. Омск, 2003.*

⁷⁴ Этот недоучёт неслучаен: национальный вопрос сводился марксистами к социально-экономическим (буржуазным) отношениям, когда впереди у наций – ассимиляция, а стержневое для нации-народности *этническое* начало в расчёт не принимается. Не случайно, что общинно-соборные настроения крестьянства до 1917 г. Ленин оценивал, в лучшем случае, как «мещанский утопизм» и не изменил своих убеждений даже под воздействием радикально антибуржуазных 242-х крестьянских наказов (см. подробнее: *Шепелева В.Б. Отечественное кооперативное движение с точки зрения русского менталитета... С. 5-23 и др.*).

стоили... когда Н. Бердяев говорит о резком сужении сознания, общей культуры левой революционной интеллигенции, он оказывается совершенно прав применительно к рассмотренной ситуации.

Но относительно крестьянской ментальности – «регулятивов», определяющих в крестьянской стране развитие социума (определяющих основы этнической ментальности), очень крепкой была народническая традиция, традиция русской классической культуры, русской религиозно-философской мысли. И если несомненный факт, что нэповская альтернатива была сорвана в силу её непоследовательности: нэп в социально-экономической сфере и «казарменно-социалистическое» наследие в политической и, в немалой степени, в сфере духовной⁷⁵, то как раз учёт большевиками в качестве существенного фактора объективной реальности культурного кода – «русской идеи» – мог бы благодаря мобилизации вокруг объективно общенациональных задач⁷⁶ широких слоёв общества в немалой степени заблокировать антинэповские тенденции, мог хотя бы уменьшить трагический-роковой для России разрыв между зачинавшейся на рубеже XIX-XX вв. революцией духовной (духовно-культурным ренессансом, по Н. Бердяеву) и состоявшейся революцией социальной, подавившей в итоге первую.

В заключение подчеркнём: и в бытность Советского Союза, и сегодня отечественный философ-эпистемолог, лидер Международной логико-исторической школы настаивает: «...в обществе события носят вероятностный характер, и все законы в обществе – это законы-тенденции... то есть это законы, складывающиеся из массы противостоящих друг другу случайностей... Исторический процесс даже с точки зрения выделения законов альтернати-

⁷⁵ В 1921 г. произошло частичное возвращение революционно-демократической альтернативы, как она представлялась большевикам и намечалась-выстраивалась снизу в 1917 г. Вплоть до поздней осени 17-го года речь шла об альтернативе, включающей многопартийную революционно-демократическую систему власти и регулируемую посредством госкапитализма многоукладную экономику при полной реализации демократических прав и свобод и ставке на самоорганизацию, самоуправление масс (см. подробнее: *Шепелева В.Б. К анализу историографической ситуации вокруг проблем НЭПа...* С. 258-261.).

⁷⁶ Может быть, показательны в этом отношении слова А.И. Деникина о том, что, «вероятно, ген. Корнилов не поднял бы оружия даже и против однородного социалистического правительства, если бы такое появилось... и, паче чаяния, проявило сознательное отношение к национальным интересам страны» (*Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 151.*)

вен»⁷⁷. И ещё: регулятивы жизни народа, задающие «поле возможностей» – это в первую очередь «ядро» его этнической ментальности. Октябрь 1917 года, советская эпоха стали возможны постольку, поскольку в них была адекватность культурному коду русского суперэтноса и «вызовам времени». Нэп – привязка советской политики к российской почве – давал шансы для расширения и углубления этой адекватности. Нечувствительность на отрефлексированном уровне «политэкономически» ориентированных большевиков к этнической, прежде всего крестьянской ментальности (объективно – серьезнейшей опоры пробольшевицкого выбора России!) оказалась среди факторов, губительных для нэпа, для смешанной экономики, для единства «разного», т.е. для жизнеспособной саморазвивающейся системы.

Между тем нынешняя эпоха – эпоха осознанной необходимости – объективно требует от социума восхождения на субъективный, личностный уровень бытия, предельно жёстко обозначая дилемму: или самореализации коллективной личности, т.е. раскрытие ядра её культурного кода, или распад, катастрофа, «растворение во тьме», по Тойнби.

⁷⁷ См.: *Логика истории и перспективы развития науки...* С. 51.

ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ С РЕЙНХАРДОМ КОЗЕЛЛЕКОМ

Англо-американская историческая энциклопедия определяет Рейхарда Козеллека как «одного из важнейших современных немецких историков»¹. Это суждение представляется вполне справедливым. Хотя труды Р. Козеллека не переводились на русский язык, в отечественной литературе отмечен его вклад в развитие немецкой историографии². Признано, что этот историк занял особое место, отличное от большинства других представителей исторической науки ФРГ³. Во время вручения Козеллеку высокой награды имени З. Фрейда в 1999 г. Фр.В. Граф подчеркнул, что она является воплощением успеха аутсайдера (использовано английское слово *outsider*) германской историографии.⁴ Здесь «аутсайдер», конечно же, не означает «отстающий»; оно означает «находящийся вне», за рамками. Это высказывание можно понимать следующим образом: в трудах Козеллека развивались подходы, которые не были типичными для германской историографии. Действительно, он всегда придавал исключительное значение языку, семантике слов в их историческом контексте, тогда как в социальной истории ФРГ большая роль, как правило, отводилась учению М. Вебера, различным вариантам концепции модернизации. Не случайно в одной из самых новых работ по методикам дискурсивного анализа, Козеллеку посвящена специальная глава, и сам он рассматривается как один из немногих создателей оригинального подхода в этой области⁵.

В беседе со мной профессор университета г. Билефельда Н. Бульст, видный специалист в области культурной истории, хо-

¹ Encyclopedia of Historians and Historical Writing / Ed. by K. Boyd. V. 1. London-Chicago, 1999. P. 663.

² Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки / Под ред. И.П. Деметьева и А.И. Патрушева. М., 2000. С. 336-337.

³ Именно в этом смысле следует, видимо, понимать замечание А.И. Патрушева, что в работе Козеллека «Пруссия между реформой и революцией» проявилась специфика западногерманской социальной истории.

⁴ Цит. по: *Koselleck R. Semantycy Historyczna*. Poznan, 2001. S. 7.

⁵ *Andersen N.A. Discursive Analytical Strategies*. Kopenhagen, 2003.

рошо знающий Козеллека, на вопрос о том, как сами немецкие ученые видят его вклад в историографию, заметил, что этот историк явился не только создателем нового теоретического подхода, но и сумел с успехом применить его в конкретных исследованиях; такое сочетание редко встречается в одном лице. И добавил, что никто не смог на том же высоком уровне повторить это.

Рейнхард Козеллек родился в 1923 г. в Герлице, где была сильной евангелической культурная традиция. Там он начал обучение в гимназии, а получил аттестат зрелости в Саарбрюкене в 1941 г. После этого добровольцем ушел в вермахт, и служил главным образом в оккупированной Франции и на восточном фронте. Драматический опыт войны повлиял на формирование историка. Оказавшись в 1945 г. в советском плену, он вернулся на родину через год с обозом военнопленных. Став студентом в 24 года, он был одним из тех, для кого дебаты вокруг категории «вины» К. Ясперса были далеко не абстрактными.

В Гейдельбергском университете Козеллек изучал широкий спектр гуманитарных и социальных наук, включая историю, философию, право, социологию и историю искусства. На формирование его идей оказали влияние такие видные историки, как Й. Кун и В. Конце, историки культуры А. Вебер и Х.-Г. Гадамер, философ К. Левит. К. Шмитт указывал на влияние на политику правовых понятий, на то, что необходимо выяснить, что означало каждое понятие в определенное время, где, когда и для кого. В 1954 г. под руководством Куна Козеллеком была защищена диссертация «Критика и кризис. Вклад в патогенез буржуазного мира» (*Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt*). Она была издана как монография и переведена на многие языки. Большое значение для работы Козеллека по проблеме исторической семантики имело его пребывание в университете Бристоля, а затем работа в Гейдельберге в качестве ассистента сначала у Куна, а затем у Конце. Конце называют первым немецким исследователем истории, который не без влияния Ф. Броделя и школы «Анналов» обратился к категории «долгого времени» (Козеллек оспаривает это утверждение в своем интервью).

В 1967 г. появилась новая важная работа Козеллека, защищенная им в качестве второй диссертации «Пруссия между реформой и революцией. Земельное право, административное управление и социальное движение» (*Preußen zwischen Reform und Revolution. Allgemeines Landrecht, Verwaltung und soziale Bewegung von 1791 bis 1848*). Ее особенностью было стремление связать политическую историю Пруссии с социальным развитием в условиях промышленного переворота, социальную мобильность и стремле-

ния различных общественных групп – с господствующими правовыми и административными концепциями. В ней нашли воплощение идеи, разработанные ранее в области исторической семантики.

Работа в этом направлении была продолжена в последующие годы, и одним из главных результатов было издание в 1972–85 гг. семитомной энциклопедии по историческим понятиям под редакцией Р. Козеллека совместно с В. Конце и О. Бруннером. В ней проанализировано около трехсот понятий, от времени их возникновения до наших дней. Идея немецких историков в том, что ни одно из них не несет «абсолютного» смысла, каждое из них выражается в определенном историческом и социальном контексте. Тем самым исследователи стремились отойти от традиционной истории идей и раскрыть социальную и политическую функцию терминов, сферу их применения. В числе исследуемых понятий – такие, как демократия, эмансипация, прогресс, революция, кризис, суверенность, народ и др. В концепции Р. Козеллека важное значение приобретает категория переломного времени, как он его называет, «времени седловины» (*Sattelzeit*), которая предполагает некий исторический период, когда формировалось данное понятие. Большая часть рассмотренных понятий возникла в новое время, однако в разных странах имели место особенности. Так, переломным для немцев был период между 1750 и 1850 гг., для французов момент революции 1789 г. Напротив, для Великобритании этот момент переместился еще дальше в прошлое. Одной из черт переломного времени была «политизация» языка.

С конца 1960-х гг. научная и организационная деятельность Козеллека была в большой мере связана с одним из новых университетов Германии – Билефельдским. Сначала он входил в состав комиссии по его созданию и внес большой вклад в разработку организационных и методологических принципов, на которых было построено это учебное заведение, а также в создание в Билефельде факультета истории. Одна из его идей, до настоящего времени сохранившаяся в практике преподавания, заключается в чтении студентам вводного, «сквозного» курса от древности до современной эпохи, что помогает в создании целостной картины исторических событий в их преемственности. В основу такого курса может быть положена одна проблема, например, проблема войн. С 1973 г. он стал профессором этого университета, а вскоре – первым директором Центра междисциплинарных исследований. Создание такого центра явилось воплощением центральной идеи: в современных условиях развитие научных исследований возможно только на условиях кооперации, широкого взаимодействия специалистов в различных областях науки. Деятельность на базе

Центра временных научных коллективов плодотворно отразилась, в том числе в области гуманитарных исследований.

Козеллек возглавлял Центр междисциплинарных исследований в течение пяти лет, и работал в Билефельдском университете вплоть до своей отставки в 1988 г. Уместно напомнить, что это были годы, когда значительные позиции в немецкой историографии приобрела так называемая «билефельдская школа», наиболее известными представителями которой считают Г.-У. Велера и Ю. Коку. Эта знаменитая школа социальной истории разрабатывала один из вариантов теории модернизации. Конечно, подходы Козеллека, указывавшего на необходимость «сближения» истории и лингвистики, не во всем совпадали с позициями его коллег. Можно заметить, что при всем разнообразии подходов, свойственных современной историографии, именно труды Козеллека указали на связь между социальными явлениями и языком, как частью культуры и ментальности.

А.С. Соколов⁶

Профессор Козеллек, почетный доктор Билефельдского университета ответил на наши вопросы.

А.С.: *Как складывался Ваш жизненный путь до того, как Вы пришли в историю, и как он повлиял на выбор истории как профессии?*

Р.К.: В детстве мне пришлось сменить много школ; я учился в Герлице, Бреслау, Касселе, Дортмунде, Мюнхене и Саарбрюкене. Это связано с жизненными обстоятельствами моего отца, который был учителем, директором школы, профессором в педагогической академии. С 1931 по 1937 год он фактически был безработным, и семье пришлось сменить много мест, а я посещал много школ, следуя профессиональному пути отца. Все думают, что Мюнхен – столица движения, Гитлер, город коричневый, значит и школы должны быть коричневого цвета, но самая антинацистская из всех моих школ была в Мюнхене. Аттестат зрелости я получал в Саарбрюкене. Это не потребовало никаких усилий, потому что я уже записался добровольцем, поэтому не должен был сдавать никаких экзаменов. Аттестат в таком случае давали с любыми оценками, и это было заманчиво. Конечно, обычно замалчивается, почему шли добровольцами. Кого призывали, тот сразу попадал в пехоту, а в пехоте

⁶ Выражаю признательность профессору университета Билефельда, доктору Стефану Мерлу за организацию интервью, Анне Тихомировой за содействие в уточнении текста, а также Ирине Мирославской за помощь в переводе.

самый высокий уровень смертности. Мой лучший друг был католиком, и его отец был строгим католиком, он не мог идти добровольно и попал в пехоту, и был убит сразу после того, как его призвали на фронт. Кто шел добровольцем, имел выбор: хочешь быть героем, иди в танкисты или летчики, но мой отец настоял, чтобы я шел в артиллерию – там ниже смертность; он знал это по первой мировой войне. Мой отец был старым республиканцем веймарского времени, он всегда был против выражения Трейчке, что «великие творят историю» («grosse Maenner machen die Geschichte»), и во времена Третьего рейха он говорил, что история – большее. Тогда уже вошло в привычку, что такие вещи не обсуждаются критически, и кто может судить, что у кого-то не было мужества для критики. А отец много лет был безработным.

Я только что получил письмо от друга моего брата, погибшего 15 апреля 1945 г. в Кенигсберге. Этому другу сейчас около 80-ти. Он написал, как гулял с моим братом в Саарбрюкене, когда они были школьниками. Оба были вождями гитлерюгенда. Я все время ссорился с братом, может быть поэтому и не был вождем гитлерюгенда. Я помню, как брат вернулся с партийного съезда с известным изречением Гитлера «Молодежь должна быть твердой, как крупновская сталь, жесткой, как кожа, быстрой, как борзые». А мой отец добавил: «И глупой, как бобовая солома». Никогда не забуду, как отец спонтанно сказал это, а брат покраснел от злости, почувствовав себя оскорбленным. И все же отца можно считать коллаборационистом; он был офицером и был убежден, что надо сделать все, чтобы выиграть войну. Он потерял работу по политическим причинам, был безработным много лет и сотрудничал с режимом, но не из-за Гитлера, а из-за патриотизма. Если хотите, это был патриотизм коричневого цвета. Очень сложно провести границы. Следующим поколениям легче судить, кто был морально не прав.

Сначала я находился в оккупированной Франции, но затем и на восточном фронте холодной зимой 1941-42 гг. под Харьковом, Киевом. Там были тяжелые сражения. Я был в шестой армии, наступавшей на Сталинград, но не попал туда, так как получил в результате аварии физическую травму от орудия в местечке Изюм. Можно сказать, мне повезло. После этого я долго служил дома в радиолокационных войсках как специалист по радарам, но в 1945 г., когда все шло к концу, оказался в пехоте в Восточной Силезии. Половина всех жертв – это те, кто погиб после лета 1944 г., так же и у нас половина дивизий погибла в последние месяцы. Это был, так сказать, конец всему. Потом я был в плену в Освенциме. Там мы занимались тем, что демонтировали фабрики, построенные заклю-

ченными. Химическую фабрику ИГ-Фарбен мы демонтировали для доставки в Россию, работая, как египетские рабы. Сотни пленных при помощи канатов медленно опускали котлы высотой 20-30 метров, которые грузились на железную дорогу и отправлялись в Россию; там где-нибудь они заржавели. Я сам потом видел в Сибири это валявшееся оборудование – его точно не восстановили.

Потом я попал в Караганду и находился там в плену полтора года. Мне очень повезло, что я вернулся домой. Я был тяжело болен, и в Спасске встретил своего друга-одноклассника, который был фельдшером. Я был санитаром, он заметил, что у меня высокая температура, выяснился большой абсцесс около почки, а хирург, оперировавший меня, оказался ординатором моего дедушки. После операции я долго болел, вся спина была изрезана. Порядок был такой: транспортировали домой тех, кто был нетрудоспособен в течение года, но мог выдержать четырехнедельный путь. И то, и другое вместе – это почти квадратура круга. Меня устроили писарем в госпитале, а когда приходила комиссия, укладывали в постель как лежачего больного. Многие погибали. У нас погибло 60 % русских пленных, в России – 40 % немецких. Там многих доводили до смерти в подвалах ГПУ. У нас были случаи, когда замерзших или умиравших от голода людей возвращали в лазарет, чтобы виноваты были не они, а немецкий врач. Так я узнал, что реально значит социализм с ГПУ; в том, что делалось, было много вздора, а условия труда были невероятны. О плене я бы мог говорить часами, это был важный опыт. Я не хотел бы, чтобы у меня не было этих воспоминаний.

А.С.: Как происходило формирование Вашей концепции, кто оказал особое влияние на Ваши взгляды как историка?

Р.К.: Я бы отметил, прежде всего, Вернера Конце, крупнейшего гейдельбергского историка. Его взгляды формировались тогда, когда в историографии, казалось бы, господствовала политическая история, но именно он заложил новые подходы, связанные с социальной историей. От истории, которая воспринималась как решения политических элит, он перешел к изучению социальных структур и аграрных отношений. Кроме того, как выходец из Восточной Пруссии он понимал ментальность славянских народов, хотя и был националистически настроен. В Кенигсберге вообще были сильными позиции националистически настроенных историков, хотя именно оттуда произрастает интерес к социальной истории. Одним из его учителей был Гюнтер Ипсен, настоящий нацист, позднее я с ним познакомился, очень умный, умевший работать методически точно; он был специалистом в области семантики и социальной

истории, а также статистиком и демографом. Когда он говорил о народе, то имел в виду не только идеологический аспект, а стратификацию, расслоение народа: какая работа, какой доход, нормы воспроизводства, рождаемость, смертность, зависимость этих показателей от слоев, дохода. Он был отличным социологом, и без сомнения, нацистом. Так тоже бывает: не каждый нацист был глуп, иначе непонятно, почему существовал Третий рейх. Человеком он был довольно неприятным и властным. Сам он был из Австрии, как и Гитлер, точнее, из Каринтии, где в годы первой мировой войны происходили особенно ожесточенные столкновения между немцами и словенцами. Отсюда корни его национализма. Хотя в нацистской партии в Кенигсберге подозревали, что он был подозрительным попутчиком, а не преданным нацистом. На самом деле, когда речь идет о Третьем рейхе, я придерживаюсь правила, что не все так просто: кто-то был на самом деле убежденным нацистом, а другие, которых такими считают, были настроены критически. В России, наверное, так же со сталинизмом: трудно сказать, кто был сталинистом, а кто – нет. Впрочем, об этом мне судить трудно: я мало об этом знаю.

Возвращаясь к Конце, скажу, что он, как и Ибсен, социальный историк, и хотя он занимался эпохой Французской революции, он всегда смотрел на вещи широко, читая, например, лекции до времени национал-социализма. Центральное место у него занимала концепция индустриализации. Конце тоже был офицером; он бежал тяжело раненным из русского плена. Ранения были тяжелыми: у него была не в порядке кровеносная система, и он умер в 76 лет. Он знал, что бы сделали с ним русские, ведь он был офицером СС. Он занимался социальными аспектами аграрного законодательства в Литве и Белоруссии в XVI-XVIII вв., защитил докторскую диссертацию, и его книга об этом до сих пор является непревзойденной. Он указывал на отличия Литвы от Белоруссии в связи с различиями в праве наследования, в размерах земельных владений, в рационах питания, что вело к лучшему экономическому прогрессу в Литве. Он писал свой труд по источникам, выучив польский и русский; никто из социальных историков до него так не делал. Я говорил со многими поляками и русскими: книгу хорошо знают. Она немного коричневого цвета во вступлении, но это два-три предложения, то есть нельзя сказать, что она расистская по содержанию. Тем более что законодательство было привнесено из Фландрии, и даже позднее, когда в культурном плане верхний слой в Литве был полонизирован, аграрное законодательство сохранилось.

Что касается словаря исторических понятий, то здесь и концепция, и методы были моими; Конце не был в этих вопросах большим специалистом, в отличие от своего учителя Ипсена, который действительно занимался семантикой. Для словаря я написал сам или в соавторстве статьи о демократии, эмансипации, революции, прогрессе, государстве, народе, кризисе, суверенитете.

Я также должен выделить своего учителя Йохана Куна, от которого унаследовал интерес к языку и лингвистическим вопросам – он мой непосредственный научный руководитель. Моим преподавателем социологии был Альфред Вебер, брат Макса Вебера. Философию преподавали Ханс-Георг Гадамер и его друг Левит, он был евреем, бежавшим через Италию и Японию в Америку. Часть его знаменитой книги «Мировая история и события» (*Weltgeschichte und hailes Geschehen*) я перевел сам. Наконец, надо отметить Карла Шмитта; в национал-социалистские времена он был известным юристом, за это на него всегда нападали, но он никогда и не требовал своей реабилитации. Он был значительным теоретиком права, исходившим из того, что юридические понятия связаны с историей и политикой. Рассматривая политическое содержание юриспруденции, он принимал оппозицию «друг–враг» как базовую категорию. Это всегда критикуется, ведь «друг–враг» – идеологическая категория, и получается, что идеология определяет право. Но посмотрите на Чечню, или на Израиль, на Палестину. Разве там этого нет: «друг–враг»?

Левит, а не Конце, был под влиянием Броделя, он приглашал Броделя к нам в Гейдельберг, и я участвовал в дискуссии с ним, когда еще был ассистентом. Я помню, как сказал госпоже Бродель, что школа «Анналов», французская историография доводит историю «длительного времени» до Французской революции, а значит исключается поражение в войне с Германией, а революция рассматривается, так сказать, как конец долгой и славной французской истории. Это своего рода эскапизм. Это уводит от проблем современной истории. Госпожа Бродель сказала: «да, да, но только не говорите этого ему». Я этого никогда не забуду. Позднее мы общались с Броделем, приглашали друг друга; я заключал договор между Билефельдским университетом и Высшей Школой социальных наук. Сейчас в университете Билефельда французский почти упразднен как язык, он где-то в подвале, но это так, комментарий.

Говоря о более общих влияниях, я бы назвал Мартина Хайдеггера. Конечно, по политическим взглядам он был наци, но он останется одним из самых глубоких философов XX века. У Хайдеггера меня более всего интересовали его теории, связанные с категорией «время». Я, конечно, никогда не был марксистом, но

считал это учение важным в некоторых отношениях. Можно быть заинтересованным в идеях того или иного мыслителя, но это не значит быть целиком им подчиненным.

Позднее социальная история стала одним из главных направлений германской историографии, а одной из школ – сложившаяся в Билефельде социально-историческая школа, к которой относились, прежде всего, Кока и Велер. Велер критиковал меня за то, что в моей книге по Пруссии аспект классовой борьбы представлен недостаточно, но социальное движение и социальная мобильность представляли для меня огромный интерес. Я исследовал в той книге классовую борьбу, но делал это через анализ законодательства, права и системы административного управления. Велер же шел от марксизма. Он критиковал меня потому, что я рассматривал переход от сословий к классам не как классовую борьбу, ибо какая это классовая борьба, если аристократы и бюргеры были политически представлены как в консервативной, так и в реформаторской партии. Значит, реформы нельзя определять по классовой принадлежности, это была борьба против сословного строя. Есть признаки, что прусское общество становится классовым, то есть таким, где господствует доход, а не юридический статус, только перед 1848 г., в домартовский период. Вот такие были споры...

Наконец, я считаю важными 1953-55 гг., когда я был в Англии. Я был в Бристоле, сначала год студентом, а затем два года преподавателем. Правда, это имело значение не для исторической семантики, а для того, чтобы лучше понять различия между английской и немецкой университетской жизнью. Уровень университетского образования в Англии намного ниже немецкого, и там есть своя строгая иерархия. Для меня не было очевидно, что это образец западной демократической модели и по сравнению с Гейдельбергом. Гейдельберг был либеральным университетом, и для меня как для воспитанника гитлерюгенда и солдата было освобождением изучать то, что я хотел, никто за мной не следил, я мог делать, что хотел, читал рефераты, были хорошие дискуссии с профессорами. Так что в этом смысле различий не было, разве что уровень образования был в Бристоле ниже. Но это был провинциальный университет, другое дело Оксфорд и Кэмбридж; там уровень несравненно выше. Я давал уроки ученикам частной школы, готовившимся поступать туда, и их уровень был выше, чем у бристольских студентов. И в этом различие: иерархия в образовании в Англии была куда строже, чем в Германии. У нас по-другому: Гейдельберг – известный университет, но, например, Фрейбург или Тюбинген столь же хороши. Но вот в чем отличие – это в том, что касается социальной обстановки. В Англии, так ска-

зять, элекси́ром жизни студентов были их собственные союзы. У нас в Гейдельберге этого почти не было. Мы медленно вставали на ноги. Если ты шесть лет воевал, то не будешь фехтовать.

А.С.: Вы упомянули о языке и назвали важнейшей областью своих исследований историческую семантику. В какой мере Ваша концепция связана с так называемым лингвистическим поворотом, который иногда называют самым характерным признаком современной историографии?

Р.К.: О лингвистическом повороте заговорили в 1960-70-е гг., когда я уже давно занимался исторической семантикой. На самом деле внимание к слову, к тому контексту, в котором оно было произнесено, всегда было важнейшим в работе с историческим источником. Когда говорят о повороте к культурной истории, о лингвистическом повороте, я спрашиваю, в чем постановка вопроса. Все начинается с постановки вопроса, и никакого догматически установленного метода не существует, метод определяется в зависимости от постановки вопроса. Некоторые марксисты говорят, что история языка – это чистая идеология, но я не могу сказать, что это полностью так. В общем, язык – это самостоятельная область, и его надо воспринимать всерьез. Эта одна из немногих вещей, которую я принимаю у Сталина. Когда я лежал в плену в лазарете, я читал труды Сталина. Ужасно скучно, но теория языка интересная. Я не славист, не знаю, сам ли он это писал.

Лингвистический поворот пришел из Америки. Когда немецкие социальные историки внезапно узнали, что слово можно рассматривать исторически, то тоже стали за лингвистический поворот. Не знаю... Меня два десятилетия не воспринимали всерьез, но сейчас, если это идет из Америки, то это похвально. Вот так обстоит дело. Велер и Кока, после лингвистического поворота, изобретенного в Америке, занимаются культурной историей, это теперь допускается и в Билефельде, а я всю жизнь занимался историей языка, но говорили, что это неприемлемо, что это не социальная история.

А.С.: Позволю себе сформулировать вопрос в более общем виде. Какое значение историк должен придавать общим методологическим вопросам? Мнения здесь расходятся: от признания верховенства методологии до отказа видеть ее значение для историка-исследователя конкретной проблемы.

Р.К.: Конечно, любому исследователю присуща определенная методология, потому что алгоритм ответа на исторический вопрос – это уже методология, но это не значит, что историк непосредственно нуждается в теории для выражения своих идей. Нужно различать методологию и методы, и с точки зрения метода важнейшим

является знание, как поставить вопросы к источнику. В истории вы можете доказывать все, что угодно, потому что история – это такое же изобретение, как и то, которое делается в любой другой отрасли науки и знания. Однако есть одна преграда – это источник, это то, что я называю «нет-сила» источника. Ни при каких обстоятельствах нельзя доказать то, что источники отрицают. Хорошая история – это такая история, которая основана на сравнении между историей разных народов. История неизбежно затрагивает острые политические проблемы, то, что называют «взрывоопасными вопросами», она выясняет их происхождение и она призвана напоминать, что политика – это не выбор между хорошим и плохим, а выбор между плохим и плохим, между худшим и лучшим.

А.С.: *Встречается суждение, что Ваша теория концептов – один из влиятельных вариантов дискурсивного анализа, возникновение которого часто связывается с концепциями постмодернизма. О серьезном воздействии постмодернизма на современные исторические исследования говорится достаточно много. Что Вы думаете по этому поводу?*

Р.К.: Я не люблю этот термин и считаю, что лингвистически так говорить неправильно. Во всех моих работах присутствует оппозиция «древний–современный», но я достаточно много занимался исторической семантикой и вижу, что постмодернизм подразумевает оппозицию «современный–современный», т.е. претензию на то, что «я еще новее». Поэтому такая дефиниция выглядит странной, это только некий логический трюк. Другое дело, что соответствующие теории опровергают концепции линейного прогресса, представление, что общество находится в непрерывном процессе прогрессивного развития, и в этом смысле постмодернизм полезен. Но с другой стороны, я и так никогда не верил в линейный прогресс, его можно увидеть только в технике. Что касается способов деятельности, методов, то здесь все сложнее. Есть старые методы, которые могут быть полезны. Китайской медицине две тысячи лет, но она современная, и европейцы только постепенно учатся ее методам, и хоть ее часто не воспринимают всерьез, она бывает успешной. Итак, если понятие «постмодернизм» важно для самоопределения людей, то не обязательно принимать это всерьез; об этом можно спорить. Во всяком случае я слишком стар, чтобы учиться еще и этому.

Что касается моей концепции, то в ней важно понятие «времени седловины». Для Франции это, конечно, классический период при Людовике XIV, потом революция 1789 года; тогда тоже были большие изменения. В Англии – это Гражданская война, которая,

правда, была безуспешной во многих отношениях, но многое принципиально изменила. В Англии почти нет крестьян, по словам Маркса, была создана резервная армия труда. Это особая проблема для Англии, позволяющая перенести «время седловины» в XVII – начало XVIII в. В Италии «время седловины» наступило раньше, это эпоха Возрождения, великое время Флоренции и Рима, искусства, ремесла и банковской системы, ведущих в Европе. Сложно определить точное «время седловины» для России. Можно с оговоркой говорить о Петре Великом, но он не все смог осуществить, потом, вероятно, Екатерина Великая. Что касается большевистской революции, конечно, осуществлено было многое, но можно видеть, что аграрное производство с индустриализацией практически обрушилось. При Сталине индустриализация и тяжелая промышленность были объявлены смыслом истории. Невероятно, что страна, бывшая до первой мировой войны экспортером, еще при Горбачеве была вынуждена ввозить зерно из Канады. Это безумие, когда столько земли. Все это значит только, что «время седловины» нельзя видеть где угодно; нужно исследовать факторы и условия.

А.С.: Сейчас, когда в России много говорится о свободе творчества историков, об отсутствии запретных тем, хотелось бы знать Ваше мнение: есть ли запретные темы в западной историографии. У этого вопроса есть не только политический аспект. В последние десятилетия западные историки много сделали для изучения проблем, в исследовании которых многие у нас по-прежнему видят нечто маргинальное, например, история сексуальности в разных ее аспектах.

Р.К.: Конечно, никаких формальных ограничений на рассмотрение того или иного вопроса не существует, любой вправе изучать интересующую его проблему. Что касается сексуальности и других вопросов такого рода, то никакого предубеждения здесь нет. Это один из аспектов культуры, а история культуры явилась одной из динамично развивающихся областей историографии. В отношении другого аспекта я бы выразился более осторожно: понятие политической корректности существует. Многие историки предпочтут не только не обострять, но и «обойти» такие проблемы, которые могут ухудшить отношения между, например, государствами Европейского Союза, скажем Германии с Францией в связи с Эльзасом, или с Польшей в связи Познанью. Есть и другая сторона. Она касается преодоления последствий фашизма и второй мировой войны. Германия признала свою вину перед евреями и проводит соответствующую политику. Однако, кроме евреев, были и другие категории пострадавших, например, цыгане или

гомосексуалисты. Когда я выступал в полемике против памятников Холокосту, то не потому, что я призываю забыть об убийствах евреев, а потому, что память о евреях становится привилегированной и возникает иерархия жертв. Получается, что еврейские жертвы особые. Но смерть – это всегда смерть, и у нас умерло с голоду три с половиной миллиона русских военнопленных. Они были практически убиты, это 60 % всех русских пленных. Но о них не вспоминают. Я всегда говорил, что если немецкая нация поставляла убийц, то обо всех жертвах надо вспоминать на паритетных началах, а не вспоминать только о евреях. Но я ничего не добился. Какие ссоры у меня были с Вайцзеккером, Кодем, меня исключили из комиссии бундесрата, так как я требовал, чтобы вспоминали всех. Нет, было политически правильно вспоминать только евреев; это давление Израиля и Америки, остальных откладывают в долгий ящик. И мне это противно, так как если называть СС убийцами, то как можно пользоваться их классификацией: евреи, гомосексуалисты, уголовники, цыгане, русские, поляки, итальянцы, французы – ведь это критерии концлагеря, но ведь они принимаются, то есть память стилизуется согласно критериям СС. Политкорректность – это ничто иное, как трусость. Можно сказать, что это давление системы. И люди капитулируют. И Шредер тоже, об этом говорит его речь в Варшаве. Кто бы ни начал войну, сначала Гитлер, потом Сталин, но ведь только в Восточной Европе было 12 миллионов беженцев, из которых 2 миллиона погибло.

Сколько миллионов беженцев погибло, в том числе немецких, и вспоминать о своих погибших требует хотя бы минимум приличия, кто бы ни начал войну, потому что смерть – всегда смерть. В Билефельде был памятник погибшим в войне 1870-71 гг.; в 1960-х гг. СДПГ разрушила его, но еще сохранялась Ника с крыльями на высокой колонне, самих германцев внизу убрали, но Ника была. Теперь убрали и ее, потому что памятник милитаристский. Интересно, что в Билефельде нет памятника солдатам, погибшим в первой мировой войне. Был спор между СДПГ и консерваторами. На частные средства поставили памятник на горе Йоханнесберг. Скульптуру обезглавили, потом отбили руку, приделали новую голову и новую руку и снова отбили. Была составлена книга погибших во второй мировой войне солдат из Билефельда, примерно три тысячи имен. Ее можно было полистать, вспомнить людей в минуту гибели. Нет теперь ее, выкрали из церкви в Старом городе. Такое отношение к собственным убитым, я считаю отвратительным, но типичным для немецкого общества сегодня. Мол, все это были преступления, не хочу об этом вспоминать, мне все равно. Если бы в этих примерах книга или памятник были посвящены памяти евре-

ев, «Нью-Йорк Таймс» кричала бы. Все газеты мира набросились бы. Это значит, что у немцев нет чувства собственного достоинства. Я не говорю, что немцы невиновны, но, признавая собственную вину, нельзя предавать своих мертвецов⁷.

Вообще, одна из лучших работ, которую я знаю о памятниках, это работа моей ученицы Сабины Арнольд о памятниках Сталинграда. Она использовала методы устной истории, изучила политическую эстетику памятников, а также имеющиеся по этому поводу письменные материалы, речи, например. Ее тезис в том, что это была идеологическая программа, предполагавшая создание культа погибших, при Сталине этого еще не было, она началась при Хрущеве. Ее смысл состоял в подьеме трудового героизма: вспоминая погибших, работай лучше. Такой подход многим в России может не нравиться, но функционализация воспоминаний происходит всегда. Сабина пробыла в России, я думаю, восемь лет и многое открыла в архивах, например, переписку солдат Сталинграда, ее потом использовали и другие. Кроме того, она помогла многим бывшим солдатам, с которыми познакомилась, например, протезами и медикаментами. Еще она нашла страшную историю о любви немецкого капитана и еврейки из Франкфурта, которые встретились в Минске, в гетто. Чтобы спасти ее от гибели, он посадил в грузовик 20 евреек и заставил водителя, угрожая пистолетом, выехать в партизанский район. Что случилось, когда они попали к русским? Он попал на Лубянку и бесследно исчез; ее депортировали на поселение в Восточную Сибирь, потом она оказалась в Ростове-на-Дону. Сабина нашла эту старую женщину там, у нее были дети и внуки, и сделала об этом очень впечатляющий фильм⁸.

А.С.: *Что вы можете сказать о своей деятельности по постановке исторического образования в университете Билефельда?*

Р.К.: Я участвовал в работе Учредительного комитета по созданию университета и был, так сказать, учредительным дека-

⁷ Проф. Козеллек указал на свои статьи, в которых затрагивается проблема памятников: *Koselleck R. Zur politischen Ikonologie des gewaltsamen Todes: Ein deutsch-französischer Vergleich // Gedenken im Zwiespalt. Konfliktlinien europäischen Erinnerns; Kozelleck R. Formen und Traditionen des negativen Gedächtnisses // Verbrechen erinnern. Die Auseinandersetzung mit Holocaust und Völkermord / Herausgegeben von V. Knigge und N. Frei.*

⁸ Речь идет о книге: *Arnold, Sabine R. Stalingrad im sowjetischen Gedächtnis: Kriegserinnerung und Geschichtsbild im totalitären Staat. Bohum, 1998.*

ном. Вводный курс был своего рода семинаром; намерение было такое, чтобы сделать введение обо всех эпохах одновременно, чтобы специалисты по древности, средневековью, новому времени сотрудничали в нем. К сожалению, в полной мере осуществить такой универсально-исторический подход не удалось: то не было специалистов по древнему миру, то кто-то хотел заниматься только собственными делами. Я не был первым директором Центра междисциплинарных исследований, но, заняв эту должность, изменил его устав, добившись принципа коллегиальности и ротации. Сейчас устав другой, но я думаю, что тогда это было новацией.

А.С.: Огромное спасибо, профессор Козеллек, за Ваш интересный рассказ.

Декабрь 2003 г., июнь 2004 г.

ПУБЛИКАЦИИ

М.С. Неклюдова

АНТУАН ВАРИЙАС, “ПИСАТЕЛЬ АНЕКДОТОВ”

В Словаре Фюретьера (1690), где впервые отмечено существование во французском языке слова “анекдот” («термин, используемый некоторыми историками для обозначения истории тайных или скрытых деяний властителей...»¹), в качестве прецедента указаны «Флорентийские анекдоты, или Тайная история дома Медичи» (1685) Антуана Варийаса. К моменту выхода Словаря других прецедентов, собственно, и не было. Варийас первым ввел это понятие в литературную практику эпохи. Однако в 1727 г. продолжатели Фюретьера нашли необходимым добавить к первоначальному тексту следующее замечание: «Варийас составил “Анекдоты, или Тайную историю дома Медичи”. Однако название выбрано неудачно: это отнюдь не анекдоты»². Менее чем за сорок лет сочинение Варийаса утратило образцовый характер, судя по всему, лишь в силу инерции сохранив место в словарной статье. Это видно и по соответствующим статьям Словаря Академии. В первом его издании 1694 г. «Флорентийские анекдоты» Варийаса фигурируют среди примеров словоупотребления (название книги при

¹ Furetière A. Dictionnaire Universel, Contenant généralement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts. T. 1. Rotterdam, 1690 (статья *Anecdotes*). На протяжении XVII века термин употреблялся только во множественном числе. См.: Hadjadj D. L'anecdote au péril des dictionnaires // L'Anecdote: Actes du Colloque de Clermont-Ferrand (1988). Clermont-Ferrand: Faculté des Lettres et Sciences humaines de l'Université Blaise-Pascal, 1990. Все дальнейшие упоминания в тексте статьи “анекдота” в единственном числе следует считать уступкой стилистической целесообразности.

² Furetière A. Dictionnaire universel, Contenant généralement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts. Par Mre. Antoine Furetière, Ensuite corrigé et augmenté Par M. Basnage de Beauval; et en cette nouvelle édition, Revû, corrigé et considerablement augmenté Par M. Brutel de la Riviere. T. 1. La Haye, 1727 (статья *Anecdotes*).

этом передано неправильно как «Анекдоты Австрийского дома»³), а во втором, появившемся в 1718 г., их уже нет. С одной стороны, изменилось представление об анекдоте, с другой, Варийас и его сочинение лишились былого ореола. Между тем «Флорентийские анекдоты» примечательны не только как один из первых случаев использования слова "анекдот" во французском языке, но и как попытка разработать теорию одноименного исторического жанра.

Обращение Антуана Варийаса к идее истории-"анекдота" нельзя назвать случайным. Как он сам подтверждает в предисловии к «Флорентийским анекдотам», образцом для него послужила «Тайная история» (ок. 560 г.) Прокопия Кесарийского. Это сочинение византийского историка, долгое время известное лишь по названию⁴, в начале XVII в. было найдено, переведено на латынь и опубликовано хранителем библиотеки Ватикана Никколо Алеманни. На титульном листе первого лионского издания 1623 г. значилось: «ANEKΔΟΤΑ. Arcana Historia»⁵, т.е. и греческое название, и его латинский перевод (который, заметим в скобках, многие латинисты сочли неверным). Публикация эта вызвала бурные дискуссии среди ученых и приобрела скандальную известность⁶, не в последнюю очередь благодаря откровенным признаниям Прокопия в недобросовестности⁷. Как писал в своем труде «О малой надежности истории» (1668) Ламот Ле Вайе:

³ Dictionnaire de l'Académie française dédié au Roy. T. 1. Paris, 1694. (статья "Anecdotes"). Не исключено, что эта контаминация названий двух книг историка, – не столько небрежность, сколько знак пренебрежения. Его имя также отсутствует в статье «анекдоты» Словаря Тома Корнеля (*Cornell T. Le dictionnaire des arts et des sciences. Par M.D.C. de l'Académie française. Paris, 1694. P.35*). Варийас, отличавшийся неуживчивым нравом, вполне мог быть в ссоре с академиками.

⁴ В данном случае для нас не имеет значения, был ли титул ANEKΔΟΤΑ авторским названием, или техническим обозначением статуса сочинения Прокопия.

⁵ Procopii Cæsariensis V.I. ANEKΔΟΤΑ. Arcana Historia, Qui est liber nonus Historiarum. Ex Bibliotheca Vaticana Nicolaus Alemannus protulit, Latinè reddidit, Notis illustravit. Lugduni, 1623.

⁶ О политических импликациях этих споров см.: *Mazzarino S. The End of the Ancient World. Trans. by George Holmes. Westport, Conn., 1976. P. 102-105.*

⁷ "...я был вынужден скрывать причины и многих из тех событий, которые были изображены мной в прежнем повествовании. Поэтому я считаю своим долгом рассказать в этой книге о том, что доселе не было сказано, и раскрыть причины уже описанного мной" (*Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Изд. второе, испр. и доп. СПб., 1998. С. 261; далее: Прокопий*).

«Следует признать, что если Прокопий действительно был автором публикуемых под его именем Анекдотов, в чем многие не сомневаются⁸, то его следует считать одним из величайших обманщиков, когда-либо бравшихся за перо, чтобы поведать потомкам о событиях своего времени. В начале первой книги Войны с персами он, как и все, уверяет, что ничего не писал из пристрастия, и не пожертвовал предрассудком истины ради кого-либо из друзей, признавая, что красноречие есть предмет риторики, вымысел – поэзии, а истина – истории⁹. Однако после того как во всех его исторических трудах император Юстиниан был представлен великим правителем, а его супруга императрица Феодора – особой, в высшей степени достойной своего положения, в Анекдотах он выставлен порочнейшим из людей, а она – женщиной столь позорного рождения и нравов, что об этом невозможно читать без отвращения, не оскорбляя стыдливости добродетельного читателя»¹⁰.

Таким образом, случай Прокопия оказывался еще одним доводом в пользу исторического скептицизма – или, если пользоваться словарем эпохи, пирронизма, – и без того пользовавшегося немалым влиянием. Ни Ламот Ла Вайе, ни кто-либо из его современников не увидели в «Тайной истории» модель нового исторического жанра. В основном они характеризовали ее как сатиру, а термин «анекдот» считали обозначением способа существования текста. Согласно все тому же Ламот Ле Вайе, «название «Анекдоты» указывает на то, что это тайный труд, который автор не хотел предавать огласке»¹¹. Когда в 1669 г. крамольное сочинение Прокопия было опубликовано по-французски, то переводчик назвал его *Histoire secrète* (т.е. «Тайная история»), сделав кальку с латинского названия *Arcana Historia*. По этому же пути в 1674 г. пошли английские переводчики: в их передаче «АНЕКДОТА» стала «The Secret History of the Court of the Emperor Justinian» (т.е. «Тайная ис-

⁸ В исторической критике эпохи были попытки оправдать Прокопия, доказав, что «Тайная история» ему приписывается безосновательно. Сам Ламот Ле Вайе пытался обосновать эту точку зрения в своей более ранней работе «Суждение об основных древних греческих и римских историках, чьи произведения до нас дошли» (1646). См.: *La Mothe le Vayer F. de. Œuvres. Nouvelle Edition revue et augmentée*. Т. 4. Partie 2. Dresde, 1756. P. 166.

⁹ Дословная цитата из «Войны с персами» (Прокопий пишет о себе в третьем лице): «Он [Прокопий] убежден, что риторике подобаает красноречие, поэзии – вымысел, истории – истина. Поэтому он ничего не скрыл из дурных поступков даже тех, кто был ему особенно близок, но тщательно описал все так, как происходило, независимо от того, хорошо ли им случалось поступать или нет» (Прокопий. С. 9).

¹⁰ *La Mothe le Vayer F. de*. Т. 5. Partie 2. P. 460-461.

¹¹ *La Mothe le Vayer F. de*. Т. 4. Partie 2. P. 148.

тория двора императора Юстиниана»)¹². Иными словами, вплоть до появления книги Варийаса “анекдот” воспринимался как мало-понятное и нуждающееся в переводе название единственного произведения – «Тайной истории» Прокопия.

В первых строках своей книги Варийас ссылается на выпущенное Королевской типографией новейшее – на тот момент – издание «Тайной истории». О том, что стоит за этой ссылкой, речь пойдет ниже. Однако не вызывает сомнения, что сочинение византийского историка было ему известно задолго до этого, либо по уже упомянутому лионскому, либо по хельм-шtedтскому изданию¹³. Когда в 1639 г. Антуан Варийас (род. в 1620 г.), уроженец провинции Марш, приезжает в Париж, он попадает в круг, близкий к гуманистам Жаку и Пьеру Дюпюи, известным знатокам “древностей” и обладателям прекрасной библиотеки (с которыми, заметим, был дружен и Ламот Ле Вайе). У них, конечно, не только имелось лионское издание Прокопия, но, как показывает их переписка с другим влиятельным антиквариером Николая-Клодом Фабри Пейреском, они были в курсе сопровождавших его дискуссий¹⁴. Варийасу доводилось присутствовать на заседаниях “академии” братьев Дюпюи, в тот момент объединявшей такие значительные фигуры как политический мыслитель и библиограф Габриель Ноде, переводчик Перро д’Абланкур, историк Мезере, и многие другие¹⁵. В 1645 г. братья Дюпюи становятся хранителями Королевской библиотеки, благодаря чему Варийас в 1648 г. занимает место помощника библиотечаря. Одновременно ему удается получить должность историографа Гастона Орлеанского, дяди юного короля Людовика XIV. Таким образом, Варийасу был открыт доступ сразу к двум значительным коллекциям печатных книг и манускриптов.

¹² Франц. перевод Леонора де Може см. в изд.: *Cœuvres de Procope de Cesarée*. Paris, 1669. Английский перевод вышел анонимно: *The Secret History of the Court of the Emperor Justinian. Written by Procopius of Cesarea; Faithfully rendered into English*. London, 1674. Это же издание позднее было выпущено под новым титулом (см. ниже примеч. 54).

¹³ ANEKΛOTA sev Historia Arcana Procopii Cœariensis Nicolao Alemanno Defensore Primùm ex Biblioth. Vaticana prolata nunc Plerisque in locis συχρδουων testimoniis falsitatis convicta à Joanne Eichelio Franco Prof. Helmst. gemino indice locupletato. Helmstadi, 1654. В это издание, помимо перевода Алеманни, включены два трактата, полемизирующие с «Тайной историей».

¹⁴ См.: *Peiresc N.-C. F. Lettres de Peiresc aux frères Dupuy, publiées par Philippe Tamizey de Larroque*. T. I. Décembre 1617 – décembre 1628. Paris, 1888. P. 213, 282.

¹⁵ Об этом крyre см.: *Pintard R. Le libertinage érudit dans la première moitié du XVIIe siècle*. Genève-Paris, 1983.

Случайно или нет, что его карьерный взлет пришелся на период политической нестабильности (начало Фронды), сказать трудно; но, безусловно, обязан он им был своим старшим коллегам.

Можно предположить, что пока были живы братья Дююи (Пьер умер в 1651 г., Жак – в 1656 г.), Варийас оставался в их тени и в большей мере делал ставку на свое положение при дворе Гастона Орлеанского, тем более что события Фронды могли привести того к власти. По свидетельствам некоторых современников¹⁶, его первый труд – «Политика Австрийского дома», – вышедший в свет в 1658 г., был напрямую заказан Гастоном. Для этого, как утверждал сам Варийас¹⁷, по желанию герцога ему был обеспечен доступ к коллекции манускриптов маркиза де Бетюна, брата герцога де Сюлли, сподвижника Генриха IV, которая позднее стала частью Королевской библиотеки. По вполне понятным причинам Варийас смог пользоваться этой привилегией лишь до 1652 г., т.е. до окончания Фронды, повлекшей опалу Гастона, который получил повеление удалиться в свои земли.

За ограниченностью биографических сведений¹⁸, есть соблазн попытаться увидеть в исторических концепциях Варийаса следы событий Фронды. Его симпатии к той или иной партии неизвестны, хотя его дальнейшая карьера (после смерти Гастона Орлеанского в 1660 г. он получает место “советника и ординарного историографа Его Величества”) показывает, что с точки зрения королевского двора он не был замешан ни в чем предосудительном. Однако его исторические труды будут созвучны именно поколению Фронды: принц де Конде читал его сочинения и хвалил их за отсутствие педантизма¹⁹. А когда он работал над «Историей Карла IX» (вышедшей в свет в 1683 г.), то мог проконсультироваться по вопросам военного искусства у двух великих полководцев, принца де Конде и маршала де Тюренна, – конечно, не напрямую, но через племянника первого, которому давал уроки

¹⁶ См. письмо Ги Патена, приведенное в изд.: *Uomini S. Cultures historiques dans la France du XVIIe siècle*. Paris, 1998. P. 364 (далее: *Uomini*).

¹⁷ См.: *Varillas A. Histoire de Louis XI*. Paris, 1689. T. 1. (Предупреждение, без пагинации).

¹⁸ Очерк биографии Варийаса см. в ст.: *Mansau A. Monsieur de Varillas, historien “de la Marche en Limoges”// Le Limousin au XVIIe siècle: Littérature, Histoire, Histoire religieuse*. Limoges, 1979). P. 101-110. Материалы к биографии историка также содержатся в кн.: *Uomini*. P. 359-402. Самым богатым источником сведений о жизни и взглядах Варийаса остается составленная после его смерти “Варийасиана” (*Boscheron Ch. Varillasiana ou ce que l’on a entendu dire à M. Varillas, historiographe de France*. Amsterdam, 1734).

¹⁹ *Boscheron Ch. Varillasiana...* P. xxiii.

истории²⁰. По всей видимости, пребывание при дворе Гастона Орлеанского сделало его известным и другим фрондировавшим вельможам, и он продолжал пользоваться их благорасположением и в более поздние времена. Не случайно Ги Патен в письме от 1659 г. именует его, к недоумению современного исследователя, "ученым придворным" (*un savant courtisan*), что предполагает наличие хотя бы относительной доли светскости²¹.

Этот скромный опыт придворной жизни и наблюдения за интригами Фронды могли обусловить направление его исторических изысканий. Для участников тех событий актуальной исторической параллелью была эпоха Лиги, и происходящее во многом оценивалось ими по принципу сходства/отличия или желательности/нежелательности повторения тех трагических лет²². Не исключено, что пристальный интерес Варийаса к последним королям династии Валуа следует рассматривать именно в русле этой исторической идентификации. Кроме того, в силу некоторых особенностей – яростной борьбы партий, постоянной смены союзников, бесчисленных тайных и явных переговоров, столкновений очевидных и скрытых интересов, – Фронда вывела на первый план концепцию "малых причин", согласно которой исток исторических событий следует искать в незначительных происшествиях и в особенностях характеров их участников. Об этом свидетельствуют взгляды многих современников Варийаса: достаточно вспомнить размышление Паскаля о носе Клеопатры («Если бы нос Клеопатры был покороче, лик земли был бы иным»²³), или максимум герцога де Ларошфуко, одного из героев Фронды: «...подвиги, которые политики изображают следствием великих замыслов, обыкновенно зависят от свойств характера и страстей»²⁴. Сходные мысли развивают мемуары его

²⁰ Ibid., P. 13-16. Поскольку племянник Конде герцог де Лонгвиль (сын герцогини де Лонгвиль и герцога де Ларошфуко, автора «Максим») погиб в 1672 г., а Конде вернулся во Францию в 1660 г., то этот эпизод, скорее всего, имел место в 1660-е гг. Тем более что Варийас именует герцога де Лонгвиль графом де Сен-Поль – именем, которое тот носил до смерти предшествующего герцога де Лонгвиль в 1663 г., т.е. до 14-ти лет: в этом возрасте он вполне мог брать уроки у Варийаса.

²¹ См.: *Uomini*. P. 364. Недоумение С. Уомини понятно, так как большую часть жизни Варийас прожил затворником в одной из монастырских общин Парижа.

²² Подобное сопоставление/противопоставление можно найти у многих мемуаристов Фронды. К примеру, см.: *Рец, кардинал де*. Мемуары. М., 1997. С. 80, 101, 147.

²³ Паскаль Б. Мысли. М., 1996. С. 184.

²⁴ Ларошфуко Ф. де. Максимумы // Максимумы / Ф. де Ларошфуко. Характеры, или Нравы нынешнего века / Ж. де Лабрюйер. Избранные беседы /

политического соперника – кардинала де Реца, которого Варийас мог видеть у братьев Дююи и, несомненно, должен был встречать при дворе Гастона Орлеанского (о котором Рец, анатомируя его характер, писал: «Поработив его душу орудием страха и его разум орудием нерешительности, малодушие запятнало все течение его жизни»²⁵). Несоответствие между причиной и следствием, оппозиция видимого и скрытого от взгляда – один из философских лейтмотивов эпохи. Оригинальность Варийаса не только в том, что он сделал ее принципом организации исторического повествования, но в том, что он дал ей имя и, тем самым, обеспечил генеалогией, сделав возможным дальнейшее развитие жанра.

Итак, для Варийаса конец Фронды и опала Гастона Орлеанского должны были увеличить ценность другой его должности – помощника библиотекаря Королевской библиотеки, тем более что вскоре там произошли важные перемены: в 1656 г. хранителем библиотеки стал Никола Кольбер, брат Жана-Батиста Кольбера, будущего могущественного министра Людовика XIV. Никола Кольбер не был знаком с коллекцией так, как братья Дююи, которые принимали участие в составлении ее первого каталога: это могло способствовать продвижению Варийаса и закрепить за ним репутацию человека знающего и необходимого. Судя по письмам Никола Кольбера брату, он вполне полагался на знания и добросовестность Варийаса²⁶. Как можно предположить, в 1660 г. Варийас получил должность королевского историографа не без ходатайства Никола Кольбера. В 1661 г. умирает кардинал Мазарини и карьера Кольберов делает новый скачок: Жан-Батист становится интендантом финансов, а Никола – епископом Люсонским, что, скорей всего, отдалило его от исполнения обязанностей хранителя Королевской библиотеки (хотя бы в силу необходимости проводить значительную часть времени в своей епархии). С этого времени Королевская библиотека фактически переходит в ведение Жана-Батиста Кольбера и делается частью общего плана его культурной политики. Для библиотеки это в первую очередь означало пополнение фондов (в 1661-1663 гг. были приобретены коллекции Бриенна, Бетюна и Трише Дюфрена), а для Варийаса – новые возможности и новую работу.

Ш. де Сен-Дени де Сент-Эвремон. Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы / Л. де Клапье де Вовенарг. Максимы и мысли / С. Шамфор. М., 2004. С. 25.

²⁵ Рец, кардинал де. Указю соч. С. 119.

²⁶ Эти и некоторые другие архивные документы были опубликованы С. Уomini в приложении к его труду: *Uomini*. P. 610-611.

Рукописная коллекция Бриенна поступила в Королевскую библиотеку после смерти Мазарини, хотя была приобретена для нее еще кардиналом Ришелье²⁷. В нее входили документы, собранные Николя Лефером, наставником Людовика XIII, материалы из коллекций президента де Ту и братьев Дююи, редкие рукописи из собрания Пейреска, а также огромная коллекция манускриптов, принадлежавшая министру Антуану де Ломени; всего 358 томов. Варийасу была доверена сверка хранившихся в Королевской библиотеке оригиналов документов с их копиями из коллекции Бриенна, а в качестве помощника к нему был приставлен будущий романист Цезарь де Сен-Реаль. Судя по дальнейшему развитию событий, оба занимались не столько сверкой, сколько сбором материалов для собственных нужд: Варийас – для «Флорентийских анекдотов», а Сен-Реаль – для исторического романа «Дон Карлос» (1672), благо значительная часть доверенных им документов относилась к XVI столетию. Их замыслы оказались в некотором роде симметричны: Италия Варийаса, так же как Испания Сен-Реаля, представляла собой пространство актуальной французской политики; в первом случае в качестве героини была избрана будущая французская королева (Екатерина Медичи, хотя на самом деле до нее повествование не доходит), в другом – французская принцесса Елизавета (Изабелла), дочь Генриха II и Екатерины Медичи. В дальнейшем Варийас неоднократно сетовал на пропажу своих рукописей, якобы похищенных человеком к нему близким²⁸. Поскольку метил он, без сомнения, в Сен-Реаля, не исключено, что тот осуществил часть замыслов старшего коллеги, рассчитывавшего в рамках работы над историей Валуа добраться и до тайны смерти Елизаветы Французской.

Если полагаться на свидетельства самого Варийаса, то замысел истории Медичи был непосредственно связан с распоряжением Кольбера выделить документы, касающиеся дома Медичи, в отдельную категорию. Как он писал Николя Кольберу 19 октября 1663 г.:

«По вашему приказанию я сделал все необходимые выписки для написания тайной истории дома Медичи, и почти завершил две первые книги. Я начинаю там, где остановился Макиавелли²⁹, и не повторяю ничего из того, что уже было опубликовано. Труд чрезвычайно любо-

²⁷ Ее историю см. в кн.: *Franklin A. Les anciennes bibliothèques de Paris. Eglises, monastères, collèges, séminaires, institutions, fondations, hôpitaux, des origines au Moyen Âge jusqu'au XIX siècle.* 3 vol. Amsterdam, 1968. Т. 2. P. 170-171.

²⁸ *Uomini*. P. 374.

²⁹ Подразумевается «История Флоренции» (1525) Макиавелли.

пытный, в чем Вы сами убедитесь, монсеньор, если пожелаете, чтобы я сделал для Вас список первой книги³⁰».

Однако это письмо написано после отстранения Варийаса от работы в Королевской библиотеке и его нельзя принимать за чистую монету. Правомерно предположить, что его труд должен был ограничиться подбором документов и выписками. Что касается идеи "тайной истории", то она могла оформиться под воздействием ряда обстоятельств: выхода нового издания Прокопия, характера самой работы (подборка документов, скорей всего, проводилась для дипломатических нужд), а также воспринятого от круга Дюпюи идеала "тайного" знания, доступного для посвященных.

Непонятно, на что рассчитывал Варийас, предлагая Кольберу свою "тайную историю", тем более что нам до конца не ясны причины его последующей отставки. Она могла быть вызвана его неуживчивостью: примерно в этот же период он поссорился с историком Мезере, членом и постоянным секретарем Французской Академии³¹, несомненно имевшим научный вес и влияние. Другой вероятный повод – на его место хотели назначить кого-то другого, а именно ученого библиографа Пьера де Каркави, до того бывшего хранителем личной библиотеки Кольбера. Но, помимо всего прочего, очевидно, что Варийасу не удалось приспособиться к новому положению вещей. Его тактика в принципе была верной: с одной стороны, он пытался доказать собственную полезность как знатока редких документов (и, что важно, представляющего, где их можно найти), а с другой – предстать в качестве автора, способного заинтересовать своими сочинениями не только узкопрофессиональную, но и широкую публику³². Однако выбор темы и тем более ее оформление в виде "тайной истории" были, с точки зрения покровительства Кольбера, неудачны, поскольку на повестке дня стояло прославление правящего монарха. Несколько позже (в 1670 г.) Поль Пелиссон-Фонтанье, тогда узник Бастилии, кровно заинтересованный в том, чтобы привлечь к себе внимание вышестоящих, напишет в своем проекте «Истории Людовика XIV»:

«Всё должно восхвалять короля, но при этом, если можно так выразиться, восхвалять без похвал, простым изложением его дел, слов и мыслей, без очевидной пристрастности, но стараясь, чтобы повество-

³⁰ Там же. P. 610-611

³¹ *Boscheron Ch. Varillasiana*. P. xliii.

³² О взаимоотношениях государства и историков во Франции второй половины XVII столетия. см.: *Ranum O. Artisans of Glory: Writers and Historical Thought in Seventeenth-Century France*. Chapel Hill, 1980. О падении престижа "антикварных" изысканий и ориентации на "читабельную" историю см.: Там же. P. 52 (и далее).

вание было живым, остроумным, возвышенным, а в выражениях не сбивалось на панегирик³³».

Варийас же, с одной стороны, был слишком привержен «антикварной» истории, ставившей себе целью аккумуляцию «любопытных» документов, а с другой – методам психологического (т.е. для того времени – морального) анализа. И для него обе эти линии сошлись в понятии «анекдот».

Судя по приведенному выше письму Николя Кольберу, вчерне «Флорентийские анекдоты» были готовы уже в 1663 г. Не слишком хорошо ощущая идеологическую конъюнктуру, Варийас, как с удивлением признавали современники (в частности, такой знаток как Менаж³⁴), прекрасно улавливал вкус читательской аудитории. Публикация в 1662-63 гг. двухтомного собрания сочинений Прокопия³⁵ в так называемой «Луврской византийской серии», основанной отцом Лаббе и покровительствуемой Кольбером, могла стать достаточным «информационным поводом» для пробуждения интереса к прочим «тайным историям», если таковые появятся. К тому же составитель сборника и переводчик большей части вошедших туда трудов иезуит Клод Мальтре нашел необходимым извиниться перед читателем за включение «Тайной истории», тем самым подчеркнув ее скандальный характер³⁶. Кроме того, Варийас мог надеяться, что статус латинского издания, осененного покровительством Кольбера и отпечатанного в Королевской типографии, в какой-то степени легитимизирует его собственный труд: это объяснило бы упоминание в первых строках «Флорентийских анекдотов» не просто имени и сочинения Прокопия, а его конкретного издания. Однако маневр не удался, и тайная история Медичи увидела свет более чем через двадцать лет после ее написания.

Запоздалое появление печатного издания «Флорентийских анекдотов, или Тайной истории дома Медичи» не означало, что они не были известны современникам. Несмотря на все возросший объем печатной продукции, циркуляция манускриптов оставалась естественным способом публикации ученых трудов. Как отмечает современный исследователь, сохранилось несколько

³³ Цит. по: *Marin L. Le portrait du roi*. Paris, 1981. P.50. Также см. об этом проекте: *Ranum O. Artisans of Glory*. P. 246-277.

³⁴ См.: *Ménagiana ou Bon mots, rencontres agreables, pensées judicieuses, et observations curieuses de M. Ménage de l'Académie Française*. Amsterdam, 1693. P. 273.

³⁵ *Operum Procopii Cæsariensis*. Parisiis, 1663.

³⁶ См.: *La Brasca F. "La profession d'être sincère" ou Antoine Varillas, un paparazzo du Grand Siècle // Varillas A. Vie secrète de Laurent de Médicis*. Paris, 1998. P. 163-164.

списков «Флорентийских анекдотов»³⁷, что свидетельствует о довольно широком их распространении (конечно, в пределах Парижа). В 1670 г. анонимный автор рукописной хроники «Собрание всяких разностей» писал: «История Флоренции Варийаса увидит свет тогда, когда его уже не будет на свете»³⁸. Однако в 1685 г., в год отмены Нантского эдикта, «Флорентийские анекдоты» были напечатаны в Голландии³⁹. Попали ли они в Гаагу с ведома автора, или же в руках издателя оказался случайный список, — сказать трудно. Варийас всегда придерживался второй версии⁴⁰, что, впрочем, ничего не доказывает, поскольку авторы, как правило, отрицали свою причастность к голландским изданиям. Весомым аргументом в пользу его искренности остается большое количество ошибок в написании имен, которых не должно было быть при наличии у издателя авторской рукописи⁴¹.

Эта публикация принесла Варийасу успех, но, если это действительно было пиратское издание, успех разорительный, лишивший автора даже гипотетической возможности продать свой труд. Для Варийаса это, скорей всего, был чувствительный удар, поскольку, как отмечал в 1685 г. благожелательный современник, «это человек, отмеченный обычным недостатком ученых, он страшно беден»⁴². Тем более, что критики, в том числе и во Франции, приняли «Флорентийские анекдоты» в высшей степени благосклонно. Так, «Жур-

³⁷ А именно, по меньшей мере четыре: *Uomini*. P. 405.

³⁸ *Lesaulnier J.* Port-Royal insolite. Édition critique du *Recueil des choses diverses*. Paris: Klincksieck, 1992. P. 190.

³⁹ *Varillas A.* Les Anecdotes de Florence, ou l'Histoire secrete de la Maison de Medicis. Par le Sieur de Varillas. La Haye: chez Arnout Leers, 1685.

⁴⁰ В предисловии к «Истории Людовика XI» сказано: «Я доверил около трети своих Анекдотов (так!) человеку, которого считал своим лучшим другом, и который на протяжении 30 лет давал тому доказательства, которые мне казались несомненными. Однако он нарушил верность и передал доверенные ему бумаги людям, которые переправили их в Голландию, где они были опубликованы с таким количеством ошибок, что меня поражает что у кого-то хватает терпения их читать в подобном виде». *Varillas A.* Histoire de Louis XI (Предупреждение, без пагинации).

⁴¹ К этому можно добавить пожелание Бейля, высказанное в рецензии на «Флорентийские анекдоты» (см. ниже), чтобы «автор не был столь несговорчивым и передал бы [издателю] полную рукопись своего сочинения: это послужит его вящей славе, ибо его труды будут напечатаны целиком и с меньшим числом ошибок» (*Bayle P.* Oeuvres diverses de Mr. Pierre Bayle, professeur en philosophie et en histoire en Rotterdam. T. 1. La Haye, 1737. P. 281).

⁴² *Jovy E.* Une lettre inédite de l'abbé Faydit au Cardinal Cibo sur l'historien Varillas // *Jovy E.* Quelques documents français des archives d'Italie. Paris, 1914. P.10.

нал ученых», еще одно детище Кольбера, опубликовал подробное, хотя и не всегда внятное изложение труда Варийаса, особо обращая внимание на вводимое им понятие "анекдота".

«Анекдотами называются повествования, открывающие тайны вельмож и представляющие их нам такими, какими они бывают у себя дома, иными словами, в глубине души <так!>. В этом жанре сочинений нелегко добиться успеха, ибо мы не располагаем ни его правилами, ни большим числом примеров, которые могли бы указать нам путь, ведь Прокопий – единственный, кто их оставил, а еще потому (чтобы не перечислять всех причин их трудности), что писатель анекдотов должен при всех обстоятельствах говорить правду, даже тогда, когда касается материй самых деликатных, и ему нельзя отказаться ни от одного правила публичной истории, ни от множества других более частных правил»⁴³.

Детальный пересказ предисловия «Флорентийских анекдотов» (одна страница из трех) свидетельствует о том, что этот своеобразный манифест произвел впечатление на современников. Стоит заметить, что рецензент несколько по-иному расставляет акценты, нежели Варийас. Последний, к примеру, нигде не дает определения анекдота, так как для него это понятие является производным от "писателя анекдотов", что объясняет неловкость выражений рецензента, когда тот берется за эту задачу (судя по всему, это одно из первых определений анекдота как особого исторического жанра⁴⁴). Обращает на себя внимание и то, что рецензент ни разу не упоминает имени автора, хотя оно было обозначено на титульном листе голландского издания. Эту псевдонимность, по-видимому, следует считать данью приличиям (все-таки книга вышла без официального разрешения), тем более что в анонсе сообщалось, что издание продается в Париже (иначе говоря, оно не было ни запрещено, ни разрешено).

Следующий разбор «Флорентийских анекдотов», на сей раз принадлежащий Пьеру Бейлю, появился в его журнале «Новости Литературной республики». Расположение рецензии – она открывала майский выпуск 1685 года – и ее объем говорят о симпатии Бейля к автору:

«Предисловия г-на де Варийаса всегда столь своеобразны и поучительны, что, я надеюсь, меня не осудят, если я немного задержусь на его предисловии к новой книге.

Оно наполнено замечаниями по поводу анекдотов. Именно так называют повествования, раскрывающие тайны вельмож, и показывающие их нам

⁴³ Journal des savans. Paris, 1685. P. 259-260.

⁴⁴ Текстуальные совпадения между этой рецензией и той, что была напечатана в «Новостях Литературной республики» (см. ниже) не позволяют сказать, кому принадлежит пальма первенства.

такими, какими они бывали у себя дома, в дезабилье. В них трудно добиться успеха и потому, что лишь Прокопий оставил нам подобный род сочинений, и потому, что в них нельзя отказаться ни от одного правила публичной истории, ни от множества других более частных правил»⁴⁵.

Как и в случае «Журнала ученых», особо пристальным вниманием рецензента пользуется понятие "анекдот" и, соответственно, предисловие Варийаса, разбор которого занимает почти половину текста (полторы страницы из трех с небольшим). Наибольших похвал удостоивается сопоставительный анализ работ Гвиччардини, Паоло Джовио и Паоло Сарпи; единственная критика касается попытки автора оправдать недобросовестность Прокопия ссылкой на различие обязанностей историка и "писателя анекдотов"⁴⁶. Судя по всему, Бейль склонен был видеть в Варийасе союзника по борьбе за искоренение исторических ошибок и заблуждений. В ретроспекции предложенная Варийасом модель анекдота действительно имела сходство с системой иронического комментария, позднее разработанной Бейлем в «Историческом и критическом словаре» (1697)⁴⁷. Подобно бейлевским примечаниям, анекдот дополнял и, одновременно, отрицал содержание публичной истории, находясь при этом в полной от нее зависимости ("писатель анекдотов" становится таковым только при наличии "историка"). Однако для Варийаса обращение к анекдоту не в последнюю очередь предполагало обновление литературной конвенции: именно поэтому он стремился оправдать Прокопия путем чисто "эпистемологических" рассуждений о разнице между долгом историка и "писателя анекдотов". В рецензии Бейль прошел мимо или предпочел не замечать этой приверженности Варийаса ренессансной традиции "красноречивой истории" (*l'histoire éloquente*), для которой риторические методы убеждения стояли наравне с документальными. Чуть позже эта черта французского историка делается мишенью критики, в том числе и со стороны Бейля.

Помимо рецензий в «Журнале ученых» и в «Новостях Литературной республики», об успехе «Флорентийских анекдотов» свидетельствует факт их переиздания (в 1687 и 1689 г.⁴⁸), а также наличие английского перевода, вышедшего в 1686 г. В отличие от оригинала, он был снабжен разрешением на публикацию, датиро-

⁴⁵ Bayle P. Œuvres diverses. P. 277.

⁴⁶ Там же. P. 278.

⁴⁷ Поскольку, по утверждению Бейля, замысел Словаря возник у него в 1690 г., то говорить здесь можно лишь об общности некоторых научных установок и интеллектуальных исканий.

⁴⁸ Второе издание, практически идентичное первому, вышло в том же издательстве, третье – так же в Гааге, но у издателя Adrian Moetjens.

ванным 12 декабря 1685 г.⁴⁹: столь высокая степень оперативности заставляет предположить наличие читательского спроса. Переводчик Варийаса Ферранд Спенс в основном специализировался на исторических романах и, судя по режиму его работы (в 1686 г. в его переводе выходит еще «История жизни и деяний виконта де Тюренна»), должен был согласовывать свой выбор с соображениями коммерческой целесообразности. В предисловии-посвящении герцогу Пемброк и Монтгомери он ставит Варийаса выше Тацита и Саллюстия, в то время самых читаемых и почитаемых из античных историков⁵⁰. Особой похвалы удостоивается его беспристрастность: по «Флорентийским анекдотам» нельзя угадать национальную или религиозную принадлежность автора (комплимент, более связанный с английской спецификой, нежели с самим сочинением). При этом Спенс подчеркивает «детективную» сторону «Флорентийских анекдотов», характеризуя их как «разновидность кабинетного исторического расследования» (“a sort of Cabinet, Historical Inquisition”)⁵¹. Пробуждая воображение читателя, автор заставляет его сопереживать своему рассказу, и тем самым разделять высказываемые им идеи⁵².

Спенс называет Варийаса “совершенным историком” (“a perfect Historian”), тем самым отсылая к классификации Бэкона, различившего антикварные изыскания, мемуаристику и собственно историю (“Perfect History” или “historia iusta”)⁵³. Что касается “писателя анекдотов” или, как он его именует, “анекдотографа” (“an Anecdoto-grapher”), то он не столько противопоставлен историку, сколько яв-

⁴⁹ Таким образом, он был опубликован уже во время действия нового закона о цензуре, принятого в 1685 г., когда на престол вззошел Яков II (см.: Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX вв. М., 2004. С. 26), что хорошо иллюстрирует разницу уровней идеологического контроля в Англии и во Франции.

⁵⁰ Рейтинг античных историков см. в ст.: Burke P. A Survey of the Popularity of Ancient Historians, 1450–1700 // History and Theory: Studies in the Philosophy of History, 1966, № 5. P. 137.

⁵¹ ‘ΑΝΕΚΔΟΤΑ ‘ΕΤΕΡΟΤΡΙΑΚΑ’ or, the Secret History of the House of Medicis, Written Originally by that Fam’d Historian, the Sieur de Varillas. Made English by Ferrand Spence. London, 1686 (Посвящение, без пагинации).

⁵² Об увлекательности чтения Варийаса свидетельствуют и его критики, один из которых писал, что, благодаря сочинительскому мастерству, он заставляет себя «читать с удовольствием, с трудом отрываясь, и с нетерпением ожидая развязки» (Supplément aux Mémoires de Messire Philippe de Comines, Seigneur d’Argenton, contenant l’Addition à l’Histoire du Roi Louis XI. Brusselle, 1713. P. 406).

⁵³ Momigliano A. The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, etc., 1990. P. 71.

ляется его аватарой. Иначе говоря, Спенс не считает моделирование "анекдота" центральным элементом исторической системы Варийаса. Не случайно он пользуется греческим термином *Ανεκδοτα*, не латинизируя его, как это делает французский историк, и, более того, переводит часть названия книги с французского на греческий, сокращая дистанцию между Прокопием и Варийасом⁵⁴. Анекдот, как и тайная история, остаются для него почти техническими обозначениями статуса текста, и он находит необходимым извиниться перед публикой за то, что назвал свой перевод «Тайной историей», хотя «оригинал уже сделал известными все эти материи».

Последнее замечание Спенса затрагивает важную проблему, имевшую непосредственное отношение к дальнейшей судьбе как «Флорентийских анекдотов», так и самого термина "анекдот". Его этимологическое значение – как мы видим, в высшей степени актуальное для современников Варийаса – входило в противоречие со статусом печатного издания. Пока «Флорентийские анекдоты» оставались в рукописи, они в полной мере соответствовали своему наименованию, однако публикация лишила их права называться "анекдотами" в точном смысле этого слова. Как указывает Словарь Фюретьера (1690), анекдоты – это «мемуары, которые никогда не видели свет, и не должны его видеть»⁵⁵. Поскольку сочинение Варийаса было опубликовано пиратским образом, можно предположить, что, если бы он сам готовил его к печати, то изменил бы название. Однако это маловероятно: в отличие от Прокопия, у Варийаса нет идеи утаивания собственного произведения, которое, как он знал, вполне могло быть напечатано. В анекдоте для него важен не столько способ существования текста, сколько освоение "писателем анекдотов" новой точки зрения на исторический материал. Это подтверждает его «История Людовика XI», увидевшая свет через четыре года после «Флорентийских анекдотов». В ее десятой книге, озаглавленной «История Людовика Одиннадцатого, или Анекдоты об этом государе», Варийас еще раз очерчивает границы нового жанра:

⁵⁴ Возможно, что выход перевода Спенса побудил лондонских издателей снова пустить в оборот английский перевод «Тайной истории» Прокопия, опубликованный в 1674 г. Однако любопытно, что при этом они изменили его название, убрав идею "тайной истории": «Развратный двор, или Жизнь императора Юстиниана и его императрицы Феодоры, комедиантки» (The Debaucht Court, or The Lives of the Emperor Justinian and his Empress Theodora the Comedian. Faithfully Translated into English. London, 1686).

⁵⁵ Furetière A. Dictionnaire Universel. T. 1. Rotterdam, 1690 (статья "Anecdotes").

«До сих пор Людовик Одиннадцатый был представлен как государь и через основные громкие события его правления. Теперь время представить его как человека, как частную персону со всеми слабостями, в высшей степени ему свойственными, и, если можно так выразиться, в дезабилье. Знаменитому историку Прокопию было угодно назвать такой род сочинений анекдотами; но не столь важно, как он именуется, если откровенно признается, что в силу одних и тех же причин это один из самых любопытных, но также самых редких, трудных и полезных родов сочинений»⁵⁶.

Насколько можно судить, такое понимание анекдота отнюдь не было общепризнанным – не случайно Варийас перекладывает ответственность за него на Прокопия. Но само наличие полемики вокруг термина указывает на то, что Варийас добился большего успеха, нежели рассчитывал, и “анекдот” перестал ассоциироваться только с «Тайной историей» или даже с моделью исторического письма, предложенной во «Флорентийских анекдотах».

Последующая история «Флорентийских анекдотов» обусловлена перипетиями карьеры ее автора. В 1685 г. он находится на пике популярности и, как утверждал один издатели, «одно его имя, стоящее в заглавии... книги, ценится выше любых похвальных слов»⁵⁷. Однако в 1686 г. Варийас начинает публикацию своего нового сочинения «История революций, произошедших в Европе в отношении религии с 1375 г. по 1569 г.», в котором, по его собственным словам, стремится «показать, что все последние ереси имеют истоком и причиною развития чисто человеческие интересы и придворные интриги»⁵⁸. Его появление, естественно, вызвало резко-враждебную реакцию протестантского лагеря, ранее в высшей степени благожелательного. Но не похоже, чтобы оно нашло сочувствие и у католиков. Вмешавшись в контroversу, тем более сразу после отмены Нантского эдикта, Варийас нарушил обычную солидарность ученого сообщества, в основном придерживавшегося принципов религиозной толерантности. Не будучи теологом и не имея духовного сана, он не мог сослаться на требования долга;

⁵⁶ Varillas A. Histoire de Louis Onze. Par Monsieur Varillas. Tome Seconde. Paris, 1689. P. 5.

⁵⁷ Во всяком случае, так утверждается в Предупреждении издателя к безусловно пиратскому изданию: *La minorité de Saint Louis, avec l'Histoire de Louis XI et de Henri II. Par le Sieur Varillas. La Haye, 1685* [Предупреждение, без пагинации]. О том, насколько это было верно, свидетельствует тот факт, что в 1689 г. под именем Варийаса вышло очередное издание мемуаров Ларошфуко: *Mémoires de la minorité de Louis XIV. Sur ce qui s'est passé à la fin de la vie de Louis XIII et pendant la Régence d'Anne d'Autriche, Mère de Louis XIV par M. de Varillas. Nouvelle édition augmentée de plus d'un tiers. Villefranche, 1689.*

⁵⁸ Из письма Варийаса г-же де Ментенон. См.: *Uomini*. P. 611.

на фоне насильственных обращений в католичество, конфискации имущества и каторжных работ, ожидавших упорствующих протестантов, его книга выглядела крайне неуместно.

Протестантские критики легко нащупали слабое место исторического метода Варийаса. Как писал англиканский епископ Гилберт Бернет, первым откликнувшийся на «Историю революций», «его книги слишком схожи с романом, и слишком изощренны, чтобы быть истинными... большую часть цитируемых им документов нигде не найти, кроме как в его воображении»⁵⁹. Действительно, теоретические установки Варийаса не подразумевали четкого критерия истинности (факта или источника). В этом смысле показательным объяснением, данное им во «Флорентийских анекдотах» пресловутой недобросовестности Прокопия: истолковывая ее как разницу позиций историка и писателя анекдотов, он, по сути, снимает различие между историческим и романским повествованием. Его сопоставление работ Гвиччардини, Паоло Джовио и Паоло Сарпи также чревато отказом от поиска истины. Вместо того чтобы попытаться установить, кто из них прав, он предпочитает перейти на радикально иную позицию, где их правота или заблуждение уже не играют особой роли. Этот метод имеет некоторое сходство со средневековой традицией комментария, когда глоссы вбирали в себя весь спектр информации по поводу комментируемого текста, в том числе и заведомо неверные данные⁶⁰. В своих научных привычках и навыках Варийас был склонен к анахронизму, что в ретроспективе придает ему, возможно, большую оригинальность, нежели иным из его признанных современников.

Что касается отбора источников, то тут основным критерием для Варийаса, по-видимому, являлась труднодоступность и редкость документа. Не случайно в качестве архетипической модели он избирает «Тайную историю» Прокопия, более десяти веков пролежавшую под спудом. В своем увлечении "редкостями" он выступал как прямой наследник предшествующего поколения гуманистов-антиквариев круга братьев Дююи. Однако, в отличие от них, у него не было необходимости в разветвленной сети корреспондентов и посредников, которые помогали бы ему в охоте за малоизвестными манускриптами и изданиями. Должность помощника хранителя Королевской библиотеки не только обеспечивала

⁵⁹ Burnet G. Reflections on Mr Varillas's History of the Revolutions that have happened in Europe in matters of Religion, and more particularly on his Ninth Book that relates to England. Amsterdam, 1686. P. 10-11.

⁶⁰ См.: Grafton A. Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship. T. 1. Oxford, 1983. P. 9-44.

ему доступ к богатейшим коллекциям, но и являлась своего рода гарантией достоверности его информации. Именно поэтому в ответ на критику современников за отсутствие четких указаний на источники, Варийас обычно ссылался на то, что он действительно имел возможность их видеть. Так, в 1692 г. в Предуведомлении к «Истории Генриха II» он писал:

«Мое пребывание в Королевской библиотеке было достаточно долгим, чтобы сделать выписки из книг, которые, как я предвидел, могут мне понадобиться в будущем. Кроме того, по воле случая я 18 месяцев был обладателем ключа от большого кабинета, в котором было заперто 774 тома рукописей, принадлежавших гг. Дюлюи»⁶¹.

Конкретные подробности и цифры создают «эффект реальности», но, учитывая размер коллекции, не делают его информацию более верифицируемой. Эта тактика отчасти обусловлена положением «писателя анекдотов». В отличие от Прокопия, который рассказывал о событиях, известных современникам, но имевших шанс не дойти до потомков⁶², Варийас брался представить тайны, свидетелем которых не был. Его модель «тайной истории» зависела от существования редких документов, типологически схожих со скандальным сочинением Прокопия⁶³. Десятилетие спустя после выхода «Флорентийских анекдотов» разочарованный Бейль писал: «Все эти тайные истории почерпнуты из анекдотических манускриптов» (*les Manuscrits anecdotes*)⁶⁴. Парадокс заключался в том, что для поддержания статуса «тайной истории» ее

⁶¹ Varillas A. Histoire de Henry second. Paris, 1692. Т. 1 (Предуведомление, без пагинации).

⁶² «...рассказ мой отнюдь не испытывает недостатка в свидетелях. Ибо ныне здравствующие, являясь осведомленнейшими свидетелями, передадут будущему свою веру в правдивость моего рассказа» (*Прокопий*. С. 261). Однако в Ватиканском списке этот фрагмент отсутствовал и, соответственно, его не было в первом издании *Annales* (см. Введен: *Annales* V. I. ANEKДОТА. Arcana Historica. P. 1-2).

⁶³ В предисловии к «Флорентийским анекдотам» можно наблюдать постепенное переосмысление идеи «тайны»: сперва говорится, что «писатель анекдотов» стремится приоткрыть дверь кабинета своего героя, застать его во время дружеской беседы, быть свидетелем часов его досуга, т.е. создается эффект физического присутствия наблюдателя в центре событий. Затем выясняется, что это – иллюзия (вот если бы он был во Флоренции, вместе с Алессандро Медичи, то мог бы по одному замечанию герцога составить его портрет), и что на самом деле «писатель анекдотов» пользуется печатными и рукописными материалами, отдавая предпочтение редким и труднодоступным.

⁶⁴ Bayle P. Dictionnaire historique et critique. 3e éd. Т. 3. Rotterdam: Bohm, 1720. P. 209 (статья «Nidhard»).

источники должны были оставаться неизвестными, иначе исчезла бы необходимость в посредничестве "писателя анекдотов".

Критика сочинений Варийаса стала общим местом к 1690-м гг. и надолго пережила самого историка. В 1713 г. анонимный автор «Замечаний на "Историю короля Людовика XI" г-на Варийаса» напоминал читателям, как все «были ослеплены названием Анекдоты и под этим красивым титулом пропустили, не углубляясь в суть дела, истории до такой степени тайные, что совершенно никому неведомые, причем даже тем, кто жил в то время, когда они якобы происходили»⁶⁵. Пример показательный: почти два десятилетия спустя после смерти Варийаса (ум. в 1696 г.) еще жива память о привлекательности его изобретения. Судя по косвенным данным, попав в опалу у критиков, автор «Флорентийских анекдотов» продолжал пользоваться успехом у читателей. Об этом говорит число подражаний: начиная с 1690 г. во Франции и в Англии начинают появляться разнообразные "тайные истории" (а после 1699 г. и "анекдоты"), повествующие как о делах современных, так и давно минувших эпох. Подтверждением его популярности может служить и наличие отзывов на его смерть в «Журнале» Данжо и в мемуарах Сен-Симона (первый именует его мужем "известным", второй – "знаменитым")⁶⁶. Это внимание к историку, не имевшему к тому времени должностей, знатных покровителей, членства в Академии, славы остроумца или общепризнанного авторитета, говорит лишь о том, что его продолжали читать.

⁶⁵ Supplement aux Mémoires de Messire Philippe de Comines. P. 405.

⁶⁶ Цит. по: *Uomini*. P. 387. Сен-Симон, конечно, следует за Данжо: тем более показательно, что он не только сохраняет в своих мемуарах упоминание имени Варийаса, но и усиливает похвальные эпитеты.

Антуан де Варийас

ФЛОРЕНТИЙСКИЕ АНЕКДОТЫ, ИЛИ ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ ДОМА МЕДИЧИ

Предисловие

Когда бы Прокопий, единственный автор, от которого остались анекдоты, сам изложил правила этого жанра, мне не пришлось бы писать предисловие, ибо репутация этого превосходного историка, только что столь исправно представленного Королевской типографией¹, укрыла бы меня от всех нападков, при условии неукоснительного их соблюдения.

Но раз искусство сочинения тайной истории почти целиком остается неизвестным, и до сего времени не нашлось ни философа, который взял бы на себя труд определить его методу, ни критика, который решился бы указать на его недостатки, мне, как всем тем, кто вступает на неизведанные пути, приходится принимать необходимые предосторожности, дабы не подвергнуться осуждению с первых страниц моего труда, и самому установить законы, по которым должен меня судить непредвзятый читатель, — при условии, что эти законы будут определены не моим разумением или прихотью, но лишь примером Прокопия, который всегда будет у меня перед глазами, ибо иного поводыря мне не найти.

Итак, с его позволения, я основываю это рассуждение на том, что писать анекдоты отнюдь не столь легко, как можно было бы предположить, ибо, с одной стороны, следует соблюдать все правила составления публичной истории, мудро предписанные Аристотелем, Цицероном, Плутархом и прочими мастерами этого искусства, а с другой — следовать множеству иных предписаний, о чем скажу далее, соблюдение которых не менее необходимо: это приводит меня к двум отчасти парадоксальным выводам. Первое, какую бы вольность, чтобы не сказать распущенность, ни приписывали анекдотам, на самом деле нет жанра более стесненного и сдержанного, ибо он не составляет и четверти объема, допускаемого самыми разборчивыми историками. Второе, писатель анекдотов² пребывает в тягостной необходимости в любых обстоятельствах говорить правду, даже обращаясь к материям самым деликатным.

Поясню это на примере столь славном и примечательном, что его можно считать бесспорным. Нет сомнения, что Прокопий

исполнял долг преданного историка, ища, по какой причине император Юстиниан отозвал Велисария из Африки, откуда тот в три месяца изгнал вандалов, и где присутствие этого великого полководца было необходимо для упрочения нового завоевания. Он пишет, что заслуга эта была столь велика, что Юстиниан не чувствовал себя способным ее вознаградить, и страшился, как бы Велисарий, имея под рукой армию, сам не отдал себе должное.

Прокопий этим ограничился, ибо полагал, что удовлетворил требованиям истории, и действительно, тут было бы несправедливо спрашивать с него большего. Однако когда много лет спустя он начал трудиться над анекдотами, то решил, что не следует ничего утаивать касательно этого столь несообразного происшествия, что следует объяснить все его потаенные детали, и что любопытство читателя удовлетворит лишь полное раскрытие этой придворной тайны, ибо то, что во второй книге Войны с вандалами было представлено как следствие неблагодарности и зависти государя к подданному, слишком высоко вознесенному фортуной, на самом деле было обусловлено любовной интригой супруги Велисария Антонины, которая спешила вернуться в Константинополь, дабы вновь узреть предмет своей постыдной страсти.

Точно так же Прокопий поступает и в книгах о войне с готами, когда повествует о второй и третьей опале Велисария. Ибо, со всей силой слога представив убыток, который сам себе нанес Юстиниан, отлучив от дел отважнейшего полководца, только что взявшего Рим и освободившего Италию от владычества готов, в одной победной битве пленив их царя и все царское семейство, он лишь замечает, что у Велисария были могущественные недруги при императорском дворе, которые сумели добиться его отзыва.

Однако в анекдотах он рассказывает об этом более подробно и утверждает, что главной и истинной причиной сего унижения была супруга Юстиниана императрица Феодора, которая, желая принудить Велисария выкупить отнятое, добилась его отзыва в Константинополь, где предложила помочь вернуть ему должности, если его дочь, единственная наследница безмерных богатств, станет супругой племянника императрицы, человека без состояния, без добродетели и без происхождения; Велисарий принес дочь в жертву честолюбию и сей ценой вновь обрел должность главнокомандующего. Но удержал ее всего лишь на два года; и здесь я хочу сделать третье наблюдение относительно образа действий Прокопия.

Ибо хотя он признает, что Велисарий превзошел самого себя, освободив Рим и остаток Италии от варваров, за время его отсутствия вновь ими завладевших, хоть он и возмущается жестокостью

Юстиниана и предательством Феодоры, из-за которых он был нектати отозван в третий раз, тем не менее, разбирая это происшествие в конце второй книги, он повторяет клевету, которой уже воспользовался для объяснения предшествующей опалы. И лишь в анекдотах, в очередной раз представляя Велисария на краю пропасти, он поднимает завесу и откровенно признается, что последний толчок, его опрокинувший, исходил от императрицы, которой втемяшилось добиться возвращения в Константинополь его жены, дабы иметь в своих распутствах confidentку и даже компаньонку. Если я не ошибаюсь, причина столь разного образа действий одного и того же автора кроется в том, что историк почти всегда рассматривает людей на публике, а писатель анекдотов – лишь в частном кругу. Один считает, что исполнил долг, рисуя их такими, какими они предстают в армии или в суете города, другой стремится любым способом приоткрыть дверь их кабинета; один видит их во время церемоний, другой – во время беседы; один в основном следит за их действиями, другой стремится быть свидетелем их внутренней жизни и самых частных часов досуга. Одним словом, предметом первого является должность и власть, тогда как для второго важно то, что происходит втайне и без свидетелей.

Это не значит, что писатель анекдотов рисует своих персонажей менее точно или менее верно, нежели историк, однако он это делает на свой лад. Он представляет внешний облик человека лишь в той степени, в какой это необходимо для постижения внутреннего: а поскольку добрые и дурные душевные наклонности открываются в нравах, именно на долю нравов приберегает он самые яркие краски и самый изощренный стиль.

При этом он столь щепетилен, что не тревожится о том, не вызовет ли гнев или возмущение заинтересованных лиц. И зачастую имеет несчастье видеть, как ему ставят в вину то, что следует считать его главным достоинством и добродетелью. Один из принципов, которым он руководствуется, – секрет моральной философии, впервые открытый Плутархом: человек тогда менее всего скрывает происходящее в глубине своего сердца, когда владеющая им страсть достигает своего предела.

Но куда он следит за смутами, вызванными, к примеру, любовным исступлением или отчаянной ревностью, его укоряют в злословии и сочинении сатиры; в этом его положение хуже положения художника, поскольку тот может показать, что его портрет сходен с оригиналом, в то время как писателю анекдотов тем больше есть оснований опасаться преследований, чем подлинней описываемый им порок.

На этом я настаиваю, ибо, вероятно, именно это отвращало историков до и после Прокопия от подобного жанра сочинений, что должно повергать меня в трепет. Я намереваюсь представить портрет папы Климента VII³, но если я хочу добиться успеха, мне следует раскрыть, какой страстью он был одержим, и проследить ее вплоть до мельчайших симптомов. Насколько мне известно, ее еще никто не назвал, и я первым берусь утверждать, что его обуревало слепое неразумное желание лишить свободы своих соотечественников, дабы отдать власть во Флоренции двум бастардам из дома Медичи⁴, хотя у последнего было немало законных наследников, чьи исторические деяния послужили бы оправданием подобного выбора, будучи в глазах всего мира куда более его достойными.

Я не ожидаю, что кому-либо вздумается это оспаривать, ибо убежден, что в жизни папы не найти ни одной существенной черты, этому противоречащей. Мне даже думается, что остановись я здесь, мне, вероятно, посчастливилось бы остаться вне досягаемости критиков. Однако приходится всего страшиться, когда мой предмет потребует идти далее и раскрыть истину, когда злой рок анекдотов, не допускающий, чтобы все тайное не стало для потомков явным, а все загадочное – понятным, принудит меня постепенно убрать все прикрасы, приданные историками деяниям Климента, дабы показать, что все его слабости и огрехи супротив верной политики были следствием изначального изъяна, и прояснить его заблуждения, которые доходили до того, что из двух бастардов он предпочитал младшего, хотя тот не имел ни малейших способностей к правлению, а старший, по мнению людей его знавших, обладал всеми, или до того, чтобы подвергнуть Екатерину, единственную дочь и наследницу дома Медичи⁵, опасностям бунтующего города, чьи жители были доведены до отчаяния восемнадцатимесячной осадой.

Более того, писатель анекдотов не берет на себя торжественные материи, и, поскольку он прежде всего стремится узнать характерные склонности, ему нередко случается подбирать то, что было отброшено историками. Непреднамеренный ответ позволяет ему проникнуть в суть намерений. Если бы он очутился во Флоренции вместе с Алессандро Медичи⁶, то ему бы хватило одного слова герцога, чтобы составить его портрет. Услыхав, как тот называет себя стражем собственных замыслов, и стражем ревностным, никогда не позволяющим им вырваться из сердца и хотя бы на секунду очутиться на кончике языка, писатель анекдотов предположил бы, что истинный характер герцога – способность непроницаемо хранить свои тайны.

Я честно признаю, что историк поступает совсем иначе, и охотно оставляю ему максимум Адриана Марцеллина "Discurrere per negotiorum celsitudines non humilium minutias indagare causarum"⁷. Я признателен Лукиану за насмешки над теми, кто хотел бы поступать иначе⁸, и я осуждаю Гвиччардини⁹, часто нарушавшего это правило; однако я также надеюсь, что мне дадут спокойно пользоваться привилегией анекдотов и с важным видом рассказывать о мелочах, если они были истоком или причиной величайших событий.

Возможно, что кто-то попытается оспорить правомочность этих привилегий под тем предлогом, что сам Прокопий, часто ими пользовавшийся, нигде не дал им обоснования. На это я отвечу, что, во-первых, даже если это так, то можно сослаться на фактическое владение ими на протяжении 1200 лет, что, согласно юриспруденции, равнозначно более поздним письменным актам. Во вторых, решусь утверждать, что молчание Прокопия не может мне повредить, поскольку не отвечает его действиям, а, согласно максиме философов, негативный довод имеет силу лишь тогда, когда ничто ему не противоречит; в третьих, замечу, что не стоит пытаться извлечь подобного рода рассуждения из книги анекдотов Прокопия, поскольку этот труд сохранился не полностью, о чем можно судить по отрывкам, приведенным в «Суде»¹⁰ и у Евагрия¹¹, которых нет ни в нынешних изданиях, ни в дошедших до нас манускриптах. Что позволяет мне утверждать, что в утраченных фрагментах Прокопий говорил о том, о чем он будто бы забыл поведать¹².

Но даже если не полагаться на авторитет Прокопия, остается еще один довод, который, как представляется, можно считать основным в отношении рассматриваемой мной материи: невзирая на то, что писатель анекдотов не менее историка обязан говорить правду, он не обязан излагать ее в той же манере, ибо историк должен говорить правду лишь тогда, когда приводимые им факты истинны до правдоподобия, поэтому порицания заслуживает Гвиччардини¹³ поведавший о двух братьях-соперниках, один из которых, узнав, что другой предпочтен из-за красоты глаз, приказал их вырвать и послал в шкатулке возлюбленной¹⁴. Ему стоило на этом остановиться и не добавлять, что глаза потом были вставлены на место столь искусной рукой, что к ним вернулась способность видеть.

При всем том я не согласен с теми, кому одного этого довольно, чтобы призвать Гвиччардини к ответу и осудить его не только за ложь, но и за открытое насилие над здравым смыслом. Вместе с почитателями этого историка я готов предположить, что

лица, о которых он рассказывает, занимали видное положение в Италии, и дело получило огласку, и что место, где случилось ослепление и исцеление, было не столь удалено от Флоренции, чтобы позволяло обо всем быстро и без труда осведомиться. Я протестую, что это трагическое и необычное происшествие, пусть даже истинное, не является правдоподобным, по крайней мере в заключительной части, которую следует опустить или изложить с необходимыми предосторожностями так, чтобы читатель убедился, что никто не собирается злоупотреблять его доверчивостью.

Напротив, предмет писателя анекдотов – истина во всех проявлениях, которую он рассматривает, независимо от ее правдоподобия, и Прокопий, приложивший много усилий, чтобы убедить читателей своей историей¹⁵, что один исаврийский всадник обратил в бегство целую армию готов, – тот же Прокопий без всяких предосторожностей и предисловий описывает в своих анекдотах странные ночные бдения императора Юстиниана¹⁶.

Следуя его примеру, я возьму на себя смелость исследовать все симптомы недуга великого Козимо Медичи¹⁷ и попытаюсь понять, заботы или распутство стали причиной того, что его тело за три последние года жизни последовательно утратило три функции души и постепенно лишилось соответствующих органов – сперва разума, затем движения и чувств, и, наконец, жизни.

Но если в этом у писателя анекдотов больше свободы, нежели у историка, то в другом, что более важно, ее нет, ибо по завершении труда ему не приходится ожидать достатка или славы, и обрабатываемое им поле столь скудно, что дает лишь тернии и шипы¹⁸; вместо того чтобы получить прибыль, он рискует все потерять, как это было с Конастаджо¹⁹, которому посулили 10 тысяч экю и немалую пожизненную пенсию за сочинение истории присоединения Португалии к кастильской короне, и который оказался под угрозой палочной расправы, когда выяснилось, что, желая описать недавние потрясения, произошедшие во Фландрии, он искал мемуары не только у испанского посланника в Генуе.

Писателю анекдотов не стоит надеяться, что, возвращая к жизни других, он уберезет от забвения собственное имя; в Королевской библиотеке мне приходилось читать множество манускриптов, которые никогда не будут опубликованы, ибо содержат слишком откровенные портреты великих особ, у которых история до сей поры не находила – или, по крайней мере, не желала находить недостатков.

Ему не следует блистать ни красноречием, ни умом, ибо доставшиеся ему на долю истины должны являться голыми, и я не

думаю, что во всей античности можно отыскать более небрежный стиль в этом жанре, нежели у Прокопия.

Иным словом, ему не видать признательности ни от века, о чьих заблуждениях он повествует, ни от собственного времени. И те, кому пошли бы впрок его наставления, более всего возмущаются, их читая; и когда бы Венецианская республика не дала убежище несчастному Бокколини²⁰, ему грозили бы опасности как в Старом, так и в Новом свете, столь было грозно могущество тех, чью ненависть возбудил его «Пробный камень»²¹.

Я готов пойти еще дальше и утверждать, что в стоической философии почти нет парадоксов, которые, в обратном смысле, не подтверждались бы фортуной писателя анекдотов: с неустанным рвением ищет он истину, но всегда тщетно; он полагает, что будет счастлив, ее обретя, но чем ближе он к ней, тем дальше от благополучия; он тяжко бьется за нее, и, взяв верх, не одерживает победы. Он – раб истины, подобно тому, как Эпиктет был рабом добродетели; необходимо, чтобы он дорожил ею ради нее самой и не сетовал на принесенные ею горести, покуда ему льстит надежда ей обладать.

Есть превосходные художники, которые пишут портреты по всем правилам искусства, но, тем не менее, их портреты не имеют полного сходства, они всегда что-то добавляют к изображенным на них лицам, и, не пропуская ни единой черты, так приукрашивают облик и краски, что те оказываются куда красивей на полотне, нежели в оригинале. Не думаю, что существуют историки, которые могут полностью избежать этого недостатка, который уже поэтому не назовешь промахом или ошибкой. Тому можно привести множество древних и современных примеров, однако я ограничусь Львом X²², ибо он имеет отношение к моему предмету.

Три знаменитых историка употребили всю силу и утонченность своего слога, дабы запечатлеть гений этого папы: Паоло Джовио²³, Гвиччардини и отец Паоло Сарпи²⁴. Однако сделали они это столь несходным образом, что три величайших героя Италии не столь различны меж собой нравами и деяниями, сколь Лев X в сочинениях этих трех авторов.

Паоло Джовио²⁵ рисует его человеком властным, всегда стремившимся силой взять верх. Он наделяет его тем же воинственным нравом, каким был воодушевлен его предшественник Юлий II²⁶, и, еще до избрания на папский престол, высокомерным презрением к Священному коллежу, основанном на воображаемом превосходстве дома Медичи над прочей итальянской знатью; это презрение проявляется во всех его громких поступках и даже

во время самых торжественных церемоний, и в нем историк видит основание и причину его упорной борьбы с герцогом Урбинским и других распрей, наполнивших весь срок его понтификата: одним словом, он полагает, что самой сильной склонностью Льва X было тщеславие, причем тщеславие гордое и оскорбительное.

Если вы захотите поинтересоваться, каким образом Паоло Джовио смог так глубоко познать дух Льва X, чтобы вынести столь решительное суждение, он сам вас заранее оповестит, что был креатурой папы, который побудил его оставить медицину и отказаться от притязаний на кафедру в Падуе ради духовного звания: он сделал его епископом Козимы и избрал его своим конфиден-том, позволив присутствовать на советах, где решались важнейшие и секретнейшие дела, он поручил ему написать историю своего времени и посылал его во Францию и Испанию за подлинными документами, которые, по его мнению, были необходимы для совершенствования этого труда, и часто в доверительных беседах открывался ему душу. Слыша подобные утверждения, все скажут, что именно ему принадлежит верный портрет Льва X.

Меж тем портрет, в ту же эпоху составленный Гвиччардини²⁷, всем ему противоположен. У него папа – образец современного политика и величайший знаток кабинетных интриг своего времени; он ставит его выше короля Фердинанда Католика, поскольку, как утверждается, тот уже в младости брал верх над всем хитростями старого узурпатора. Именно его историк наделяет умением вынуждать Совет Испании волей-неволей содействовать его замыслам.

После такого чудесного начала нет таких добродетелей, которые не украшали бы портрет Льва X. Став кардиналом в 12 лет, он уже задумывает все то, что осуществит, взойдя на Священный престол. Он ведет переговоры с Венецианской республикой, дабы спасти остатки своего дома, обрушенного фортуной нашего Карла VIII. Его намерения остаются неизменными и тогда, когда при переправе через реку гибнет его брат. У него одна мысль – вырастить единственного сына брата, оставленного им в колыбели; он возвращается в Рим и, благодаря интригам, входит в милость папы Юлия II и добивается избрания легатом в войско, собранное для изгнания французов из Италии; в битве у Равенны он попадает в плен, но спасается при судьбоносных для себя обстоятельствах, поскольку в это время умирает папа Юлий II; он входит в конклав и так умело использует прихоть молодых кардиналов, вбивших себе в голову избрать папу собственного возраста, что получает их голоса. Он заключает союз с испанцами и поддерживает с ними дружеские отношения в той мере, в какой они ему не-

обходимы для того, чтобы восстановить свой дом во всех основных должностях Флоренции, но лишь до тех пор, пока удача не отворачивается от них и он не узнает, что Совет Испании не потерпит узурпации Урбинского герцогства для передачи его племяннику. Последнее он делает условием своего союза с французами и выпускает знаменитый Конкордат, в котором переигрывает все стратегемы и многоопытность канцлера Дю Пра²⁸; он ласкает Франциска I, пока тот может быть ему полезен, но, добившись желаемого, отворачивается от него и мирится с императором Карлом V. С ним он задумывает лигу для восстановления власти Сфорца в Миланском герцогстве. Добившись удачи быстрее, чем ожидал, он так радуется полученной новости, что умирает.

Таков Лев X Гвиччардини, ничем не сходный с портретом, составленным Паоло Джовио. Меж тем не приходится сомневаться, что первый был столь же сведущ, что и второй: отпрыск всецело преданного Медичи дома и почти тех же лет, что Лев X, он рос рядом с ним, не покидал его ни при превратной, ни при благосклонной фортуне; вел самые изощренные интриги, добиваясь его избрания, был отмечен почестями и необычайными милостями, затем, следуя повелениям Льва X, вернулся во Флоренцию, где довершил разгром народной фракции и столь умело направлял умы соотечественников, что через его посредство папа девять лет управлял этим городом, несмотря на его вольный статус. Затем Его Святейшество отозвало Гвиччардини, дабы доверить ему другую должность, вручив ему важнейшие секреты и сделав его Генеральным уполномоченным войск антифранцузской лиги; он продолжал исправлять ее ко времени кончины папы.

После этого можно ли упрекать Гвиччардини в недостаточной осведомленности? И разве в минувшем веке не было историков, далеко ему уступавших и недостойных сравнения с ним? Однако отец Паоло, трудившийся над портретом Льва X после Паоло Джовио и Гвиччардини, не последовал ни за тем, ни за другим: он представил его сластолюбцем, стремившимся вкусить всех сладостей папства и избежать горечи, который никогда не брал на себя решение трудных дел, отсылая к подчиненным ему министрам все, что требовало труда и прилежания; который обогатил родных и близких отнюдь не из дружеских чувств, но чтобы они лучше ему служили и ублажали; который, заключив конкордат с Франциском I, нанес неисцелимую рану Церкви и разорил ее своим мотовством, из прихоти лишил свободы свою отчизну и не пожелал отдать отнятое, когда после смерти брата и племянника, не имевшего мужского потомства, уже, некому было пользоваться плодами его несправедного дея-

ния, который принес в дар сестре деньги, предназначавшиеся богобоязненными немцами на борьбу с неверными, доверил распространение индульгенций в Верхней Саксонии самому скупому из своих придворных, пренебрег зарождавшейся ересью Лютера и не остановил гангрену до того, как она сделалась неизлечимой; придерживался слишком вольных взглядов в вопросах религии и не тревожился о потустороннем существовании.

Я не решусь судить о сходстве этого портрета, однако мне известно, что отец Паоло пользовался записками посланников Венецианской республики при римском дворе эпохи Льва X, которые, как правило, отличаются чрезвычайной точностью и достоверностью, как мы увидим по записке Корреро; кроме того, в «Истории» кардинала Палавичино, написанной в опровержение отца Паоло, нет ничего касательно Льва X, что косвенно не подтверждало бы только что мной сделанное наблюдение.

Что тут делать такому писателю анекдотов как я? Берясь за кисть после Паоло Джовио, Гвиччардини и отца Паоло, он не будет пользоваться ни их красками, ни их идеями. Он прибегнет к совершенно новой манере и, вместо того, чтобы рисовать папу Льва в его церемониальных одеждах, представит его в домашнем платье. Он проскользнет в его покои вместе с десятью-двенадцатью блестящими умами, обычно присутствовавшими при малом отходе ко сну, и запечатлеет его в том душевном веселье, когда он им рассказывал об идее Belle Grammat²⁹ и схожих вещах, которые не слишком почитали ни в то время, ни сейчас, в силу чрезвычайной изощренности их замысла. Он будет искать его у Вазари, но у Вазари первого издания, поскольку то, о чем я сейчас скажу, было исключено из всех последующих³⁰: он будет искать его тогда, когда тот забавлялся, раздражая или ублажая причудливый нрав Микеланджело, когда он, наперекор художнику, пожелал видеть его незаконченную работу и подвергся опасности быть раздавленным помостом, который обрушил на него раздосадованный Микеланджело, затем скрывшийся и не решавшийся показаться ему на глаза; тогда Льву X пришлось сделать его посланником Флорентийской республики, дабы успокоить его неприкосновенностью звания, и при первой аудиенции в этом качестве папа принял его на галерее с тростью в руке. Микеланджело затрепетал вдвойне – но напрасно, ибо гнев Льва и удары тростью обрушились на камергера, вздумавшего в этой столь странной беседе разыграть гордеца.

Затем писатель анекдотов сделает выписки из превосходной переписки кардиналов Бембо и Сандоле³¹, а также писем Пьетро Мартира³² и Сильвио Антониано³³.

Он извлечет из них секреты, оставшиеся неведомыми самым дотошным историкам, и из всех этих сведений он составит характер Льва X – быть может, не столь красивый, как предшествующие, но не менее любопытный.

Однако благодаря Королевской библиотеке мне не пришлось довольствоваться такими крохами, ибо там я смог найти куда более исчерпывающие записки и подлинные инструкции. Как известно, первые государи из дома Медичи не умели вполне скрыть ни выпавшие на их долю перипетии, ни укрыть под пеплом огонь любовных страстей и дым честолюбия, чтобы искры не перелетели через Альпы. Они не всегда вершили дела без свидетелей, и, хотя предпринимали все мыслимые предосторожности, дабы обмануть грядущее, внутренние раздоры, временами вспыхивавшие в их семействе, не оставили нас в неведении их интриг.

Как известно, Строцци бежали во Францию³⁴, а поскольку их мать была ближайшей наследницей Льва X, отец – лучшим другом Климента VII, и сами они принимали участие в потрясениях, происходивших во время правления Козимо Великого, им удалось скопить столь подробные записи, что трудно не похвалить их точность.

Это не значит, что в них порой нельзя усомниться, и что во многих случаях на них лежит отпечаток ненависти, досады, зависти и желаний мести, которыми, не отрицая, были одержимы их авторы. Именно поэтому я всегда относился к ним с осторожностью, и, на основании одних их слов, не давал им веры даже в мелочах. Я неизменно сопоставлял их с ответами противников, и принимал их к сведению лишь тогда, когда ответы последних казались мне недостаточными. Одним словом, я никогда ничего не утверждал, не исследовав все противоречия, и если кто-нибудь возьмет себе за труд прочесть труды Чени, Адияни и Мануция³⁵, трех самых знаменитых панегиристов Козимо Великого, то найдет там мое оправдание.

Если я пользовался разоблачениями одной партии, выставившими в невыгодном свете другую, если я взвешивал разнообразные мотивы и интересы и примерял их к обстоятельствам, если, продвигаясь ощупью, я старался проникнуть в тайны, с помощью того, что мне было неизвестно, то при этом я поступал так же, как день ото дня поступают судьи, которым предстоит вынести приговор относительно жизни или репутации обвиняемых, чья вина не была достаточно доказана.

Действительно, у писателя анекдотов тут нет почти никаких секретов; как и тот, кто оставил^{36*} нам описание жизни Фукидида³⁷, он, чтобы разобраться в собранных им путаных свидетельствах, должен прилежно исследовать факты, в которых они соглашались, и, отталкиваясь от этого, судить о том, в чем они не сходятся. Кроме того, ему не следует обращаться к историкам, каким бы авторитетом те не пользовались: и хотя он обещает излагать лишь факты или, по меньшей мере, подробности, ранее неизвестные, он никогда не поправляет историков и не обрушивается на них с упреками, как это делал Тимей, который тем самым не столько их очернял, сколько оправдывал. Когда допустимо, он скроет их ошибки, не выдавая собственные познания; а когда истина, которая, по выражению Тертуллиана, самая властная добродетель, принудит его указать на них, он попытается их преуменьшить и заранее попросит прощения за то, что должен совершить. Он знает, что ничто так легко и быстро не вырывается, как истина, и что тот, кто первым поведал, что она скрыта на дне колодца, может быть заподозрен в том, что сам ее там удерживал, и что склонность нашей порочной природы ко лжи столь же велика, как наша склонность к любви.

Поступать так следует по заветам Диодора Сицилийского³⁸, который утверждал, что люди слабого гения могут поддасться соблазну зла, если узнают, как его совершить, меж тем как для людей сильного гения довольно обрисовать порок яркими красками, чтобы их от него отвратить. Для душ такой закалки трудится писатель анекдотов, меж тем как историк пишет для первых. Оба стремятся к единой цели, но разными путями, и химик, который поит сурьмой, предварительно освободив ее от зловредных качеств, оказывает обществу не меньшую услугу, нежели тот, кто делает снадобья из самых безобидных целебных трав.

Способность к суждению формируется при созерцании зла, так же, как при созерцании добра, и если бы Мораль была лишена уроков, извлекаемых из самых изобретательных и тайных злодеяний, она оказалась бы в худшем положении, нежели те благородные греческие юноши, которые стекались в Фивы к Исмению, дабы выучиться игре на флейте, ибо этот великий мастер, сперва показав секрет владения инструментом, затем давал им послушать человека, который плохо играл на нем, чтобы они узнавали искусство и по его недостаткам, и по наставлениям³⁹.

Так же поступал Квинтилиан с детьми римских сенаторов и всадников, которых посылали к нему учиться риторике: он столь же часто водил их слушать дурных ораторов, как и хороших⁴⁰. Он

указывал им на пороки речей, которыми более всего восхищалась чернь, на неподходящие слова, темные выражения, на напыщенный, вялый и слишком женственный слог, на все, что шокирует добродетельное ухо.

Анекдоты – зеркала, лишенные лести, и тот же Диодор⁴¹, тщательно выслеживающий их исток, замечает, что покуда они были в ходу в Египте, там царило глубочайшее спокойствие; ибо, стоило царю умереть, его тело выставляли посередине площади, где всякий мог восхвалять его заслуги и упрекать во всех совершенных им дурных поступках, и если жалобы перевешивали похвалы, если обнаруживалось, что его пороки превысили добродетель, то память о нем оставалась ненавистной, и его лишали почести погребения. Его наследнику это служило уроком, и он управлял государством со всей требующейся справедливостью, дабы после смерти не страшиться всеобщей ненависти.

Нет сомнения, что это немало поспособствует благополучию грядущих веков, если мы им покажем положение вещей в наше время, или каким оно было во времена наших отцов, ничего не прибавляя, не убавляя и не изменяя. Тогда те, кому удача или собственная ловкость помогли избежать заслуженного наказания, не избегут бесчестия, а те, кого их пример мог толкнуть на такие же преступления, пусть заранее приучаются страшиться и уважать потомков. Пусть опасаются осуждения внуков и возьмут себе за правило вершить то, что заслуживает похвалы. Пускай их, как Цицерона, тревожит, что о них будут говорить через шестьсот лет, пусть подобно ему они взывают к авторам новых времен с просьбой о снисходительности, и, дабы без ущерба истине обеспечить такую возможность, снабдят их искренними признаниями и подлинными разъяснениями.

Бывает, что люди, презирающие укоры совести и суровость законов, чувствительны к росчерку пера; в начале прошлого века некий государь, которого все моральные максимы христианской веры не могли отвратить от намерения вступить в инцестуальную связь с собственной дочерью, отказался от этой мысли, когда его убедили, что, как ни старайся, такого не утаить от потомков.

Конечно, время от времени встречаются люди, которых не принудят к сокрытию истины ни ценность предлагаемых им даров, ни страх перед угрозами расправы. Однако они столь немногочисленны, особенно за последние два столетия, что я смог найти только двух, чей пример, возможно, будет полезно здесь припомнить за его редкостью.

Не было короля, которого бы более тревожила посмертная слава, нежели последнего из Альфонсов⁴²⁺⁴³, носившего неаполитанскую корону. Он не жалел сил не только на ратные победы и подвиги, которым место в романе⁴⁴; он еще подыскивал перья, достойные их описать и приукрасить. Не было ни одного известного автора, которого бы он не пытался привлечь к себе или подкупить, и все, кто пользовался уважением, получали от него пенсии или подарки, в какой бы части Европы они ни родились и куда бы ни были заброшены фортуной. Меж тем нет монарха, чьи недостатки были бы лучше известны. Ни малейшая его слабость не осталась тайной, и сколько бы мы ни читали у Понтано, Панормите, Бенедикти⁴⁵ и еще у шестидесяти четырех историков, что он обладал всеми прекрасными качествами героя, это никого не убеждает, и все больше верят бернардинцу Черико, который наделил его лишь заурядными чувствами, хотя во всем прочем этот Черико — весьма жалкий историк.

Напротив, Каструччо Кастакрани⁴⁶ был ославлен тридцатью знаменитыми историками Италии, из которых десятка — флорентийцы. Его обвиняли во всех крайностях, на которые способна тирания, когда ей больше нечего страшиться, а Макиавелли посвятил ему отдельный труд⁴⁷ в лукавом стиле, который обращает в насмешку все, что не заслуживает порицания. Однако никто ему не поверил, а Никколо Тегрими, тогда же написавший апологию этого великого капитана⁴⁸, хотя был ниже Макиавелли по всем качествам, которые необходимы для совершенного историка, тем не менее, по общему суждению, оказался более искренним. Все одобрили возражения, которые он поместил в предисловии, дабы открыть глаза тем, кто был предубежден против истины; и сегодня все согласны, что свидетельства Макиавелли и других флорентийцев о Кастакрани не должны приниматься в расчет, ибо, как можно подозревать, они бы стремились отомстить за Родину, пусть лишь за пером в руках, за обиды, нанесенные ей этим военачальником, самым грозным ее врагом, даже веря, что у него не было иных недостатков, ибо они не имели возможности пустить в ход военную доблесть.

Но поскольку случаи, о которых я поведал, по-видимому, единственные, когда суровое правосудие восстановило истину, попранную с начала написания истории, то следует считать их счастливой случайностью. Следует избегать подводных камней, у которых обычно терпят крушение те, кто полагают, что к раскрытию сокровеннейших тайн невозможно стремиться со слишком горячим усердием. Однако надо помнить, что хотя писатель анек-

дотов обязан чаще и строже говорить правду, нежели историк, это не значит, что ему надлежит так поступать при любых обстоятельствах без исключения; напротив, он должен ее утаивать, если ее не представить, не оскорбляя благонравия.

Я признаю, что Прокопий не следовал этому принципу, и я слишком чистосердечен, чтобы тут с ним не разойтись. Я не буду его ни оправдывать, ни защищать, и я бы сбился с пути и ввел в заблуждение читателей, если бы пытался и тут идти по его стопам. Я благодарен стыдливости того⁴⁹, кто, публикуя анекдоты, изъясил из них места, слишком живо представлявшие позорное поведение императрицы Феодоры, когда она участвовала в публичных увеселениях⁵⁰. Я хотел бы, чтобы эти пропуски всегда оставались не восполненными, и чтобы те, в чьей власти восполнить пробел, не имели на то ни времени, ни желания.

Не меньше отвращения у меня вызывает наглость Пьера Кандидо Дечембрио^{51,52}, который две сотни лет назад составил жизнеописание миланских герцогов; уж лучше оставаться в неведении, почему Филиппо Висконти⁵³ так часто побуждал молодых миланских дворян играть в мяч в своем присутствии.

Искусство бессовестной проституции не должно получать огласку, ни в анекдотах, ни в истории, а законы благопристойности необходимо соблюдать как в одних, так и в другой. Не следует запечатлевать в умах опасные мысли, якобы стремясь внушить еще большее отвращение к пороку, или наполнять их постыдными идеями, вместо того, чтобы побуждать стремление к славе, представляя самые высокие добродетели.

И в анекдотах, и в истории должно быть лишь то, что не оскорбит степенную беседу, и если непристойности, о которых читаешь у древних римлян, оказывают опасное влияние, хотя их ложность известна, то каковы будут последствия тех, что память постарается удержать в силу их правдивости.

Никогда ни в одной республике частные лица не имели права распоряжаться чужими репутациями, и кара ожидала тех, кто тревожит мертвых даже в могиле. Согласно морали, предписанной нам Отцами Церкви и Соборами, порядочным человеком считается всякий, кто имел такую славу вплоть до смерти, если нет очевидных доказательств противного; именно поэтому я предпочитаю опустить покров над любовью Козимо Медичи к Камилле Мартелли, и его сына, герцога Франциска, к Бьянке Капелло. Я оставляю основные перипетии в мемуарах, где я их видел, извлекая оттуда лишь то, что столь тесно сплетено с самыми заметными событиями жизни этих двух государей, что без этого не будут понятны

именно те места увесистых томов Мануция или Чиви⁵⁴, которые перелистываются с чересчур жадным любопытством. Однако довольно задерживать читателя на пороге этого тома, пусть входит и судит, удалось ли мне действительно воплотить все эти умствования, которыми я его до сих пор занимал.

Примечания

¹ Двухтомное собрание сочинений Прокопия Кесарийского в латинских переводах ("Opus Procopii Cesariensis") было выпущено Королевской типографией в 1662–1663 гг. «Тайная история» в переводе Алеманни вошла в состав второго тома.

² В оригинале: *écivain d'anecdotes*. Интересно, что английский переводчик Варийаса местами передает это выражение как "анекдотограф" ("an Anecdoto-grapher"), тем самым как бы институализируя новую "профессию". См.: 'ANEKDOTA 'ETEPOTPIAKA' or, The Secret History of the House of Medicis, Written originally by that Fam'd Historian, the Sieur de Varillas. Made English by Ferrand Spence. London, 1686 ("Предисловие автора", без пагинации).

³ Джулио Медичи (1478–1534), незаконнорожденный сын Джулиано Медичи, взшел на папский престол в 1523 г.

⁴ Подразумеваются Ипполито и Алессандро Медичи.

⁵ Екатерина Медичи (1519–1589), племянница Джулио Медичи (Климент VII), супруга французского короля Генриха II.

⁶ Алессандро Медичи (ок. 1510–1537), незаконнорожденный сын Лоренцо II Медичи, первый герцог Флоренции (1531–1537).

⁷ Опечатка: подразумевается позднеримский историк Аммиан Марцелин (ок. 330–400), автор истории римских императоров от Нервы до гибели Валента. Показательно, что Варийас приводит ту же цитату из Аммиана Марцеллина, что и Рене Рапен в своем известном трактате «Наставления об истории» (1677): «Рассказывать о великих делах, не отслеживая недостойные мелочи». Скорей всего, речь идет об одном из общих мест, а не о прямом заимствовании, хотя известно, что текст Варийаса широко циркулировал в рукописном виде. См.: *Rapin R. Instructions pour l'histoire*. Paris: Impr. de S. Mabré-Cramoisy, 1677. P. 21.

⁸ Подразумевается трактат Лукиана из Самосаты «Как следует писать историю» (160-е гг.), где, в частности, говорится: «Есть люди, которые крупные и достойные события пропускают или только бегло упоминают о них, а вследствие неумения, недостатка вкуса и незнания, о чем надо говорить и о чем молчать, останавливаются на мелочах и долго и тщательно описывают их; они поступают так же, как если бы кто в Олимпии не смотрел на всю величественную красоту изображения Зевса, не хвалил бы ее и не рассказывал бы о ней тем, кто ее не видел, а стал бы удивляться хорошей и тонкой отделке подножия и соразмерности основания и

все это бы тщательно описывал» (Античные мыслители об искусстве. М., 1937. С.242).

⁹ Франческо Гвиччардини (1483–1540) здесь фигурирует как автор «Истории Италии» (1561).

¹⁰ Этот греческий лексикон X в. содержит первое упоминание о тексте Прокопия, обозначенном как «анекдота» (неизданное).

¹¹ IV книга «Церковной истории» Евагрия Антиохийского (Схоластика) (536/7 – ок. 600) во многом построена на материалах исторических сочинений Прокопия Кесарийского. «Тайную историю» Евагрий прямо не упоминает, однако косвенно обнаруживает знакомство с этим текстом («Церковная история» IV, 30, 32).

¹² Первый публикатор «Тайной истории» Прокопия, римский эрудит Никколо Алеманни (1583–1626), располагал неполным списком этого текста, хранившимся в Ватиканской библиотеке. Некоторые лакуны были позднее заполнены с помощью другого списка.

^{13*} В книге 5 своей Истории (здесь и далее помеченные значком * примечания принадлежат Варийасу – М.Н.).

¹⁴ Это соперничество между кардиналом Ипполито д'Эсте и его побочным братом Джулио за любовь к Анджеле Борджиа имело место в Ферраре и закончилось ослеплением Джулио.

¹⁵ В первой книге «Войны с готами».

¹⁶ «Некоторым из тех, кто состоит при нем [Юстиниане] и бывает при нем ночью, именно во дворце, из тех, что чисты душой, казалось, что вместе него они видели какое-то необычное дьявольское привидение. Один из них рассказывал, как он внезапно поднялся с царского трона и начал блуждать взад и вперед (долго сидеть на одном месте он вообще не привык), и вдруг голова у Юстиниана внезапно исчезла, а остальное тело, казалось, продолжало совершать эти долгие передвижения, сам он [видевший это] полагал, что у него помутилось зрение, и он долго стоял, потрясенный и подавленный. Затем, когда голова возвратилась к туловищу, он подумал в смущении, что имевшийся у него до этого пробел [в зрении] восполнился. Другой рассказывал, что, в то время как он находился возле него [василевса], восседающего на своем обычном месте, он видел, как неожиданно лицо того стало подобным бесформенному куску мяса, ибо ни бровей, ни глаз не оказалось на их привычных местах, и вообще оно утратило какие-либо отличительные признаки. Однако через некоторое время он увидел, что лицо его приняло прежний вид. Хотя сам я не видел всего этого, я пишу об этом, потому что слышал от тех, кто настойчиво утверждает, что видел это» (Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб, 1998. С. 295).

¹⁷ Козимо I Медичи (1519–1574), первый герцог Тосканский.

¹⁸ Метафора «история – возделываемое поле» часто встречается, как в более ранней («Мы не можем снять жатву с полей истории иначе, чем соединяя вместе скромную практическую деятельность и внимательное наблюдение, как предлагал Пифагор». Боден Ж. Метод легкого познания

истории. М., 2000. С. 27.), так и в более поздней историографии («Анекдоты – это узкое поле, где подбирают колосья после богатой жатвы истории». *Voltaire. Oeuvres historiques*. Paris, 1957. (Bibliothèque de la Pléiade). P. 889).

¹⁹ Джироламо де Франки Конестадо, итальянский историк.

²⁰ Траяно Боккалини (1556–1613) перебрался в Венецию в 1612 г., за год до смерти, и именно там издавал знаменитые «Известия Парнаса». Третья часть «Известий Парнаса» вышла в 1615 г., т.е. уже после смерти автора, под заглавием «Пробный камень политики» и имела антииспанскую направленность.

²¹ Книга, названная «Пробный камень».

²² Джованни Медичи (1475–1521) вззошел на папский престол в 1513 г.

²³ Паоло Джовио (1483–1552), епископ Ночеры, автор «Похвального слова знаменитым мужам» (1548).

²⁴ Паоло Сарпи (1552–1623), главный теолог Венецианской республики, автор восьмитомной «Истории Тридентского собора» (1619).

²⁵ В своем труде и в отдельной похвале Льву X.

²⁶ Джулиано делла Ровере (1443–1513), кардинал Сан-Пьетро ин Винкула, вззошел на папский престол в 1503 г. под именем Юлия II.

²⁷ В 12 начальных параграфах своей Истории.

²⁸ Антуан дю Пра (ум. 1535), кардинал и папский легат, затем канцлер Франции.

²⁹ Она была опубликована в Германии в сборнике Орнария.

³⁰ Первое издание «Жизнеописаний знаменитейших живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари вышло в 1550 г.; при переиздании в 1568 г. автор значительно переработал свой труд.

³¹ Гуманисты Пьетро Бембо (1470–1547) и Якопо Садолето (1477–1547) были секретарями папы Льва X.

³² Пьетро Вермильи (1500–1563), сперва католический, затем протестантский теолог, подвергавшийся многочисленным преследованиям (Мартир = мученик); его письма были опубликованы в 1670 г.

³³ Сильвио Антониано (1540–1603), автор трудов "Dell' Educazone Christiana de Figlioli" (1584), "Orationes Tredecim" (1610).

³⁴ Пьетро Строцци (ум. в 1558 г.), противник Медичи, укрылся при французском дворе и стал маршалом Франции.

³⁵ «Адиани» – издательская опечатка: Джованни Баттиста Адриани (1513–1579) здесь фигурирует как автор «Надгробного слова» (1574) Козимо Медичи, а Альдо Мануций (1547–1597) из семьи известных печатников – как автор «Жизни Козимо Медичи, первого герцога Тосканского» (1586). «Чени» – возможно, еще одна издательская опечатка, если только не имеется в виду поэт Аджиоло Ченни, опубликовавший ряд произведений в середине XVI в.

³⁶*Софист Маркеллин.

³⁷ Подразумевается труд Маркеллина «О жизни Фукидида и о свойствах его речи». Еще одно совпадение с трактатом Рене Рапена «Наставления об истории» (1677), который также ссылается на этот труд. См.: *Rapin R. Instructions pour l'histoire*. P. 23. Судя по изложению Рапена, Маркеллин здесь пересказывает слова самого Фукидида «Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной точностью. Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти» (Фукидид I, 22; пер. Г. Стратановского).

³⁸ Во 2 книге его Библиотеки.

³⁹ Ссылка на Плутарха («Деметрий»): «Я не думаю, клянусь Зевсом, о том, чтобы потешить и развлечь читателей пестротой моих писаний, но, подобно фиванцу Исмению, который показывал ученикам и хороших, и никуда не годных флейтистов, приговаривая: "Вот как надо играть" или: "Вот как не надо играть", подобно Антигениду, полагавшему, что молодые люди с тем большим удовольствием будут слушать искусных музыкантов, если познакомятся и с плохими, – точно так же я убежден, что мы внимательнее станем всматриваться в жизнь лучших людей и им подражать, если узнаем, как жили те, кого порицают и хулят» (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 369-370).

⁴⁰ В 5 главе 2 книги.

⁴¹ Во 2 книге.

^{42*} Об этом имеется манускрипт в Королевской библиотеке.

⁴³ Альфонс V Арагонский (1396–1458) в 1443 г. стал королем Неаполя под именем Альфонса I Неаполитанского.

⁴⁴ Королю Альфонсу посвящен один из сюжетов «Порретанских новелл» (1483) Джованни Саббадино дельи Ариенти.

⁴⁵ Джованни Джовиано Понтано (1429–1503) и Антонио Беккаделли, прозванный Панормите (1394–1471), были придворными поэтами Альфонса; «Бенедикти»: скорее всего, правильно было бы Бенедетти, хотя все равно остается не вполне ясно, кого имеет в виду Варийас – ученого Бенедетто де Бенедетти (ок. 1390–1470)?

⁴⁶ Каструччо Кастракани (1281–1328), герцог Лукки: ошибку в написании фамилии, скорей всего, следует отнести на счет издателя.

⁴⁷ Никколо Макиавелли «Жизнь Каструччо Кастракани из Луки» (1520).

⁴⁸ «Жизнь Каструччо Антельминелли Кастракани герцога Луккского» (1496) Никколо Тегрими послужила основой для произведения Макиавелли.

⁴⁹ Доктор Аллеман.

⁵⁰ Никколо Алеманни при переводе и публикации «Тайной истории» Прокопия Кесарийского изъясил из нее несколько скандальных фрагментов, которые, впрочем, циркулировали в ученых кругах в рукописном виде.

^{51*} Он находится в галерее Королевской библиотеки.

⁵² Пьер Кандидо Дечембрио (1392–1477), миланский гуманист, был секретарем у Висконти.

⁵³ Филиппо Мария Висконти (1412–1447), последний миланский герцог из династии Висконти.

⁵⁴ Вероятно, Паоло Чиви, хотя здесь также нельзя исключать возможность издательской ошибки, поскольку не удается установить, о каком из его трудов идет речь.

Перевод и примечания М.С. Неклюдовой.

М.Р. Ненарокова

ЛУП ИЗ ФЕРЬЕ И ЕГО ЖИТИЕ СВ. ВИГБЕРТА

Луп родился около 805 г. недалеко от Санса в Западной Франкии. Начальное образование он получил в монастыре свв. Марии, Петра и Павла в Ферье, который находился между Сансом и Орлеаном. Кроме Св. Писания, в Монастырской школе Ферье изучали «семь свободных искусств», в особенности грамматику и риторику, хотя, как писал позже сам Луп, этой программе обучения не хватало «основательности Туллия и других писателей древности»¹. Для завершения образования около 828 г. Луп отправится в Фульду, где стал учеником Храбана Мавра. Проведя в Фульде несколько лет, Луп познакомился с многими учеными людьми своего времени, чьи имена известны из его обширной переписки². В 836 г. Луп, уже известный своими знаниями в области богословия и светских наук, возвратился из Фульды в Ферье. Настоятель монастыря Одо принял его с большим уважением и поставил во главе монастырской школы. В 837 г. Луп появился при дворе, а в 840 г., по ходатайству королевы Юдифи, был избран настоятелем монастыря и управлял им до своей кончины (ок. 862 г.).

¹ Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne (далее, PL). Vol. 119. Col. 434.

² Одним из ученых друзей Лупа стал Эйнхард, биограф Карла Великого, который, удалившись от двора, жил в Зелигенштадте, недалеко от Фульды. Лупа объединял с Эйнхардом интерес к изящной словесности. В одном из писем к Эйнхарду Луп перечисляет книги, которые хотел бы получить: «... прошу еще и о том, чтобы Вы одолжили мне, пока я здесь нахожусь, несколько Ваших книг. Впрочем, пусть будет требование книг гораздо меньше, чем требование дружбы. Книги же таковы. Книга Туллия о риторике; она есть у меня, но во многом полна ошибок. Потому я сравнил ее с манускриптом, найденным здесь; и ту, которую считал наиболее верной, нашел еще более полной ошибок. Также того же автора о риторике три книги в виде бесед и диалог об Ораторе. Полагаю, что они есть у Вас, ибо в кратком перечне Ваших книг после упоминания книги к Гереннию, когда были выписаны и некоторые другие, я нашел запись: «Цицерона о риторике». Также «Толкование на книги Цицерона». После: «А(вла) Геллия Аттических ночей (книга)». Но и после того как эти вот будут отосланы обратно, когда я, получив их, спишу для себя, пока нахожусь здесь, я весьма горячо желаю приобрести многие другие из вышеупомянутого перечня, если бы Бог даровал мне у Вас милость» (перевод наш по PL. Vol. 119. Col. 679-698).

Настоятельные обязанности вовсе не исключали участия Лупа в государственных делах. Так, ему пришлось участвовать в военных действиях против племянника Карла Лысого, Пипина, который при поддержке графа Бернарда Септиманского пытался вывести Аквитанию из-под власти короля. В битве под Тулузой (844 г.) Луп попал в плен, но был скоро освобожден. Луп часто бывал при дворе, пользуясь расположением, короля и королевы, к нему обращались за советом в политических и церковных делах. Из-под его пера выходили дипломатические документы и собрания канонов для церковных Соборов³. Ему приходилось посещать различные монастыри и даже поехать в Рим, к папе Льву IV.

Однако, как бы ни был занят Луп, он всегда находил время для чтения и литературных занятий. Еще живя в Фульде, он составил «Житие св. Вигберта»⁴, что неудивительно, так как Вигберт был одним из известных помощников Винфрида-Бонифация, похороненного в этом монастыре.

Как сам Луп пишет в послании к авве Бунону с братией, он взялся за составление «Жития св. Вигберта» спустя 90 лет после описываемых в житии событий, поэтому он опасается обвинений в «недостоверности» своего труда. Его опасения небеспочвенны: сам Луп не был очевидцем событий, о которых идет речь в житии, а людей, знавших святого лично, он не застал в живых. Поэтому Луп ссылается на пример римских историков, которые писали свои труды, «частью услышав, частью узнав из написанного» от том, что происходило в прошлом. Луп был не единственным автором каролингской эпохи, составлявшим житие святого, прославившегося в период христианизации Франкии, но сложность его положения состояла в том, что современники св. Вигберта не оставили никакого жития этого святого, даже самого несовершенного с точки зрения латинского языка и риторики. Он должен был составить житие, которое отвечало бы сложившемуся к IX веку агиографическому канону, опираясь на устное предание, в случае св. Вигберта, весьма небогатое, и немногие достоверные сведения о жизни святого.

Составляя «Житие св. Вигберта», Луп обращается к классической житийной схеме, согласно которой следует рассказывать о

³ Также сохранилось около 130 писем Лупа к различным лицам. Многие из этих писем показывают интерес Лупа к античной литературе, к собиранию манускриптов античных и раннехристианских авторов.

⁴ Св. Вигберт (ок. 670 – ок. 738), англосаксонский миссионер; прибыл на Континент по приглашению св. Винфрида-Бонифация в начале 20-х годов VIII в. День памяти 13 августа ст. ст.

происхождении, семье и воспитании святого, о его деяниях, о его кончине и посмертной славе. В понятие «посмертная слава» включаются чудеса, произошедшие у гробницы святого по молитвам к нему.

По содержанию «Житие св. Вигберта» можно разделить на три части. Первая часть рассказывает о земной жизни святого (гл. 1-11); глава 12 готовит читателя к восприятию дальнейшего повествования; вторая часть касается войны с саксами, во время которой помощь святого особенно ощущалась теми, кто заботился о его мощах (гл. 13-23); третья часть (гл. 24-30) сообщает о переносе мощей святого в монастырь Херсфельд к месту их последнего упокоения и о чудесах, которые там произошли.

О жизни св. Вигберта известно крайне мало. Все, что было известно о нем уже в 830-х гг., укладывается в несколько строк. Англосакс, старший современник св. Винфрида-Бонифация, был приглашен им в Германию и стал одним из его сотрудников-миссионеров; по его благословению, св. Вигберт возглавил сначала монастырь Фрицлар, затем Ордорф, налаживая там жизнь по уставу. В конце жизни св. Вигберт опять вернулся во Фрицлар и до своей кончины жил там на покое. Этих немногочисленных фактов не хватало для создания жития, и Луп вышел из трудного положения, то обращаясь к истории Англии, откуда был родом святой (гл. 1 и 2, соответствующие в житийной схеме повествованию о происхождении, семье и юности героя), то к миссионерской деятельности св. Винфрида-Бонифация (гл. 3, 4, 5; рассказ о деятельности известного святого должен был давать понятие о трудах его почти неизвестного соратника), то к «общим местам», помогающим создать образ главы монастыря и строгого аскета (гл. 5, 6, 7). Только три главы из одиннадцати, относящихся к земной жизни св. Вигберта, в определенной мере отражают живое устное предание о нем. Так, в гл. 8 говорится о «священном обычае» святого, связанном с его пастырским служением (он принимал исповедь у всех желающих и проповедовал при каждом удобном для этого случае), а гл. 11 повествует о чуде, произошедшем в момент его кончины. Обе эти главы лишены подробностей и скорее констатируют факты, чем описывают происходящее. Исключение составляет гл. 9 («О виноградной лозе удивительной величины, которая выросла из виноградной косточки, посаженной святым»), которая представляет собой краткую законченную историю о чуде, совершенном св. Вигбертом, род благочестивого анекдота. Возможно, в народной памяти рассказ об удивительной лозе был прочно связан с именем св. Вигберта и передавался из поколения в поколение почти сто лет.

В главе 12 Луп говорит о месте, где похоронен святой. Далее необходимо упомянуть о чудесах, которые произошли на могиле св. Вигберта. Здесь автор опять сталкивается с отсутствием сведений и, стараясь не отклоняться от агиографического канона, вставляет собственное рассуждение о святых и чудесах, которые происходили по молитвам к ним. Это рассуждение готовит читателя к восприятию тех частей жития, которые повествуют о «посмертной славе» святого. Главы 13-23 описывают события, происходившие в середине 70-х гг. VIII в., т. е. перенесение мощей св. Вигберта в город Бурибург и войну с саксами-язычниками. Действие 24-25 глав относится к 780 г, когда мощи святого были перенесены в монастырь Херсфельд. Второй перенос мощей открывает новый период в истории святого. Нижней границей этого периода является год переноса, верхняя принадлежит вечности. В свете этого, чудеса, описанные в главах 26-30, являются примерами, выбранными из множества сходных случаев, имевших место к моменту написания жития.

Собственно житию в качестве рамы служит послание Лупа к авве Бунону с братией, так что текст письма разделен на послание и заключение, содержащее в себе «общие места», которые необходимы в заключительной части послания.

Кроме жития, Луп составил и проповедь на праздник св. Вигберта, и гимны, которые пелись во время службы этому святому. При составлении проповеди ему пришлось решать ту же проблему, что и при написании жития: скудные биографические сведения потребовали упоминания об апостолах, девственниках, мучениках, исповедниках, а слушатели должны были сами представить себе деяния святого, который был миссионером, т. е. нес апостольское служение, монахом, т. е. принадлежал к девственникам и исповедникам, мучеником, ибо монашество рассматривалось как бескровное мученичество.

Написание произведений, тесно связанных со структурой церковной службы, наводит на мысль, что авва Бунон, побудивший Лупа взяться за такой труд, был настоятелем Херсфельда, где находились мощи св. Вигберта, а сам заказ был сделан для того, чтобы на праздник этого святого, считавшегося, вероятно, покровителем монастыря, за службами читались и житие, и проповедь, пелись молитвы и гимны святому.

Луп был не единственным автором, создавшим подобный литературный ансамбль. Его предшественникам был Алкуин, а позже такие же группы произведений писали, например, Эйрик Оксерский и Хинкмар Реймский. Подобная практика восходит ко времени правления Карла Великого. VIII век был отмечен церков-

ными реформами во всем христианском мире. Св. Иоанн Дамаскин (676–754 или 676/7) упорядочил богослужебный Октоих, или Осмогласник, т. е. песнопения на воскресные дни для вечерних и утренних богослужений. Все эти песнопения разделялись на восемь гласов, или напевов, каждый из которых использовался в течение недели. Дамаскин был автором не только музыки, но и текстов. Введение Октоиха потребовало пересмотра богослужебного устава, принятого в Иерусалиме. Кроме этого, Дамаскин ввел единообразие в праздновании дней святых, упорядочив Месяцеслов. Октоих был принят в греческих и сирийских церквях, а также у яковитов⁵ и несториан. Реформы Дамаскина были известны и Западной Церкви. Так, Карл Великий принял Октоих⁶, приказав перевести для пения в своих храмах антифоны. Упорядочение Месяцеслова Восточной Церкви, возможно, стало одной из причин составления служб святым, прославленным на Западе. Как представляется, написание группы произведений, необходимых для праздничной службы тому или иному святому («житие – проповедь – гимны»), не было возведено в закон, однако авторы, отличавшиеся ученостью, широким кругозором, интересом к церковным традициям христианского мира, оставили нам прекрасные литературные ансамбли.

Переводы Жития св. Вигберта, Гомилии на праздник св. Вигберту и Молитвы св. Вигберту выполнен по: PL. Vol. 119, Col. 679-698; 697–699.

⁵ Сирийские монофизиты.

⁶ Монахиня Игнатия. Преподобный Иоанн Дамаскин в его церковно-гимнографическом творчестве // Богословские труды. Сб. 23. М., 1982. С. 65-66.

ЖИТИЕ СВ. ВИГБЕРТА

Досточтимому авве Бунону и всем братьям его Луп желает величайшего спасения.

Я медлил, не доверяя своим силам, но Ваша настойчивость принудила меня попытаться описать житие св. Вигберта. И справедливость требовала, чтобы я продолжал упорно отказывать вам, поскольку мне, неспособному, не хватает тонкости ума для описания этого предмета, а к этому прибавилось еще и то обстоятельство, что Вы попросили об этом труде в то самое время, когда я наиболее занят; но любовь к Вам заставила меня, отложив тяжчайшие неотложные дела, уступить Вашей воле. Поскольку тот, кто повинуется, отложив свое попечение, имеет подчас попечение о пользе братий, я подчинился Вашей власти. Остальное предается Божественному Милосердию и заступничеству блаженного мужа, к деяниям которого я решил некоторым образом прикоснуться, чтобы достойное памяти было описано достойной речью, и значение того, что в высшей степени ясно по своей природе, не ужасало бы, искаженное невеждами.

Пусть не посчитает кто-нибудь этот труд недостоверным потому, что он пишется в 836 году, 14 индикта от Воплощения Господня и кажется, что я повторяю сделанное 90 лет назад⁷, пусть этот муж, если, конечно, он хотя бы слегка образован, вспомнит о Саллюстии Криспе и Тите Ливии, которые, частью услышав, частью узнав из написанного, рассказали немало из того, что давно предшествовало их веку; если же перейти к нашим писателям, Иероним прославил на письме жизнь своего Павла, которая, конечно, была весьма удалена от него по времени, и предстоятель Медиоланский Амвросий, написав, оставил нам «Страдание девы Агнессы», современником которой он не был⁸. И это житие не ново, и оно, будучи забытым, нуждается в искуплении по причине пренебрежения древних, а именно:

⁷ В конце 40-х гг. VIII в.

⁸ Двое из четырех великих учителей Западной Церкви; блаж. Иероним (ок. 341–420), кроме жития прп. Павла Фивейского, написал еще жития прп. Иллариона и Малха; свт. Амвросий Медиоланский (339–397) – автор сочинений «О Товии», «О патриархе Иосифе».

деяния столь великого мужа не были преданы памяти, хотя мы знаем не только от тех, кто жил незадолго до нас, но даже от тех еще, кто жил очень давно, важнейшие дела иногда предавались молчанию. Потому не понимаю, почему мне оказывает доверие, когда по моей вине добродетели столь выдающегося мужа до сих пор не преданы письму, а я на самом деле устраниюсь, я не предлагаю желающим прочесть ничего, что бы ни было им точно известно. Да обрету у благожелательного и ученого читателя такую милость: если где-либо изящество латинского языка делается более грубым по причине имен людей и мест, переданных народным германским языком, пусть он перенесет это, умеряя свой гнев, и вспомнит, что я пишу не стихи, где имена подчас увечатся ради поэтической вольности и приспособляются к звучной римской речи или совершенно изменяются, но историю, которая отклоняет темную двусмысленность украшений. Однако приступим к исполнению нашего замысла.

ГЛАВА 1

О том, как саксы стали жителями острова Британии⁹

Свидетельства подтверждают, что жители Британии, называемые англосаксами, ведут свой род от тех саксов, которые населяют северную область Германии. Ибо в давние времена, когда почти все войска короля бриттов Вортигерна были разбиты по причине часто вспыхивающих войн, он с согласия своих соотечественников позаботился призвать помощь из Германии. Приглашенные Вортигерном дружины саксов пересекли море, простирающееся между берегами Галлии и Германии, и приняли от вышеупомянутого короля место для поселения в восточной части острова; затем они завязали сражение с врагами и без ущерба для себя обратили их в бегство. Когда они объявили о своей победе, а равно и о плодородии острова, туда было послано большее вооруженное войско, и вновь прибывшие саксы избрали место поселения у бриттов на таком условии, что они-де умело пеклись бы о защите страны, а население платило бы воинам жалование. И по этому случаю могущество саксов за короткое время подчинило большую часть острова своей власти.

⁹ Сведения для гл. 1 взяты из «Церковной истории англов» Беда Досточтимого (Кн. 1, гл. 14 и 15).

ГЛАВА 2

О РОЖДЕНИИ СВ. ВИГБЕРТА И О ТОМ, ЧТО ВСЕ ЛЮБИЛИ ЕГО В ТЕХ КРАЯХ ИЗ-ЗА ЕГО СТРЕМЛЕНИЯ К ДОБРОДЕТЕЛЯМ

После того как этот народ подчинился христианской вере, от его потомков повел свой славный род и блаженный Вигберт, далеко превосходя знатность мирского рождения выдающимся достоинством добродетелей. Ибо с отроческих лет он столь прославился честностью обычаев, что уже ясно открывалось, кем он будет; и что жребий свыше, как случалось, избрал великое дарование, весьма превосходящее обычные способности. Он, усердно научившись Священному Писанию, повсюду снискал себе горячую любовь и не меньшее почтение по причине своей неслыханной разумности и серьезности.

ГЛАВА 3

О СЛАВЕ И ПОЧЕСТЯХ МУЖА БОЖИЯ И КРАТКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ О СВЯТОСТИ И МУЧЕНИЧЕСТВЕ СВ. БОНИФАЦИЯ¹⁰

В то время как о св. Вигберте обильно распространялось доброе мнение, по воле Божией оно достигло слуха славнейшего мужа Бонифация. Сей Бонифаций был мужем столь великой святости, что общее единодушное мнение не только в Германии, где он трудился на ниве Господней, усердно и благоуспешно засевая ее, но еще и в Галлии и в других частях земли твердо верит и весьма охотно признает его равным по славе древним отцам по причине всей его жизни. Ибо он был усерднейший защитник христианской веры и бдительнейший ее распространитель. Он не умел ни добиваться благоволения сильных мира сего отвратительной угодливостью и лестью, ни ослаблять честь и строгость церковную смертоносными выгодами, которые едва подслащены утешениями. Так, посветив всего себя Богу, непобедимый воин Христов усердно трудился и принял в лоно Церкви новообращенный народ фризов; не устранившись, что ярость варваров поразит его мечом, он вынес из битвы венец мученичества. Но пусть повествование вернется к тому замыслу, от которого мы немного уклонились.

¹⁰Св. Винфрид-Бонифаций (ок. 675 – 5 июня 754 г.), англосакс, архиепископ Майнцский, называемый за свои труды Апостолом Германии.

ГЛАВА 4

О ТОМ, КАК СЕЙ БОНИФАЦИЙ ПРИЗВАЛ СВ. ВИГБЕРТА
НА ПРОПОВЕДЬ ХРИСТИАНСТВА

Замыслив открыть неверующим путь спасения и с помощью Божией вернуть назад тех, кто сбивался с него, сей Бонифаций вскоре после этого пришел в Германию и усердным старанием позаботился призвать блаженного Вигберта, который в будущем стал ему помощником в проповедании христианства. И тот, послушный зовущему его св. Бонифацию, более того, Богу, вошел в общение со святым предстоятелем в то время, когда вождь франков (*dux Francorum*) Карл¹¹ получил верховную власть. Поскольку св. Вигберт был сотоварищем блаженного Бонифация, предстоятель принял его с большой охотой и относился к нему с величайшим почтением, будучи связан с ним братской любовью, потому что св. Вигберт, как старший по возрасту, ранее воспылал стремлением к Божественному.

ГЛАВА 5

О ТОМ, ЧТО СВ. ВИГБЕРТ БЫЛ ПОСТАВЛЕН НАСТОЯТЕЛЕМ
НАД МОНАХАМИ ВО ФРИТЕСЛАРЕ¹²

Спустя некоторое время св. Бонифаций был Божией милостью возведен на важнейший сан предстательского достоинства в Могонтиаке¹³, с согласия клира он поставил св. Вигберта главой в свою киновию, имя которой на народном языке германцев Фритеслар, чтобы сей муж наладил там жизнь по уставу монашеского благочестия и улучшил положение дел. Там св. Вигберт долго жил со своим Мегингом¹⁴ и исправил образ жизни братьев, до тех пор нестрогий и расслабленный, подчинив его правилу своей жизни, в чем он, без сомнения, руководствовался примером Священного Писания.

¹¹ Карл Мартелл (ок. 688 – 21. 10. 741), будучи майордомом, фактически управлял государством

¹² *Frideslar* или *Friteslar*. См. ниже, примеч. 16.

¹³ *Moguntiaci*. Ныне – Майнц.

¹⁴ Св. Мегинг (Мегингод), бенедиктинский монах, епископ. Поступил в монастырь Фрицлар в 738 г., позже стал его настоятелем, с 754 г. епископом Вюрцбургским; в 787 году удалился на покой в основанный им монастырь (769 г.) в «новом городе» в честь Пресв. Богородицы, св. Мартина Турского, Архангела Михаила и свв. апп. Петра и Павла (ныне, *Neustadt am Main*).

ГЛАВА 6

О том, что св. Вигберт по приказу св. Бонифация
ПЕРЕШЕЛ В МОНАСТЫРЬ ОРДОРФ¹⁵.

После того, как во Фритесларе¹⁶ ученики святого мужа в течение долгого времени усваивали учение святого исповедания, упражняясь в нем, они в немалом числе, подражая наставнику, позже приняли заботу настоятельства. Блаженный Бонифаций не потерпел, чтобы столь великий муж, подобный светильнику, по предваряющей Христовой благодати, рассеивал мрак одного лишь места, и отеческим увещанием побудил его перейти в другой монастырь, который называется Ордорф. И там, усердно трудясь с таким же успехом, св. Вигберт исправил то, что делалось ошибочно, и сам, неуклонно следуя тесным путем, который ведет неустанно к жизни вечной, благоуспешно повлек за собой великое множество братий. Ибо, наученный примером Спасителя, он прежде исполнял то, чему должно учить¹⁷, и имел обыкновение делом предварять шествовавших за ним в том, в чем наставлял их.

ГЛАВА 7

О том, что, вновь вернувшись во ФРИТЕСЛАР,
СВ. ВИГБЕРТ ПРЕДАЛСЯ ЕЩЕ БОЛЕЕ СУРОВОЙ ЖИЗНИ

По этой причине св. Вигберт не напрасно провел в трудах несколько лет, живя в Ордорфе. Хотя святой муж, будучи отягощен старостью, часто страдал от возвращающейся болезни, он ничто не желал делать без власти св. Бонифация. Св. Вигберт добился у предстоятеля усердными мольбами, основанными, однако, на искреннем смирении, чтобы он мог вернуться в прежнюю киновию, которой он управлял ранее, и жил там на покое до кончины. Там, принятый с изъявлениями радости многолюдным соб-

¹⁵ Ordorff. Ныне Ордруф, первый монастырь, основанный в Тюрингии (725 г.) св. Винфридом-Бонифацием; являлся базой для деятельности англосаксов-миссионеров.

¹⁶ Frideslar или Friteslar. Монастырь Фрицлар основан в 723–724 г. св. Винфридом-Бонифацием на реке Эдер (Adrana) во время одной из его миссионерских поездок к язычникам-хассонам. Св. Винфрид-Бонифаций срубил священный дуб в святилище бога Тора в Гейсмаре (ок. г. Бурибурга) и из его древесины приказал построить во Фрицларе церковь св. ап. Петра. До основания Фульды (744 г.) был центром миссионерской деятельности англосаксов в Гессене. В 732–733 переформирован в монастырь. Основные здания были отстроены в 734 г., главная монастырская церковь завершена в 740 г. Первым настоятелем монастыря был св. Вигберт, чьи мощи были перенесены в город Бурибург в 774 г. по причине частых набегов язычников-саксов. См. ниже, гл. 13.

¹⁷ Деян 9:15, Притч 24:32.

ранием братьев, муж Божий, словно бы снова став отроком и помолодев, заново с усердием приступил к основам святости и к духовной брани, весьма суровой по замыслу; он не согласился соразмерить с этим ни заслуженный возраст, ни столь многочисленные превосходные труды; но, забыв прошлое, согласно апостолу¹⁸, он устремился к радостям вечного блаженства, которых должно добиваться, ибо с великолепом их ничто не может сравниться в сей жизни. И хотя, как мы уже сказали, тело св. Вигберта угнеталось болезнью, его дух не потерпел, чтобы узда воздержания была ослаблена большей снисходительностью; однако муж Божий считал, что не нужно порицать тех, кто щадит себя, позволяя себе послабления во время немощи; «сосуд избранный» подтвердил собственным примером, что должно добровольно воздерживаться от дозволенного для того, чтобы человек мог постепенно идти к немалой награде Божией. И так, в точности исполняя служение любви, св. Вигберт соразмерял себя с обществом братьев; он весьма упорно воздерживался от пустых слов и никогда не оставлял умом размышление о Божественном законе.

ГЛАВА 8

О ТОМ, СВ. ВИГБЕРТ ПОСЕЩАЛ БОЛЬНЫХ,
КОГДА ЕГО ПРОСИЛИ, НЕ ОЖИДАЯ СПУТНИКОВ

У этого Вигберта был всегда священный обычай: когда некий верный просил выслушать его исповедь, святой шел к нему; он не мог уклониться от встречи с людьми, приходящими к нему, не завязывал ни с кем разговора необдуманно, посвящая себя толпам посетителей (что, как умно выразился некий муж, подчас происходило по пути, а не подготавливалось заранее, чтобы спасти чью-то душу), преданный этому особому предписанию Господню, он был готов щедро дарить серьезные увещания к спасению, досадуя на промедление. И где бы он ни встретил собрание людей, лишенных спасительных советов, он, считая временное малоценным, тотчас же предавал гласности то, что служило вечному спасению души, привлекал к себе слушателей разными смыслами Божественного закона, и, как во всех отношениях знающий врач, исцелял души от тайных страстей.

¹⁸ Флп 3:7-8.

ГЛАВА 9

О виноградской лозе удивительной величины, выросшей из виноградской косточки, посаженной святым

Отнюдь не обойду молчанием еще и такое чудо, поскольку единогласная молва верных и незванная присоединяется к рассказу. Ибо в то время как святой исполнял по обычаю дело Божие, неясно, по какому случаю, у него не было вина, без которого не претворяется Кровь Господня. Тогда он поспешно вышел из церкви и случайно заметил на лозе гроздь винограда; святой сорвал ее и тут же выжал чистыми руками сок в потир. Освободив руки от отжимков, он нашел одну виноградную косточку, неповрежденную перетираем; он тотчас же воткнул ее в землю перед церковью и немедленно удалился, чтобы довершить начатое служение. Когда служба окончилась, некий обеспокоенный брат, который наблюдал, что незадолго до этого сделал святой, смиренно спросил у мужа Божия о смысле сделанного. Заметив, что его деяние открыто, святой сказал: «Если дела мои находятся в Господнем попечении, в течение нового годового круга Он соизволит открыть это». И за этим событием последовал исход, достойный веры. Ибо из этой косточки появились столь многочисленные побего, что они разрослись, быстро заняв весьма большое пространство земли; опираясь на колышки, и весьма охотно предоставляли сидящим крышу нависшими ветвями.

ГЛАВА 10

О том, каков был конец жизни св. Вигберта, когда он оставил сей мир

Блаженный Вигберт неуклонно пребывал в вышеназванном монастыре, исполняя Божественные предписания и всегда исправляя дурные обычаи, до тех пор, пока Господь не призвал его к Себе и не освободил его от уз плоти. Этому предшествовала тяжелая болезнь, и так, достигнув предела сей жизни. Св. Вигберт умер и сделался общником святых.

ГЛАВА 11

О том, как прекраснейшая птица
появилась над телом святого мужа

Однако в час его исхода приключилось дело, исполненное изумления. Когда вокруг одра святого стояли братья, над его телом показалась некая птица, красивейшая видом, и взлетела над ним три раза; нигде после она не появлялась. Всем, без всякого сомнения, стало известно, что это знак его непорочной жизни.

ГЛАВА 12

О многочисленных чудесах, совершенных у гробницы святого

Тело св. Вигберта было положено перед церковью в ничем не примечательной гробнице; несколько лет он покоился в таком месте, вид которого едва позволяет поверить, сколькими или какими знаменами Божественное Милосердие прославило этого мужа. Хотя по небрежности эти знаменья не сохранились, преданные письму, однако о них, там и сям доведенных до всеобщего сведения, народ еще не перестал рассказывать. И потому, я расскажу о некоторых из них, учась краткости. Мое мнение напрямик говорит так: в давние годы всегда были достойные чудеса, которые Бог изволяет являть ради памяти святых желающим чрез тех мужей, кто, по сообщению правдивых писателей, живя непорочно, но до сих пор угнетаясь тяготой плоти, совершает чудеса во множестве. Эти мужи еще могут впасть в соблазн и опасаются какого бы то ни было маленького падения. Так более благожелательно, нежели верно утверждают о святых и праведниках опытные знатоки этого дела. К благосклонному мнению о праведниках примешивается человеческое рассуждение, а что касается святых, когда они являются, слава их святости не сможет потемниться подозрением в тщеславии.

ГЛАВА 13

О ТОМ, ЧТО ИЗ СТРАХА ПЕРЕД САКСАМИ
ХАССОНЫ¹⁹ ВЫКОПАЛИ МОЩИ СВЯТОГО

Однако мы должны исполнить обещанное до конца. Свирепый народ саксов, пересекший собственную границу, устремился на соседние со своими поля и побудил своей (военной) силой недостаточно отважных жителей из страха перед нападавшими собраться в город, имя которому Бурибург²⁰. Сидя в запертом городе, жители рассудили, что их непрочное спасение обеспечивается лишь слабой преградой стен, и для того, чтобы защитить себя, позаботились перенести в город мощи блаженного мужа, в

¹⁹ Германское племя, населявшее Гессен и давшее этому краю свое имя.

²⁰ Бурибург (Burburch, совр. Bûrburg) (в земле Гессен, на юго-запад от монастыря Фрицлар). Центр миссионерской деятельности сначала ирландских, затем англосаксонских миссионеров. Обладание этим городом окончательно укрепило позиции франков в Северном Гессене; в 741 г. св. Винфрид-Бонифаций основал здесь епископскую кафедру. После ранней смерти первого (и единственного) епископа Бурибургского Витты Бурибург был присоединен к Майнцской диоцезе, городом и окрестностями управлял хорепископ, представитель архиепископа Майнцкого. После 804 г. Бурибург теряет свое стратегическое и военное значение.

особенности потому, что боялись, как бы безумные саксы не захватили, осквернив гробницу, ее сокровища. Однако перенос мощей дался желающим нелегко.

ГЛАВА 14

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕНЕСЕНИЯ МОЩЕЙ СВ. ВИГБЕРТА

Ибо когда огромное множество людей, сопровождавшее мощи, вошло в неглубокую долину, расположенную напротив города, то святые мощи были положены там на землю, чтобы несшие их люди могли немного отдохнуть. Когда же они вскоре приготовились довершить начатый путь, удивительно сказать, мощи, которые они несли до того времени, сделались весьма тяжелы, и не было возможности сдвинуть их с места. Все были приведены этим в ужас и порешили, что лучше уж они испытают здесь худшее, чем оставят в опасности своего покровителя; наконец при помощи горячих молитв они узнали волю Божию, и когда носилки были с величайшей легкостью подняты, молящиеся обрели желаемое.

ГЛАВА 15

О СВЕЧЕ, УПАВШЕЙ В РЕКУ

Было еще и такое чудесное знамение. В то время как сопровождавшие мощи святого переходили реку Адрану²¹, выражая глубочайшее почтение человеку Божию крестами, хоругвями, а равно и восковыми свечами и хвалами, подобающими останкам блаженного мужа, из руки некой жены, пораженной необычностью происходящего, выпала свеча и погрузилась в речную глубину. Когда многие, стараясь изо всех сил, наперерыв бросились вынимать свечу из воды, то ожидали, что по причине враждебной природы стихий, она, наверное, погасла, однако обнаружили, что ее свет не померк, и как прежде, огонек свечи изливает сияние. Истинно, мы не сомневаемся и верим в то, что все, что бы ни делалось по воле Божией, согласуется с природой. Нам видится достойным доверия то, что огонь не был потушен водой так же, как не уступила огню человеческая природа в тех известных трех отроках²².

²¹ Ныне – р. Эдер.

²² Дан 3:19-51 и далее.

ГЛАВА 16

О ВЫЛАЗКЕ ГОРОЖАН И О ПОЛНОМ ПОРАЖЕНИИ ВРАГОВ

Когда же драгоценные останки блаженного мужа были принесены в город, враждебное войско саксов, преследуя горожан, начало тревожить их и превосходящей военной силой прогонять их с городских стен. И те, сделав вылазку, при поддержке заступничества святого Вигберта, весьма благоуспешно вступили в сражение; обнаружилось, что жители города гораздо сильнее; они рассеяли и поразили многочисленное войско, и изувечили ранами многих замешкавшихся, и в конце концов всех принудили искать спасения в бегстве.

ГЛАВА 17

О ТОМ, КАК, УСТРАШЕННЫЕ ВЕЛИЧИЕМ НЕБЕСНОГО ВИДЕНИЯ,
САКСЫ СПАСЛИ СВОЮ ЖИЗНЬ БЕГСТВОМ

Озловившись еще больше из-за того, что их прогнали, и желая повторным боем смыть бесчестье своего бегства, и, победив их, истребить прежних победителей до единого, той же самой ночью, после которой, как саксы надеялись, воссияет день жестокой битвы, внезапно, эти нечестивцы, пораженные невероятным ужасом, увидели, что свыше пролился светлейший свет и окружил церковь того, чья память уже упоминалась выше. В этом свете саксы узрели на гребне церковной кровли некое видение, имеющее очертания человеческого тела, далеко превосходящего смертных и телесной крепостью, и достоинством, еще и закутанного в белые одежды и ходящего туда и сюда. Потому и по Божественной воле, и испуганные величию этого видения, саксы, побросав обозы и все прочее, что необходимо, и спеша, в конце концов, спасти свою жизнь, снова обратились в бегство.

ГЛАВА 18.

О ДЕЛЕЖЕ ДОБЫЧИ

Рано утром, когда стало достоверно известно, что враги ушли, более того, убежали, побросав все в великом множестве, будто нагие, из города вышли те, кто, запершись, переждал нападение врагов за преградой стен. Горожане, радуясь Божественной щедрости, разделили на всех поровну доспехи и имущество противников и увезли эту неожиданную радость в город.

ГЛАВА 19

О ЧЕЛОВЕКЕ, ПОРАЖЕННОМ НЕИЗЛЕЧИМЫМ ПАРАЛИЧОМ

Немного времени спустя, когда эти же саксы вернулись, собираясь возобновить столь неудачно начатые битвы, один из них схватил горящую головню, прибавил пищи для огня и уже силился спалить вышеназванную церковь, но это было напрасное и невыполнимое усилие; по заступлению св. Вигберта он был повергнут на землю Божественной силой и получил достойную награду за кощунственный замысел, а именно: он был поражен неизлечимым параличом.

ГЛАВА 20

О ГРАБИТЕЛЕ, ЛИШЕННОМ УМА И ЗРЕНИЯ

Пытаясь ограбить это же здание, один из саксов разбил дверь, ворвался внутрь и схватил искусно вызолоченный литой серебряный крест, но никак не решался вынести его нечестивыми руками. И тотчас же последовала Божия кара, так что он сделался не владеющим собой, и ты скорее вел бы его, как бессмысленное животное, чем как человека. Когда его обнаружили бродящим так вокруг церкви, он, не сознавая этого, праведно возвратил то, что неправедно украл в полном сознании. Также на вилле Гейсмар²³, которая была недалеко от города, нашлись невредимыми и мощи святых, увезенные этими же саксами.

Глава 21

О НЕДЕЙСТВЕННОЙ СИЛЕ ОГНЯ

Не обойду молчанием еще и такое [чудо]. Не раз часто упоминаемые саксы, употребив огонь и в большом количестве трут, вполне дружественное огню вещество, набивали горючее в здание этой церкви и пытались ее сжечь, но, благодаря вмешательству блаженного Вигберта, их безумные ожидания были обмануты. Столь мало было действие их разрушения, что этот огонь, который пускала в ход неистовствующая рука варваров, не имел власти ни над чем, кроме лежащих на полу церкви горючих веществ. Видел бы ты, как простое вещество дерева, совершенно не покрытое квасцами²⁴, будто бы отстраняло от себя мощь огня и по воле Божией являло дивящимся людям внушенную ему силу со-

²³ Gesmari. Один из каролингских доменов в Саксонии; бывшее святилище языческого бога Тора со священным дубом, разрушенное св. Винфридом-Бонифацем. Вероятно, саксы-язычники неслучайно отвезли в Гейсмар похищенные из Бурибурга мощи святых.

²⁴ Квасцы – соль, употреблявшаяся в медицине и ремеслах; еще в античности было обнаружено, что дерево, опущенное в квасцовый раствор, становится огнеупорным.

противления той стихии, которой прежде было послушно.

ГЛАВА 22

О ТОМ, ЧТО САМО ЗДАНИЕ ЦЕРКОВНОЕ
НЕ МОГЛО БЫТЬ ЗАПАЧКАНО НЕЧИСТОТАМИ

После отступления саксов немалая часть хассонов (ибо хассонами зовутся те, кто населяет саму эту область) сошлась, чтобы вычистить церковь, думая, что она сильно загрязнена, ибо саксы устроили в ней конюшню и не оказывали зданию церковному никакого благоговения. Однако вошедшие не нашли почти ничего, о чем тревожились. Так Божественная сила очистила осквернение нечистотами, что нигде не осталось и следа всей грязи.

ГЛАВА 23

Об истечении МИРА ОТ МОЩЕЙ СВЯТОГО

Это случилось подле церкви, перед которой, как мы указывали, долго стояло здание гробницы св. Вигберта, после того как его мощи понесли в город. Когда его останки сдвинули с места, как бесценное миро повсюду распространило приятнейший запах, так и перенесенные останки сего мужа щедро источали благоухание чудес. Это открыл, конечно, честный и самый доверенный свидетель, когда уже соединение членов святого было поколеблено человеческими обстоятельствами; некогда дух блаженного Вигберта явился ему, совершая чудеса, и удостоил его в продолжение двух или трех дней сочетанием девяти знамений.

ГЛАВА 24

О ТОМ, КАК, ПО НЕБЕСНОМУ УВЕЩАНИЮ, МОЩИ СВ. ВИГБЕРТА
БЫЛИ ПРЕПРОВОЖДЕНЫ В МОНАСТЫРЬ ХЕРОЛЬФЕСФЕЛЬД²⁵

По прошествии нескольких лет Альбуину²⁶, предстоятелю Фритесларскому и этого же города, [а именно: Бурибурга], во сне явился некто, сказавший, что он послан свыше в монастырь, имя которому Херольфесфельд; он предписал, чтобы туда были пе-

²⁵ Herolfesfeldt. Монастырь Херсфельд основан на месте зремидия (cella), построенного св. Стурмом (Sturmi, Sturmio, Sturm), учеником св. Вигберта между 769 и 775 гг. родственником и сподвижником св. Винфрида-Бонифация Луллом, который жил в этом монастыре с 780г. до своей кончины в 786 г. 13 августа 780 г. в монастырь были принесены мощи св. Вигберта.

²⁶ Альбуин, или Витта (ум. п. 760 г.), монах монастыря Йона, англосакс или ирландец по национальности, миссионер. Рукоположен в епископа Бурибургского св. Винфридом-Бонифацием в 741 г. В то время, когда происходили события, описанные в житии, Альбуин был хорепископом Бурибургским.

ренесены мощи блаженного мужа. Запомнив сон, епископ открыл его Лулле²⁷, архиепископу Могонтиакской Церкви; и тот изложил дело великому Карлу и немедленно вымолил его согласие. Так по приказанию Лулла помощник его Альбин в сочное время тайно передал прах блаженного Вигберта трем монахам вышеназванной киновии, а именно: Эрнусту, Батуриху и Вольфу, с тем, чтобы они перенесли его в Херольфесфельд. Они опасались делать это днем, (опасаясь), как бы народ, привязанный любовью к столь великому мужу, не убил вышеупомянутых братьев в слепом мятеже, или не совершил над ними какое насилие и не присвоил себе право на столь необычайное сокровище по причине своих превосходящих сил. Не потому так было решено, что досточтимый настоятель не полагался на святого Вигберта, который, без сомнения, мог защитить несущих его останки своим вмешательством, но твердо знайте: хотя Бог открыто благоволил совершаемому, настоятель принимал во внимание рассуждение человеческой мудрости, которое никоим образом нельзя считать маловажным. Ибо со служением христианина, пока человек должен что-либо делать в мире сем, совершенно согласуется такая мысль: не искушать Господа Бога своего. Потому, если кому это утверждение может показаться устаревшим, обратив внимание сего мужа на следующий рассказ из Священного Писания: когда фараон отпустил народ Израильский, Господь не повел его по пути, лежащему через землю филистимлян²⁸, для того, чтобы не покарать Своих избранных, если бы Бог увидел случайно, что они начинают восставать против Него. Ясно, что муж сей не может обойти этого места; если же он не присоединяется к нашему мнению, более того, к мнению древних, не иначе, как он пребывает в нездравом рассудке; в этом примере показывается, что люди должны делать все, что возможно, по здравому совету, чтобы избежать неблагоприятного, даже когда Господь в высшей степени явно предстает им Помощником.

²⁷ Лулл (ок. 710–786), архиепископ Майнцкий. Родился в Вессексе (Англия), двоюродный брат св. Винфрида-Бонифация. Принял монашество в монастыре Малмсбери, знаменитом своей школой; в 738 г. присоединился к англосаксонским миссионерам на Континенте, став ближайшим помощником, а затем преемником св. Винфрида-Бонифация в качестве епископа Майнцкого после его мученической кончины в 754 г. Получил архиепископский паллий в 781 г. До своей кончины жил в основанном им монастыре Херсфельд (с 780 по 786 гг.).

²⁸ Исх 13:17.

ГЛАВА 25

О ТОМ, КАК ГРОБ СЯТОГО БЫЛ ПОМЕЩЕН В ГРОБНИЦУ

Итак, вышеназванные братья быстро принесли в монастырь Херольфесфельд щедрейший дар, врученный им епископом, и, встреченные там прочими слугами Божиими, останки святого были со славой похоронены на лучшем месте в церкви. Лулл, с согласия великого Карла, позаботился изукрасить надгробие св. Вигберта золотом и серебром, а равно и иными подобающими металлами, по обычаю, какой можно наблюдать в надгробиях прочих святых в Галлии и Германии, и завершил этот труд к августовским Идам²⁹. После того, как преизобильно излилась Божественная благодать, там просияли великие и удивительные знамения. Так как они почти неисчислимы, здесь я прибавлю некоторые из них; размышляя над этими чудесами, всякий, кто захочет, оценит и другие.

ГЛАВА 26

ОБ ИСЦЕЛЕНИИ ХУНТХЕРИ

Некий муж, больной настолько, что он был привезен в упомянутый монастырь на тележке, устроенной наподобие носилок, при помощи заслуг блаженного Исповедника, там вновь выздоровел не частично, но обрел крепкое здоровье; и, облекшись здесь в монашеское платье, он участвовал в монастырских послужаниях и находил удовольствие в том, что ничем не отличался от прочих братьев. Его имя было Хунтхери.

ГЛАВА 27

О БУРГВАРТЕ, ПОРАЖЕННОМ ПАРАЛИЧОМ

Также и другой муж, именем Бургварт, который был лишен почти всех телесных сил, немалое время лежал у порога св. Вигберта, и наконец при содействии его собственных неустанных молитв ему было даровано избавление от болезни. И в самом деле, обретая давно забытую способность ходить, он даже отправился в Рим, чтобы помолиться там.

ГЛАВА 28

О СИГЕБЕРТЕ, ОДЕРЖИМОМ НЕЧИСТЫМ ДУХОМ

Господь не отказал этому своему испытанному рабу и в благодати изгнания злых духов. Ибо в недавнее время некий муж, по имени Сигеберт, одержимый жесточайшим демоном, вызывая у всех сострадание, был приведен сюда, смиренный

²⁹ К празднику перенесения мощей св. Вигберта в Херсфельд (Herolfesfeldt) – 13 августа.

железными оковами на руках; благодаря заступничеству св. Вигберта, он был освобожден от беспощадного врага.

ГЛАВА 29

О БЕРТГАРЕ, ОДЕРЖИМОМ НЕЧИСТЫМ ДУХОМ

Так другой муж, называемый Бертгар, был превращен злым духом из человека в неистового зверя; он исцелился от этого ужасного страдания у гробницы святого.

ГЛАВА 30

О ТРОЯКОМ ИЗЛЕЧЕНИИ РАМНУЛЬФА

Сверх того, некий муж, по происхождению аквитанец, имя которого было Рамнульф, с молодых лет глухонемой и согнутый наподобие животного, так что его глаза устремлены были на чрево, будучи приведен сюда, благодаря величайшему и редчайшему чуду, вдруг обрел испрошенное отвержение замкнутого слуха и уст, и еще выпрямился, чтобы, по преимущественному праву человека, взирать на небо. Испытывая прежде страдание от тройного увечья, он дивился тому, что внезапно удостоился стольких же полезных способностей, присущих человеческому естеству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТРУДА

Как Вы пожелали, я, исполнив в прозе начатое, послал Вам свой труд и не прибавил никакого вымысла. Как приказала Ваша пронизательность, я выразил словами то, что должно внушить, оставаясь на тропе истины. О если бы блаженный исповедник Христов Вигберт одарил мое писание милостивым благоволением, и, благодаря своему заступничеству, изволил вознаградить и Вас, доставивших мне сведения о святом, вместе со мной, придавшим этим сведениям вид книги.

ГОМИЛИЯ НА ПРАЗДНИК СВ. ВИГБЕРТА

Радуйтесь и веселитесь в Господе, возлюбленные братья, пришедшие преданным духом на праздник святого Вигберта, и по зову сердца восславьте вместе и многообразно Господа Иисуса Христа, Который никогда не оставляет надеющихся на Него, но милосердно позаботился послать нам, находящимся в сей горестной темнице мира, достохвальных покровителей, чтобы они ходатайствовали за нас; поскольку, благодаря им, мы научены Христианской вере и насыщены небесными яствами, мы уже можем надеяться на небесную награду, если последуем за ними сердцем и делами. Сам также Господь наш Иисус Христос,

Святой Создатель всяческих, сотворил всех святых; и никто никогда не делался святым без щедрого Господня попечения. По этой причине, как мы читаем в Св. Евангелии³⁰, от первомученика Авеля³¹ до наших времен в этом мире Господь прославляет спасительными чудесами святых и избранных Своих, которые не были подвержены мирским соблазнам, но всем напряжением ума и тела питали праведные помыслы и удерживали себя от всяческой неправды, действительно противостоя внушениям диавольским. Вот почему, по преизобилующей Божественной благодати, они суть общники и наследники престолов ангельских на небе, где они не могут желать ничего лучшего, кроме как ненасытимо наслаждаться общением с Господом Иисусом Христом и обществом вышних граждан. И потому, братья возлюбленные, возьмем себе с Божией помощью оружие и примеры тех, кто посредством явной веры покорил царства, вершил справедливость, достиг обетований, и поскольку Господь Иисус Христос правдивым голосом предупредил в Евангелии: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного»³², Павел, славный проповедник, рассудительно предостерегая, говорят так: «ибо не имеем здесь», в мире, полном нечистоты, «постоянного града, но ищем будущего»³³. По этой причине подобает чтобы вы, держащиеся непритворной апостольской веры стремились подражать им во всем пронизательным и неустанным духом, сколько сможете. Ибо, как мы читаем на святых страницах, апостолы были столь воспламенены любовью ко Христу, что никоим образом ни муки или угрозы царей, а равно гонения неверных не могли различить их с Богом; но, благодаря твердой вере и деяниям или любви, которая не пройдет, единодушно, не уклоняясь, они шли по пути спасения, доколе по Божественному призыванию не удастаивались восходить от сего мира в горня. Что скажем о девственниках? По немощи плоти не достанет ума человеческого написать о них нечто достойное или подражать им, ибо у них была одна неизменная вера, одна любовь, одно почтение; и было у них девство плоти, тело целомудренное, девство души, вера неповрежденная³⁴. И что должно сказать также о мучениках, ибо они были украшены благочестивыми стремлениями в Госпо-

³⁰ Мф 14:12; Деян 5:12, 6:8,7:36, 8:6,14:3, 15:12; Евр 11:4.

³¹ Быт 4:8.

³² Мф 5:16.

³³ Евр 13:14.

³⁴ Ср. Откр 14:4-5.

де Христе, они приняли в качестве достойных наград пальмы подвигов и венцы на небесах? Презрев одежды, бедные или богатые, они предали тела на земные мучения, пока не сподобились быть вместе с Господом Вседержителем и вечно царствовать с Ним. Они отвергли цветonoсные крины мира сего с обманчивыми заботами, которые морочат людей своей лживостью, и всеми силами возлюбили Господа Христа, и вследствие этого царствуют в небесных чертогах. Об исповедниках, из собрания которых и этот вот раб Божий, или обо всех прочих святых мы читаем в Божественной истории: все поднялись в горня по тропинке мира сего посредством различных испытаний. Конечно, нам должно в чем-нибудь подражать их святейшей жизни, насколько позволяет это человеческая немощь; ибо мы сотворены по образу Божию, как и они. И потому мы должны возвратить Богу, восседающему на высоком Престоле, наши незапятнанные образы, как Он говорит в другом месте: «Образ Кесаря да возвратится Кесарю, образ Божий да возвратится Богу»³⁵. Если наша жизнь по сравнению с жизнью святых видится дурной, нам, однако, не должно впадать в отчаяние, которое опасно, но полагаться на помощь Божию, ибо «все пути Господни – милость в истина»³⁶ – различаются своим завершением. И, в самом деле, благодатная и невыразимая воля Господня не различает ничто другое, кроме того, что подобает по справедливости. Никто из вышеупомянутых святых не был столь безупречен, что имел бы высшее милосердие. Ибо никому не было достаточно прибавления Божественных благ настолько, чтобы всегда преизобиловало то благое, что вооруженный Божественной помощью ум желал бы понимать и делать. Потому никто не должен отчаиваться о величине своих неправд, как Господь сказал в другом месте: «не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был»³⁷. Следует, однако, с поспешностью принять, как целительное лекарство, обращение к Богу, чтобы не прошло без пользы время улучшения и исправления, ибо никому из нас не известен последний день нашей земной жизни. И потому приворим слух сердца к правдивым речениям Павла, когда он говорит: «Отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно»³⁸, Ибо ни одно деяние Господа нашего Иисуса Христа не лишено милосердия, когда Он

³⁵ Ср. Мф 22:20-22; Мк 12:16-17; Лк 20:24-25.

³⁶ Пс 24:10.

³⁷ Иез 33:11.

³⁸ Рим 13:11-12.

заботится о человеке как снисходительностью, так и наказанием, и милосердно готовит ему временное тяжелое испытание, чтобы тот по справедливости не навлек на себя вечной кары. И потому да не пребывает никто в бездействии на пути сей жизни, чтобы не потерять приятнейшего места в Небесном Отечестве. По этой причине тот, кто по доброй воле ищет Бога, в Котором вершина всех благ и Который содержит в Себе все дарования и совершенства, ничего другого не ищет, кроме вечной радости на небесах. Итак, будем искать Господа, как сделал этот вот блаженный раб Божий, и за какое деяние увенчивается пред лицом Бога и людей. Будем искать Его при помощи орудий, которыми мы можем Его найти, а именно: любовью к Богу и ближнему, раздачей милостыни, частым посещением церкви и непрестанными молитвами и, с Божией помощью, постоянным сопротивлением диавольским силам, ибо диавол нападает вновь и вновь еще и в различных событиях сей конечной жизни, подобно круговращению мира. В сей жизни никто не имеет небесных радостей. Но от сотворения мира до наших дней многие уклоняются с пути истинного по причине невежества, ибо среди многих волнений и козней нелегко знать и любить Бога. Потому сделаем так, как говорит пророк: «Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко. Да оставит нечестивый путь свое и беззаконник – помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив»³⁹. Итак, без конца ищите благо, и упорствуйте в найденном; ибо бесспорно, что истинное блаженство зависит от Всевышнего Бога, чему ни в коей мере нельзя противоречить. Ибо человеку невозможно ни охватить умом, ни выразить речью все устройство Божественного деяния. Да придет время, когда то, что мы делаем лишь наружно, стяжаем по существу дел. Этого же мы коснулись вскользь и кратко. Впрочем, что может быть блаженнее и что спасительнее, чем служить Богу, Который правит кораблем мира, как Великий Кормчий, и «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины»⁴⁰ до тех пор, конечно, когда наступит день Всеобщего Суда, и мы, радостные по причине наших добрых дел и защищенные Божиим покровом, удостоимся принять вечное блаженство вместе со святыми. [Аминь].

³⁹ Ис 55:6-7.

⁴⁰ | Тим 2:4.

МОЛИТВА СВ. ВИГБЕРТУ

К нам день святого Вигберта
Приходит удивительный,
Христом хранимых Пастырем,
Нас светом просвещающий.
Господень исповедник сей.
Смиранный духом праведник,
Кому Христос предсказывал,
Что Рая удостоится.
Его прошеньем, верится,
Достигнем Царства Божия,
Коль будем почитать Того,
Чей трон, стоит на ангелах,
На херувимах зиждется,
На серафимах зиждется,
И Кто полки небесные
Ведет Своею властью,
И Тот, Кто Сам избавил нас
От адского мучения
И от сетей диавольских
Упас хоругвью крестною.
Святого исповедника
За нас молиться просим мы,
Чтобы Господь, Царь ангелов,
Простил нам прегрешения.
О пастырь благодетельный,
Вступи за клир свой преданный.
Твои веленья добрые
Искупят наши немощи.
Спаситель наш, ослаби нам,
Прости нам преступленья
Заступничеством Вигберта,
Подвижника преславного.

SUMMARIES

Michael V. Bibikoff

Byzantine *AION* in the dialogue with time: ontology of eternity

The author analyses the notion of '*AION*' as used in 'Encomy to the Emperor Constantine' by Eusebius of Cesaria. It is shown that such categories as 'age', 'eternity', or 'era' do not cover all meanings of this category in the Byzantine system of time and space. Age-eon is to be understood as a given fact and should not be placed within the framework of logical categories and temporal notions of the past, the present and the future. Eusebius attempted at incorporating the cosmogony based on the cult of Eon into the Orthodox Christology. The accepted views on the transition from cyclical idea of time to the linear one at the Late Antiquity therefore should be qualified since Eusebius clearly desired to unite cyclical time with the linear one of Jewish and Christian tradition.

Valeriy V. Petroff

Origen and Didymus on the Soul's Subtle Body

The teaching on the human soul's subtle luminous body in Alexandrian Christian Platonists is under consideration. The teaching is shown to have originated and developed in the philosophy of Antiquity. It is argued that the declared absence of the soul's body in Origen does not suggest its privation of the subtle luminous body but merely the absence of the earthly one. The extant writings of Origen are analyzed together with the witnesses of Pamphil, Jerome, Methodius of Olympus, and Procopius of Gaza. Didymus of Alexandria's doctrine (depending on that of Origen) is investigated to clarify Origen's own views on the subject. It is argued that the teaching on the soul's luminous body makes clear Origen's theory of the bodily eidos.

Maya S. Petrova

Einhard's Literary and Historical Sources

The article's first part studies Svetonius' "Life of the Twelve Caesars" as the source for Einhard's "Life of Charlemagne": What particularly Einhard borrows from Svetonius, to what extent he depends on him, what are the textual parallels between the two works, whether Einhard preserves the genuine context of the lines borrowed. The conclusion is that Einhard's dependance on Svetonius is significant (47 instances of textual parallels). The second part treats Einhard's dependance on medieval text, particularly on "The Francish Annals": both in its earlier redaction (8 instances of textual parallels) and the late one which is known under the title "Annales qui dicuntur Einhardi" (35 instances).

The conclusion is that Einhard is an innovator as an author of a secular biography since medieval biography mostly belongs to the spiritual genre of "saints lives".

Anna Yu. Seregina

Ancient Historians in English Polemical Writings of the late 16-early 17th centuries.

The rise of polemical literature at the age of Reformation resulted in the increasing interest of the intellectual elites towards history. Historical examples became one of the ways to communicate sometimes intentionally obscure meaning of the text. By the end of the 16th c. the 'canon' of historical examples was formed in respect to all major themes of debates. References to Antiquity were prominent in polemical texts. This article deals with uses of Livius and Tacitus in the texts written by English Catholics Robert Persons and Thomas Fitzherbert that had never been studied in this context (although the use of ancient historians by the English authors of the 16th and early 17th cc. have been analyzed recently). It is shown that the Catholic writers demonstrate two different ways of using texts by Livius and Tacitus: while Persons preferred to explore the monarchomach potential of Livius and used citations from Tacitus in the same vein, Fitzherbert read Livius and Tacitus as authorities in matters of politics.

Victor Yu. Apryschenko

Sir John Clerk Penicuik and the Crisis of Scottish Identity in the First Half of the XVIII-th Century

The article is devoted to the shaping of idea of "Scotland" after Anglo-Scottish Union of 1707. It was a critical period of Scottish history when the essential principals of the new identity and historical memory were formed. The idea of Scottish past was the main concept of Scottish antiquarianism during the 18th c. It was a great project of "construction of the past", where a present situation of Scotland inside Britain should be explained by the facts of the history. It created a new image of Scotland in British history, which was not exactly truthful but showed the heroic past of the nation.

John Clerk Penicuik (1676-1755) was one of the architects of this new identity. His works - essays on the Union and History of the Union, and his observations on Scottish affaires, - demonstrated a new Scottish Past, where struggle with England was replaced by cooperation with the magnificent neighbor. New historical memory was based on the belief in the benefits of such contacts, and the Union of 1707 was presented not as a "National Tragedy" but as a "National Success".

Yuri Zaretsky

European Individual in Historical Writing

Alongside industrialization, secularization, and rationalism, individualism is commonly recognized as one of the sources of modern

Western civilization. Its various facets have been debated for almost a century and a half by different branches of the humanities and social sciences, and still remain an issue today. The paper aims to explore the major trends and shifts of these debates in historical writing as well as several different "histories of the individual."

The study investigates: a) under what circumstances the notions of *individual*, *person*, *self* and *subject* have formed a part of European historical scholarship; b) what models and metaphors historians have used for describing the beginning of individualism in Western history; and c) what developments these notions and models underwent over time. In this investigation special emphasis is placed on the recent shift in approach to the topic under the influence of the post-classical concept of subjectivity and on the "history of the individual" in Russian historiography.

The general perspective for the inquiry is based on the assumption that major turns in approach to mapping the individual in historical writing have been stirred up by "external" epistemological influences and that framing these turns in a broader context of changes in the humanities and social sciences could provide new clues to explain both past developments and the present state in the study of the topic.

Valeriy P. Lyubin

Discussions of Totalitarianism in Germany, Italy and the USSR

The author of the article attracts attention to the ongoing discussion of Russian and foreign scholars about three dictatorships: - that of Hitler, Mussolini, and Stalin. It is concluded that study of the totalitarian past of the USSR, Germany and Italy is especially important in Russia where an ultimate choice of ways of political development in the future has not yet been made after the decades of Communist rule.

Evgeniy E. Savitskiy

Historian's Pleasure and the Feeling of Liberty in the Historiography of the 1990s

Of all the contemporary explanations of why historians do study history only one seems to be taken seriously by everyone: it is historian's pleasure. The article is an apology of another kind of emotions, namely of anger, rage, hate, fury, disgust, which are feelings of the marginal and oppressed groups of the modern society, not allowed to express their protest by the dialogical ethics and semiotic order of multiculturalism. This senseless (nonsemiotic) negativity in dealing with the past must be opposed to the therapeutical function of the present-day historiography, looking for remedies against revolutionary "traumas" (in the East as well as in the West of Europe).

Olga S. Porshneva

Potentialities of interdisciplinary approach for realization of the tasks of intellectual history

A radical transformation of historical methodology in the second half of the 20th century took place under the influence of interrelated tendencies in social sciences and humanities: growing significance of the anthropological approach, interdisciplinary cooperation and intellectual "postmodernism challenge". It led to a new understanding of historical research object related to human activity, consciousness, behavior, cultural practices that have to be studied in the context of social interaction. Contemporary intellectual history is one of the new historiography spheres that have been formed as a result of these trends on the basis of cross-fertilization of intellectual and cultural history ideas and tools. It has focused its interest not only on the studying of different forms of intellectual individual's activity, but also on its social and cultural context, intellectual culture as a phenomenon of particular epoch. The goals of such investigation could be obtained on the basis of methodological synthesis of approaches which have defined conceptual models and paradigms of related social sciences and humanities, by mastering methods of cultural anthropology, psychology, linguistics and other disciplines. The study of human consciousness should be conducted by the means of inquiry and interpretation of a solid source base. The pluralism of methods is also determined by a diversity of types of sources used.

Anna V. Stogova

Metamorphoses of *Amitié Tendre*: Writing and Reading Novels in the 17th Century France.

The article concerns with the well-known to the specialists on the French culture notion of *amitié tendre* and with the different forms of it existing: in the circle of Madeleine de Scudéry, in the text of her novel "*Clélie*" and in the texts of her contemporaries after publishing the novel. The author emphasizes the transformation (and enlargement) of the meaning of *amitié tendre* from pure friendship to various forms of love and to reveal some reasons for it. These reasons deal both with the text of the "*Clélie*" itself and with some outward factors like the influence of different literary traditions, cultural and historical contexts or the peculiarities of novel's perception in the 17th century.

Valentina B. Shepeleva

Revolutionary-democratic alternative on the cross between Tsarist Russia and Stalin's Russia

The article is dedicated to the problem of alternatives of historical process in Russia in 1917-1953 with special attention to the so-called revolutionary-democratic alternative. The problem is considered in the context of contemporary historiographical situation and theoretical and methodological searches.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

Л.П. Репина

Опыт междисциплинарного взаимодействия
и задачи интеллектуальной истории.....5

Идея Времени

М.В. Бибииков

Византийский Эон
в диалоге со временем: онтология вечности.....15

Интеллектуальные традиции от Античности до Модерна

В.В. Петров

Ориген и Дидим Александрийский о тонком теле души.....37

М.С. Петрова

Литературные и исторические источники Эйнхарда.....51

А.Ю. Серегина

Античные историки
в английской полемической литературе
конца XVI – начала XVII века.....77

В.Ю. Апрыщенко (Ростов)

Сэр Джон Кларк Пеникуик
и кризис шотландской идентичности
в первой половине XVIII века.....91

Споры историков

Ю.П. Зарецкий

Европейский индивид в историческом знании.....110

В.П. Любин

Дискуссии о тоталитаризме в Германии, Италии, СССР.....150

Е.Е. Савицкий

Удовольствие от прошлого и
историографическая постреволюционность
(к дискуссиям 1990-х годов).....179

Перспективы интердисциплинарности

О.С. Поршнева (Екатеринбург)

Возможности междисциплинарного подхода
в реализации задач интеллектуальной истории.....210

<i>А.В. Стогова</i>	
Метаморфозы «нежной дружбы»: к вопросу о создании и восприятии романов в XVII веке	223
<i>Лиза Заншайн (США)</i>	
Теория психических состояний и экспериментальная репрезентация художественного сознания	263
<i>В.Б. Шепелева (Омск)</i>	
Революционно-демократическая альтернатива на переломе от России царской до России сталинской	293
Интервью	
Интервью с Рейнхардом Козеллеком.....	326
Публикации	
<i>М.С. Неклюдова</i>	
Антуан Варийас, "писатель анекдотов".....	341
<i>Антуан де Варийас</i>	
Флорентийские анекдоты, или Тайная история дома Медичи.....	360
<i>М.Р. Ненарокова</i>	
Луп из Ферье и его Житие Св. Вигберта.....	380
Summaries	404
Содержание	408
Contents	410

CONTENTS

Foreword

<i>L.P. Repina</i> Experience of interdisciplinary exchange and the tasks of intellectual history.....	5
--	---

Idea of Time

<i>M.V. Bibikoff</i> Byzantine <i>AIΩN</i> in the dialogue with time: ontology of eternity.....	15
---	----

Intellectual Traditions: from Antiquity to Modernity

<i>V.V. Petroff</i> Origen and Didymus on the Soul's subtle body.....	37
<i>M.S. Petrova</i> Einhard's literary and historical sources.....	51
<i>A. Yu. Seregina</i> Ancient historians in English polemical writings of the late XVII-th – early XVIII-th centuries.....	77
<i>V. Yu. Apryschenko</i> Sir John Clerk Penicuik and the crisis of Scottish identity in the first half of the XVIII-th century.....	91

Historians' Debates

<i>Yu. Zaretsky</i> European individual in historical writing.....	110
<i>V.P. Lyubin</i> Discussions of totalitarianism in Germany, Italy and the USSR.....	150
<i>E.E. Savitskiy</i> Historian's pleasure and the feeling of liberty in the historiography of the 1990s.....	179

Perspectives of Interdisciplinarity

<i>O.S. Porshneva</i> Potentialities of interdisciplinary approach for realization of the tasks of intellectual history.....	210
<i>A.V. Stogova</i> Metamorphoses of <i>Amitié tendre</i> : writing and reading novels in the XVII-th-century France.....	223

Lisa Zunshine
 Theory of mind and experimental representations
 of fictional consciousness.....263

V.B. Shepeleva
 Revolutionary-democratic alternative on the cross
 between Tsarist Russia and Stalin's Russia.....293

Interview

Interview with Reinhard Koselleck.....326

Publications

M.S. Nekludova
 Antoine de Varillas, "writer of anecdotes".....341

Antoine de Varillas
 Les Anecdotes de Florence,
 ou l'Histoire secrete de la Maison de Medicis
 translation and comments by M.S Nekludova.....360

M.R. Nenarokova
 Lupus Ferrariensis. Vita S. Wigberti.....380

Summaries.....404

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Релина Л. П. (ред.) Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1–14.

История России

Зинченко А. В. История России (IX–XX вв.) в таблицах и схемах.

Ельянов Е. М. Иван Грозный — созидатель или разрушитель?

Ильичев А. Т. Справочник по русской истории. Киевская Русь.

Кистерев С. Н. (ред.) Очерки феодальной России. Вып. 1–8.

Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.

Тимошина Л. А. (ред.) Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в.

Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного.

Юртаева Е. А. Государственный совет в России (1906–1917 гг.).

Михалева В. М. и др. (ред.) Реввоенсовет Республики. 1920–1923.

Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг.

Калинин Л. А. Интервью со Сталиным.

Стигнеев В. Т. Век фотографии. Очерки истории отечественной фотографии.

Робертс Дж. Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю.

Цимбаева Е. Н. Исторический анализ литературного текста.

Мировая история

Чудинов А. В. (ред.) Французский ежегодник. 2000–2004. Вып. 1–5.

Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794.

Варьяш И. И. Правовое пространство Ислама в христианской Испании XIII–XV вв.

Журавлев И. В. Подготовка воинов Аллаха (VI–XIII вв.).

Фрикке В. Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста. Пер. с англ.

Кулаковский П. А. Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе.

Макарова И. Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв. (этнокультурное исследование).

Бароха Х. Каро. Баски. Пер. с исп.

Михайлов О. В. Антология полузабытых тайн.

Строганов А. И. Страницы истории Латинской Америки. XX век.

Рыбин А. И. В поисках Атлантиды: исследование мифов и легенд.

Рыбин А. И. В поисках Атлантиды: исследование географии и геологии.

Кортаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:

тел./факс (095) 135–42–16, 135–42–46

или **электронной почтой** URSS@URSS.ru

Полный каталог изданий представлен

в **Интернет-магазине:** <http://URSS.ru>

**Научная и учебная
литература**

Представляем Вам наши лучшие книги:

Археология

- Щапова Ю. Л.* Археологическая эпоха (хронология, теория, модель).
Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории.
Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.).
Флерова В. Е. Граффити Хазарии.
Исланова И. В. Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья.
Рындина Н. В. Древнейшее металлообработ. производство Юго-Восточной Европы.
Алексеева Е. М. Античный город Горгишия.
Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ.
Андрюшайтите Ю. В. И. П. Лаптев: У истоков отечественного филиграноведения.
Богданов А. П. Основы филиграноведения. История, теория, практика.
Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи.
Гришин И. В., Клецинов В. Н. Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.).
Гришин И. В., Клецинов В. Н. Каталог русских средневековых монет времени единоличного правления царя Петра Алексеевича (1696–1717 гг.).
Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В. Клады античных монет на юге России.
Фролова Н. А., Абрамзон М. Г. Римские монеты в собрании ГИМ. Каталог. Ч. I, II.
Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в.н.э. — середина IV в.н.э.). Ч. I, II.
Серия «Академия фундаментальных исследований»
Шрадер О. Индоевропейцы.
Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.
Нейгебауер О. Точные науки в древности.
Юревич В. А. Астрономия доколумбовой Америки.
Шереметевский В. П. Очерки по истории математики.
Митрофанов П. История Австрии.
Тирле Е. В. История Италии в средние века.
Лависс Э. Очерки по истории Пруссии.
Добиаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов. Общий очерк.
Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории английского государства и общества.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства.
Авенариус Р. О предмете психологии.
Шнет Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольта).
Флоренский П. А. Мнимости в геометрии: расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей).
Серия «История лингвофилософской мысли»
Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли.
Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа.
Радченко О. А. Язык как мирозидание.
Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей.
Юрченко В. С. Очерки по философии языка и философии языкознания.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

История философии

Джохадзе Д. В., Джохадзе Н. И. История диалектики. Эпоха античности.

Соколов В. В. От философии Античности к философии Нового Времени.

Соколов В. В. Средневековая философия.

Зубов В. П. Аристотель. Человек. Наука. Судьба наследия.

Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди.

Койре А. Очерки истории философской мысли.

Шишков И. З. Современная западная философия. Очерки истории.

Юлина Н. С. Очерки по философии в США. XX век.

Юшкевич П. С. Столпы философской ортодоксии.

Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века.

Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике.

Асмус В. Ф. Платон.

Могилевский Б. М. Платон и сицилийские тираны. Мудрец и власть.

Могилевский Б. М. Природа глазами физика.

Серия «*Bibliotheca Scholastica*». Под общ. ред. *Апполонова А. В.* Билингва: параллельный текст на русском и латинском языках.

Вып. 1. *Бозций Дакийский.* Сочинения.

Вып. 2. *Фома Аквинский.* Сочинения.

Вып. 3. *Уильям Оккам.* Избранное.

Вып. 4. *Роберт Гроссетест.* Сочинения.

Культурология

Преображенский П. Ф. В мире античных образов.

Преображенский П. Ф. Тертуллиан и Рим.

Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада.

Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества.

Моль А. Социодинамика культуры.

Заховаева А. Г. Искусство: социально-философский анализ.

Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса.

Петров М. К. Язык, знак, культура.

Евин И. А. Искусство и синергетика.

Фриче В. М. Социология искусства.

Афасижев М. Н. Изображение и слово в эволюции художественной культуры.

Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность.

Шукуров Ш. М. Образ человека в искусстве ислама.

Гамзатова П. Р. Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве.

Мазаев А. И. Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.).

Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг.

Серия «Учебники и учебные пособия по культуре и искусству»

Быховская И. М. (отв. ред.) Основы культурологии.

Шуленова Э. А. (отв. ред.) Основы музееведения.

Разлогов К. Э. (отв. ред.) Новые аудиовизуальные технологии.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Архитектура

- Хан-Магомедов С. О.* 100 шедевров советского архитектурного авангарда.
Анисимов А. В. Венеция. Архитектурный путеводитель.
Новиков Ф. А. Зодчие и зодчество.
Семенов Вл. Благоустройство городов.
Бодэ А. Б. Поэзия Русского Севера.
Бодэ А. Б. Деревянное зодчество Поонежья.
Савченко М. Р. Архитектура как наука: методология прикладного исследования.
Архитектура в истории русской культуры. Отв. ред. *Бондаренко И. А.*
Вып. 2: Столичный город; Вып. 3: Желанное и действительное;
Вып. 5: Стиль ампира; Вып. 6: Переломы эпох.
Архитектурное наследие. Вып. 43–46.
Попадюк С. С. Неизвестная провинция. Историко-архитектурные исследования.
Попадюк С. С. Теория неклассических архитектурных форм.
Рыцарев К. В., Щенков А. С. Европейская реставрационная мысль в 1940–1980-е годы.
Кириллов В. В. Архитектура «северного модерна».
Кириллов В. В. Архитектура Москвы на путях европеизации.
Лебедева Г. С. Новейший комментарий к трактату Витрувия.
Серия «Из истории архитектурной мысли»
Витрувий. Десять книг об архитектуре.
Михаловский И. Б. Теория классических архитектурных форм.
История науки
Сурина А. В., Панов М. И. (ред.) Судьбы творцов российской науки.
Бонгарда-Левин Г. М., Захаров В. Е. (ред.) Российская научная эмиграция.
Реньи А. Диалоги о математике.
Тодхантер И. История математических теорий притяжения и фигуры Земли...
Архимед, Гюйгенс, Лемандр, Ламберт. О квадратуре круга.
Ожигова Е. П. Развитие теории чисел в России.
Гнеденко Б. В. О математике.
Гнеденко Б. В. Очерк по истории теории вероятностей.
Гнеденко Б. В. Очерки по истории математики в России.
Харди Г. Г. Апология математика.
Григорян А. А. Закономерности и парадоксы развития теории вероятностей.
Орем Н. О соизмеримости или несоизмеримости движений неба; *Зубов В. П.* Трактат Бравдвардина «О континууме».
Богуш А. А. Очерки по истории физики микромира.
Хайтун С. Д. История парадокса Гиббса.
Харгиттаи И. Откровенная наука. Беседы со знаменитыми химиками. Пер. с англ.
Золотов Ю. А. Химики в других областях или на других Олимпах.
Есаков В. А. Очерки истории географии в России как науки. XVIII – начало XX века.
Кондрашов Н. А. История лингвистических учений.
Томсен В. История языковедения до конца XIX века.
Аппатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Серия «История языков народов Европы»

Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка.

Тронский И. М. Общенноевропейское языковое состояние.

Бруннер К. История английского языка.

Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка.

Бах А. История немецкого языка.

Мейе А. Основные особенности германской группы языков.

Доза А. История французского языка.

Браше О. Историческая грамматика французского языка.

Бурсье Э. Основы романского языкознания.

Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков.

Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии.

Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка.

Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей.

Шшимарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании.

Григорьев В. П. История испанского языка.

Гуйер О. Введение в историю чешского языка.

Ананьева Н. Е. История и диалектология польского языка.

Серия «Школа классической филологии»

Тронский И. М. История античной литературы.

Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе.

Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка.

Эрну А. Историческая морфология латинского языка.

Шантрен П. Историческая морфология греческого языка.

История письма

Фридрих И. История письма.

Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков.

Дирингер Д. Алфавит.

Струве В. В. Происхождение алфавита.

Гельб И. Е. Опыт изучения письма. Основы грамматики.

Чегодаев М. А. Папирусная графика Древнего Египта.

Папина А. Ф. Происхождение славянской письменности.

Тел./факс:

(095) 135-42-46,

(095) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

http://URSS.ru

Наши книги можно приобрести в магазинах:

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (095) 925-2457)

«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (095) 203-8242)

«Москва» (м. Охотный ряд, ул. Тверская, 8. Тел. (095) 229-7355)

«Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (095) 238-5083, 238-1144)

«Дом деловой книги» (м. Пролетарская, ул. Марсистская, 9. Тел. (095) 270-5421)

«Гнозис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (095) 939-4713)

«У Кентавра» (РГТУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (095) 973-4301)

«СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 311-3954)